This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

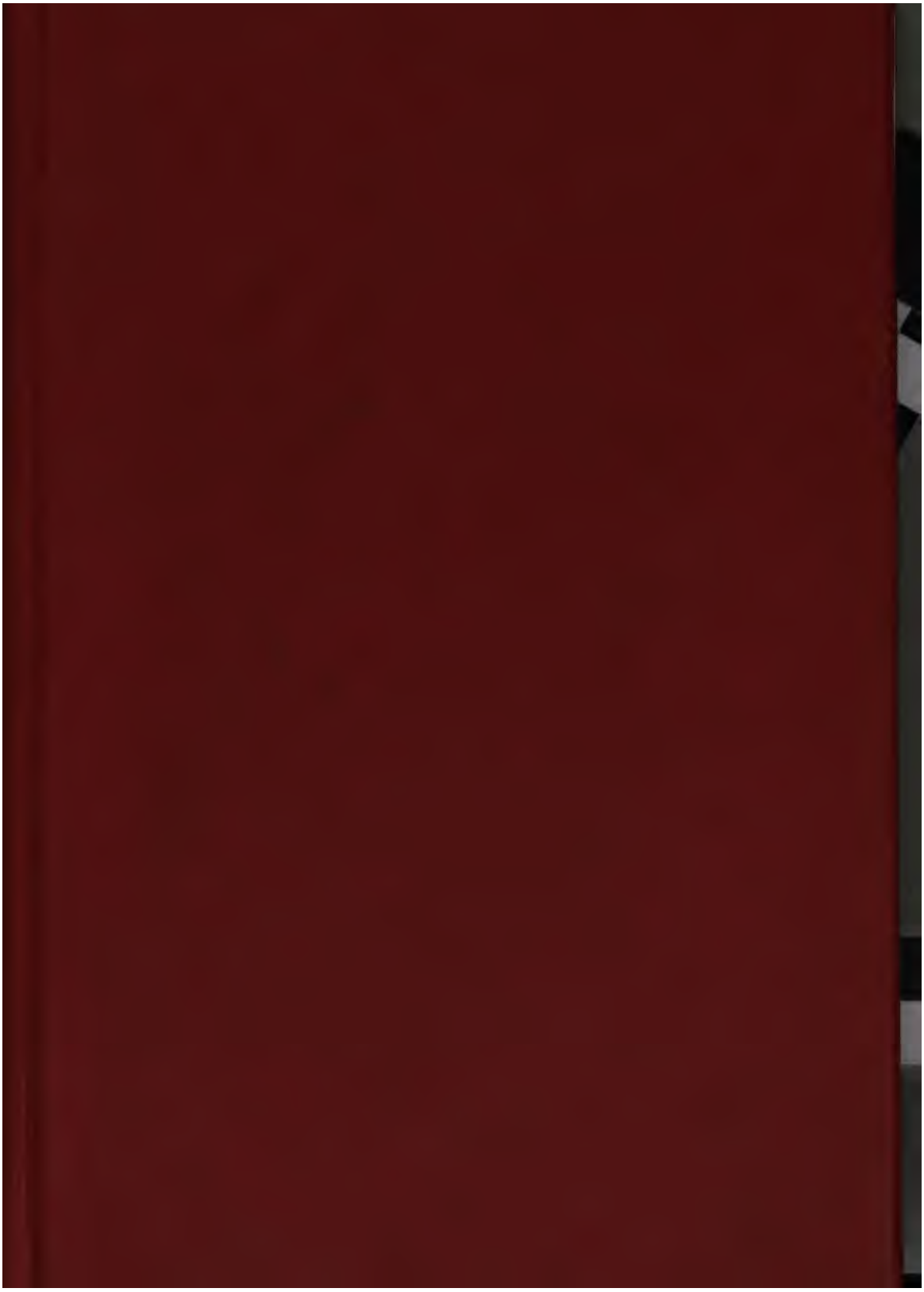
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
NOV 11 1969
AP50
N33
v.3:6

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРЕТІЙ. ІЮНЬ. 1884 ГОДЪ.

1492 ака

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. Въ Алуштѣ. (Крымскія акварели). **Д. И. Стахѣева.** . 3

II. Передъ выборами мировыхъ судей въ Петербургѣ. (Окончаніе). **Е. П. Карновича** . . 14

III. Англія и Ирландія. (Статья **Джемса Брайса**). . . . 28

IV. Въ тиражъ погашенія. Разсказъ **И. А. Борисова** . . 60

V. Утѣха жизни. Романъ **Эмиля Золя.** (Окончаніе) 100

VI. Въ борьбѣ. Стихотвореніе **А. В. Круглова** 192

VII. Картины петербургскихъ нравовъ. II. Семейныя драмы. **В. О. Михневича** . . 193

VIII. Несчастный. Стихотвореніе **Ив. Якунина** 215

IX. По Италіи. XVI — XVIII. **Д. Л. Мордовцева** . . . 216

X. *Уйди туда...* Стихотвореніе **Н. Познякова** 240

XI. Мать. Разсказъ **Ф. Мэрріэтъ.** 241

Стр.

Современное Обозрѣніе.

XII. Заграничныя письма **И. Денисова.** 1

Современное состояніе прессы въ цивилизованныхъ странахъ.—Новѣйшія статистическія данныя на этотъ счетъ. — Англійская печать.—Газеты въ Англіи.—Обиліе въ нихъ объявленій.— Диктатура editor'овъ. — Эра телеграфныхъ корреспонденцій и спеціальныхъ проволокъ.—«Daily News» и Арчибальдъ Форбсъ.—Созданіе новостей.—Газетныя предпріятія съ репортерскими цѣлями.—Ухищренія корреспондентовъ. — Монополія «левіафановъ» лондонской прессы.—Безличіе ежедневныхъ англійскихъ изданій. — Вечерняя пресса. - Еженедѣльные органы.—Ихъ политическое значеніе. — Мѣсячныя и трехмѣсячныя „обозрѣнія“ или журналы. — Провинціальная печать.—Ея соперничество со столичною. — Участковая пресса въ городахъ.—„Магазины“.— Статистика англійской печати. - Поло-

(См. на оборотѣ).

Стр.

женіе журналиста въ Англіи. — Господство анонима.—Литературный гонораръ.

XIII. Наши внутреннія дѣла. . 18

Отношеніе русскаго общества къ комисіи для составленія проэктовъ мѣстнаго управленія въ моментъ ея учрежденія и черезъ годъ послѣ этого.—«Памѣтки» и законопроэктъ мѣстнаго управленія.—Необходимыя условія для успѣшной выработки законопроэктовъ этого рода. — Значеніе дореформеннаго состоянія окраинъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи и необходимость переустройства управленія по всей территоріи государства.—Совмѣстительство государственной службы съ частными занятіями въ финансово-промышленныхъ предпріятіяхъ. — Значеніе и послѣдствія этого совмѣстительства.—Желѣзнодорожное дѣло вообще и „главное общество желѣзныхъ дорогъ“ въ частности.—Мнимыя и дѣйствительныя причины катастрофы 13-го мая и истинные ея виновники.—Петербургскій водопроводъ, какъ неудачное персиначиваніе водовозной системы.—Назидательная исторія замѣны обязательныхъ центральныхъ фильтровъ никуда негодными цистернами. Безуспѣшная борьба старой думы съ водопроводчиками.—Отношеніе къ водопроводному дѣлу новой думы.—Отступленія отъ основнаго водопроводнаго закона въ пользу водопроводчиковъ и во вредъ столичному населенію.—Судебный процессъ между городомъ и водопроводчиками.—Двойственный характеръ въ рѣшеніи суда по этому предмету.—Слухи объ іудахъ-предателяхъ и нѣсколько заключительныхъ словъ по поводу предательства и совмѣстительства.

XIV. Политическая хроника. . . 40

Посредственность въ политикѣ.—Гамбетта и Жюль Ферри.—Прошедшее главы Франціи. — Новые люди и новый порядокъ дѣлъ.—За что ненавидятъ Ферри?— Его внѣшняя политика.—Законъ о разводѣ.—*Пересмотръ конституціи.—Принцъ Наполеонъ—республиканецъ.—Парижскіе коммунары.—Динамитные взрывы въ Лондонѣ.*

Стр.

мѣ.—Девизъ „восьми часовъ“.—Антиеврейскіе безпорядки въ Лимерикѣ.—Эмиграціонныя продѣлки.—Канадскіе рабочіе и маркизъ Лорнъ.—Водопроводный вопросъ въ Лондонѣ. — Выговоръ англійскому правительству.—Недовольство Гладстономъ и шаткость его внѣшней политики.—Мервъ и границы Индіи.—Неизбѣжность присоединенія къ Россіи афганскаго Туркестана. — Положеніе Индіи подъ властью англійскихъ чиновниковъ. — Процессъ Крашевскаго.—Германскій канцлеръ и русскій нигилизмъ.—Нѣмецкій и бисмарковскій соціализмъ. — За что канцлеръ нелюбитъ прогрессистовъ? — Рабочій и колоніальный вопросъ въ Германіи.—Неудачныя претензіи владычицы морей.

XV. Новыя книги: 1) **Мольеръ.** Собраніе сочиненій, въ 3-хъ томахъ, съ біографіей, составленной *А. Веселовскимъ.* Спб. 1884 г. 2) **Наслѣдственность душевныхъ свойствъ.** *Т. Рибо*, переводъ подъ редакціей *Черемшанскаго.* 1884 г. 3) **Эолова арфа.** Стихотворенія *Л. К. Нервина.* Москва. 1884 г. 4) *Можіевскій, Ш. Б.* **Цѣнность жизни.** С.-Пб. 1884 г. 5) *Гротъ Н. Я.* **О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній,** (публичная лекція). Одесса, 1884 г. 6) *Сумцовъ, Н. Ѳ.* **Князь В. Ѳ. Одоевскій.** Харьковъ. 1884 г. 57

XVI. Научная хроника. **И. Д.** . 67

Смерть химиковъ Ж. Б. Дюма и Вюрца. Ихъ жизнь, ученыя заслуги и значеніе въ наукѣ.—Сгущеніе „постоянныхъ“ газовъ.—Работы Р. Пикте, Кальете, Врублевскаго и др.—Сгущеніе кислорода, окиси углерода, водорода.—Жидкій и твердый азотъ. — Результаты работъ Пастёра по вопросу о собачьемъ бѣшенствѣ.—Предохраненіе отъ зараженія бѣшенствомъ.—Методъ лѣченія бѣшенства.—Правительственная комисія для провѣрки опытовъ Пас-

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

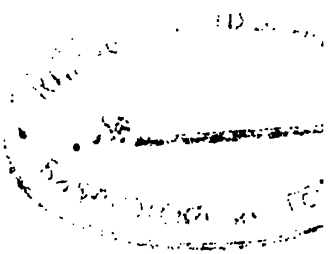
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 6-й. ІЮНЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1884.

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1884 ГОДУ (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: *профес. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій* (Буква), *Е. А. Вернеръ, Вологдинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, И. Н. Денисовъ, Ю. Г. Зависпцкій, проф. А. И. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. Ѳ. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Круповъ, Н. С. Курочкинъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергіевичъ, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		**За полгода:**	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. .	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи .	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	16 р.	Съ пересылкою за границу. .	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **16 р. с.**, получаютъ,—кромѣ годоваго экземпляра „*Наблюдателя*“,—„**Сборникъ иностранныхъ романовъ**“, изд. ред., въ которомъ помѣщены *три* романа: 1) **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса*; 2) **Фостэнъ**, *Э. Гонкура* и 3) **Эгоистъ**, *Вернера*.

Книгопродавцамъ **50** к. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается *разсрочка* по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ ДЛЯ ГГ. СЛУЖАЩИХЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою.	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно*: въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми *изъ своихъ подписчиковъ*, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Экземпляры журнала за 1883 г. выписываются по номинальной цѣнѣ.

Въ Алуштѣ.

(Крымскія акварели).

I.

У древнихъ башенъ.

Алушта—небольшое мѣстечко на южномъ берегу Крыма съ татарскимъ и русскимъ населеніемъ. Отъ Ялты до него сорокъ верстъ, отъ Симферополя сорокъ девять. На той возвышенности, по склону которой лѣпятся теперь бѣдные татарскіе домики съ плоскими крышами и глубокими балкончиками, дающими тѣнь отъ солнца, было когда-то укрѣпленіе, построенное при императорѣ Юстиніанѣ 1-мъ (527—565 г.). Отъ него уцѣлѣли до сихъ поръ двѣ башни и часть стѣны. Такихъ укрѣпленій на Черномъ морѣ, между Судакомъ и Севастополемъ, было въ то время около сорока. Всѣ они составляли общую, систематическимъ порядкомъ устроенную, оборону южнаго берега. Съ сѣверной стороны, при всѣхъ тѣхъ ущельяхъ, чрезъ которыя можно было пробраться изъ степей за горы, находились наблюдательные посты, оберегавшіе жителей южнаго берега, готѳовъ, исповѣдывавшихъ христіанство, отъ нападенія степныхъ сосѣдей — язычниковъ. Развалины укрѣпленій того времени и донынѣ встрѣчаются повсюду — и въ ущельяхъ, составлявшихъ тогда единственный путь на горныя возвышенности, и въ долинахъ, и на склонахъ горъ близь морскаго берега. Всѣ эти развалины— безмолвные свидѣтели давно угасшей жизни, послѣдніе слѣды прошлаго, отдаленнаго отъ насъ тысячелѣтіемъ и почти неизвѣстнаго *исторіи. Какъ трудно* было проникнуть изъ степей на *южный берегъ, такъ равнымъ* образомъ и съ южнаго берега, въ

степи—тоже не было пути. Торговый людъ того времени, всюду искавшій, какъ и въ наши дни, рынковъ для сбыта своихъ товаровъ, пробирался изъ горныхъ странъ въ сѣверныя и изъ сѣверныхъ въ горныя чрезъ Судакъ, до котораго отъ Алушты около восьмидесяти верстъ. Таковъ же былъ путь изъ-за моря въ степи и въ средніе вѣка, когда, по свидѣтельству французскаго посланника, пробиравшагося въ татарскія земли къ Мангу-Хану (1253 г.), между обитателями южнаго берега было еще много готѳовъ, говорившихъ по-нѣмецки. Въ XIV вѣкѣ, готѳовъ на южномъ берегу уже нѣтъ, ихъ замѣняютъ греки и главнымъ образомъ генуэзцы, которымъ, впрочемъ, недолго пришлось на немъ хозяйничать. Турки, овладѣвшіе Константинополемъ, вытѣснили ихъ изъ Тавриды и владѣли ею до кучукъ-кайнарджійскаго мира, заключеннаго въ 1774 году.

Смотря на остатки древняго алуштинскаго укрѣпленія, невольно задумываешься, какъ нѣкогда созидались его могучія стѣны, какъ кипѣла вокругъ нихъ жизнь съ ея вѣчными заботами, радостями и скорбями, и какъ потомъ пришелъ врагъ, предалъ все огню и мечу и сталъ хозяйничать на мѣстѣ побѣжденнаго; а его, въ свою очередь, разорилъ другой и также сталъ властвовать до нападенія третьяго.

«И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ!»

Во время турецкаго владычества надъ южнымъ берегомъ, Алушта составляла крайнюю къ западу деревню Судакскаго кадалыка. Далѣе земли принадлежали кадалыку Мангупскому. Въ ряду береговыхъ укрѣпленій, Алушта замѣчательна тѣмъ, что отсюда къ Судаку крѣпости находились въ близкомъ разстояніи одна отъ другой и въ явной связи между собою. Верстахъ въ девяти отъ Алушты, князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, впослѣдствіи фельдмаршалъ, былъ раненъ пулею на вылетъ въ голову, въ битвѣ съ турками въ 1774 г. На томъ мѣстѣ теперь устроенъ фонтанъ въ память великаго человѣка, о которомъ поэтъ сказалъ:

«*Сей остальной* изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ»...

Чтобы полюбоваться общимъ видомъ на Алушту и ея окрестности, надо пройти изъ деревни по набережной черезъ мостъ и повернуть налѣво вдоль плетня тѣнистаго сада. Направо останется почтовая дорога, уходящая вдаль сѣроватой пыльной полосой, и заброшенное татарское кладбище съ нѣсколькими, уцѣлѣвшими отъ времени, каменными чалмами на могилахъ. Налѣво дорожка идетъ между двумя плетнями на гору и, достигнувъ первой ея площадки, оканчивающейся крутымъ обрывомъ къ морскому берегу, поворачиваетъ направо и уходитъ дальше въ гору. По обрыву наискось пролегаетъ пѣшеходная тропинка внизъ къ морю, узенькая и песчаная, и маленькіе татарчата, въ полинялыхъ красныхъ фескахъ, съ ношами хвороста за спинами, часто отдыхаютъ на ней, склонивъ свои худенькія дѣтскія спины на песокъ.

Видъ съ этой площадки очаровательный. Налѣво—мрачныя горы Бабугана съ мягкими переходами одного хребта въ другой, съ темною зеленью лѣсовъ и съ желтовато-сѣрыми скалами обнаженныхъ вершинъ, блистающихъ на солнцѣ своими каменными черепами. Если смотрѣть на эти горы послѣ полудня, когда солнце, напитавъ жаркими лучами прибрежные виноградники, перейдетъ по небосклону ближе къ западной сторонѣ неба, то хребты Бабугана находятся въ это время въ тѣни, такіе угрюмые и задумчивые, точно подавленные воспоминаніями о своемъ далекомъ прошломъ, когда у подножія ихъ копошилась людская жизнь, давнымъ давно затихшая и оставившая послѣ себя однѣ развалины. Направо — красавица Демерджи съ причудливыми формами скалъ, съ грозными замками и нерукотворными башнями и бастіонами на окраинахъ ея вершины. Освѣщенная солнцемъ, яркая, блещущая разнообразіемъ цвѣтовъ и тѣней, она вся красива, начиная съ самой вершины своихъ башенъ вплоть до подножія, плоскими холмами спускающагося къ морю. Послѣ бури, когда тучи, разбившись на отдѣльныя группы и разсѣиваясь по небу, спустятся ниже вершинъ Демерджи, грозные замки ея, выступая изъ облаковъ, производятъ на зрителя чарующее впечатлѣніе, точно вдругъ открывается какое-то видѣніе заоблачнаго міра, недоступнаго *намъ, жалкимъ* обитателямъ земли.

Въ срединѣ между этими двумя хребтами горъ, высится Чатырдагъ, далеко видимый съ моря и со степей. Красивъ онъ по утрамъ, когда солнце, только что выкупавшись въ синихъ волнахъ моря, броситъ на него свои яркіе лучи! Какимъ матово-розовымъ огнемъ онъ весь озарится, и долго, долго, пока солнце поднимается надъ моремъ, онъ кажется въ пламени, и пламя это идетъ точно изъ самой его сердцевины, точно раскалило его насквозь, а съ вершины горы, по мѣрѣ того, какъ солнце поднимается надъ моремъ, начинаютъ тоже подниматься въ путь густыя массы облаковъ, ночевавшихъ тамъ съ вечера до утра, и ползутъ онѣ потомъ по небу, спускаясь дождемъ на землю гдѣ нибудь далеко, далеко въ степи, гдѣ хлѣбные колосья, покачиваясь по волѣ вѣтра, ждутъ ихъ живительной влаги.

Чатырдагъ—величественная гора и поэтъ, вдохновленный ея красотою, справедливо говоритъ:

«Аллахъ-ли тамъ среди пустыни
Застывшихъ волнъ воздвигъ твердыни
Притоны ангеламъ своимъ?..»

Какъ, повидимому, незначительно разстояніе этихъ громадныхъ горъ отъ Алушты; вотъ, вотъ, кажется, взобрался бы на любую изъ нихъ въ какой нибудь часъ времени: такъ отчетливо рисуются онѣ въ чистомъ и прозрачномъ воздухѣ юга; а между тѣмъ на путешествіе до ихъ вершинъ нужно потратить цѣлый день коннаго пути. Нигдѣ на южномъ берегу горы не удалены такъ отъ моря и нигдѣ нѣтъ такой красивой панорамы ихъ, какъ въ Алуштѣ. Въ Ялтѣ, Мисхорѣ, въ Алупкѣ и далѣе, на всемъ пространствѣ южнаго берега, цѣпь Таврическихъ горъ имѣетъ болѣе или менѣе правильную линію и не прерывается на группы; а въ Алуштѣ эта цѣпь оборвана Чатырдагомъ, поднявшимъ свою ровную, какъ крышка стола, вершину высоко надъ окружающими его горными хребтами. Алуштинская долина—самая большая на южномъ берегу; вторая за нею—Ялтинская, гдѣ горный хребетъ уже значительно ближе къ морю, а дальше, на всемъ пространствѣ отъ Ялты до Байдарскаго подъема (гдѣ кончается южный берегъ), уже нѣтъ болѣе долинъ, и всѣ селенія, виноградники, *фруктовые сады и дачи* расположены по горнымъ склонамъ и холмамъ, *которые террасами* спускаются къ морю. Но красота южнаго

берега, разумѣется, не въ однихъ горахъ и не онѣ влекутъ къ себѣ путешественника, а южное солнце, воздухъ и море. Посмотримъ на море. Что̀ въ сравненіи съ ними и Чатырдагъ, и Бабуганъ, и Демерджи! Оно безконечно красивѣе и величественнѣе ихъ. Предъ нами неоглядная даль синевы, съ безконечно-разнообразными переливами тоновъ моря, поражающаго и своей необъятностью, и своимъ грознымъ спокойствіемъ. Внизу, у подножія горной площадки, съ которой мы любуемся этой величественной картиной, немолчно плещетъ морская волна, то тихо перешептываясь съ береговыми камешками, то разбиваясь о нихъ жемчужной пѣной, или, разбушевавшись, идетъ на берегъ грозными, мутными массами.

Эти волны бились когда-то о береговые камни, давно, давно, задолго до временъ тавро-скифовъ, и теперь также бьются и ведутъ то грозные, то мирные разговоры съ берегомъ. Да, правда:

«Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ"...

II.

Послѣ дождя.

Рѣчка Улу-Узень, берущая начало въ вершинахъ горнаго хребта, течетъ между садами, въ тѣни высокихъ черешень, орѣховъ и разнообразной зелени грушевыхъ и яблонныхъ деревьевъ. Она омываетъ подножіе того холма, по склону котораго лѣпятся татарскіе домики, тѣснясь около древнихъ крѣпостныхъ башенъ и спускаясь отъ нихъ террасами внизъ. Въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы рѣчка мелководна. Ея широкое каменистое ложе обнажено. Вода едва-едва сочится между камешками и только кое-гдѣ слышно ея тихое журчанье. Утята, жадные до воды, тоскливо блуждаютъ по ней и пищатъ, точно жалуются, что, не смотря на долговременные поиски, нигдѣ не находятъ такого мѣста, въ которомъ можно бы поплавать. Куры съ цыплятами, напротивъ, разгуливаютъ бодро, разговоры ведутъ веселые, и перебираются по сырымъ и скользкимъ камешкамъ рѣчки съ полнымъ сознаніемъ *безопасности своего положенія*. Имъ дѣла нѣтъ до неудовлетво-

ренной страсти утятъ. Но вотъ вдругъ, точно въ насмѣшку надъ пернатыми гостями, безводная рѣчка начинаетъ прибывать—и нѣтъ уже на ней ни куръ, ни утятъ; даже смѣлые гуси, которыхъ еврей-арендаторъ близь стоящей гостинницы давно уже мысленно превратилъ въ порціи жаркаго, теряютъ присутствіе духа и, махая крыльями, съ крикомъ бѣгутъ отъ предстоящей опасности. Дѣйствительно, опасность растетъ съ каждой минутой; рѣчка разливается во всю ширь своего каменистаго ложа—значитъ, въ горахъ дождь. Потемнѣетъ она, поднимется на аршинъ и болѣе высоты, замутится, зашумитъ и понесетъ свои мутныя воды въ море.

— Чево такова! испуганно кричитъ еврей-арендаторъ гостинницы, кинувшись на крикъ гусей, куръ и утокъ.

Слѣдомъ за нимъ бѣгутъ къ рѣчкѣ жена, взрослая дочь и нѣсколько грязныхъ дѣтей обоего пола. Всѣ они кидаются на помощь спасающимся пернатымъ и преимущественно тѣмъ изъ нихъ, которые по своему маловозрастію не успѣли во-время выбраться изъ рѣки.

— Чипленокъ! ахъ, ахъ! кричитъ глава семьи, махая руками.

—Чипленокъ! кричитъ и его подруга жизни.—Чипленокъ! жалобно кричатъ дѣти, кидаясь къ рѣчкѣ на выручку будущей порціи кушанья.

Море у впаденія рѣчки тоже замутилось и приняло глиняный цвѣтъ. Дельфины, обрадовавшись случаю поохотиться за мелкой рыбой, подплываютъ близко къ берегу десятками и, по обыкновенію, вертятся въ водѣ колесомъ, показывая на ея поверхности свои жирныя спины, плавники и хвосты. Кто нибудь изъ солдатъ таможенной стражи, первый замѣтивъ дельфиновъ, поспѣшно кидается въ казарму за ружьемъ и кричитъ:

— Братцы, дельфинъ! Тащите ружья!

И вотъ изъ казармы, гдѣ въ скукѣ и однообразіи коротаетъ свой вѣкъ десятокъ солдатъ, бѣгутъ нѣсколько человѣкъ съ ружьями и цѣлятся въ дельфиновъ, уловляя моментъ появленія ихъ жирныхъ спинъ надъ водой. Раздается выстрѣлъ. Мимо.

— *Ахъ, волкъ те* заѣшь! упрекаютъ товарищи неудачника. *Рàзи такъ можно! Вотъ* надо какъ! Гляди.

Раздается другой выстрѣлъ — и огромный тучный дельфинъ всплываетъ весь на поверхность воды.

— Вотъ такъ его! слышится изъ толпы собравшихся на берегу зрителей.

Солдаты уже суетятся около лодки, стаскивая ее въ море.

— Мироновъ! веревку! кричитъ кто-то изъ нихъ.—Веревку безпремѣнно нужно, безъ веревки никакъ невозможно!

Въ кучкѣ собравшихся на берегу зрителей слышится разговоръ.

— Да на что имъ этотъ дельфинъ нуженъ? Вѣдь отъ него никакого проку. Жиръ развѣ?

— Да, жиръ, конечно... Вонъ турки пріѣзжаютъ для стрѣльбы дельфиновъ съ той стороны, изъ Азіи.

— Ну, а нашимъ-то солдатамъ дельфинный жиръ на что? Вѣдь онъ только на мазь для машинъ годится, а здѣсь его и продать некому... Стрѣляютъ такъ, отъ скуки.

Спустя полчаса, часъ, солдаты собрались на берегу въ кучку. Кто сидитъ у стѣны около казарменнаго домика, кто лежитъ на землѣ, опершись на локоть. Дождь въ горахъ затихъ, тучи клочьями разсѣялись далеко надъ моремъ и солнце снова ярко свѣтитъ. Солдаты сидятъ въ тѣни, позѣвываютъ отъ скуки и щурятъ глаза, смотря на синюю даль моря. Только одинъ изъ нихъ на ногахъ и не смѣетъ сѣсть: онъ—очередной и находится какъ бы на часахъ; на плечѣ у него обнаженная сабля. Не сиди на скамеечкѣ, по близости отъ нихъ, самъ капитанъ береговой стражи, ихъ единственный и непосредственный начальникъ, тогда и часовой солдатъ вступилъ-бы въ разговоръ съ товарищами. Но старикъ-капитанъ строгъ, усы у него грозные и сѣдые, и глаза его то и дѣло косятся въ ту сторону, гдѣ солдаты. Насчетъ служебныхъ формальностей онъ неумолимъ и не только своихъ солдатъ, но и турокъ-лодочниковъ, занимающихся перевозкою грузовъ и пассажировъ до Ялты и Судака, держитъ въ страхѣ и повиновеніи. Онъ тоже замѣтно скучаетъ и, не безъ унынія въ потухающихъ отъ старости глазахъ, смотритъ въ даль моря. Служба *его скучная и однообразная*,—именно сидѣть у *моря и ждать погоды*, подразумѣвая на этотъ разъ подъ сло-

вомъ погода—контрабанду, которая на южномъ берегу вовсе не практикуется.

Капитанъ посидѣлъ на скамейкѣ, покосился еще разъ-другой на своихъ подчиненныхъ и поплелся тихими старческими шагами вдоль набережной, раздумывая, можетъ быть, о томъ, какъ скоротать время до вечера. Въ группѣ солдатъ, по уходѣ его, стало замѣтно нѣкоторое оживленіе.

— Гляди, гляди, шепчетъ кто-то изъ нихъ, крѣпко толкая товарища въ бокъ кулакомъ,—поплелся.

— Эка, чортъ, какъ двинулъ! отвѣчаетъ пострадавшій отъ толчка и грозно сжимаетъ кулакъ, готовясь къ мщенію.

— Да рàзи я съ сердцовъ! Оглобля осиновая, сейчасъ ужь и норовишь, какъ-бы въ рыло...

— Ну, вы тамъ, эй! громко возражаетъ кто-то, должно быть, изъ старшихъ:—капитанъ только за уголъ повернулся, а вы ужь чуть не въ драку.

— Хе, хе! Это мы такъ, шутя. Неужли мы, Господи Боже мой... Рàзи мы вовсе безъ понятій, что-ли?

Солдатъ, стоявшій на часахъ съ обнаженной саблей, приближается къ группѣ товарищей и, покосившись по направленію къ тому углу, за которымъ скрылась фигура капитана, тихо говоритъ:

— Дай затянуться.

— Ну, ну, гляди... Проворнѣй... Капитанъ чичасъ вернется.

— Нѣтъ, теперича нескоро. Онъ, должно, на почту пошелъ, тамъ проболтается.

Проходитъ нѣсколько минутъ молчанія.

— Ядрёна-же эта самая свинья—страсть! лѣниво замѣчаетъ кто-то, вспомнивъ недавнюю охоту на дельфина.

— Да, штука здоровая. Жиру нагулялъ, ровно-бы купецъ первой гильдіи, али, напримѣръ, попъ.

— Вѣрно. Изъ поповъ да изъ кущовъ жирнаго народу всего больше... Ну только я вамъ скажу, ребята, скучна-же наша жизнь.

— Это ты къ чему клонишь? Давно-ли у жида въ кабакѣ былъ?

— Нѣтъ, я о другомъ. Я такъ вообче говорю, скучно.

— Ишь ты, скучно! вдругъ восклицаетъ кто-то изъ товарищей *громко и сердито*,—а ты который годъ здѣсь?

— *А ты который?*

— То-то и есть, который... Шашнадцатый теноркомъ, замѣглаза пялю, да по берегу вправо и влѣво от... зармы шаствую. Пошаствуй-ка ты столько. ...схитительная...

— И пошаствуемъ! Сдѣлай милость, за первый ... капитанъ, ствуемъ. Очень просто! ... молодая

Послѣ дождя, въ рѣчкѣ еще много воды. Усталые, ко... темно-сѣраго цвѣта буйволы, съ унылымъ выраженіемъ ...ты и лѣниво тянутъ шагъ за шагомъ можару по направленію чимосту. Почуя близость воды, они ускоряютъ шаги и упор... воротятъ съ дороги мимо моста, прямо въ рѣчку. Хозяинъ ихъ, татаринъ, кричитъ, машетъ руками, тревожно выскакиваетъ изъ можары и силится своротить ихъ на мостъ. Мохнатая шапка его сбилась на затылокъ, обнаживъ бритый лобъ; въ глазахъ досада, гнѣвъ, отчаяніе. Буйволы, достигнувъ воды, безцеремонно въ нее вваливаются, не обращая вниманія на его крики. Онъ еще раза два взмахнулъ руками и прокричалъ что-то, сверкая на нихъ гнѣвнымъ взглядомъ, а потомъ, сознавъ свое безсиліе, пошелъ подъ тѣнь моста и сѣлъ тамъ. Неизмѣнная его спутница-трубка уже дымится; онъ задумчиво ее посасываетъ, сдвинувъ мѣховую шапку еще болѣе на затылокъ. Воротъ его рубашки разстегнутъ, загорѣлая мохнатая грудь вся открыта и выраженіе смуглаго лица задумчиво-сосредоточенное. Онъ даже отчасти доволенъ, что буйволы ограничились отдыхомъ въ рѣчной лужѣ и не затащили его можары къ морю, что иногда тоже случается.

Недавній крикъ его на буйволовъ не безслѣдно разсѣялся въ воздухѣ: изъ-за плетня сосѣдняго сада выглянуло какое-то, тоже смуглое лицо. Минуту спустя, досчатая садовая калитка, густо обросшая зеленью, отворилась. Изъ сада вышелъ старикъ-татаринъ, тоже въ мѣховой шапкѣ и съ разстегнутымъ воротомъ рубашки. Онъ кивнулъ головой хозяину можары и сказалъ что-то въ видѣ привѣтствія. Тотъ, въ отвѣтъ, тоже кивнулъ головой и что-то проговорилъ. Оба сѣли рядкомъ; медленно, не торопясь, почесались и стали посасывать свои трубочки, обмѣниваясь *односложными словами* на своемъ гортанномъ языкѣ. *Но вотъ хозяинъ можары* повелъ глазами въ ту сторону, гдѣ

продолжали нѣжиться въ водѣ буйволы, и пожалъ плечами; собесѣдникъ его сдѣлалъ то же. Изъ такихъ движеній понятно, что разговоръ идетъ о буйволахъ, и именно въ смыслѣ сознанія необходимости покорно переносить удары судьбы.

Отлежались буйволы въ рѣчкѣ, и можара опять заскрипѣла немазанными колесами, двигаясь по почтовой дорогѣ въ гору. Буйволы, сырые и грязные, мрачно косятся на идущаго около нихъ татарина, точно недовольные, что онъ ударами палки выгналъ ихъ изъ рѣчки. Татаринъ посматриваетъ на горы, чешетъ въ затылкѣ, замѣчая, что солнце уже близко къ закату, и ворчитъ на буйволовъ, что по винѣ ихъ такъ много потерялъ времени понапрасну.

Вотъ солнце скрылось за горными вершинами. На набережной уже сумерки, и высокіе тополи, вытянувшись правильной линіей вдоль морскаго берега, темнѣютъ съ каждой минутой. Но вершины горъ еще находятся подъ жаркими лучами солнца и облака, огромной массой нависшія надъ моремъ, тоже еще ярки, румяны и золотисты. Вотъ и они блѣднѣютъ, исчезъ ихъ румянецъ. Парусъ корабля, за минуту предъ тѣмъ блестѣвшій яркимъ пятномъ далеко въ морѣ, Богъ вѣсть гдѣ скрылся. Наконецъ, уже все кругомъ стемнѣло; кое-гдѣ по склону холма появились огоньки въ окнахъ домиковъ, и высоко въ безоблачномъ небѣ засверкали звѣзды.

Въ низенькомъ домикѣ капитана береговой стражи, сосѣднемъ съ солдатской казармой, открыты всѣ три окна. Посрединѣ комнаты—зеленый столъ съ двумя свѣчами, а вокругъ четыре мужскія фигуры съ картами въ рукахъ. Самъ капитанъ сидитъ лицомъ къ окнамъ, брови его нахмурены и концы сѣдыхъ усовъ грозно пошевеливаются. Замѣтно, что ему карта нейдетъ и онъ не въ духѣ. Справа и слѣва сидятъ два чиновника, съ почты и телеграфа. Они тоже что-то хмурятся. Должно быть, счастливцемъ вечера оказался четвертый партнеръ—инженеръ, сидящій спиной къ окнамъ.

— Ну, довольно, господа, замѣчаетъ онъ—пора по домамъ.

— *Па-па-*позвольте, тревожно возражаетъ капитанъ,—я *въ проигрышѣ. Я* хочу отыграться...

Телеграфный и почтовый чиновники переглядываются, пожи-

маютъ плечами, и первый скромно, тоненькимъ теноркомъ, замѣчаетъ:

— Поиграть, конечно, пріятно... Но погода восхитительная... Прогуляться-бы...

— Те-те-те! Знаемъ, батенька, знаемъ, возражаетъ капитанъ, подмигивая:—на погоду только слава, а на умѣ-то у васъ молодая вдовушка... Сдавайте, сдавайте... Лучше дальше отъ грѣха.

Телеграфный чиновникъ краснѣетъ, быстро беретъ карты и въ видимомъ смущеніи начинаетъ ихъ тасовать. Почтовый чиновникъ сердится и встаетъ изъ-за стола.

— Это докуда-же валандаться? рѣзко и хриплымъ басомъ восклицаетъ онъ:—Не могу. Какъ угодно! И не просите. Побойтесь Бога, часъ ночи... И жена каждый разъ ворчитъ.

— Но вѣдь только на полчасика, на одну сдачу... упрашиваетъ капитанъ.

Долго горѣлъ огонь въ его домикѣ. Не смотря на раскрытыя окна, въ комнатѣ было жарко и душно. Лица игравшихъ раскраснѣлись и потные лбы ихъ еще болѣе нахмурились.

За окномъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, разстилалось море, тихое, спокойное, безбрежное. Миріады звѣздъ глядѣлись въ него съ небеснаго свода, совершая свои пути въ невѣдомомъ намъ пространствѣ, не имѣющемъ ни начала, ни конца. «Юпитеръ» выплылъ изъ-за горъ и бросилъ полосу свѣта по темной морской синевѣ. «Волоса Вероники» поднялись высоко, а «Близнецы» ушли на западъ и скрылись за Кастель-горою. Гдѣ-то далеко за горизонтомъ моря блеснула молнія, освѣтивъ на мгновеніе причудливыя формы отдаленныхъ тучъ;—тамъ, у малоазіатскихъ береговъ, гроза; можетъ быть, буря; громъ гремитъ, льетъ дождь ливнемъ и вздымаются массы морскихъ волнъ, но здѣсь, на южномъ берегу, тишина; море почти неподвижно и только, едва едва колеблясь легкой зыбью, набѣгаютъ на прибрежные камни его тихіе, чуть замѣтные всплески.

У казармы болтаются солдаты. Имъ видимо не спится. Опять слышенъ ихъ разговоръ:

— Да ты что-о! Да я шашнадцать годовъ такъ-то... День спишь, ночь спишь—*умаешься, радъ* до мѣста!..

Д. Стахѣевъ.

ают плечами, и первый скромно, тоненькимъ теноркомъ, замѣ-
ѣетъ:

— Поиграть, конечно, пріятно... Но погода восхитительная... Прогуляться-бы...

— Те-те-те! Знаемъ, батенька, знаемъ, возражаетъ капитанъ, одмигивая:—на погоду только слава, а на умѣ-то у васъ молодая довушка... Сдавайте, сдавайте... Лучше дальше отъ грѣха.

Телеграфный чиновникъ краснѣетъ, быстро беретъ карты и ъ видимомъ смущеніи начинаетъ ихъ тасовать. Почтовый чи-овникъ сердится и встаетъ изъ-за стола.

— Это докуда-же валандаться? рѣзко и хриплымъ басомъ ыкликаетъ онъ:—Не могу. Какъ угодно! И не просите. Побой-ись Бога, часъ ночи... И жена каждый разъ ворчитъ.

— Но вѣдь только на полчасика, на одну сдачу... упрашиваетъ апитанъ.

Долго горѣлъ огонь въ его домикѣ. Не смотря на раскрытыя кна, въ комнатѣ было жарко и душно. Лица игравшихъ расраснѣлись и потные лбы ихъ еще болѣе нахмурились.

За окномъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, разстилалось оре, тихое, спокойное, безбрежное. Миріады звѣздъ глядѣлись ъ него съ небеснаго свода, совершая свои пути въ невѣдомомъ амъ пространствѣ, не имѣющемъ ни начала, ни конца. «Юпитеръ» ыплылъ изъ-за горъ и бросилъ полосу свѣта по темной морской иневѣ. «Волоса Вероники» поднялись высоко, а «Близнецы» шли на западъ и скрылись за Кастель-горою. Гдѣ-то далеко за го-изонтомъ моря блеснула молнія, освѣтивъ на мгновеніе причуд-ивыя формы отдаленныхъ тучъ;—тамъ, у малоазіатскихъ бере-овъ, гроза; можетъ быть, буря; громъ гремитъ, льетъ дождь ливе-емъ и вздымаются массы морскихъ волнъ, но здѣсь, на юж-омъ берегу, тишина; море почти неподвижно и только, едва ва колеблясь легкой зыбью, набѣгаютъ на прибрежные камни го тихіе, чуть замѣтные всплески.

У казармы болтаются солдаты. Имъ видимо не спится. Опять слышенъ ихъ разговоръ:

— Да ты что-о! Да я шашнадцать годовъ такъ-то... Де ышь, ночь спишь—*умаешься*, радъ до мѣста!..

Д. Стахѣевъ.

Передъ выборами мировыхъ судей въ Петербургѣ.

(*Окончаніе*).

V.

Мировые судьи и по кругу ихъ обязанностей, и по причисленію ихъ къ извѣстному классу государственной службы, а также по присвоенному имъ мундиру и по полученію наградъ отъ правительства,—въ сущности, точно такіе же чиновники, какъ и всѣ другія лица, служащія по вѣдомству министерства юстиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, назначеніе ихъ по выборамъ городскими или земскими собраніями ставитъ ихъ въ нѣсколько обособленное положеніе, тѣмъ болѣе, что они не имѣютъ надъ собою личнаго начальства. Такое положеніе внушаетъ имъ самимъ, а отчасти и обществу ту мысль, что они не заурядные чиновники, а какіе-то общественные избранники, какіе-то дѣятели высшаго полета. Такой взглядъ на исключительное ихъ положеніе среди чиновничества впослѣдствіи былъ подорванъ отчасти назначеніемъ, во многихъ мѣстахъ, ихъ коллегъ отъ правительства, а не по выборамъ, а отчасти и тѣмъ, что въ нихъ, по той обстановкѣ выборовъ, о которой мы говорили, нельзя усмотрѣть дѣйствительныхъ, а не только формальныхъ общественныхъ представителей. Поэтому, по мнѣнію многихъ, лицо, назначенное на какую либо должность общею для всѣхъ властью, можетъ пользоваться иногда бо̀льшимъ почетомъ и даже бо̀льшимъ довѣріемъ, нежели тотъ, кто въ сущности выбранъ кучкою мнимыхъ городскихъ или земскихъ представителей, которые и сами не имѣютъ при своемъ избраніи прочнаго устоя въ общественномъ мнѣніи. Противъ правильно-организованнаго выборнаго начала, когда дѣйствительно въ немъ слышится общественное мнѣніе, было бы излишне говорить, но, если, напримѣръ, (какъ въ Петербургѣ) городское представительство оказывается далеко не на уровнѣ своего призванія, то и выборное право, исходящее изъ такого сомнительнаго источника, едва-ли можетъ пользоваться надлежащимъ почетомъ и необходимымъ довѣріемъ общества.

При открытіи у насъ мировыхъ учрежденій, самимъ судьямъ грезилось, что *они—истинные избранники* общества, составъ котораго, однако, на дѣлѣ отрани-

чивался въ данномъ случаѣ только гласными городской думы—и вслѣдствіе такихъ грезъ мировые судьи стали воображать, что они снабжены самыми обширными полномочіями. Если среди нихъ встрѣчались личности, вполнѣ заслуживающія уваженія и довѣрія не отъ однихъ только гласныхъ, но и отъ большинства населенія, то такіе толковые люди поняли свое искусственное, только формальное избраніе и держали себя, сообразно съ этимъ, въ соотвѣтствующихъ благоразумныхъ границахъ власти, предоставляемой имъ случайно. Но наряду съ ними явились господа, весьма близоруко смотрѣвшіе на свое право быть общественными представителями. Подъ вліяніемъ такой самомнящей близорукости, они считали себя назначенными не для того единственно, чтобъ просто-на-просто, безъ всякихъ высшихъ общественныхъ задачъ, разбирать между городскими обывателями ихъ взаимныя тяжбы, споры и жалобы, или опредѣлять за извѣстнаго рода поступки установленныя взысканія, но главнымъ образомъ, чтобы «перевоспитывать» общество и искоренять въ немъ старые предразсудки и привычки, и многіе изъ нихъ прямо высказывались о такомъ ихъ высокомъ призваніи. Вопросъ о безпристрастномъ отношеніи къ лицамъ, являвшимся на ихъ судъ, былъ отодвинутъ на задній планъ, и большинство мировыхъ судей первыхъ призывовъ признавалось перевоспитаніемъ общества на намѣченный ими самими образецъ, и такого рода произвольнымъ занятіямъ всего болѣе способствовала единоличность мироваго суда. Являясь въ камерѣ единовластителемъ, безъ всякой сдержки, мировой судья, не имѣлъ, да и нынѣ не имѣетъ около себя никого, кто бы отчасти по праву старшаго, а отчасти по товарищескимъ отношеніямъ, имѣлъ-бы право пріостановить его личную прыть и замѣтить ему о неумѣстности нѣкоторыхъ его выходокъ, не говоря уже о томъ, что самъ судья въ затруднительномъ положеніи не имѣетъ около себя, какъ это бываетъ въ судѣ коллегіальномъ, весьма пригодныхъ иной разъ совѣтниковъ и разумныхъ внушителей. Такой судъ, какъ судъ единоличный, весьма удобенъ для проявленія самовластія, а, пожалуй, даже и самодурства. Положительно можно сказать, что въ камеру мироваго судьи являются собственно не къ суду, а къ лицу, произволу котораго открыто широкое поле. Въ такомъ судѣ, безъ посторонняго, крайне-настоятельнаго обуздыванія, можно смѣло проявлять врожденную каждому судьѣ наклонность, выражающуюся въ поговоркѣ: «нраву моему не препятствуй». Истецъ, отвѣтчикъ, свидѣтель и защитникъ, если только они желаютъ избѣжать непріятныхъ столкновеній,—хотя бы и вызываемыхъ необходимостью, принуждены безмолвно и покорно переносить всѣ колкости, всякаго рода глумленія, насмѣшки и дерзости, какія такъ склонны бываютъ позволять себѣ люди, жаждущіе упоенія властью. На являющихся къ единоличному суду можетъ отзываться все: и желчный характеръ судьи, и его наклонность оборвать каждаго, *и расположеніе* его духа, и, пожалуй, даже вчерашній *карточный проигрышъ и разнаго рода* личныя его раздраженія. Нельзя не

вомъ погода—контрабанду, которая на южномъ берегу вовсе не практикуется.

Капитанъ посидѣлъ на скамейкѣ, покосился еще разъ-другой на своихъ подчиненныхъ и поплелся тихими старческими шагами вдоль набережной, раздумывая, можетъ быть, о томъ, какъ скоротать время до вечера. Въ группѣ солдатъ, по уходѣ его, стало замѣтно нѣкоторое оживленіе.

— Гляди, гляди, шепчетъ кто-то изъ нихъ, крѣпко толкая товарища въ бокъ кулакомъ,—поплелся.

— Эка, чортъ, какъ двинулъ! отвѣчаетъ пострадавшій отъ толчка и грозно сжимаетъ кулакъ, готовясь къ мщенію.

— Да рàзи я съ сердцовъ! Оглобля осиновая, сейчасъ ужь и норовишь, какъ-бы въ рыло...

— Ну, вы тамъ, эй! громко возражаетъ кто-то, должно быть, изъ старшихъ:—капитанъ только за уголъ повернулся, а вы ужь чуть не въ драку.

— Хе, хе! Это мы такъ, шутя. Неужли мы, Господи Боже мой... Рàзи мы вовсе безъ понятій, что-ли?

Солдатъ, стоявшій на часахъ съ обнаженной саблей, приближается къ группѣ товарищей и, покосившись по направленію къ тому углу, за которымъ скрылась фигура капитана, тихо говоритъ:

— Дай затянуться.

— Ну, ну, гляди... Проворнѣй... Капитанъ чичасъ вернется.

— Нѣтъ, теперича нескоро. Онъ, должно, на почту пошелъ, тамъ проболтается.

Проходитъ нѣсколько минутъ молчанія.

— Ядрёна-же эта самая свинья—страсть! лѣниво замѣчаетъ кто-то, вспомнивъ недавнюю охоту на дельфина.

— Да, штука здоровая. Жиру нагулялъ, ровно-бы купецъ первой гильдіи, али, напримѣръ, попъ.

— Вѣрно. Изъ поповъ да изъ купцовъ жирнаго народу всего больше... Ну только я вамъ скажу, ребята, скучна-же наша жизнь.

— Это ты къ чему клонишь? Давно-ли у жида въ кабакѣ былъ?

— Нѣтъ, я о другомъ. Я такъ вообче говорю, скучно.

— Ишь ты, скучно! вдругъ восклицаетъ кто-то изъ товарищей *громко* и сердито,—а ты который годъ здѣсь?

— *А ты который*?

— То-то и есть, который... Шашнадцатый годъ я на море-то глаза пялю, да по берегу вправо и влѣво отъ казармы до казармы шествую. Пошествуй-ка ты столько.

— И пошествуемъ! Сдѣлай милость, за первый сортъ пошествуемъ. Очень просто!

Послѣ дождя, въ рѣчкѣ еще много воды. Усталые, косматые, темно-сѣраго цвѣта буйволы, съ унылымъ выраженіемъ глазъ, лѣниво тянутъ шагъ за шагомъ можару по направленію къ мосту. Почуя близость воды, они ускоряютъ шаги и упорно воротятъ съ дороги мимо моста, прямо въ рѣчку. Хозяинъ ихъ, татаринъ, кричитъ, машетъ руками, тревожно выскакиваетъ изъ можары и силится своротить ихъ на мостъ. Мохнатая шапка его сбилась на затылокъ, обнаживъ бритый лобъ; въ глазахъ досада, гнѣвъ, отчаяніе. Буйволы, достигнувъ воды, безцеремонно въ нее вваливаются, не обращая вниманія на его крики. Онъ еще раза два взмахнулъ руками и прокричалъ что-то, сверкая на нихъ гнѣвнымъ взглядомъ, а потомъ, сознавъ свое безсиліе, пошелъ подъ тѣнь моста и сѣлъ тамъ. Неизмѣнная его спутница-трубка уже дымится; онъ задумчиво ее посасываетъ, сдвинувъ мѣховую шапку еще болѣе на затылокъ. Воротъ его рубашки разстегнутъ, загорѣлая мохнатая грудь вся открыта и выраженіе смуглаго лица задумчиво-сосредоточенное. Онъ даже отчасти доволенъ, что буйволы ограничились отдыхомъ въ рѣчной лужѣ и не затащили его можары къ морю, что иногда тоже случается.

Недавній крикъ его на буйволовъ не безслѣдно разсѣялся въ воздухѣ: изъ-за плетня сосѣдняго сада выглянуло какое-то, тоже смуглое лицо. Минуту спустя, досчатая садовая калитка, густо обросшая зеленью, отворилась. Изъ сада вышелъ старикъ-татаринъ, тоже въ мѣховой шапкѣ и съ разстегнутымъ воротомъ рубашки. Онъ кивнулъ головой хозяину можары и сказалъ что-то въ видѣ привѣтствія. Тотъ, въ отвѣтъ, тоже кивнулъ головой и что-то проговорилъ. Оба сѣли рядкомъ; медленно, не торопясь, почесались и стали посасывать свои трубочки, обмѣниваясь *односложными словами* на своемъ гортанномъ языкѣ. *Но вотъ хозяинъ можары* повелъ глазами въ ту сторону, гдѣ

вомъ погода—конт... практикуется.

Капитанъ п... гой на своих... шагами вдо... какъ ско... его, ста...

тов... глазъ, ...

...буйволы, и пожалъ плечами; со- ...такихъ движеній понятно, что ...енно въ смыслѣ сознанія не- ...ры судьбы.

...и можара опять заскрипѣла ...почтовой дорогѣ въ гору. ...осятся на идущаго около ...онъ ударами палки вы- ...осматриваетъ на горы, че- ... солнце уже близко къ закату, и ..., что по винѣ ихъ такъ много потерялъ ...асну.

...солнце скрылось за горными вершинами. На набереж ...ой уже сумерки, и высокіе тополи, вытянувшись правильной линіей вдоль морскаго берега, темнѣютъ съ каждой минутой. Но вершины горъ еще находятся подъ жаркими лучами солнца и облака, огромной массой нависшія надъ моремъ, тоже еще ярки, румяны и золотисты. Вотъ и они блѣднѣютъ, исчезъ ихъ румянецъ. Парусъ корабля, за минуту предъ тѣмъ блестѣвшій яркимъ пятномъ далеко въ морѣ, Богъ вѣсть гдѣ скрылся. Наконецъ, уже все кругомъ стемнѣло; кое-гдѣ по склону холма появились огоньки въ окнахъ домиковъ, и высоко въ безоблачномъ небѣ засверкали звѣзды.

Въ низенькомъ домикѣ капитана береговой стражи, сосѣднемъ съ солдатской казармой, открыты всѣ три окна. Посединѣ комнаты—зеленый столъ съ двумя свѣчами, а вокругъ четыре мужскія фигуры съ картами въ рукахъ. Самъ капитанъ сидитъ лицомъ къ окнамъ, брови его нахмурены и концы сѣдыхъ усовъ грозно пошевеливаются. Замѣтно, что ему карта нейдетъ и онъ не въ духѣ. Справа и слѣва сидятъ два чиновника, съ почты и телеграфа. Они тоже что-то хмурятся. Должно быть, счастливцемъ вечера оказался четвертый партнеръ—инженеръ, сидящій спиной къ окнамъ.

— Ну, довольно, господа, замѣчаетъ онъ—пора по домамъ.

— Па-па-пазвольте, тревожно возражаетъ капитанъ,—я *въ проигрышѣ. Я* хочу отыграться...

Телеграфный и почтовый чиновники переглядываются, пожи-

маютъ плечами, и первый скромно, тоненькимъ теноркомъ, замѣчаетъ:

— Поиграть, конечно, пріятно... Но погода восхитительная... Прогуляться-бы...

— Те-те-те! Знаемъ, батенька, знаемъ, возражаетъ капитанъ, подмигивая:—на погоду только слава, а на умѣ-то у васъ молодая вдовушка... Сдавайте, сдавайте... Лучше дальше отъ грѣха.

Телеграфный чиновникъ краснѣетъ, быстро беретъ карты и въ видимомъ смущеніи начинаетъ ихъ тасовать. Почтовый чиновникъ сердится и встаетъ изъ-за стола.

— Это докуда-же валандаться? рѣзко и хриплымъ басомъ восклицаетъ онъ:—Не могу. Какъ угодно! И не просите. Побойтесь Бога, часъ ночи... И жена каждый разъ ворчитъ.

— Но вѣдь только на полчасика, на одну сдачу... упрашиваетъ капитанъ.

Долго горѣлъ огонь въ его домикѣ. Не смотря на раскрытыя окна, въ комнатѣ было жарко и душно. Лица игравшихъ раскраснѣлись и потные лбы ихъ еще болѣе нахмурились.

За окномъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, разстилалось море, тихое, спокойное, безбрежное. Миріады звѣздъ глядѣлись въ него съ небеснаго свода, совершая свои пути въ невѣдомомъ намъ пространствѣ, не имѣющемъ ни начала, ни конца. «Юпитеръ» выплылъ изъ-за горъ и бросилъ полосу свѣта по темной морской синевѣ. «Волоса Вероники» поднялись высоко, а «Близнецы» ушли на западъ и скрылись за Кастель-горою. Гдѣ-то далеко за горизонтомъ моря блеснула молнія, освѣтивъ на мгновеніе причудливыя формы отдаленныхъ тучъ;—тамъ, у малоазіатскихъ береговъ, гроза; можетъ быть, буря; громъ гремитъ, льетъ дождь ливнемъ и вздымаются массы морскихъ волнъ, но здѣсь, на южномъ берегу, тишина; море почти неподвижно и только, едва едва колеблясь легкой зыбью, набѣгаютъ на прибрежные камни его тихіе, чуть замѣтные всплески.

У казармы болтаются солдаты. Имъ видимо не спится. Опять слышенъ ихъ разговоръ:

— Да ты что-о! Да я шашнадцать годовъ такъ-то... День спишь, ночь спишь—*умаешься*, радъ до мѣста!..

Д. Стахѣевъ.

Передъ выборами мировыхъ судей въ Петербургѣ.

(*Окончаніе*).

V.

Мировые судьи и по кругу ихъ обязанностей, и по причисленію ихъ къ извѣстному классу государственной службы, а также по присвоенному имъ мундиру и по полученію наградъ отъ правительства,—въ сущности, точно такіе же чиновники, какъ и всѣ другія лица, служащія по вѣдомству министерства юстиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, назначеніе ихъ по выборамъ городскими или земскими собраніями ставитъ ихъ въ нѣсколько обособленное положеніе, тѣмъ болѣе, что они не имѣютъ надъ собою личнаго начальства. Такое положеніе внушаетъ имъ самимъ, а отчасти и обществу ту мысль, что они не заурядные чиновники, а какіе-то общественные избранники, какіе-то дѣятели высшаго полета. Такой взглядъ на исключительное ихъ положеніе среди чиновничества впослѣдствіи былъ подорванъ отчасти назначеніемъ, во многихъ мѣстахъ, ихъ коллегъ отъ правительства, а не по выборамъ, а отчасти и тѣмъ, что въ нихъ, по той обстановкѣ выборовъ, о которой мы говорили, нельзя усмотрѣть дѣйствительныхъ, а не только формальныхъ общественныхъ представителей. Поэтому, по мнѣнію многихъ, лицо, назначенное на какую либо должность общею для всѣхъ властью, можетъ пользоваться иногда бо́льшимъ почетомъ и даже бо́льшимъ довѣріемъ, нежели тотъ, кто въ сущности выбранъ кучкою мнимыхъ городскихъ или земскихъ представителей, которые и сами не имѣютъ при своемъ избраніи прочнаго устоя въ общественномъ мнѣніи. Противъ правильно-организованнаго выборнаго начала, когда дѣйствительно въ немъ слышится общественное мнѣніе, было бы излишне говорить, но, если, напримѣръ, (какъ въ Петербургѣ) городское представительство оказывается далеко не на уровнѣ своего призванія, то и выборное право, исходящее изъ такого сомнительнаго источника, едва-ли можетъ пользоваться надлежащимъ почетомъ и необходимымъ довѣріемъ общества.

При открытіи у насъ мировыхъ учрежденій, самимъ судьямъ грезилось, что *они—истинные избранники* общества, составъ котораго, однако, на дѣлѣ ограни-

чивался въ данномъ случаѣ только гласными городской думы—и вслѣдствіе такихъ грезъ мировые судьи стали воображать, что они снабжены самыми обширными полномочіями. Если среди нихъ встрѣчались личности, вполнѣ заслуживающія уваженія и довѣрія не отъ однихъ только гласныхъ, но и отъ большинства населенія, то такіе толковые люди поняли свое искусственное, только формальное избраніе и держали себя, сообразно съ этимъ, въ соотвѣтствующихъ благоразумныхъ границахъ власти, предоставляемой имъ случайно. Но наряду съ ними явились господа, весьма близоруко смотрѣвшіе на свое право быть общественными представителями. Подъ вліяніемъ такой самомнящей близорукости, они считали себя назначенными не для того единственно, чтобъ просто-на-просто, безъ всякихъ высшихъ общественныхъ задачъ, разбирать между городскими обывателями ихъ взаимныя тяжбы, споры и жалобы, или опредѣлять за извѣстнаго рода поступки установленныя взысканія, но главнымъ образомъ, чтобы «перевоспитывать» общество и искоренять въ немъ старые предразсудки и привычки, и многіе изъ нихъ прямо высказывались о такомъ ихъ высокомъ призваніи. Вопросъ о безпристрастномъ отношеніи къ лицамъ, являвшимся на ихъ судъ, былъ отодвинутъ на задній планъ, и большинство мировыхъ судей первыхъ призывовъ признавалось перевоспитаніемъ общества на намѣченный ими самими образецъ, и такого рода произвольнымъ занятіямъ всего болѣе способствовала единоличность мироваго суда. Являясь въ камерѣ единовластителемъ, безъ всякой сдержки, мировой судья, не имѣлъ, да и нынѣ не имѣетъ около себя никого, кто бы отчасти по праву старшаго, а отчасти по товарищескимъ отношеніямъ, имѣлъ-бы право пріостановить его личную прыть и замѣтить ему о неумѣстности нѣкоторыхъ его выходокъ, не говоря уже о томъ, что самъ судья въ затруднительномъ положеніи не имѣетъ около себя, какъ это бываетъ въ судѣ коллегіальномъ, весьма пригодныхъ иной разъ совѣтниковъ и разумныхъ внушителей. Такой судъ, какъ судъ единоличный, весьма удобенъ для проявленія самовластія, а, пожалуй, даже и самодурства. Положительно можно сказать, что въ камеру мироваго судьи являются собственно не къ суду, а къ лицу, произволу котораго открыто широкое поле. Въ такомъ судѣ, безъ посторонняго, крайне-настоятельнаго обуздыванія, можно смѣло проявлять врожденную каждому судьѣ наклонность, выражающуюся въ поговоркѣ: «нраву моему не препятствуй». Истецъ, отвѣтчикъ, свидѣтель и защитникъ, если только они желаютъ избѣжать непріятныхъ столкновеній,—хотя бы и вызываемыхъ необходимостью, принуждены безмолвно и покорно переносить всѣ колкости, всякаго рода глумленія, насмѣшки и дерзости, какія такъ склонны бываютъ позволять себѣ люди, жаждущіе упоенія властью. На являющихся къ единоличному суду можетъ отзываться все: и желчный характеръ судьи, и его наклонность оборвать каждаго, *и расположеніе* его духа, и, пожалуй, даже вчерашній *карточный проигрышъ и равнаго рода* личныя его раздраженія. Нельзя не

сказать, что, при всѣхъ недостаткахъ нашихъ прежнихъ судовъ, въ нихъ можно было приходить съ меньшей опасностью относительно могущихъ встрѣтиться тамъ грубостей и оскорбленій, нежели въ камеру иного мироваго судьи. Причина та, что прежніе суды были коллегіальные, а въ такихъ судахъ, если порою предсѣдатель и забывается, то все таки позволительно предполагать, что члены суда будутъ разсудительнѣе и не допустятъ его дойти до крайнихъ предѣловъ. Судебная хроника подтверждаетъ справедливость этого замѣчанія тѣмъ, что и теперь въ судахъ коллегіальныхъ рѣзкость и грубость въ отношеніи тяжущихся или подсудимыхъ проявляется весьма рѣдко, тогда какъ мировые судьи даже въ Петербургѣ очень часто отличаются такимъ нахальнымъ обращеніемъ, какое никакъ не можетъ быть допущено въ отношеніи кого-бы то ни было.

„Перевоспитаніе общества“ мировыми судьями началось не столько съ уравненія передъ закономъ всѣхъ являвшихся—что̀ было бы, впрочемъ, вполнѣ основательно—сколько съ приниженія тѣхъ, которые или по ихъ наслѣдственному, или по личному положенію считали себя—конечно, ошибочно—вправѣ на особое вниманіе со стороны мировыхъ судей. При этомъ, у многихъ судей явилось поголовное предубѣжденіе и подозрительность въ томъ смыслѣ, что выдающіяся по своему положенію лица не желаютъ относиться къ суду или, говоря точнѣе, къ личности мироваго судьи съ подобающимъ благоговѣніемъ. Главнымъ предметомъ «перевоспитанія» было пріученіе такихъ лицъ къ безусловному равенству. Мировые судьи начали съ того — и это было вполнѣ основательно,—что стали относиться ко всѣмъ безразлично на «вы». Разумѣется, что такое общественное уравненіе могло коробить съ непривычки тѣхъ, которымъ приходилось вести дѣло съ гораздо низшими противъ себя лицами, но обвиненіе мировыхъ судей за такое общественное уравненіе не могло имѣть никакого разумнаго основанія. Къ сожалѣнію, однако, мировые судьи, производя свою власть изъ демократическаго источника — отъ всесословной думы, пошли въ „перевоспитаніи“ уже очень далеко. Они, призывая къ своему столу, стали выкликать всѣхъ безразлично по однимъ только именамъ и фамиліямъ, не прибавляя ни чиновъ, ни почетныхъ титуловъ. Вѣроятно, многимъ памятны происходившія изъ того столкновенія, изъ которыхъ въ особенности замѣчательны были, по задору съ обѣихъ сторонъ, два случая. При одномъ изъ нихъ вызываемый не отозвался на троекратный вызовъ, и когда мировой судья, зная его въ лицо, прямо подозвалъ его къ себѣ, то вызываемый отвѣтилъ, что такого лица здѣсь въ камерѣ, должно быть, нѣтъ, а что здѣсь находится „князь“ такой-то. То же самое повторилось и у другаго мироваго судьи съ другимъ вызываемымъ, *который объявилъ судьѣ*, что онъ, вызываемый, имѣетъ чинъ дѣйствительнаго *статскаго совѣтника*, а потому и не обязанъ являться на вызовъ, если судья

не опредѣляетъ въ точности его званія. Разумѣется, что подобныя заявленія были вполнѣ законны, но они принимались просто за пустое тщеславіе, а между тѣмъ мировые судьи такими игрушечными способами составляли себѣ своего рода популярность:—для насъ, дескать, нѣтъ ни князей, ни генераловъ, и мы, выражаясь по старинному, „никого себѣ въ версту не ставимъ“. Случалось—и это еще было весьма недавно,—что мировой судья для обузданія барыни, показавшейся ему строптивой, называлъ ее просто по фамиліи, а къ прозванію кухарки, съ которой она судилась, прибавлялъ слово «госпожа». Извѣстно также, что когда нѣкоторые изъ тѣхъ, которымъ приходилось являться въ камеру, надѣвали на себя, для внушенія къ себѣ уваженія, имѣвшіяся у нихъ регаліи—то такіе „разныхъ орденовъ кавалеры“ наталкивались, противъ своего ожиданія, на пренебрежительную и даже на грубую встрѣчу. Еслибы мировые судьи на такую выставку отличій не обращали вниманія, то нельзя было бы укорять ихъ за это, но если это вызывало ихъ на разныя выходки, то, конечно, это обнаруживало непониманіе ими истиннаго равенства передъ судомъ, и съ своей стороны мировому судьѣ достаточно было бы посмѣяться про себя на неумѣстность въ судахъ отличій по орденамъ и рангамъ.

Особенно частымъ поводомъ къ столкновеніямъ являлся въ первое время вопросъ о стояніи передъ мировымъ судьею. При прежнихъ узаконеніяхъ, лицамъ, имѣющимъ чинъ не ниже пятаго класса, „поставляется стулъ“ не только въ низшихъ и среднихъ присутственныхъ мѣстахъ, но и въ сенатѣ, и такимъ лицамъ было по закону предоставлено право давать свои объясненія даже присутствію сената, сидя на креслѣ. Очень понятно, что на первыхъ порахъ такого рода особы не могли легко переварить своего мнимаго униженія, видя себя обязанными стоять передъ судьею, назначеннымъ думскими гласными, тогда какъ они имѣли право сидѣть передъ „господами сенатомъ“. Разумѣется, что такія притязанія были уже неумѣстными, и не по произволу судьи, а въ силу закона ихъ можно было и даже должно было уничтожать съ благоразумною настойчивостью, но не съ повелительными требованіями, имѣвшими отпечатокъ личнаго раздраженія.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ о правѣ сидѣнія передъ судомъ былъ нѣкоторое время предметомъ столкновеній не только у мировыхъ судей, но и въ общихъ судахъ, гдѣ они возникали даже не со стороны частныхъ лицъ, но со стороны лицъ прокурорскаго надзора. До сихъ поръ еще можно подмѣтить, съ какою неохотою товарищи прокуроровъ встаютъ съ своего кресла, когда имъ, по предложенію предсѣдателя мироваго съѣзда, приходится давать заключеніе. Бо́льшею частью они приподнимаются лѣниво, только на половину, стоя съ *подогнутыми ногами и* опираясь обѣими руками на столъ, и

нерѣдко напоминаютъ въ такомъ видѣ медвѣдя, готовящагося перепрыгнуть черезъ загородку.

Были примѣры, весьма нерѣдкіе, что мировые судьи обучали стойкѣ передъ ними почтенныхъ по возрасту лицъ. «Потрудитесь стоять, какъ слѣдуетъ» — замѣчалъ болѣе или менѣе строго судья военному генералу, если мужественная выправка послѣдняго казалась судьѣ чѣмъ-то задорнымъ. Не избѣгали такихъ замѣчаній и штатскіе генералы, члены которыхъ отъ прожитыхъ имъ лѣтъ и отъ постояннаго корпѣнія надъ бумагами были какъ будто развинчены, если такая охлябшая позитура его превосходительства казалась неприличною стойкою передъ судомъ. Конечно, въ иныхъ случаяхъ такого рода замѣчанія были умѣстны, но нерѣдко дѣлались они только изъ мелочныхъ придирокъ. Самою замѣчательной жертвою перевоспитательной выправки былъ одинъ старый генералъ-лейтенантъ, вступившій по поводу такихъ внушеній въ словесное ратоборство съ однимъ изъ мировыхъ судей. Излишняя его горячность надѣлала ему множество непріятностей; онъ, какъ разсказываютъ, умеръ отъ огорченія и раздраженія, причиненныхъ ему, вслѣдствіе столкновенія съ мировымъ судьею. Въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ мы говорили, ни ту, ни другую сторону нельзя было считать безусловно правою, такъ какъ здѣсь существовала напрасная обоюдная подозрительность. Мировымъ судьямъ казалось, что чиновныя особы относятся къ нимъ высокомѣрно, а эти послѣднія въ свою очередь находили, что мировые судьи умышленно относятся къ нимъ съ крайнимъ неуваженіемъ, даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ судьи требовали только должнаго. Такія обоюдно-непріязненныя чувства вызвали немало прискорбныхъ, а отчасти и забавныхъ случаевъ, въ которыхъ, однако, отчасти вина была на сторонѣ черезчуръ зазнавшихся мировыхъ судей, желавшихъ показать свое высокое личное значеніе.

Мало по малу перевоспитаніе отчасти вышло изъ практики судебно-мировыхъ учрежденій: судьи поугомонились, вслѣдствіе встрѣченныхъ ими различныхъ отпоровъ или рѣзкостей. Съ другой стороны, и притязанія чиновныхъ и вообще обидчивыхъ лицъ поуменьшились, такъ какъ лица эти признали необходимость подчиняться законнымъ требованіямъ судьи или, говоря иначе, поумнѣли. Они перестали, напримѣръ, черезъ стоявшихъ около судейскаго стола просителей пробиваться впередъ, требуя, чтобы судья выслушалъ ихъ или принялъ ихъ прошенія не въ очередь, перестали насмѣшливо отвѣчать на его дѣльные вопросы и т. д.; короче сказать, обострившіяся первоначально взаимныя отношенія между судьями и публикою мало по малу улеглись, и прежній разладъ, главною причиною котораго была взаимная подозрительность, значительноо слабѣлъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что и въ настоящее время нѣкоторые петербургскіе мировые судьи своими начальственными замашками, *соединенными съ грубымъ* обращеніемъ, вызываютъ справедливое неудоволь-

ствіе со стороны даже той части петербургской публики, которая не-слишкомъ чувствительна къ невѣжествамъ разнаго рода.

Затѣмъ, что̀ касается въ частности вопроса о стояніи или сидѣніи передъ мировымъ судьею во время разбора имъ дѣла, то слѣдуетъ сказать, что этотъ, нѣкогда столь щекотливый для многихъ, вопросъ не упорядочился окончательно и донынѣ въ камерахъ мировыхъ судей. „Судебные Уставы“ гласятъ, что всѣ присутствующіе даютъ суду объясненія, стоя. Изъ этого слѣдуетъ, что только во время объясненій стороны и свидѣтели должны оставаться на ногахъ. Тѣмъ не менѣе, у мировыхъ судей завелся такой обычай, что они, вызвавъ по какому-либо дѣлу разомъ нѣсколько лицъ, во все время разбора дѣла,—иногда разбора весьма продолжительнаго,—заставляютъ стоять передъ ними всѣхъ не участвующихъ въ объясненіяхъ и разрѣшаютъ нѣкоторымъ садиться только въ видѣ особаго снисхожденія. Между тѣмъ каждый изъ вызванныхъ къ судейскому столу, окончивъ свои объясненія, имѣетъ право садиться и безъ приглашенія судьи, хотя бы онъ и оставался еще за рѣшеткой. Впрочемъ, продолжительныя стоянія, быть можетъ, и не зависятъ отъ судей, такъ какъ въ камерахъ ихъ не имѣется приспособленныхъ на такой случай сидѣній, устройство которыхъ, если мы не ошибаемся, лежитъ на обязанности городской управы.

VI.

Казалось бы, что если мировые судьи считаютъ себя избранниками общества, то они прежде всего должны были бы отличаться вниманіемъ и чуткостью къ справедливымъ его требованіямъ и стараться поставить себя такъ, чтобъ сколь возможно болѣе отдалять отъ себя нареканія за неправильный или стѣснительный для другихъ образъ дѣйствій. Къ сожалѣнію, оказывается, что даже и въ Петербургѣ многіе мировые судьи нерѣдко подаютъ поводъ къ жалобамъ на такія ихъ распоряженія и дѣйствія, которыя не могутъ не раздражать лицъ, имѣющихъ дѣла въ ихъ камерахъ. Главною причиною такихъ жалобъ опять-таки можно признать единоличность мироваго суда, такъ какъ каждый его представитель считаетъ себя полновластнымъ хозяиномъ въ своей камерѣ, даже по такимъ дѣйствіямъ, которыя для него должны быть обязательны, какъ для всякаго служащаго чиновника, и которыя не должны зависѣть нисколько отъ его личнаго усмотрѣнія. Жалобы и заявленія печати остаются обыкновенно безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ они подлежатъ разсмотрѣнію мироваго съѣзда, т. е. коллегіи лицъ, поставленныхъ въ одинаковыя служебныя условія и потому неслишкомъ взыскательныхъ другъ къ другу. Притомъ мировой съѣздъ самъ для себя, или, говоря иначе, мировые судьи сами для себя составляютъ «наказы», и естественно, что въ такихъ наказахъ“) всего *болѣе проявляется* заботы объ удобствахъ тѣхъ лицъ,

которыя ихъ составляютъ, нежели о правахъ тѣхъ, на которыхъ такіе „наказы“ могутъ отзываться большими невыгодами и неудобствами. Само собою разумѣется, что мировому судьѣ, относительно рѣшенія имъ дѣлъ, въ предѣлахъ существующихъ законовъ, должна быть предоставлена полная свобода, которая не можетъ быть стѣсняема никакимъ посторонним начальственнымъ вліяніемъ. Совершенно иначе приходится, однако, смотрѣть на непремѣнное соблюденіе каждымъ судьею тѣхъ правилъ и на исполненіе имъ тѣхъ обязанностей, которыя, такъ сказать, относятся къ внѣшней исправности его служебной дѣятельности. Здѣсь необходимо должно быть установлено бдительное и безпристрастное, а не товарищеское наблюденіе надъ судьями, какъ надъ каждымъ вообще служащимъ лицомъ, и нѣтъ никакого основанія мировлить имъ. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи, установлена почти полная безотвѣтственность мироваго судьи, такъ какъ онъ, по исполненію своихъ, собственно не судейскихъ, но общеслужебныхъ обязанностей, подлежитъ только весьма слабому надзору своихъ сотоварищей. Избирательное же учрежденіе, т. е. дума, не имѣетъ никакого права входить въ разсмотрѣніе жалобъ и печатныхъ заявленій объ уклоненіи мироваго судьи отъ тѣхъ правилъ, которыя онъ долженъ исполнять обязательно, какъ каждый служащій чиновникъ.

По «Судебнымъ Уставамъ», относительно времени и мѣста подачи мировому судьѣ жалобы или прошенія, не сдѣлано никакихъ ограниченій, между тѣмъ, по обычаю, установившемуся въ Петербургѣ, въ противность этому порядку, допускаются, по усмотрѣнію самихъ мировыхъ судей, чрезвычайные, иной разъ крайне неудобныя ограниченія. Мировые судьи принимаютъ жалобы и прошенія только въ своихъ камерахъ и притомъ въ дни засѣданій, которыя не бываютъ ежедневно, такъ какъ камеры закрываются иногда на цѣлый день: то по случаю засѣданія судей въ съѣздѣ, то въ дни, назначенные ими самими для производства осмотровъ на мѣстѣ. Наконецъ бываютъ и такіе случаи, что мировой судья отлагаетъ пріемъ прошеній на нѣсколько дней безъ всякихъ предварительныхъ заявленій. Вдобавокъ къ этому, у всѣхъ мировыхъ судей начинается засѣданіе не въ положенное для того время, а спустя часъ, иногда даже и два часа, смотря по тому, когда самъ мировой судья заблагоразсудитъ прибыть въ камеру. Жалобы на такое невниманіе къ лицамъ, вызваннымъ въ камеру, слышатся не только въ общемъ говорѣ, но появляются въ печати, хотя и безполезно, такъ какъ съѣздъ не обращаетъ на это никакого вниманія, а если и обращаетъ, то внушенія его судьѣ остаются въ такихъ случаяхъ безъ всякаго воздѣйствія. Такъ надобно предполагать въ виду того, что подобныя уклоненія судей отъ своихъ обязанностей продолжаются своимъ чередомъ. Съ заявленіями такого рода со стороны публики тѣсно связаны жалобы и на то, что мировые судьи слишкомъ *долго держатъ въ камерѣ* лицъ, вызываемыхъ ими къ извѣстному часу. Само-

собою разумѣется, что такія жалобы очень часто могутъ быть и неосновательны, такъ какъ судья, приступая къ разбору дѣлъ, никогда не можетъ знать, какъ долго разборъ протянется. Поэтому никакъ нельзя безусловно ставить на судью, если прибывшимъ въ камеру къ опредѣленному часу лицамъ приходится оставаться тамъ гораздо долѣе, нежели они сами разсчитывали. Устранить продолжительность задержекъ вообще нельзя, еслибы даже мировые судьи и принимали въ соображеніе, что къ нимъ являются преимущественно люди, занятые какимъ нибудь дѣломъ или работою, и что для такихъ людей напрасная трата времени бываетъ крайне неудобна.

Совершенно иначе приходится взглянуть на эти жалобы, если задержка вызванныхъ въ камеру лицъ происходитъ непосредственно отъ самого судьи. Судьи сплошь и рядомъ, вызывая къ себѣ, положимъ, въ 11 часовъ, сами благоволятъ являться въ камеру иной разъ только въ часъ. Нерѣдко они замедляютъ разборъ дѣлъ, кромѣ несвоевременныхъ занятій бумагами въ канцеляріи, пріемомъ жалобъ, прошеній и объясненій, входя при этомъ въ болѣе или менѣе продолжительные разговоры съ являющимися къ нимъ лицами, хотя на всѣ дѣла такого рода должны быть назначены особые часы. Весьма желательно, чтобы мировые судьи, выбранные на предстоящую очередь, обратили на это неудобство для публики должное вниманіе и, устранивъ его, тѣмъ самымъ прекратили бы тотъ справедливый ропотъ, который нынѣ слышится въ Петербургѣ.

VII.

Если вообще въ мировомъ съѣздѣ въ Петербургѣ желательны и даже настоятельны нѣкоторыя улучшенія, а также и сохраненіе того порядка и той правильности, которыхъ вправѣ требовать жители столицы—уже потому, что мировые судьи считаются избранными лицами, — то одновременно съ этимъ не менѣе желательно и соблюденіе основныхъ началъ, постановленныхъ „Судебными Уставами“ при учрежденіи мировыхъ судебныхъ учрежденій.

Въ этихъ основныхъ началахъ нѣсколько разъ высказывается, что одна изъ главныхъ цѣлей упомянутыхъ учрежденій заключается въ томъ, чтобы возникающія дѣла оканчивались примиреніемъ тяжущихся или враждующихъ между собою сторонъ. Учрежденіе мировыхъ судей требуетъ, чтобы судьи, носящіе это названіе, склоняли являющіяся къ нимъ стороны къ полюбовному соглашенію въ дѣлахъ гражданскихъ и къ примиренію въ дѣлахъ уголовныхъ, указывая въ обоихъ случаяхъ клонящіеся къ тому способы. При этомъ говорится, что къ судебному разбору они должны приступать только при невозможности склонить стороны къ примиренію. Къ такому миролюбивому пріему мировые судьи не *только мало оказываютъ* наклонности, но часто совершенно *избѣгаютъ его. Не споримъ, что этого рода* возня и затруднительна, и скучна,

особенно, когда мировые судьи, удѣляя мало времени на свои занятія въ і мерахъ, рѣшаютъ дѣла бо́льшею частью налету съ тою спѣшностью, ко рая вовсе не допускаетъ болѣе или менѣе продолжительныхъ переговор со сторонами и даже едва-ли даетъ возможность внимательно вникнуть требованія и объясненія сторонъ. Какъ бы то ни было, но главную свою о занность мировые судьи постепенно упростили до того, что теперь стала замѣтна основная черта ихъ миротворческой дѣятельности. Напротивъ, бо́льш частью такой судья, какъ бы отрицаясь отъ скромной обязанности поср ника, спѣшитъ явиться во образѣ начальственнаго лица и грознаго прес дователя отвѣтчиковъ. Онъ считаетъ вполнѣ достаточнымъ, если замѣн свою существенную обязанность только ничего незначущей формальност обращаясь къ сторонамъ съ вопросомъ: „Не желаете-ли вы примириться?“ склоненіи же къ миру онъ вовсе не заботится и, по полученіи отрицательн отвѣта на заданный вопросъ, хотя бы отъ одной изъ сторонъ, онъ, безъ да нѣйшихъ попытокъ къ примиренію, приступаетъ къ разбору дѣла. Прав приходилось встрѣчать въ Петербургѣ такихъ судей, которые обращали с засѣданія въ нравственно-поучительныя бесѣды о снисхожденіи къ чело ческимъ слабостямъ, о прощеніи врагамъ, о незлобіи и т. д., но это б уже другая крайность, и стороны, въ свою очередь, на такія общія мѣста обращали никакого вниманія, хотя и случалось, что посѣтители камеры, у ленные краснорѣчіемъ мироваго судьи, принимались за воздыханія. Нел сказать съ увѣренностью, отчего произошли у насъ въ мировомъ судопроизв ствѣ уклоненія отъ положенныхъ въ основу его примирительныхъ началъ: слабой-ли примѣнимости увѣщаній со стороны судей, избираемыхъ учреж ніемъ, къ которому населеніе не имѣетъ надлежащаго довѣрія и которое с не пользуется необходимымъ нравственнымъ вліяніемъ, или же отъ нед лости самихъ судей, неизвѣстныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ той средѣ, надъ которою они поставляются въ качествѣ миротворцевъ?

До какой степени здѣшніе судьи не прониклись еще донынѣ правильны взглядомъ, что они прежде всего должны быть только посредниками ме ду сторонами и лишь послѣ несостоявшагося примиренія могутъ пользова предоставленной имъ судебною властью — нагляднѣе всего можно вид изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ они, не вооруженные вовсе такою властью, могутъ ляться только примирителями, не касаясь нисколько вопроса о судебномъ р бирательствѣ. Были, напримѣръ, такіе случаи—и притомъ не далѣе, какъ прошломъ году,—что одинъ изъ мировыхъ судей, уже очень долго пребыв щій на своей должности, повелъ примирительное разбирательство такимъ, съ чѣмъ несообразнымъ, путемъ.

Нѣкто, оскорбленный въ печати, подалъ мировому судьѣ прошеніе о примири *нномъ разбирательствѣ*, на основаніи ст. 35 „Уст. Угол. Судопр.“; въ статьѣ

той сказано: „сверхъ дѣлъ, предоставленныхъ разбирательству мировыхъ судей по роду опредѣленныхъ за преступныя дѣйствія наказаній, вѣдомству ихъ подлежатъ, собственно для склоненія сторонъ къ миру, дѣла, которыя хотя и влекутъ за собою наказанія болѣе строгія, но, по закону, начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ вредъ или убытокъ и могутъ быть прекращаемы примиреніемъ". Въ упомянутомъ случаѣ, не только въ силу этой статьи, но и въ виду того, что оскорбленія и клевета въ печати изъяты вовсе изъ вѣдомства мировыхъ судей, мировой судья вовсе не можетъ приступить къ разбору дѣла и потому неявка къ нему отвѣтчика, по полученной повѣсткѣ, должна сама собою показывать, что отвѣтчикъ не желаетъ мириться, и затѣмъ явка его къ судьѣ или присылка повѣреннаго вовсе для него не обязательна. Даже въ случаѣ добровольной явки, онъ, не давая судьѣ никакихъ поясненій по обстоятельствамъ дѣла, имѣетъ полное право коротко и ясно сказать, что онъ не намѣренъ вступать съ жалобщикомъ ни въ какіе переговоры. И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, мировому судьѣ остается только выдать просившему удостовѣреніе, что примиреніе, по неявкѣ отвѣтчика, не могло состояться.

Между тѣмъ мировой судья постановилъ о приводѣ къ нему обжалованной стороны черезъ полицію, руководствуясь неосновательно ст. 61 упомянутаго „Устава", въ которой сказано: „По дѣламъ о преступныхъ дѣйствіяхъ, за которыя въ законѣ положено заключеніе въ тюрьмѣ или наказаніе болѣе строгое, судья, въ случаѣ неявки обвиняемаго, распоряжается о приводѣ его. Мировой судья можетъ распорядиться о приводѣ такого обвиняемаго и безъ предварительнаго вызова". Понятно, что такое распоряженіе можетъ онъ сдѣлать только тогда, когда ему предоставлено право приступить къ разбору дѣла для постановленія приговора надъ обвиняемымъ. Но въ томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, онъ не могъ примѣнить такое право.

Поэтому, распоряженіе его о приводѣ представляется крайнимъ произволомъ или совершеннымъ непониманіемъ своихъ правъ, тѣмъ болѣе, что даже простой здравый смыслъ долженъ былъ подсказать ему, что никогда нельзя заставить мириться кого-нибудь принудительнымъ образомъ. Мало того, если-бы указанная выше 61-я статья могла быть нененята мировымъ судьею, то стоило только ему справиться въ рѣшеніяхъ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената; и тамъ за 1869 годъ, подъ № 1,064, онъ прочелъ бы слѣдующее „мировой судья не обязанъ требовать личной явки и не вправѣ подвергать приводу обвиняемаго въ такомъ преступленіи, которое влечетъ наказаніе тюремнымъ заключеніемъ, или болѣе строгое, если самое дѣло принадлежитъ къ числу такихъ, которыя могутъ быть прекращены примиреніемъ и подлежитъ разбирательству *мирового судьи для склоненія* сторонъ къ миру".

Вообще,—насколько это можно замѣтить,—мировые судьи чрезвычайно ще-

котливо и, пожалуй, даже раздражительно относятся къ неявкѣ вызываемыхъ ими отвѣтчиковъ, хотя такая неявка положительно допускается закономъ. Такое настроеніе судей объясняется двумя причинами. Во-первыхъ, неявка вызываетъ заочныя рѣшенія, которыя въ свою очередь, вслѣдствіе заявленія неявившейся стороны, влекутъ за собою вторичное разсмотрѣніе дѣла, и такой двойной трудъ, по одному и тому же дѣлу, конечно, не можетъ побуждать судью относиться благосклонно къ отвѣтчикамъ, не являющимся на первое разбирательство. Во-вторыхъ, нѣкоторые мировые судьи принимаютъ неявку по ихъ повѣсткамъ за пренебреженіе и неуваженіе къ суду или, говоря точнѣе, къ ихъ личностямъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ они постоянно постановляютъ рѣшенія противъ неявляющихся отвѣтчиковъ, и одинъ изъ мировыхъ судей еще весьма недавно—не далѣе, какъ въ прошломъ году—постановилъ противъ неявившагося отвѣтчика рѣшеніе въ пользу истца: „принимая въ соображеніе, что отвѣтчикъ не явился и предъявленнаго противъ него иска не отвергъ“. Разумѣется, что такое рѣшеніе должно бы быть отмѣнено, какъ совершенно несогласное съ основнымъ правиломъ гражданскаго судопроизводства, такъ какъ законъ вовсе не требуетъ явки отвѣтчика или его повѣреннаго на судъ по гражданскому дѣлу, и вовсе не на отвѣтчикѣ лежитъ обязанность опровергать искъ, но, напротивъ, истецъ долженъ сперва доказать правильность своего иска, а мировой судья съ своей стороны обязанъ рѣшить дѣло по представленнымъ ему истцомъ доказательствамъ, не принимая вовсе въ соображеніе: явился-ли отвѣтчикъ, а также и то, что онъ письменно не отвергалъ предъявленной къ нему претензіи. Въ виду подобныхъ, безусловно-неосновательныхъ рѣшеній и притомъ постановляемыхъ судьями, которые, повидимому, должны были бы пріобрѣсти уже порядочную опытность, нетрудно сообразить, что правосудіе въ камерахъ мировыхъ судей, даже и въ Петербургѣ, сильно хромаетъ, и что произволомъ судей разрушаются основныя начала судопроизводства.

Чрезвычайно искажаетъ такія начала еще и ошибочное пониманіе мировыми судьями права—постановлять приговоры по ихъ „внутреннему убѣжденію“. Обыкновенно мировые судьи, какъ судьи единоличные, считаютъ свой собственный, такъ сказать, безотчетный взглядъ на дѣло равносильнымъ „внутреннему убѣжденію“, но такое пониманіе далеко не соотвѣтствуетъ тому понятію, какое въ данномъ случаѣ подразумѣвается въ законѣ. Хотя прежняя теорія „формальныхъ доказательствъ“ и отвергнута „Судебными Уставами“, которые не предписываютъ судьямъ рѣшать дѣла только въ виду опредѣленныхъ заранѣе закономъ доказательствъ и отдавать предпочтеніе доказательствамъ одного рода предъ доказательствами другаго, но это еще вовсе не значитъ, что мировой судья не обязанъ имѣть въ виду никакихъ доказательствъ, *которыя* давали бы ему возможность составить отчетливое *понятіе о дѣлѣ.*

Статья 119-я „Уст. Уголов. Судопр." гласитъ: по выслушаніи сторонъ и по собраніи *всѣхъ доказательствъ*, имѣющихся въ дѣлѣ, мировой судья рѣшаетъ вопросъ о винѣ или невиновности подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ. Статья же 766-я того же „Устава" повторяетъ почти дословно то же самое, а изъ присоединенныхъ къ ней объясненій видно, что внутреннее убѣжденіе судей должно относиться къ „силѣ того или другаго изъ представленныхъ по дѣлу доказательствъ", такъ что судья не имѣетъ права рѣшать дѣло голословно потому только, что оно ему кажется такъ или иначе. Онъ только взвѣшиваетъ доказательства, но не можетъ ни придумывать ихъ, ни отвергать представленныя только въ силу своего предвзятаго убѣжденія въ пользу или, напротивъ, во вредъ подсудимому. Такъ, напримѣръ, онъ не можетъ постановлять обвинительный приговоръ вслѣдствіе своихъ личныхъ догадокъ, слуховъ и дошедшихъ до него свѣдѣній, не имѣющихъ прямаго отношенія къ разсматриваемому имъ дѣлу. Понятно, что невозможно опредѣлить въ точности тѣ соображенія, какими долженъ руководиться судья для составленія своего „внутренняго убѣжденія". Можно только сказать, что мировые судьи поступаютъ крайне ошибочно, если они составляютъ внутреннее убѣжденіе подъ вліяніемъ впечатлѣній, производимыхъ на нихъ, напримѣръ, наружностью, объясненіями, подобострастіемъ подсудимаго, или дѣлаютъ о поступкѣ его заключенія по дошедшихъ до нихъ разсказамъ или слухамъ. Между тѣмъ большинство судей признаетъ „внутреннимъ убѣжденіемъ" только свою собственную оцѣнку поступка, или оцѣнку только личности подсудимаго, не считая нужнымъ вникать въ оцѣнку доказательствъ, представленныхъ за или противъ, тогда какъ именно на этихъ доказательствахъ и должно быть основано ихъ „внутреннее убѣжденіе". Рѣшенія постановленныя на этомъ основаніи, не освобождаютъ мироваго судью отъ внесенія въ нихъ тѣхъ соображеній, на которыхъ они основаны.

VIII.

Не смотря на нѣкоторые существенные недостатки и на многія слабыя стороны судебно-мировыхъ учрежденій, они радостно были привѣтствованы и печатью, и общественнымъ мнѣніемъ. Безъ сомнѣнія, одною изъ причинъ такой встрѣчи было общее неудовольствіе прежними нашими судами, которые отличались и медленностью и взяточничествомъ, а отчасти и дороговизною судопроизводства. Мировые судьи сулили, повидимому, скорую и безмездную защиту всѣмъ и каждому, а также и возможность легко и удобно, безъ всякихъ затратъ, возстановлять *такія мелочныя* правонарушенія и отплачивать *такія, даже самыя ничтожныя обиды*, объ удовлетвореніи которыхъ судебнымъ по-

рядкомъ нельзя было и думать въ прежнее время. Въ нѣкоторомъ отношеніи мировые суды принесли безспорно огромную пользу, оказывая законную защиту безсильнымъ людямъ и ограничивъ самоуправство, остававшееся обыкновенію въ прежнее время безнаказаннымъ. Задорные люди поняли, что теперь уже несовѣтъ удобно свиснуть кого-нибудь по уху или обругать, не встрѣтивъ никакого отпора, какъ это водилось прежде. Они увидѣли, что теперь за каждую бездѣлицу можно потянуть «къ мировому», и нельзя не сказать, что еслибы на первыхъ порахъ не проявилось въ отношеніяхъ судей къ подсудимымъ тѣхъ крайностей и тѣхъ односторонностей, о которыхъ мы говорили, то равенство передъ закономъ было бы сразу упрочено. Но, не смотря даже и на такой пристрастный въ нѣкоторыхъ случаяхъ образъ дѣйствій мировыхъ судей, новые суды все таки имѣли благотворное вліяніе на обузданіе личнаго произвола, и вліяніе это было бы еще сильнѣе, еслибы на ряду съ такимъ обуздываніемъ не проявлялось въ поступкахъ самихъ мировыхъ судей ихъ произвола и ихъ самомнѣнія. При проявленіи же того и другаго, народъ пріучался къ приниженію и даже къ подобострастію не передъ судомъ, но передъ личностью мировыхъ судей, которые выставляли съ такою охотою свою личную власть, переступая нерѣдко границы не только правъ, присвоенныхъ имъ по закону, но даже и общественныхъ приличій.

Надежды на судъ скорый далеко не оправдались. Вслѣдствіе тѣхъ непорядковъ въ камерахъ мировыхъ судей—непорядковъ, на которые мы указали выше,—истцамъ и отвѣтчикамъ очень часто приходится бывать въ судѣ по нѣсколько разъ, для того только, чтобы подать прошеніе, и затѣмъ тратить попусту немало дорогаго для нихъ времени. Сверхъ того, почти во всѣхъ участкахъ исполнительные листы, копіи съ рѣшеній, изложенныхъ въ окончательной формѣ, свидѣтельства и справки выдаются очень медленно, а просьбы о такихъ выдачахъ бываютъ соединены не только съ хлопотами, но нерѣдко и съ непріятностями какъ со стороны самихъ мировыхъ судей, такъ и ихъ письмоводителей. Жаловаться на всѣ подобнаго рода случаи, при настоящей организаціи мировыхъ судовъ, не только чрезвычайно затруднительно, но, пожалуй, и безполезно. Дешевизна мироваго суда уже не существуетъ вслѣдствіе введенія въ мировыхъ учрежденіяхъ судебныхъ пошлинъ и залоговъ по жалобамъ на рѣшенія мировыми съѣздами гражданскихъ дѣлъ. Къ неудобствамъ мировыхъ судовъ присоединилось еще появленіе частныхъ ходатаевъ по дѣламъ,—и существованіе ихъ въ изобиліи по камерамъ мировыхъ судей наглядно показываетъ, что мировое судопроизводство вовсе не представляетъ той легкости, несложности и простоты, какихъ, повидимому, слѣдовало бы ожидать въ этихъ учрежденіяхъ. Сперва казалось, что весьма удобно будетъ имѣть съ ними дѣло безъ всякихъ крючкотворцевъ, умѣющихъ такъ ловко осложнять и запутывать дѣла, но вышло, что крючкотворцы особенно

сильны у мировыхъ судей, которые очень часто весьма мало разумѣютъ въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ вообще, и особенно гражданскихъ.

Разумѣется, что ожидать совершенствъ отъ нашихъ мировыхъ судовъ, при учрежденіи которыхъ теорія брала сильный перевѣсъ надъ жизненными требованіями,—невозможно, но все таки необходимо стремиться къ устраненію тѣхъ недостатковъ, которые лежатъ въ ихъ основѣ или привились къ нимъ на практикѣ. Достичь этого можно прежде всего, хотя бы только до извѣстной степени—удачными выборами мировыхъ судей, но при этомъ, независимо отъ разныхъ неблагопріятныхъ условій, главнымъ препятствіемъ слѣдуетъ признать существующій нынѣ въ этомъ отношеніи избирательный порядокъ. Если же затѣмъ принять во вниманіе тѣ нареканія и даже прямыя обличенія, какимъ небезосновательно подвергается здѣшняя городская дума, а также имѣть въ виду и личный составъ ея,—весьма слабо соприкасающійся съ образованными слоями столичнаго населенія,—то нельзя не признать, что и для удачныхъ выборовъ мировыхъ судей, для придачи этимъ лицамъ нравственнаго значенія необходимы коренныя преобразованія по выборамъ общественнаго представительства.

Е. Карновичъ.

АНГЛІЯ и ИРЛАНДІЯ.

(Статья Джемса Брайса).

Безпорядки, продолжающіеся въ Ирландіи, и жестокая ненависть къ Англіи, не ослабѣвающая съ теченіемъ времени въ средѣ ирландскаго народа, должны немало удивлять посторонняго наблюдателя. Онъ уже знаетъ, что расовые національные вопросы, бывшіе причиной возстаній, то кончавшихся успѣшно, то сурово подавляемыхъ, ставились въ свое время на очередь въ различныхъ европейскихъ странахъ. Такъ, напримѣръ, Италія освободилась отъ австрійцевъ и отъ своихъ иноземныхъ государей. Греки и славяне, бывшіе подъ властью султана, избавились отъ турецкаго ига. Въ этихъ случаяхъ, трудности при разрѣшеніи національнаго вопроса, казалось бы, должны быть гораздо значительнѣе, чѣмъ по отношенію къ Ирландіи; тѣмъ не менѣе, въ данныхъ случаяхъ рѣшеніе вопроса, такъ или сякъ, худо-ли, хорошо-ли, все таки было найдено. Не то видимъ мы въ Ирландіи. Со времени эмансипаціи католиковъ, то есть, уже болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, англійскій парламентъ заявилъ о своемъ согласіи признать полное гражданское и политическое равенство всѣхъ классовъ ирландскаго населенія, сдѣлать ирландцевъ полноправными гражданами Соединеннаго Королевства, избираемыми на всѣ высшія должности и пользующимися своею долей общаго благосостоянія и свободы. Съ той поры лучшіе государственные люди Англіи старались добросовѣстно относиться къ Ирландіи и, по возможности, заглаживать ошибки и заблужденія прошлаго. Положеніе Ирландіи вовсе не походитъ на положеніе ни одной изъ тѣхъ угнетенныхъ народностей, какія представляетъ намъ исторія. Печать ея пользуется свободой и нападаетъ на правительство съ такою рѣзкостью, какую никогда не позволяютъ себѣ англійскія газеты—даже въ самые критическіе моменты государственной жизни. Ирландцы, избираемые въ члены парламента, не только открыто заявляютъ о своей ненависти къ англійской коронѣ, но говорятъ прямо въ лицо палатѣ общинъ, что цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы навлекать *презрѣніе на палату и парализировать* ея дѣятельность систематическимъ *затягиваніемъ преній.* И въ то же самое время Ирландія—или, по

крайней мѣрѣ, большинство ирландскаго народа—считаетъ себя страною покоренной, угнетенной, отвергаетъ всѣ предложенія Англіи, требуетъ иногда отдѣльнаго парламента, иногда же полной независимости. Англичане, хотя и выводимые изъ терпѣнія постоянными нападками, прислушиваются къ жалобамъ ирландцевъ и, изданіемъ различныхъ законовъ, стараются успокоить населеніе. Эти законы, однако-жъ, встрѣчаются съ неудовольствіемъ въ средѣ ирландцевъ и вызываютъ не удовлетвореніе, но новыя требованія дальнѣйшихъ уступокъ. Въ то же время политическая агитація сопровождается преступленіями подпольнаго характера, и народъ, извѣстный своею добротой и великодушіемъ, въ средѣ котораго обыкновенныя преступленія встрѣчаются гораздо рѣже и въ менѣе возмутительномъ видѣ, чѣмъ въ Англіи и во Франціи, жалѣетъ и защищаетъ убійцъ и другихъ злодѣевъ, возбуждающихъ своими дѣяніями всеобщій ужасъ. А ирландскій народъ, славящійся своимъ добродушіемъ, симпатизируетъ имъ.

Передъ нами два народа, говорящіе однимъ языкомъ, пользующіеся одними и тѣми же законами и, въ теченіе уже многихъ поколѣній, вступающіе между собой въ самыя тѣсныя сношенія, съ помощью торговли и брачныхъ союзовъ. А между тѣмъ и нынѣ еще выдающійся ирландскій дѣятель прямо говоритъ своимъ соотечественникамъ, что англичане въ Ирландіи представляютъ собой ничто иное, какъ разбойничью шайку, а англійскій государственный дѣятель, бывшій ирландскимъ секретаремъ во время министерства лорда Биконсфильда, заявлялъ своимъ избирателямъ, что ирландскія понятія о правительствѣ вообще вращаются только въ кругу убійствъ, мятежей и измѣны, что «всякое предпріятіе, направленное противъ Англіи и англійскихъ интересовъ, всегда будетъ пользоваться въ Ирландіи громадною популярностью». Эмигранты, поселяющіеся въ Соединенныхъ Штатахъ и нерѣдко наживающіе порядочное состояніе, таятъ въ душѣ самую непримиримую ненависть къ Англіи и многіе изъ нихъ удѣляютъ изъ своихъ еженедѣльныхъ заработковъ извѣстныя суммы для поддержанія агитаціи противъ Англіи. Англія вынуждена содержать въ Ирландіи до 30,000 солдатъ и столько же полицейскихъ, сколько приходится гарнизона на всю линію ея собственныхъ береговъ. Американцы могутъ посмотрѣть на эту проблемму безпристрастнѣе, нежели англичане, сами являющіеся здѣсь одною изъ заинтересованныхъ сторонъ. Но вслѣдствіе массы ложныхъ представленій, взаимныхъ обидъ, жалобъ и пререканій, затемняющихъ дѣло, трудно и для американца вдругъ рѣшить вопросъ: каково настоящее состояніе Ирландіи и каковы дѣйствительныя отношенія ея населенія къ Англіи. Поэтому, не безполезно представить теперь безпристрастный очеркъ ирландскихъ дѣлъ *для наиболѣе* полнаго уясненія вопросовъ: въ чемъ *заключаются дѣйствительныя* основанія ирландскаго недовольства,

что̀ за причины мѣшаютъ его устраненію, почему на эти причины смотрятъ различно въ Англіи и въ Ирландіи, какую роль играютъ мысль и чувства въ возбужденіи недоразумѣній—и, вообще, что̀ именно замедляло и замедляетъ до сего времени разрѣшеніе ирландскаго вопроса?

Прежде всего, должно замѣтить, что посторонніе наблюдатели склонны впадать по отношенію къ Ирландіи въ двѣ противоположныя ошибки.

Одна ошибка заключается въ томъ, что ирландцы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, просто досадуютъ на Англію и всячески вредятъ ей лишь единственно изъ удовольствія вредить, что ирландскіе парламентскіе націоналисты—самолюбивые агитаторы, «оттачивающіе свои собственные топоры» и мутящіе воду для того, чтобы имъ было удобнѣе ловить рыбу, что ошибка англійской политики именно заключается въ томъ, что она не съ достаточной суровостью относится къ возстанію. Такой взглядъ погрѣшаетъ тѣмъ, что онъ совершенно игнорируетъ бѣдственное экономическое состояніе бо̀льшей части ирландскаго населенія—причина сама по себѣ уже вполнѣ достаточная для возбужденія недовольства—и умалчиваетъ о существенныхъ мотивахъ тѣхъ жалобъ, которыя, какъ я надѣюсь доказать, Ирландія вправѣ предъявлять, такъ какъ англійскій парламентъ уже не однажды блистательно доказалъ свою несостоятельность, свое невѣденіе и небрежность въ отношеніи ирландскихъ дѣлъ.

Другая ошибка заключается въ томъ предположеніи, которое обыкновенно высказывается въ Соединенныхъ Штатахъ американскими политиками, принимающими живое участіе въ ирландскихъ митингахъ, а именно, что Ирландія—страна угнетенная. Она — не угнетенная страна, въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Она пользуется свободой слова и равными для всѣхъ законами, подвергающимися несомнѣнно нѣкоторымъ временнымъ ограниченіямъ, которыя парламентъ былъ вынужденъ неоднократно санкціонировать, въ видахъ охраненія жизни и собственности гражданъ и для подавленія инсуррекціонныхъ движеній. Правительства самыхъ свободныхъ государствъ бываютъ принуждены защищаться,—и хотя нельзя отрицать, что парламентъ заходилъ иногда слишкомъ далеко въ распространеніи этихъ исключительныхъ полномочій (какъ, напр., въ 1881 г. и затѣмъ—въ болѣе мягкой формѣ въ 1882 г.), но онъ дѣлалъ это неохотно, и сами исполнители по возможности старались не пользоваться многими изъ полномочій, фактически бывшихъ въ ихъ распоряженіи. Сравнивать Ирландію относительно поведенія ея администраціи съ Италіей во времена австрійскаго владычества,—было бы нелѣпостью. Общія фразы о свободѣ и національности въ настоящее время не *могутъ прилагаться* по отношенію къ Ирландіи. Ирландія представляетъ *собой проблему слишкомъ* сложную для того, чтобы можно было рѣ-

шать ее такимъ быстрымъ и легкимъ способомъ,—какъ говорится, сплеча.

Всего чаще причину ирландскихъ замѣшательствъ объясняютъ неспособностью кельтическаго племени, причемъ настаиваютъ на томъ, что эта раса неспособна къ свободѣ и порядку. Доктрина о врожденныхъ неспособностяхъ той или другой расы—произведеніе предразсудка, не желающаго изучить поосновательнѣе историческое прошлое человѣческихъ обществъ или упускающаго изъ виду тотъ фактъ, что нерѣдко народы, казавшіеся малоспособными, достигали значительнаго развитія и наоборотъ—народы, считавшіеся богато одаренными, впадали въ ничтожество. Эта доктрина въ сущности ничто иное, какъ сознаніе въ невѣжествѣ, и не нуждается въ дальнѣйшемъ разборѣ. Не болѣе можно сказать въ пользу той теоріи, что несчастія Ирландіи происходятъ будто бы отъ ея физическаго характера, отъ ея изолированнаго положенія и сыраго, туманнаго климата. Эту теорію—въ нѣсколько юмористическомъ тонѣ— излагалъ въ свое время Дизраэли, утверждая, что ирландецъ вѣчно недоволенъ, потому что живетъ на берегахъ печальнаго меланхолическаго моря. Въ иныхъ странахъ люди побѣждали болѣе значительныя естественныя преграды, а съ другой стороны чрезвычайно благопріятныя естественныя условія не приносили съ собой людямъ благосостоянія. Настоящее рѣшеніе этого вопроса, очевидно, кроется въ исторіи, до сего времени вліявшей на ирландскій народъ; сдѣлавшей изъ него то, чѣмъ онъ представляется намъ теперь и создавшей его настоящія отношенія къ Англіи и къ остальному міру. Задолго до неблагопріятнаго оборота въ ирландской исторіи, кельты Эрина, подобно стрэтклейдскимъ кельтамъ, должны были подвергнуться сильному вліянію тевтонскаго переселенія, повліявшаго также и на англичанъ, и оба народа, конечно, постарались захватить лучшую долю изъ тѣхъ естественныхъ богатствъ, въ ту пору очень значительныхъ, какими обладала страна. Въ своей статьѣ мы, разумѣется, не можемъ представить даже бѣглаго очерка ирландской исторіи,—что заняло бы слишкомъ много мѣста. Но мы должны отмѣтить нѣкоторые выдающіеся пункты, такъ какъ отъ пониманія ихъ зависитъ и уразумѣніе настоящихъ чувствъ и стремленій ирландскаго народа.

Часто также говорятъ, особенно сами ирландцы, что страданія Ирландіи происходятъ будто бы оттого, что она—страна завоеванная. Это, впрочемъ, можно сказать почти о всѣхъ европейскихъ странахъ, потому что почти всѣ онѣ въ свое время были покорены какимъ нибудь пришлымъ народомъ, основывавшимъ свою династію, вводившимъ иногда также свои законы и свой языкъ въ среду туземнаго населенія. Сама Англія была трижды покорена. Было бы вѣрнѣе сказать, что вся бѣда Ирландіи произошла оттого, что она—даже до *послѣдняго времени*—была покорена наполовину. Такъ на-

зываемое «присоединеніе» при Генрихѣ II было въ сущности только основаніемъ небольшой англійской колоніи на восточномъ берегу острова; валлійскіе и норманскіе искатели приключеній, пріобрѣвшіе земли въ нѣкоторыхъ другихъ округахъ, скоро должны были слиться съ мѣстнымъ населеніемъ. Только во времена Елизаветы и Іакова I, Ульстеръ и Мюстеръ были подчинены англійской власти, но это подчиненіе оказалось такъ непрочно, что Кромвель снова принялся за него съ такою жестокою суровостью, которую ничто, кромѣ успѣха, не могло бы оправдать. Но и тутъ успѣха не послѣдовало. Елизавета и Іаковъ около половины Ирландіи привели въ нѣкоторый порядокъ. Кромвель еще далѣе распространилъ англійское владычество, стараясь оттѣснить въ пустыни Коннаута непокорную массу туземнаго населенія, а остальную часть его разселить между англійскими колонистами. Но когда Стюарты возвратились въ Англію въ 1660 г., всѣ эти переселенія уже большею частію были оставлены. Туземные владѣльцы, правда, не возвратили своихъ прежнихъ имѣній, но тѣмъ не менѣе они все таки стремились къ своему старому мѣсту жительства; введеніе новыхъ порядковъ опять пріостановилось, и снова въ странѣ поднялись смуты, продолжавшіяся до окончательнаго покоренія Ирландіи, послѣдовавшаго тридцать лѣтъ спустя при Вильгельмѣ III.

Этимъ окончательнымъ покореніемъ начинается списокъ несправедливостей и ошибокъ, извѣстный подъ именемъ новѣйшей исторіи Ирландіи. До сихъ поръ единственный серьезный ударъ, нанесенный интересамъ Ирландіи, заключался въ поземельныхъ захватахъ со стороны англійскихъ поселенцевъ и въ замѣнѣ старинныхъ ирландскихъ земельныхъ правъ и обычаевъ англійскимъ феодальнымъ строемъ. У начальниковъ племенъ, сопротивлявшихся войскамъ Елизаветы, было еще мало или, можетъ быть, даже совсѣмъ не было сознанія идеи національности и превосходства своего вѣрованія надъ вѣрованіями другихъ: они просто бились за свой клочекъ земли, за свою власть и за свободу полуварварской жизни. Но въ продолженіе жестокихъ междоусобныхъ войнъ XVII столѣтія успѣли сильно развиться чувства національной и религіозной ненависти; эти чувства укрѣплялись и внѣдрялись все глубже и глубже, благодаря системѣ тѣхъ уголовныхъ законовъ, которые предназначались для того, чтобы наложить протестантское и саксонское ярмо на туземное населеніе, т. е. на кельтовъ-католиковъ. Національная ненависть, предоставленная самой себѣ, со временемъ могла-бы исчезнуть, а фактъ земельныхъ захватовъ могъ-бы, наконецъ, перейти въ область воспоминаній, когда послѣдняя надежда на возвратъ утраченной собственности была-бы потеряна. Но уголовный законъ, во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ подчинявшій католика протестанту, бередилъ незакрывшуюся рану, *не давалъ ни на* минуту забыть ее и постоянно затрогивалъ гор*сть и интересы* мѣстнаго населенія. Религіозныя разногласія могутъ

не разрушать національнаго единства. Въ прошломъ столѣтіи, напр., англійскіе католики были хорошими патріотами; также и въ Германіи религія уже перестала быть источникомъ ненависти и ожесточенія. Такимъ образомъ, уголовный кодексъ сдѣлалъ протестантизмъ источникомъ юридическаго и соціальнаго неравенства, лишивъ католиковъ и гражданскихъ правъ и политическихъ привилегій, что̀ еще болѣе ожесточало туземцевъ, заставляло ихъ чувствовать себя народомъ отдѣльнымъ и притомъ угнетеннымъ, санкціонируя въ то же время ихъ ненависть къ Англіи и къ англійскимъ законамъ, придавая ей оттѣнокъ горячей преданности своей религіи и духовенству, преслѣдуемому за служеніе этой религіи. Изданіе закона, по которому сынъ католика, принявши протестантизмъ, долженъ бы лишенъ владѣній своего отца и исключенъ изъ числа наслѣдниковъ братьевъ-католиковъ, придалъ политической ненависти еще болѣе острый характеръ, внесши несправедливость и въ частную, семейную жизнь. Такимъ образомъ, между ирландцами и завоевателями-англичанами былъ устроенъ четверной барьеръ: расовая ненависть кельтовъ къ саксонцамъ; раздраженіе изгнанныхъ земледѣльцевъ противъ тѣхъ, кто лишилъ ихъ имѣній; раздраженіе лишенныхъ политическихъ правъ противъ тѣхъ, кто пользовался ими, благодаря своей покорности; наконецъ, вражда религіозная между католиками и протестантами.

Три поколѣнія ирландцевъ воспитывали въ себѣ эти непріязненныя чувства, прежде чѣмъ уголовные законы стали смягчаться и пошли на уступки. Въ результатѣ получилось то, что ирландцы раздѣлились на двѣ націи, различныя въ дѣйствительности по крови и юридически-различныя по религіи. Въ то же время были причины, возбуждавшія гнѣвъ и ненависть всѣхъ ирландцевъ вообще—къ Англіи, какъ къ иноземному владыкѣ. Англійскій парламентъ составлялъ свои комерческіе законы въ такомъ духѣ, чтобы помѣшать Ирландіи успѣшно конкурировать съ англійскими издѣліями; ирландскіе доходы расхищались открыто или шли на пенсіи политическимъ авантюристамъ и разнымъ фаворитамъ. Ульстерскіе пресвитеріанцы—самая промышленная и образованная часть населенія, остававшаяся до тѣхъ поръ вѣрною англійскому правительству—были разорены. Ульстерскіе фермеры горько жаловались на лихоимство и несправедливости ландлордовъ, нарушившихъ, какъ то было доказано, тѣ условія, на основаніи которыхъ эти фермеры переселились сюда изъ Шотландіи, но никакого удовлетворенія на эти жалобы не послѣдовало, такъ какъ англійскій парламентъ вовсе не обращалъ вниманія на ирландскія дѣла. Ирландскій-же парламентъ, между тѣмъ, былъ совершенно безсиленъ и не въ состояніи былъ помочь горю, потому что могъ издавать *законы только* съ согласія англійскаго правительства. *Такое невыносимое, обидное* положеніе страны начало даже раз-

дражать ирландскихъ протестантовъ. Переставъ опасаться католиковъ они начали явно высказывать нерасположеніе къ Англіи; они возста вали противъ политическаго и комерческаго неравенства.

Отчасти вслѣдствіе войны съ Соединенными Штатами и съ Франціей, отчасти отъ сознанія совершонной ею несправедливости—Англія, наконецъ, уступила. Въ 1782 г. была дарована свобода ирландскому парламенту, уже прославившемуся такими великими ораторами, какъ Греттанъ и Флудъ,—и въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ 18-ти лѣтъ сознаніе идеи національности успѣло замѣтно пробудиться въ странѣ. Любопытенъ тотъ фактъ, что это сознаніе прежде всего проявилось въ протестантскихъ и саксонскихъ войскахъ, сильно стремившихся къ единенію. Въ то же время другія силы трудились надъ созданіемъ затрудненій и безпорядковъ. Продолжительныя страданія сельскаго населенія и сознаніе того, что должны быть совершенно отмѣнены законы, составленные и приведенные въ исполненіе господствующимъ сословіемъ ландлордовъ, произвели какую-то эпидемію преступленій во многихъ округахъ южной и западной Ирландіи; появились «бѣлые молодцы» и другія разбойничьи шайки; образовались тайныя общества—язва, съ тѣхъ поръ уже не прекращавшаяся,—и эти общества пользовались всевозможными средствами для достиженія своихъ цѣлей. Шотландскіе и ирландскіе пресвитеріанцы, послѣ неудачнаго возстанія, эмигрировали изъ сѣверной Ирландіи въ Америку и преимущественно въ центральные штаты, гдѣ во время войны за независимость и явились самыми ожесточенными врагами англичанъ. Наконецъ, эти три недовольные элемента:—націоналисты изъ среды образованнаго сословія, недовольные жители сѣверной Ирландіи и обездоленные крестьяне—подъ вліяніемъ французской революціи и побуждаемые духовенствомъ, составили, подъ именемъ «соединенныхъ ирландцевъ», большой заговоръ, подготовившій возстаніе 1798 г.

Извѣстна исторія этого злополучнаго возстанія, уже съ самаго начала осужденнаго на неудачный исходъ, благодаря недостатку вождей, недостатку согласія и вслѣдствіе безучастія со стороны Франціи. Было-бы лучше и для Ирландіи и для Англіи, еслибы это возстаніе разразилось въ очень большихъ или совсѣмъ малыхъ размѣрахъ. Дѣло въ томъ, что еслибы оно было сильнѣе, еслибы оно смогло держать Англію въ страхѣ нѣкоторое время и выказалось-бы дѣйствительно воюющей стороной, тогда миръ, понятно, могъ-бы быть заключенъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ и Ирландіи не пришлось-бы быть вторично порабощенною. Еслибы оно было слабѣе, еслибы оно было легче подавлено, тогда правящіе классы не стали-бы мстить побѣжденнымъ съ тою жестокостью, какую проявили они. Эмансипація католиковъ, рѣшенная Питтомъ уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, *не была-бы отложена* въ долгій ящикъ и соединеніе съ Великобританіей *въ 1800* г. не произошло-бы подъ такими небла[гопріятными]

вліяніями. Въ послѣдовавшія затѣмъ 29 лѣтъ — пока О'Коннель не завоевалъ политическихъ правъ для католиковъ—положеніе острова было безотрадное. Неистовства со стороны крестьянъ сдѣлались обычнымъ явленіемъ и вызвали введеніе военныхъ судовъ и отмѣну *habeas corpus* (обыкновенныя правительственныя мѣропріятія въ такихъ случаяхъ); между тѣмъ представительство Ирландіи въ англійскомъ парламентѣ оказывалось горькой насмѣшкой до тѣхъ поръ, пока только протестанты могли быть избираемы и имѣли право засѣдать въ парламентѣ, причемъ число ирландскихъ членовъ было слишкомъ незначительно и лично они (за немногими блестящими исключеніями) оказывались совершенно неспособны пользоваться своимъ вліяніемъ для блага страны. Повидимому, британскій парламентъ и англійскіе законы управляли Ирландіей; въ дѣйствительности же островъ былъ предоставленъ во власть наглой, праздной и расточительной касты ландлордовъ и ихъ агентовъ, отъ которыхъ можно было всего ожидать, когда невѣжество и насиліе не сдерживались ни законами, ни общественнымъ мнѣніемъ. Ирландскіе протестанты были здоровый, крѣпкій народъ, выдвинувшій изъ своей среды нѣсколько очень замѣчательныхъ личностей. Ошибки и неудачи ихъ происходили отъ ихъ невыгоднаго положенія и отъ окружавшихъ ихъ условій.

Съ проведеніемъ закона 1829 г. (The Emancipation Act), казалось, новая эра открылась для Ирландіи. Англія раскаявалась въ совершенныхъ ею несправедливостяхъ; правовыя отношенія и дружба должны были отнынѣ руководить ею въ обращеніи съ Ирландіей. Къ несчастію, самое худшее часто случается именно тогда, когда уже сдѣланы усилія измѣнить къ лучшему существующій порядокъ вещей: это происходитъ отчасти потому, что результаты прежнихъ ошибокъ и заблужденій въ то время становятся виднѣе, ощутительнѣе; отчасти же потому, что люди, долго и много страдавшіе, не находятъ исхода для своего мщенія до тѣхъ поръ, пока не почувствуютъ себя сильнѣе и свободнѣе. Англія ожидала, что Ирландцы будутъ очень благодарны за ея запоздавшій актъ справедливости, и чрезвычайно удивились, увидавъ, что тѣ нимало не благодарны ей; напротивъ, сдѣлались еще безпокойнѣе прежняго. Мы не находимъ нужнымъ представлять здѣсь историческій очеркъ ирландскихъ дѣлъ за 50 лѣтъ, послѣдовавшихъ за преобразованіемъ парламента. Сказаннаго уже совершенно достаточно для того, чтобы увидѣть, какъ много времени понадобилось для того, чтобы сдѣлать мысли и чувства ирландцевъ такими, какими они были на другой день по освобожденіи, и какъ много горечи—отъ пролитыхъ слезъ и крови—накопилось къ тому времени въ сердцѣ народа. Сначала раздраженіе проявилось *въ средѣ духовенства*, а затѣмъ и въ паствѣ, противъ *протестантовъ, завладѣвшихъ* старыми церквями и принуждавшихъ

ирландцевъ платить десятину еретическимъ пастырямъ. Въ то же время, постоянно отъ поколѣнія къ поколѣнію передавалось сознаніе того, что земля, захваченная саксонцами, прежде принадлежала ирландцамъ, которыхъ несправедливо лишили этой земли. Еще было живо воспоминаніе о массѣ обидъ и притѣсненій, причиненныхъ сословіемъ ландлордовъ,—не только ими самими, такъ какъ они жили въ Англіи или въ Дублинѣ, сколько ихъ родственниками и управляющими, ихъ повѣренными и судьями, и вся эта толпа тунеядцевъ тяжкимъ бременемъ лежала на ирландскомъ помѣщикѣ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Интеллигенція страны стыдилась и негодовала при видѣ несчастій, бѣдности и невѣжества народной массы, при видѣ того, какъ правительство отдѣлывалось жалкими полумѣрами или же вовсе не обращало вниманія на унизительное положеніе народа. Наконецъ, мало по малу, все сильнѣе пробуждалось и выяснялось сознаніе идеи ирландской національности. Ирландцы хотѣли быть народомъ независимымъ, свободнымъ, равноправнымъ членомъ человѣческой семьи, а не спутникомъ величаво шествующей Англіи.

Всѣ эти чувства и стремленія, вліявшія то на одно сословіе, то на всю народную массу, довели ирландскій народъ до того состоянія, въ какомъ онъ находится теперь. Но прошло немало времени прежде, чѣмъ эти стремленія проявились вполнѣ. Сначала народъ былъ слишкомъ приниженъ и сознавалъ свое новое положеніе недостаточно ясно для того, чтобы выразить свои затаенныя стремленія агитаціей или избраніемъ представителей по своему желанію. Идея національности, сравнительно еще новая въ 1832 г., сильно развилась съ тѣхъ поръ, выказавъ свою силу не только въ Италіи и Германіи, но даже въ такихъ незначительныхъ народностяхъ, какъ болгары или румыны. Подобные примѣры, подтверждавшіе силу и право идеи національности, не прошли безслѣдно и для Ирландіи. Но привычка повиновенія и подчиненія господствующему классу до того сильно вкоренилась въ Ирландіи, что только избирательный законъ 1872 г. (Ballot Act) избавилъ ирландскаго избирателя отъ страха передъ его ландлордомъ; только тогда ирландцы начали выбирать въ члены парламента людей новаго типа, такихъ людей, которые лучше прочихъ могли выразить Англіи чувства ненависти и мщенія, накоплявшіяся въ средѣ народа въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній.

Всѣ враждебные элементы, перечисленные нами выше, соединились въ одну большую партію ирландскихъ націоналистовъ. Война 1831 г. была чисто соціальнымъ или экономическимъ движеніемъ, проявившимся среди сельскаго населенія, съ самымъ незначительнымъ политическимъ оттѣнкомъ. Движенія же при Даніэлѣ О'Коннелѣ, а также при Девисѣ, Дуффи, Вильямѣ Смитѣ О'Бріенѣ, и *Джонѣ Митгеллѣ были*, напротивъ, движеніями съ исключительно *политическимъ* характеромъ. Послѣднее движеніе было болѣе част-

нымъ явленіемъ и не пустило въ массѣ корней. Это движеніе затѣяли энтузіасты изъ литературнаго круга, находившіе, что ихъ соотечественники по своему невѣжеству не въ состояніи были раздѣлять ихъ взглядовъ и были слишкомъ неорганизованы для того, чтобы оказать имъ существенную поддержку; въ то же время и духовенство не примкнуло къ этому движенію, такъ какъ не видѣло для себя выгодъ отъ республиканскихъ демонстрацій. Спустя почти 16 лѣтъ послѣ неудачнаго возстанія 1848 г., началось феніанское движеніе, болѣе широкое и болѣе опасное, потому что его вели большею частью люди, принадлежавшіе къ низшему слою народа, и оно основывалось на системѣ тайныхъ обществъ, развѣтвлявшихся съ такимъ же удобствомъ по англійскимъ городамъ, какъ и въ самой Ирландіи. Оно организовалось въ Америкѣ людьми, уже пріобрѣвшими нѣкоторую боевую опытность во время междоусобной борьбы Сѣвера съ Югомъ. Это движеніе, наконецъ, было опасно уже потому, что представляло прямыя выгоды сельскому населенію, обѣщая изгнаніе саксонскихъ пришельцевъ и передѣлъ земли. Затѣмъ послѣдовала агитація гомрулеровъ, сравнительно умѣренная по своимъ конечнымъ цѣлямъ, конституціонная по своему способу дѣйствій, поддержанная личностями, занимавшими хорошее общественное положеніе, протестантами и католиками, консерваторами и либералами, и привлекшая къ себѣ симпатіи революціонеровъ, всегда съ радостью привѣтствовавшихъ всякое нападеніе на Англію, откуда бы оно ни шло. Но различные составные элементы гомрулерской партіи скоро привели ее къ тому, что она распалась на секціи. Двѣ ея крайнія секціи послѣ того начали дѣйствовать за свой страхъ. Одна изъ нихъ, состоявшая изъ небольшой партіи членовъ парламента въ 1874 г., значительно усилилась въ парламентѣ 1880 г. и затѣяла или, вѣрнѣе сказать, развила и продолжала систему парламентскаго обструкціонизма, введенную нѣкоторыми англійскими торіями еще въ 1872 г. Эта группа затягивала и всячески задерживала пренія объ англійскихъ и шотландскихъ дѣлахъ въ палатѣ общинъ, съ тою цѣлью, чтобы вынудить законодательную власть заняться ирландскимъ вопросомъ или же передать ирландскія дѣла въ вѣдѣніе ирландскаго парламента. Другая секція, видя, что только та партія можетъ быть дѣйствительно сильна, которая опирается на народныя массы, взывая къ ихъ матеріальнымъ интересамъ и притомъ къ самымъ коренным интересамъ, основала ирландскую народную поземельную лигу. Ея программа—«земля для народа»—явилась краснорѣчивѣе и обольстительнѣе всѣхъ программъ, до тѣхъ поръ провозглашавшихся публично.

Въ то время, какъ умѣренные гомрулеры примкнули къ англійскимъ *либераламъ, поземельная* лига, пользовавшаяся большимъ *вліяніемъ на народъ, вступила* въ союзъ съ крайнею парламентскою

партіей. Тогда къ потоку политической агитаціи присоединился еще мутный, бушующій потокъ соціальной революціи. Такимъ образомъ, шли дѣла вплоть до 1881 г., когда наконецъ, подъ вліяніемъ страстныхъ парламентскихъ сценъ и аграрныхъ преступленій, охватившихъ собой двѣ трети Ирландіи, усилившійся кризисъ вызвалъ появленіе поземельнаго и принудительнаго закона (the Coercion Act.) Ирландія и Англія на томъ пока и остановились, не зная, къ чему приведутъ далѣе эти законы.

Впрочемъ, въ продолженіе послѣднихъ 50 лѣтъ, пока ирландское недовольство накоплялось все болѣе и болѣе, соединяясь въ одно русло, политика примиренія, начавшаяся съ эмансипаціи католиковъ, не переставала заявлять о себѣ. Въ 1833 г. былъ отмѣненъ десятинный налогъ; въ томъ же году послѣдовало уничтоженіе нѣсколькихъ епископій протестантской церкви. Система народнаго воспитанія была установлена здѣсь еще въ то время, когда сама Англія не пользовалась ею. Были основаны королевскія коллегіи и университеты—для народнаго образованія вообще—и учреждена была Мейнутская коллегія спеціально для католическаго духовенства. Въ 1869 г. протестантская церковь была лишена части своихъ доходовъ, не смотря на сильную оппозицію англійскаго духовенства и вліятельныхъ слоевъ англійскаго общества,—уступка, какъ бы то ни было, довольно значительная. Въ 1870 г. былъ изданъ законъ, признавшій за арендаторами право добровольной уступки ихъ фермъ, право, до тѣхъ поръ постоянно отрицавшееся законодательствомъ. Многимъ англійскимъ землевладѣльцамъ казалось, что это право подвергнетъ большой опасности англійскую поземельную собственность... Все это были доказательства дружелюбія, желанія покончить дѣло миромъ,—доказательства, данныя Ирландіи со стороны англійскаго парламента. Почему же они не произвели большаго или, по крайней мѣрѣ, хоть сколько нибудь благопріятнаго впечатлѣнія? Почему они не смягчили ненависти ирландцевъ, почему не убѣдили ихъ въ добромъ расположеніи къ нимъ Британіи, почему не внушили имъ политику умѣренной, совершенно конституціонной агитаціи, которою пользуются въ Великобританіи для исправленія несовершенствъ въ существующихъ законахъ или въ администраціи? Не были ли брошены на вѣтеръ всѣ эти акты справедливости и могла ли Англія, въ виду своихъ собственныхъ удобствъ и безопасности, обращать вниманіе на всякое требованіе, доходившее до нея съ того берега канала св. Георгія?

На всѣ эти вопросы, очевидно, можно отвѣтить только, что чувства, развившіяся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, не могутъ забыться въ нѣсколько лѣтъ—даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. *Если вы дурно обращались* съ ребенкомъ, били его съ колыбели, то *вы не должны разсчитывать* на его любовь и довѣріе тотчасъ, послѣ

того, какъ вы оставили палку. Но этотъ отвѣтъ, разумѣется, не объясняетъ всей сущности дѣла. Должны быть еще другія причины для продолжающихся по сіе время недоразумѣній между этими двумя странами,—для жестокой ненависти ирландской народной партіи къ Англіи. Возьмите, напр., такой фактъ, какъ убійство лорда Фредерика Кавендиша и м-ра Борка,—фактъ, небывалый въ исторіи Ирландіи, небывалый даже, можно сказать, вообще въ современной европейской исторіи. Жертвами политическихъ убійствъ въ Испаніи, Италіи и даже въ Турціи были такія лица, которыя могли возбуждать къ себѣ лично злобу или служили живымъ олицетвореніемъ ненавистной системы, или, просто, какъ дѣятельные агенты и министры, выносили на себѣ общественное нерасположеніе. Но здѣсь, въ данномъ случаѣ, у лорда Кавендиша не было, да и не могло быть личныхъ непріятелей; онъ еще не вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей; онъ намѣревался освободить много заключенныхъ изъ тюремъ и хотѣлъ кротостью примирять враждующихъ. Въ этомъ преступленіи народъ, конечно, не виноватъ; это—дѣло нѣсколькихъ человѣкъ. Но, между тѣмъ, въ Ирландіи нашлось много такихъ общественныхъ группъ, которыя едва скрывали свое удовольствіе при извѣстіи объ убійствѣ въ Фениксъ-паркѣ, а въ Америкѣ очень многіе прямо аплодировали убійцамъ. Этотъ случай можетъ служить лучшею иллюстраціей того положенія, въ какомъ находятся между собой обѣ стороны или, вѣрнѣе, въ какомъ положеніи ирландскіе націоналисты находятся въ Англіи, причину чего должно искать столько же въ настоящемъ, сколько и въ прошломъ.

При тщательномъ изслѣдованіи этихъ причинъ, нѣкоторыя изъ нихъ найдутся въ характерѣ и положеніи народа и правительства Великобританіи, другія же—въ нравахъ и понятіяхъ ирландцевъ. Начнемъ съ первыхъ...

Англійское правительство все еще является на практикѣ въ Ирландіи правительствомъ иноземнымъ. Англичане могутъ говорить, что этого не должно быть, что этого не можетъ быть, такъ какъ оба острова составляютъ одно королевство, оба они присягаютъ на вѣрность одной и той же королевѣ, оба управляются народнымъ собраніемъ, въ которомъ ирландскіе представители засѣдаютъ, вотируютъ и говорятъ свободно, даже болѣе чѣмъ свободно, причемъ этихъ представителей значительно болѣе того числа, на которое Ирландія имѣетъ право по своему народонаселенію и богатству. Но тѣмъ не менѣе ирландскій народъ и по сіе время считаетъ правительство не «своимъ», но—«англійскимъ правительствомъ». Правительство кажется ирландцамъ властью чуждою, ускользающею отъ ихъ контроля и руководящеюся такими принципами, которые—худы-ли, хороши-ли—не могутъ быть *названы* ихъ собственными принципами. Ирландскій *крестьянинъ, также какъ* и мелкій торговецъ, чувствуютъ эту

розпь, какъ венгерцы и итальянцы еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ чувствовали свою розпь съ австрійскимъ правительствомъ, какъ высшіе слои въ Польшѣ и до сего времени не считаютъ русскаго правительства «своимъ». Вы можете говорить ирландцу, что у него—свое правительство, можете говорить ему сколько угодно, что у него парламентскій образъ правленія, а онъ все таки будетъ говорить свое. Англичане, положительно, не могутъ понять этого... Англичане, обыкновенно, не часто посѣщаютъ Ирландію, но когда бываютъ тамъ,—слышатъ вокругъ себя тотъ же говоръ, какъ и въ Англіи, видятъ тѣхъ же солдатъ и тѣхъ же констеблей въ большей части ирландскихъ городовъ,—видятъ тѣ же суды, расплачиваются тою же монетою, что и въ Англіи, путешествуютъ по такимъ же точно желѣзнымъ дорогамъ, также охотятся здѣсь, встрѣчаются съ людьми своего круга, находятъ въ нихъ тѣ же знакомые имъ предразсудки и вкусы, и вообще находятъ очень мало различія между двумя островами, за исключеніемъ, разумѣется, народа, который здѣсь, въ Ирландіи—по ихъ словамъ—злѣе, лживѣе и смѣшнѣе, чѣмъ въ Англіи. Они не понимаютъ: почему Ирландія не должна быть вѣрна и предана имъ также, какъ Шотландія, гдѣ они чувствуютъ себя совершенно, какъ дома, не смотря на нѣкоторое различіе въ религіи и законахъ. Англичанинъ до сего времени былъ постоянно убѣжденъ въ томъ, что *его* обычаи, *его* идеи и законы—самые нормальные, самые естественные, и онъ поступалъ всегда согласно этому убѣжденію. Ирландскіе законы и—съ небольшими варіаціями—почти вся административная система были перенесены изъ Англіи, гдѣ развивались путемъ совершенно естественнымъ, а здѣсь они должны были дѣйствовать въ странѣ, поставленной испоконъ вѣковъ въ иныя условія, которыя никогда не могли примѣниться къ растеніямъ, пересаженнымъ изъ Англіи. Англійскій поземельный законъ и установленіе англиканской церкви были только самыми выдающимися образчиками того метода, какой практиковался по отношенію къ управленію Ирландіей, согласно англійскимъ идеямъ; хотя оба вышеупомянутые факта уже устранены, но все еще осталось нѣсколько учрежденій, вовсе непригодныхъ для Ирландіи, которыхъ сами ирландцы никогда не создали бы для себя.

Но это—не единственная причина, почему ирландцы утверждаютъ, что ими управляютъ «извнѣ». Два главныя лица, облеченныя исполнительною властью—лордъ-намѣстникъ и главный секретарь—почти всегда бываютъ англичане или же—какъ напр., Чичестеръ, Фортескью, Иришборнъ—англичане по своимъ стремленіямъ, по воспитанію, по связямъ, по идеямъ *). Мы не станемъ спорить о тѣхъ мотивахъ, по

*) *Аристократія и высшій* слой джентри въ Ирландіи, разумѣется, природные *англичане.*

которымъ будто-бы невозможно было назначать ирландцевъ на эти мѣста за послѣдніе годы, но не можемъ не замѣтить, что ирландцы оказались бы не менѣе пригодны къ этимъ должностямъ, чѣмъ тѣ два англичанина, которые въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ занимали должность главныхъ секретарей. Мы отмѣчаемъ этотъ фактъ только потому, что сами ирландцы указываютъ на него, какъ на доказательство своего подчиненнаго, подначальнаго положенія. Главная же причина недовольства заключается въ британскомъ парламентѣ. Этотъ парламентъ—настолько-же ирландскій, насколько и англійскій. Ирландцы имѣютъ полное право составлять законы для Англіи и Шотландіи—также точно, какъ англичане и шотландцы—для Ирландіи. Голоса ирландскихъ депутатовъ также дѣйствительны для низверженія министерствъ, какъ и голоса представителей отъ Манчестера, Лондона или Эдинбурга. Такимъ образомъ, въ чемъ же первенство, въ чемъ же обида? А въ томъ именно, что ирландскіе депутаты составляютъ самое незначительное меньшинство въ парламентѣ и голосъ этого меньшинства заглушается голосами англійскихъ и шотландскихъ депутатовъ, не знающихъ ирландскихъ дѣлъ и не обращающихъ на нихъ вниманія. Какъ бы ирландскіе представители ни сплотились, ихъ желанія легко могутъ быть отвергнуты—только стоитъ министру обратиться къ англійскому и шотландскому большинству. Для Ирландіи, говорятъ ирландцы, требуется вся парламентская сессія. Должно помочь столькимъ народнымъ бѣдствіямъ, нужно указать на такую массу злоупотребленій администраціи, требуется такъ много реформъ въ законодательствѣ страны, что вся сессія должна посвящаться одной Ирландіи. Но англичане и шотландцы не согласны на это. «Ирландія, говорятъ англичане, посылаетъ въ палату общинъ менѣе шестой части всѣхъ членовъ, а по народонаселенію составляютъ лишь седьмую часть Соединеннаго Королевства. Почему же она разсчитываетъ занимать для себя непропорціонально много времени?» Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, конечно, Ирландія занимала для обсужденія своихъ дѣлъ гораздо болѣе парламентскаго времени, чѣмъ приходилось на ея долю. Это—такъ, но это происходило частью отъ ея разстроеннаго состоянія, частью вслѣдствіе систематическихъ замѣшательствъ, вносимыхъ ирландскими представителями въ дѣятельность парламента. Пока они не прибѣгли къ обструкціонизму, ирландскія дѣла находились въ полномъ пренебреженіи со стороны большинства. Англійскимъ депутатамъ наскучили ирландскіе вопросы, съ которыми они были вовсе незнакомы. Во время преній объ ирландскихъ дѣлахъ эти господа шатались по перед[illegible]ней и только по звонку собирались въ залу засѣданія, для того чтобы вотировать такъ, какъ имъ укажутъ предводители партій; они при всякомъ случаѣ старались замять эти—неинтересныя для нихъ—пренія.

Такое *положеніе вещей раздражало* ирландскихъ представителей и *служитъ какъ-бы оправданіемъ* для обструкціонизма, къ которому они

прибѣгли наконецъ. Конечно, палата общинъ не могла переносить хладнокровно такое нарушеніе своихъ обычаевъ и постоянный перерывъ въ занятіяхъ; но безъ обструкціонизма ирландскіе депутаты никогда не добились-бы новаго поземельнаго закона. Ирландскіе вопросы по прежнему устранялись-бы на задній планъ, какъ очень часто случалось до тѣхъ поръ. Въ этомъ сказывалось не одно равнодушіе, но также и невѣжество британскаго парламента... Законы издавались для Ирландіи, различныя административныя учрежденія примѣнялись къ Ирландіи и все кончалось неудачей, благодаря ошибкамъ палаты общинъ, не знавшей хорошо Ирландіи, хотя и защищавшей съ жаромъ свои неумѣстныя нововведенія. Еслибы подобныя ошибки касались англійскихъ дѣлъ, то англійскіе члены парламента, разумѣется, заинтересовались-бы ими; о нихъ стали-бы вести рѣчь въ частныхъ бесѣдахъ, по поводу ихъ завязались-бы и публичныя пренія, газеты подхватили-бы со своей стороны, общественное мнѣніе высказало-бы министерству свое неудовольствіе. Но ничего подобнаго не могло быть, когда ошибки дѣлались по отношенію къ Ирландіи. Не зная хорошо Ирландіи, англійское и шотландское большинство передавало свои голоса въ распоряженіе правительства, а правительство въ свою очередь передавало ихъ въ распоряженіе главнаго секретаря по ирландскимъ дѣламъ, и еслибы нашелся англичанинъ, знающій кое-что объ Ирландіи, и вздумалъ-бы протестовать противъ ошибочныхъ рѣшеній, то онъ протестовалъ-бы совершенно напрасно, потому что въ общественномъ мнѣніи и въ прессѣ онъ нашелъ-бы себѣ не болѣе поддержки, чѣмъ и въ средѣ своихъ невѣжественныхъ собратій-депутатовъ.

Правительство для Ирландіи является, такимъ образомъ, въ лицѣ одного человѣка—лорда намѣстника или главнаго секретаря. Это, обыкновенно, бываетъ человѣкъ способный и порядочный (нынѣ, въ особенности, достойные люди занимаютъ обѣ эти должности), но тѣмъ не менѣе здѣсь все-таки нѣтъ того самоуправленія, которымъ Англія кичится передъ всѣмъ свѣтомъ. Управленіе Ирландіей не можетъ быть названо независимымъ; правительство здѣсь, безъ сомнѣнія, отвѣтственное, но оно отвѣтственно не передъ ирландцами, а передъ собраніемъ, въ которомъ они составляютъ лишь шестую часть. Когда въ Англіи чувствуется недовольство, когда это недовольство высказывается какою нибудь частью страны, какимъ нибудь классомъ гражданъ, членами какого нибудь союза или отдѣльной профессіи, то тотчасъ поднимается шумъ. Въ министерство являются депутаціи, члены парламента бомбардируются письмами со стороны своихъ избирателей. Собираются публичные митинги. Выдающіяся газеты берутся за дѣло и знакомятъ съ нимъ политическій міръ. Недовольные находятся рядомъ съ тѣми, у кого въ рукахъ всѣ средства помочь ихъ горю; недовольные могутъ приходить къ нимъ и вліять на нихъ сотнею способовъ. Такимъ образомъ, когда дѣло доходитъ до парламента, то за-

явленіе министра уже не принимается въ этомъ случаѣ, какъ мнѣніе рѣшающее. И депутаты вотируютъ такъ, какъ подсказываютъ имъ ихъ убѣжденія или желанія ихъ избирателей; министерство должно уступить или пасть. Такъ, напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійскіе рабочіе союзы стали выражать свое недовольство закономъ о заговорахъ, такъ какъ онъ, по словамъ ихъ, совершенно несправедливо стѣснялъ эти союзы. Сначала правительство и высшіе классы, какъ водится, не обращали на этотъ вопросъ ровно никакого вниманія, но, не смотря на слабую парламентскую поддержку на первыхъ порахъ, рабочіе союзы, благодаря настойчивой агитаціи, выиграли свое дѣло: законъ былъ измѣненъ согласно ихъ желаніямъ. Ни депутаты, ни министры не могли игнорировать членовъ рабочихъ союзовъ, посреди которыхъ, такъ сказать, сами они жили... Ирландскіе-же поселяне— совершенно въ иномъ положеніи. Они гдѣ-то тамъ, далеко, на другомъ островѣ; ихъ страданія, ихъ жалобы и стоны непосредственно не доходятъ до англійскихъ членовъ парламента. Въ самомъ лучшемъ случаѣ они только читаютъ объ ирландскихъ бѣдствіяхъ, какъ читаютъ обыкновенно какія нибудь сказки путешественниковъ по отдаленнымъ странамъ.

«Вотъ поэтому-то, говорятъ ирландцы, отношенія англійскаго правительства и парламента къ Ирландіи и отмѣчены неопредѣленностью, шаткостью и отсутствіемъ твердаго принципа. Ваше министерство заигрываетъ съ католическимъ духовенствомъ и воображаетъ, что, заручившись его расположеніемъ, сдѣлавъ ему уступки въ школьномъ дѣлѣ, оно можетъ успокоить страну. Иногда-же парламентъ отказывается сдѣлать такія уступки, какія были уже обѣщаны, вслѣдствіе чего и является общее недовѣріе. То вы дѣлаетесь слишкомъ суровы и издаете драконовскіе законы, то вдругъ вы перестаете примѣнять ихъ на практикѣ и какъ-бы втайнѣ ободряете возстаніе. Такимъ образомъ слѣдуютъ перемѣна за перемѣной, какихъ позволительно ожидать лишь въ иностранной политикѣ, такъ какъ парламентъ и народъ не могутъ постоянно заниматься внѣшней политикой, а когда, послѣ извѣстнаго перерыва, они снова обращаются къ ней, то, понятно, могутъ думать и дѣйствовать вовсе не въ томъ направленіи, какъ прежде. Но во внутренней политикѣ не должно быть подобной смѣны направленій. Поэтому-то ваши отношенія къ Ирландіи и носятъ характеръ скорѣе иностранной, нежели внутренней политики... Говорите, что хотите, а все таки два народа не сольются въ одинъ народъ. Подтвержденіемъ этой истины служатъ пренія въ вашемъ парламентѣ, въ особенности-же пренія, происходящія въ палатѣ лордовъ, гдѣ нѣтъ даже ни одного представителя идей и стремленій ирландскаго народа. Палата лордовъ, между тѣмъ, имѣетъ право отвергать законы, клонящіеся ко благу Ирландіи, законы, почти единогласно одобренные *ирландскими депутатами въ палатѣ* общинъ. И палата лордовъ не

упускаетъ случая пользоваться своимъ правомъ. Пользуясь имъ, она отвергла въ 1880 г. билль «о вознагражденіи фермеровъ» (ирландскихъ) и тѣмъ вызвала всѣ послѣдовавшіе затѣмъ безпорядки, потрясшіе страну до основанія. Какъ-бы поступила либеральная партія въ томъ случаѣ, еслибы билль предназначался для облегченія англійскихъ несчастливцевъ? Она, конечно, стала бы угрожать палатѣ пэровъ, снова внесла-бы этотъ билль,—и послѣ того не посмѣли-бы его отвергнуть. Но жертвами на этотъ разъ явились ирландскіе фермеры, и вы поэтому отнеслись холодно къ этому дѣлу. М-ръ Форстеръ сдѣлалъ на воздухъ нѣсколько выстрѣловъ по адресу лордовъ, радикалы одобрили его,—тѣмъ дѣло и кончилось. Но зло не исчезло, ибо съ этого времени аграрныя преступленія начали усиливаться. Сущность конституціи, подобной конституціи Соединеннаго Королевства, именно и состоитъ въ томъ, что народъ при ней является въ одно время и подданнымъ и правителемъ—черезъ своихъ представителей, такъ что когда онъ теряетъ въ качествѣ подданнаго, то всегда зато можетъ выиграть, какъ правитель. Вотъ почему хорошее правленіе, свободное правленіе и самоуправленіе являются синонимами. Настоящее управленіе Ирландіи съ помощью англійскихъ министровъ и при посредствѣ парламента, въ которомъ одна палата цѣликомъ англійская, а въ другой палатѣ англичане и шотландцы составляютъ пять шестыхъ всѣхъ членовъ, отнюдь не можетъ быть названо самоуправленіемъ. Оттого-то ваше законодательство, даже самое либеральное и задуманное съ самыми благими намѣреніями, является для насъ законодательствомъ «не своимъ», чужеземнымъ, а мы себя чувствуемъ вашими подданными!»

Мы старались здѣсь изобразить дѣло такъ, какъ оно представляется ирландцу. Безъ сомнѣнія, во всемъ сказанномъ заключается много правды. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоитъ лишь послушать пренія по ирландскимъ дѣламъ въ палатѣ общинъ. Должно еще прибавить, что англичане для Ирландіи не только чужестранцы, но еще чужестранцы крайне непривлекательные. Они слишкомъ сухи, жестки, несимпатичны и склонны всѣ свои обычаи и особенности выставлять образцами совершенства и высшей справедливости. Къ расамъ низшимъ—по ихъ мнѣнію—они относятся мягче и справедливѣе прочихъ цивилизованныхъ европейскихъ народовъ. Но въ то же время они относятся къ этимъ расамъ съ презрѣніемъ или, по крайней мѣрѣ, съ обидной снисходительностью. Они никогда не позволяютъ забывать своему подданному, что онъ — не только подданный, но притомъ и существо низшей расы. Явнымъ доказательствомъ ихъ гордости служитъ то обстоятельство, что они съ полною индифферентностью относятся къ тому: какого мнѣнія о нихъ подвластные имъ народы. Отношеніе ихъ къ ирландцамъ нѣсколько *похоже на отношеніе* нѣмцевъ къ славянамъ. Конечно, англичане *не такъ ненавидятъ* ирландцевъ, какъ нѣмцы славянъ, или какъ

шотландецъ, житель равнинъ, горца кельтическаго происхожденія, какъ то было еще во дни юности Томаса Карлейля. Къ каждому ирландцу въ отдѣльности англичанинъ не питаетъ антипатіи, и нечего говорить о томъ, что у ирландца въ Англіи находятся въ распоряженіи всѣ шансы на успѣхъ и онъ пользуется отлично этими шансами. Въ войскѣ, въ адвокатурѣ, въ медицинѣ, въ духовенствѣ, въ литературѣ и наукѣ, однимъ словомъ, во всѣхъ профессіяхъ многіе изъ выдающихся современныхъ англійскихъ дѣятелей—ирландцы по рожденію и воспитанію, настоящіе ирландцы, со всѣми ихъ характерными качествами, причемъ иногда даже и произношеніе выдаетъ ихъ. Но къ Ирландіи вообще, какъ къ цѣлому, или къ той или другой группѣ ирландцевъ англичане чувствуютъ если не отвращеніе, то, по меньшей мѣрѣ, недовѣріе,—и если относятся къ ирландцамъ не съ явнымъ презрѣніемъ, то ужь во всякомъ случаѣ и не съ уваженіемъ. Ирландецъ вообще принятъ въ Англіи на равной ногѣ съ англичаниномъ, но ирландцевъ, толкующихъ о своемъ національномъ характерѣ, о своей національности, здѣсь не могутъ терпѣть. Мѣстный патріотизмъ здѣсь кажется страннымъ и смѣшнымъ. «Чѣмъ они гордятся? говоритъ англичанинъ. Почему они не могутъ бросить свои глупости и довольствоваться положеніемъ гражданъ великаго Соединеннаго Королевства? Они неспособны къ самоуправленію и погибли бы навѣрное, еслибы предоставить ихъ самимъ себѣ. Съ ними должно поступать, какъ съ дѣтьми. Почему они не могутъ быть счастливыми, когда такой добрый другъ, какъ Англія, надзираетъ за ними? Почему они такъ неблагодарны за все, что она дѣлаетъ для нихъ?» Неугомонность, пылкость рѣчи, нѣкоторая шероховатость и непостоянство ирландскаго характера, даже ихъ увеселенія и забавы—не нравятся англичанину. Онъ не можетъ скрыть своего неудовольствія, ирландцы замѣчаютъ это и, конечно, приходятъ въ негодованіе за недостатокъ любезности со стороны англичанъ, причемъ раздраженіе ирландцевъ иногда высказывается такимъ способомъ, который удивляетъ и шокируетъ англичанъ... Ирландскій патріотъ, если даже ему не на что жаловаться лично за себя, всегда является человѣкомъ недовольнымъ, обижающимся за народъ; онъ признаетъ англичанъ иностранцами; вмѣшательство ихъ для него невыносимо, именно какъ вмѣшательство иностранное, и онъ втайнѣ лелѣетъ свою идею національности. Мы сами слыхали, какъ ирландцы—горячіе противники народной партіи, завзятые тори и протестанты—сознавались, что они ненавидятъ Англію и желали бы освободиться отъ нея, хотя бы и не предвидѣлось для нихъ никакихъ выгодъ отъ независимости Ирландіи. Для нихъ невыносима одна мысль о томъ, что Англія третируетъ ихъ свысока, «de haut en bas». Нечему удивляться, если это чувство въ непросвѣщенной массѣ, извѣрившейся въ обѣщанія Англіи и приписывающей ей всѣ свои несчастія, *оставляетъ народъ открыто* считать «не своимъ» то правительство,

которое является ему въ лицѣ королевы и англійскаго парламента.

Еслибы правительство было чисто англійское, то дѣло значительно упростилось бы. Иностранное правленіе, какъ, напр., правленіе австрійцевъ въ Италіи, не задѣваетъ отдѣльныхъ лицъ въ частности, но тяготѣетъ равно надъ всѣмъ народомъ. Оно не вооружаетъ одинъ классъ гражданъ противъ другаго, оно гнететъ всѣхъ, давая тѣмъ общую почву для національной ненависти къ иностранцу. Но подъ англійскимъ правленіемъ въ Ирландіи должно подразумѣвать не только правленіе Англіи въ собственномъ смыслѣ слова, но и правленіе одной части Ирландіи надъ другою, — т. е. правленіе господствующаго сословія, англійскаго по своему происхожденію, протестантскаго — по религіи, которое въ прежнее время пользовалось, какъ монополіей, всѣми политическими и гражданскими правами и такъ злоупотребляло своимъ привилегированнымъ положеніемъ, что вызвало въ народѣ непримиримую ненависть не только къ себѣ, но и къ Англіи. По понятію ирландскаго крестьянина или мелкаго промышленника, правительство — не какая-нибудь отдаленная туманная абстракція, дающая за небольшую подать покровительство закона, и ужь вовсе не олицетвореніе національнаго единства; онъ видитъ правительство въ лицѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ лицѣ мѣстнаго господствующаго сословія, которому онъ платитъ ренту, которое выставляетъ изъ среды своей мировыхъ судей, состоитъ въ родствѣ или въ близкихъ связяхъ по своему общественному положенію со всѣми другими властями и всегда можетъ вліять черезъ нихъ въ дурную или въ хорошую сторону. Въ прежнее время, крестьянинъ вынесъ много обидъ и тяжелыхъ притѣсненій отъ сквайровъ и ихъ управляющихъ, и потому между ними не могло установиться симпатій и дружбы, какія мы замѣчаемъ въ отношеніяхъ англійскаго ландлорда къ его фермеру. Ирландецъ знаетъ, что теперь порядокъ вещей измѣнился. Ирландскіе ландлорды почти всѣ тори, и съ 1870 г. ожесточенно нападаютъ на либеральную партію за то, что та нанесла ударъ протестантской церкви въ Ирландіи и добилась измѣненій поземельныхъ законовъ. Крестьянинъ замѣчаетъ, что эти люди, нѣкогда увѣренные въ своей силѣ, теперь волнуются, кажутся встревоженными. Онъ видитъ, что есть власть и надъ сквайромъ, что власть уже не поддерживаетъ его такъ, какъ въ старину. Онъ приписываетъ такую перемѣну агитаціи, устрашившей англичанъ, и эта мысль ободряетъ его; ирландецъ занимаетъ болѣе смѣлое положеніе. Но правительство въ представленіи крестьянина все еще отождествляется съ тѣмъ общественнымъ классомъ, посредствомъ котораго сносится съ нимъ,—съ тѣмъ классомъ, который занимаетъ всѣ платныя *и неплатныя должности*, поставляетъ судей и весь контингентъ чиновниковъ. *Злоба, которую* ирландецъ питаетъ къ этимъ людямъ,

теперь еще сильнѣе, чѣмъ прежде (жестокость и грубость менѣе чувствительны для раба, нежели надменность для человѣка свободнаго), переносится и на правительство, и Англія, такимъ образомъ, навлекла на себя двойную наслѣдственную ненависть: ненависть собственно къ себѣ, какъ къ завоевателю, и затѣмъ — ненависть къ господствующей кастѣ, тиранствовавшей нѣкогда надъ ирландскимъ бѣднякомъ. Тѣ причины, по которымъ англійское правительство отождествляется съ высшимъ сословіемъ, издающимъ законы въ своихъ интересахъ и дѣлающимъ Англію ненавистною, разумѣется, относятся скорѣе къ прошлому, чѣмъ къ настоящему времени. Современное поколѣніе ирландскихъ ландлордовъ несравненно лучше своихъ предковъ и тяжко расплачивается теперь за ихъ грѣхи; много изъ своего могущества уже потеряли ландлорды и еще болѣе предстоитъ имъ потерять. Но англійское правительство не можетъ освободиться отъ союза съ ними, потому что только въ средѣ ихъ находитъ оно людей образованныхъ и въ то же время симпатизирующихъ Англіи. Эти люди необходимы для правительства и едва-ли можно порицать его за то, что оно пользуется ихъ услугами. Нынѣшнее поколѣніе англичанъ также невиновато и въ томъ, что Ирландія въ старые годы управлялась такъ, какъ будто-бы она была населена англичанами. Но англичанъ можно обвинять въ томъ, что въ теченіе 50 лѣтъ, послѣдовавшихъ за эмансипаціей католиковъ, они не узнали или не позаботились узнать всей правды объ Ирландіи, а когда эта правда явилась передъ ними — они, по своему обыкновенію, игнорировали ее или забывали о ней. Парламентъ занимался ирландскими дѣлами только подъ вліяніемъ давленія со стороны Ирландіи — то вслѣдствіе увеличенія аграрныхъ преступленій, то въ виду открытаго возстанія, то благодаря обструкціонистамъ палаты общинъ. Всякая уступка вырывается у парламента насильно и является запоздалою, такъ какъ требованія агитаторовъ въ то время пошли уже далѣе. Уступка теряла свою цѣну, потому что являлась вынужденною, была неполною, потому что всегда искажалась, проходя черезъ аристократическое горнило палаты лордовъ и, повидимому, была обязана своимъ появленіемъ не столько благоразумію и справедливости, сколько страху или утомленію вслѣдствіе систематическаго обструкціонизма. Постоянно въ числѣ доводовъ, приводимыхъ въ пользу той или другой законодательной мѣры, какъ самый дѣйствительный аргументъ, обыкновенно приводилось то обстоятельство, что недовольство и броженіе въ Ирландіи достигло высшей степени, что непремѣнно нужно сдѣлать что нибудь для ея успокоенія. Такимъ образомъ, агитація поднимала голову, и ирландцы рѣшали, что самое лучшее средство обратить на себя вниманіе Англіи — возстаніе и безпорядки. *За свою небрежность* и за свою кичливость, Англія на судъ

исторіи, безъ сомнѣнія, заслужитъ строгій, но справедливый приговоръ.

Но что такое—Англія? Существуютъ двѣ Англіи—также, какъ и двѣ Ирландіи, хотя не одинаково ожесточенныя одна противъ другой. Либеральная Англія признаётъ многіе изъ тѣхъ принциповъ, за которые борется народная партія, мало симпатизируетъ ландлордамъ и еще менѣе оранжизму, и готова постепенно удовлетворять всѣ предъявляемыя требованія, не угрожающія государственному единству. Англійскіе же консерваторы держатся того убѣжденія, что ирландскіе безпорядки происходятъ отъ слабости правительства, что надлежащая твердость уже давно смирила бы недовольство, которое лишь поддерживается и разжигается всякими уступками. Недовольство, по ихъ мнѣнію, происходитъ вслѣдствіе агитаціи, искусственнымъ путемъ; агитація же обязана своимъ существованіемъ излишней терпимости со стороны либеральныхъ министерствъ, которыя находятъ болѣе удобнымъ уступать передъ требованіями, нежели отвѣчать на нихъ отказомъ, которыя думаютъ, что народныя массы всегда правы, а крупные землевладѣльцы всегда виноваты. Когда торійское правительство уступаетъ, что случается иногда, то это обыкновенно объясняется тѣмъ, что поведеніе предшествовавшаго либеральнаго министерства принудило его къ такому поступку; когда же какая нибудь либеральная мѣра оказывается неудовлетворительною, тогда вина сваливается на торійскую партію или на палату лордовъ, исказившихъ по своему законопроэктъ. Благодаря такимъ противорѣчивымъ взглядамъ, поперемѣнно господствующимъ въ правительственныхъ сферахъ, смотря по тому, въ какую сторону склоняется парламентское большинство,—англійская политика по отношенію къ Ирландіи является безсильною, неопредѣленною, и въ итогѣ не оказывается ни надлежащей твердости, ни послѣдовательно выдержаннаго либеральнаго направленія. Каждая партія смотритъ на ирландскій вопросъ, какъ на удобное поприще для нападеній на своихъ политическихъ противниковъ... Но, безъ сомнѣнія, сопротивленіе ирландскимъ требованіямъ главнымъ образомъ исходитъ отъ торійской партіи и, именно благодаря ей, уступки являются запоздалыми и далеко неполными. Одинъ депутатъ—выдающійся членъ націоналистской партіи — сказалъ недавно, что еслибы не торіи, то ирландскій вопросъ былъ бы рѣшенъ въ одну сессію. Конечно, это сказано слишкомъ сильно. Но несомнѣнно, что англійская поземельная аристократія, связанная узами родства и симпатій съ ирландской поземельной аристократіей, значительно тормозитъ разрѣшеніе ирландскаго вопроса.

Мы старались очертить причины вражды и недовѣрія между Ирландіей и Англіей,—причины, происходящія отъ характера и положенія *англійскаго* народа. Теперь посмотримъ на дѣло съ другой *стороны, посмотримъ*, на что жалуется Англія, ссылаясь на харак-

теръ и поведеніе ирландцевъ. Что мѣшаетъ сближенію, взаимному пониманію этихъ двухъ народовъ?

Ирландцы непрактичны въ политическихъ дѣлахъ. Судя по дѣятельному участію, какое они принимаютъ въ американскихъ дѣлахъ, не говоря уже объ ихъ парламентскихъ подвигахъ въ Англіи, можетъ, конечно, показаться очень страннымъ, что ихъ не признаютъ политически развитымъ народомъ. Но имъ, дѣйствительно, недостаетъ еще нѣкоторыхъ изъ тѣхъ качествъ, при помощи которыхъ англичане и американцы такъ успѣшно создаютъ свои свободныя учрежденія: имъ недостаетъ сдержанности, умѣренности, способности оцѣнивать по достоинству важность тѣхъ или другихъ цѣлей, недостаетъ готовности выслушивать мнѣніе противоположной стороны; они гоняются за соблазнительными иллюзіями, увлекаются блестящими ораторами и не дорожатъ людьми, дѣйствительно полезными, и дѣлами, существенно важными для нихъ. Ихъ нельзя упрекать за недостатокъ этихъ качествъ, ибо немногіе народы обладаютъ ими и даже англичане и американцы только вслѣдствіе продолжительнаго пользованья свободой развили ихъ въ себѣ въ достаточной степени. До 1829 г. ирландскій народъ почти не имѣлъ понятія о самоуправленіи. До той поры всѣ политическія дѣла его заключались въ заговорахъ и въ тайныхъ обществахъ. Послѣ того, къ тайнымъ обществамъ, оказавшимся очень живучими, присоединилась открытая агитація. Для настоящаго поколѣнія государственныя дѣла состоятъ въ агитаціи, въ постоянной оппозиціи правительству, въ жалобахъ и въ заявленіяхъ всякаго рода. До сего времени ирландскій популярный вождь не занималъ ни разу оффиціальнаго положенія, не представлялъ никакой положительной доктрины, не былъ знакомъ на опытѣ со всѣми трудностями законодательства и управленія страной, и не зналъ тяжелаго чувства отвѣтственности. Идеаломъ ирландскаго народнаго вождя являлся ораторъ, громившій правящій классъ, наводившій на него страхъ и трепетъ, но отнюдь не созидающій государственный человѣкъ, работающій для блага родины. Народъ не былъ пріученъ къ самоуправленію, а вожди его занимались только критикой и не помогали англійскому правительству никакими практическими указаніями. Конечно, ирландскіе предводители могутъ отвѣтить, что это — не ихъ дѣло, а дѣло исполнительной власти— и что указанія ихъ были бы встрѣчены косо. Тѣмъ не менѣе, въ такомъ способѣ дѣйствій заключается серьезное препятствіе для умиротворенія Ирландіи. Тѣ же, которые говорятъ отъ имени враждебно настроеннаго большинства, заявляютъ такія смутныя и широкія требованія, на которыя англійское общественное мнѣніе не можетъ согласиться. Они не указываютъ, какимъ способомъ могутъ быть удовлетворены эти *требованія*,—*и* въ то же время заявляютъ, что *на меньшее они несогласны*. Вообще, они отказываются отъ вся-

кихъ совмѣстныхъ занятій для выработки какого нибудь практическаго компромисса.

Ирландцы иногда раздражаютъ такихъ англичанъ, которые желаютъ помочь имъ, пылкостью, разнузданностью своей рѣчи и своими стараніями оскорблять все святое для англичанина. И такимъ образомъ, лишая правительство и парламентъ той помощи, какую могли бы оказать представители Ирландіи, они тѣмъ самымъ подтверждаютъ мнѣніе англичанъ о себѣ, т. е. такое мнѣніе, что всѣ ирландцы—интеллигенція и народъ, ораторы и крестьяне—неспособны къ самоуправленію, что ирландское національное собраніе неминуемо должно было бы сдѣлаться ареной безконечныхъ и безцѣльныхъ споровъ. Депутатовъ-націоналистовъ англичанинъ считаетъ неосновательными и непрактичными людьми. Онъ жалуется на то, что они настаиваютъ на своемъ «все или ничего», что они не хотятъ сблизиться съ тѣми, кто дѣйствительно къ нимъ дружески расположенъ, что они враждебно относятся къ союзу съ Англіей. «Почему, теперь, говоритъ имъ англичанинъ, когда у васъ есть такой человѣкъ, какъ м-ръ Гладстонъ, давшій вамъ уже много доказательствъ своей искренности, желающій идти въ вашемъ направленіи такъ далеко, какъ только допуститъ англійское общественное мнѣніе, и постоянно дѣлающій вамъ уступки, почему вы не признаёте его—всегда добрыхъ—намѣреній и добрыхъ дѣяній, не способствуете его успѣху, почему не покажете, что его мѣропріятія дѣйствительно умиротворяютъ Ирландію? А вы, вмѣсто того, только агитируете противъ него—также, какъ агитировали и противъ торіевъ. Повидимому, вы желаете во что бы то ни стало поддержать недовольство и раздраженіе, желаете препятствовать соглашенію и убѣдить своихъ согражданъ въ томъ, что Англія и по сіе время такой же лютый, злой врагъ, какъ и семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть, вы надѣетесь заставить Англію уступить вамъ—не изъ убѣжденія, что эта уступка будетъ благодѣтельна для васъ, а просто вслѣдствіе слабости и утомленія. Вы можете думать, что вы правы; но вы жестоко ошибаетесь въ англійскомъ народѣ. Нынѣ, при конституціи, выражающей желанія средняго и рабочаго класса, англійскій народъ дружественно расположенъ къ Ирландіи, старается относиться къ ней справедливѣе и менѣе внимателенъ къ интересамъ ландлордовъ, чѣмъ прежде Но онъ также гордъ и рѣшителенъ, какъ всегда, и вы сильно заблуждаетесь, если надѣетесь запугать или обезсилить его, вмѣсто того, чтобы разсчитывать на его любовь къ справедливости и свободѣ?»

Уже извѣстно, что отвѣчаютъ на это націоналисты. Вѣрно лишь то, что англичане не понимаютъ настроенія умовъ ирландскихъ націоналистовъ, а ирландцы въ свою очередь не понимаютъ англичанъ. Англичане, уже позабывшіе обиды и злодѣянія прошлаго воображаютъ, что и ирландцы также забыли ихъ. Англичане не

вутъ «при полномъ свѣтѣ»—въ условіяхъ, дѣлающихся съ каждымъ днемъ демократичнѣе; они не знаютъ: какъ много прежней темноты еще разстилается надъ умами ирландскихъ поселянъ; они ожидаютъ отъ народа сдержанности, дружелюбія, современныхъ понятій, т. е. ожидаютъ того, чего у народа—нѣтъ. Націоналисты съ своей стороны не замѣчаютъ въ Англіи никакихъ перемѣнъ; они видятъ въ ней все еще грознаго и надменнаго властелина 1798 г. Одни ожидаютъ слишкомъ многаго; другимъ слишкомъ мало довѣряютъ.

Другая причина явнаго упорства ирландской оппозиціи,—причина, недостаточно оцѣненная въ Англіи,—лежитъ въ ея внутреннемъ дѣленіи. Оппозиція составилась изъ различныхъ секцій, и болѣе умѣренныя изъ нихъ бываютъ вынуждены примыкать къ крайнимъ. Мы уже замѣтили ранѣе, что значеніе кризиса 1879 г. и обусловилось именно тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣсколько до тѣхъ поръ отдѣльно дѣйствовавшихъ группъ, враждебныхъ Англіи, заключили между собою союзъ. Это соединеніе партій не было полнымъ слія-ніемъ, но только союзомъ. За парламентскими націоналистами, вообще державшимися агитаціи на легальной почвѣ и требовавшими формально лишь отдѣльнаго ирландскаго парламента, стояли фенія, цѣлью которыхъ была полная независимость Ирландіи, а средствами для достиженія своей цѣли они ставили заговоръ и возстаніе. Фенiанская партія никогда не подчинялась парламентской оппозиціи и всегда готова была разойтись съ умѣренною фракціей и даже при случаѣ обратить противъ нея свое оружіе. Нѣтъ основаній считать фенiанскую партію сильною въ количественномъ отношеніи, но эта партія — отчаянно смѣлая; многіе втайнѣ симпатизируютъ ей, не рѣшаясь пристать къ ней открыто; она завѣдываетъ денежными сборами, производимыми въ Америкѣ, и, безъ сомнѣнія, получаетъ изъ Америки поддержку. Въ настоящее время, фенiанская партія не хочетъ и слышать ни о какомъ соглашеніи или компромиссѣ. Существуетъ еще, такъ называемая, аграрная партія въ средѣ крестьянства и мелкаго торговаго люда. Эту партію составляютъ мѣстные политики и члены поземельной лиги, надѣющіеся добиться земли даромъ, возбуждаемые успѣхами, достигнутыми лигой, склонностью къ заговорамъ и сознаніемъ своей силы. Большинство народа, впрочемъ, остается нейтральнымъ или же сочувствуетъ той или другой партіи совершенно платонически. Но аграрная партія хорошо организована и сильна именно тѣмъ, что въ средѣ народной массы не существуетъ другой партіи, которая проявляла бы дружескія чувства къ Англіи и уваженіе къ законамъ. Парламентскіе вожди не могутъ пренебрегать ею, ибо, благодаря ея поддержкѣ, они большею частью занимаютъ свои мѣста въ парламентѣ. И аграрная партія всегда смотритъ *съ подозрѣніемъ* и съ чувствомъ разочарованія на каждую *сдѣлку, дающую менѣе того*, чѣмъ она требовала... Народнымъ

вождямъ не мѣшало бы почаще вспоминать о той поговоркѣ, что легче вызвать демона, нежели смирить его.

Англійское общественное мнѣніе, можетъ быть, недостаточно оцѣниваетъ тѣ громадныя затрудненія, какія представляются предводителямъ націоналистовъ въ виду того, что они вынуждены заискивать расположенія крайнихъ фракцій своей партіи. Ихъ не однажды строго осуждали за то, что они, подъ давленіемъ своихъ ярыхъ послѣдователей, дѣйствовали противъ своихъ убѣжденій. Осуждавшіе такимъ образомъ забывали, что невозможно требовать отъ человѣка какого-то необычайнаго нравственнаго мужества и сверхъестественной силы характера. Трудно удалиться съ своего поста или совѣтовать умѣренность, когда васъ уже готовы обвинять (хотя бы и несправедливо) въ трусости или измѣнѣ. Поставленный въ такія условія, честный предводитель долженъ неминуемо прійти къ такому заключенію, что онъ лучше послужитъ своей странѣ и всему міру, оставаясь во главѣ движенія, даже еслибы вынужденъ былъ идти далѣе и говорить болѣе, чѣмъ самъ хотѣлъ, лишь бы удержать за собой людей болѣе горячихъ, неистовыхъ, нежели передать руководительство въ руки людей отчаянныхъ и бросить дѣло на произволъ судьбы, т. е. подвергнуть его всякимъ случайностямъ и катастрофамъ. Все это мы говоримъ, конечно, не на основаніи какихъ нибудь спеціальныхъ свѣдѣній о внутреннемъ состояніи народной ирландской партіи, о которой мы знаемъ не болѣе другихъ. Всякій, кто слѣдилъ въ послѣдніе годы за дѣятельностью этой партіи, конечно, замѣтилъ, что вожди ея не однажды должны были дѣлать такіе шаги и говорить такія рѣчи, какія имъ были вовсе нежелательны, но онѣ были вынуждены поступать такъ для того, чтобы хоть сколько нибудь успокоить и сдержать своихъ партизановъ въ Ирландіи и Америкѣ, людей суровыхъ, жестокихъ и раздраженныхъ. Излишне доказывать: какъ все это усложняетъ затрудненія англійскихъ государственныхъ людей по отношенію къ такимъ вождямъ. Что за польза убѣждать ихъ, если они неспособны дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ, но должны угождать какой-то бѣшеной партіи, до которой никакіе доводы и воззванія со стороны Англіи не могутъ достигать? Что можно выиграть уступкой ихъ требованіямъ, когда за первыми требованіями тотчасъ же являются новыя—требованія полной независимости? Аграрная партія и партія бунтарей постоянно настаиваютъ на одномъ, а именно: чтобы парламентская оппозиція относилась къ англійскому правительству враждебно всегда и во всемъ,—вслѣдствіе чего оппозиція и принуждена идти далѣе, чѣмъ желали бы ея болѣе хладнокровные вожди.

Могутъ замѣтить намъ: что же дѣлаетъ сильными аграрную партію и бунтарей? Они не особенно многочисленны и во всѣхъ отношеніяхъ *ниже парламентскихъ* вождей... Почему же вожди находятся у *нихъ въ повиновеніи?* Этимъ вопросомъ мы подошли къ сути дѣла...

Аграріанисты и бунтари опасны тѣмъ, что въ средѣ массы, кромѣ нихъ, нѣтъ другой партіи,—партіи мира, которая была бы въ состояніи противодѣйствовать имъ; главнымъ же образомъ, они опасны вслѣдствіе того, что въ Ирландіи, на бѣду, между высшимъ и низшимъ слоемъ народа вырыта исторіей глубокая бездна. Народные вожди естественно должны бы происходить изъ высшаго слоя, т. е. изъ среды людей образованныхъ, интеллигентныхъ, съ прочнымъ общественнымъ положеніемъ, словомъ, изъ среды тѣхъ людей, которые стоятъ у всѣхъ на виду. Болѣе высокое общественное положеніе, болѣе широкая предусмотрительность и бо́льшая масса знаній дѣлаютъ этихъ людей болѣе способными къ дѣламъ государственнымъ и доводятъ ихъ до сознанія важности и отвѣтственности своего положенія. Мы, разумѣется, не хотимъ этимъ сказать, что хорошіе вожди, будто-бы, не могутъ выйти изъ менѣе культурныхъ слоевъ; мы только думаемъ, что вождь, вышедшій изъ этихъ слоевъ, долженъ непремѣнно встрѣтить въ своей дѣятельности много препятствій и затрудненій, которыя для человѣка съ бо́льшими знаніями и съ болѣе широкимъ горизонтомъ представляютъ сущіе пустяки. Въ настоящее время, въ Ирландіи почти совсѣмъ нѣтъ надлежащихъ вождей. Народная партія въ своей средѣ насчитываетъ очень мало лицъ, выдающихся по своему богатству или образованію,—людей, подобныхъ Маццини, Даніэлю Манину, Поэріо, Саффи, д'Азеліо, или подобныхъ тѣмъ, которые руководили англійскими общинами въ эпоху борьбы съ деспотизмомъ Стюартовъ или, наконецъ, подобныхъ героямъ американской революціи. Высшій классъ въ Ирландіи состоитъ главнымъ образомъ изъ протестантовъ и торіевъ. Протестантскіе либералы Ульстера держатся въ сторонѣ отъ націоналистовъ; такъ же точно поступаетъ и католическая джентри, насчитывающая, правда, въ своей средѣ нѣсколько гомрулеровъ, но, тѣмъ не менѣе, вовсе не желающая отдѣленія отъ Англіи. Эти люди не чувствуютъ особенно нѣжной привязанности къ существующему порядку, но имъ еще не нравится дѣятельность революціонной партіи. Такимъ образомъ и произошло, что почти всѣ вожди націоналистовъ и многіе изъ нихъ парламентскихъ предводителей принадлежатъ къ сельскому люду; у нихъ та же, что и у сельскаго населенія, непримиримая ненависть къ Англіи, тотъ же узкій горизонтъ, та же неспособность обнять всѣ трудности дѣла, та же склонность поддаваться влеченіямъ чувства, вмѣсто того, чтобы пошире и поосновательнѣе изучить положеніе и добиться лучшихъ практическихъ результатовъ. Они возбуждаютъ народъ, но не просвѣщаютъ его.—Одинъ изъ нихъ, какъ бы то ни было,—человѣкъ высокой пробы, старающійся удержать своихъ соотечественниковъ отъ преступленій, но онъ не пользуется тѣмъ вліяніемъ, *какое могла бы оказывать* совокупная дѣятельность цѣлой *группы людей образованныхъ*, хотя-бы и придерживающихся крайнихъ

взглядовъ. Посреди парламентскихъ вождей партіи есть много такихъ, которые ни по рожденію и общественному состоянію, ни по воспитанію и развитію не принадлежатъ къ высшему классу. А между тѣмъ все это очень помогаетъ человѣку даже во дни революціи. Но развитые ирландскіе вожди стоятъ почти одинокими. У нихъ нѣтъ за собой, на мѣстѣ, вождей того же типа, къ какому относятся они. Они—генералы такой арміи, въ которой почти совсѣмъ нѣтъ офицеровъ, а лишь одни рядовые, неглупые сами по себѣ, но невѣжественные и нетерпѣливые. Вслѣдствіе того, эти генералы не пользуются надлежащимъ авторитетомъ. Для нихъ не существуетъ общественнаго мнѣнія, которое высказывалось бы ихъ сторонниками, укрѣпляло бы, поддерживало и контролировало ихъ. Когда положеніе дѣлъ требуетъ высшаго напряженія силъ и ловкости, они вынуждены взывать къ страстямъ или матеріальнымъ интересамъ своихъ сторонниковъ. Можетъ показаться парадоксомъ, но между тѣмъ совершенно вѣрно, что ирландскій вопросъ разрѣшился бы значительно скорѣе, еслибы весь ирландскій образованный классъ принадлежалъ къ націоналистской партіи. Тогда всѣ состоятельные люди и вся интеллигенція страны должны были бы признать, что извѣстная связь съ Англіей выгодна для Ирландіи и, конечно, свой взглядъ сообщили бы и народной массѣ.

Теперь же англійское правительство чувствуетъ себя стоящимъ на зыбкомъ пескѣ. Съ кѣмъ оно должно договариваться? Кого должно признать настоящими выразителями народной воли? Можно было бы подумать, что націоналисты—дѣйствительные выразители этой воли. Но они въ сущности составляютъ менѣе половины всѣхъ ирландскихъ членовъ. Ихъ можно насчитать приблизительно до сорока человѣкъ, хотя и изъ этихъ сорока человѣкъ далеко не всѣ слѣдуютъ подъ однимъ знаменемъ. Изъ остальныхъ 64 депутатовъ (Ирландія имѣетъ всего 104 депутата) около 27—торіи, 9 ульстерскихъ либераловъ-протестантовъ, а остальные—гомрулеры, большею частью католики и въ сущности—за немногими исключеніями—сторонники настоящаго либеральнаго правительства, и поэтому считаются націоналистами за враговъ. Эти 64 депутата оффиціально являются представителями большей половины страны, но по существу, безъ сомнѣнія, они представляютъ въ парламентѣ гораздо меньшую часть Ирландіи, и еслибы были произведены общіе выборы, то, по всей вѣроятности, крайняя партія получила бы большинство. Тѣмъ не менѣе, по самому скромному разсчету, болѣе милліона ирландцевъ—противъ націоналистской программы, и этотъ милліонъ заключаетъ въ себѣ почти всѣхъ собственниковъ и всю интеллигенцію острова. *Подобное меньшинство* не можетъ быть игнорируемо. Поэтому ирландцы, *тяготѣющіе* къ Англіи, могутъ спросить: желаетъ-ли народъ руководиться указаніями только одной крайней партіи. «Развѣ

возможно быть справедливымъ къ большинству и несправедливымъ къ меньшинству, особенно когда это меньшинство заключаетъ въ себѣ самое трудолюбивое и самое состоятельное населеніе страны? Если Англія утверждаетъ, что населеніе Соединеннаго Королевства представляетъ собой одинъ народъ, то развѣ не должна она покровительствовать религіи и собственности подобнаго меньшинства»?

Англія, въ настоящее время, оказываетъ въ Ирландіи защиту жизни и личной собственности изъ болѣе важныхъ побужденій. Замѣшательства, о которыхъ говорилось до сего времени, были политическаго характера. Но зло, глубоко укоренившееся въ Ирландіи, состоитъ въ тайныхъ аграрныхъ преступленіяхъ, распространяющихся въ трехъ провинціяхъ изъ четырехъ не только на ландлордовъ и ихъ управляющихъ, но на всякое лицо, пренебрегающее тѣмъ неписаннымъ народнымъ закономъ, по которому арендаторъ не можетъ быть изгнанъ со своего участка земли. Не только ландлордъ, изгнавшій его, но и новый фермеръ, завладѣвшій участкомъ, съ котораго согнанъ другой—хотя бы и по основательной причинѣ,—а также и его работники или пастухъ, всѣ они навлекаютъ на себя ненависть мѣстнаго сельскаго населенія, и жизнь ихъ бываетъ въ опасности. Тайныя аграрныя преступленія начались еще въ прошломъ столѣтіи, когда законы были суровы и ландлорды жестоко пользовались ими. Эти преступленія для крестьянъ были единственнымъ средствомъ, чтобы отомстить за причиняемыя имъ несправедливости. И это средство оказывалось такъ дѣйствительно, что предотвратило много изгнаній, которыя въ противномъ случаѣ совершились бы навѣрное; при этомъ должно помнить, что аграрныя преступленія вызывались большею частью злоупотребленіями власти со стороны помѣщиковъ. Народъ забывалъ уголовный характеръ преступленій и смотрѣлъ на нихъ, какъ на обыкновенныя военныя дѣйствія противъ общаго врага. Отсюда-то происходила и симпатія, возбуждаемая преступникомъ и нежеланіе давать показанія о немъ, являться въ судъ въ качествѣ свидѣтеля и сознаваться даже въ виду очевидныхъ уликъ. Громадное затрудненіе, представлявшееся для правительства въ Ирландіи во все продолженіе настоящаго столѣтія, состояло въ раскрытіи и наказаніи аграрныхъ преступленій, потому что вся страна была постоянно *противъ* закона и *за* преступника, хотя бы даже въ извѣстномъ случаѣ преступленіе и не одобрялось. Жена, выдавшая убійцу-мужа, или сынъ, указавшій убійцу-отца, умерщвлялись. Одинъ извѣстный врачъ разсказывалъ намъ, что его однажды пригласили къ одному господину—къ управляющему какого-то ландлорда, раненому въ аграрной борьбѣ. Раненый зналъ человѣка, подстрѣлившаго его, и однимъ своимъ словомъ могъ-бы предать убійцу въ руки правосудія, но онъ не *сказалъ этого слова и* черезъ *три дня* умеръ, унесши съ собой тайну.

Эта тайная лига, направленная противъ законнаго порядка, возъ-

имѣла два роковыя послѣдствія. Она раздражила англичанъ и усилила ихъ дурное мнѣніе о народѣ, оказывавшемся въ ихъ глазахъ окончательно неспособнымъ къ самоуправленію. Она принуждаетъ англійскую администрацію—какая бы она ни была, торійская или либеральная—прибѣгать къ изданію чрезвычайныхъ законовъ для поимки и открытія преступниковъ. Введеніе этихъ законовъ считается въ Ирландіи за оскорбленіе и пуще разжигаетъ ненависть противъ Англіи. Даже умѣренное пользованіе чрезвычайными законами въ высшей степени непріятно для гражданъ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда злоупотребляютъ этими законами. Исключительное законодательство приводится ирландцами, какъ доказательство того, что Ирландія управляется совершенно иначе, нежели Англія. Но что же дѣлать правительству, когда тайные убійцы и злоумышленники открыто глумятся надъ нимъ! И правительство примѣняетъ тѣ же самыя исключительныя мѣры и къ политическимъ преступленіямъ, къ которымъ современныя просвѣщенныя правительства уже относятся снисходительнѣе прежняго,—и такимъ образомъ впадаетъ въ ошибку, укрѣпляя въ представленіи ирландца тождество между преступленіемъ и патріотизмомъ, какъ между двумя силами, равно направленными противъ иноземнаго владычества.

Борьба съ аграрными преступленіями, побуждающая даже самыхъ горячихъ сторонниковъ свободы прибѣгать къ нѣкоторому деспотизму, представляетъ величайшія затрудненія, съ которыми сталкивается въ Ирландіи каждое англійское правительство. Но это лишь часть одного обширнаго явленія. Движеніе, происходящее въ Ирландіи, ничто иное, какъ соціальная революція. Волканъ дымилъ и горѣлъ подъ пепломъ дольше столѣтія, нынѣ лава потокомъ полилась изъ него. Это—не единичное явленіе въ Европѣ. Бо́льшая часть государствъ прошли черезъ этотъ фазисъ. Французскіе крестьяне произвели соціальную революцію въ концѣ прошлаго столѣтія. Французскіе рабочіе пытались произвести ее въ наши дни. Сѣверная Германія была избавлена отъ аграрной неурядицы своевременными реформами Штейна, но развитіе соціализма въ средѣ городскаго населенія и репрессивныя мѣры, принимаемыя прусскимъ правительствомъ, указываютъ на серьезную опасность со стороны рабочаго класса. Изъ Россіи до насъ доносятся первые отголоски поднимающейся бури. Англія до сего времени избѣгала соціальной неурядицы, потому что торговля и промышленность доставили безпримѣрное въ лѣтописяхъ исторіи благосостояніе городскому населенію, а сельское населеніе ея недостаточно многочисленно и ненастолько бѣдно, чтобы создать жакерію. Къ тому же въ Англіи, къ счастію, никогда не *проводилось рѣзкой* черты между сословіями и не существовало *сословной ненависти.* Но въ Ирландіи всѣ элементы соціальной розни *были на лицо:* густое населеніе, очень бѣдное и очень невѣжествен-

ное, безъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ земледѣлія, управляемое кастой, чуждой ему по религіи, по чувствамъ и, до послѣдняго времени, по языку,—кастой, живущей въ праздности на его счетъ, оскорбляющей и презирающей его. Возможно-ли послѣ того удивляться, что этотъ народъ, вдругъ освободившійся изъ-подъ страха, сдерживавшаго его дотолѣ, прежде всего пожелалъ захватить землю, которую всегда по справедливости считалъ своею? Всякій, кто видитъ поражающій контрастъ между бѣдностью и богатствомъ и знаетъ, что бѣдности присуще незнаніе экономическихъ законовъ, станетъ удивляться не тому, что голь иногда возстаетъ противъ богатства, а напротивъ—тому, что она возстаетъ такъ рѣдко и такъ не энергично. Безъ сомнѣнія, ирландскіе ландлорды въ настоящее время возбуждаютъ сожалѣніе, ибо они страдаютъ за грѣхи предковъ, и притомъ многіе изъ нихъ пріобрѣли имѣнія уже въ недавнее время, воображая, что вся опасность уже миновала. Они жалуются на то, что Англія не защищаетъ ихъ, что она великодушничаетъ съ арендаторами на ихъ счетъ. Но ихъ участь была бы еще горше безъ англійской власти, задерживающей порывы революціи, защищающей ихъ личности и отвращающей окончательную гибель, которая иначе непремѣнно постигла бы ихъ. Ирландія представляетъ въ настоящее время смѣсь соціальныхъ волненій съ путаницей политическаго вопроса; она постоянно требовала для умиротворенія себя всѣхъ силъ и всей храбрости англійскихъ государственныхъ людей... При такихъ-то обстоятельствахъ и разразился кризисъ 1880—82 гг., какого не переживала Ирландія съ 1798 г. Къ счастію, Англія управляется нынѣ министромъ, одареннымъ такими способностями и такимъ мужествомъ, какія еще не примѣнялись къ разрѣшенію ирландскаго вопроса со временъ Вильгельма Оранскаго.

Англія могла бы съ помощью физической силы подавить поднимающуюся соціальную революцію, какъ она уже не однажды ранѣе подавлялась въ Европѣ. Она могла бы, но не желаетъ, во-первыхъ, потому, что англійскій народъ слишкомъ горячо сочувствуетъ страданіямъ ирландскаго крестьянства, и, во-вторыхъ, потому что само правительство уже избѣгаетъ пользоваться суровыми мѣрами. Подобными мѣрами можно на время задержать движеніе, но нельзя прекратить его безвозвратно. Съ другой стороны Англія не можетъ допустить, чтобы разразилась соціальная революція,—и не можетъ допустить, чтобы ирландское большинство навязывало ей свою волю, какъ законъ, такъ какъ она является отвѣтственною за все, что бы ни случилось въ Ирландіи. Еслибы Ирландія была предоставлена самой себѣ, междоусобная война могла бы рѣшить споръ между туземцами и англо-шотландскимъ или протестантскимъ населеніемъ, или вѣрнѣе — между рабочимъ и высшимъ классомъ. Которая сторона *ни восторжествовала бы*, оружіемъ или путемъ голосованія, *она непремѣнно злоупотребила бы* доставшеюся ей властью и нару-

шила бы права другой стороны. Англія не могла бы вынести этого. Еслибы Ирландія была предоставлена самой себѣ и въ ней вспыхнула гражданская война, Англія не могла бы стоять въ сторонѣ и равнодушно смотрѣть на такія дѣянія, каковы были дѣянія коммунаровъ и версальскаго національнаго собранія въ 1871 г. Англія въ такомъ случаѣ была бы вынуждена вступиться. Еслибы, при удержаніи взаимной связи между странами, законы для Ирландіи стали издаваться ирландскимъ парламентомъ и этотъ парламентъ задумалъ бы лишить ландлордовъ ихъ имѣній, безъ всякаго вознагражденія за убытки, или вздумалъ бы возстановить римско-католическую церковь, Англія неминуемо должна была бы вмѣшаться. Поэтому-то она такъ и настаиваетъ на томъ, что Соединенное Королевство есть единое,— и когда рѣчь заходитъ объ отдѣленіи Ирландіи, то при этомъ обыкновенно является вопросъ: не было ли бы это измѣной по отношенію къ тому населенію Ирландіи, которое скорѣе принадлежитъ къ британской, нежели къ ирландской націи, и которое такъ твердо надѣется на Англію? Англія старается согласовать двѣ несогласуемыя программы управленія... Вы можете управлять народомъ, какъ ребенкомъ, считая себя за отца,—управлять для его блага, но согласно собственнымъ убѣжденіямъ. Или вы можете имѣть дѣло съ большинствомъ народа и предоставить ему управляться самому, можетъ быть, и плохо, но все таки по его собственному усмотрѣнію—затѣмъ, чтобы онъ впослѣдствіи заручился опытностью. Англія не дѣлаетъ ни того, ни другаго. Она старается согласовать во-едино систему самоуправленія, выражающагося въ парламентскомъ представительствѣ Ирландіи, съ системой отеческаго правленія, такъ какъ удерживаетъ за собой рѣшающій голосъ. Она поступаетъ такъ на томъ основаніи, что ирландцы и англичане, по ея мнѣнію, составляютъ одинъ народъ, а ирландцы тѣмъ не менѣе должны управляться согласно ихъ понятіямъ. Это не логично, противорѣчиво, но это противорѣчіе — фактъ, ибо съ какой стороны ни посмотрѣть на ирландцевъ, они не составляютъ одного цѣлаго съ британскимъ народомъ.

Что готовитъ будущее для Ирландіи, въ какіе новые фазисы вступитъ настоящій кризисъ; насколько успокоитъ ирландскихъ крестьянъ поземельный законъ; какимъ образомъ, безъ нарушенія единства Соединеннаго Королевства, будетъ удовлетворено требованіе Ирландіи о самоуправленіи; увеличитъ или уменьшитъ затрудненія отдѣльный ирландскій парламентъ или же поведетъ къ окончательному разрыву между двумя островами?—все это вопросы практической политики, которая не входитъ въ программу нашей статьи. Мы только хотѣли представить читателю, по возможности ясно, условія той сложной проблеммы, *надъ разрѣшеніемъ* которой Англія и Ирландія выбиваются изъ силъ. *Было бы слишкомъ опрометчиво* предсказывать теперь: скоро-ли *послѣдуетъ рѣшеніе*. Очевидно, что прежде всего англійская народная

партія должна занять болѣе прочное положеніе, нежели то, какимъ она пользуется теперь. Въ видахъ мирнаго разрѣшенія вопроса, Англія должна, не смотря ни на что, сохранить то спокойное, мирное настроеніе, какое выказалъ ея народъ по отношенію къ ирландскому вопросу съ самаго начала кризиса.

Нынѣ положеніе дѣлъ все-таки лучше, чѣмъ во дни эмансипаціи католиковъ, или въ 1848 г., или при первомъ появленіи феніевъ. Хотя аграрныя преступленія все еще даютъ себя чувствовать, но агитація ведется уже болѣе открыто, ведется публично, болѣе конституціоннымъ путемъ, чѣмъ прежде. Обструкціонизмъ уже лучше тайнаго заговора. Націоналисты могутъ выражать свои жалобы и не упускаютъ случая пользоваться своимъ правомъ; англичане привыкаютъ спокойно выслушивать ихъ жалобы и размышлять о слышанномъ ими. Масса англійскаго народа—средній и рабочій классъ—честно и искренно желаетъ оказать Ирландіи справедливость. Но какъ это сдѣлать? она не знаетъ, и довѣряетъ въ этомъ своимъ лучшимъ государственнымъ людямъ. Во всякомъ дѣлѣ для успѣха нужны: желаніе и умѣнье наилучшимъ образомъ осуществить это желаніе на практикѣ. Въ настоящее время Англія, кажется, проходитъ первую изъ этихъ ступеней. Она уже теперь не думаетъ главнымъ образомъ о себѣ и о своихъ ирландскихъ ландлордахъ; она старается сдѣлать такъ, чтобы было лучше для всего ирландскаго народа. Открыть надлежащій путь; узнать, какимъ образомъ надежды и законныя требованія ирландцевъ могутъ быть удовлетворены—такъ, чтобы это обошлось безъ ущерба для тѣхъ силъ, что работаютъ въ Ирландіи на пользу прогресса и цивилизаціи, безъ созданія предлоговъ для новыхъ споровъ и безъ предоставленія образованнаго, культурнаго меньшинства на произволъ необразованнаго, невѣжественнаго большинства—задача трудная. Много потребуется усилій, немало будетъ сдѣлано ошибокъ—прежде чѣмъ это разрѣшится, и миръ и спокойствіе будутъ обезпечены за Ирландіей, какъ за частью Соединеннаго Королевства, или какъ за страной, болѣе или менѣе независимой. Но для достиженія такого результата нужно сдѣлать уже не болѣе того, что сдѣлано до сего времени Англіей, если посравнить ея нынѣшнія чувства и поведеніе съ чувствами и поведеніемъ ея въ 1798 г. И сами ирландцы, наконецъ, при своемъ живомъ, впечатлительномъ темпераментѣ могутъ почувствовать и оцѣнить по достоинству происшедшую перемѣну. Когда ирландцы сознаютъ эту перемѣну и станутъ смотрѣть на Англію съ большимъ довѣріемъ и доброжелательствомъ, тогда уже половина задачи будетъ рѣшена.

Вѣра въ справедливость и свободу—новая доктрина въ политическихъ отношеніяхъ, представляющая для будущаго лучшій залогъ, *нежели тѣ силы, какими до сего времени пользовалось человѣческое общество для своего совершенствованія и прогресса.*

ВЪ ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ.

Разсказъ.

I.

Отчисленъ.

Блѣдный, взволнованный, но еще неувѣренный въ дѣйствительности того, что̀ неотразимо, словно вырѣзанное, стояло передъ нимъ,— онъ дрожащею рукою снялъ очки, машинально протеръ ихъ платкомъ, вновь укрѣпилъ на крупномъ русскомъ носу и съ тайною надеждою не увидѣть того, чего однако нельзя было не видѣть, остановилъ добрые сѣрые глаза на лежавшей передъ нимъ газетѣ. «Вотъ, вотъ онѣ, эти крупныя, черныя, «жирныя» буквы!.. Можетъ быть, не всѣ онѣ тутъ, эти ужасныя буквы?.. Но нѣтъ, всѣ, рѣшительно всѣ до одной. А вѣдь могло и не доставать?.. Ошибка, опечатка?..»

Такъ проносилось въ ошеломленной головѣ читавшаго газету, тогда какъ глаза его оставались прикованными къ пяти чернымъ буквамъ, а выраженіе этихъ глазъ было таково, какъ бы они читали эпитафію на собственномъ надгробномъ камнѣ.

А между тѣмъ ужасныя пять буквъ выражали самое простое, обыденное слово.

Слово это было: «Сѣчка».

Оно было фамиліею блѣднаго, взволнованнаго человѣка, 57-лѣтняго капитана одного изъ закавказскихъ пѣхотныхъ полковъ. Въ газетѣ оповѣщалось, что этотъ капитанъ «отчисленъ» отъ службы.

Но вотъ бѣдняга поднялъ голову и остановилъ свои добрые, теперь затуманенные горемъ, глаза на окнѣ, и — странно—съ нимъ повторилось то же явленіе, когда мы, взглянувъ на заходящій красный шаръ солнца, видимъ, куда бы ни обратили взоры, одни темные шары. Почтенный капитанъ читалъ свою фамилію на покривившихся воротахъ противоположнаго убогаго домика; это слово почему-то было отпечатано на бѣломъ платкѣ проходившей по улицѣ женщины; оно *ясно, рельефно стояло* въ ущельѣ горнаго хребта, залитаго теперь *легкимъ карминомъ* заходящаго солнца... Потемнѣло ущелье, а черное

крупное слово все еще стоитъ тамъ, но вотъ оно заколыхалось, задрожало, расплылось, то увеличиваясь, то совсѣмъ исчезая, и наконецъ,—крупныя, тяжелыя, словно налитыя свинцомъ, двѣ слезы, скользнувъ по сѣдымъ усамъ капитана, упали на лежащій предъ нимъ номеръ «Русскаго Инвалида»...

Капитанъ безучастно взглянулъ на нихъ, возвращенный къ сознанію скорѣе звукомъ паденія этихъ двухъ горькихъ, тяжелыхъ слезъ, чѣмъ самымъ фактомъ ихъ появленія; стряхнулъ ихъ, по привычкѣ къ порядку, и снова глянулъ на улицу. Но подавляющее очарованіе чернаго, крупнаго слова исчезло: эти двѣ слезы, рефлективно выдавленныя изъ глазъ закалившагося въ суровой военной жизни человѣка, сдѣлали свое дѣло: ударъ миновалъ, но зато установилось сознаніе пичѣмъ неотразимой дѣйствительности.

Обыкновенно добродушные взоры капитана приняли теперь выраженіе горечи и злобы, а изъ подъ большихъ нависшихъ усовъ его глухо раздались только три слова: «За что-же?!»

«Русскій Инвалидъ»—это книга судебъ военнаго міра. Кто изъ «алчущихъ и жаждущихъ» этого міра трепетною рукою не срывалъ съ тебя желто-сѣрую бандероль и, быстро развертывая, со смутнымъ страхомъ или съ тайною радостью, не искалъ между твоими ровными строчками жирнаго, толстаго шрифта фамилій? Кто, затѣмъ, не ласкалъ тебя, какъ первую любовь, мягко и нѣжно проводя рукою по твоимъ листамъ? Сколькихъ тяжелыхъ, безутѣшныхъ слезъ ты былъ нѣмымъ и безстрастнымъ свидѣтелемъ? Сколько разъ ты, изорванный, летѣлъ къ ногамъ озлобленнаго, негодующаго читателя?.. Но «Русскій Инвалидъ» молчитъ, безразлично принимая и ласку, и брань; замолчалъ теперь и пораженный имъ капитанъ Сѣчка; только въ головѣ пролетали какіе-то странные обрывки мыслей и воспоминаній: бой при Кюрюкъ-Дара, гдѣ изъ сотни храбро, геройски павшихъ товарищей остался онъ одинъ цѣлъ и—даже не раненъ... глухое ущелье Чечни, гдѣ на головы штурмовавшаго батальона сыпались камни, бревна, пули и ядра, гдѣ сотни жизней угасли, а онъ опять вышелъ цѣлъ и невредимъ... жена, безконечно добрая жена... радость перваго офицерскаго чина... первый лепетъ ребенка-первенца, такъ безвременно павшаго потомъ, на полѣ чести минувшей войны... другія дѣти, такъ много дѣтей... свадьба старшей дочери, Кати... сынишка, военная прогимназія... А вотъ, страшнымъ кошмаромъ, встаетъ передъ нимъ годъ, проведенный въ ужасной ямѣ, въ цѣпяхъ, въ плѣну у осетинъ!..

Подъ гнетущимъ давленіемъ этого воспоминанія и настоящаго горя, онъ уже готовъ былъ прошептать слово хулы, злобнаго ропота и вызывающаго негодованія, когда маленькая, слабая, но ласковая рука *жены опустилась на его посѣдѣвшую голову*.

— *Что случилось; Андрюша?* проговорила она, протягивая другую

руку къ газетѣ и смутно предчувствуя, что эта молчаливая печатная бумага заставила такъ поблѣднѣть, такъ осунуться любимаго мужа.

Капитанъ почувствовалъ себя какъ-бы виноватымъ въ чемъ-то.

— Ничего, старушка, совсѣмъ ничего!—заговорилъ онъ, торопливо складывая газету.—Конечно, надо было ожидать этого. Такъ, такъ. Но отчего не предупредить? Непонятно, совсѣмъ непонятно!.. Ну, да вѣдь это еще не все: можно поговорить, попросить, передѣлать... Недоразумѣніе могло быть...

— Я ничего не понимаю, Андрюша! воскликнула она, и въ голосѣ ея слышались слезы.—Ради Христа, разскажи ты толкомъ. Ты скрываешь что-то; ты какъ-будто виноватъ, но развѣ ты можешь быть виноватымъ?

Капитанъ повернулъ къ ней свое лицо и снялъ ея руку съ своей головы.

— Эхъ, Акуля, должно быть, виноватъ я! началъ онъ съ горечью.—Виноватъ потому, что живу до сихъ поръ!..

— Не мучь, скажи!

— Сказъ не великъ, Акуля, да конецъ тяжелъ!

— Ну, Андрюша!

— Отчислили; по арміи отчислили!

— Да за что-же? за что?

— Должно, негоденъ, старъ становлюсь... Даромъ хлѣбъ казенный жую!.. Ну, и на смарку... Мягкаго хлѣбца имъ жаль; у старика зубки новые выросли, могутъ и черствый хлѣбецъ перетереть!.. Да, да! на смарку, «въ тиражъ погашенія», какъ называютъ это нынѣ... Пора! теперь уже все въ порядкѣ: четырехъ зубовъ нѣтъ, ревматизмъ, шестеро дѣтей,—можно и успокоиться на этихъ капиталахъ!..

Нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія. Что передумали мои безхитростные обыденные люди въ эти минуты, предоставляю судить тѣмъ, которые находились въ ихъ положеніи...

— А пенсія, Андрюша? начала Акулина Семеновна.

Но капитанъ словно не слышалъ вопроса жены и продолжалъ все съ тою же горькою ироніею:—Пора! На что я имъ? Войны нѣтъ, кончилась... имъ стараго тѣла не надо... Но нѣтъ, лгутъ они! Я еще могу послужить моему Государю... Могу умереть еще тамъ, гдѣ я долженъ умереть...

При послѣднихъ словахъ голосъ капитана дрогнулъ и умолкъ; въ нихъ уже не было ироніи, не слышалось ни одной озлобленной ноты; въ нихъ звучало то глубокое, безотвѣтное чувство преданности и самоотверженной любви, которое самаго простаго изъ смертныхъ ставитъ иногда на высоту мученика и героя...

А со двора доносились свѣжіе, звонкіе голоса дѣтей этой семьи. *Могли-ли они, эти дѣти,* знать все роковое значеніе того шквала, *который разразился* теперь надъ ихъ скромною, убогою ладьею. Кровь ихъ

играла, гибкіе органы тѣла требовали движенія; послѣдніе лучи заходящаго солнца ласкали ихъ лица; и хорошо имъ было рѣзвиться теперь при начинающейся прохладѣ вечера, послѣ знойнаго южнаго дня...

Только въ сосѣдней комнаткѣ, откуда вышла Акулина Семеновна къ мужу, несмѣлый, но пріятный голосокъ ихъ дочери, дѣвушки 18 лѣтъ, напѣвая любимый романсъ, съ каждой новой нотой становился все тише, то вдругъ совсѣмъ умолкалъ, то вновь робко и уже съ явною грустью и жалобой нарушалъ томительную тишину; словно то была крохотная пичужка, ожидающая подъ жиденькой вѣткой дерева быстро летящей бури... И если мы взглянемъ на эту занятую шитьемъ дѣвушку, Катю, то сходство ея съ тою крохотною пташкою станетъ для насъ еще болѣе очевиднымъ: маленькое, стройное тѣло; худенькое, блѣдное съ тоненькимъ носикомъ личико и темные небольшіе глазки, полные любопытства и какъ бы удивленія. И душевныя ея качества ближе всего напоминали ту же пичужку: для этого маленькаго созданьица довольно одного солнечнаго луча, одного зернышка, чтобы весело пиликать и порхать; довольно одного раската грома, чтобы затихнуть, замереть въ тихой покорности и терпѣніи; но зато довольно и одного покушенія на безопасность ея гнѣздышка, чтобы вызвать ее на смертный, неравный бой!..

Необычно взволнованный голосъ отца въ сосѣдней комнатѣ сразу спугнулъ веселые мотивы Кати; постепенно переходя въ минорные тоны, они наконецъ умолкли.

— Опять прочиталъ что-нибудь неладное! Кто-то виноватъ, а онъ сердится, точно его самого обидѣли... Странный папа! пойти посмотрѣть, послушать и приласкать, проговорила Катя и вошла въ кабинетикъ отца.

Но то, что представилось ея глазамъ, вовсе не было тѣмъ, о чемъ она думала.

Высокая, плотная фигура отца Кати, грузно опершаяся руками въ столъ, со склоненной головой; печальное, растерянное лицо матери,—подсказали дочери, что голосъ отца раздавался не за обиду кого-то ближняго, а въ защиту собственнаго существованія.

II.

Смутныя надежды.

Удрученный видъ отца болѣзненно отозвался въ сердцѣ дѣвушки. Она тихо подошла и заглянула ему въ глаза, но увидѣть ихъ выраженіе она не успѣла; приходъ дочери возвратилъ его къ дѣйствительности; онъ опустился въ свое старое жосткое кресло, и, какъ бы сознавая себя въ чемъ-то виновнымъ передъ дочерью, беззвучно заговорилъ:

— Катя, ты видѣла Николая Петровича?

— *Николая Петровича, папа?!* удивленно переспросила Катя, те-

ряясь въ догадкахъ, причемъ тутъ Николай Петровичъ Пищулинъ, поручикъ того же полка, ея женихъ.

— Порѣшили-ли... день свадьбы?

— Свадьбы? Но къ чему это, папа?.. Ты всегда не особенно радовался нашей свадьбѣ, и я чувствую, не о ней теперь рѣчь. Случилось другое что нибудь. (Легкій огонекъ заигралъ на блѣдныхъ щекахъ дѣвушки).—Мама, въ чемъ дѣло?

При словѣ «свадьба», мать встрепенулась; подъ первымъ давленіемъ тяжелыхъ минутъ она забыла о той почти сбывавшейся мечтѣ, которую такъ долго лелѣяла въ своемъ сердцѣ,—сердцѣ матери и женщины.

— Пустяки, Катя, ничего особеннаго... продолжалъ капитанъ.— Это бываетъ. И вотъ съ нимъ тоже! прибавилъ онъ, переведя глаза за окно, на улицу, гдѣ въ этотъ моментъ пробирался невѣрнымъ пьянымъ шагомъ, поднимая клубы уличной пыли, подпоручикъ Шемятовъ.—Такъ-то, можетъ быть, и лучше; не обидно, и на душѣ легче... Впрочемъ, на всякую бѣду страху не напасешься! Вотъ возьми, прочитай и не вини отца въ томъ, что твой Николай Петровичъ, какъ только узнаетъ, что восемь ртовъ принуждены будутъ жить на 45 рублей пенсіи, тотчасъ же оставитъ тебя!.. Не такой онъ человѣкъ, дочка, не такой...

Катя взяла газету, прочла указанное въ ней мѣсто и тихо, бережно, словно боясь разбить ее, положила на столъ.

— Не такой—ну, и не надо, папа... Но зачѣмъ ты себя-то обвиняешь?—начала она, стараясь говорить спокойно, ласково, и даже попробовала шутить; но ударъ былъ слишкомъ неожиданъ и тяжелъ, чтобы подавить охватившее ее волненіе.—Во-первыхъ, вины твоей тутъ никакой нѣтъ, а во-вторыхъ, бѣда еще не такъ велика, папа... Отчислили? и прекрасно! Отдыхать будешь; вѣдь ты усталъ, папа, право усталъ. Ну, подумай только, вѣдь каждый божій день служба, и такъ 35 лѣтъ...

— Слишкомъ, Катя,—поправилъ отецъ по привычкѣ.

— Ну, вотъ видишь, даже слишкомъ! Пора отдохнуть; пусть другіе, помоложе тебя, послужатъ столько-то... А что ты говоришь—45 рублей, такъ это неправда! Ты забылъ насъ, папа, совсѣмъ забылъ!

— Какъ это? Причемъ же вы тутъ? проворчалъ отецъ, очевидно снова приходя въ раздраженіе.

Катя взяла въ свои маленькія руки большую жилистую руку отца и тихо ласкала ее.

— Пока не причемъ! засмѣялась она.—Прежде всего, ты—помнишь—говорилъ, когда отчислили Петрова, что ему будутъ давать цѣлый годъ полное содержаніе, жалованье, столовыя, квартирныя и *деньщика, а потомъ* уже въ отставку, на пенсію?

— *Правда, Катя*, правда! вставила мать.—Да и самъ Петровъ

говорилъ это... Господи, какъ же это я забыла? Да и то сказать, сразу память отшибло, Катя.

— Итакъ, папа, годъ полнаго содержанія; потомъ—45 рублей? И не 45, а больше.

Отецъ пристально посмотрѣлъ на нее; онъ не могъ не замѣтить, что сквозь веселье и почти смѣхъ любимой имъ дочери слышалась безутѣшная грусть, готовая перейти въ явныя слезы, и онъ пожалѣлъ въ душѣ, что такъ жестко отозвался о женихѣ ея.

— Ты шутишь, Катя, а лучше, еслибы ты плакала,—сказалъ онъ и опять пожалѣлъ, что высказалъ это.

— Плакать? На это еще успѣю найти время; слезы у насъ вѣдь такъ близко... Да и плакать-то мнѣ нечего, вотъ развѣ потому, что ты насъ уже разлюбилъ, папа? Да, конечно, не мотай головой,—не любишь... А еслибы ты любилъ, то вспомнилъ бы, что тебѣ пора отдохнуть, а намъ начинать трудиться... Наши бѣленькія ручки пора пустить въ ходъ; онѣ могутъ шить, стирать, вышивать.

— И вправду, Катя,—оживилась мать.—Опять вотъ забыла! Конечно, Андрюша, мы работать начнемъ; слава Богу, руки-то еще есть, не отжили! Вотъ онѣ!

Капитанъ недовѣрчиво глянулъ на худенькія, слабыя руки жены, которыя, онъ помнилъ, и въ молодости не отличались особенною силою.

— Куда ужь, проговорилъ онъ.— Да и глупости вы обѣ говорите: что же вы до сихъ поръ даромъ сидѣли? Развѣ безъ вашихъ рукъ можно было бы прожить на одно мое жалованье? Какъ будто я ничего не вижу?.. Весь вопросъ въ томъ теперь, что надо сократить расходы. Вотъ въ этомъ теперь разобраться нужно!

— Надо-бы, Андрюша, да какъ? лишняго-то вѣдь ни на грошъ не тратимъ;—какъ быть-то? Я ужь и ума не приложу... отозвалась со вздохомъ Акулина Семеновна.

— И ничего этого не требуется! продолжала Катя.—Будемъ шить бѣлье, стирать начнемъ на сторону и даже лучше—откроемъ просто прачешную. Отличная мысль, мама, не правда ли? 30 рублей въ мѣсяцъ, спустя рукава, заработаемъ!

— Конечно, конечно! повторила мать.—Ты умница вѣдь у насъ, Катя... Ну, вотъ и конецъ, Андрюша: бѣды нѣтъ, да и не надо ея намъ; намъ и безъ нея хорошо! продолжала она, впадая въ шутливый тонъ.

Въ сущности же Акулина Семеновна страхъ какъ боялась бѣды и потому чрезвычайно радовалась, когда являлось малѣйшее утѣшеніе, что грозный призракъ бѣды удалялся изъ-подъ ея родной кровли. Такъ и теперь: она уже было заторопилась уходить, чтобы, какъ наседка, собрать подъ свои *крылья шумѣвшихъ* на улицѣ остальныхъ дѣтей; но *слѣдующая фраза мужа вновь* показала ей призракъ бѣды.

— Одно забыла ты, Катя...

— Что же это, папа?

— А то, что ты не сегодня-завтра—отрѣзанный ломоть. Мудрено, чтобы мужъ позволилъ тебѣ убиваться для насъ, стариковъ.

— Какой это, чей мужъ, папа!

— Твой, разумѣется.

— Да у меня и не будетъ мужа! воскликнула Катя съ тѣмъ напряженнымъ оживленіемъ, отъ котораго до полнаго унынія, казалось, былъ только одинъ шагъ. Къ тому же, папа, ты забылъ, что говорилъ сейчасъ о Николаѣ Петровичѣ?

Капитанъ тихонько, но рѣшительно высвободилъ свою руку изъ руки дочери.

— Ну, это я съ досады... сорвалось съ языка. Напротивъ, Николай Петровичъ—хорошій молодой человѣкъ, и я весьма радъ... Да, да, Николай Петровичъ—очень хорошій человѣкъ, смущенно проговорилъ капитанъ, досталъ часы изъ бокового кармана и началъ внимательно ихъ разсматривать.

— Хорошій, хозяйственный человѣкъ, поддержала мать.

— А такъ какъ хозяйничать-то я не могу у него, такъ и пусть его себѣ беретъ другую Катерину Андреевну!

— Нельзя этого, Катя! строго сказалъ отецъ.

— Можно, папа, можно!

— Да почему?

— Потому что... я его совсѣмъ не люблю... Вотъ и все! И довольно, и говорить тутъ не о чемъ, папа... закончила дочь какъ-то особенно торопливо, точно боясь, что она этого не успѣетъ высказать.

Капитанъ сердито задвигался въ креслѣ.

— Вздоръ! не бывать этому! Ради насъ ты хочешь остаться вѣкъ въ дѣвкахъ? Я не допущу этого... Мы отжили свой вѣкъ, и не резонъ намъ губить твою молодость. Мы съумѣемъ прожить и безъ твоей жертвы.

— Никакой жертвы тутъ нѣтъ, папа,—тихо, но съ тою же торопливостью отвѣчала Катя.

Акулина Семеновна еще не уяснила себѣ, какъ слѣдуетъ ей встрѣтить совершающійся предъ нею фактъ: радоваться-ли, что дочь остается съ нею, поддерживая ея увядающія силы, или печалиться, что ея мечта видѣть Катю за мужемъ за хорошимъ человѣкомъ, какимъ она представляла себѣ поручика Пищулина,—разсыпается въ прахъ? Однако, послѣднее взяло верхъ и она жалобно проговорила:

—Какъ же это, Катя? Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же такъ-то. Что скажетъ Николай Петровичъ? Что люди скажутъ? Вѣдь знаютъ всѣ.

Горькая улыбка легла на губкахъ дочери.

— *О, мама!* воскликнула она.—Что же намъ до того, что ска-

жутъ люди? Если люди считали насъ женихомъ и невѣстой, такъ развѣ потому, что желали намъ добра? Вѣрь, что мы были только предметомъ для разговора, для сплетень; не больше!.. Ну и теперь они не будутъ обижены: отказъ мой еще больше пищи дастъ ихъ языкамъ!...

— А теперь, папа, закончила она ласково и горячо,—дай я тебя поцѣлую и побѣгу сказать, чтобы самоваръ подавали. Поди, весь выкипѣлъ! И поцѣловавъ отца въ голову, она быстро и какъ будто весело вышла вонъ.

Старики остались и, какъ бы по уговору, разомъ взглянули другъ на друга.

Прежде всего, они не узнавали своей Кати, потому что ничего подобнаго не подозрѣвали въ ней, правда всегда «разумной»—какъ ее называла мать,—но веселой и на первый взглядъ легкомысленной дѣвушкѣ; а потомъ, отказъ ея жениху они находили невозможнымъ и несообразнымъ съ тѣми понятіями о жизни, въ сферѣ которыхъ они вращались.

— Эхма! За глупою головою и ногамъ плохо! выбранилъ себя капитанъ. Онъ любилъ говорить русскими пословицами и поговорками.—Ну и къ чему это я наговорилъ о женихѣ Кати? Вотъ и расхлебывай теперь, Андрей Сергѣевичъ!... А главное, надо знать — любитъ-ли она его, или не любитъ?

— Любитъ, Андрюша, подхватила жена.—Да и какъ не любить Николая Петровича? Хорошій человѣкъ, умный, непьющій, почтительный да хозяйственный! Чего лучше.

— Я же къ тому и рѣчь веду... Надо придумать что-нибудь другое.

— Другое, непремѣнно другое,—какъ эхо вторила жена, по всегдашней своей привычкѣ думать головой мужа. Долгая узко-семейная жизнь, полная мелкихъ дрязгъ и заботъ, гдѣ служба мужа была единственнымъ матеріальнымъ источникомъ, лишили ее всякой самостоятельности во всемъ томъ, что̀ выходило изъ предѣловъ этой жизни. Напримѣръ, она много и хлопотливо искала и нашла случай привлечь въ свой домъ жениха для Кати; она съ тайною радостью подстерегала каждый шагъ ихъ взаимнаго сближенія; долго и усердно шептала молитвы предъ образомъ Богоматери въ ночь послѣ того, какъ Николай Петровичъ и ея Катя могли быть названы женихомъ и невѣстой; но вотъ, когда отказъ Кати такъ неожиданно разрушалъ все, съ такимъ стараніемъ собранное зданіе, она могла только страдать и соглашаться со всѣмъ тѣмъ, что̀ имѣло хотя малѣйшій призракъ надежды на возстановленіе этого зданія.

— Да, *тутъ что-то не* такъ, продолжалъ капитанъ.—Всѣмъ *другимъ, которые отчислены*, давали особыя предписанія, я не по-

лучалъ ничего; меня и не спрашивали. Кто же могъ представить меня къ отчисленію?

И капитанъ погрузился въ раздумье. Шумъ дѣтей, входившихъ въ домъ, очевидно, направилъ его мысли въ другую сторону и онъ грустно продолжалъ:—И развѣ намъ съ тобой что надо? Вѣдь только бы ихъ вотъ пристроить... Не виноваты они... Катю бы выдать, а остальныхъ въ школы помѣстить, а тамъ— горшокъ щей и сами сварить сможемъ... А губить Катю нельзя, что она тамъ ни говори... Да и въ самомъ-ли дѣлѣ все кончено? Можетъ быть, недоразумѣніе, ошибка... Вѣрить не хочется этому горю, и тяжело вѣрить. Испробовать, пойти по начальству, просить разъясненія, по крайней мѣрѣ!... Доказать имъ, что мое мѣсто еще далеко не въ отставкѣ!... Говорятъ, боль врача ищетъ; попробуемъ поискать правды и защиты!...

III.

Тихія грезы.

Сонъ почтеннаго капитана въ эту ночь былъ тревоженъ; онъ нѣсколько разъ просыпался отъ нервнаго возбужденія минувшаго вечера; разъ онъ даже открылъ глаза и чрезъ полуотворенную дверь въ гостинную ему показалось, что на диванѣ сидитъ, вся облитая луннымъ свѣтомъ, какая-то женская фигура. „Катя, должно быть“, промелькнуло въ его головѣ, но затѣмъ глаза его вновь закрылись и онъ впалъ въ тяжелый сонъ.

А фигура эта дѣйствительно была Катя. Ей не спалось; постель душила ее; и когда все въ домѣ успокоилось, она изъ дѣтской перешла въ гостинную на диванъ, гдѣ и замерла въ какомъ-то грустномъ томленіи. Маленькіе, темные глазки ея, разъ остановившись на фантастической игрѣ луны съ листьями и кистями цвѣтовъ бѣлой акаціи, покачиваемой легкимъ вѣтеркомъ, такъ и оставались открытыми, словно они упорно изучали и хотѣли запечатлѣть въ памяти всѣ тѣ причудливыя арабески свѣта и тѣни, которыя художникъ-природа чертила, уничтожала и вновь создавала въ рѣдкихъ вѣтвяхъ акаціи.

Однако, мысли ея были далеко отъ затѣйливой игры природы. Предъ ея умственнымъ взоромъ проходили иныя арабески,—то были прошлыя арабески собственной ея жизни.

По натурѣ своей веселая, но не безпечная, съ сердцемъ добрымъ и ласковымъ, подъ вліяніемъ—съ одной стороны—примѣра хлопотуньи матери, не понимавшей удовольствія въ сплетняхъ и дрязгахъ внѣ *своего очага*; съ другой—прямаго, неподкупнаго характера отца, она *не успѣла дать мѣста* въ своей душѣ ни зависти, ни тщеславію. Она *привыкла принимать* жизнь, какъ она есть, а радости и печали своей

семьи были для нея дороже всего на свѣтѣ. Съ малыхъ лѣтъ помогая матери по хозяйству и няньча меньшихъ братьевъ и сестеръ, она едва успѣла выучиться читать и писать; нѣсколько книгъ духовно-нравственнаго содержанія изъ библіотеки отца были единственными, которыя она прочитала въ жизни; съ болтливыми суетными подругами она не вела дружбы, не находя для этого ни времени, ни охоты. Религіозныя вѣрованія ея, благодаря отцу, были прочны, безъ малѣйшаго колебанія. Она жила, потому что надо было жить; зато она могла и умереть также спокойно, безъ страха и трепета. Разъ, когда она плакала о смерти одного изъ маленькихъ братьевъ, отецъ сказалъ ей: «Мнѣ тоже жаль его, Катя, но помни одно, что душа его всегда съ нами: она смотритъ на насъ съ высоты вѣчнаго свѣта и покоя!» Эта теплая, задушевная фраза такъ вся цѣликомъ и запечатлѣлась въ кроткомъ вѣрующемъ сердцѣ дѣвушки. Только въ послѣднее время, передъ тѣмъ, какъ познакомиться съ нынѣшнимъ ея женихомъ, въ часы досуга, когда она оставалась одна въ комнатѣ, темные глазки ея, бывало, по-долгу останавливались на какомъ-нибудь предметѣ, худенькія щечки вспыхивали трепетнымъ огонькомъ молодой крови, а слухъ болѣзненно напрягался,—словно изъ какой-то невѣдомой глубины она старалась уловить непонятное ей, но чудное слово... Наконецъ, когда ей сказали, что Николай Петровичъ Пищулинъ можетъ быть ея женихомъ, а впослѣдствіи и мужемъ, воображеніе ея тотчасъ нарисовало слѣдующую картинку мѣщанскаго счастья: въ одной изъ глухихъ городскихъ улицъ маленькій домикъ въ 3 комнатки, изъ свѣтлыхъ оконъ котораго можно было бы любоваться восхитительною панорамою горнаго хребта; на окнахъ горшочки гераней и фуксій; въ спальнѣ, надъ кроватью, французскій коверъ съ букетами зелени, розъ и лилій, точно такой, что̀ виситъ въ дверяхъ одного изъ городскихъ магазиновъ; въ садикѣ и крошечномъ огородѣ, позади домика, клумбочки астръ, анютиныхъ глазокъ и резеды; грядки салата, петрушки, укропа, огурцовъ и редисокъ... И какъ это все хорошо! Она сама будетъ сѣять, поливать, полоть, каждое утро смотрѣть и видѣть новый бутонъ на астрахъ, мохнатую, немного колючую завязь огурчика красныя, бѣлыя, лиловыя головки редисокъ, выглядывающія изъ подъ разрыхленной темной земли... Она еще не могла опредѣлить, какое мѣсто слѣдовало отвести въ этихъ грезахъ будущему ея мужу, Николаю Петровичу: между астрами и ковромъ, или между огурчиками и редисками? Когда онъ, въ качествѣ жениха, оставался съ ней наединѣ въ гостинной, она чувствовала съ сильнымъ біеніемъ сердца, что мѣста ему еще не успѣла отыскать; но это продолжалось недолго: какъ только онъ начиналъ развивать передъ ней свои хозяйственныя соображенія *въ будущемъ*,—*а это* была его любимая тема,—она успокоивалась, *отводя ему мѣсто* въ гостинной, между диваномъ и геранями

на окнѣ... Катя замѣтила, что отецъ не особенно поощрялъ ее къ сближенію съ Пищулинымъ, но не задавала себѣ вопроса: почему?... Ей нравилось уходить иногда въ тихую область своихъ грезъ; она начинала свыкаться съ этими грезами... И вотъ онѣ разбиты, уничтожены! уничтожены ею же самой. Это было дѣломъ той минуты, когда она взглянула на блѣдную, убитую фигуру отца, безпредѣльную привязанность къ которому она всегда живо чувствовала въ своемъ сердцѣ. Первая мысль объ отказѣ жениху была легка для нея, но потомъ— и вотъ именно теперь, при этомъ лунномъ сіяніи, ей казалось, что вмѣстѣ съ ковромъ, съ огурчиками и фуксіями, разбито еще что-то, но что̀ именно, она не съумѣла бы опредѣлить; однако это *что-то* было для нея такъ дорого; оно такъ нѣжно и ласково заставляло биться ея дѣвичье сердце, что глаза ея не могли уже больше слѣдить за таинственной игрой луны въ вѣтвяхъ акаціи; они поникли, и изъ подъ опущенныхъ густыхъ рѣсницъ матовыми каплями разсыпались по щекамъ тихія слезы... Двѣ изъ нихъ повисли на рѣсницахъ, луна заглянула въ нихъ на мгновенье и, какъ бы находя, что она все сдѣлала тутъ, что̀ могла, скрылась послѣднимъ своимъ тонкимъ краешкомъ за толстымъ стволомъ акаціи.

Однѣ лишь звѣзды въ глубокой синевѣ неба, проходя, исчезая и вновь выступая въ четыреугольникѣ окна гостинной, заглядывали на склонившуюся къ дивану фигуру дѣвушки, да проблески наступавшаго дня видѣли, какъ эта дѣвушка встала, быстро стерла съ блѣднаго личика слѣды ночныхъ слезъ и вышла въ дѣтскую...

IV.

По начальству.

Проснулись и старики. Капитанъ, порѣшивъ сегодня же переговорить съ начальствомъ, былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ парадной формы.

Но вотъ онъ и одѣтъ. Чрезвычайно представительную и по истинѣ воинственную фигуру представлялъ изъ себя капитанъ! Высокій, плотный, съ крупнымъ носомъ, съ длинными, широкими, полусѣдыми усами; со взглядомъ добрымъ, но выразительнымъ подъ густыми, еще темными бровями, съ молодецкой выпуклою грудью, на которой отъ плеча до плеча тянулся рядъ крестовъ и медалей,—металлическая лѣтопись совершонныхъ имъ походовъ,—а между ними особенно выдѣлялись три знака отличія военнаго ордена и оригинальная медаль за Ахульго,— все это переносило воображеніе въ тѣ славныя суворовскія времена, когда солдатъ единственнымъ роднымъ очагомъ считалъ свою роту, *свой полкъ*, а единственнымъ честолюбіемъ — возможность побѣдить *или умереть въ бою*, прежде чѣмъ покинуть полкъ и безславно

угаснуть въ углу какой-нибудь казенной или общественной богадѣльни...

На старыхъ стѣнныхъ часахъ прохрипѣло 9 и капитанъ взялъ кэпи.

— Пора, проговорилъ онъ.—Пойду попытать: наносъ укажетъ, гдѣ вода была! заключилъ онъ одною изъ любимыхъ своихъ поговорокъ.

— Съ Богомъ, Андрюша! со вздохомъ сказала Акулина Семеновна, снявъ пылинку съ мундира мужа.

Катя безмолвно и долго смотрѣла изъ окна на удаляющуюся могучую фигуру отца...

— Капитанъ Сѣчка! доложилъ ординарецъ, входя въ кабинетъ полковаго командира.

— Проси! проси! послышался оттуда торопливый голосъ.

Капитанъ вошелъ.

Болѣе рѣзкаго контраста не могло быть, какъ теперь, между нашимъ капитаномъ и командиромъ полка. Маленькая, тщедушная фигурка этого послѣдняго, съ подслѣповатыми и какъ бы заискивающими глазками, съ пробивающейся сѣдиной въ жидкихъ усикахъ и такихъ же бакенахъ, просто терялась передъ стоящимъ около нея капитаномъ.

— Садитесь, Андрей Сергѣевичъ, садитесь! захлопоталъ командиръ.

— Господинъ полковникъ... началъ было капитанъ.

— Я такъ и зналъ! Сейчасъ и «полковникъ», и сердиться, и сердиться!... Садитесь, поговоримъ, обсудимъ: какъ? что? Садитесь-же, Андрей Сергѣевичъ!

Сѣли.

— Въ послѣднемъ номерѣ «Русскаго Инвалида», г. полковникъ, я прочиталъ... продолжалъ было капитанъ, но полковникъ опять перебилъ его.

— Читалъ, и сожалѣю! весьма сожалѣю! Но я умываю руки!.. Только что предъ вами жена приходитъ,—знаете, она всегда раньше просматриваетъ газеты,—приходитъ и говоритъ: Андрей Сергѣевичъ отчисленъ уже... Какъ уже? Да этого совсѣмъ не можетъ быть, говорю! Знаете, такъ это меня поразило, отъ чаю отбило даже, ей-Богу!.. Виноватъ! вы не хотите-ли чаю? И не дожидаясь отвѣта, крикнулъ, заглянувъ въ столовую:—Эй, Акимъ, чаю!

— Благодарю васъ... отказался капитанъ.—Я пилъ уже... Но, смѣю надѣяться, г. полков... Никита Потаповичъ, поправился онъ, замѣтя, что полковникъ поднялъ даже обѣ руки къ потолку въ видѣ протеста:—бѣду эту можно исправить.

— Готовъ! Скажите только какъ? Говорите, посовѣтуйте!

— *Правда, Никита Потаповичъ*, шестой десятокъ мнѣ пошелъ, *и я пенсію выслужилъ; но* позволю себѣ спросить: развѣ только ради

пенсіи мы служимъ нашему государю? развѣ въ этомъ только долгъ присяги?

— Вѣрно! И я всегда вотъ такъ говорю моей полковой молодежи: служба, молъ, государю и родинѣ—не комерція, господа, согласился какъ-то особенно горячо полковникъ.

— Такъ-съ, и я готовъ еще служить; могу еще служить, Никита Потаповичъ!

— И я это говорю! Я, Андрей Сергѣевичъ, всегда указывалъ маниpующей службою молодежи на васъ, какъ на образецъ.

— Значитъ, вы будете такъ добры, замолвите за меня слово у его превосходительства?

Полковникъ совсѣмъ прищурилъ глаза и началъ усердно разглаживать лежащія передъ нимъ газеты и бумаги.

— У его превосходительства? начальника дивизіи? проговорилъ онъ, какъ-бы что-то припоминая и соображая.

— Гдѣ же больше? Надо полагать, по его представленію я отчисленъ; онъ же можетъ и исправить это. Знаю, что теперь это трудно, но можно.

— И онъ исправитъ, Андрей Сергѣевичъ! Я увѣренъ въ этомъ!

— Слѣдовательно, я могу разсчитывать на васъ, Никита Потаповичъ, проговорилъ капитанъ, вставая.

Глаза полковника, казалось, закрылись совсѣмъ.

— На меня?!... То есть, конечно, *почтеннѣйшій* Андрей Сергѣевичъ, я готовъ, но... Но съ одной стороны, понимаете, если это, такъ сказать... иниціатива его превосходительства...

Капитанъ молчалъ, не понимая пока, что̀ хочетъ сказать его начальникъ.

— Такъ ловко-ли будетъ, я хочу сказать, почтеннѣйшій Андрей Сергѣевичъ, идти противъ иниціативы его превосходительства? Не значитъ-ли это «подвергать критикѣ распоряженія законной власти»?.. Я огорченъ, очень огорченъ, но мнѣ могутъ это сказать! И скажутъ,— непремѣнно скажутъ, Андрей Сергѣевичъ.

Капитанъ началъ понимать.

— Его превосходительство не скажетъ этого, — проговорилъ онъ.—Развѣ защита неповиннаго человѣка—критика власти, г. полковникъ?

— Да вотъ, подите! Такъ у насъ понимаютъ. Подрывъ дисциплины, субординаціи, говорятъ!... А вы, знаете, почтеннѣйшій Андрей Сергѣевичъ, обратились бы сами, лично. Оно бы лучше, и критики нѣтъ. А, какъ вы полагаете, Андрей Сергѣевичъ?

Капитанъ долгимъ, глубокимъ взглядомъ смѣрилъ жиденькую, слабую фигуру полковника, занятаго теперь складываніемъ на столѣ *газетъ, нервно поправилъ* саблю, взглянулъ почему-то на гербъ кэпи; *отвѣтъ что-то сказать*, но только правый усъ его дрогнулъ. Онъ

глухо проговорилъ:—Вы разрѣшаете? — Честь имѣю кланяться... И вышелъ вонъ...

Шелестя платьемъ, одѣтая съ большою претензіею на молодость, вошла въ кабинетъ полковника его жена, женщина лѣтъ 40, которой, однако, благодаря таинственнымъ средствамъ ея будуара, на видъ можно было дать не болѣе 30.

— Уфъ!... Въ жаръ вогналъ меня этотъ капитанъ! высказался полковникъ, робко цѣлуя руку жены.—И задала же ты мнѣ задачу, Женичка!... Едва выдержалъ; да и то сказать: жаль, примѣрный офицеръ!

— Опять?! прикрикнула на него жена.—А вы, сударь, вѣроятно, желали, чтобы васъ самихъ взяли да для примѣру и попросили убраться? Что, въ самомъ дѣлѣ, полкъ-то вашъ—музей древностей что-ли? И если ужъ почему-нибудь этотъ музей нуженъ, то довольно одного *васъ*, сударь... Да, наконецъ, я не понимаю, какъ вы можете еще колебаться послѣ яснаго, слишкомъ яснаго намека со стороны Евграфа Кириловича?!

Евграфъ Кириловичъ — это былъ генералъ Туховъ, начальникъ дивизіи.

— Намекъ? Ахъ, да, да, Женичка... И какъ это онъ сказалъ, бишь? заискивающимъ тономъ заговорилъ полковникъ.—«Для поддержанія, говоритъ, военныхъ традицій вашего полка достаточно одного васъ, г. полковникъ; вы—живая исторія вашего полка; другихъ страницъ ея не надо! Пора освѣжить, говоритъ, составъ офицеровъ вашего полка»...

— И что же? Мало вамъ этого? спросила жена уже нѣсколько мягче, усаживаясь у окна и направляя лорнетку на проходящаго по ту сторону улицы молодаго красиваго офицера съ артиллерійскимъ кантомъ на воротникѣ сюртука.

— Чего больше?... А все же жаль!... Семья большая, заикнулся было опять полковникъ, но жена рѣзко его остановила.

— А такъ какъ у васъ, сударь, только одна жена, то ее можно за бортъ? Не полагаете-ли вы, въ концѣ концовъ, что я выходила за васъ только ради вашей жалкой пенсіи? Ну, такъ я могу вамъ сказать, что вы жестоко ошибаетесь. Да я и не позволю вамъ выходить въ отставку: я еще жить хочу и потому — вы должны еще служить!

Полковникъ больше не возражалъ: онъ отлично зналъ, кто обыкновенно выходилъ побѣдителемъ изъ подобныхъ домашнихъ битвъ.

Жена тотчасъ же, въ свою очередь, смягчилась и выразила мнѣніе, что семьѣ капитана можно какъ-нибудь помочь. Она въ сущности не была злою женщиною, но въ высшей степени избалованною, да, *кромѣ того, обладая весьма* ограниченною головою, она обвиняла *мужа въ томъ, что, будто* бы благодаря ему, не успѣла пожить какъ

слѣдуетъ. Что она желала сказать этимъ «какъ слѣдуетъ», она и сама не съумѣла-бы ясно опредѣлить...

А тѣмъ временемъ нашъ капитанъ, полагая, что «наносъ» еще не отысканъ, отправился къ начальнику дивизіи.

Генералъ Туховъ — средняго роста коренастый человѣкъ, лѣтъ шестидесяти. Небольшая, съ высокимъ, но сильно подавшимся назадъ лбомъ, голова его покрыта короткими серебристыми волосами, остриженными «въ щетку»; на широкомъ, короткомъ носу блестѣли очки, бѣлое стекло которыхъ не могло однако скрыть строгаго и сухаго взгляда глазъ; въ большомъ подбородкѣ и тонкихъ поблекшихъ губахъ выражалась на тойчивость. Все же лицо его, вмѣстѣ съ короткими, видимо подбриваемыми съ концовъ и снизу усами, изобличало въ немъ человѣка, для котораго трудно доступны свѣтлая улыбка и ласковое слово. На шеѣ — большой орденскій крестъ; всѣ крючки и пуговицы сюртука застегнуты; подъ воротникомъ плотно обхватывала шею черная линія галстука. Онъ весь былъ олицетвореніемъ службы; отъ него несло запахомъ воинскихъ уставовъ и холодомъ военной субординаціи...

Капитана, какъ всегда и всѣхъ подчиненныхъ, онъ принялъ стоя, слегка касаясь лѣвой рукой до письменнаго стола. Генералъ Туховъ говорилъ короткими фразами и любилъ прибавлять «съ» и вообще давать такой оборотъ своей рѣчи, какъ будто бы не подчиненные, а онъ самъ былъ просителемъ.

— Съ разрѣшенія командира полка изволите являться? встрѣтилъ онъ капитана обычною фразою.

— Точно такъ, ваше пр—-ство.

— Прикажите-съ!

— Ваше пр—ство изволили читать сегодняшній номеръ «Русскаго Инвалида»? тихо, но твердо продолжалъ капитанъ.

— Читалъ-съ.

— Я отчисленъ по роду оружія.

— Отчислены-съ.

— Могу я спросить, ваше пр—ство, по чьему представленію?

— Командира вашего полка, капитанъ.

Это открытіе поразило Андрея Сергѣевича; не вѣрить этому нельзя: онъ хорошо зналъ, что Туховъ презиралъ ложь.

А генералъ продолжалъ, какъ-бы вовсе не замѣчая тягостнаго впечатлѣнія, произведеннаго послѣдними словами на капитана.

— По долгу службы-съ я не могъ не согласиться съ представленіемъ полка. Я далъ понять на послѣднемъ смотру, что армія не богадѣльня, не инвалидный домъ.

— Ваше пр—ство, я еще далекъ отъ инвалида, попробовалъ защищаться капитанъ.

— *Согласенъ-съ? Вы* крѣпки еще; но это нисколько не измѣ-

няетъ моего взгляда, котораго я намѣренъ держаться въ данномъ вопросѣ. Я позволю себѣ разъяснить вамъ, господинъ капитанъ, что подъ словомъ «инвалидъ» я разумѣю не однѣ только физическія немощи, а умственные и нравственные недостатки.

— Вашему пр—ству не безъизвѣстно, что въ моей службѣ нѣтъ пятна.

— Ни одного, господинъ капитанъ! Но вы изволите забывать— образованіе. Я разрѣшаю себѣ напомнить вамъ, что современныя требованія службы не могутъ удовлетворяться простымъ знаніемъ воинскихъ уставовъ. А въ ваши лѣта поздно учиться. Да и кромѣ того, приказъ о вашемъ отчисленіи уже состоялся и я не въ силахъ отмѣнить его.

— Но если ваше пр—ство находите...

— Къ сожалѣнію, нѣтъ!

Капитанъ умолкъ. Что еще могъ онъ сказать? Просить? О чемъ? О томъ, чего невозможно измѣнить? Обвинять генерала? Этого онъ не могъ, не имѣлъ права, да и за что бы онъ могъ обвинать его? Начальникъ дивизіи поступилъ, казалось, именно такъ, какъ того требовала обязанность службы. Но такъ-ли это? Если онъ не виноватъ; если жизнь человѣка—игра и перетасовка случайностей, такъ кого же обвинять? Кого?

— Я кончилъ, господинъ капитанъ, проговорилъ генералъ.

Капитанъ понялъ, что дѣйствительно все кончено, что онъ нашелъ, «гдѣ вода была», и пришелъ къ тяжелому убѣжденію, что отъ этого открытія не получилъ никакого облегченія.

Онъ, молча, поклонился и—вышелъ.

V.

Пропащій человѣкъ.

Жена и дочь, въ ожиданіи прихода Андрея Сергѣевича, хлопотали по хозяйству, но каждый звукъ шаговъ на улицѣ, похожій на мѣрный, твердый шагъ мужа и отца, заставлялъ ихъ поворачивать головы къ окнамъ и сердца ихъ усиленно бились отъ чувства смутной надежды и опасенія.

Однако, не страхъ предъ тяжелымъ трудомъ, который имъ предстоялъ въ случаѣ выхода въ отставку главы семьи, пугалъ ихъ; жизнь праздная и скучающая имъ была непонятна. Акулина Семеновна не могла свыкнуться съ мыслью о томъ полномъ бездѣйствіи, на которое, безъ сомнѣнія, будетъ обреченъ въ отставкѣ ея мужъ, и не потому, чтобы она не желала ему отдыха или хотѣла бы видѣть его *умирающимъ за непосильнымъ* трудомъ; нѣтъ, она просто не *умѣла представить себѣ того* положенія, что вотъ онъ, ея Андрюша,

такой еще крѣпкій и бодрый, будетъ слоняться изъ угла въ уголъ, скучать и сохнуть раньше времени безъ работы. Она, съ первыхъ до послѣднихъ дней брачной жизни, любила его всѣмъ своимъ скромнымъ существомъ, молилась за него, когда онъ находился въ бою, отстраняла отъ него всякія мелкія заботы о семьѣ; но любила также видѣть его въ мундирѣ военнаго человѣка; любила службу его... Вчера еще утромъ все это такъ и было, какъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ, но сегодня, но завтра... ничего этого не будетъ! Нѣтъ, этого она не могла понять! Что будетъ съ дѣтьми, какія лишенія имъ предстоятъ?—это были вопросы, которые пока еще не возникали въ ея головѣ. Она чувствовала, что семейная ея жизнь выбита изъ обычной колеи; и это было главное.

А Катя? Ей безконечно жаль было отца. Проведенная безъ сна ночь вызвала въ ней такія мысли, что уже на другой день она иначе посмотрѣла на окружающій ее Божій міръ; многое изъ того, на что она прежде не обращала вниманія, теперь начинало принимать для нея живые образы, прямо дѣйствующіе на умъ и сердце. Правда, въ ту же ночь она плакала о потерѣ собственнаго счастья, какое она себѣ представляла въ замужствѣ, но то были слезы не безутѣшнаго горя, не слезы сердца, потерявшаго все лучшее и дорогое въ жизни, но скорѣе слезы нищаго, отъ котораго отняли только что подаренную ему серебряную монету. Не счастье—этотъ серебрянный пятакъ, но все же съ нимъ свыклись, уже разсчитывали на скромное употребленіе его, и вотъ—вдругъ, его нѣтъ! Правда, она сказала, что не любитъ жениха, но едва она успѣла договорить это слово, какъ сердце ея болѣзненно сжалось отъ охватившаго его чувства любви. Она затронула этотъ вопросъ любви и тотчасъ сама была поражена отвѣтомъ на него... Вчера, въ ея словахъ по поводу того, что скажутъ люди въ случаѣ отказа ея жениху, звучала иронія; два дня тому назадъ иронія эта была еще не мыслима на ея губахъ; теперь она не удивлялась ей даже... Прежде въ злобныхъ, порою безсвязныхъ, но всегда искреннихъ рѣчахъ подпоручика Шемятова, который иногда заходилъ къ нимъ по вечерамъ «отвести душу»,—какъ онъ говорилъ, — она видѣла лишь результаты усерднаго поклоненія Бахусу;—теперь, при новомъ освѣщеніи ея жизненной призмы, она начинала открывать въ нихъ что-то болѣе серьезное; теперь въ рѣчахъ Шемятова, то злыхъ и безпощадно жосткихъ, то грустныхъ и безпомощныхъ, ей слышались проблески того чувства, отсутствіе котораго въ ея собственномъ сердцѣ еще вчера такъ поразило ее.

Хриповатый голосъ этого Шемятова, донесшійся въ ту минуту *со двора*, теперь привлекъ ея особенное вниманіе.

— *Злодѣи! караулъ*! всего ограбили! ворчалъ этотъ голосъ. Ему

отвѣчалъ веселый гулъ дѣтскихъ голосовъ.—Говорятъ вамъ,—больше нѣтъ: очистили, какъ липку!

Съ послѣднимъ словомъ Шемятовъ вошелъ въ гостинную, гдѣ Катя сидѣла за вышиваньемъ по канвѣ цвѣтнымъ гарусомъ. Шемятовъ хотя былъ роста небольшаго, но ему пришлось сильно нагнуться въ дверяхъ, потому что на плечахъ его, верхомъ, торжественно возсѣдалъ трехлѣтній мальчуганъ, братишка Кати, который одною ручонкою держался за шею «дяди», а другою старался развернуть конфекту. Остальныя трое дѣтей, отъ мальчика Ѳеди, 11-ти лѣтъ, до дѣвочки 4-хъ лѣтъ, наперерывъ старались разнять пальцы свободной руки Шемятова, въ надеждѣ отыскать въ ней остатки лакомства.

Катя, улыбаясь, подняла голову отъ работы.

— Ахъ, Ѳаддей Ивановичъ, вы опять съ конфектами! замѣтила она.—Говорятъ, отъ сладкаго зубы крошатся.

— Еслибы такъ, я желалъ бы накормить конфектами всѣхъ мерзавцевъ на свѣтѣ: авось не такъ бы больно кусали!.. Впрочемъ, это не въ строку; виноватъ! Такая ужь привычка: начинать съ конца!.. Здравствуйте! И онъ хотѣлъ было протянуть руку дѣвушкѣ, но онѣ обѣ были заняты, и потому онъ, только мотнувъ большой курчавой головой, опустился на стулъ около Кати и продолжалъ, косясь на возсѣдавшаго на немъ Колю:—«Слѣзай же, шельмецъ! говорятъ же тебѣ, что у дяди ничего нѣтъ»!.. И вы думаете, онъ не разсчитываетъ? Думаете, ему пріятно сидѣть тамъ, растопыривъ ножонки?.. Ничуть! Онъ увѣряетъ себя, что если у дяди есть что нибудь еще, противъ чаянія, то первая и львиная доля достанется ему, какъ ближе всѣхъ стоящему у источника матеріальныхъ благъ!.. Да, да, они тоже *люди*, и если вы хотите знать взрослыхъ, начинайте съ сихъ малыхъ!.. И въ крошечномъ осколкѣ зеркальца также удобно отражается и уличная грязь, и блестящее солнце... Но, виноватъ, опять зарвался за банкъ! Я забылъ, что вы не долюбливаете печальныхъ вещей, Катерина Андреевна...

— Напротивъ, Ѳаддей Ивановичъ, я слушаю васъ съ удовольствіемъ, проговорила Катя, внутренно упрекая себя, что она до сихъ поръ не придавала никакого значенія рѣчамъ Шемятова.

— Да, какъ слушаютъ съ удовольствіемъ жужжаніе мухи въ окнѣ, когда прискучитъ работа,—иронически отвѣтилъ онъ.

Между тѣмъ дѣти съ ожиданіемъ и недоумѣніемъ посматривали на говорившихъ, а Ѳедя успѣлъ даже разнять пальцы Шемятова, о которыхъ тотъ, очевидно, забылъ.

— И правда, ничего нѣтъ! сказалъ Ѳедя.—Слѣзай, Коля?

— Видите! воскликнулъ Шемятовъ.—Ничего нѣтъ, значитъ, слѣзай Коля. Ахъ, вы эгоисты эдакіе!

Коля *теперь безпрепятственно*, но съ огорченнымъ отъ обманутаго *ожиданія личикомъ, позволилъ* себя снять съ плечъ.

— Дядя, Ѳаддей Ивановичъ,—затараторили дѣти, перебивая другъ друга.—Мы тебя очень любимъ! ты хорошій! скоро опять ты придешь?

— Придешь! ужь прямо скажите: скоро ли принесешь лакомства? Ахъ, вы кривыя душонки! Маршъ! Ни одной конфеты не получите больше.

Дѣти съ шумомъ выбѣжали вонъ.

— И вотъ все такъ, Катерина Андреевна, въ этомъ скверномъ мірѣ! Чаша выпита, и вонъ ее! Не нужно! И если еще не разбиваютъ, то для того только, чтобы взглянуть, не полна-ли она снова.

Акулина Семеновна, разслышавъ голосъ Шемятова, порѣшила, что приходъ его, въ особенности днемъ, противъ обыкновенія,—совсѣмъ некстати и осталась въ спальнѣ за починкою какого-то дѣтскаго платьица. Впрочемъ, она никогда не понимала, о чемъ толкуетъ этотъ «пропащій человѣкъ», какъ она его называла.

— Ѳаддей Ивановичъ, я хочу кое-что спросить у васъ,— начала Катя, не поднимая головы отъ работы.

— Не спрашивайте, я самъ скажу, сколько сегодня я успѣлъ возложить на алтарь Бахуса...

— Нѣтъ, не то, Ѳаддей Ивановичъ. Я хотѣла спросить, были-ли вы когда нибудь счастливы, веселы?

— А вамъ это на что собственно? недовѣрчиво проворчалъ Шемятовъ.

— Такъ я... Вы всегда вотъ сердиты какъ-то.

— Сердитъ? Нѣтъ, это не то слово: сердятся только власть имѣющіе; а я, какая ужь я власть, помилуйте? Не къ лицу мнѣ это... А былъ-ли я веселъ, вы спрашиваете? Нѣтъ! этого никогда не было! И онъ злобно захохоталъ.—Я такъ вотъ и родился; такъ, съ бутылкой въ рукѣ и съ противной сердитой рожей!—Затѣмъ онъ вдругъ замолчалъ и уже грустно прибавилъ:—Эхъ, Катерина Андреевна, милая вы дѣвушка, бутылка и злоба—дѣло рукъ человѣческихъ! въ этомъ неповинна природа-мать!

— А вы не горюйте! бросьте эту гадкую водку, Ѳаддей Ивановичъ, замѣтила Катя и свѣтлыми, участливыми глазами посмотрѣла на Шемятова.—Право, мнѣ жаль васъ! прибавила она тихо.

Онъ склонилъ голову, какъ бы прислушиваясь, но въ слѣдующее же мгновенье тряхнулъ головой, словно отгоняя что-то, и продолжалъ глухо и мрачно:—Вы говорите, бросить... А зачѣмъ? къ чему это?.. Поздно, да и некстати... теперь же въ особенности. Служба меня еще разъ и, кажется, навсегда *выбросила*, такъ что же мнѣ остается, если я *выброшу* водку?.. Да вотъ и вы, развѣ не печальны вы?.. Такою я никогда не видалъ васъ...

— Правда, мнѣ очень жаль папу! Знаете, его отчислили, *печально отвѣтила* Катя.—А черезъ годъ въ отставку.

— *Ну и время-ли* мнѣ бросить водку, спрашиваю я васъ, милая

дѣвушка?!. А вы думаете, я этого не зналъ? Вчера еще я зналъ это и сегодня принесъ жертву Бахусу!.. И не могу я перенести, перенарить этого!.. Какъ? Вашего отца, честнаго до корня волосъ человѣка, храбраго до героизма, еще крѣпкаго, какъ дубъ, выбросить за бортъ, какъ выжатый лимонъ? Уволить офицера, одинъ видъ котораго въ состояніи увлечь цѣлый полкъ на смерть или на славу? Сравнить вашего Андрея Сергѣевича со мною, съ безобразнымъ забулдыгою; поставить на одну доску съ капитаномъ Кобахидзе, уходящимъ со службы потому только, что успѣлъ солидно ограбить казну и что въ мирное время продолжать это славное дѣло не такъ-то удобно? Ну, какъ же не пить-то, Катерина Андреевна? Какъ я могу бросить «гадкую» водку? Нельзя этого, потому что только на днѣ опорожненной бутылки обитаетъ справедливость!..

Кончивъ это съ большимъ воодушевленіемъ, Шемятовъ уперся локтями въ колѣна и склонилъ на руки свою курчавую голову, запустивъ пальцы въ густую, тоже курчавую бороду.

— А все же вотъ уволили папу: начальство, вѣрно, не по нашему судитъ, отозвалась Катя.

— И уволятъ! Тысячу разъ уволятъ!! вскричалъ, злобно сверкая глазами, Шемятовъ.—Но зато не уволятъ штабсъ-капитана Чудова, годнаго только на то, чтобы служить на побѣгушкахъ у нашей матери-командирши. Не уволятъ капитана Неѣлова, подъ прикрытіемъ хозяйственной должности торгующаго совѣстью своею и своего полковаго командира! Не уволятъ смотрителя госпиталя и его клеврета—комисара, обирающихъ поровну и казну, и несчастныхъ больныхъ! Не выбросятъ всѣхъ этихъ крысъ въ эполетахъ и орденахъ, которыя во время войны бѣжатъ изъ арміи, словно настоящія крысы передъ пожаромъ дома, чтобы показать себя героями канцелярщины и наживы... А вотъ, когда у васъ, кромѣ 40 рублевой пенсіи, ничего нѣтъ, тогда за бортъ! Ну, чѣмъ вы будете жить?

— Работать будемъ, Ѳаддей Ивановичъ,—скромно отвѣтила дѣвушка.

— То есть, шить, вязать, а пожалуй, на худой конецъ, даже стирать бѣлье? А въ результатѣ какихъ нибудь десять рублей въ мѣсяцъ? Знаю я этотъ трудъ... Мнѣ жаль васъ, Катерина Андреевна... И не такъ жаль, какъ вотъ вы меня жалѣете. Мнѣ уже ничего не надо; люди и я самъ постарались во мнѣ убить все, чѣмъ красна жизнь... Но вы, вы можете еще любить и ненавидѣть! А между тѣмъ...

Шемятовъ замолчалъ, не рѣшаясь досказать свою мысль.

— Скажу! къ чему скрывать? продолжалъ онъ. — Все равно я увѣренъ, что завтра, послѣ завтра вы узнаете сами... Вашъ женихъ откажется *отъ васъ, когда убѣдится*, что вы волей-неволей навяжете *ему на шею вашу полуголодную* семью... Это подлинныя слова госпо-

дина Пищулина. Я не подслушивалъ, а случайно былъ невидимымъ свидѣтелемъ его разговора съ Плотниковымъ.

— Онъ сказалъ это? подавленнымъ голосомъ спросила Катя.

— И такъ говорилъ, словно упиваясь смысломъ своей собственной мерзости!

— Въ такомъ случаѣ, это онъ совершенно напрасно: я еще вчера порѣшила отказать ему, продолжала Катя.—Вѣдь онъ самъ, мы не напрашивались! Зачѣмъ же... Дѣвушка не договорила, голосъ оборвался и въ глазахъ ея показались слезы.

Шемятовъ быстро всталъ, взглянувъ на опечаленное лицо Кати.

— Вы, кажется, плакать собираетесь? вскричалъ онъ.—Еще доказательство, что справедливость на днѣ бутылки; ну, скажите, стоитъ ли онъ хотя одной вашей чистой, кроткой слезинки?!

Акулина Семеновна не выдержала; послѣднія слова Шемятова вызвали ее изъ спальни. Она посмотрѣла на дочь и проговорила:

— Что вы тутъ только наговорили ей, Ѳаддей Ивановичъ? Право, шли бы себѣ домой: и безъ вашихъ словъ невесело намъ. Зачѣмъ раздражать дѣвушку?

— Раздражать?! Шелъ бы себѣ домой?.. Правда ваша... Я забываю, что все убито, все уничтожено для Шемятова... Домой, милый забулдыга! Тамъ, по крайней мѣрѣ, у тебя есть вѣрный товарищъ, который пойметъ тебя!..

Шемятовъ тихо, съ тѣмъ выраженіемъ, когда издѣваются надъ самимъ собой, захохоталъ, схватилъ фуражку и выбѣжалъ вонъ. Онъ прямо отправился въ свою убогую каморку, нанимаемую въ одномъ изъ домовъ на той же улицѣ; молча, ероша волосы и бороду, вытащилъ изъ стѣннаго шкафика своего «вѣрнаго товарища»—бутылку водки—и черезъ часъ, окончательно успокоенный изобрѣтенной имъ «справедливостью», захрапѣлъ на измятой постели.

Сынъ бѣднаго маленькаго чиновника, умершаго подъ арестомъ за какое-то мелкое мошенничество по службѣ, Шемятовъ личною энергіею и тяжелымъ трудомъ пробился въ офицеры, и, какъ бы стараясь загладить вину отца, внесъ въ свою служебную дѣятельность столько безупречной честности и неподкупнаго отношенія къ людямъ своей среды, что сразу попалъ въ разрядъ «неблагонамѣренныхъ»; защищаясь отъ мелкихъ уколовъ этой среды, злой языкъ его раздавалъ удары съ такимъ успѣхомъ, что создалъ массу враговъ, которые и воспользовались первымъ случаемъ столкновенія его съ однимъ изъ сослуживцевъ, чтобы предать его суду общества офицеровъ. Онъ не дождался рѣшенія этого домашняго, и потому часто пристрастнаго ареопага, и вышелъ въ отставку. Года четыре до минувшей войны, онъ работалъ писцомъ въ частной торговой конторѣ, ворочалъ кузнечнымъ *молотомъ на фабрикѣ* желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, таскалъ кули *на приволжской пристани*, пока наконецъ въ 1877 году его вновь не

рияли на службу, съ назначеніемъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ йствующей кавказской арміи. Но ужасные четыре года въ отставкѣ звозвратно озлобили его и привязали къ водкѣ. Въ бой онъ ходилъ егда трезвъ и дрался за семерыхъ, отличаясь смѣтливостью и отва-й, по зато послѣ, въ палаткѣ, искалъ забвенія въ своей «справед-ивости». Послѣ войны ему, въ числѣ прочихъ, предложено было выйти ъ отставку, съ предварительнымъ зачисленіемъ на годъ по роду оружія.

Въ началѣ своей первой офицерской службы, онъ считалъ женщинъ мѣхой въ карьерѣ военнаго человѣка; въ отставкѣ онъ старался не ыѣчать ихъ; затѣмъ настали боевыя условія жизни, такъ что первая енщина, приковавшая его вниманіе—была Катя. Но это произошло же слишкомъ поздно; онъ отлично сознавалъ, что такъ нежданно воз-икшая въ немъ любовь—чистая насмѣшка въ его настоящемъ поло-еніи. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ чувствѣ онъ находилъ какое-то жес-окое наслажденіе, въ родѣ того, какое аскеты находятъ въ самобиче-аніи. Не намекая ни единымъ словомъ Катѣ о зародившемся въ его ердцѣ чувствѣ, онъ любилъ, когда бывалъ на полдорогѣ къ своей справедливости», заходить въ домъ Андрея Сергѣевича, сидѣть въ остинной, слѣдить за работой Кати, и больше угрюмо молчалъ, не про-уская случая ругнуть «негодное человѣчество».

Домъ капитана Сѣчки былъ единственный, гдѣ его принимали; всѣ стальные чурались его, какъ зачумленнаго. Андрей Сергѣевичъ обла-алъ его, часто ворчалъ на него за пьянство, но любилъ его, какъ отецъ лудnаго сына, съ тою громадною разницею, что любилъ его самого ично, а не за его раскаяніе... Шемятовъ высоко цѣнилъ это теплое, ѣзъ всякой предвзятой мысли, участіе къ нему и, какъ читатель уви-итъ далѣе, готовъ былъ на всякія жертвы для этого семейства.

VI.

Безплодныя усилія.

— Да, веселаго немного, началъ Андрей Сергѣевичъ, отвѣчая на ревожные вопросы жены и дочери.—Видно, приходится согласиться съ аддеемъ Ивановичемъ, что добрыхъ людей мало на свѣтѣ! А злыхъ и ездушныхъ—непочатый уголъ: вездѣ найдешь ихъ! Выходитъ, Акуля, то сильнѣе, тотъ и правѣе.

И капитанъ разсказалъ результаты хожденія по начальству и то, акъ поразило его открытіе, что именно по представленію полковаго ко-андира онъ отчисленъ.

— Порывался вернуться къ нему, продолжалъ капитанъ—выска-ать, какъ это недостойно съ его стороны: одной рукою наносить чело-ѣку ударъ, а *другую умывать, какъ* неповинную ни въ чемъ... да раз-*ыгалъ. Богъ съ нимъ! Авось,* и безъ службы обойдемся. Годъ пом-

наго содержанія, деньщикъ тоже на годъ останется; а тамъ примутъ Ѳедю въ прогимназію, дадутъ пособіе на выѣздъ въ Россію, въ какой-нибудь глухой уѣздный городъ, гдѣ и проживемъ на нашу пенсію, да и жениха найдемъ нашей дѣвочкѣ. Ничего: голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ!

— А Николай Петровичъ? Что жъ это, такъ значитъ и отказать ему? вступилась мать, все еще не желая вѣрить словамъ дочери.

— Мама, это дѣло рѣшеное; не будемъ больше говорить объ этомъ! отвѣчала дочь съ энергіею.

— И не надо. Дѣло-то твое съ Пищулинымъ, какъ оказывается, лыкомъ подшито было.

Акулина Семеновна тяжело вздохнула. Грустно ей было разставаться съ излюбленной мечтою.

— Вотъ послушай. Встрѣтился я съ твоимъ Николаемъ Петровичемъ, когда возвращался отъ генерала. Получилъ, говоритъ, письмо отъ матери, проситъ къ себѣ, въ Самару,—такъ, стало быть, свадьбу отложить надо.

— Да у него матери-то нѣтъ, Андрюша; вѣдь самъ онъ говорилъ, что года два какъ умерла? воскликнула Акулина Семеновна.

— Должно быть, воскресла!.. Эхъ, Акуля, самъ я отлично понимаю, что это все предлогъ одинъ!

Катя такъ низко опустила голову, что совсѣмъ закрыла лицо въ маленькой рубашонкѣ, которую починяла.

— Итакъ, говоритъ, до свиданья пока. Протянулъ было руку... Мерзостно такъ это мнѣ показалось, что я не выдержалъ. Напрасно, говорю, сударь, сочиняете вы предлогъ этотъ! Только второе пришествіе можетъ оживить вашу мать; а вотъ вамъ, ея сыну, не слѣдовало бы и родиться: такъ вы хороши, сударь!.. Да не безпокойтесь, говорю, ваша невѣста еще вчера отказалась отъ васъ!

— Что же онъ, папа? тихо спросила Катя, и такъ подняла передъ собою починяемое бѣлье и съ такимъ вниманіемъ разсматривала его, что, казалось, произнесенная ею фраза имѣла лишь одну цѣль: поддержать разговоръ, окончаніемъ котораго она ничуть не интересовалась.

— Покраснѣлъ! должно быть, нашелся кусочекъ совѣсти и у него. Да, Катя, Ѳаддей Ивановичъ опять правъ. И хотя не пьетъ Пищулинъ горькую, но именно про него говоритъ пословица: «Бѣсъ и хлѣба не ѣстъ, да не святъ»!..

Затѣмъ, семья перешла къ болѣе спокойному обсужденію своего новаго положенія. Скудное содержаніе, даже въ должности ротнаго командира, при большой семьѣ и страшной дороговизнѣ всѣхъ жизненныхъ продуктовъ, не давало никакой возможности капитану скопить что-нибудь про черный день, такъ что приходилось воспользоваться *этимъ послѣднимъ* годовымъ жалованьемъ, чтобы приберечь сотню *рублей, какъ фондъ* про всякую случайность въ отставкѣ. Но какъ

Старшій сынъ Ѳедя числился кандидатомъ для поступленія въ одну изъ военныхъ прогимназій на казенный счетъ; но для этого онъ, по существующимъ правиламъ, долженъ былъ выдержать конкурсный экзаменъ, къ которому его и подготовлялъ ученикъ мѣстной гражданской гимназіи за 5 рублей въ мѣсяцъ, кромѣ отдѣльной комнаты для жилья и обѣда за общимъ столомъ капитана. Отказать учителю и вслѣдствіе этого сократить расходы рублей на пятнадцать, даже двадцать, невозможно; это значило бы погубить всю жизнь мальчика. Уничтожить одно изъ главныхъ золъ въ офицерскомъ быту за Кавказомъ, т. е. нанять квартиру подешевле, было немыслимо. За отпускаемые казною семейному оберъ-офицеру двѣнадцать рублей квартирныхъ (въ томъ числѣ отопленіе и освѣщеніе) можно имѣть только одну комнату; а три-четыре комнатки даже въ глухой части города, неизбѣжно сырыя и холодныя, стоютъ 20—25 рублей въ мѣсяцъ. Теперь, если къ нимъ приложить годовую пропорцію дровъ на 80 рублей, да освѣщенія на 40 рублей, то и выйдетъ, что офицеръ приплачиваетъ за одну только квартиру изъ жалованья до 20—22 рублей въ мѣсяцъ... Такимъ образомъ оказалось, что сократить расходы нельзя; остановились на томъ, что слѣдуетъ увеличить приходъ. Мать и дочь попробуютъ шить бѣлье, даже заняться стиркою, какъ предлагала Катя, принанявъ для благовидности какую-нибудь умѣлую прачку, которая бы собирала и разносила бѣлье; наконецъ, вязаньемъ кружевъ и вышиваньемъ по канвѣ тоже можно что-нибудь заработать. Отецъ съ своей стороны заявилъ, что онъ поищетъ въ городѣ частныхъ занятій, въ качествѣ акцизнаго чиновника на табачной фабрикѣ, кассира или начальника станціи, а то и оберъ-кондуктора на желѣзной дорогѣ. Такъ порѣшили, и Акулина Семеновна нашла, что жизнь семьи можетъ войти въ прежнюю свою колею.

Казалось, все пришло въ обычный порядокъ въ семьѣ капитана, но опытному глазу наблюдателя легко было замѣтить, какъ иногда Андрей Сергѣевичъ, во время занятій съ меньшими дѣтьми, Ѳедей и Ваней, задумывался о чемъ-то, какъ бы не замѣчая дѣтей и не слыша ихъ вопросовъ; да иногда иголка Кати останавливалась на полдорогѣ въ шитьѣ, утюгъ ея иногда подпаливалъ бѣлье, а маленькіе темные глазки дѣвушки съ недоумѣніемъ и страхомъ взглядывали на окно, на улицу, на прохожихъ; да въ головѣ Акулины Семеновны порою бродилъ неотвязный вопросъ о Николаѣ Петровичѣ Пищулинѣ, который, на ея взглядъ, былъ самымъ лучшимъ женихомъ въ мірѣ для Кати.

Прошла недѣля. Катя усиленно работала надъ окончаніемъ великолѣпнаго букета по канвѣ шерстью. Андрей Сергѣевичъ заходилъ въ акцизное управленіе, но тамъ ему отвѣтили, что свободнаго мѣста *нѣтъ, что послѣ «тиража погашенія»* въ арміи, *отъ* подобныхъ ему *офицеровъ отбою нѣтъ и что своихъ* чиновниковъ некуда пристроить.

— Сами разсудите, капитанъ,—заключилъ акцизный начальникъ, какъ-ли дать мѣсто, человѣку новому для насъ, неопытному въ нашемъ дѣлѣ, или вотъ этому писцу,—указалъ онъ на пожилаго за канцелярскимъ столомъ человѣка,—уже 5 лѣтъ ожидающему такой вакансіи?

Капитанъ не могъ не согласиться съ этимъ доводомъ и, молча, отклонялся.

Потомъ онъ подалъ прошеніе управляющему желѣзною дорогою, прося должности начальника или помощника начальника станціи, и даже оберъ-кондуктора; ему отвѣчали, что въ настоящее время вакансій нѣтъ, но что онъ зачисленъ на одну изъ просимыхъ имъ должностей восемьдесятъ пятымъ кандидатомъ.

Открылъ въ городѣ лѣсопильный и известковый заводъ одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ; прошелъ слухъ, что на заводъ этотъ ищутъ управляющаго; толкнулся туда Андрей Сергѣевичъ.

— Очень бы рады, да только вы, капитанъ, для нашего дѣла не годитесь: намъ своего человѣка надо, имеретинскаго человѣка!

Катя, между тѣмъ, навѣдалась въ магазинъ, куда снесла по знакомству, для продажи, вышивку букета по канвѣ.

— Больше трехъ рублей не даютъ, барышня, отвѣтилъ хозяинъ магазина.

— Это за цѣлый-то мѣсяцъ работы? удивилась Катя.

— Это правда, работа не скорая, да, говорятъ, за 10 рублей можно почти коверъ небольшо купить! отвѣчалъ купецъ и отвернулся, чтобы встрѣтить обычною улыбкою входившихъ покупателей.

Больно показалось это Катѣ; свернула она поспѣшно свою такъ низко оцѣненную работу и, опечаленная, вышла.

По дорогѣ зашла въ модный магазинъ, спрашивая работы.

Хотя Катя никогда не бывала въ этомъ магазинѣ,—средства не позволяли ей заказывать или покупать что-либо въ немъ,—тѣмъ не менѣе толстая въ очкахъ нѣмка-хозяйка знала дѣвушку и сначала затруднилась, какъ ей слѣдовало понимать сдѣланный вопросъ относительно работы.

— Фи! мадмоазель! самимъ вамъ работайть? Ви покупайть мошно, ja, ja!

— Сидѣть, сложа руки, тоже нехорошо, мадамъ,—говорила Катя, не желая пока объяснять истиннаго положенія дѣла.

— Гуляйть, танцуйть! А работайть нашъ дѣлъ,—продолжала нѣмка, какъ бы не понимая причины просьбы дѣвушки; но глаза ея, поверхъ свалившихся на носъ очковъ, явно говорили, что они отлично видятъ знакомую фигуру Нужды, грозно стоящую за спиною дѣвушки. Кромѣ того, хозяйка по опыту знала, какъ трудно ладить съ работницами въ положеніи Кати, и рѣшила отъ нея отдѣлаться, такъ что потомъ Катя хотя и дала ей понять, что, молъ, лишняя копѣйка не бываетъ тягостью

въ домѣ, но нѣмка уже прямо отвѣтила, что время теперь тяжелое и что самой ей съ двумя мастерицами порой приходится сидѣть безъ работы.

Не смотря на эти неудачи, Катя рѣшилась зайти еще въ одинъ и послѣдній въ городѣ модный и швейный магазинъ, гдѣ ее тоже знали; но хозяйка, вдова чиновника, заявила, что собственно теперь она не нуждается въ рабочихъ рукахъ, но что если будетъ спѣшный заказъ, она дастъ ей знать.

— Рубахъ нѣтъ-ли для шитья, на-домъ взять? попробовала еще спросить Катя.

— Нѣтъ, да и не бываетъ почти заказа на бѣлье. Машина убила эту работу: всякій покупаетъ готовое, и дешевле и также прочно, какъ ручное шитье.

Итакъ, неудача! опять неудача! Всѣ ея свѣтлыя надежды на возможность работы однѣ за другими безжалостно разбились о ту упорную, трудно сокрушимую стѣну, которая называется «борьбой за существованіе».

Въ тягостномъ раздумьѣ возвратилась Катя домой. Впервые у нея явилась горькая мысль, что тотъ женскій трудъ, въ которомъ она находила цѣль жизни, почти не имѣлъ никакой цѣны на житейскомъ базарѣ.

Вечерѣло. Дома она застала Шемятова. Казалось, «справедливость» была имъ найдена: онъ сидѣлъ и только мрачно поддакивалъ на разсказъ капитана о встрѣченныхъ имъ неудачахъ по пріисканію частныхъ занятій.

На вопросъ отца о результатѣ попытокъ ея отыскать работу въ городѣ, она только грустно улыбнулась; это такъ подѣйствовало на любящее сердце капитана, что онъ прервалъ свой разсказъ и, молча, началъ просматривать разъ уже прочитанную газету.

Шемятовъ продолжалъ сидѣть, низко опустивъ голову. Катя подсѣла къ окну и, казалось, съ большимъ вниманіемъ наблюдала двухъ босоногихъ мальчугановъ, которые, почти волоча за руки крохотную дѣвочку, подпрыгивали на улицѣ впереди роты солдатъ, мѣрно шагавшихъ подъ тактъ веселой солдатской пѣсни. Вотъ, вслѣдъ за ротой, прошелъ бывшій ея женихъ, поручикъ Пищулинъ. Свободный и развязный шагъ его и самодовольное выраженіе лица, съ которымъ онъ посмотрѣлъ на окно квартиры капитана, оскорбили Катю до глубины души, вызвавъ въ ней мгновенно новыя чувства и мысли. Такъ, долго лежавшій безъ употребленія кремень сверкаетъ искрами, едва вы ударите его огнивомъ.

VII.

Новыя затрудненія и благодѣтели.

Грустное настроеніе Кати какъ рукой сняло. Она весело, съ оттѣн-

комъ иронiи, разсказала свои странствованiя по магазинамъ, удачно скопировавъ толстую нѣмку, совѣтовавшую ей «гулять!»

— Остается открыть прачешную; и вы, Ѳаддей Ивановичъ, поможете намъ на первый разъ, начала Катя.

Шемятовъ въ недоумѣнiи взглянулъ на дѣвушку.

— Хорошъ будетъ Ѳаддей Ивановичъ съ мыломъ и какой-нибудь юбкой передъ лоханью! улыбнулся капитанъ.

— Бывало—мылъ, могу! пробурчалъ Ѳаддей Ивановичъ.

— Ну, до этого еще далеко, продолжала Катя.—Понадобится—я сама вымою вашу сорочку! Не въ этомъ дѣло, нѣтъ; вы уговорите вашихъ холостяковъ-офицеровъ отдавать намъ въ стирку бѣлье. Помогите намъ найти хорошую работницу. Я слышала, что весь этотъ народъ такъ любитъ васъ...

„И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку“—

мрачно продекламировалъ Шемятовъ, въ отвѣтъ на послѣднюю фразу Кати.

Андрей Сергѣевичъ заявилъ, что Катя напрасно все это затѣваетъ; съ подобнымъ дѣломъ тяжело возиться, да и надобности пока нѣтъ. Получаемаго содержанiя пока достаточно, а затѣмъ, по окончанiи года, они переберутся во внутрь Россiи, гдѣ и на 45 рублей можно прожить.

— Въ мое время тамъ фунтъ ситнаго ржанаго хлѣба стоилъ копѣйку, а фунтъ баранины—2 копѣйки! заключилъ онъ, какъ бы забывая, что то благословенное время, о которомъ онъ говорилъ, имѣло мѣсто 25 лѣтъ тому назадъ, когда еще не только деревни, но и города видѣли въ проявившейся гдѣ-то «чугункѣ» несомнѣнный признакъ пришествiя въ міръ антихриста.

Ударъ, нанесенный капитану отчисленiемъ, хотя острою болью пронизалъ его сердце, но, очевидно, надежда еще не покидала его, да и не хотѣлъ онъ помириться съ мыслью, что на закатѣ дней ему придется начать жить сызнова, что тридцать семь лѣтъ трудной военной жизни прошли затѣмъ только, чтобы вызвать въ немъ новыя силы на новую борьбу... Нѣтъ, онъ не хотѣлъ остановиться на этой мысли!

А между тѣмъ новый ударъ для него стоялъ уже у дверей. Вошелъ деньщикъ и подалъ пакетъ съ печатью полка.

Въ бумагѣ этой полкъ увѣдомлялъ, что ему, какъ отчисленному по роду оружiя, будетъ производимо въ теченiе года жалованье не по усиленному кавказскому окладу, а по основному русскому, и что, *вмѣсто пользованiя* деньщикомъ въ натурѣ, будетъ отпускаемъ лишь *провiантъ на одного* деньщика. Бумага, по обыкновенiю, заканчива-

лась справкою съ указаніемъ на распоряженіе высшей военной власти.

Едва капитанъ дочиталъ послѣднее слово этой бумаги, какъ Шемятовъ моментально, вытянувъ руки впередъ, какъ-бы призывая кого-то въ свидѣтели, захохоталъ съ дикою радостью. Хохотъ этотъ ножемъ прошелся по душѣ Андрея Сергѣевича: онъ хорошо понялъ все значеніе этого смѣха.

— Папа! что-же это такое? проговорила Катя въ состояніи полнѣйшаго изумленія.

— Что-о-о?! проговорилъ Шемятовъ и опять, съ еще большею силою, раздался его дикій хохотъ. Потомъ онъ страшно закашлялся и умолкъ, опустивъ голову на руки.

— Это значитъ, Катя, что намъ дѣйствительно надо открыть прачешную, сказалъ капитанъ глухо.—Это значитъ, что твой отецъ будетъ получать вмѣсто 549 только 366 рублей, а вмѣсто деньщика—провіантъ на 1 рубль въ мѣсяцъ.

— Но вѣдь ты говорилъ, что отчисляютъ съ полнымъ содержаніемъ? продолжала удивляться дочь.

— И 366 рублей полное содержаніе! горько улыбнулся отецъ.

— Это-жъ въ Россіи, папа!

Шемятовъ поднялъ было голову, но въ эту минуту вошелъ деньщикъ и доложилъ о приходѣ штабсъ-капитана Чудова.

Шемятовъ опять спряталъ лицо въ ладоняхъ рукъ, поставленныхъ локтями въ колѣна, а отецъ и дочь переглянулись.

— Проси, приказалъ капитанъ.

Вошелъ Чудовъ, весь расплываясь въ слащавой улыбкѣ. Вся его военная форма блистала новизной и щегольствомъ.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Андрей Сергѣевичъ! Катерина Андреевна—ручку-съ!

— Садитесь, пригласилъ Андрей Сергѣевичъ.

Катя подала руку, которую Чудовъ подержалъ нѣсколько мгновеній въ своихъ рукахъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто бы эта худенькая ручка дѣвушки ниспосылала ему всѣ блага міра.

Затѣмъ, разсѣвшись красиво на стулѣ, онъ вскинулъ на носъ пенсне и, словно теперь только замѣтивъ Шемятова, весело проговорилъ:—Ахъ, мосье Шемятовъ! Виноватъ? Здравствуйте! Какъ ваше здоровье? Надѣюсь, благополучно?

Въ отвѣтъ Шемятовъ только раздвинулъ пальцы рукъ на лицѣ, какъ бы приготовляясь слушать и смотрѣть, что будетъ дальше.

Чудовъ продолжалъ.

— Я на минуту къ вамъ, по порученію нашей добрѣйшей, благороднѣйшей Евгеніи Александровны! Знаете, она поражена, невыразимо поражена *вашимъ отчисленіемъ*, почтеннѣйшій нашъ Андрей *Сергѣевичъ!... Подобное дѣло* она прямо называетъ несправедливостью!

Чудовъ остановился, ожидая, вѣроятно, одобренія со стороны присутствующихъ.

—. Благодарю... сухо отвѣтилъ капитанъ.

— Но этого мало! Эта благороднѣйшая изъ женщинъ просто изъ себя выходитъ, чтобы помочь вамъ: она устраиваетъ въ вашу пользу спектакль съ живыми картинами, въ которыхъ вы, почтеннѣйшій Андрей Сергѣевичъ, будете изображать Велизарія, а вы, если позволите,—обратился онъ къ Катѣ,—того, о которомъ говоритъ поэтъ:

„Малютка, шлемъ нося, просилъ
У Бога пищи лишь дневныя"...

Прелесть! Чудо! Мы всѣ въ восторгѣ отъ этой будущей картины: вы какъ будто нарочно созданы для нея!.. Надѣюсь, что вы ничего противъ этого не имѣете? Еще-бы! Конечно!..

— Я попросилъ бы уволить насъ отъ этого, остановилъ капитанъ.

— Неугодно?.. Что-жъ, въ картину можно и другихъ. А очень, очень жаль! все это такъ прекрасно было придумано...

— Нѣтъ, Захаръ Михайловичъ, я хочу сказать, что спектакль вы можете устраивать въ пользу кого-нибудь другаго, ледянымъ тономъ продолжалъ капитанъ:—Мы не можемъ принять этой милостыни!

— Позвольте-съ, почтеннѣйшій Андрей Сергѣевичъ! Вы не съ той точки зрѣнія изволите смотрѣть на это дѣло.

Капитанъ гнѣвно всталъ, выпрямившись во весь свой высокій ростъ.

— Вы, кажется, не хотите понять меня... Я прошу васъ передать госпожѣ полковницѣ, что изъ ея рукъ мы не можемъ принять подачки!

Катя опустила глаза, а на блѣдныхъ щекахъ ея вдругъ проступила и исчезла легкая краска испытываемаго ею волненія.

Шемятовъ отнялъ руки съ колѣнъ и посмотрѣлъ вверхъ на капитана такъ, какъ будто предъ нимъ возстала необыкновенная, незнакомая ему фигура.

Чудовъ какъ-то неловко поправилъ пенсне и продолжалъ съ меньшею уже самоувѣренностью:

— Напрасно-съ... Вашъ отказъ очень огорчитъ Евгенію Александровну. Но я... еще уполномоченъ передать вамъ, что въ крайнихъ обстоятельствахъ... Катерину Андреевну можно будетъ... пристроить, такъ сказать...

Чудовъ остановился, словно затрудняясь въ подборѣ выраженій *для своей мысли.*

—*Пристроить... въ домѣ* благороднѣйшей Евгеніи Александровны,—

и онъ снова остановился. Гнѣвная, могучая фигура капитана, очевидно, связывала ему языкъ.

— Договаривайте, сударь! Нищимъ все можно сказать! произнесъ Андрей Сергѣевичъ.

Чудовъ всталъ, подхватывая саблю.

— Какъ угодно-съ... я обязанъ передать вамъ, что... Евгенія Александровна желала бы видѣть въ... любезнѣйшей Катеринѣ Андреевнѣ... компаньонку... да-съ...

— То есть, горничную, судомойку!.. Стыдитесь, сударь! воскликнулъ капитанъ тономъ глубокаго презрѣнія, и пальцы его правой руки, опиравшейся на столъ, громко хрустнули.

Блѣдная и дрожащая Катя оберпулась къ Чудову; въ голосѣ ея слышались слезы уязвленной души.

— Что мы сдѣлали вамъ, Захаръ Михайловичъ, что вы такъ оскорбляете насъ?!

Шемятовъ вскочилъ, какъ ужаленный; лицо его налилось кровью; глаза готовы были выскочить изъ орбитъ; губы нервно подергивались.

— Вонъ!! неистово закричалъ онъ, указывая Чудову на дверь.— Вонъ!!!

Видъ Шемятова дѣйствительно былъ страшенъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, въ которые совершаются преступленія.

Чудовъ не ожидалъ такого предостереженія и поспѣшилъ убраться, бормоча:

— Помилуйте... я обязанъ...

— Мерзавцы! кончилъ хрипло Шемятовъ. Лицо его поблѣднѣло; на немъ теперь, казалось, и слѣда не было опьяненія.

Катя отвернулась, скрыла лицо въ рукахъ и тихо плакала.

Капитанъ сѣлъ съ выраженіемъ человѣка, который только что выдержалъ тяжелую душевную борьбу.

А Шемятовъ, продолжая стоять, тихо захохоталъ; но въ этомъ смѣхѣ не было уже и тѣни дикой радости; въ немъ звучала теперь самая злая насмѣшка надъ самимъ собой.

— И я хорошъ! говорилъ онъ, прерывая рѣчь х°хотомъ. — О, какъ безподобно хорошъ!.. Чуть вѣдь не убилъ этого негодяя... А самъ-то? Самъ?.. Все же эта подленькая душонка старалась по своему облегчить положеніе ваше... Можетъ быть, они безсознательно принимаютъ бѣднаго за нищаго! Не вѣдаютъ они, что грошъ, бросаемый ими этому нищему, тысячью ножей впивается въ его душу... Да, они покровители, благодѣтели! а я?.. Я—негодяй предъ вами!.. Я способенъ только проклинать міръ, ненавидѣть все и напиваться, ища утѣшенія на днѣ бутылки!.. Что я сдѣлалъ хорошаго для васъ, за которыхъ *душу готовъ отдать*?.. Въ то время, когда вы, какъ *истинные герои, бросаете* въ лицо подлой душонкѣ предлагаемую вами

милостыню, обрекая себя на невозможный трудъ, — я... способенъ только убить за васъ человѣка, можетъ быть, ни въ чемъ неповиннаго...

Онъ замолчалъ на мгновенье. Смѣхъ исчезъ съ его лица, которое теперь приняло выраженіе дикаго экстаза, и онъ воскликнулъ:

— Да, я долженъ вамъ помочь, я помогу вамъ!! И стремительно выбѣжалъ вонъ, какъ бы боясь высказать то, что готово было сорваться съ его языка...

VIII.

Устроились.

— Насилу нашла одну, да и та говоритъ: намъ выгоднѣе дома-то, у себя, и за ребятишками есть надзоръ! начала Акулина Семеновна, возвратившись въ тотъ же вечеръ съ поисковъ прачки, хотя, уходя послѣ обѣда въ городъ за мелочными покупками, она не сообщила домашнимъ, что поищетъ, между прочимъ, работницу для будущаго прачешнаго заведенія.—Да что это вы, словно въ воду опущенные? продолжала она, замѣтивъ разстроенныя лица мужа и дочери.

Ей кратко разсказали, что произошло въ ея отсутствіе.

— Господи! на провіантъ рубль, а по здѣшнему краю прислугу-то и за семь рублей не отыщешь! Да жалованье уменьшили,—съ чѣмъ же это сообразно! И какъ жить то будемъ?! жалобно заговорила она, и потомъ съ явнымъ сожалѣніемъ добавила:—А вотъ насчетъ спектакля-то, напрасно, пригодилось-бы теперь, Андрюша...

— Пригодилось! сердито остановилъ капитанъ.—Ты забываешь, что подачка эта отъ той же руки, которая вышвырнула меня изъ службы, что эта рука хочетъ сдѣлать изъ твоей дочери судомойку!

— Такъ-то такъ, Андрюша, а все-жъ...

— Мама! укоризненно произнесла дочь.

Акулина Семеновна замолчала. Не то, чтобы она не была разборчива на средства къ жизни; для этого вся долгая жизнь мужа стояла передъ ней живымъ примѣромъ; но нужда придавила ее и, какъ говорится, застигла врасплохъ.

Вошелъ деньщикъ и доложилъ, что его требуютъ назадъ въ роту и что на кухню пришла прачка какая-то и проситъ сказать барынѣ, что она несогласна идти въ работницы.

Извѣстія эти произвели на семью подавляющее впечатлѣніе.

Первый очнулся Андрей Сергѣевичъ.

— Отказать учителю надо и пріискать другую квартиру, проговорилъ онъ.

— А Ѳедя? Кто же будетъ подготовлять его въ прогимназію? *удивилась жена.*

— *Я.*

Жена взглянула на мужа какъ бы съ сомнѣніемъ, но тотчасъ же успокоилась: въ ея глазахъ онъ былъ всевѣдущъ.

Катя ничего не сказала; только сердце ея заныло и больно, и безутѣшно; мысль, что она, собственно она, безсильна облегчить положеніе семьи, неотступно, жестоко преслѣдовала ее. Въ ней, всегда любящей и покорной дочери, шевельнулся даже упрекъ за отсутствіе научнаго образованія, которое, какъ она думала, могло бы открыть ей всѣ двери міра сего для полезнаго и благодарнаго труда. Она слишкомъ мало знала этотъ міръ, а потому не сомнѣвалась, что знаніе, талантъ и честный трудъ безпрепятственно прокладываютъ себѣ дорогу...

Капитанъ самъ рѣшился подготовлять сына въ прогимназію. Чтобы понять все громадное значеніе этого рѣшенія, слѣдуетъ указать, что Андрей Сергѣевичъ, происходя изъ крестьянъ и самоучкой изучивъ грамматику, только благодаря личной храбрости и знанію службы, добился офицерскаго званія, такъ какъ любившее его начальство сквозь пальцы посмотрѣло на офицерскій экзаменъ. Съ этого экзамена такъ много утекло воды, что когда-то усвоенные имъ клочки научныхъ познаній давно были растеряны на двадцати поляхъ сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ потомъ. Правда, запасъ его общаго образованія теперь былъ не скуденъ, благодаря долгой жизни, начитанности и тому, что онъ часто и съ большимъ вниманіемъ присутствовалъ при урокахъ Ѳеди, но все таки онъ затруднился бы сразу отличить «сказуемое» отъ «подлежащаго».

И странно, и жалко было смотрѣть на него, убѣленнаго уже сѣдинами старика, просиживавшаго теперь долгіе вечера и часть ночи за Ѳединными учебниками, чтобы приготовить къ утру урокъ! Открытый лобъ его, и безъ того изрытый морщинами и шрамомъ, полученнымъ въ одномъ изъ сраженій, въ званіи рядоваго, теперь еще болѣе нахмурился, а глаза отъ упрямаго и долгаго напряженія застилались набѣгавшею слезою, когда онъ старался уяснить себѣ нѣкоторыя новыя для него правила о дѣйствіяхъ надъ ариѳметическими числами...

Гимназисту-учителю отказали и на другой же день перебрались въ небольшой домикъ о трехъ крошечныхъ комнаткахъ, при которомъ оказался сарай, годный для стирки бѣлья. Вскорѣ явилась и прачка, жена какого-то запаснаго солдата; она предложила себя въ постоянныя работницы, съ тѣмъ чтобы на ночь уходить къ себѣ, въ свой убогій домишко, недавно пріобрѣтенный ею на послѣднія крохи, вырученныя отъ продажи недвижимаго имущества, оставшагося въ наслѣдство ея мужу въ Россіи.

— А раньше чего же ты отговаривалась, Авдотья? спросила Акулина Семеновна.

— *Товарки отговаривали*, барыня.

— А теперь?

— Да надумалась,—отчего не помочь барынѣ. Хлѣбушко-то вѣдь всякому нуженъ. Вотъ и пришла.

— Спасибо, Авдотьюшка! за платой не постою; будешь хорошо работать,—гривенникъ прибавлю. И харчи тоже мои.

— Харчи ужь извѣстно, барыня; а гривенника-то не надо... и такъ много довольны...

Такъ и порѣшили по 60 коп. въ сутки. Акулина Семеновна удивилась отказу Авдотьи отъ гривенника и разсказала объ этомъ мужу и дочери, которые и высказались, что, молъ, подъ грубоватою оболочкою этой солдатки скрывается теплое, честное сердце.

Обязанность Авдотьи, кромѣ помощи въ стиркѣ, состояла въ томъ, чтобы собирать и разносить бѣлье и получать деньги по особымъ, для каждаго дома, запискамъ. Акулина Семеновна и Катя усердно принялись за дѣло вмѣстѣ съ Авдотьей, гладили же бѣлье всегда сами.

Открытая такимъ образомъ прачешная на первыхъ же порахъ зарекомендовала себя съ отличной стороны: бѣлье изъ-подъ старательныхъ, умѣлыхъ рукъ этихъ трехъ женщинъ выглядывало, какъ новое. Въ концѣ мѣсяца прачешная работала уже на десять домовъ.

Капитанъ къ этому времени получилъ бумагу отъ директора С...кой военной прогимназіи съ предложеніемъ доставить сына на конкурсный экзаменъ, до котораго оставалось всего двѣ недѣли. Благодаря нынѣшнимъ путямъ сообщенія, времени хоть было достаточно, но вопросъ заключался въ томъ, какъ въ такой короткій срокъ достать необходимыя на дорогу деньги. Наличныхъ всего было до 50 рублей, а ждать высылки пособія изъ мѣстнаго комитета вспомоществованій, въ который капитанъ тотчасъ же обратился съ просьбою, значило бы пропустить время экзаменовъ въ прогимназію, такъ какъ извѣстно, что для комитетовъ не существуетъ никакихъ экстренныхъ случаевъ въ жизни просителей, подобныхъ нашему капитану.

Оставалось занять на дорогу до 100 рублей. Большой душевной борьбы стоило капитану обратиться къ командиру полка съ просьбою о выдачѣ 50 рублей въ счетъ пособія или жалованья. Подъ заемъ послѣднихъ, пришлось заложить жиду всѣ серебряныя и золотыя вещи жены и дочери.

Отъ Шемятова, который теперь рѣдко навѣщалъ семью капитана и то всегда поздно вечеромъ, не могли скрыться денежныя затрудненія этого семейства; да отъ него, впрочемъ, и не старались скрывать этого, считая его своимъ человѣкомъ. Ѳаддей Ивановичъ въ послѣдній мѣсяцъ совсѣмъ не пилъ, обрилъ почему-то бороду; днемъ его никто и нигдѣ не видѣлъ; по вечерамъ же, когда онъ просиживалъ *въ домѣ капитана*, то выглядывалъ какъ-то сурово и сосредоточенно, *и большею* частію упрямо молчалъ.

Катя встрѣчала его, какъ друга, и уловивъ на себѣ его взглядъ, тихонько, но глубоко вздыхала.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда Андрея Сергѣевича въ С...къ, Шемятовъ казался далеко не такимъ сосредоточеннымъ, какъ бывало. Видимо, его преслѣдовала какая-то мысль, которую онъ не зналъ, какъ высказать. Вообще въ трезвомъ состояніи, послѣ первой его отставки, онъ былъ тяжелъ на слова.

Шемятовъ еще не зналъ, что денежныя затрудненія капитана такъ или иначе уже устранены и потому былъ удивленъ извѣстіемъ, что завтра Андрей Сергѣевичъ съ Ѳедей выѣзжаетъ въ С...къ.

— Немалый путь, замѣтилъ Ѳаддей Ивановичъ, какъ бы вскользь, что-то доставая изъ боковаго кармана сюртука.—Финансовъ-то пособрали, Андрей Сергѣевичъ?

— Да, пришлось кое-что заложить; что дѣлать. А не ѣхать нельзя: вся будущая жизнь Ѳеди зависитъ отъ этого!

— Не горюй, папа! замѣтила Катя.—Наша прачешная въ полномъ ходу: черезъ два-три мѣсяца все выручимъ! Это съ вашей легкой руки, Ѳаддей Ивановичъ, обратилась она къ Шемятову:— Авдотья сказала, что это вы уговорили ее пойти къ намъ.

Шемятовъ слегка покраснѣлъ и поспѣшилъ увѣрить, что онъ и не думалъ уговаривать Авдотью.

— Полноте! знаю ужъ! Только одно нехорошо: вы совсѣмъ перестали бывать у насъ, Ѳаддей Ивановичъ.

— Потому что я сердитъ на Андрея Сергѣевича.

— Какъ это? удивился капитанъ.

— А такъ: вы изъ себя выходили, чтобы достать денегъ на дорогу, а мнѣ ни слова. Я узналъ, что вы заложили кое-что... Вѣдь это обидно, Андрей Сергѣевичъ! Какъ будто я вамъ лиходѣй какой... укоризненно проговорилъ Шемятовъ и потомъ, вдругъ рѣшившись на что-то, вынулъ изъ кармана большой серебряный портсигаръ, маленькую серебряную икону и двѣ золотыя чайныя ложечки.—Вотъ вещи, въ которыхъ я временно не нуждаюсь...

Портсигаръ или, скорѣе, табачница и ложки подарены ему были солдатами его взвода во время минувшей войны, послѣ взятія съ бою офицерской турецкой палатки на аванпостахъ близь Зйвина. Нападеніе было организовано и ведено лично Шемятовымъ и такъ удачно, что аванпостъ, сторожившій одинъ изъ секретныхъ путей къ сторонѣ непріятеля и состоявшій изъ десяти человѣкъ редифа, съ офицеромъ во главѣ, былъ взятъ цѣликомъ въ плѣнъ, причемъ потеря Шемятова состояла лишь въ одномъ легко раненомъ солдатѣ. Десять георгіевскихъ крестовъ были наградою солдатъ этого молодецкаго взвода, а вещи, найденныя въ палаткѣ, солдаты приподнесли Ѳаддею Ивановичу, *прося его принять на* память.

Вещами этими очень дорожилъ Шемятовъ; еще больше дорожилъ

онъ иконкой, благословеніемъ и единственнымъ наслѣдствомъ старика-отца; никакія трудныя обстоятельства во время первой отставки не могли заставить его продать эту иконку; бывало, онъ голодалъ по два дня, но слабое сіяніе въ углу его каморки золотыхъ, потускнѣвшихъ отъ времени, вѣнчиковъ на иконкѣ, вокругъ выцвѣтшаго лика муч. Ѳаддея, удерживало его руку отъ преступленія...

— Вы можете ихъ заложить и выручить свои вещи, добавилъ Шемятовъ и всталъ, чтобы уйти.

Андрей Сергѣевичъ удержалъ его, сказавъ, что онъ глубоко цѣнитъ дружбу его, но что въ настоящее время нѣтъ уже надобности въ его вещахъ.

— Выручите свои вещи! упорно повторялъ Шемятовъ, бросая сердитый взглядъ на маленькія уши Кати, въ которыхъ не блестѣли уже, по обыкновенію, золотыя сережки съ краснымъ коралломъ.

— Не настаивайте, Ѳаддей Ивановичъ, ласково и мягко промолвила Катя.

Шемятовъ съ недовольнымъ видомъ убралъ свои вещи, тотчасъ же распрощался и ушелъ.

IX.

Погашены.

На слѣдующій день, съ восходомъ солнца, началъ дуть обычный въ этомъ городѣ сильный восточный вѣтеръ. Тучи пыли, поднимавшіяся съ немощеныхъ и никогда не подметаемыхъ улицъ, засыпая прохожихъ, то бѣшено вздымались вверхъ на подобіе взрыва, то стремительно, сплошною стѣною, неслись по городу. Въ такіе дни красивый по мѣстоположенію городъ представлялъ изъ себя какую-то обширную сорную яму, въ которой словно чья-то гигантская рука, могучими взмахами лопаты, неистово и шумно разбрасывала облака всякаго мусора. Лишь на мгновенье, то здѣсь, то тамъ, выскакивали изъ этого желто-грязнаго хаоса шпицы церквей, группы домовъ и деревьевъ, да люди и экипажи на улицахъ... Въ одномъ изъ такихъ экипажей, полузакрывъ глаза, возвращалась домой Акулина Семеновна съ Катей и младшей дочерью Надей. Онѣ только что проводили Андрея Сергѣевича и Ѳедю.

Извощичій экипажъ едва двигался противъ бурнаго вѣтра. Акулина Семеновна понукала извощика, сказавъ Катѣ, что въ прачешной сегодня много дѣла.

Домикъ ихъ стоялъ въ сторонѣ отъ пышныхъ городскихъ улицъ, среди фруктовыхъ садовъ и зеленой площадки, гдѣ восточный вѣтеръ могъ обрывать листву и ломать сучья, не поднимая пыли.

— *Мигомъ высохнетъ* бѣлье-то на этакомъ вѣтру, прибавила *Акулина Семеновна*, выходя изъ фаэтона.

Часть бѣлья уже сушилась на дворѣ, Катя начала помогать Авдотьѣ въ стиркѣ, а мать взялась за утюгъ. Въ сараѣ, защищенномъ отъ вѣтра, было чрезвычайно душно и жарко. Потъ крупными каплями падалъ съ лица капитанши, но вотъ она вышла во дворъ, чтобы снять высохшее бѣлье, которое, частью, не смотря на закрѣпку, разметанное вихремъ, лежало на землѣ. Бурный сухой вѣтеръ сразу охватилъ Акулину Семеновну, которая къ вечеру лежала уже въ постели, въ бреду и въ страшномъ жару.

Пока Авдотья и Катя, не подозрѣвая серьезной опасности, ограничивались излюбленными домашними средствами, въ родѣ нашатырнаго спирта и уксуса,—болѣзнь приняла острый характеръ.

Катя послала было Авдотью за Шемятовымъ, но его не оказалось дома. Онъ былъ на одной изъ городскихъ улицъ, и никто изъ знакомыхъ не узналъ бы его въ неприглядной фигурѣ,—въ фуражкѣ съ порваннымъ козырькомъ, въ русской пестрядинной рубахѣ и нанковыхъ испачканныхъ шароварахъ,—таскающей известь и кирпичъ во второй этажъ строющагося дома. При первомъ появленіи его на базарѣ, не смотря на одежду, товарищи по работѣ какъ-то сторонились его: блестящіе, умные глаза и правильное произношеніе короткихъ необходимыхъ фразъ обращали на него вниманіе; но потомъ и наниматели и товарищи привыкли видѣть этого молчаливаго, угрюмаго поденьщика.

Дѣло въ томъ, что когда Шемятовъ сказалъ, что онъ поможетъ семьѣ тайно любимой имъ дѣвушки, онъ рѣшилъ работать какъ и гдѣ придется, лишь бы устроить предполагавшуюся тогда прачешную. Собственнаго жалованья, по «основному окладу», едва хватало, чтобы имѣть обѣдъ, чай, квартиру и прочее, такъ что на заработанныя поденщиной деньги онъ уговорилъ Авдотью наняться въ семьѣ капитана за особыя 40 коп., кромѣ выговоренныхъ ею 60 коп. отъ капитанши; остальныя 20 коп., остававшіяся отъ заработной платы, Шемятовъ отдавалъ отставному солдату, котораго зато уговорилъ пойти въ услуженіе въ домъ капитана за 3 рубля въ мѣсяцъ. Въ описанной губерніи Закавказскаго края, гдѣ русскихъ простолюдиновъ мало и гдѣ туземное населеніе — или плохіе земледѣльцы, или еще болѣе плохіе торгаши, чрезвычайно трудно найти прислугу.

Когда Акулина Семеновна уже не узнавала никого, Катя бросилась за полковымъ врачемъ, который, видимо, неохотно посѣтилъ больную.

— Воспаленіе легкихъ! рѣзко произнесъ врачъ, прописалъ горчичники и уѣхалъ. Тучно откормленный на счетъ частной практики въ городѣ, врачъ ворчалъ дорогою, что онъ вовсе не обязанъ пользовать посторонныхъ больныхъ, намекая на то, что капитанъ Сѣчка отчисленъ отъ полка.

Шемятовъ, *за послѣднее время* сильно похудѣвшій, послѣ тяжелой *поденщины, по ночамъ просиживалъ* въ домѣ капитана, чередуясь съ

Катей въ обязанности сидѣлки у постели больной. Раза два онъ привозилъ частнаго врача, заплативъ ему изъ своего жалованья; врачъ сказалъ, что хотя кризисъ миновалъ, но что, вслѣдствіе плохаго и несвоевременнаго лѣченія, къ больной никогда не вернется прежнее здоровье.

И въ то время, когда Катя, убиваемая съ одной стороны нравственно, болѣзнью матери, съ другой—физически, отъ непосильныхъ работъ въ прачешной, проводя къ тому же безсонныя ночи у постели больной, сама еле двигалась на ногахъ, Авдотья заявила, что уходитъ совсѣмъ домой.

— Больна что-ли ты, Авдотьюшка? испуганно и ласково спросила Катя.

— Слава Богу, барышня; а только работать-то у васъ не съ руки.

— Да какъ же это? И въ такое время ты хочешь оставить насъ?

— Не могу: всякому свое, барышня, дорого.

Катя не понимала причинъ ухода Авдотьи и только съ испугомъ и мольбой глядѣла на нее.

Авдотья продолжала:

— И жалко мнѣ васъ, барышня, и Ѳаддею Ивановичу большое спасибо: уговоръ хорошо держалъ.

— Ѳаддею Ивановичу?

— А какъ же! кажинный день 40 коп. платилъ... Все-жъ не могу:— подожжемъ, говорятъ, твою избенку, коли еще будешь съ твоей барыней нашъ хлѣбъ заѣдать!

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что шесть-семь прачекъ-солдатокъ, за открытіемъ прачешной Акулины Семеновны, остались безъ работы, которою только и поддерживали свое существованіе, и, дойдя до крайности, пригрозили Авдотьѣ поджечь ея убогій домишко, если она не броситъ работу въ «барской» прачешной.

Катя прибѣгала и къ слезамъ, и къ просьбамъ,—ничего не помогло: Авдотья ушла.

— Милый, дорогой человѣкъ! прошептала Катя, вспоминая фразу Авдотьи о 40 коп., платимыхъ ей Шемятовымъ.

Послѣ перваго взрыва горя, Катя остановила работы въ прачешной.

Акулина Семеновна медленно поправлялась, и когда вернулся капитанъ, онъ нашелъ ее въ полномъ упадкѣ силъ; она постоянно кашляла, жаловалась на боль въ груди, и малѣйшія домашнія работы утомляли ее.

Капитанъ привезъ съ собою обратно Ѳедю, котораго не приняли въ прогимназію за невыдержаніемъ *конкурснаго* экзамена. Андрей Сергѣевичъ *сильно* загорѣлъ въ дорогѣ, похудѣлъ и осунулся. *Напрасная поѣздка* въ С—къ, денежныя затрудненія, печальный, ушы-

лый видъ дочери и болѣзнь жены, сдѣлавшая ее ни на что не способной, замѣтно подточили его доселѣ крѣпкій организмъ...

— Насмѣшка! горькая насмѣшка! говорилъ онъ Шемятову.—На казенный счетъ воспитываются дѣти наши. А средства для подготовленія ихъ на конкурсный экзаменъ, а издержки дальней дороги, — гдѣ они у бѣднаго офицера?... Этого не спрашиваютъ, и знать никто не хочетъ объ этомъ!

— И знать не надо, отвѣчалъ Шемятовъ, — потому что чувствъ общественныхъ намъ не положено имѣть, Андрей Сергѣевичъ! Послѣдній мужикъ счастливѣе насъ: онъ безъ страха можетъ быть мужемъ и отцомъ. Дѣтямъ его не угрожаетъ нищета или тюрьма.

— Да, въ глубокомъ раздумьѣ проговорилъ капитанъ,—мнѣ приходитъ ужасная мысль: я начинаю раскаяваться, что не остался въ положеніи того мужика!

— Папа! въ волненіи остановила его Катя.— Зачѣмъ ты говоришь такъ? Это значитъ, что ты не любишь уже насъ, что мы въ тягость тебѣ.

Растроганный капитанъ горячо обнялъ дочь.

— Да, Катя; уныніе грѣхъ... У насъ еще остается наша родная Русь, она успокоитъ насъ... Тамъ, можетъ быть, и для васъ, Ѳаддей Ивановичъ, найдется дѣло.

Такъ закончилъ капитанъ и въ тотъ же день отправилъ просьбу въ комитетъ вспомоществованій о выдачѣ ему пособія на выѣздъ въ Россію, въ размѣрѣ не менѣе 150 рублей.

Черезъ недѣлю получилось пособіе по первой просьбѣ, но въ размѣрѣ только 75 рублей, вмѣсто просимыхъ 200. Изъ этихъ денегъ полкъ удержалъ 50 рублей. Заложенныя у жида вещи такъ и остались невыкупленными.

И въ ожиданіи новаго пособія на выѣздъ въ Россію, въ семьѣ капитана потянулись тихіе, грустные дни. Капитанъ чаще всего молчалъ, задумчиво высиживая по цѣлымъ часамъ въ дальнемъ углу маленькаго садика, двадцать разъ на день ставя передъ собой горкіе, безотрадные вопросы, и каждый разъ безпомощно отступая предъ ихъ разрѣшеніемъ... Энергія въ борьбѣ, казалось, покинула его.

Акулина Семеновна все кашляла и охала. Катя была худа и прозрачно блѣдна. Порой впалые глаза ея останавливались на Шемятовѣ, но сердце сжималось только отъ жалости и собственной пустоты...

— Катя! завтра свадьба Пищулина! оповѣстила Надя, вбѣгая въ комнату, гдѣ сидѣли сестра и Шемятовъ.—Пойдемъ смотрѣть... вечеромъ, въ 8 часовъ.

— Катя вздрогнула, какъ отъ удара; въ глазахъ блеснулъ огонекъ и—*потухъ*.

— *Вы проводите насъ завтра*, Ѳаддей Ивановичъ, туда?... най-

треснутымъ голосомъ обратилась она къ Шемятову. Этотъ послѣдній не могъ не замѣтить происшедшей въ ней перемѣны и старался уговорить ее не присутствовать на предстоящемъ зрѣлищѣ, но она упорно настаивала на своемъ.

На другой день вечеромъ, въ сопровожденіи Шемятова и Нади, Катя, блѣднѣе стѣнъ ярко освѣщеннаго храма, стояла въ числѣ неизбѣжныхъ зрителей у одной изъ колоннъ, ожидая жениха и невѣсты. Глаза ея, полные какого-то мрачнаго огня, были устремлены на главную входную дверь.

Церковный хоръ пѣвчихъ радостно и торжественно грянулъ «Гряди», и у порога храма показался сіяющій лицомъ и парадной формой Пищулинъ, ведя за руку залитую въ бѣлое платье и цвѣты богатую невѣсту, дочь нажившагося во время войны, штабсъ-капитана Кобахидзе.

Своды храма огласились тихимъ, но проникающимъ въ душу крикомъ, и—Катя всѣмъ тѣломъ рухнулась на полъ, ударившись головой объ острый уголъ нижняго карниза каменной колонны. Общее смятеніе. Голоса торжественнаго хора умолкли. Шемятовъ поднялъ на руки помертвѣвшую дѣвушку. На каменномъ полу осталось нѣсколько капель свѣжей крови. Обезумѣвшій и страшный въ нѣмомъ отчаяніи, Шемятовъ весь длинный путь до дому несъ Катю на рукахъ, а когда онъ положилъ ее на постель, то оказалось, что дѣвственная, кроткая душа ея витала уже тамъ, «въ странѣ вѣчнаго свѣта и покоя»... Ударъ въ високъ сразу отнялъ у земли эту простую, благородную жизнь.

Дикій и смертельно блѣдный Ѳаддей Ивановичъ обычные два дня безвыходно просидѣлъ у тѣла единственнаго существа, которое онъ любилъ, благодаря которому онъ мечталъ еще вѣрить и надѣяться.

— Неужели она любила его, любила? только изрѣдка шептали его побѣлѣвшія губы.

Но такъ-ли это? Разгадку унесла погасшая жизнь.

Мать слегла въ постель; этотъ новый жестокій ударъ окончательно добилъ ее.

Андрей Сергѣевичъ, какъ автоматъ, хлопоталъ о похоронахъ, и никто бы не узналъ уже въ немъ, теперь одряхлѣвшемъ и осунувшемся старикѣ, еще за два мѣсяца тому назадъ бодраго, крѣпкаго капитана Сѣчку.

Дѣти плакали, надрывая душу.

Передъ похоронами, утромъ, капитану подали пакетъ. Бумага, заключавшаяся въ немъ, сообщала, что въ пособіе на выѣздъ въ Т—кую губернію комитетъ вспомоществованій ассигновалъ 50 рублей, съ вычетомъ изъ нихъ 10% въ инвалидный капиталъ!...

Бумага выпала изъ рукъ Андрея Сергѣевича; она выдавила изъ *его груди только* короткій вздохъ:—все, что было дорого для него,

убито, и новая, злая насмѣшка судьбы не могла уже его тронуть...

Когда поставили гробъ у могилы,—солнце свѣтило ярко и весело, листва въ кладбищенскихъ деревьяхъ задумчиво шумѣла, легкій вѣтерокъ ласково колыхалъ головки розовыхъ маргаритокъ на сосѣдней могилѣ и маленькія пичужки звонко и радостно чирикали надъ открытымъ еще гробомъ усопшей дѣвушки, словно призывая ее съ собою вверхъ, „въ область вѣчнаго свѣта и покоя“...

Но вотъ прахъ дѣвушки уже скрыла сырая могила; всѣ разошлись; Шемятовъ увелъ рыдавшихъ дѣтей; только одна скорбная, удрученная фигура капитана, какъ изваяніе, долго и недвижимо стояла у свѣжей могилы...

А Шемятова, мертвецки пьянаго, въ тотъ же вечеръ, чуть не раздавили на улицѣ лошади экипажа, въ которомъ, кокетливо лорнируя, полулежала «благороднѣйшая Евгенія Александровна»...

И. Борисовъ.

УТѢХА ЖИЗНИ.

Романъ **Эмиля Золя.**

VIII.

Главною причиною тоски Лазара являлась скука. Онъ скучалъ, потому что ничего не дѣлалъ и въ то же время раздражался на свою бездѣятельность.

Все ему надоѣло. Между тѣмъ Лазаръ сознавалъ всю гнусность своей праздности и досадовалъ на себя. Онъ понималъ, что въ его годы стыдно терять лучшія силы, живя въ трущобѣ Боневиля. До настоящаго времени у него были различные предлоги, на которые онъ могъ ссылаться, но теперь Лазаръ сознавалъ, что ему слѣдуетъ приняться за трудъ и не жить, сложа руки, на счетъ семьи, у которой едва-едва хватаетъ на хлѣбъ насущный. Правда, у Лазара не было недостатка въ блестящихъ планахъ и проэктахъ колоссальныхъ предпріятій, которые должны были сразу обогатить его.

— Такъ невозможно жить, нерѣдко говорилъ онъ Полинѣ.— Я долженъ работать: мнѣ-бы хотѣлось издавать газету въ Канѣ.

— Надо подождать, пока окончится трауръ, отвѣчала ему Полина.—Зачѣмъ тебѣ такъ спѣшить... нѣтъ никакой крайности. Лучше подумай хорошенько, а потомъ уже начинай дѣло.

Не смотря на искреннее желаніе доставить Лазару какое-нибудь занятіе, Полина трепетала при мысли, что новая неудача можетъ постигнуть Лазара и окончательно разрушить его энергію. Она вспоминала всѣ его увлеченія: музыка, медицина, заводъ... Все, за что только ни принимался Лазаръ—все лопалось. Да и самъ онъ не особенно горячо отстаивалъ мысль объ изданіи газеты. Часъ или два послѣ разговора съ Полиной, онъ уже совершенно забывалъ о выраженномъ желаніи и даже отказывался написать какое-нибудь письмо, жалуясь на усталость и *изнеможеніе*. Между тѣмъ, недѣли проходили за недѣлями. Во *время послѣдняго* прилива, море разрушило и снесло еще три

домика въ Боневилѣ. Послѣ этой катастрофы, рыбаки, встрѣчаясь съ Лазаромъ, начинали спрашивать его: доволенъ-ли онъ положеніемъ вещей? Конечно, никакая борьба съ моремъ невозможна, но у нихъ сердце болитъ, когда они подумаютъ, сколько хорошаго лѣсу изведено на эту постройку. Въ этихъ жалобахъ рыбаковъ звучала просьба не оставлять безпомощное населеніе, пожираемое волнами. Но рыбаки гордились мощью своего моря и не рѣшались жаловаться на него открыто, хотя въ ихъ словахъ звучала печаль и тревога. Такое отношеніе рыбаковъ раздражало Лазара. Онъ старался избѣгать встрѣчи съ ними, и даже обходилъ деревню кругомъ, чтобъ не видѣть этихъ несчастныхъ хижинъ, ежеминутно готовыхъ разрушиться. Видъ разнесенныхъ плотинъ и свайныхъ перемычекъ производилъ на Лазара подавляющее впечатлѣніе; онъ даже издали не хотѣлъ смотрѣть на нихъ.

Какъ-то разъ, когда Лазаръ шелъ къ аббату, Пруанъ остановилъ его.

— Послушайте, господинъ, заговорилъ рыбакъ почтительнымъ голосомъ, хотя въ глазахъ его свѣтилось насмѣшливое выраженіе, — тамъ, на берегу, очень много лѣсу... онъ даромъ гніетъ, все равно...

— Ну, такъ что-же изъ этого?

— Если вамъ этотъ лѣсъ не нуженъ, то вы бы хорошо сдѣлали, пожертвовавъ его въ нашу пользу... намъ, по крайней мѣрѣ, на топливо пригодился-бы!

Вспышка гнѣва охватила Лазара, но онъ быстро овладѣлъ собою и, отвернувшись, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я не могу отдать вамъ этотъ лѣсъ. На будущей недѣлѣ я хочу взять плотниковъ и опять приняться за работу.

Съ этого дня, въ маленькой, рыбачьей деревенькѣ снова поднялись оживленные толки...

— То-то будетъ потѣха, говорили рыбаки. Мы полюбуемся достаточно, когда бревна и плотины запляшутъ подъ напоромъ воды.

Прошло двѣ недѣли и рыбаки, встрѣчаясь съ Лазаромъ, постоянно спрашивали его: нашелъ-ли онъ рабочихъ и когда думаетъ приступить къ работѣ?

Благодаря этому давленію, Лазаръ опять принялся за устройство плотины, такъ какъ Полина, съ своей стороны, горячо убѣждала его заняться чѣмъ нибудь.

Правда, Лазаръ взялся за это дѣло, не имѣя ни малѣйшаго влеченія къ нему. *Въ душѣ молодаго человѣка накипѣло озлобленіе противъ моря и ему* хотѣлось рано или поздно побѣдить *бурныя волны, разрушившія* всѣ его надежды. Благодаря такому

положенію вещей, Лазаръ снова принялся чертить планы, высчитывать новые углы сопротивленія, и придумывать различныя нововведенія, съ цѣлью сдѣлать плотины болѣе устойчивыми. Плотникъ, котораго пригласилъ Лазаръ, составилъ смѣту, доходившую до четырехъ тысячъ франковъ. Эта сумма показалась Лазару незначительной и онъ рѣшился взять у Полины денегъ взаймы, такъ какъ былъ увѣренъ, что община несомнѣнно дастъ ему пособіе.

Увѣренность, что община одобрительно отнесется къ его дѣятельности, ободряла Лазара и работа по устройству плотины подвигалась впередъ довольно быстро. Каждую недѣлю Лазаръ ѣздилъ въ Канъ, чтобъ повидаться съ префектомъ и переговорить о своемъ дѣлѣ. Когда рабочіе оканчивали постановку устоевъ, то Лазару удалось добиться, чтобъ изъ Кана прислали инженера осмотрѣть сооруженіе. Вопросъ о назначеніи пособія для производства работъ—всецѣло зависѣлъ отъ донесенія инженера, который долженъ былъ высказать свое мнѣніе, какъ человѣкъ компетентный въ дѣлѣ сооруженій. Инженеръ провелъ цѣлый день въ Боневилѣ; онъ былъ чрезвычайно любезенъ съ членами семейства Шанто, позавтракалъ съ ними и пошелъ на берегъ осмотрѣть работы. Конечно, изъ деликатности, ни Лазаръ, ни Полина не стали разспрашивать инженера, что онъ думаетъ о работахъ. Но за завтракомъ инженеръ былъ такъ любезенъ и вѣжливъ съ Полиной, что даже молодая дѣвушка была увѣрена въ успѣхѣ. Недѣли черезъ двѣ послѣ посѣщенія инженера, Лазаръ поѣхалъ въ Канъ. Онъ вернулся на другой день, раздраженный до послѣдней крайности. Задыхаясь отъ гнѣва, Лазаръ разсказывалъ, что этотъ франтъ-инженеръ представилъ отвратительное донесеніе. Онъ смѣялся надъ каждымъ бревномъ, глумился надъ непониманіемъ Лазара и щеголялъ техническими терминами. Впрочемъ, этого нужно было ожидать: эти ученые инженеры и архитекторы не допускаютъ мысли, чтобы кто-нибудь осмѣлился выстроить даже конуру для кроликовъ безъ ихъ участія! Само собою разумѣется, что община, судя по донесенію инженера, отклонила ходатайство о выдачѣ пособія. Это обстоятельство произвело подавляющее впечатлѣніе на Лазара. Теперь, когда сваи были вбиты и работа подвигалась впередъ, Лазаръ былъ твердо увѣренъ, что это сооруженіе можетъ противостоять самымъ бурнымъ приливамъ. „Всѣ инженеры и архитекторы вмѣстѣ съ ума сойдутъ отъ зависти, увидавъ, какъ легко и просто разрѣшилъ Лазаръ Шанто эту трудную задачу!“ *думалъ молодой* человѣкъ. Но успѣхъ сооруженія не можетъ *содѣйствовать* возвращенію денегъ его кузины. Лазаръ *приходилъ въ отчаяніе* при мысли, что окончательно разорилъ По-

лину. Между тѣмъ Полина, побѣдивъ свою инстинктивную скупость, горячо уговаривала Лазара не безпокоиться и не волноваться. Она напоминала ему, что сама уговаривала его почти насильно взять деньги. Наконецъ, онъ исполнялъ свой долгъ, спасая несчастныхъ отъ вѣрной гибели. Съ своей стороны, Полина готова была дать еще денегъ, чтобы только спасти это несчастное селеніе. Но когда былъ полученъ окончательный счетъ издержекъ, дѣвушка не могла удержаться отъ удивленія и громко выражала свое разочарованіе. Въ смѣтѣ говорилось, что расходъ на сооруженіе плотинъ не будетъ превышать четырехъ тысячъ, а между тѣмъ оказалось, что плотина стоила болѣе восьми тысячъ франковъ! Полина понимала, что всѣ эти работы по сооруженію плотинъ стоили болѣе двадцати тысячъ франковъ, то-есть, другими словами, двадцать тысячъ франковъ были брошены въ море. Изъ всего состоянія Полины оставалось въ настоящее время едва сорокъ тысячъ франковъ. Такимъ образомъ, она получала двѣ тысячи франковъ годоваго дохода, сумму настолько незначительную, что не было возможности жить на нее!

Въ виду такихъ соображеній, Полина сдѣлалась очень разсчетлива и, какъ благоразумная хозяйка, начала очень внимательно относиться къ расходамъ. Старикъ Шанто получалъ около трехъ сотъ франковъ въ мѣсяцъ дохода со своего капитала. Но эта сумма была недостаточна для жизни всего семейства и потому Полина постоянно прикладывала свои деньги.

Въ теченіе послѣдней зимы, исполнилось совершеннолѣтіе Полины и опека доктора Казэнева прекратилась. Конечно, докторъ и прежде не стѣснялъ дѣвушку, такъ какъ наотрѣзъ отказывался давать ей какіе-бы то ни было совѣты. Но во всякомъ случаѣ, Полина теперь чувствовала себя болѣе свободной, сознавая, что она можетъ распоряжаться не только своими деньгами, но и своею судьбою, не спрашивая совѣта и одобренія старшихъ. Вообще, еслибы Полина рѣшилась посовѣтоваться съ кѣмъ нибудь, то она не нашла бы человѣка, готоваго исполнить ея желаніе. Дядя просилъ Полину поступать такъ, какъ она знаетъ, и никогда ни о чемъ не спрашивать его. Лазаръ относился ко всѣмъ денежнымъ вопросамъ съ какимъ-то нервнымъ ужасомъ. И потому Полинѣ пришлось самой рѣшать всѣ вопросы. Время отъ времени дядя похваливалъ Полину, находя, что она ведетъ хозяйство съ изумительною практичностью. Но Вероника не раздѣляла мнѣнія старика. Она говорила, что барышня скупа, какъ скряга, такъ какъ не позволяетъ купить въ теченіе недѣли болѣе *одного фунта масла*.

Между тѣмъ дни тянулись однообразно и монотонно, съ ка-

дымъ часомъ усиливая скуку Лазара. Окончивъ постройку, молодой человѣкъ снова предался бездѣйствію и его опять стала пожирать болѣзненная тоска. Каждое утро, въ разговорѣ съ Полиной, онъ высказывалъ новые планы относительно будущаго. Теперь онъ раздумалъ издавать газету, говоря, что не стоитъ заниматься этимъ дѣломъ. Молодой человѣкъ негодовалъ на свою бѣдность, находя, что отсутствіе средствъ мѣшаетъ ему приняться за какую нибудь капитальную работу по исторіи литературы. Наконецъ, Лазаръ придумалъ новый проэктъ. Онъ хочетъ сдѣлаться профессоромъ, такъ какъ это занятіе обезпечитъ ему вѣрный кусокъ хлѣба, а затѣмъ займется литературой. Въ это время, между Полиной и Лазаромъ снова возобновились прежнія товарищескія отношенія. Теперь они были братъ и сестра,—не больше.

Не смотря на полную откровенность, царствовавшую между молодыми людьми, Лазаръ никогда не напоминалъ Полинѣ о свадьбѣ, потому что совершенно позабылъ объ этомъ вопросѣ, рѣшенномъ еще при жизни матери. Съ своей стороны, Полина тоже избѣгала напоминать о свадьбѣ, вполнѣ увѣренная, что ей стоитъ сказать одно слово и Лазаръ согласится.

Тѣмъ не менѣе, она сознавала, что Лазаръ съ каждымъ днемъ переставалъ любить ее и понимала, что въ этомъ обстоятельствѣ заключается главная причина его тоски и скуки. Какъ-то разъ вечеромъ, когда Полина поднялась на верхъ, чтобы позвать Лазара въ столовую, она увидѣла, что онъ торопливо прячетъ какой-то предметъ.

— Что это ты такъ испугался? смѣясь, спросила Полина.— Можетъ быть, ты написалъ стихи ко дню моего рожденія?

— Нѣтъ, нѣтъ, смущеннымъ голосомъ отвѣтилъ Лазаръ,— это такъ, ничего...

Лазаръ нашелъ старую перчатку, забытую Луизой въ его комнатѣ. Эта перчатка, шведской кожи, еще сохраняла особый запахъ прикосновенія къ женскому тѣлу. Лазаръ былъ взволнованъ этимъ воспоминаніемъ и стоялъ въ какомъ-то сладостномъ забытьи, прижимая перчатку къ губамъ. Съ этого дня онъ началъ постоянно думать о Луизѣ. Вѣрнѣе всего, что Лазаръ и не переставалъ думать объ этой дѣвушкѣ, но воспоминаніе о ней было подавлено пережитымъ горемъ. Для него нужна была какая нибудь вещь, чтобы проявить воспоминаніе и оживить забытыя ощущенія. Оставаясь одинъ въ своей комнатѣ, Лазаръ бралъ перчатку Луизы, вдыхалъ ея чарующій запахъ, прижималъ къ своимъ губамъ, и ему казалось, что онъ сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ Луизу, цѣлуетъ ея шею, ея свѣжія щеки... Нервная болѣзненность и полное отсутствіе дѣятельности еще болѣе усиливали это опьяненіе плоти. Но послѣ каждаго такого порыва

Лазаръ былъ мраченъ и недоволенъ собою. Онъ хотѣлъ побороть эти вспышки страсти, но въ то же время ощущалъ свое безсиліе. Это недовольство собою усиливало мрачное расположеніе духа Лазара. Онъ сталъ грубо и рѣзко обращаться съ кузиной, какъ будто желая выместить на ней свой гнѣвъ и досаду за то, что разлюбилъ ее. Избѣгая общества Полины, такъ какъ присутствіе этой чистой дѣвушки непріятно раздражало Лазара,—онъ бѣжалъ въ свою комнату, запирался на замокъ и съ увлеченіемъ предавался гнусному пороку. Затѣмъ онъ спускался внизъ, преисполненный отвращенія къ себѣ и къ самой жизни.

Въ теченіе одного мѣсяца Лазаръ такъ измѣнился, что молодая дѣвушка приходила въ отчаяніе, глядя на кузена. Днемъ, Полина старалась владѣть собою, но вечеромъ, оставаясь одна, дѣвушка всецѣло отдавалась своему горю. Мужество ея исчезало и она плакала, какъ слабый ребенокъ, у котораго отняли дорогую и любимую игрушку. Полина понимала, что теперь для нея не оставалось никакой надежды возвратить чувство Лазара. Ея страстной любви къ кузену былъ нанесенъ тяжелый, ужасный ударъ, и дѣвушка спрашивала себя: неужели возможно такъ относиться къ людямъ? Въ то же время, въ ея душѣ просыпался другой вопросъ: можно-ли любить людей и въ то же время дѣлать ихъ несчастными?...

Полина видѣла, что Лазаръ несчастливъ, благодаря ея ошибкѣ, такъ какъ она понимала, что кузенъ продолжаетъ любить Луизу. Прежде Полина объясняла тоску Лазара печалью по умершей матери, но теперь дѣвушка пришла къ заключенію, что Лазаръ любитъ Луизу и постоянно думаетъ о ней. Эта мысль мучительно терзала Полину. Когда она входила къ себѣ въ комнату, простившись съ дядей и Лазаромъ, то почти безъ силъ падала на свою кровать. У нея не хватало силъ даже раздѣться. Искусственная веселость, поддерживавшая ее въ теченіе цѣлаго дня, заботливость о порядкѣ въ домѣ, терпѣніе, съ которымъ она переносила непріятности по хозяйству—все это исчезало и Полина съ ужасомъ смотрѣла впередъ. Къ чему ведетъ все ея стараніе устроить счастье ближнихъ, когда она не можетъ дать имъ полнаго покоя не можетъ удовлетворить ихъ вполнѣ? Полина начинала думать о Луизѣ и образъ дѣвушки вставалъ передъ нею. Она вспоминала о хорошенькой, кокетливой соперницѣ, которая умѣла забавлять Лазара. Она развеселяла его однимъ шелестомъ своихъ юбокъ, своею милою улыбкою. Лазаръ страстно ждетъ эту дѣвушку; онъ будетъ счастливъ, если она пріѣдетъ сюда. Зачѣмъ же Полинѣ колебаться? Она можетъ вылѣчить Лазара; ей стоитъ только *съѣздить за Луизой* и привезти ее сюда. Каждый *вечеръ, возвращаясь къ себѣ* въ комнату и сидя на краю по-

стели, Полина погружалась въ тѣ же думы: ее преслѣдовало сознаніе, что счастье всей семьи находится не въ ея рукахъ, а въ рукахъ Луизы.

Въ такія минуты ревнивое чувство возмущалось въ душѣ Полины. Дыханіе спиралось въ груди дѣвушки; она быстро вставала съ кровати, отворяла окна и проводила цѣлые часы, облокотившись на подоконникъ. Устремивъ взоръ въ мрачное пространство, разстилавшееся надъ моремъ, Полина переживала ужасные часы. Она не могла спать; грудь ея горѣла какъ бы въ огнѣ. Нѣтъ, она никогда не унизится до того, чтобъ привезти сюда назадъ эту дѣвушку. Развѣ она не помнитъ, какъ Лазаръ и Луиза обнимались, стоя у шкафа?... Это была измѣна, гнусная измѣна, почти предательство... Простить такой поступокъ невозможно!

Ревнивое озлобленіе, переживаемое Полиной, доводило ее до лихорадки. Закрывъ лицо руками, дѣвушка рыдала и глухіе стоны вырывались изъ ея груди. Упорная борьба между страстью и желаніемъ сдѣлать добро — томила Полину; какой-то тайный голосъ нашептывалъ ей, что въ самопожертвованіи есть счастье, что, сдѣлавъ благодѣяніе Лазару, она узнаетъ покой... Но Полину возмущалъ этотъ голосъ. Она хотѣла заставить его замолчать. А между тѣмъ, невольно вслушиваясь въ него, она мало по малу понимала, что этотъ голосъ принадлежитъ ей самой. Это былъ голосъ разсудка. Что значитъ *ея* скорбь и печаль, если она не можетъ сдѣлать другихъ счастливыми, тѣхъ, кого она любитъ больше всего на свѣтѣ? Полина начинала плакать тихими, облегчающими душу слезами, и иногда засыпала въ этихъ слезахъ, положивъ голову на свои обнаженныя руки.

Какъ-то разъ ночью, долго проплакавъ у окна, дѣвушка наконецъ легла въ постель и, потушивъ свѣчу, лежала съ открытыми глазами. Полиной овладѣла внезапная рѣшимость: завтра она попроситъ дядю написать письмо къ Луизѣ и пригласить ее къ нимъ, въ Боневиль... Это рѣшеніе показалось Полинѣ вполнѣ естественнымъ и вполнѣ удобнымъ. Вслѣдъ затѣмъ Полина заснула крѣпкимъ, продолжительнымъ сномъ. Но на утро, когда она увидѣлась съ дядей и нужно было приступить къ исполненію своего рѣшенія, мгновенная слабость овладѣла дѣвушкой.

— Что съ тобой, Полина? Ты сегодня ничего не ѣшь, спросилъ Шанто.—Здорова-ли ты?

— Да, да, я совсѣмъ здорова... Я сегодня спала чудо какъ хорошо.

Утихшая борьба снова пробудилась въ душѣ дѣвушки, едва *только она взглянула* на Лазара. Онъ сидѣлъ молча, уныло опустивъ *голову, и Полина* смотрѣла на него съ невыразимою лаской, думая

о томъ, что она *должна* уступить его другой женщинѣ: Луиза будетъ цѣловать его, утѣшать, ласкать!..

Эта мысль приводила въ отчаяніе Полину, но когда кузенъ вышелъ изъ комнаты, дѣвушка рѣшилась выполнить свое намѣреніе.

— Какъ ты себя чувствуешь сегодня, дядя? Твои руки не особенно болятъ?

Старикъ посмотрѣлъ на свои пальцы, безобразно опухшіе, и съ трудомъ пошевелилъ ими.

— Ничего, проговорилъ онъ,—правая рука теперь свободнѣе начала двигаться. Если зайдетъ аббатъ, то мы можемъ поиграть въ шашки.

Затѣмъ, немного помолчавъ, онъ добавилъ:

— А ты почему это спросила?

Полина разсчитывала, что дядя не въ состояніи написать письма, и хотѣла въ этомъ найти оправданіе своей нерѣшимости. Но, услышавъ отвѣтъ Шанто, дѣвушка покраснѣла и отвѣчала:

— Такъ, просто, мнѣ хотѣлось знать...

Съ этого дня Полина окончательно потеряла всякій покой. Оставаясь въ своей комнатѣ и проводя цѣлые часы въ мучительной борьбѣ съ собою, Полина успѣвала убѣдить себя настолько, что давала клятву: не позже, какъ завтра, непремѣнно попросить дядю написать письмо къ Луизѣ. Но едва наступало утро, едва Полина видѣла дорогія ей лица,—силы покидали дѣвушку. Являлось новое разсужденіе, казавшееся логичнымъ: къ чему звать сюда другую женщину? Зачѣмъ измѣнять это мирное существованіе и нарушать то, что установилось годами? Мысль, что другая женщина будетъ заботиться о бѣльѣ Лазара, рѣзать для него бѣлый хлѣбъ, угождать старику Шанто,—эта мысль томила Полину. Она сознавала, что тогда окончательно рушится ея счастье, на которое она все еще продолжала надѣяться.

— Что же это такое, съ отчаяніемъ говорила она:—мы любимъ другъ друга, а между тѣмъ мы всѣ несчастливы... Наше взаимное чувство какъ будто бы увеличиваетъ общее недовольство жизнью.

Полина хотѣла понять, въ чемъ заключается истинный смыслъ такого ненормальнаго положенія, и приходила къ заключенію, что разница характеровъ является причиною общаго несчастья. Она готова была уступить, отказаться отъ всякой личной воли... Но это не удавалось ей, потому что разумъ заставлялъ ее настаивать на такихъ вещахъ, которыя она считала благоразумными. Характеръ Полины начиналъ портиться; иногда у нея не хватало терпѣнія и она раздражалась, ворчала и сердилась. Полина хотѣла побѣдить себя, хотѣла быть веселой и смѣхомъ побѣждать свои муки, но *не могла—потому что ея* нервы были потрясены и слабѣли съ *каждымъ днемъ.*

— Удивительно хорошая жизнь, ворчала Вероника,—васъ всего только трое осталось, да и то вы скоро перегрызете другъ друга. У барыни случались дни, когда она сердилась и бывала не въ духѣ, а вы постоянно злитесь... скоро кастрюлями другъ въ друга пускать начнете.

Даже старикъ Шанто началъ замѣчать это постепенное разрушеніе семейныхъ привязанностей и никакъ не могъ себѣ объяснить въ чемъ дѣло. Въ дни припадковъ, старикъ еще громче, чѣмъ прежде, кричалъ отъ боли въ ногахъ. Выздоравливая, онъ становился рѣзокъ, капризенъ и сознательно мучилъ окружающихъ. Такимъ образомъ, въ домѣ Шанто водворился настоящій адъ. Между тѣмъ Полина переживала послѣднія вспышки мучившей ее ревности. Теперь она чаще, чѣмъ когда нибудь, спрашивала себя: имѣетъ-ли она право связывать счастье Лазара со своей личной судьбой?

Конечно, она больше всего хотѣла, чтобъ Лазаръ былъ счастливъ; она даже готова купить это счастье своими слезами и горемъ. Въ такомъ случаѣ нельзя держать его на привязи и подвергать мучительному одиночеству. Лазаръ любитъ кузину, въ этомъ дѣвушка не сомнѣвалась, но теперь онъ тоскуетъ о Луизѣ.... Если эта вертлявая дѣвчонка будетъ здѣсь, у Лазара явится возможность признать превосходство Полины.... Такъ или иначе, но Полина *обязана* предоставить Лазару свободу выбора. Этого требовала идея справедливости и дѣвушка покорилась ей.

Разъ въ три мѣсяца Полина ѣздила въ Канъ, за полученіемъ процентовъ; во время такихъ поѣздокъ, дѣвушка обыкновенно дѣлала всѣ необходимыя по хозяйству покупки. Обыкновенно, она отправлялась изъ Боневиля рано утромъ и къ ночи возвращалась домой. Въ этомъ году, въ іюнѣ, Полина поѣхала въ Канъ, какъ всегда, довольно рано. Было уже девять часовъ вечера, а молодая дѣвушка не возвращалась и встревоженный Шанто послалъ Лазара на большую дорогу, чтобы узнать, не случилось-ли съ Полиной какого нибудь несчастья? Вероника спокойно увѣряла господъ, что они напрасно безпокоятся. Барышня не успѣла сдѣлать всѣхъ покупокъ и, не желая возвращаться домой поздно ночью, осталась въ Канѣ. Старикъ Шанто и Лазаръ провели безпокойную ночь. Утромъ, когда отецъ и сынъ встали, они снова начали безпокоиться и около полудня Лазаръ объявилъ, что намѣренъ съѣздить въ Ароманшъ Въ это время кухарка, стоявшая у воротъ, вбѣжала въ кухню и громко закричала:

— Барышня ѣдетъ!

Шанто приказалъ, чтобы его кресло выкатили на террасу. Вероника стояла возлѣ него и разсказывала:

— *Я стояла* у воротъ и вдругъ вижу: коляска ѣдетъ.... Это *коляска Маливуара;* я ее сейчасъ узнала.. И барышню сейчасъ уз-

нала по креповымъ лентамъ на шляпкѣ. Только мнѣ показалось, что тамъ кто-то сидитъ.

Наконецъ экипажъ остановился у крыльца. Лазаръ бросился на встрѣчу къ Полинѣ—и только что хотѣлъ спросить ее, почему она такъ опоздала, какъ съ удивленіемъ отступилъ на два шага. Вслѣдъ за Полиной, изъ экипажа вышла другая дѣвушка, молоденькая, изящная, въ нарядномъ шолковомъ платьѣ. Обѣ дѣвушки весело смѣялись, какъ хорошія подруги. Изумленіе молодаго человѣка было такъ сильно, что онъ даже не поздоровался съ пріѣзжей.

Быстро повернувшись къ отцу, Лазаръ проговорилъ:

— Полина привезла съ собой Луизу!..

— Луизу? Ахъ, это очень хорошо! вскричалъ Шанто.

Когда обѣ дѣвушки подошли къ креслу старика,—Полина въ глубокомъ траурѣ, а Луиза въ лѣтнемъ, свѣтломъ платьѣ,—Шанто пришелъ въ восхищеніе отъ неожиданнаго развлеченія, доставленнаго племянницей.

— Какъ это такъ? Вы, значитъ, помирились? Признаться, я не могъ понять, изъ-за чего вы тогда повздорили? Все это глупости! Съ твоей стороны нехорошо, Луизочка, что ты на насъ такъ долго сердилась. Мы пережили такое ужасное горе. Но теперь всѣ ссоры покончены, не такъ-ли?

Обѣ дѣвушки чувствовали себя очень неловко. Полина и Луиза покраснѣли и избѣгали смотрѣть другъ на друга.

Желая скрыть смущеніе, Луиза подошла къ Шанто и крѣпко поцѣловала его.

— Гдѣ это вы встрѣтились съ Полиной? спросилъ онъ.

Тогда Луиза повернулась къ Полинѣ и ласково взглянула въ лицо своей подруги.

— Она шла въ контору моего отца, а я возвращалась домой... Мы встрѣтились на лѣстницѣ, торопливо заговорила Луиза.—Вы не вините ее, что она не могла вчера вернуться, я уговорила ее остаться переночевать въ Канѣ. А такъ какъ телеграфъ проведенъ только до Ароманша, то мы не могли дать вамъ знать... Къ тому же, мы разсудили, что сами пріѣдемъ сюда скорѣе, чѣмъ принесутъ депешу. Вы меня прощаете?

Луиза, какъ граціозная кошечка, ластилась къ старику и нѣсколько разъ поцѣловала его. Но Шанто и не думалъ винить Полину за то, что она опоздала домой. Онъ одобрялъ все, что̀ устраивалось къ его удовольствію.

— Что это, Лазаръ, ты все молчишь? Неужели тебѣ нечего сказать нашей гостьѣ?

Молодой человѣкъ стоялъ нѣсколько поодаль отъ разговаривающихъ. Замѣчаніе отца окончательно смутило Лазара, тѣмъ

болѣе, что Луиза вспыхнула и видимо не рѣшалась подойти къ молодому человѣку.

„Зачѣмъ Полина привезла ее сюда"? думалъ Лазаръ. „Какъ это странно; прежде она выгнала ее, какъ свою соперницу, а теперь—опять пригласила".

— Поцѣлуй же ее, Лазаръ, прошептала Полина, наклоняясь къ уху кузена.—Ты видишь, что она сама не рѣшается подойти къ тебѣ.

Полина была поразительно блѣдна, и бѣлизна ея лица особенно рельефно выдѣлялась, благодаря траурному костюму. Но лицо дѣвушки было спокойно, а глаза ея съ истинно материнскою любовью смотрѣли на Лазара. Когда, наконецъ, молодой человѣкъ рѣшился коснуться губами до щеки Луизы, Полина добродушно улыбнулась. Вероника, до сихъ поръ молча стоявшая въ дверяхъ столовой и съ любопытствомъ смотрѣвшая на происходящую сцену, быстро повернулась въ кухню, чувствуя, что сердце ея замираетъ отъ жалости и досады.

— Нѣтъ, она ничего не понимаетъ! Послѣ всего, что случилось, Полина опять привезла сюда эту дѣвчонку. Стремясь дѣлать добро, барышня дѣлаетъ глупости! Мало ей заботы съ грязными деревенскими ребятишками. Нѣтъ, она еще начала привозить любовницъ для Лазара. Хороши порядки въ семейномъ домѣ, нечего сказать!

Наворчавшись вдоволь, Вероника возвратилась въ столовую и рѣзко сказала:

— Завтракъ уже давно готовъ; я цѣлый часъ жду васъ. Вы вѣрно хотите, чтобы картофель совсѣмъ перегорѣлъ.

Всѣ присутствующіе сѣли за столъ и съ апетитомъ принялись за ѣду. Но искренно веселъ былъ только Шанто. Онъ былъ такъ обрадованъ пріѣздомъ Луизы, что даже не замѣчалъ общаго стѣсненія. Правда, всѣ присутствующіе были ласковы и внимательны другъ къ другу, хотя у каждаго на душѣ было несовсѣмъ легко. Такое ощущеніе обыкновенно бываетъ послѣ ссоры, когда люди изъ приличія прощаютъ другъ друга, но въ душѣ не могутъ забыть нанесенныхъ оскорбленій.

Послѣ завтрака, Полина начала устраивать комнату для Луизы, заботясь, чтобы пріѣзжей было какъ можно удобнѣе и покойнѣе.

Въ теченіе послѣдующей недѣли, нѣкоторая неловкость все еще продолжалась. Лазаръ не смѣлъ разспрашивать Полину и не умѣлъ объяснить причину ея поступка, который казался ему весьма страннымъ капризомъ со стороны кузины. Конечно, ему *и въ голову не* приходило, что дѣвушка принесла громадную *жертву для его счастья*, что она великодушно предоставила ему

свободу выбора. Не смотря на страстное желаніе обладать Луизой, мысль о женитьбѣ ни на минуту не приходила въ голову молодаго человѣка. Благодаря этому, Лазаръ ощущалъ крайне неловкое положеніе, оставаясь наединѣ съ Луизой. Такую же неловкость онъ чувствовалъ, когда обѣ дѣвушки были возлѣ него. Тягостное молчаніе наступало между молодыми людьми, когда они сидѣли втроемъ. Начатыя фразы замирали на губахъ, и, въ большинствѣ случаевъ, Лазаръ и молодыя дѣвушки обмѣнивались короткими замѣчаніями, избѣгая всего, что могло вызвать на продолжительныя разсужденія. Это обстоятельство чрезвычайно радовало Полину: ей казалось, что Лазаръ возвращается къ ней. Дѣйствительно, молодой человѣкъ избѣгалъ общества Луизы и настойчиво уклонялся отъ возможности оставаться съ нею наединѣ, такъ какъ мысль снова обмануть довѣріе кузины возмущала Лазара. Стремясь къ постоянному ощущенію женской близости, Лазаръ нѣжно относился къ Полинѣ и называлъ ее самой лучшей, идеальной дѣвушкой, любви которой онъ не достоинъ. Видя, какъ Лазаръ холодно обращается съ Луизой, Полина испытывала высочайшее блаженство. Она торжествовала свою побѣду и въ концѣ первой недѣли рѣшилась даже упрекнуть Лазара.

— Почему ты всегда уходишь, когда застаешь Луизу около меня? Право, Лазаръ, мнѣ это непріятно; она наша гостья и мы должны быть съ нею любезны.

Лазаръ, молча, поникъ головой и какъ то растерянно развелъ руками. Тогда Полина рѣшилась сдѣлать намекъ, единственный съ того времени, какъ произошла извѣстная сцена.

— Я привезла сюда Луизу для того, чтобы ты зналъ, что я васъ обоихъ давно, давно простила. Я хотѣла, чтобы ты забылъ это тяжелое происшествіе, также какъ я его забыла. Ты видишь, что я не боюсь измѣны съ твоей стороны. Я вполнѣ вѣрю вамъ обоимъ...

Лазаръ горячо обнялъ Полину и далъ обѣщаніе быть любезнѣе къ Луизѣ. Съ этой минуты общее настроеніе въ домѣ Шанто измѣнилось. Лазаръ пересталъ скучать. Вмѣсто того, чтобы запираться въ своей комнатѣ и испытывать тоску бездѣйствія, Лазаръ началъ придумывать различныя забавы и прогулки. Молодыя дѣвушки и Лазаръ возвращались домой утомленные и счастливые, подъ вліяніемъ опьяняющаго впечатлѣнія свѣжаго воздуха.

Въ теченіе этого времени, Луиза почти незамѣтно овладѣла Лазаромъ. Мало по малу онъ опять привыкъ къ ея обществу и, во время прогулокъ, обыкновенно предлагалъ ей свою руку.

Какъ прежде, такъ и теперь, Лазаръ снова вдыхалъ въ

обаятельный ароматъ, который распространяла каждая ленточка ея костюма. Почувствовавъ обаяніе Луизы, молодой человѣкъ хотѣлъ бороться: онъ сталъ держаться отъ нея подальше, но Полина, ничего не предчувствуя, сама толкала его въ пропасть.

Иногда, когда молодые люди гуляли надъ утесами, Луиза, слегка вскрикнувъ, испуганно падала въ объятія Лазара. Онъ успокоивалъ дѣвушку и, возвращаясь домой, долженъ былъ поддерживать ее. За это время опять возобновились перешептыванія Лазара и Луизы, ихъ сдержанный смѣхъ, обмѣнъ ласковыхъ взглядовъ и ничего незначущихъ, но обаятельно прекрасныхъ словъ. Полина ничего не замѣчала и какъ-бы не понимала, что ставитъ на карту свое собственное счастье. Ей и въ голову не приходило искать въ Лазарѣ помощи или поддержки. Она смѣло перепрыгивала черезъ ручей; быстро и весело взбиралась по утесамъ и если соглашалась иногда идти подъ руку съ кѣмъ-нибудь, то исключительно ради того, чтобы показать Лазару свое довѣріе, оставляя его вмѣстѣ съ Луизой. Впрочемъ, ни Лазаръ, ни Луиза не обманывали Полину. Поддаваясь опьяняющему впечатлѣнію близости хорошенькой дѣвушки, Лазаръ продолжалъ крѣпиться и относился къ Полинѣ съ удвоенной нѣжностью. Но физическое существо молодаго человѣка помимо воли и желанія подчинялось сладостному влеченію, хотя мысленно Лазаръ продолжалъ давать себѣ клятву, что эта пріятная забава не зайдетъ дальше пустыхъ перешептываній и веселаго смѣха. Стоило-ли отказывать себѣ въ такомъ пустомъ удовольствіи, когда онъ рѣшился оставаться вѣрнымъ долгу честнаго человѣка? Луиза тоже была очень осторожна; она даже не сознавала, что кокетничаетъ съ Лазаромъ, потому что стремленіе нравиться было присуще ея натурѣ. Еслибы она знала, что ея поведеніе можетъ быть непріятно Полинѣ, то она не стала-бы разговаривать съ Лазаромъ. Прощеніе Полины трогало Луизу до слезъ и она хотѣла доказать подругѣ, что вполнѣ достойна ея ласковаго отношенія. Она цѣловала Полину, клялась ей въ вѣчной дружбѣ и любви, и постоянно наблюдала за молодой дѣвушкой, боясь чѣмъ-нибудь огорчить ее. Замѣтивъ тѣнь грусти или неудовольствія на лицѣ Полины, Луиза быстро отходила отъ Лазара и начинала даже сердиться на молодаго человѣка, если онъ продолжалъ вертѣться около нея. Борьба, происходившая въ душѣ Луизы, дѣлала дѣвушку еще болѣе очаровательной. Желаніе нравиться постоянно боролось въ душѣ Луизы съ тревогой огорчить Полину. И она вела себя *такъ мило и ласково*, что оживляла и наполняла весь домъ *своимъ присутствіемъ*.

Полина продолжала относиться съ чисто материнскою заботливостью ко всѣмъ окружающимъ. Она также ревностно ухаживала за Шанто, который опять разболѣлся; шутила съ Вероникой, которая сдѣлалась чрезвычайно грубой, и обращалась съ Лазаромъ и Луизой, какъ съ шаловливыми, но безконечно милыми дѣтьми. Когда они невольно заходили нѣсколько далеко въ своихъ шалостяхъ, Полина смѣялась громче ихъ, и въ такія мгновенія отъ нея вѣяло здоровьемъ и жизненною бодростью. Съ утра до ночи дѣвушка хлопотала по хозяйству и даже иногда преувеличивала свои хлопоты. Для того, чтобы отказаться идти гулять со „своими дѣтьми", какъ она называла Лазара и Луизу, Полина находила различные предлоги оставаться дома: то ей нужно вычистить мебель, то подвести счеты, то заготовить въ прокъ различные овощи. Съ каждымъ днемъ Лазаръ становился все веселѣе, и его радостное оживленіе иногда возбуждало тревогу въ душѣ Полины. Теперь молодой человѣкъ сознавалъ себя сильнымъ и энергичнымъ. Онъ готовъ былъ покорить весь міръ! Каждый день, за обѣдомъ, онъ высказывалъ Полинѣ новые проэкты устройства своей жизни, и нельзя не замѣтить, что эти проэкты были самаго фантастическаго характера: онъ уже не мечталъ заняться литературой,—нѣтъ, онъ находилъ, что ему необходимо сдѣлаться политическимъ дѣятелемъ. Лазаръ знакомъ съ канскимъ депутатомъ и можетъ вмѣстѣ съ нимъ поѣхать въ Парижъ; въ столицѣ—пробить дорогу ничего не стоитъ. Имперія нуждается въ силахъ интеллигентной молодежи. Это новое увлеченіе Лазара начинало безпокоить Полину. Она пыталась умѣрить его горячность и совѣтовала пріискать какое-нибудь, хотя скромное, но прочное мѣсто.

Молодой человѣкъ удивлялся ея разсудительности, называлъ ее «бабушкой», подшучивалъ надъ кузиной. Благодаря такимъ спорамъ, въ столовой домика Шанто поднимался оживленный говоръ, шумъ и смѣхъ.

Какъ-то разъ, когда Лазаръ и Луиза отправились въ Вершемонъ, Полинѣ понадобилось найти рецептъ для чистки бархата. Зная, что этотъ рецептъ лежалъ въ спальнѣ Лазара, дѣвушка отправилась на верхъ и начала перебирать различныя брошюры и книги, лежавшія въ комнатѣ кузена. Въ шкафу, среди книгъ и бумагъ, Полина нашла старую, изношенную перчатку Луизы, ту самую перчатку, надъ которой Лазаръ проводилъ такъ много жгучихъ и счастливыхъ минутъ.

Эта находка открыла глаза Полинѣ. Дѣвушка узнала въ этой вещи тотъ самый предметъ, который Лазаръ такъ смущенно пряталъ, когда она *неожиданно* вошла въ его комнату. Пораженная *этимъ открытіемъ, Полина* безсильно опустилась на стулъ.

— Боже мой! значитъ, онъ любилъ эту дѣвушку еще прежде, чѣмъ она вернулась сюда?.. Онъ желалъ ея ласки, ея близости. Онъ цѣловалъ эту перчатку, прижимаясь къ ней губами, и какъ бы мысленно паслаждался близостью любимой дѣвушки! Горькія рыданія волновали грудь Полины. Она сидѣла на стулѣ, держа въ рукахъ перчатку, и смотрѣла на нее печальными, полными слезъ глазами.

— Ну, что, барышня, нашли рецептъ? раздался громкій голосъ Вероники, поднимавшейся на лѣстницу.—Не стоитъ и искать. Вѣдь я вамъ говорю, что лучше всего потереть бархатъ свиной кожей.

Но войдя въ комнату и увидя Полину въ слезахъ, Вероника съ удивленіемъ остановилась возлѣ молодой дѣвушки. Только замѣтивъ въ рукахъ барышни судорожно сжатую перчатку,—служанка догадалась, въ чемъ дѣло.

— Господи, чего тутъ удивляться, грубымъ голосомъ заговорила Вероника.—Вы должны были ожидать этого... вѣдь я васъ предупреждала... а вы опять ихъ свели вмѣстѣ... Понятное дѣло, господинъ Лазаръ—малый не промахъ... ему хочется позабавиться. Да знаете, по моему, барыня была права: Лазару гораздо больше нравится эта кошечка-Луиза, чѣмъ вы... И мрачно качая головой, служанка добавила, понизивъ голосъ:

— Да, видно, барыня лучше понимала дѣло... У нея были недостатки, конечно, ну, а все-таки... Нѣтъ, я не могу помириться съ мыслью, что она умерла!

Когда наступила ночь и Полина осталась одна, она долго и горько плакала. Дѣвушка говорила себѣ, что она должна женить Лазара на Луизѣ...

Въ теченіе цѣлаго дня, молодая дѣвушка была подавлена этою мыслью, но она не имѣла времени отдаться ей вполнѣ. И только теперь, когда она осталась наединѣ съ собою, ничто не мѣшало ей прійти, наконецъ, къ этому неизбѣжному выводу.

Луиза должна быть женою Лазара! Эти слова звучали въ ушахъ Полины, какъ приказаніе разума, какъ требованіе справедливости. И дѣвушка не могла и не умѣла заставить ихъ замолчать.

Бывали мгновенія, когда Полинѣ казалось, что въ ея комнату вошла тетка и громкимъ, отчетливымъ голосомъ приказывала ей повиноваться волѣ разсудка. Полина съ ужасомъ оборачивалась и затѣмъ, рыдая, бросалась на постель, уткнувшись головой въ подушку. Она хотѣла заглушить свои рыданія; желала побѣдить мучительное горе, давившее ей сердце.

Отдать Лазара другой! знать, что другая... Луиза... будетъ обнимать его... разъ навсегда потерять всякую надежду возврата... О, нѣтъ, у Полины не хватитъ мужества на такой поступокъ...

Пусть лучше цѣлые годы тянется это мучительное существованіе; пусть никому: ни Луизѣ, ни ей не достанется Лазаръ... И онъ самъ, этотъ любимый человѣкъ, пусть изсохнетъ, истомится изъ-за неудовлетвореннаго существованія. Долго боролась Полина, мучимая ревностью и бѣшенствомъ. А въ ея воображеніи неотступно стояли чудныя картины счастья; являлся образъ Лазара, представлялись соблазнительныя ласки... И грудь дѣвушки высоко вздымалась. Полина чувствовала, что у ней не хватаетъ силъ справиться съ собою: разумъ молчалъ и даже годы самообладанія и самоотреченія оказывались безсильными передъ этимъ шквалomъ страсти, неожиданно налетѣвшимъ на Полину. Наконецъ, вспышка прошла и дѣвушкой овладѣло полное изнеможеніе. Не имѣя силъ раздѣться, Полина въ платьѣ лежала на постели. Когда волненіе нѣсколько утихло, дѣвушка начала размышлять о своемъ положеніи. Въ концѣ концовъ, Полина додумалась до убѣжденія, что Луиза можетъ сдѣлать счастливымъ Лазара скорѣе, чѣмъ она, не смотря на всю свою безграничную любовь и самоотреченіе. Этотъ нѣжный ребенокъ, безсильный и граціозно-кокетливый, уже разъ вырвалъ Лазара изъ когтей томящей тоски. Да, конечно, Лазару именно нужна такая женщина, которая бы постоянно висѣла у него на шеѣ и поцѣлуями разгоняла мрачныя мысли и тотъ постоянный ужасъ, который внушаетъ ему ожиданіе смерти. Проводя параллель между собой и Луизой, Полина находила себя слишкомъ холодной и неумѣющей дѣйствовать обаятельно. Полина только добра, а развѣ мужчинамъ это нужно? Въ заключеніе, у Полины явилось новое соображеніе, которое окончательно побѣдило всѣ сомнѣнія дѣвушки. Полина разорена; у нея нѣтъ болѣе денегъ, а фантастическіе проэкты Лазара требуютъ громаднаго капитала... Неужели она, Полина, не смотря на свою страстную любовь къ Лазару, должна заставить его навсегда жить въ нищетѣ, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ?.. Такое существованіе для Лазара было бы ужасно! Сначала, конечно, онъ мирился бы съ нимъ, но затѣмъ явятся сожалѣнія о прошломъ, горечь разочарованія и ссоры, какъ результатъ неудовлетворенности и невозможности достигнуть желаемаго. Полина—бѣдная невѣста, а Луиза богатая. Приданое Луизы дастъ Лазару возможность достигнуть того блестящаго положенія, о которомъ онъ теперь мечтаетъ.

До Полины дошли слухи, что отецъ Луизы, помимо хорошаго приданаго, намѣренъ предложить своему зятю прекрасное мѣсто въ банкѣ. Правда, Лазаръ относится съ пренебреженіемъ къ финансовымъ предпріятіямъ, но впослѣдствіи это дѣло несомнѣнно уладится *и Лазаръ* будетъ вполнѣ доволенъ своею судьбою. *Итакъ, Полина не должна* колебаться. Она поступитъ эгоис-

тично и преступно, если не окажетъ содѣйствія браку Лазара. Подъ утро, когда усталые глаза Полины начали смыкаться, она уже представляла себѣ этотъ бракъ, какъ неизбѣжную развязку, и давала клятву поспѣшить разрѣшеніемъ этого вопроса, говоря, что иначе—она утратитъ всякое уваженіе къ себѣ. Почти вся ночь прошла среди этой борьбы и тягостныхъ размышленій. Полина раздѣлась уже тогда, когда совсѣмъ разсвѣло, и, не смотря на то, что она успокоилась, сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ. Рѣшимость устроить бракъ Лазара—въ одно мгновеніе прогнала начавшуюся сонливость. Никогда до сихъ поръ Полина не чувствовала себя такъ легко. Ей казалось, что она возвысилась надъ всѣми, что она совершаетъ что-то неземное, удивительно-прекрасное... Да, все было кончено. Она подавила всѣ эгоистическія стремленія, разбила всѣ надежды и всецѣло проникнулась сладостнымъ ощущеніемъ принесенной жертвы.

Теперь Полина была твердо убѣждена, что семья Шанто можетъ быть счастлива помимо ея самой. Молодая дѣвушка дошла до высшей степени самоотреченія: она унижалась, ступевывалась, отдавая все другой. Она преслѣдовала одинъ идеалъ—счастье ближнихъ—и совершенно забывала о своемъ существованіи, наслаждаясь тѣмъ блаженствомъ, которое она разсыпала вокругъ себя. Когда дѣвушка заснула, солнце стояло уже высоко. Въ этотъ день Полина встала довольно поздно, и, сойдя внизъ, въ столовую, почувствовала, что рѣшеніе, принятое ей ночью, оставалось непоколебимымъ.

Рѣшаясь немедленно привести въ исполненіе задуманное, Полина вспомнила, что ей нужно хорошенько обсудить новое положеніе. Если у нея хватитъ мужества женить Лазара на Луизѣ, то, конечно, она ни за что не останется жить съ ними подъ одной кровлей. Всякому самопожертвованію есть предѣлъ.

Полина боялась, что къ ней могутъ возвратиться бѣшеные припадки ревности; боялась, что она не выдержитъ и сдѣлаетъ сцену своей соперницѣ. Да, наконецъ, неужели кто нибудь можетъ требовать отъ нея новой жертвы? Неужели Лазаръ пожелаетъ, чтобы она подвергала себя мукѣ видѣть счастье любимаго человѣка съ другой женщиной?

Въ виду такихъ соображеній, Полина рѣшила: немедленно послѣ свадьбы Лазара, уѣхать изъ Боневиля и навсегда покинуть этотъ домъ, гдѣ она испытала такъ много горькаго и тяжелаго.

За завтракомъ Полина была особенно весела и бодрость духа ни на мгновеніе не оставляла дѣвушку, хотя она видѣла, что *Лазаръ и Луиза,* сидя рядомъ, постоянно переглядывались, шептались *и подталкивали* другъ друга. Зная, что къ обѣду (такъ

какъ это была суббота) пріѣдетъ докторъ Казэневъ, Полина рѣшилась переговорить со своимъ другомъ, прежде чѣмъ сообщить Лазару принятое рѣшеніе. Въ виду этого, Полина уговорила кузена и Луизу отправиться гулять, а сама вышла на большую дорогу. Встрѣтивъ доктора, она попросила его выйти изъ экипажа. Кучеръ Мартинъ шагомъ ѣхалъ по дорогѣ, а докторъ Казэневъ и Полина шли за экипажемъ, отставъ отъ него на довольно значительное разстояніе. Въ простыхъ и искреннихъ выраженіяхъ Полина разсказала доктору о своей рѣшимости устроить свадьбу Лазара и Луизы, а затѣмъ покинуть домъ Шанто. Она считала необходимымъ посовѣтоваться съ докторомъ, такъ какъ Казэневъ былъ единственный человѣкъ, способный понять и оцѣнить ея душевное движеніе. Выслушавъ признаніе дѣвушки, Казэневъ остановился посреди дороги и неожиданно обнялъ Полину своими длинными, сухими руками. Дрожа отъ волненія, онъ крѣпко поцѣловалъ Полину въ голову и вдругъ заговорилъ съ нею на „ты“.

— Ты совершенно права, добрая, славная дѣвушка. Я очень радъ, что ты рѣшилась поступить такъ, потому что иначе—дѣло могло бы кончиться очень дурно. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ меня постоянно мучитъ эта мысль... Мнѣ тяжело бывать у васъ въ домѣ, потому что я вижу, какъ ты страдаешь... Я вѣдь все понимаю... Ахъ, эти Шанто! Они съ тобой поступили безсердечно, жестоко... Добрые люди, нечего сказать. Они тебя, какъ липку, ободрали... Сначала деньги отняли, а потомъ разбили сердце и всю жизнь...

Полина быстро перебила доктора.

— Дорогой мой, я васъ умоляю... Вы неправильно судите о нихъ.

— Весьма возможно, согласился докторъ,—но во всякомъ случаѣ я отъ души радуюсь, что ты пришла къ такому рѣшенію... Не скучай, Полина, смѣло отдавай своего Лазара. Ты немного потеряешь... Да, да, знаю, онъ, добрый малый и намѣренія у него хорошія; но, откровенно говоря, пусть лучше другая будетъ съ нимъ несчастлива, чѣмъ ты... Эта молодежь, которой все надоѣдаетъ, которая всѣмъ недовольна — никогда не бываетъ счастлива. Даже твои выносливыя плечи и тѣ не выдержали бы тяжести жизни съ такимъ человѣкомъ. Право, я желалъ бы скорѣе видѣть тебя женою какого нибудь мясника, который хохоталъ бы день и ночь и былъ бы глупъ, какъ пробка, чѣмъ...

Но замѣтивъ слезы на глазахъ дѣвушки, Казэневъ добавилъ:

— Я *понимаю... ты все* еще любишь его, и потому не будемъ *говорить о немъ... Поцѣлуй* меня, Полина... Ты такая славная,

умная и мужественная дѣвушка, что... дуракъ только можетъ не оцѣнить тебя!

Докторъ Казэневъ горячо пожалъ руку Полины и привлекъ ее къ себѣ на грудь. Затѣмъ они опять пошли, спокойно разговаривая.

Да, конечно, ей будетъ лучше всего уѣхать изъ Боневиля; докторъ позаботится найти ей мѣсто. Въ одномъ изъ ближайшихъ городковъ, у доктора есть богатая родственница, старушка, которая ищетъ себѣ компаньонку. Полинѣ будетъ тамъ очень хорошо, тѣмъ болѣе, что эта старушка не имѣетъ ни дѣтей, ни родныхъ, и, конечно, отъ души привяжется къ доброй дѣвушкѣ. Можетъ быть, со временемъ она даже передастъ ей свое состояніе. Дня черезъ три, не позже, докторъ Казэневъ дастъ Полинѣ окончательный отвѣтъ, а пока они условились никому не говорить объ ея рѣшимости уѣхать изъ Боневиля.

Полина боялась, что если она заговоритъ объ отъѣздѣ, то Лазаръ можетъ принять ея намѣреніе за угрозу... Нѣтъ, Полина поступитъ совершенно иначе; она устроитъ бракъ Лазара съ Луизой, а потомъ, на другой день, уѣдетъ изъ Боневиля, какъ человѣкъ, всѣ обязанности котораго окончились. Прошло дня три. На четвертый день Полина получила письмо отъ Казэнева, въ которомъ сообщалось, что старушка, родственница доктора, согласна на предложенныя условія и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Полину.

Въ тотъ же день, когда Лазарь ушелъ куда-то, Полина взяла Луизу подъ руку и увела ее въ огородъ. Онѣ сѣли на скамью, стоявшую подъ тѣнью густыхъ деревьевъ. За стѣной огорода виднѣлось безконечное тихое море, а надъ нимъ—широко раскинулся голубой просторъ безграничнаго неба, пересѣкаемый ровною линіей горизонта.

— Послушай, дорогая моя, начала Полина ласковымъ и нѣжнымъ тономъ,—я хочу поговорить съ тобою, какъ сестра... Ты согласна, да? Ты любишь меня, Луиза?

— О, да, да, конечно люблю! воскликнула Луиза, обнимая Полину.

— Хорошо... но, если ты меня любишь, то напрасно ты со мной не откровенна, Луиза. У тебя есть тайны отъ меня.

— О, нѣтъ, нѣтъ, у меня нѣтъ никакихъ тайнъ.

— Полно, Луиза, подумай хорошенько... Не стѣсняйся, милочка, разскажи, что у тебя на сердцѣ...

Наступило тягостное молчаніе. Подруги глядѣли одна на другую и Луиза невольно смущалась подъ испытующимъ, проницательнымъ взглядомъ Полины.

— *Скажи мнѣ* все, продолжала Полина,—повѣрь, моя милая, *что когда человѣкъ* поступаетъ откровенно, то все можно устро-

ить и уладить, какъ нельзя лучше... Скрытность не ведетъ ни къ чему хорошему.—Ты вѣдь согласна? Подумай сама, Луиза, развѣ хорошо будетъ, если мы опять дойдемъ до такой же сцены, которая намъ принесла столько слезъ обѣимъ?

Луиза громко разрыдалась. Упавъ въ объятія Полины, дѣвушка прижималась къ ея груди и шептала взволнованнымъ голосомъ:

— Да, да, я помню все... это было такъ дурно съ моей стороны. Полина, милая, не вспоминай никогда объ этомъ, никогда! Прогони меня лучше; скажи, чтобъ я уѣхала, только не вспоминай о моемъ проступкѣ!

Полина старалась успокоить Луизу, но ей не удавалось это.

— Нѣтъ, нѣтъ, я все понимаю, твердила Луиза.—Ты меня продолжаешь подозрѣвать... Иначе бы ты не стала меня спрашивать, что я чувствую и думаю. Право, клянусь тебѣ Полина, что у меня нѣтъ никакихъ секретовъ отъ тебя. Я слѣжу за собой, стараюсь, чтобъ ты не могла упрекнуть меня за мое поведеніе... Увѣряю тебя, что я невиновата, если ты даже замѣтила что нибудь... Я строго слѣжу за собой, Полина. Иногда я даже боюсь засмѣяться, хотя меня душитъ смѣхъ. Но если ты мнѣ не вѣришь, если ты меня подозрѣваешь, то я уѣду отсюда, Полина, сегодня же уѣду.

— Полно, Луиза. Съ чего ты взяла, что я тебя подозрѣваю; я вовсе не имѣла намѣренія упрекать тебя. Напротивъ, я желаю окончательно успокоить, увѣрить тебя...

Полина положила руки на плечи Луизы и устремила пристальный взоръ въ глаза дѣвушки. Склонясь къ Луизѣ, Полина спросила ее ласково, какъ мать своего ребенка:

— Ты любишь Лазара?.. Онъ тебя тоже любитъ... я это знаю!

Луиза вспыхнула. Она задрожала и хотѣла вырваться изъ рукъ Полины, убѣжать, скрыться отъ проницательнаго взора подруги!

— Боже мой! мнѣ досадно, что я такая безтолковая и не умѣю объяснить тебѣ все, какъ слѣдуетъ, продолжала Полина. — Неужели бы я стала говорить о твоемъ чувствѣ къ Лазару, желая помучить тебя или огорчить? Вы любите другъ друга. Не такъ ли? И прекрасно, я хочу васъ женить... вотъ и все.

Луиза была поражена. Она перестала плакать и съ удивленіемъ, недовѣрчиво смотрѣла на Полину.

— Какъ же это такъ? А ты?..

— Видишь ли, моя милая, за послѣднее время я внимательно и серьезно относилась къ этому вопросу. Ночью, оставаясь одна, я размышляла, вспоминала и наконецъ пришла къ заключенію, что питаю *къ Лазару исключительно* дружеское чувство. Развѣ ты этого *сама не замѣчала?.. Мы* съ Лазаромъ добрые товарищи—и только.

Любовнаго влеченія между нами никогда не существовало и оно невозможно...

Полина видимо искала подходящихъ выраженій, чтобы придать своей лжи значеніе правды. Но соперница пристально смотрѣла въ глаза Полины, какъ бы проникая въ самые затаенные уголки ея страдающей души.

— Зачѣмъ ты лжешь, Полина? прошептала Луиза.—Развѣ ты способна разлюбить?

Замѣчаніе Луизы взволновало Полину.

— Ахъ, оставь все это... зачѣмъ вспоминать? Вы любите другъ друга и вашъ бракъ является вполнѣ естественнымъ. Мы выросли вмѣстѣ съ Лазаромъ, я всегда была его сестрой и останусь ею. Мои убѣжденія сильно измѣнились—вотъ и все... Да и кромѣ того, существуетъ много причинъ, по которымъ я желаю вашего брака.

Полина начала сознавать, что теряетъ почву изъ-подъ ногъ, что она способна высказать правду, и потому добавила:

— Пожалуйста, дорогая моя, оставь этотъ разговоръ. Не мѣшайся ни во что и предоставь мнѣ устроить ваше счастье. Если ты думаешь, что я все еще люблю Лазара, то знай, что я потому-то и желаю видѣть его твоимъ мужемъ; я знаю, что ты составишь его счастье. Скажи, развѣ онъ тебѣ не нравится? Я увѣрена, продолжала Полина, что на моемъ мѣстѣ ты поступила бы точно также... Да, моя дорогая, поговоримъ спокойно и откровенно; составимъ заговоръ и будемъ дѣйствовать дружно, чтобъ побѣдить всякое препятствіе со стороны Лазара. Заставимъ его быть счастливымъ помимо его воли... Пусть онъ сердится и ворчитъ—потомъ будетъ доволенъ! Я знаю, Лазаръ способенъ отказаться отъ брака съ тобой. Онъ думаетъ, что обязанъ мнѣ очень многимъ и потому захочетъ выполнить данное обѣщаніе. Но ты будешь мнѣ помогать, Луиза? Ты *должна* мнѣ помочь, потому что кузенъ любитъ тебя; потому что твоя близость ему необходима... Я прошу тебя, Луиза, быть моей сообщницей. И пока мы здѣсь однѣ, условимся обо всемъ, что настоятельно необходимо.

Голосъ Полины дрожалъ, когда она торопливо произносила эту рѣчь. Луиза замѣтила волненіе подруги и начала уговаривать ее.

— Нѣтъ, я не принимаю твоего предложенія, рѣшительно заявила она.—Съ моей стороны это было бы отвратительно и безчестно. Ты любишь Лазара; я это вижу и чувствую и Богъ вѣсть, зачѣмъ только ты себя терзаешь? Я не хочу тебѣ помогать, Полина, и какъ только Лазарь возвратится, я отъ слова до слова разскажу ему все.

— *Молчи, молчи,* ты не смѣешь этого сдѣлать! властнымъ то-

лосомъ отвѣчала Полина. Ты должна исполнить мое желаніе; это нужно, непремѣнно нужно... Мы должны позаботиться о немъ!

Полина крѣпко обняла Луизу, какъ бы надѣясь, что ласка убѣдительнѣе словъ подѣйствуетъ на сопротивленіе дѣвушки.

Наступило новое молчаніе. Полина и Луиза сидѣли, крѣпко обнявшись.

Взволнованная и подавленная пережитыми ощущеніями, Луиза, молча, уступила Полинѣ и, припавъ къ ея плечу, плакала счастливыми, отрадными слезами. Время отъ времени, Луиза крѣпко сжимала Полину въ своихъ объятіяхъ и какъ бы благодарила ее за самоотреченіе. Луиза чувствовала, что Полина недосягаемо выше ея; что на мѣстѣ подруги—она никогда не сдѣлала бы ничего подобнаго. Въ первое мгновеніе, дѣвушка не смѣла поднять глазъ на Полину. Но потомъ, когда прошло первое ощущеніе глубокаго удивленія и радостныхъ слезъ,—Луиза оправилась. Смущенно улыбаясь, она заглянула въ глаза Полины и, молча, поцѣловала подругу въ плечо.

Вдали безконечное море, свободно раскинувшееся подъ безоблачнымъ небомъ, было совершенно спокойно. Ясная даль манила взоръ и дѣвушка долго глядѣла, молча, въ это безмятежное синѣющееся пространство.

Когда Лазаръ возвратился домой, Полина вошла въ его комнату, желая въ тотъ же день окончить задуманное дѣло.

Подойдя къ Лазару, дѣвушка заговорила съ нимъ прямо и рѣшительно.

— Лазаръ, начала она,—мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобою много и серьезно.

Молодой человѣкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на кузину.

— Что нибудь случилось? Отцу хуже? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, выслушай меня; намъ нужно переговорить откровенно... Ты помнишь, Лазаръ, что тетя говорила о своемъ желаніи женить насъ. Съ тѣхъ поръ прошло много времени и мы оба забыли объ этомъ вопросѣ. Теперь, мнѣ кажется, Лазаръ, было бы благоразумнѣе совсѣмъ отказаться отъ этого намѣренія.

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ. Онъ порывисто перебилъ Полину, говоря:

— Что это ты выдумала? Развѣ ты не жена мнѣ? Да если хочешь, то мы завтра же попросимъ аббата совершить церемонію и дѣлу конецъ! Такъ вотъ что ты называешь серьезнымъ разговоромъ?!

Когда Лазаръ замолчалъ, Полина продолжала спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ:

— Да, *я повторяю,* что предметъ моего разговора весьма *серьезенъ и намъ нужно* обстоятельно переговорить съ тобою.

Конечно, мы съ тобой старые друзья и добрые товарищи, но мы созданы не изъ того тѣста, чтобъ сдѣлаться любовниками... Къ чему намъ упорствовать и стремиться къ союзу, который не можетъ доставить счастья ни тебѣ, ни мнѣ...

Лазаръ не выдержалъ и разразился цѣлымъ потокомъ укоряющихъ фразъ.

Что это, ссориться ей захотѣлось? Господи, вѣдь не можетъ же онъ быть постоянно пришитымъ къ ея юбкѣ? Если свадьба откладывалась, то это вовсе не по его винѣ. Онъ любитъ Полину; онъ постоянно думаетъ о ней. Если онъ не рѣшается прикоснуться къ ней и поцѣловать ее, то исключительно изъ страха дойти до полнаго увлеченія.

При этомъ напоминаніи прошедшаго, Полина покраснѣла.

Да, Лазаръ былъ правъ. Она вспомнила горячее увлеченіе Лазара, тѣ чудныя минуты, когда его дыханіе жгло ея щеки. Но, Боже мой, какъ далеко, безвозвратно далеко были эти счастливые часы, когда сладостный трепетъ охватывалъ ихъ обоихъ... Теперь Лазаръ остался ея другомъ и братомъ; но эти отношенія были такъ холодны, такъ почтительно-вѣжливы.

— Бѣдный, бѣдный другъ мой,—тихимъ, печальнымъ голосомъ проговорила Полина, — еслибы ты дѣйствительно любилъ меня, то ты не сталъ бы защищаться словами. При первомъ моемъ намекѣ, ты бросился бы ко мнѣ на грудь и разрыдался, находя, что слезы лучше всякихъ доводовъ способны убѣдить меня.

Это замѣчаніе дѣвушки заставило Лазара поблѣднѣть еще больше.

Онъ махнулъ рукой, какъ бы желая выразить протестъ, и затѣмъ безсильно опустился на стулъ.

— Нѣтъ, для меня ясно, что любовь исчезла, продолжала Полина.—Что-же дѣлать? Мы не созданы одинъ для другаго... Пока судьба заставляла насъ сидѣть вдвоемъ, съ глазу на глазъ, ты по неволѣ думалъ обо мнѣ. Но такъ какъ во мнѣ нѣтъ ничего, что̀ могло бы волновать и привлекать тебя, то ты началъ скучать...

Лазаръ окончательно вспылилъ.

— Зачѣмъ ты все это говоришь? Я рѣшительно не понимаю, что это значитъ? Боже мой! Я возвращаюсь совершенно спокойно домой, вхожу къ себѣ въ комнату, чтобы надѣть туфли, вдругъ ты влетаешь въ комнату и начинаешь журить меня... Ты разсказываешь мнѣ самыя несообразныя исторіи: то я не люблю тебя, то мы не созданы другъ для друга и потому должны разстаться... Рѣшительно не понимаю, что̀ съ тобой сдѣлалось, Полина? Что значитъ вся эта нелѣпая сцена?

Полина подошла къ Лазару и сказала:

— Это значитъ, что ты любишь другую, и потому я совѣтую тебѣ жениться на ней.

Лазаръ замеръ отъ удивленія. Потомъ онъ началъ смѣяться надъ Полиной.

Прекрасно!.. она начинаетъ ему дѣлать сцены ревности... только этого не доставало.

Полина печально выслушивала упреки Лазара. Затѣмъ она положила ему руку на плечо и взволнованнымъ тономъ сказала:

— Дорогой мой, какъ ты можешь думать, что я хочу мучить тебя?.. Неужели ты не понимаешь, что я отъ всей души желаю твоего счастья. Я все, все готова перенести, для того чтобы ты былъ счастливъ; чтобы тебѣ жилось хорошо. Развѣ ты не вѣришь мнѣ? Подумай, Лазаръ, вѣдь ты любишь Луизу и она любитъ тебя. Зачѣмъ же мучиться и страдать? Женись на ней... Я такъ хочу вашего счастья...

Лазаръ растерянно смотрѣлъ на Полину. Въ нервной, неустойчивой натурѣ молодаго человѣка каждое ощущеніе доходило до крайности и малѣйшій толчекъ могъ производить громадный переворотъ въ его мысляхъ и убѣжденіяхъ. Слезы покатились изъ глазъ Лазара. Онъ сдѣлалъ громадныя усилія воли, чтобы побѣдить свое волненіе.

— Нѣтъ, оставь меня, вскричалъ онъ. — Я негодяй, подлецъ... Я глубоко презираю себя за все то, что творится въ нашемъ домѣ въ продолженіе многихъ, многихъ лѣтъ! Я твой неоплатный должникъ... Молчи, Полина, не перебивай меня. Мы ограбили тебя... Я растратилъ твои деньги, какъ послѣдній дуракъ, и такъ низко упалъ въ твоихъ глазахъ, что ты даешь мнѣ милостыню... Ты возвращаешь мнѣ мое слово изъ жалости, изъ презрѣнія, понимая, что я человѣкъ, не имѣющій ни совѣсти, ни стыда...

— Лазаръ, Лазаръ! съ ужасомъ вскричала Полина.

Но молодой человѣкъ быстро вскочилъ и, порывисто шагая по комнатѣ, колотилъ себя въ грудь кулаками.

— Нѣтъ, оставь меня! Желая воздать себѣ должное—я убью себя. О, какой я негодяй! Я долженъ былъ любить тебя; любить вѣчно и преданно, а между тѣмъ я влюбился въ другую, только потому, что мнѣ не слѣдовало обращать на нее вниманія. Ты добрая, Полина, ты умная, ты здоровая дѣвушка, а въ ней нѣтъ ничего такого... А между тѣмъ, я самъ не знаю, почему поступаю такъ... Если мужчина дѣлаетъ такія гадости, то, значитъ, у него грязная, порочная душа. Ты видишь, Полина, я ничего не скрываю и не желаю себя извинять. Но слушай, вмѣсто того, *чтобы принять твою* жертву, я самъ выгоню отсюда Луизу и

немедленно уѣду въ Америку. Я никогда болѣе не увижу васъ обѣихъ: ни тебя, ни ее.

Полина старалась успокоить и уговорить Лазара.

Неужели онъ не можетъ, хоть разъ въ жизни, серьезно и просто всмотрѣться въ окружающее? Не надо преувеличивать или уменьшать значенія фактовъ. Развѣ Лазаръ не видитъ, не понимаетъ, что Полина говоритъ ему благоразумныя вещи, что она много и долго обдумывала все это? Бракъ Лазара съ Луизой представляетъ чрезвычайно много выгодныхъ сторонъ. Всѣмъ будетъ хорошо, если Лазаръ женится на Луизѣ. Наконецъ, этотъ союзъ нисколько не огорчитъ Полину. Она даже положительно желаетъ, чтобы свадьба состоялась какъ можно скорѣе.

Увлеченная стремленіемъ убѣдить кузена, Полина имѣла неосторожность намекнуть, что Луиза очень богата; что отецъ ея навѣрно предложитъ зятю хорошее мѣсто и поможетъ составить карьеру.

— А, такъ вотъ что ты задумала! съ порывомъ гнѣва вскричалъ Лазаръ.—Ты продаешь меня!.. Зачѣмъ такъ вѣроломно поступать? Лучше скажи прямо, что ты не хочешь быть моей женой, потому что я тебя разорилъ, и предоставь мнѣ полную свободу... Но не толкай меня на подлость, не заставляй жениться на богатой дѣвушкѣ. Нѣтъ, Полина, ты мнѣ предлагаешь совершить слишкомъ мерзкій и грязный поступокъ. Я никогда не соглашусь на это!

Удивленная горячимъ протестомъ Лазара, Полина перестала убѣждать его.

Наступило молчаніе. Лазаръ опустился на стулъ, а Полина продолжала ходить взадъ и впередъ по большой комнатѣ, время отъ времени останавливаясь передъ различными предметами. Все это ея старые друзья: этотъ столъ, шкафъ и стулья были ей такъ безконечно дороги. Въ душѣ Полины просыпалась неясная надежда и мало по малу овладѣла всѣмъ ея существомъ. Можетъ быть, Лазаръ все еще привязанъ къ ней? Можетъ быть, онъ любитъ ее настолько, что не можетъ жениться на другой?

Но доводы разсудка прогоняли эту надежду. Она знала, что за минутами увлеченія хорошимъ чувствомъ, у Лазара наступали дни полнаго безсилія.

— Ты еще передумаешь, проговорила Полина, останавливаясь передъ Лазаромъ.—Я не хочу тебя мучить больше и надѣюсь, что завтра ты будешь благоразумнѣе.

На слѣдующій день всѣ чувствовали себя въ крайне неловкомъ положеніи. Какое-то уныніе и раздраженіе охватило всю семью Шанто. У Луизы были заплаканы глаза; Лазаръ избѣгалъ оставаться съ нею наединѣ и сидѣлъ, запершись у себя въ ком-

натѣ. Но на слѣдующій день прежнее настроеніе мало по малу исчезло и въ столовой снова сталъ раздаваться веселый смѣхъ. Полина выжидала событій и минутами, вопреки доводамъ разсудка, продолжала тревожно надѣяться на что-то. Дѣвушкѣ казалось, что прежде она никогда не испытывала такихъ ужасныхъ душевныхъ мукъ: переживаемая неопредѣленность томила ее болѣе, чѣмъ горе, тяжесть вѣчной разлуки или другія, совершившіяся уже несчастія.

Какъ-то разъ, спускаясь въ кухню въ сумерки, Полина увидѣла, что Лазаръ и Луиза стоятъ, обнявшись, въ коридорѣ. При видѣ подруги, Луиза, смѣясь, убѣжала, а Лазаръ, пользуясь полутьмою, подошелъ къ Полинѣ, обнялъ ее и братски поцѣловалъ въ щеку.

— Да, я передумалъ, смущенно пробормоталъ онъ.—Ты лучше Луизы и умнѣе ея. Я тебя очень люблю... Я тебя люблю также, какъ любилъ мать.

Полина сдѣлала надъ собой сверхъестественное усиліе воли и отвѣчала.

— Ну, и отлично! Значитъ все устроилось, какъ я желала!

Боясь лишиться чувствъ, Полина не рѣшилась сойти въ кухню; она сознавала, что вся кровь прилила ей къ сердцу и руки дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ. Не зажигая свѣчи, она возвратилась къ себѣ въ комнату, говоря, что забыла платокъ.

Бѣдная дѣвушка задыхалась. Она не могла даже плакать: дыханіе спиралось въ ея груди.

Что она сдѣлала ему дурнаго, за что онъ ее такъ мучитъ? Боже мой! зачѣмъ онъ такъ жестоко поступилъ съ нею; такъ мучительно-больно растравилъ раны ея сердца? Зачѣмъ онъ не согласился на бракъ съ Луизой въ тотъ же день, когда она впервые заговорила съ нимъ? Тогда она чувствовала себя сильнѣе; она не предавалась несбыточнымъ надеждамъ...

Въ настоящее время жертва, принесенная Полиной, какъ бы удвоивалась; дѣвушка вторично теряла Лазара. И эта потеря была тяжелѣе въ десять разъ, потому что Полина смутно надѣялась, что Лазаръ можетъ вернуться къ ней.

Но скоро все было улажено и вошло въ свою колею. Когда Вероника узнала, что Лазаръ женится на Луизѣ, она разинула ротъ отъ удивленія. Служанка находила, что со дня смерти барыни въ домѣ Шанто все пошло навыворотъ. Но больше всѣхъ былъ взволнованъ старикъ-дядя. Въ большинствѣ случаевъ, онъ не вмѣшивался ни въ какія дѣла, соглашаясь и одобрительно кивая головой на всякое распоряженіе Полины. Но когда *племянница подошла къ нему* и сообщила неожиданную новость,

старикъ расплакался. Онъ глядѣлъ на Полину и съ его губъ срывались отрывистыя фразы.

Да, это онъ все виноватъ!.. Конечно, онъ не позволилъ бы себѣ такъ обобрать Полину. Но вѣдь она знаетъ, что онъ человѣкъ больной, очень больной.

Полина была растрогана, она обняла дядю и принуждена была поклясться, что сама заставила Лазара жениться на Луизѣ.

Въ первое мгновеніе, Шанто какъ бы не вѣрилъ словамъ племянницы. Онъ смотрѣлъ на нее съ печальнымъ выраженіемъ и твердилъ:

— Ты правду говоришь? Неужели правду?

Но замѣтивъ, что Полина смѣется, старикъ развеселился. Онъ крѣпко поцѣловалъ Луизу и поздравилъ ее.

За обѣдомъ, когда подали десертъ, Шанто запѣлъ веселые куплеты. Только вечеромъ, ложась спать, онъ обнаружилъ нѣкоторое безпокойство.

— Вѣдь ты останешься съ нами, Полина? ты не покинешь насъ? спросилъ онъ.

Нѣсколько мгновеній Полина колебалась, но затѣмъ, краснѣя за невольную ложь, отвѣчала:

— О. конечно, останусь!

Тибодье, отецъ Луизы, немедленно далъ свое согласіе, когда Лазаръ сдѣлалъ формальное предложеніе его дочери. Но за нѣсколько дней до свадьбы, между Тибодье и Лазаромъ произошло несогласіе, такъ какъ молодой человѣкъ наотрѣзъ отказался ѣхать въ Парижъ и принять на себя управленіе дѣлами одного страхового общества, большинство акцій котораго принадлежали Тибодье. Лазаръ говорилъ, что онъ намѣренъ провести еще годъ въ Боневилѣ и написать романъ, а затѣмъ уже переѣхать въ Парижъ, такъ какъ его произведеніе доставитъ ему громкую славу литератора.

Сначала Тибодье былъ чрезвычайно удивленъ отказомъ Лазара, но затѣмъ пожалъ плечами и вообще началъ обращаться съ будущимъ зятемъ, какъ съ человѣкомъ крайне безтолковымъ. Свадьба должна была состояться въ Канѣ и послѣднія двѣ-три недѣли Полинѣ приходилось почти ежедневно хлопотать и разъѣзжать съ Луизой по различнымъ магазинамъ. Такъ какъ Шанто не могъ быть на свадьбѣ, то Полина должна была присутствовать въ церкви, какъ единственная представительница семьи жениха.

Приближеніе этого дня приводило въ ужасъ Полину. Наканунѣ свадьбы дѣвушка устроила свои дѣла такъ, чтобы немедленно уѣхать изъ Кана въ Боневиль. Ей казалось, что она будетъ меньше страдать, если вернется въ свою комнату и заснетъ подъ *убаюкивающій* плескъ моря.

Въ отвѣтъ на просьбы Лазара остаться въ Канѣ, Полина го-

ворила, что ее безпокоитъ здоровье дяди и она не можетъ покинуть его на нѣсколько дней.

Вечеромъ, въ день свадьбы, старая коляска Маливуара привезла Полину въ Боневиль. Погода испортилась и шелъ мелкій, частый дождикъ. Молодая дѣвушка была очень блѣдна и дрожала отъ холода, такъ какъ на ея бѣлое шелковое платье была накинута только небольшая шаль. Въ кухнѣ Полина нашла Веронику, которая ожидала пріѣзда барышни и, соскучившись ничего недѣланьемъ, уснула, положивъ голову на уголъ стола. Пламя зажженной свѣчи заставило Веронику проснуться. Но на вопросы барышни она отвѣчала какъ-то безсвязно и непонятно.

— Баринъ не берегся .. Теперь онъ заснулъ...

— Приходилъ-ли кто нибудь?

— Нѣтъ, никто не приходилъ...

Полина взяла свѣчу и направилась въ свою комнату. Но на порогѣ она остановилась: какая-то властная сила заставила ее войти въ спальню Лазара. Здѣсь все было по прежнему, а между тѣмъ молодая дѣвушка испытывала ощущеніе какого-то тупаго страха, какъ будто въ комнатѣ лежалъ покойникъ. Полина подошла къ столу и молча смотрѣла на чернильницу, на перо и листъ бумаги, на которомъ было написано нѣсколько строкъ. Затѣмъ она вышла. Заперевъ дверь въ комнатѣ Лазара, дѣвушка почувствовала, что все было кончено.

Оставшись одна въ своей спальнѣ, Полина съ какимъ то удивленіемъ начала разсматривать ее. Неужели это ея комната съ узкою желѣзною кроватью подъ кисейнымъ пологомъ? Да, здѣсь она прожила такъ много, много лѣтъ. Какое-то тоскливое ощущеніе охватило Полину и она даже пожалѣла, что не осталась ночевать въ Канѣ. Этотъ родной домъ, переполненный воспоминаніями, казался ей опустѣвшимъ и мрачнымъ, какъ могила. Прежде чѣмъ лечь спать, Полина подумала, что необходимо убрать и уложить всѣ вещи. Она акуратно повѣсила шляпку, сложила платье и надѣла коротенькую кофточку. Подойдя къ зеркалу, дѣвушка невольно посмотрѣла на свой стройный станъ и дѣвственную грудь. Въ это мгновеніе, въ ея мозгу пронеслись отчетливые образы другихъ людей, пользующихся теперь полнымъ блаженствомъ. Какъ имъ хорошо тамъ, въ ихъ уютной комнаткѣ, которую она сама убрала цвѣтами!..

Луиза легла въ постель, Лазаръ входитъ въ спальню, приближается къ ней съ нѣжною любовью, съ чарующей лаской... Да, это обаяніе счастья, это наслажденіе — оно чуждо ей! Для Полины никогда не наступитъ эта радостная минута! Тамъ, въ уютной комнаткѣ, *изнемогаетъ* отъ блаженства любви *другая женщина, другая... а она,* Полина, такъ долго, долго ждала этого

счастья. Нѣтъ, ей не суждено никогда быть женщиной и матерью. Она обречена состариться въ безплодіи. Милый образъ Лазара, неотступно стоявшій въ ея воображеніи, вновь пробудилъ ревнивое чувство Полины. Страстное желаніе полной жизни, стремленіе передать свое бытіе другому, мечта насладиться до истомленія—вотъ что волновало сердце Полины. Ей хотѣлось бы истерзать и раздавить свое прекрасное обнаженное тѣло, чтобы только удовлетворить ненасытную ярость страсти. Полина сознавала, что она красивѣе Луизы, этой сухощавой, бѣлокурой дѣвчонки. Она сильнѣе ея, умнѣе и прекраснѣе, а между тѣмъ Лазаръ выбралъ Луизу... Да, имъ хорошо тамъ вмѣстѣ, а она здѣсь одна, на жосткой постели, въ холодномъ одинокомъ домѣ, и дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ... Упавъ ничкомъ на кровать, Полина судорожно схватила подушку и кусала ее, чтобъ заглушить свои рыданія. Ей хотѣлось задавить проснувшееся желаніе, хотѣлось навсегда, навѣки побѣдить его. Но напрасно Полина закрывала глаза, желая ничего не видѣть. Соблазнительные образы вставали передъ нею и она чувствовала себя безсильной.

Выколоть глаза—одно средство!

Проходили минуты за минутами, а Полина все не могла побѣдить себя. Вдругъ дѣвушка неожиданно вскочила на ноги: ей послышались чьи-то шаги, чей то смѣхъ раздался возлѣ, и Полина со страхомъ оглянулась. Никого не было. Она замѣтила только, что свѣча догорѣла и розетка, надѣтая на подсвѣчникъ, разбилась въ дребезги. Подавленная чувствомъ стыда и измученная припадкомъ страсти, какъ шквалъ налетѣвшимъ на нее, Полина закуталась въ одѣяло и, упавъ головой въ подушки, старалась ни о чемъ не думать и ничего не чувствовать. Когда потухла свѣча, Полина заснула. Утромъ дѣвушка уложила свой чемоданъ. Но сказать Шанто о своей рѣшимости уѣхать—у Полины не хватало духа. Между тѣмъ это было необходимо, такъ какъ на слѣдующій день Казэневъ обѣщался заѣхать за Полиной и отвезти ее въ своей родственницѣ. Когда, наконецъ, дѣвушка высказала дядѣ свою рѣшимость, то старикъ съ такимъ отчаяніемъ протянулъ свои больныя руки, что сердце дѣвушки замерло. Неужели она рѣшится оставить его? Это будетъ убійство, потому что онъ навѣрное умретъ, оставшись наединѣ съ Вероникой.

Видя, что Полина рѣшительно настаиваетъ на необходимости отъѣзда, старикъ догадался, что̀ именно заставляетъ ее покинуть родной домъ. Тогда Шанто рѣшился на плутовство. Онъ началъ говорить о приближеніи болѣзни, о томъ, что вчера онъ *позволилъ себѣ* съѣсть лишній кусочекъ куропатки... Шанто го-

ворилъ такъ жалобно, что у Полины не хватило духа разстаться съ дядей.

Около шести часовъ вечера, когда Полина сидѣла въ своей комнатѣ, Вероника пришла къ ней и сказала, что баринъ расхворался и опять воетъ на весь домъ. Кухарка была въ отвратительномъ расположеніи духа. Она громко говорила, что если только барышня уѣдетъ, то и она сейчасъ же убѣжитъ изъ этого проклятаго дома. Ей тоже надоѣло няньчиться съ этимъ глупымъ старикомъ!

На другой день, когда пріѣхалъ докторъ Казэневъ, Полина, молча, указала ему на комнату больнаго, изъ которой раздавался громкій крикъ, и сказала, что не можетъ уѣхать въ настоящее время. Благодаря болѣзни старика Шанто, отъѣздъ Полины пришлось отложить.

Полина ежедневно со страхомъ ожидала возвращенія Лазара и Луизы, для которыхъ была приготовлена комната, убранная заново. Молодыхъ ожидали на другой день свадьбы, но имъ показалось такъ весело жить въ Канѣ, что они отложили свое возвращеніе. Лазаръ писалъ, что онъ хочетъ накопить какъ можно больше матеріала, а потомъ запереться въ Боневилѣ и писать большой романъ, въ которомъ желаетъ разоблачить истинное положеніе различныхъ финансовыхъ предпріятій. Такъ прошло нѣсколько дней. Въ одно прекрасное утро, Лазаръ возвратился въ Боневиль безъ Луизы и спокойно объявилъ отцу и Полинѣ, что онъ намѣренъ переѣхать въ Парижъ. Тибодье убѣдилъ его принять мѣсто въ страховомъ обществѣ, а такъ какъ это дастъ ему возможность еще больше собрать матеріала для будущаго романа, то онъ принялъ предложеніе тестя.

Уложивъ всѣ свои вещи, Лазаръ распростился и уѣхалъ. Въ это время прежняя рѣшимость совершенно покинула Полину. Видя страданія дяди, она не рѣшалась уѣхать изъ Боневиля.

Какъ-то разъ Шанто спросилъ ее:

— Ты остаешься у меня, Полина? Пожалуйста, не уѣзжай; погоди, я скоро умру, тогда и уѣдешь.

Чемоданъ Полины оставался уложеннымъ и завязаннымъ. Онъ стоялъ въ спальнѣ дѣвушки и она смотрѣла на него цѣлые часы, погруженная въ тоскливыя размышленія. Конечно, если молодые уѣзжаютъ въ Парижъ, то ей не слѣдуетъ оставлять дядю. Правда, нельзя особенно довѣрять рѣшимости кузена; но если молодые вернутся, то она всегда успѣетъ уѣхать.

Докторъ Казэневъ разсердился на Полину за ея колебанія: онъ говорилъ, что дѣвушка теряетъ прекрасное мѣсто, ради того, чтобъ *тратить свои силы* и здоровье на заботы о людяхъ, которые *эксплуатируютъ ее и не умѣютъ* цѣнить.

— Уѣзжай, уѣзжай, Полина, ворчливымъ тономъ говорилъ старикъ Шанто.—Если для твоего счастья нужны деньги, то иди заработывать ихъ. Конечно, я не могу заставлять тебя нянчиться всю жизнь съ такимъ калѣкой, какъ я. Уѣзжай, я тебя не держу!

Эти разговоры подавляющимъ образомъ вліяли на Полину. Какъ-то утромъ она подошла къ старику и сказала:

— Дядя, я остаюсь въ Боневилѣ!

Докторъ Казэневъ, присутствовавшій при этой сценѣ, поднялъ руки къ небу и сейчасъ же уѣхалъ домой.

— Это просто невозможно, что̀ она дѣлаетъ, говорилъ онъ.— Полина точно въ тину попала; ей никогда отсюда не выбраться.

IX.

Скучно и однообразно потянулись дни въ Боневильскомъ домѣ. Послѣ холодной зимы наступила дождливая весна. Взбалмученное постоянными дождями, море походило на озеро жидкой грязи, и это зрѣлище производило печальное впечатлѣніе. Лѣто было жаркое, и душные дни стояли почти до середины осени. Въ такіе знойные дни безпредѣльная голубая масса воды едва колыхалась подъ жгучими лучами солнца.

Потомъ опять наступила весна. Такъ шли день за днемъ, съ неизмѣнною правильностью, смѣняясь темными ночами...

За это время Полина успѣла успокоиться; ея страданія какъ бы утратили прежній характеръ остроты. Усыпленная утомительными, ежедневными занятіями, дѣвушка иногда какъ бы забывала пережитыя муки. Каждое утро, спускаясь въ нижній этажъ, Полина цѣловала дядю, вмѣстѣ съ кухаркой обдумывала мэню обѣда, и въ промежуткахъ между завтракомъ и вечернимъ чаемъ—занималась шитьемъ. Вечеромъ она рано ложилась спать и на другой день дѣлала то же, что̀ вчера и третьяго дня.

Здоровье Шанто становилось еще хуже, чѣмъ прежде. Его ноги опухли, руки были обезображены наростами и онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ точно нѣмой, радуясь мгновеньямъ затишья и отсутствію мучительныхъ болей. Вероника тоже измѣнилась: она почти не бранилась и казалась погруженною въ мрачную меланхолію. Только субботніе обѣды нѣсколько нарушали однообразіе жизни Шанто; аббатъ Гортейръ и докторъ Казэневъ съ обычною аккуратностью являлись къ обѣду. Въ эти дни въ столовой Шанто до десяти часовъ вечера раздавались голоса, а потомъ, когда на мощеномъ дворѣ слышался стукъ сапоговъ уходящаго священника и въ то же время старая лошадь доктора тащила его кабріолетъ по направленію къ Ароманшу,—

домѣ Шанто все стихало. Характеръ Полины за это время сдѣлался значительно спокойнѣе: теперь веселый и звонкій смѣхъ дѣвушки не раздавался по комнатамъ, хотя она по прежнему являлась олицетвореніемъ добра, дѣятельности и любви къ ближнимъ.

Въ первое время послѣ отъѣзда Лазара, каждое письмо, полученное отъ кузена, волновало Полину. Она жила этими письмами, ожидая ихъ съ нетерпѣніемъ и тревогой.

Перечитывая каждое письмо по нѣсколько разъ, Полина отыскивала въ нихъ какой-то особенный, только ей одной понятный смыслъ и дополняла воображеніемъ то, чего не находила въ короткихъ и холодныхъ письмахъ Лазара. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, письма Лазара приходили довольно правильно: это были длинныя, подробныя посланія, переполненныя самыми розовыми надеждами. Лазаръ опять находился въ періодѣ увлеченія и, погрузившись въ дѣловую жизнь, воображалъ, что мгновенно создастъ себѣ громадное богатство. По его словамъ, страховое общество должно было приносить огромные доходы, но Лазаръ не думалъ ограничиваться только такимъ занятіемъ: молодой человѣкъ придумывалъ проэкты новыхъ предпріятій и писалъ Полинѣ, что онъ въ восторгѣ отъ окружающаго его финансоваго и промышленнаго міра и горько сожалѣетъ, что прежде позволялъ себѣ слишкомъ легкомысленно судить объ этихъ людяхъ. Прежнія думы и мечты заняться литературой были совершенно забыты. Вслѣдъ за разсказами о дѣлахъ; въ письмахъ Лазара встрѣчались различныя подробности о его семейномъ счастіи. Молодой человѣкъ разсказывалъ Полинѣ о самыхъ ничтожныхъ случайностяхъ своей жизни, о любовныхъ заигрываніяхъ съ женою, о поцѣлуѣ, который ему удалось сорвать съ губъ Луизы, о разныхъ шуткахъ и сюрпризахъ... Выставляя на показъ свое счастье, Лазаръ всякій разъ благодарилъ Полину, называя ее «своею доброю сестрою» и говоря, что ей онъ обязанъ своимъ блаженствомъ. Когда Полина читала описанія интимныхъ подробностей семейной жизни Лазара, ея руки дрожали и голова кружилась отъ того благоуханія любви, которое врывалось въ комнату дѣвушки вмѣстѣ съ письмомъ кузена. Полина закрывала глаза, и въ ея воображеніи досказывались неоконченныя фразы, слышались любовныя восклицанія, вставали сокровенныя картины медоваго мѣсяца.

Мало по малу, письма Лазара стали приходить рѣже и дѣлались короче. Теперь молодой человѣкъ не сообщалъ уже о своихъ дѣлахъ и ограничивался тѣмъ, что передавалъ Полинѣ поклоны отъ своей жены. Множество вопросовъ мучило Полину. Ей хотѣлось знать, *почему* такъ измѣнился характеръ его писемъ, *почему онъ ни слова не* пишетъ о томъ финансовомъ мірѣ, *въ которомъ ему приходится* вращаться, не говоритъ о своемъ се-

мейномъ счастіи. Но Лазаръ молчалъ и Полина могла только догадываться и дѣлать различныя предположенія. Дѣвушка замѣчала, что въ письмахъ Лазара звучала какая-то скука, даже отчаяніе. Эти коротенькія записочки казались начертанными нехотя, черезъ силу, и это обстоятельство волновало Полину. Въ концѣ апрѣля, послѣ шестинедѣльнаго молчанія Лазаръ написалъ Полинѣ письмо въ четыре строки. Кузенъ сообщалъ, что Луиза беременна уже три мѣсяца. Затѣмъ переписка совершенно прекратилась и Полина не имѣла никакихъ извѣстій о Лазарѣ и его женѣ.

Прошло два мѣсяца. Въ іюлѣ приливъ разбилъ одинъ изъ волноломовъ. Это было крупное событіе въ Боневилѣ и всѣ рыбаки долго смѣялись и злорадствовали по поводу этой катастрофы. Въ это лѣто, населеніе Боневиля было заинтересовано еще однимъ приключеніемъ. Маленькая Гоненъ, дѣвочка по четырнадцатому году, родила дочку и въ деревнѣ всѣ были увѣрены, что отецъ ребенка — молодой Кюпэ. Правда, многіе говорили, что дѣвочку видѣли съ какимъ-то старикомъ. Потолковавъ объ этомъ событіи, населеніе Боневиля наконецъ успокоилось, погрузившись въ мертвенный покой, цѣпко прижавшись къ подножію скалистаго берега. Боневиль казался живучимъ лишаемъ.

Въ іюлѣ рѣшено было приступить къ починкѣ дома Шанто, но когда явились плотники, то оказалось, что невозможно начать работы, потому что домъ грозилъ рухнуть. Полина позвала каменьщиковъ и они начали подводить новый фундаментъ

Расходъ на работы простирался до десяти тысячъ франковъ и, само собою разумѣется, что всѣ починки производились на счетъ Полины. Пакетъ съ деньгами, хранившійся въ комодѣ, сильно истощался за послѣднее время и весь капиталъ дѣвушки заключался въ сорока тысячахъ! На веденіе хозяйства Полинѣ хватало процентовъ, но для затраты на передѣлку дома, дѣвушка рѣшилась продать часть процентныхъ бумагъ. Конечно, трогать капиталъ дяди, дѣвушка ни за что не рѣшилась бы. По примѣру покойной жены, старикъ Шанто часто говорилъ Полинѣ, что когда нибудь сведетъ съ нею счеты и уплатитъ до копѣйки свой долгъ. Но Полина совершенно не заботилась объ этомъ обстоятельствѣ. Послѣдніе слѣды скупости совершенно исчезли въ ней, подъ вліяніемъ медленнаго, но постояннаго расхищенія ея наслѣдства. Дѣвушка заботилась только объ одномъ. Ей хотѣлось спасти только тѣ деньги, которыя она предназначила на добрыя дѣла. Мысль, что ей когда нибудь придется прекратить субботнюю раздачу подаянія—приводила Полину въ отчаяніе, такъ какъ это *было единственною* радостью и удовольствіемъ дѣвушки.

Въ концѣ іюля, когда Вероника подметала остатки известки, *просыпанной* каменьщиками, Полина получила письмо, чрезвы-

чайно взволновавшее ее. Письмо было изъ Кана и заключало сообщеніе, что Лазаръ на слѣдующій день вечеромъ пріѣдетъ въ Боневиль. Дѣвушка побѣжала сообщить эту новость дядѣ. Старикъ со страхомъ посмотрѣлъ на Полину; онъ боялся, что племянница уѣдетъ и покинетъ его, если молодые вздумаютъ поселиться въ Боневилѣ. Шанто не рѣшался разспрашивать дѣвушку, такъ какъ инстинктивно угадывалъ ея намѣреніе уѣхать изъ Боневиля.

На другой день, около пяти часовъ, Лазаръ подъѣхалъ къ воротамъ родного дома. Погода стояла чудесная; Полина вышла къ нему на встрѣчу.

— Какъ, ты одинъ? съ удивленіемъ вскрикнула она, цѣлуя кузена.

— Да, одинъ, просто отвѣтилъ онъ.

— А гдѣ же Луиза?

— Она осталась въ Клермонѣ, у своей невѣстки. Докторъ совѣтовалъ ей пожить въ гористой мѣстности.. У Луизы очень тяжелая беременность.

Лазаръ и Полина, разговаривая, направились къ крыльцу. Здѣсь молодой человѣкъ остановился и долгимъ взоромъ осмотрѣлъ весь дворъ. Затѣмъ онъ еще разъ взглянулъ на кузину и его губы задрожали отъ сдержаннаго волненія. Увидавъ собаку, выбѣжавшую изъ кухни и съ лаемъ бросившуюся къ нему, Лазаръ удивился:

— Это еще что?

— Это Лулу, отвѣчала Полина. — Она тебя еще не знаетъ. Лулу, перестань, не смѣй кусать хозяина!

Но собака продолжала ворчать.

— Да какая она безобразная, откуда ты взяла такого мерзкаго пса?

Дѣйствительно собака была уродливо-жалкая и, вдобавокъ, отличалась отвратительнымъ, ворчливымъ нравомъ.

— Что дѣлать, смущенно отвѣчала Полина.—Меня увѣряли, что изъ этого щенка выйдетъ огромный, красивый песъ, а между тѣмъ видишь, что получилось... Это уже пятая собака, которую я начала воспитывать; всѣ остальныя умерли, только она одна и осталась.

Нѣсколько успокоившись, Лулу отошла отъ Лазара и съ угрюмымъ видомъ улеглась на солнцѣ. Лазаръ задумчиво смотрѣлъ на нее. Онъ думалъ о минувшихъ годахъ, о томъ прошломъ, которое пережито здѣсь, и еще разъ обвелъ глазами весь дворъ.

— Бѣдная моя Матье, прошепталъ онъ тихо.

На крыльцѣ Вероника чистила морковь. Увидавъ Лазара, она, *молча, кивнула головой и* молодой человѣкъ прямо прошелъ въ сто-

ловую, гдѣ старикъ Шанто нетерпѣливо ждалъ его. Едва переступивъ порогъ, Полина проговорила:

— Вообрази, дядя, Лазаръ пріѣхалъ одинъ... Луиза осталась въ Клермонѣ.

Эти слова успокоительно повліяли на Шанто: его безпокойный взглядъ прояснился и онъ началъ разспрашивать сына, не успѣвъ даже поздороваться съ нимъ хорошенько.

— Когда же она пріѣдетъ? Ты скоро ждешь ее сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Лазаръ,—я самъ заѣду за Луизой... это по дорогѣ въ Парижъ... Я погощу у васъ недѣли двѣ, а потомъ и въ обратный путь.

Шанто радостно смотрѣлъ на Полину. Отвѣтивъ на вопросы отца, Лазаръ горячо обнялъ его и старикъ отвѣчалъ на привѣтствіе сына крѣпкимъ поцѣлуемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ счелъ необходимымъ выразить нѣкоторое сожалѣніе.

— Очень жаль, что твоя жена не могла пріѣхать; мы были бы очень рады видѣть ее. Ну, да что же дѣлать; въ другой разъ ты непремѣнно долженъ привезти сюда Луизу.

Полина молчала. Она улыбалась, стараясь скрыть охватившее ее волненіе. Всѣ планы ея и надежды были опять разрушены. Теперь ей незачѣмъ было уѣзжать изъ Боневиля, но она сама не могла сказать: пріятна ей эта перемѣна или нѣтъ; благодаря постоянному самоотреченію, Полина пріучилась смотрѣть на себя, какъ на какую то вещь, предназначенную для удовольствія другихъ людей.

Впрочемъ, веселое настроеніе дѣвушки отравлялось печальнымъ чувствомъ, когда она замѣчала горькое и непріятное выраженіе на лицѣ Лазара. Глубокія морщины, избороздившія лобъ и щеки Лазара, были хорошо памятны Полинѣ, но теперь онѣ сдѣлались какъ будто глубже и указывали, что прежняя тоска и терзанія кузена не прекращались. Молодой человѣкъ внимательно смотрѣлъ на Полину. Ему показалось, что дѣвушка сильно развилась за послѣднее время и стала красивѣе.

Улыбаясь, Лазаръ сказалъ:

— Однако я вижу, вы не очень-то скучали обо мнѣ. Отецъ помолодѣлъ, а Полина разцвѣла совершенно... Странно, даже домъ измѣнилъ свой внѣшній видъ; онъ сдѣлался красивѣе и въ комнатахъ какъ-то лучше.

Лазаръ осмотрѣлъ столовую съ тѣмъ же выраженіемъ удивленія и напряженнаго вниманія, съ которымъ разсматривалъ дворъ. *Его взглядъ* остановился на Минушѣ, которая лежала на столѣ, *поджавъ подъ себя* лапки. Кошечка вполнѣ наслаждалась *блаженною праздностью* и даже не шевелилась.

— Минушъ и та не постарѣла, продолжалъ Лазаръ.—Ужь тебѣ-то стыдно, Минушъ, ты должна бы меня узнать.

Лазаръ сталъ ее гладить и кошечка замурлыкала, не измѣняя своей позы.

— Наша Минушъ эгоистка, весело замѣтила Полина.—Она только о себѣ и думаетъ. Третьяго дня у нея отняли и утопили пятерыхъ котятъ, а ты видишь, она о нихъ нисколько не безпокоится.

Обѣдъ подали раньше обыкновеннаго, потому что Лазаръ былъ голоденъ. Не смотря на все стараніе Полины быть веселой, вечеръ прошелъ довольно скучно. Разговоръ плохо вязался, такъ какъ Полина избѣгала разспрашивать Лазара о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя особенно интересовали ее.

Замѣтивъ, что Лазаръ не безъ смущенія говоритъ о положеніи своихъ дѣлъ въ Парижѣ, Полина не рѣшалась касаться этого вопроса и только спросила: почему онъ увѣдомилъ ихъ о своемъ пріѣздѣ не ранѣе, какъ изъ Кана.

Когда подали чай, Лазаръ глубоко вздохнулъ, какъ человѣкъ, освободившійся отъ тяжелой обузы. Только тогда онъ рѣшился заговорить.

— Какъ хорошо здѣсь живется. Да, здѣсь, среди невозмутимой тишины, можно работать.

Послѣ этихъ словъ Лазаръ упомянулъ вскользь, что пишетъ драму въ стихахъ и работаетъ надъ нею уже полгода. Полина съ изумленіемъ посмотрѣла на него и удивилась еще болѣе, когда Лазаръ сказалъ, что думаетъ окончить свою работу въ Боневилѣ.

Часовъ въ десять вечера Вероника пришла сказать, что комната для барина готова. Но когда онъ поднялся во второй этажъ и служанка ввела его въ комнату, приготовленную для молодыхъ супруговъ, онъ разсердился.

— Съ чего ты вообразила, что я буду спать здѣсь... Я лягу въ своей комнатѣ на прежней моей кровати.

Служанка заворчала.

— Что за капризы. Постель приготовлена, неужели опять перетаскивать ее на верхъ и снова устраивать постель?

— Въ такомъ случаѣ не надо, замѣтилъ Лазаръ.—Я буду спать въ креслѣ.

Но Вероника съ досадой начала снимать простыню и перенесла подушки въ верхній этажъ. Дикая радость охватила Полину; она бросилась на шею къ Лазару и отъ души, подъ вліяніемъ искренняго порыва, пожелала ему спокойной ночи. Дѣвушку радовало, что Лазаръ опять будетъ жить въ своей большой *комнатѣ, что она можетъ слышать, какъ онъ ходитъ взадъ и впередъ, вспоминая прошлое...* Она сама отдалась этимъ вос-

поминаніямъ. Онѣ не давали ей заснуть и она чувствовала себя счастливой, что эти думы о прошломъ раздѣляются товарищемъ дѣтства.

На другой день Лазаръ откровенно разговорился съ Полиной и она мало по малу узнала всю жизнь кузена. Теперь она начала уже разспрашивать его, не стѣсняясь и не боясь раздражить Лазара. Какъ они живутъ съ Луизой, все такъ же счастливо? Лазаръ отвѣчалъ утвердительно, но вслѣдъ затѣмъ началъ жаловаться на мелкія непріятности и разсказывать о ничтожныхъ событіяхъ, которыя служили поводомъ къ ссорамъ и дрязгамъ.

Семейная жизнь молодыхъ супруговъ была счастлива, но безпрестанное столкновеніе двухъ темпераментовъ, неспособныхъ къ гармоніи, — возбуждало вспышки. Ощущеніе раздраженія постоянно точило обоихъ супруговъ и они сердились другъ на друга за взаимныя ошибки. Запасъ любви, который казался имъ сначала неистощимымъ, какъ-то вдругъ исчезъ и оба они, Лазаръ и Луиза, чувствовали взаимное раздраженіе.

Въ первое мгновеніе Полина подумала, что источникомъ такого раздраженія были денежныя потери. Но она ошибалась; Лазаръ не нуждался въ деньгахъ; ихъ доходъ въ десять тысячъ франковъ оставался почти нетронутымъ. Лазаръ сказалъ, что ему просто опротивѣли его новыя занятія, также какъ прежде ему надоѣли музыка, медицина и заводъ. Разъ коснувшись этого предмета, Лазаръ далъ полную волю своему негодованію. Онъ еще никогда не видѣлъ такой глупой, испорченной среды, какъ въ этомъ финансовомъ мірѣ. Онъ готовъ жить въ провинціи, при самыхъ стѣсненныхъ средствахъ, испытывая постоянную заботу о деньгахъ, только бы не вращаться въ этомъ обществѣ кулаковъ.

Нѣтъ, службу въ страховомъ обществѣ онъ долженъ былъ покинуть и теперь рѣшился испытать счастія въ качествѣ автора драматическаго произведенія. Онъ составитъ себѣ славу и отомститъ за себя. Въ своей драмѣ Лазаръ покажетъ, какъ деньги разъѣдаютъ современное общество и развращаютъ его.

Разсказъ Лазара объ испытанныхъ неудачахъ, не особенно тревожилъ Полину; ее безпокоили несогласія мужа и жены и она старалась разгадать ихъ причину.

Какъ могли эти люди, молодые, ничѣмъ не стѣсненные, не имѣвшіе никакой заботы, кромѣ своего собственнаго счастья, такъ скоро дойти до недовольства и пресыщенія?

Нѣсколько разъ Полина возвращалась къ этому вопросу и *продолжала разспрашивать* Лазара. Но она видѣла, что молодой *человѣкъ путался*, блѣднѣлъ и отворачивался. Полина увидѣла

въ его лицѣ прежнее выраженіе страха и стыда. Она поняла, что имъ опять овладѣлъ ужасъ смерти, который онъ скрывалъ и пряталъ, какъ постыдный порокъ. Но неужели этотъ холодный призракъ смерти лежалъ возлѣ него даже на брачномъ ложѣ, еще не остывшемъ отъ страстныхъ объятій?

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, Полина сомнѣвалась, но потомъ, не ожидая признанія со стороны кузена, прочитала въ глазахъ Лазара, что ей удалось узнать правду.

Какъ-то вечеромъ, Лазаръ почти бѣгомъ бросился изъ своей комнаты, встревоженный и испуганный: ему показалось, что онъ видитъ привидѣніе.

Въ Парижѣ, въ первое время лихорадочной страсти, Лазаръ какъ-то забылъ о смерти. Онъ спасался отъ нея въ объятіяхъ Луизы, и затѣмъ, утомленный, засыпалъ глубокимъ сномъ уставшаго ребенка. Сладострастная и граціозная, какъ кошечка, Луиза, казалось, была создана исключительно для культа мужчины; она любила Лазара такою же безпокойною любовью и чувствовала себя несчастной, если Лазаръ хоть на одинъ часъ переставалъ любоваться женою.

Но эта пламенная потребность удовлетворять страстное желаніе, это влеченіе забывать обо всемъ остальномъ — продолжались до тѣхъ поръ, пока молодымъ супругамъ казалось, что ихъ чувственныя наслажденія безконечны. Но затѣмъ, когда явилось пресыщеніе, а Лазаръ понималъ, что не можетъ возвратить опьяненія первыхъ дней,—на него стала находить скука. Луиза не умѣла придать Лазару мужества. Чувствуя только потребность въ ласкахъ, не требуя и не умѣя давать сама ничего другаго,— эта молодая и хорошенькая женщина не могла служить опорой для своего мужа. Неужели эти наслажденія такъ коротки? Неужели нельзя безпрерывно возвращаться къ нимъ, постоянно открывая новыя ощущенія и, такимъ образомъ, поддерживать иллюзію счастья?

Какъ-то разъ, ночью, Лазаръ неожиданно проснулся, испуганный холоднымъ дыханіемъ знакомаго призрака. Онъ затрепеталъ отъ ужаса и изъ груди его вырвался страшный мучительный крикъ:

— Боже мой! Я умираю, умираю!

Луиза спала рядомъ. Онъ разбудилъ молодую женщину; но даже въ мгновеніе страстныхъ поцѣлуевъ Лазаръ чувствовалъ все тотъ же грозный призракъ смерти, стоявшій передъ нимъ.

Съ этого времени снова начались прежнія терзанія Лазара. Припадокъ страха овладѣвалъ имъ совершенно неожиданно, такъ что онъ *не могъ ни предвидѣть* его, ни отвратить. Холодная *дрожь потрясала его внезапно* въ минуты самаго спокойнаго на-

строенія. Кромѣ того, эти припадки уже не ограничивались прежнимъ кратковременнымъ потрясеніемъ; нервное страданіе усиливалось съ каждымъ днемъ. Каждый новый приступъ страха производилъ разрушающее впечатлѣніе на организмъ Лазара. Теперь Лазаръ уже не могъ спать безъ ночника: темнота увеличивала его волненіе, хотя онъ всѣми силами старался скрыть отъ жены свой ужасный недугъ. Такое стремленіе еще болѣе усиливало муки Лазара: прежде, когда онъ спалъ одинъ, ему не нужно было скрывать своей трусости, но теперь возлѣ него лежало живое существо; онъ чувствовалъ теплое прикосновеніе Луизы и безпокоился еще сильнѣе. Вскочивъ съ постели, подъ вліяніемъ ужаснаго видѣнія, Лазаръ испуганно смотрѣлъ на Луизу, какъ бы боясь увидѣть ее тоже пробудившеюся, съ широко раскрытыми и устремленными на него глазами. Но Луиза не шевелилась. При свѣтѣ ночника Лазаръ могъ разсмотрѣть ея неподвижное лицо, ея глаза съ темными синеватыми вѣками и тогда успокоивался. Но разъ, ночью, онъ увидѣлъ то, чего боялся. Луиза лежала съ раскрытыми глазами и молча смотрѣла, какъ онъ дрожитъ. Молодая женщина какъ-то инстинктивно угадала причину волненія Лазара и прижалась къ мужу, какъ-бы ожидая отъ него помощи. Черезъ мгновеніе, желая обмануть другъ друга, они начали разсказывать, что слышали въ комнатѣ чьи-то шаги, притворились испуганными и, вставъ съ постели, стали осматривать каждый уголокъ спальни. Съ этого момента мучительный страхъ смерти неотступно преслѣдовалъ Лазара и Луизу, хотя они не признавались въ этомъ другъ другу и хранили свою позорную тайну, никогда не упоминая о ней ни однимъ словомъ.

Ночью, лежа на спинѣ, съ раскрытыми глазами, Лазаръ и Луиза ясно читали мысли другъ друга. Луиза была такая же нервная, какъ и Лазаръ, и безотчетный страхъ мужа дѣйствовалъ на нее, какъ заразительная болѣзнь. Иногда Лазаръ просыпался въ то мгновеніе, когда Луиза спала и со страхомъ заглядывалъ въ лицо жены. Ему казалось, что она не дышетъ. Можетъ быть, она умерла? Лазаръ съ тревогой всматривался въ ея лицо, цѣловалъ ея руки... И затѣмъ, даже успокоившись, долго еще не могъ заснуть. Мысль, что Луиза когда нибудь умретъ, возбуждала мрачное ощущеніе Лазара. Онъ спрашивалъ себя: кто изъ нихъ умретъ первый—онъ или она? И молодой человѣкъ принимался ревностно развивать такую гипотезу: картина смерти ярко вставала передъ нимъ; онъ вспоминалъ ужасныя муки агоніи, представлялъ себѣ послѣдніе обряды религіи со всѣми аттрибутами *безжалостной*, вѣчной разлуки, и все его существо возмущалось. *Какъ*, думалъ онъ, разстаться навсегда, навсегда, *проживъ столько времени* одною общею жизнью?...

Лазаръ чувствовалъ, что разсудокъ его колеблется; въ такія минуты нервнаго страха въ немъ просыпалось мужество: ему хотѣлось умереть первымъ. Иногда, чтобы прогнать эти мучительныя думы, Лазаръ осторожно наклонялся къ женѣ и обнималъ ее, стараясь въ то же время не разбудить молодую женщину. Но долго держать ее въ объятьяхъ онъ былъ не въ состояніи. Ощущеніе теплаго тѣла, находившагося въ его рукахъ, являлось для него причиной новаго страха. Если Лазаръ клалъ голову на грудь жены и прислушивался къ біенію ея сердца, то его тревожила неотвязная мысль, что вотъ-вотъ біеніе сейчасъ прекратится и навсегда умолкнетъ. Когда Луиза просыпалась и за моментомъ опьяненія страсти наступала жалкая дѣйствительность,—Лазаръ снова отдавался малодушному страху, не имѣя силъ сомкнуть глазъ. Въ тѣни алькова, передъ его широко раскрытыми глазами постоянно стоялъ призракъ смерти. Съ этого времени Лазару надоѣли всѣ дѣловыя занятія. Онъ проводилъ цѣлые дни въ полнѣйшей праздности, оправдывая свою лѣнь презрѣніемъ къ людямъ, отдающимъ всю свою жизнь денежнымъ спекуляціямъ. Но истинная причина праздности Лазара заключалась въ томъ, что его угнетала постоянная мысль о смерти. Вопросъ: къ чему? становился поперегъ дороги. Стоило-ли хлопотать, волноваться, придавать большое значеніе своимъ дѣламъ, когда не сегодня, такъ завтра наступитъ послѣдній часъ жизни. Тогда всему конецъ. Вся жизнь Лазара была ничто иное, какъ медленный процессъ умиранія, къ которому онъ по прежнему прислушивался, какъ къ движенію часоваго механизма. Лазаръ замѣчалъ, что вращеніе колесъ жизни все болѣе и болѣе замедлялось. Теперь его сердце билось уже не такъ скоро, функціи другихъ органовъ совершались болѣе лѣниво и Лазаръ понималъ, что скоро все это остановится. Онъ съ содроганіемъ слѣдилъ за постепеннымъ потуханіемъ жизни. Подъ вліяніемъ безжалостнаго времени, его организмъ безпрерывно разрушался: начали выпадать волосы, во рту недоставало нѣсколькихъ зубовъ, мускулы становились дряблыми, какъ будто разрушаясь и превращаясь въ прахъ. Приближеніе сорокалѣтняго возраста погружало Лазара въ мрачную меланхолію: онъ воображалъ, что страдаетъ безнадежно-опасной болѣзнью. Каждый разъ, когда Лазаръ узналъ о смерти кого нибудь изъ бывшихъ товарищей, это извѣстіе потрясало его.

— Странно, неужели этотъ человѣкъ умеръ? вѣдь онъ былъ тремя годами моложе его, и, главное, пользовался такимъ крѣпкимъ здоровьемъ, что обѣщалъ прожить сто лѣтъ!... А этотъ благоразумный, *осторожный* человѣкъ, живущій по всѣмъ правиламъ гигіены, *тоже* вдругъ свихнулся...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, Лазаръ ни о чемъ не могъ думать Ошеломленный этою неожиданною катастрофой, онъ еще внимательнѣе начиналъ изслѣдовать самого себя, копаясь въ своихъ болѣзняхъ.

Онъ даже началъ злиться на бѣдныхъ мертвецовъ. Чувствуя потребность хоть чѣмъ нибудь разсѣять свои опасенія, Лазаръ старался увѣрить себя, что они умирали по собственной винѣ, позволивъ себѣ какую нибудь непростительную неосторожность. Правда, такія обвиненія почти не облегчали душевнаго состоянія Лазара; назойливый призракъ стоялъ передъ его глазами и холодный потъ выступалъ на лбу Лазара, при мысли о неизбѣжномъ концѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Лазаръ пересталъ ходить на службу, въ домѣ начались ссоры и непріятности. Малѣйшее препятствіе раздражало Лазара и онъ выходилъ изъ себя. Возрастающій недугъ, который Лазаръ такъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ, началъ проявляться внезапными вспышками, мрачнымъ настроеніемъ и какою-то странною боязливостью. Одно время страхъ пожара такъ сильно преслѣдовалъ Лазара, что онъ рѣшился переѣхать изъ четвертаго этажа во второй, разсчитывая на возможность спастись, еслибы домъ загорѣлся. Постоянная забота о завтрашнемъ днѣ—отравляла всякую радость въ настоящемъ. Лазаръ жилъ въ ожиданіи несчастья: онъ вздрагивалъ, если дверь отворялась слишкомъ быстро, если приносили какое нибудь письмо, или задавали ему вопросъ. Одновременно съ этимъ, у Лазара явилось крайнее недовѣріе ко всѣмъ. Онъ пряталъ деньги въ разныхъ мѣстахъ, раздѣливъ ихъ на небольшія суммы, и держалъ въ тайнѣ самыя незначительныя случайности своей жизни. Вмѣстѣ съ этимъ, у Лазара развилось чувство горечи и злобы противъ всѣхъ людей вообще: онъ былъ убѣжденъ, что всѣ неудачи, испытанныя имъ, явились результатомъ заговора, составленнаго противъ него обществомъ и условіями жизни. Лазаръ страдалъ скептической скукой современнаго поколѣнія. Но это не была романтическая скука Вертера. Нѣтъ, это была скука новыхъ героевъ, молодыхъ ученыхъ, которые негодуютъ, объявляя весь міръ никуда негоднымъ, потому что имъ не удалось открыть тайну жизни на днѣ своихъ ретортъ.

Беременность жены сдѣлалась источникомъ новыхъ терзаній для Лазара. Въ первое время, когда онъ только узналъ объ этомъ событіи, невыразимое чувство радости охватило душу Лазара.

Мысль, что онъ будетъ отцомъ, что онъ создастъ новую жизнь—*вызывала въ немъ* чувство гордости. Но вскорѣ это блаженное *состояніе было* отравлено. Лазаръ началъ мучиться предчувствіемъ, *что роды* будутъ несчастливы, что мать погибнетъ, а ребе-

нокъ даже совсѣмъ не родится. Въ первый же мѣсяцъ беременности Луизы, у нея явились разныя болѣзненныя осложненія, и привычное теченіе семейной жизни разстроилось. Поводы къ ссорамъ появлялись чаще и все это вмѣстѣ еще болѣе способствовало угнетенному настроенію Лазара. Жалобы Луизы на какія то неопредѣленныя болѣзненныя ощущенія—раздражали Лазара. И этотъ ребенокъ, который долженъ былъ сблизить супруговъ, напротивъ, началъ содѣйствовать появленію раздоровъ и столкновеній на узкомъ полѣ семейнаго общежитія.

Когда докторъ сказалъ. что Луизѣ слѣдовало бы пожить въ горной мѣстности, Лазаръ радостно ухватился за эту мысль и отвезъ жену къ невѣсткѣ, сказавъ, что ему необходимо навѣстить отца въ Боневилѣ. Въ глубинѣ души Лазаръ стыдился своего бѣгства и пытался оправдать этотъ поступокъ, говоря, что временная разлука успокоитъ ихъ нервы, а во время родовъ, когда его присутствіе необходимо, онъ будетъ возлѣ Луизы.

Въ тотъ вечеръ, когда Полина наконецъ узнала всѣ подробности семейной жизни Лазара и могла составить себѣ полную картину его отношеній къ женѣ—она была поражена. Разговоръ происходилъ въ столовой; дядя Шанто уже лежалъ въ своей кровати, а Лазаръ и Полина сидѣли вдвоемъ передъ остывшимъ чайникомъ и догоравшей лампой.

Нѣсколько времени Лазаръ и Полина молчали, наконецъ дѣвушка сказала:

— Боже мой! Да вѣдь вы не любите другъ друга!

Лазаръ засмѣялся нервнымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ... мы любимъ настолько, насколько вообще возможно любить... Я вижу, дитя мое, продолжалъ онъ, — что ты, живя въ этомъ захолустьѣ, осталась въ прежнемъ блаженномъ невѣдѣніи... Почему ты воображаешь, что любовь должна быть прочнѣе всего остальнаго?

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Полина чувствовала себя подавленной.

«Неужели чаша испытанія еще не исчерпана?» Она воображала, что все кончено и для нея и для другихъ, что, пожертвовавъ своимъ счастьемъ и отдавъ Лазара Луизѣ—она устроила благополучіе любимаго человѣка. Но вдругъ теперь оказывается, что жертва ея безполезна. Они не любятъ другъ друга! Значитъ, ея слезы лились напрасно. Напрасно сердце ея обливалось кровью мученицы. Такъ вотъ тотъ жалкій результатъ, къ которому она пришла послѣ всѣхъ тревогъ и терзаній. Теперь опять начнутся муки и борьба. Неужели же нѣтъ конца человѣческихъ страданій? Неужели она всегда будетъ переживать эту страшную тревогу?

Гнетущая тоска сжимала сердце дѣвушки въ минуты такихъ

размышленій. Ночные часы медленно тянулись, но Полинѣ и въ голову не приходило броситься въ постель и заснуть. Передъ ея глазами вставали картины за картинами и дѣвушка почти безсознательно смотрѣла впередъ, забывая настоящее. Полинѣ казалось, что она жена Лазара и передъ нею проносились сцены ихъ общей жизни, переполненной взаимною любовью.

Вотъ они живутъ въ Боневилѣ, на берегу безконечнаго моря. Или нѣтъ, въ Парижѣ, на шумной улицѣ... Тамъ, въ ихъ маленькой комнатѣ, царитъ тишина: вездѣ разбросаны книги, на столѣ стоятъ букеты цвѣтовъ и свѣтъ лампы заливаетъ всю комнату.

Счастливые мужъ и жена сидятъ вмѣстѣ. Какъ имъ хорошо! Къ Лазару вернулось безпечное веселье молодости, исчезли всѣ былые страхи... Въ заранѣе опредѣленный часъ, мужъ и жена садятся завтракать; потомъ они расходятся, каждый по своему дѣлу.

Полина умилялась, думая объ этихъ мелочахъ семейнаго счастья, и какъ бы переживала день за днемъ всю жизнь Лазара. Вставъ утромъ, мужъ и жена обмѣнивались веселыми поцѣлуями; вечеромъ они нѣжно обнимали другъ друга...

Наступило лѣто. Мужъ и жена отправились путешествовать... Затѣмъ, какъ-то утромъ Полинѣ показалось, что она беременна...

Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу дѣвушки и воздушные замки мгновенно исчезли. Полина очнулась. Она сидѣла въ своей комнатѣ передъ догорѣвшей свѣчей.

— Беременна... Боже мой! какъ можно! Нѣтъ *не она* беременна, а другая... Полина никогда, никогда не извѣдаетъ радости материнства!

Пробужденіе Полины было такъ жестоко, такъ горько, что слезы брызнули изъ ея глазъ, и она долго рыдала, уткнувшись головой въ подушки.

Послѣ этой ночи, проведенной въ лихорадочномъ бреду и въ мучительной душевной борьбѣ, Полина начала нѣсколько иначе относиться къ Лазару и его женѣ. Она какъ будто повеселѣла и стала обращаться съ кузеномъ какъ прежде, въ дни далекаго дѣтства.

— Брось ты свою драму, говорила Полина, подходя къ Лазару, когда онъ сидѣлъ за работой.—Стоитъ-ли тратить на нее столько времени. Я могу тебя увѣрить, милый, что ее освищутъ. Знаешь что, помоги-ка мнѣ лучше поискать, куда дѣлся мой клубокъ.... Не затащила-ли Минушъ его въ шкафъ?

И пока дѣвушка влѣзала на стулъ, чтобъ посмотрѣть на верхней полкѣ шкафа, не завалился-ли туда клубокъ, Лазаръ держалъ спинку стула.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ дней, шелъ безпрерывный дождь *и молодые люди* принуждены были сидѣть въ большой комнатѣ.

Всякая вещь, напоминавшая о прошломъ, возбуждала смѣхъ и веселый разговоръ между Лазаромъ и его кузиной.

— Посмотри Полина, вотъ кукла, которую ты сдѣлала изъ моихъ старыхъ воротничковъ..... А это, помнишь? Неужели нѣтъ? Это портретъ, который я нарисовалъ съ тебя въ ту минуту, когда ты ревѣла, какъ уличная дѣвчонка.... Помнишь, ты разсердилась, зачѣмъ я не далъ тебѣ бритвы.

Среди такихъ разговоровъ Полина не разъ хвасталась, что съумѣетъ по прежнему вскочить однимъ прыжкомъ на столъ. Это подзадоривало Лазара и онъ тоже принимался прыгать, крайне довольный, что Полина мѣшаетъ ему работать. Съ этого дня его драма была спрятана въ ящикѣ письменнаго стола.

Молодые люди вели веселую, подвижную жизнь. Они рыскали по всему дому, гоняясь другъ за другомъ, какъ школьники, вырвавшіеся на свободу; безпрестанно спускались и поднимались на лѣстницу, бродили по всѣмъ комнатамъ и громко хлопали дверями. Имъ казалось, что снова вернулись прежніе дни горячей дружбы. Теперь ей было десять лѣтъ, а ему девятнадцать, и они по прежнему страстно любили другъ друга. Когда погода исправилась и вѣтеръ разсѣялъ темныя тучи, молодые люди стали выходить изъ дому на террасу, въ огородъ и гуляли по скаламъ. Исчезнувшая молодость снова возвращалась.

— Пойдемъ ловить креветокъ, кричала Полина утромъ, едва вскочивъ съ постели и подходя къ перегородкѣ.—Сегодня отливъ.

Лазаръ соглашался и молодые люди отправлялись къ берегу и проводили цѣлые часы на старыхъ скалахъ, почти не измѣнившихъ своихъ очертаній.

Оба такъ хорошо помнили мѣстность, какъ будто вчера еще ходили здѣсь.

— Берегись, Полина, тамъ яма. Помни, здѣсь дно усѣяно камнями.

Но Полина успокоивала кузена.

— Не бойся, я хорошо знаю всѣ опасныя мѣста.... Посмотри: какого громаднаго краббa я поймала.

Какъ хорошо и отрадно проходило время на берегу моря! Рѣзкій вѣтеръ, насыщенный частицами соли, опьянялъ и веселилъ молодыхъ людей. Они то отдыхали на песчаномъ берегу, то прятались въ глубину грота, то глухими тропинками бродили по скаламъ. Прошлое вставало передъ ними, сладко напоминая старую привязанность и пробуждая нѣжное чувство, дремавшее въ нихъ. Спокойно, безъ тревогъ и волненій, тянулись дни за днями. Лазаръ уже гостилъ третью недѣлю въ Боневилѣ, и, по-видимому, *совершенно забылъ* думать объ отъѣздѣ, хотя Луиза *писала ему, что чрезвычайно* скучаетъ въ разлукѣ. Отвѣчая

женѣ, Лазаръ убѣждалъ ее остаться подольше въ Клермонѣ, говоря, что гористый воздухъ хорошо повліяетъ на ея здоровье, и подкрѣплялъ свое мнѣніе авторитетомъ доктора Казэнева, съ которымъ, дѣйствительно, совѣтовался о здоровьѣ жены. Иногда длинныя прогулки Лазара и Полины разнообразились неожиданными приключеніями.

Какъ-то разъ, возвращаясь домой, молодые люди нарочно свернули съ тропинки, пролегавшей вдоль берега, чтобы не проходить мимо завода. Но случай, какъ нарочно, заставилъ ихъ столкнуться съ Бутиньи. Занимаясь производствомъ соды, Бутиньи сильно разбогатѣлъ и сдѣлался важной особой. Онъ женился на той женщинѣ, которая такъ самоотверженно рѣшилась жить съ нимъ въ этой волчьей ямѣ, и недавно у нихъ родился третій ребенокъ. Все семейство Бутиньи, въ сопровожденіи лакея и кормилицы, ѣхало въ великолѣпной коляскѣ, запряженной парой бѣлыхъ лошадей. Лазаръ и Полина должны были пріостановиться и прижаться къ откосу насыпи, чтобъ колеса экипажа не проѣхали по ихъ ногамъ. Бутиньи правилъ самъ. Увидавъ Лазара, онъ сдержалъ лошадей и поѣхалъ шагомъ. Въ первую минуту всѣ почувствовали нѣкоторую неловкость, такъ какъ знакомство между Лазаромъ и Бутиньи прекратилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но когда взгляды бывшихъ компаньоновъ встрѣтились, обѣ стороны обмѣнялись поклономъ.

Когда экипажъ скрылся изъ глазъ, Лазаръ поблѣднѣлъ и проговорилъ съ усиліемъ:

— Однако... этотъ господинъ живетъ, какъ настоящій князь.

Полина, на которую видъ крошечныхъ и свѣжихъ дѣтей произвелъ подавляющее впечатлѣніе, кротко отвѣчала:

— Да, говорятъ, что заводъ идетъ очень хорошо... Онъ даетъ огромные доходы. Ты вѣдь знаешь, Бутиньи продолжаетъ начатые тобою опыты.

Эти слова Полины раздражили Лазара. Боневильскіе рыбаки, ощущавшіе особенное наслажденіе дѣлать Лазару всякія непріятности, часто и охотно разсказывали о тѣхъ замѣчательныхъ успѣхахъ, которыхъ достигъ Бутиньи. Они говорили, что недавно собственникъ завода пригласилъ молодаго химика и началъ обработку соли изъ водорослей. Благодаря практичности и благоразумной настойчивости, Бутиньи добился превосходныхъ результатовъ.

Прогулка молодыхъ людей была испорчена этой встрѣчей. Они шли молча, задумчиво устремивъ взоры на далекій горизонтъ, смотря, какъ съ моря поднимаются сѣрые клубы тумана и медленно ползутъ блѣдной пеленой по небесному склону.

Въ другой разъ, пробираясь по узкой тропинкѣ среди поля, *засѣяннаго свекловицей*, молодые люди вдругъ остановились: они *замѣтили избушку*, изъ крыши которой валилъ дымъ. Это былъ по-

жаръ. Лучи солнца, падавшіе вертикально, мѣшали видѣть пламя, и домъ, въ которомъ двери и окна были заперты, загорѣлся, пока крестьяне работали гдѣ-то недалеко, въ окрестностяхъ деревни. Лазарь и Полина бросились бѣжать по направленію къ дому, громко зовя на помощь. Вдалекѣ, на полосѣ земли, засѣянной картофелемъ, показалась какая-то женщина, повязанная платкомъ. Она посмотрѣла на горящій домъ и опрометью бросилась бѣжать по распаханному полю, жестикулируя и громко крича какія-то слова. Разобрать, что именно кричала женщина,— не было никакой возможности, такъ какъ звуки съ трудомъ вырывались изъ ея горла. Полина видѣла, какъ женщина упала, зацѣпившись за что-то; потомъ она вскочила, снова упала и, поднявшись, продолжала бѣжать къ дому, высоко поднимая окровавленныя руки. Платокъ соскользнулъ съ головы женщины и ея волосы расплелись и развивались по вѣтру.

— Что такое она кричитъ? прошептала Полина, охваченная страхомъ.

Женщина наконецъ приблизилась, и Полина могла понять ея хриплый крикъ, похожій на ревъ дикаго звѣря:

— Ребенокъ! ребенокъ!

Мужчины, отецъ и сынъ, съ утра ушли на работу въ поле, а женщина осталась дома. Она только что вышла въ огородъ, чтобъ накопать картофелю, и оставила въ люлькѣ спящаго ребенка. Она никогда не запирала комнаты, но сегодня, какъ нарочно, сдѣлала это. По всей вѣроятности, огонь тлѣлъ уже давно, но женщина клялась, что уходя изъ дому, загасила все до послѣдняго уголька. Крыша избушки ярко пылала и пламя высоко поднималось надъ нею, врываясь красными волнами въ прозрачную атмосферу солнечнаго свѣта.

— Вы, значитъ, заперли на ключъ комнату? спросилъ Лазарь.

Женщина не поняла его вопроса. Она металась, какъ сумасшедшая, бѣгая вокругъ дома, въ надеждѣ найти какой нибудь выходъ. Затѣмъ она опять упала на землю и ея старое, блѣдное лицо было искажено ужасомъ и отчаяніемъ.

—Ребенокъ! ребенокъ! ребенокъ! продолжала кричать женщина.

Крупныя слезы навернулись на глазахъ Полины. Этотъ крикъ потрясъ Лазара, возбуждая въ немъ какое-то особенное тягостное чувство. Наконецъ молодой человѣкъ не выдержалъ.

— Я пойду за ея ребенкомъ, вскричалъ онъ.

Полина съ ужасомъ взглянула на Лазара; она пыталась схватить его за руку и удержать.

— Ты... нѣтъ, нѣтъ, я не пущу тебя! Я не хочу. Крыша сейчасъ можетъ обрушиться.

— *Нѣтъ, нѣтъ, ничего,*—просто отвѣчалъ Лазарь.

Затѣмъ, обращаясь къ женщинѣ, онъ закричалъ:

— Гдѣ у васъ ключъ? Дайте мнѣ ключъ!

Но старуха безсмысленно смотрѣла на Лазара и, казалось, ничего не понимала. Молодой человѣкъ растолкалъ, растормошилъ ее и, получивъ ключъ, спокойнымъ шагомъ направился къ горящему дому.

Полина слѣдила за нимъ пристальнымъ взглядомъ, подавленная страхомъ и изумленіемъ. Лазаръ былъ спокоенъ, какъ человѣкъ, совершающій самое обыкновенное, естественное дѣло. Горящіе клочья соломы огненнымъ дождемъ сыпались съ крыши, и когда Лазаръ началъ отпирать дверь, ему пришлось плотно прижаться къ ней, чтобы спастись отъ этого потока искръ.

Вложивъ ключъ въ замокъ, Лазаръ долго не могъ повернуть его; ключъ заржавѣлъ и не поворачивался. Лазаръ настойчиво добивался своей цѣли, и наконецъ, когда дверь уступила, молодой человѣкъ долженъ былъ остановиться на порогѣ, чтобъ дать выйти первому облаку дыма, яростно хлынувшему ему въ лицо. Никогда, до сихъ поръ, Лазару еще не приходилось обнаруживать такого удивительнаго хладнокровія: съ увѣренностью, ловко и благоразумно, молодой человѣкъ дѣйствовалъ какъ бы во снѣ, не отдавая себѣ отчета и не сознавая, что при малѣйшей неосторожности — ему грозитъ страшная опасность. Наклонивъ голову, Лазаръ вошелъ въ горящую избу и скрылся.

— Боже мой! Боже мой! шептала Полина, задыхаясь отъ ужаса.

Дѣвушка сложила руки и, крѣпко сжимая ихъ, качала ими, какъ больная, подъ вліяніемъ невыносимыхъ страданій. Крыша трещала и мѣстами уже проваливалась; Полинѣ казалось, что Лазару не суждено возвратиться назадъ, что она цѣлую вѣчность стоитъ здѣсь въ этомъ мучительномъ ожиданіи конца его подвига.

Увидавъ, что баринъ скрылся, что онъ вошелъ въ горящій домъ, женщина, сидѣвшая на землѣ, какъ то сразу замолкла и устремила неподвижный взоръ туда же, куда смотрѣла Полина. Раздался страшный потрясающій крикъ. Видя, что крыша рухнула, Полина не выдержала и мучительный стонъ вырвался изъ ея груди:

— Лазаръ!

Онъ стоялъ на порогѣ избушки съ опаленными волосами и, подавая женщинѣ ребенка, почти съ досадой вскрикнулъ, обращаясь къ Полинѣ:

— Ну, что такое? Изъ-за чего ты такъ тревожишься?

Дѣвушка бросилась къ нему на шею, судорожно рыдая. *Лазаръ испугался.* Онъ усадилъ Полину на старый, обросшій *мохомъ камень,* возлѣ колодца, и старался успокоить ее. Черезъ

гновеніе онъ почувствовалъ, что его собственныя силы готовы
змѣнить ему. Возлѣ колодца стоялъ большой чанъ, наполнен-
ый водою, и Лазаръ съ наслажденіемъ опустилъ въ него руки.
ріятное ощущеніе холода заставило его очнуться и онъ только
перь могъ отдать ясный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ,
еужели онъ входилъ въ этотъ ярко пылающій домъ? Казалось,
ее существо Лазара раздвоилось: онъ ясно видѣлъ себя среди
гня и дыма пожарища, но, удивляясь своей ловкости, относил-
я къ ней, какъ къ поступку совершенно посторонняго человѣ-
а. Ощущеніе недавняго одушевленія наполняло душу молодаго
еловѣка какою-то особенною, неизвѣданною радостью.

Осмотрѣвъ руки кузена, Полина нѣсколько оправилась.

— Я удивляюсь, что тебѣ обошлось такъ легко это путеше-
ствіе. Ожоги не велики, но все-таки, Лазаръ, пойдемъ скорѣе
омой, я наложу тебѣ повязку. Боже мой, какъ ты меня испу-
алъ!

Помочивъ въ воду свой носовой платокъ, Полина обернула
мъ правую руку Лазара; затѣмъ оба они подошли къ женщинѣ
начали утѣшать ее. Въ первый моментъ, когда Лазаръ подалъ
атери ребенка, она расцѣловала его съ горячностью, а потомъ,
оложивъ возлѣ себя малютку, даже не смотрѣла на него. Не
пуская глазъ съ пылающаго дома, женщина кричала и выла, съ
икимъ отчаяніемъ спрашивая себя: что она скажетъ мужу и сы-
у, когда, вернувшись домой, они увидятъ только развалины сво-
й хижины.

— Полноте, милая, не убивайтесь такъ, сказала Полина.—
ридите завтра ко мнѣ; мы потолкуемъ и я посмотрю, что мож-
о будетъ сдѣлать.

Между тѣмъ сбѣжались сосѣди, привлеченные видомъ огня и
аспространившимся дымомъ. Полина увела Лазара домой. У нихъ
боихъ на душѣ было какъ-то особенно легко и пріятно. Лазаръ
е чувствовалъ ни малѣйшей боли, но, по желанію Полины, дол-
енъ былъ опираться на ея руку. Не успѣвъ оправиться отъ пере-
итаго волненія, молодые люди не находили словъ для разговора
только, молча, улыбались другъ другу.

Полина чувствовала себя безконечно счастливой и гордилась
одвигомъ Лазара. Вотъ онъ какой храбрый и смѣлый, не смотря
а то, что блѣднѣетъ при одной мысли о смерти.

Когда Лазаръ и Полина вернулись домой, молчаливое настро-
ніе исчезло и они стали шумно и весело болтать. Малѣйшія
одробности подвига воскресали въ ихъ памяти, и они по
адцати разъ разсказывали другъ другу свои ощущенія, припоми-
ая новые забытые *факты*. Это приключеніе долго служило темой
я разговора и погорѣвшей семьѣ было выдано щедрое пособіе.

Лазаръ жилъ въ Бонвилѣ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ вдругъ получено было новое письмо отъ Луизы, въ которомъ молодая женщина говорила, что приходитъ въ отчаяніе отъ скуки. Лазаръ отвѣчалъ, что въ началѣ слѣдующей недѣли заѣдетъ за нею. Между тѣмъ погода опять измѣнилась и пошли сильные дожди. Лазаръ объявилъ, что намѣренъ серьезно приняться за работу и окончить свою драму. Онъ просилъ Полину сидѣть возлѣ него, говоря, что она помогаетъ ему работать своимъ присутствіемъ, и дѣвушка приходила въ комнату кузена вязать маленькіе чулочки, которые потомъ раздавались деревенскимъ дѣвочкамъ. Но едва Полина садилась возлѣ Лазара, какъ онъ переставалъ писать и они начинали бесѣдовать между собою вполголоса, пристально смотря въ глаза другъ другу. Имъ было такъ хорошо среди тишины, царствовавшей въ домѣ и наводившей на нихъ какую-то сладкую истому.

Въ минуты, когда разговоръ обрывался, Лазаръ и Полина краснѣли. Въ эти мгновенія, каждое слово пріобрѣтало значеніе ласки, и въ душѣ дѣвушки пробуждалось чувство, которое она еще недавно считала похороненнымъ навсегда.

Какъ-то вечеромъ, Полина до полуночи сидѣла въ комнатѣ Лазара. Она вязала чулки, а Лазаръ, бросивъ перо, разсказывалъ ей сюжеты своихъ будущихъ литературныхъ произведеній. Въ домѣ царствовала мертвая тишина, нарушавшаяся только монотоннымъ и обычнымъ шумомъ прилива.

Мало по малу разговоръ перешелъ на другіе предметы, и Лазаръ раскрывалъ передъ Полиной всю свою душу, признаваясь въ своемъ неумѣніи устроить жизнь. Если мечты о литературной дѣятельности тоже не осуществятся, то Лазару не останется ничего болѣе, какъ сдѣлаться отшельникомъ, удалиться въ какой нибудь забытый уголокъ земли.

— Знаешь что? съ задумчивой улыбкой заговорилъ онъ. Я часто думаю, что намъ слѣдовало навсегда покинуть родину.

— Какъ покинуть родину? спросила Полина.

— Да такъ... Бросить все и преспокойно уѣхать куда нибудь далеко, очень далеко, напримѣръ въ Океанію, на одинъ изъ тѣхъ острововъ, гдѣ живется такъ хорошо...

— А твоего отца мы тоже съ собой бы взяли?

— Ахъ, полно, вѣдь я тебѣ разсказываю свои мечты... Неужели человѣкъ не имѣетъ права хотя въ воображеніи рисовать себѣ пріятную жизнь, если дѣйствительность такъ печальна и не даетъ ничего хорошаго.

Лазаръ отошелъ отъ стола и сѣлъ на ручку кресла, въ которомъ сидѣла Полина. Она оставила свое вязанье и отъ души смѣялась, *слѣдя за* неугомоннымъ полетомъ фантазіи этого взрослаго *ребенка. Откинувъ* голову на спинку кресла, дѣвушка, молча, смо-

трѣла на Лазара. Между тѣмъ онъ близко придвинулся къ ней, такъ близко, что она чувствовала теплоту его плечъ.

— Ты, право, съ ума сошелъ, Лазаръ, говорила Полина.—Не понимаю, что бы мы стали дѣлать на этомъ островѣ?

— Да ничего особеннаго; просто жили бы. Помнишь, милая, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, мы читали вмѣстѣ съ тобой описанія разныхъ путешествій. Подумай, Полина, вѣдь тамъ, въ Океаніи, можно жить, какъ въ раю: зимы никогда не бываетъ, небо вѣчно голубое, тамъ вся жизнь проходила бы подъ лучами палящаго солнца, при блескѣ звѣздъ. Мы выстроили бы себѣ хижину, питались бы вкусными плодами, а главное—не знали бы никакихъ заботъ и печалей...

— Однимъ словомъ, превратились бы въ дикарей, носили кольца въ носу и пучки перьевъ на головѣ, перебила Полина.

— Такъ что же... Мы жили, бы не считая дней, не отдавая себѣ отчёта во времени, всецѣло отдаваясь любви... Право, такая жизнь очень заманчива.

Полина посмотрѣла на Лазара. Вѣки ея глазъ то опускались, то поднимались, и по тѣлу пробѣгала нервная дрожь; лицо дѣвушки слегка поблѣднѣло. Мысль о возможности такой любви не разъ закрадывалась въ сердце Полины и наполняла все существо ея сладостной негой. Лазаръ взялъ руку кузины, покоряясь потребности обладать хоть чѣмъ нибудь, принадлежащимъ любимой дѣвушкѣ. Онъ ласкалъ эти руки, сгибая и разгибая ея тонкіе пальцы, и продолжалъ смѣяться взволнованнымъ, отрывистымъ смѣхомъ. Полина спокойно относилась къ этой ласкѣ: она понимала, что это была невинная игра, воспоминаніе о прошломъ. Кромѣ того, нравственныя силы Полины начали измѣнять ей. Дѣвушка чувствовала, что уже принадлежитъ Лазару, что ежеминутно возрастающее волненіе побѣждаетъ ее.

— Ѣсть одни фрукты, вѣдь это проголодаешься, говорила она.

— О, нѣтъ; мы стали бы заниматься охотой, ловить рыбу, обрабатывать землю...

— Говорятъ, что тамъ всѣ тяжелыя работы исполняютъ женщины... пожалуй, ты заставилъ бы меня пахать землю и вообще работать.

— Тебя! твоими маленькими лапочками? Полно, милая, тамъ есть обезьяны, а ты развѣ не слыхала, что ихъ пріучаютъ исполнять всѣ домашнія работы?

Полина засмѣялась слабымъ, замирающимъ смѣхомъ. Лазаръ продолжалъ:

— *Во-первыхъ, этихъ лапочекъ* и не существовало бы... отъ

нихъ бы ничего не осталось. Да, я бы ихъ съѣлъ. Смотри, вотъ такъ.

Лазаръ началъ цѣловать руки Полины, а затѣмъ покусывать зубами, теряя всякое самообладаніе, отъ наплыва страсти.

Теперь оба они молчали, рабски подчиняясь безумному порыву.

Раскинувшись въ креслѣ съ краснымъ разгорѣвшимся лицомъ, Полина отдавалась ласкамъ Лазара, закрывая глаза, чтобъ ничего не видѣть. Грубыя и нетерпѣливыя руки Лазара разстегнули лифъ Полины и оборвали тесемки ея юбокъ. Въ это время губы ихъ встрѣтились. Лазаръ поцѣловалъ Полину и она отвѣчала ему страстнымъ, жгучимъ поцѣлуемъ, крѣпко обнимая его шею. .

Черезъ мгновеніе она раскрыла глаза и увидѣла себя падающею на полъ. Лампа, шкафъ, потолокъ, на которомъ каждое пятнышко было ей знакомо—мелькнули передъ нею. И вдругъ она очнулась, какъ бы послѣ тяжелаго сна.

Вырвавшись изъ объятій Лазара, дѣвушка вскочила на ноги. Юбки ея спустились. Грудь была обнажена. Отчаянный крикъ вырвался изъ ея груди.

— Оставь меня, оставь, это возмутительно!

Но онъ уже не слышалъ ее, обезумѣвъ отъ страсти. Снова охвативъ Полину, Лазаръ яростно срывалъ съ нея одежду. Онъ покрывалъ горячими поцѣлуями шею и грудь дѣвушки, и она то уступала, то вновь начинала бороться, спасаясь отъ Лазара и отъ себя самой...

Лазаръ бросилъ Полину на диванъ, но она успѣла выскользнуть и на мгновеніе остановилась возлѣ него, повторяя:

— Оставь меня, оставь, прошу тебя, оставь! Это возмутительно!

. . . . . .

Лазаръ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Онъ былъ увѣренъ, что побѣда останется за нимъ, но дѣвушка такъ ловко выскользнула что ему приходилось сознаться въ пораженіи. Онъ бросился за ней и Полина едва успѣла затворить дверь, защищаясь отъ вторженія Лазара.

Наконецъ ключъ щелкнулъ и снова въ домѣ воцарилась мертвая тишина, нарушаемая только немолчнымъ звукомъ прилива. Прижавшись къ стѣнѣ, Полина стояла, дрожа всѣмъ тѣломъ. Она знала, что тамъ, за дверью, находится Лазаръ. Онъ слышитъ его дыханіе и видитъ передъ собою его глаза, сверкающіе страстью. Дѣвушка боялась пошевельнуться. Ей казалось что если она отойдетъ отъ двери, то Лазаръ напоромъ плечъ выломитъ *ее и войдетъ* побѣдителемъ. Прошла минута, двѣ; Полина *не шевелилась.* Раздѣленные тонкою деревянною перегородкою, *они, казалось,* чувствовали взаимное біеніе сердецъ.

— Полина, отвори мнѣ!.. Сжалься, послышался голосъ Лазара.

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу дѣвушки, но она не отвѣчала. Опустивъ голову, она придерживала одной рукой падающія юбки, другой закрывала обнаженную грудь.

— Полина, отвори мнѣ, ты страдаешь также, какъ и я. Отвори, умоляю тебя... Зачѣмъ намъ отказываться отъ счастья?

Полина со страхомъ слушала эти просьбы; ей казалось, что громкій голосъ Лазара разбудитъ Веронику. Но опасенія ея были напрасны: голосъ Лазара звучалъ такъ нѣжно и тихо. Это была жалобная мольба больнаго, страдающаго человѣка.

— Отвори, отвори мнѣ! продолжалъ Лазаръ. Потомъ, если ты хочешь, мы умремъ вмѣстѣ. Подумай, Полина, вѣдь мы любимъ другъ друга съ самаго дѣтства. Ты должна быть моей женою... Сама судьба хочетъ этого... Я люблю, люблю тебя!

Нервная дрожь усиливалась и каждое слово Лазара вызывало томительную боль въ сердцѣ Полины. Поцѣлуи Лазара еще горѣли на плечахъ дѣвушки и она чувствовала, что кровь кипитъ въ ея жилахъ. Полина боялась отворить дверь, сознавая, что у нея не хватитъ силъ выдержать характеръ... Лазаръ былъ правъ: она любила его. Зачѣмъ же отказываться отъ счастья и радости жизни? Никто не узнаетъ; они скроютъ ото всѣхъ свою тайну... Въ домѣ всѣ спятъ... Ночь темна. О, какъ бы хорошо очутиться возлѣ него, въ темнотѣ, близко прижавшись къ его груди. Боже мой! только бы часъ одинъ такой жизни! Она такъ хочетъ жить, жить...

— Какъ ты жестока, Полина. Ты не хочешь отвѣчать мнѣ, а я такъ несчастенъ! Полина, отвори мнѣ, отвори, умоляю тебя. Мы забудемъ весь міръ, всѣ несчастья. Отвори, я умоляю.

Послышалось рыданіе Лазара. Полина тоже заплакала, но продолжала молчать. Цѣлый часъ онъ стоялъ у дверей, умаливая, убѣждая и плача. Наконецъ, онъ началъ сердиться, бранилъ Полину, и затѣмъ снова принимался осыпать ее ласковыми названіями. Нѣсколько разъ Лазаръ отходилъ отъ дверей и, снова возвращаясь, съ удвоенной горячностью умолялъ Полину впустить его.

Наконецъ, Полина услышала, что Лазаръ ушелъ и заперся въ своей комнатѣ. Тогда дѣвушка поняла, что все кончено, и тоска овладѣла ею.

Да, все было кончено. Полина побѣдила, но эта побѣда сопровождалась такимъ жгучимъ стыдомъ, что она не рѣшалась зажечь свѣчу, боясь увидать свое тѣло. Прикосновеніе къ холодному постельному бѣлью нѣсколько освѣжило плечи и грудь дѣвушки, *на которыхъ еще* горѣли поцѣлуи Лазара, и она долго *лежала неподвижно,* какъ бы подавленная гнетомъ позора и

отвращенія къ себѣ. Полина не могла заснуть до самаго утра, упрекая и обвиняя себя за легкомысленное поведеніе: теперь она должна была сознаться въ двойственности своихъ чувствъ. Прежде она обвиняла Луизу, считала ее порочной и развращенной, а теперь сама сдѣлала то же. Полина думала, что она питала къ Лазару привязанность матери или старшей сестры, и только теперь поняла, что это чувство было ничто иное, какъ пробужденіе прежней страсти. Правдиво заглядывая въ свою душу, дѣвушка сознавалась, что въ ея сердцѣ шевельнулась радость, при мысли о разладѣ молодыхъ супруговъ, что въ глубинѣ души ея теплилась надежда когда нибудь воспользоваться этимъ разладомъ...

О, какъ она виновата! Вѣдь это она побудила Лазара вернуться къ прежнимъ отношеніямъ. Развѣ она могла такъ легкомысленно вести себя? Развѣ она не должна была предвидѣть, что такое обращеніе можетъ довести ее до паденія? Теперь дѣвушка ясно понимала весь ужасъ своего положенія. Полина уступила Лазара, а между тѣмъ они оба любятъ другъ друга...

Эти мысли томили дѣвушку. Въ первое мгновеніе она рѣшила, что завтра же уѣдетъ изъ Боневиля, но затѣмъ эта рѣшимость исчезла. Зачѣмъ такое бѣгство? думала она. Это похоже на трусость. Отчего не подождать? вѣдь Лазаръ самъ скоро уѣдетъ отсюда.

Кромѣ того, въ душѣ Полины заговорила гордость. Она рѣшилась окончательно побороть себя, задавить свою слабость и по прежнему, съ высоко поднятой головой, выносить всякія испытанія.

На другое утро, въ обычный часъ, Полина спустилась въ столовую. Она была смертельно блѣдна и ея опухшія отъ безсонницы вѣки говорили о той нравственной пыткѣ, которую перенесла дѣвушка. Когда Лазаръ вышелъ изъ своей комнаты, его лицо имѣло такой усталый видъ, что онъ принужденъ былъ сказать отцу, что слишкомъ долго просидѣлъ вчера за работой. День тянулся безконечно долго. Ни Лазаръ, ни Полина ни однимъ словомъ не намекали на происшедшее и избѣгали другъ друга, какъ бы боясь, что опять не устоятъ отъ искушенія. Но вечеромъ, остановясь въ коридорѣ передъ открытыми дверями своихъ комнатъ, чтобъ пожелать другъ другу доброй ночи, Лазаръ и Полина горячо обнялись и обмѣнялись прощальнымъ поцѣлуемъ. Вслѣдъ затѣмъ, Полина вырвалась изъ объятій кузена и заперлась въ спальнѣ, объятая ужасомъ. Лазаръ тоже убѣжалъ въ свою комнату и, рыдая, бросился въ постель.

Въ воскресенье, за обѣдомъ, Шанто былъ необыкновенно веселъ. *Онъ даже* позволилъ себѣ выпить лишнюю рюмку крас-

наго вина, хотя отлично зналъ, что ему придется дорого поплатиться за это удовольствіе.

Полина и Лазаръ провели весь день, гуляя вдоль морскаго берега, подъ яснымъ безоблачнымъ небомъ. Они нѣжно смотрѣли другъ на друга, но въ ихъ отношеніяхъ постоянно проглядывалъ тайный страхъ: они боялись снова увлечься, и это ощущеніе придавало ихъ товарищескимъ отношеніямъ какой-то оригинальный характеръ.

За обѣдомъ, всѣ трое были очень веселы и громко смѣялись. Въ концѣ обѣда Вероника появилась на порогѣ кухни и громко крикнула:

— А, вотъ и барыня!

— Какая барыня? спросила Полина.

— Какая? Извѣстно, г-жа Луиза Шанто.

Раздался возгласъ удивленія. Шанто съ тревогой посмотрѣлъ на Полину и Лазара, замѣтивъ, что оба они поблѣднѣли. Задыхаясь отъ гнѣва, Лазаръ вскочилъ съ мѣста и вскрикнулъ:

— Это еще что за новости?! Какимъ образомъ могла пріѣхать Луиза, ничего не написавъ ко мнѣ. Я бы ни за что не позволилъ этого; что это, съ ума она сошла, что-ли!

Бросивъ на столъ салфетку, Лазаръ вышелъ изъ комнаты. Полина послѣдовала за нимъ, стараясь овладѣть своимъ волненіемъ и ласково улыбнуться пріѣзжей.

Дѣйствительно, у крыльца стоялъ шарабанъ Маливуара и Луиза съ трудомъ вылѣзала изъ него.

— Право, ты съ ума сошла, Луиза, вскричалъ Лазаръ, остановившись посреди двора.—Можно-ли дѣлать такія глупости! Зачѣмъ ты не написала мнѣ ни слова?

Молодая женщина расплакалась. Она говорила, что ей было такъ скучно въ Клермонѣ. На два послѣднихъ письма она не получила отвѣта и это обстоятельство чрезвычайно тревожило ее. Луизѣ хотѣлось во что бы то ни стало, въ послѣдній разъ, побывать въ Боневилѣ. Если она не увѣдомила мужа о своемъ желаніи, то исключительно потому, что боялась встрѣтить отказъ съ его стороны.

— Боже мой! Я такъ радовалась, думала, что доставлю вамъ всѣмъ пріятный сюрпризъ, говорила она.

— Удивительно умно, гнѣвно продолжалъ Лазаръ. — Ты завтра же уѣдешь отсюда!

Оскорбленная такою встрѣчею, Луиза бросилась въ объятія Полины. Замѣтивъ неуклюжую и тяжелую походку Луизы, ея обезображенную, толстую талію, Полина поблѣднѣла. Чувство отвращенія, смѣшанное съ состраданіемъ, проснулось въ душѣ дѣвушки и помогло ей побѣдить проснувшуюся ревность.

— Что это, Лазаръ, зачѣмъ ты бранишь Луизу. Поцѣлуйтесь скорѣе.—Дорогая моя Луизочка, ты отлично сдѣлала, что пріѣхала. Ты знаешь, что мы всѣ тебя любимъ и будемъ заботиться о тебѣ.

Лулу громко лаялъ; его очевидно раздражалъ этотъ шумъ, такъ неожиданно нарушившій тишину, царствовавшую въ домѣ. Минушъ побѣжала было на крыльцо, но немедленно вернулась, брезгливо отряхивая лапки. Казалось, кошка боялась компрометировать себя, присутствуя при такомъ непріятномъ происшествіи.

Всѣ вошли въ домъ. Вероника подала на столъ четвертый приборъ и снова подала обѣдать.

— Какъ, неужели это ты, Луизочка, растеряннымъ тономъ проговорилъ Шанто.—Какъ ты насъ всѣхъ удивила... Я былъ такъ изумленъ твоимъ пріѣздомъ, что чуть-чуть не подавился...

Остатокъ дня прошелъ благополучно. Всѣ члены семейства нѣсколько успокоились, но, повидимому, избѣгали говорить другъ съ другомъ. Когда Вероника вошла спросить, гдѣ будетъ спать барыня: въ комнатѣ барина или отдѣльно—Лазаръ смутился.

— Нѣтъ, нѣтъ, Луизѣ гораздо лучше быть одной, пробормоталъ Лазаръ, невольно взглянувъ на Полину.

— Да, да, конечно, ложись на верху. Я ужасно устала; одной мнѣ будетъ просторнѣе въ кровати.

Дня черезъ три, Полина наконецъ рѣшилась уѣхать въ слѣдующій понедѣльникъ, такъ какъ Лазаръ высказалъ намѣреніе остаться въ Боневилѣ на время болѣзни жены и уѣхать въ Парижъ уже послѣ родовъ.

Полина инстинктивно угадывала, что Лазаръ, разстроенный постоянными неудачами, въ концѣ концовъ навсегда поселится въ Боневилѣ, и потому находила, что ей слѣдуетъ немедленно уступить ему мѣсто. Дѣвушка чувствовала, что она не въ силахъ побѣдить ощущеній ревности и неспособна жить вмѣстѣ съ Лазаромъ, дѣлаясь постоянной свидѣтельницей его интимныхъ отношеній къ Луизѣ.

Молодая женщина чрезвычайно удивилась, когда узнала, что Полина собирается уѣхать. Чтобъ успокоить Луизу, Полина и докторъ Казэневъ выставляли самые неопровержимые доводы. Докторъ говорилъ, что его знакомая дама предлагаетъ Полинѣ весьма выгодныя условія, и со стороны дѣвушки было бы положительно безразсудно не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ.

— *Если родственники* любятъ Полину, то они должны убѣ*ждать ее принять* это мѣсто, такъ какъ оно обезпечитъ всю ея *будущность*, говорилъ докторъ.

Въ виду такой постановки вопроса, даже старикъ Шанто находилъ, что Полинѣ слѣдуетъ уѣхать.

Въ субботу докторъ Казэневъ и аббатъ Гортейръ въ послѣдній разъ явились въ столовую Шанто. Луиза черезъ силу вышла изъ своей комнаты и дотащилась до столовой.

Это обстоятельство произвело на всѣхъ какое-то грустное впечатлѣніе и, не смотря на всѣ усилія Полины развеселить общество, хозяева и гости молчали, изрѣдка обмѣниваясь короткими фразами. Когда подали жаркое, Шанто отказался отъ вина, проявляя удивительное благоразуміе. Онъ говорилъ, что дрожитъ при одной мысли снова заболѣть. Теперь возлѣ него не будетъ прежней сидѣлки, которая умѣла однимъ звукомъ голоса унимать его мучительныя боли.

Во все время обѣда, Лазаръ находился въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи и, желая скрыть его, горячо спорилъ съ докторомъ по поводу новаго открытія въ области науки.

Въ одиннадцать часовъ, въ домѣ все стихло. Луиза и Шанто уже спали, а Вероника убирала посуду въ кухнѣ.

Направляясь въ свою комнату, Лазаръ по обыкновенію остановился съ Полиной возлѣ дверей ея комнаты и прошепталъ:

— Прощай!

— Нѣтъ, нѣтъ, я еще не прощаюсь съ тобою,—стараясь улыбнуться, сказала дѣвушка: — Я уѣзжаю еще въ понедѣльникъ.

Ихъ взоры встрѣтились. На глазахъ выступили слезы. Лазаръ и Полина бросились въ объятія другъ къ другу, и губы ихъ слились въ послѣдній страстный поцѣлуй.

X.

На другой день, утромъ, Луиза не сошла въ столовую. Вся семья Шанто сидѣла вокругъ стола за кофе и служанка только что собиралась подойти къ дверямъ комнаты Луизы, какъ молодая женщина появилась на порогѣ столовой.

Луиза была блѣдна и съ трудомъ двигалась.

— Что съ тобой? спросилъ Лазаръ, встревоженный выраженіемъ лица жены.

— Я страдаю съ самаго утра. Въ продолженіе всей ночи я не спала ни минуты.

— Зачѣмъ-же ты насъ не позвала? вскричала Полина.—Мы бы могли облегчить твои страданія.

Луиза подошла къ столу и опустилась въ кресло.

— *Ахъ, нѣтъ, нѣтъ*, вы ничего не можете сдѣлать, съ ту-

бокомъ вздохомъ продолжала она.—Я давно уже страдаю. Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я мучусь каждый день.

Дѣйствительно, беременность Луизы сопровождалась различными болями и тошнотою. Бывали дни, когда молодая женщина не могла разогнуть спины: такую сильную боль ощущала она въ поясницѣ. Въ эту ночь Луиза чувствовала, что ея поясница была какъ бы перетянута желѣзнымъ поясомъ.

— Что дѣлать, наставительнымъ тономъ замѣтилъ Шанто,— человѣкъ долженъ привыкать къ страданію.

— Мнѣ необходимо быть на ногахъ, продолжала Луиза,— тогда я чувствую себя какъ будто легче... Оставаться на верху одной—я рѣшительно не въ силахъ.

Молодая женщина съ усиліемъ проглотила нѣсколько ложекъ кофе и затѣмъ, въ продолженіе цѣлаго утра, бродила по всему дому, присаживаясь то на одномъ, то на другомъ мѣстѣ.

Лазарь и Полина избѣгали заговаривать съ Луизой, потому что она выходила изъ себя, едва только ее спрашивали о чемъ нибудь. Казалось, страданія Луизы увеличивались, когда на нее обращали вниманіе. Незадолго до завтрака, молодая женщина успокоилась и даже съѣла тарелку супа. Но около трехъ часовъ дня у нея появились сильныя и мучительныя схватки. Луиза не могла ни сидѣть, ни лежать. Тяжело переваливаясь изъ стороны въ сторону, она бродила изъ столовой въ кухню, поднималась на верхъ и снова спускалась внизъ.

Между тѣмъ Полина принялась укладывать свои вещи. Она окончательно рѣшила, что завтра уѣдетъ изъ Боневиля, и начала разбирать свое бѣлье и укладывать его. Но работа дѣвушки медленно подвигалась впередъ: почти каждую минуту Полина оставляла ее и выходила въ коридоръ, прислушиваясь къ тяжелымъ шагамъ Луизы. Около четырехъ часовъ, дѣвушка услышала болѣзненные стоны Луизы и испугалась. Она рѣшилась постучаться въ комнату Лазара, который заперся въ своей спальнѣ, проклиная судьбу и говоря, что она преслѣдуетъ его несправедливо.

— Нельзя же оставить ее такъ мучиться, говорила Полина.— Надо спросить, что съ нею. Пойдемъ къ Луизѣ.

Молодая женщина стояла посреди лѣстницы, на площадкѣ между первымъ и вторымъ этажемъ. Прислонившись къ перилямъ, Луиза вся сморщилась и чувствовала, что она не въ силахъ двинуться съ мѣста.

— Луиза, голубушка моя, кротко начала Полина,—твое здоровье безпокоитъ насъ; мы хотимъ послать за акушеркой.

Луиза вспыхнула отъ гнѣва.

— *Господи*, какъ вы меня мучите. Знайте, я только одного

и прошу: оставьте меня въ покоѣ. Мнѣ еще восемь мѣсяцевъ... Роды не скоро, зачѣмъ же мнѣ нужна акушерка?..

— Это все такъ... но было бы лучше поговорить съ нею.

— Нѣтъ, я не хочу, не хочу, настойчиво отвѣчала Луиза.— Я сама знаю, отчего у меня явились эти боли. Пожалуйста, изъ состраданія ко мнѣ, оставьте меня въ покоѣ, не надоѣдайте мнѣ.

Луиза такъ упорно отказывалась и такъ сердилась въ отвѣтъ на просьбу Полины, что Лазаръ, наконецъ, тоже разсердился и вышелъ изъ себя. Тогда Полина, желая помирить супруговъ, дала торжественное обѣщаніе, что не пошлетъ за акушеркой.

Г-жа Буланъ жила въ Верщемонѣ и пользовалась славой энергичной и ловкой женщины. Больныя, обращавшіяся къ ней, увѣряли, что ни въ Байэ, ни въ Канѣ не найти такой знающей акушерки. Въ виду подобныхъ соображеній, Луиза рѣшилась довѣриться ея искусству. Молодая женщина терзалась предчувствіемъ, что роды будутъ несчастны и тренетала, ожидая рѣшительной минуты.

Мысль о появленіи г-жи Буланъ возбуждала въ душѣ Луизы томительный, безразсудный страхъ, и она употребляла всевозможныя хитрости, чтобы отодвинуть эту роковую минуту.

Около шести часовъ вечера боли стихли и Луиза торжествовала.

— Ну, вотъ видите, я говорила, что эти боли не представляютъ ничего особеннаго... Я часто мучусь такъ, но ради подобныхъ пустяковъ не стоитъ безпокоить человѣка.

Тѣмъ не менѣе, Луиза чувствовала себя утомленной. Съѣвъ котлетку, она поспѣшила лечь въ постель, увѣряя, что все пройдетъ, если только ей удастся заснуть. Уйдя въ свою комнату, Луиза съ прежнимъ упорствомъ отклонила всякія услуги Полины и просила даже не входить въ ея комнату.

Въ этотъ день, за обѣдомъ былъ супъ и жареная телятина. Въ началѣ разговоръ не клеился. Болѣзнь Луизы и предстоящій отъѣздъ Полины—увеличивали печальное настроеніе Лазара. Сидя за обѣдомъ, всѣ избѣгали даже стучать ложками и вилками, какъ бы боясь, что этотъ шумъ будетъ непріятенъ больной. Впрочемъ, Шанто пытался развеселить сына и племянницу, разсказывая имъ о различныхъ случаяхъ необыкновенной беременности.

Когда Вероника вошла въ столовую съ блюдомъ нарѣзанной телятины, то вдругъ сказала:

— Я не знаю, навѣрное, но мнѣ кажется, что барыня стонетъ на *верху.*

Лазаръ быстро всталъ и отворилъ дверь въ коридоръ,

Шанто и Полина перестали ѣсть, прислушиваясь съ напряженнымъ вниманіемъ. Сначала ничего не было слышно, но затѣмъ сверху стали явственно доноситься протяжные стоны.

— Такъ и есть; ей опять хуже, проговорила Полина.—Я пойду на верхъ.

Дѣвушка бросила салфетку и черезъ мгновеніе очутилась возлѣ дверей комнаты Луизы. Ключъ торчалъ въ замкѣ и ничто не мѣшало Полинѣ войти въ комнату. Луиза сидѣла на краю постели, закутанная въ пеньюаръ, но съ босыми ногами, и стонала, раскачиваясь, какъ маятникъ, подъ вліяніемъ невыразимой боли. Протяжные, правильно повторяющіеся стоны вырывались изъ ея груди.

— Тебѣ хуже? спросила Полина.

Луиза не отвѣчала.

— Позволь хоть теперь послать за г-жей Буланъ.

Съ выраженіемъ человѣка измученнаго и истомленнаго, Луиза проговорила:

— Да мнѣ все равно... Посылайте, если хотите; можетъ быть, мнѣ будетъ лучше. Я не могу, не могу больше выносить этихъ ужасныхъ мученій!..

Вслѣдъ за Полиной, въ комнату вошелъ Лазаръ. Онъ слышалъ отвѣтъ Луизы и, подойдя къ женѣ, сказалъ, что всего благоразумнѣе было бы сейчасъ отправить кого нибудь въ Ароманшъ за докторомъ Казэневомъ.

Луиза заплакала.

Боже мой, почему они нисколько не жалѣютъ ея? Зачѣмъ ее такъ мучатъ? Развѣ они не понимаютъ, что одна мысль о присутствіи мужчины во время родовъ—возмущаетъ всякую женщину. Въ каждомъ движеніи Луизы проглядывали стыдливость, кокетство; желаніе скрыть отъ посторонняго глаза свои нестерпимыя муки заставляло ее, даже въ присутствіи мужа, смущенно кутаться въ пеньюаръ.

— Если ты пошлешь за докторомъ, простонала она черезъ силу,—то я лягу лицомъ къ стѣнѣ и не стану ни съ кѣмъ говорить.

— Хорошо, хорошо, перебила Полина.—Ступай скорѣе за акушеркой. Я увѣрена,—добавила она,—что это еще не роды.... но акушерка съумѣетъ успокоить Луизу и облегчить эти боли.

Лазаръ и Полина спустились внизъ и застали въ столовой аббата Гортейра. Онъ забѣжалъ на минуту узнать о здоровьѣ старика Шанто. Оба они совѣтовали Лазару съѣсть сначала кусочекъ телятины, а затѣмъ пуститься въ путь, но Лазаръ *не слушалъ* ихъ и опрометью побѣжалъ по направленію *къ Вертемону.*

— Кажется, Луиза звала меня! вскричала Полина.

И она снова бросилась къ лѣстницѣ.

— Если мнѣ нужна будетъ Вероника, я постучу въ полъ, ты, дядя, продолжай обѣдать безъ меня.

На верху Полина нашла Луизу стоящею возлѣ стула.

— Я не могу сидѣть, проговорила молодая женщина.—Пооги мнѣ пройтись по комнатѣ.

— У тебя лихорадка, замѣтила молодая дѣвушка.—Не хоешь-ли ты выпить чего нибудь?

Луиза не отвѣчала. Сильныя схватки боли заставили ее приаться къ плечу Полины и охватить дѣвушку за талію. Мучиельно болѣзненные стоны продолжали срываться съ губъ Луизы на лицѣ ея выразился ужасъ.

— Я умираю отъ жажды, прошептала она, когда боли нѣколько успокоились.—У меня во рту все пересохло.—Посмотри, акая я красная. Только нѣтъ, нѣтъ, не отходи отъ меня. Пойемъ вмѣстѣ, держи меня, Полина.

И Луиза продолжала ходить по комнатѣ, опираясь на Полину. Въ теченіе двухъ часовъ она ходила, не останавливаясь продолжая тяжело наваливаться на молодую дѣвушку.

Пробило девять часовъ.

Отчего не ѣдетъ акушерка? Теперь Луиза ждала ее съ нетерпѣніемъ и начинала увѣрять, что всѣ желаютъ ея смерти, ставляя такъ долго безъ помощи. До Вершемона недалеко, сего двадцать пять минутъ ходьбы. Лазаръ могъ успѣть вернуться назадъ. Нѣтъ, онъ навѣрно зашелъ куда нибудь.... Но, ожетъ быть, съ нимъ случилось несчастье.... Это ужасно! Она икогда не дождется ни Лазара, ни акушерки.

Подъ вліяніемъ этой нервной тревоги, у Луизы опять началась ошнота и рвота.

— Уйди, уйди, я не хочу, чтобъ ты оставалась. Боже мой, акое несчастье, что я дошла до такого состоянія. Я внушаю сѣмъ отвращеніе и гадливость.

Не смотря на ужасныя муки, Луизу не покидала постоянная абота о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на другихъ ея езобразное состояніе. Женственная стыдливость и кокетство затавляли ее безпокоиться, что она не можетъ надѣть чулки и вобще быть въ приличномъ нарядѣ.

Пробило одиннадцать часовъ. Измученная ожиданіемъ, Полина попросила Веронику зажечь фонарь и отправиться по дорогѣ къ Вершемону. Было уже около полуночи, когда шумъ приближающихся *колесъ* заставилъ Полину быстро сбѣжать съ *лѣстницы. Стоя на крыльцѣ*, она увидѣла Лазара и акушерку.

— А гдѣ же Вероника? крикнула она.—Развѣ вы ее не встрѣтили?

Лазаръ объяснилъ кузинѣ, что они вернулись другой дорогой. Тутъ же Лазаръ вскользь сказалъ, что ему пришлось испытать различныя неудачи и препятствія. Г-жу Буланъ онъ не засталъ дома; она уѣхала къ роженицѣ. Во всей деревнѣ нельзя было найти ни лошади, ни экипажа, чтобъ съѣздить за ней, и Лазару пришлось пробѣжать цѣлыхъ пять лье... Онъ совсѣмъ измучился... А тамъ его ждала новая задержка и непріятность. Къ счастью, все это устроилось, потому что у г-жи Буланъ была своя телѣжка.

— А какъ же та женщина? спросила Полина.—Значитъ, тамъ все окончено, если акушерка могла уѣхать?

— Женщина умерла, глухимъ дрожащимъ тономъ отвѣчалъ Лазаръ.

Всѣ вошли въ переднюю, слабо освѣщенную одной свѣчей, стоявшей на нижней ступенькѣ лѣстницы.

Г-жа Буланъ, молча, сняла и повѣсила свое пальто.

Это была маленькая, худощавая брюнетка, желтая, какъ лимонъ, съ большимъ носомъ, свидѣтельствующимъ о властолюбивыхъ наклонностяхъ его обладательницы. Буланъ говорила громко и дѣйствовала рѣшительно, благодаря чему, вѣроятно, пользовалась особеннымъ уваженіемъ среди крестьянокъ.

— Будьте такъ добры пожаловать со мной на верхъ, сказала Полина.—Я проста не знала, что мнѣ дѣлать. Съ самаго утра Луиза страдаетъ ужасно.

Луиза все еще продолжала стоять возлѣ комода, переминаясь съ ноги на ногу. Увидѣвъ г-жу Буланъ, молодая женщина начала плакать. Акушерка предложила ей нѣсколько короткихъ вопросовъ относительно начала беременности и характера болей, и затѣмъ сухо замѣтила:

— Впрочемъ, я сейчасъ это узнаю... Конечно, я не могу сказать ничего, пока не опредѣлю положенія ребенка.

— Какъ, развѣ вы думаете... проговорила Луиза, обливаясь слезами.—Боже мой! этого быть не можетъ; вѣдь я еще только на восьмомъ мѣсяцѣ.... Я думала, что еще нѣсколько недѣль осталось до...

Г-жа Буланъ не отвѣчала. Она взяла подушку, взбила ее и положила посреди кровати. Лазаръ, вошедшій вмѣстѣ съ акушеркой, какъ большинство мужчинъ, смотрѣлъ растерянно и не зналъ, что ему дѣлать среди этой жизненной драмы.

Онъ подошелъ къ женѣ и прикоснулся губами къ ея потному *лбу. Но молодая* женщина не обратила вниманія на эту ободряющую ласку.

— Ложитесь, ложитесь, сказала акушерка.

Луиза обратила умоляющій взоръ на Полину и дѣвушка поняла молчаливую просьбу. Она увела Лазара и оба они остались въ коридорѣ, не рѣшаясь уйти внизъ. Отъ свѣчи, горѣвшей внизу, поднималась широкая полоса свѣта, перерѣзанная причудливыми тѣнями.

Лазаръ и Полина стояли неподвижно. Онъ прислонился къ стѣнѣ; она—оперлась на перила; оба прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ къ глухимъ стонамъ, доносившимся изъ комнаты. Наконецъ раздался пронзительный крикъ. Лазару и Полинѣ показалось, что прошла цѣлая вѣчность, пока на порогѣ появилась г-жа Буланъ.

Они собирались войти въ комнату Луизы, но акушерка толкнула ихъ и, сдѣлавъ таинственный знакъ рукою, вышла сама въ коридоръ.

— Что случилось? съ испугомъ спросила Полина.

— Роды будутъ очень тяжелы.... моя обязанность предупредить васъ.

Лазаръ поблѣднѣлъ. Холодное дыханье смерти какъ-то вдругъ повѣяло ему въ лицо.

— Въ чемъ дѣло? прерывающимся голосомъ спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, что предлежитъ лѣвое плечико... Я боюсь выпаденія ручки.

— Ну, что же нужно сдѣлать? спросила Полина.

— При подобномъ положеніи, присутствіе доктора необходимо. не могу взять на себя эту серьезную отвѣтственность... особенно въ данномъ случаѣ, при преждевременныхъ родахъ...

Наступило мертвое молчаніе. Затѣмъ Лазаръ пришелъ въ отчаяніе и началъ сердиться.

Что же ему дѣлать? Откуда онъ возьметъ доктора въ такое поздее ночное время.

— Боже мой! можно двадцать разъ умереть, прежде чѣмъ онъ успѣетъ привезти доктора изъ Ароманша.

— Нѣтъ, я не думаю, чтобы ей грозила такая быстрая опасность. Во всякомъ случаѣ, поѣзжайте немедленно; я ничего не могу сдѣлать.

Но Полина продолжала умолять акушерку облегчить страданія несчастной родильницы до пріѣзда доктора. Г-жа Буланъ рѣшительнымъ тономъ отвѣчала:

— Нѣтъ; я не могу этого сдѣлать. Сегодня вечеромъ одни роды кончились уже несчастливо: женщина умерла. Я не хочу, чтобъ и съ этой сдѣлалось то же самое.

Въ *это мгновенье, изъ* столовой послышался жалобный голосъ *Панто.*

закрылъ глаза, ослѣпленный ея красноватымъ свѣтомъ. Воздухъ въ комнатѣ былъ такъ душенъ и мертвая тишина такъ располагала ко сну, что старикъ задремалъ, и вскорѣ въ столовой послышалось ровное дыханіе спящаго человѣка.

На верху, докторъ приказалъ затопить печку въ комнатѣ г-жи Шанто, говоря, что это помѣщеніе понадобится по окончаніи родовъ. Затѣмъ, передъ каминомъ развѣсили тонкое бѣлье, принесли большой тазъ, бутылку водки и тарелку со свинымъ саломъ. Когда все было исполнено, докторъ счелъ нужнымъ предупредить родильницу.

— Дитя мое, не волнуйтесь и не пугайтесь. Ваша жизнь намъ всѣмъ дорога, и хотя бѣдному ребенку грозитъ опасность, но мы должны ускорить роды. Вѣдь вы согласны, чтобъ я вамъ помогъ, не такъ-ли?

Луиза ничего не слышала; ея голова скатилась съ подушекъ. Молодая женщина лежала съ раскрытымъ ртомъ и изъ груди ея вырывался тихій стонъ, похожій на хрипѣнье. Когда вѣки Луизы раскрывались, она блуждающимъ взоромъ смотрѣла на потолокъ, словно просыпаясь въ какомъ-то незнакомомъ мѣстѣ.

— Вы позволите? повторилъ докторъ.

Луиза, наконецъ, отвѣчала:

— Убейте меня скорѣе, убейте!

— Докторъ, торопитесь, прошептала Полина, мы беремъ на себя всю отвѣтственность.

Докторъ Казэневъ обратился къ Лазару и успокоивалъ его.

— Если у вашей жены не случится обморока, то я ручаюсь за ея жизнь, но ребенокъ будетъ мертвъ. Изъ десяти — девять умираютъ при такихъ обстоятельствахъ. Мнѣ придется наложить щипцы.

— Дѣйствуйте, дѣйствуйте, докторъ, съ жестомъ отчаянія прошепталъ Лазаръ.

. . . . . .

— Наконецъ-то! вскричалъ докторъ. Да, этотъ ребенокъ можетъ похвалиться: нелегко ему было появиться на свѣтъ.

Волненіе присутствующихъ было такъ сильно, что никому и въ голову не приходило поинтересоваться поломъ новорожденнаго.

— Мальчикъ! вскричала г-жа Буланъ и подошла къ Лазару.

Обернувшись къ стѣнѣ, молодой отецъ громко зарыдалъ. Безграничное отчаяніе овладѣло имъ: Лазару казалось, что лучше бы умереть всѣмъ, чѣмъ жить послѣ такихъ мученій. Появленіе этого ребенка не произвело такой радости, какой онъ ждалъ. Полина наклонилась къ Луизѣ и крѣпко поцѣловала ее въ лобъ.

онъ, какъ сумашедшій, скачетъ въ какой-то телѣжкѣ...Я стала кричать, что его ждутъ дома, а онъ еще сильнѣе принялся хлестать лошадь и прокатилъ мимо меня, не останавливаясь; чуть не задавилъ меня. Нѣтъ, довольно, я больше не намѣрена исполнять такія порученія. Еще какъ я себѣ шею не сломала; у меня вѣдь и фонарь потухъ!

Затѣмъ Вероника начала приставать къ Шанто, заставляя его кончить обѣдъ, чтобы дать ей возможность убрать со стола. Старикъ увѣрялъ, что онъ не голоденъ и не можетъ ѣсть. Но въ концѣ концовъ, проглотилъ нѣсколько кусочковъ телятины. Старикъ Шанто очень сердился на аббата, зачѣмъ тотъ не сдержалъ слова и не пришелъ навѣстить его.

— Впрочемъ, и то правда, мысленно рѣшилъ онъ:—положеніе священника въ домѣ, гдѣ происходятъ роды—довольно комично!

Эта мысль заставила Шанто улыбнуться и онъ весело принялся за ѣду.

— Поскорѣе, баринъ, поскорѣе, поторопитесь, твердила Вероника.—Скоро часъ ночи; не могу же я оставить грязную посуду до утра. Вотъ ужь проклятый домъ; ни одной минуты нѣтъ покоя!

Вероника начала собирать тарелки, когда Полина позвала ее съ лѣстницы. Шанто опять очутился въ одиночествѣ, возлѣ неубраннаго стола. И никому въ голову не приходило спуститься къ старику и успокоить его относительно положенія Луизы. Между тѣмъ г-жа Буланъ распоряжалась въ комнатѣ больной, какъ настоящая хозяйка. Она рылась въ ящикахъ комода и отдавала различныя приказанія. Прежде всего, она приказала развести огонь, говоря, что въ комнатѣ сыро. Затѣмъ, акушерка нашла, что постель неудобна для больной: она слишкомъ мягка и низка. Полина отвѣчала, что на чердакѣ есть другая кровать и послала Веронику принести ее. Кровать поставили передъ каминомъ и подмостивъ доски, положили простой матрасъ. Затѣмъ акушерка потребовала множество различнаго бѣлья—простынь, салфетокъ и всякихъ тряпокъ, которыя она развѣсила по стульямъ и грѣла ихъ передъ каминомъ.

Вскорѣ вся комната, заваленная бѣльемъ и поперекъ перегороженная кроватью,—имѣла видъ перевязочнаго пункта, устроеннаго наскоро въ ожиданіи сраженія.

Приготовляя все необходимое, акушерка почти безъ умолку говорила и ободряла Луизу своимъ смѣлымъ, рѣшительнымъ голосомъ, какъ будто надѣясь, что даже страданія больной могутъ преклоняться передъ ея авторитетомъ.

Полина подошла къ акушеркѣ и попросила ее скрыть отъ Луизы, что Лазаръ поѣхалъ за докторомъ.

— Ничего, ничего, милая барынька, говорила г-жа Буланъ,— главное дѣло—не волноваться..... По моему мнѣнію, вамъ бы слѣдовало лечь. Но если вамъ непріятно, то и не надо, можно еще подождать. Упирайтесь на меня покрѣпче. Не бойтесь, не въ первый разъ у меня на рукахъ восьмимѣсячная родильница.... Повѣрьте, иногда дитя родится такое большое, крѣпкое, лучше, чѣмъ девятимѣсячное. И бояться совсѣмъ нечего: это вовсе не такъ страшно, какъ вамъ кажется. Потерпите немножко; посмотрите, какъ все скоро окончится: разъ, два—и готово!

Но Луиза не успокоивалась. Ея крики дѣлались все болѣе и болѣе мучительными.

Молодая женщина съ лихорадочной силой цѣплялась за мебель и какъ бы въ бреду повторяла отрывистыя слова. Г-жа Буланъ, стоя возлѣ Полины, вполголоса разсказывала ей различныя подробности о тѣхъ операціяхъ, которыя ей приходилось видѣть. Между прочимъ, она высказывала дѣвушкѣ свое опасеніе.

— Только бы до пріѣзда доктора не началось.... говорила она.

— Я не могу больше, не могу! кричала Луиза.—Я умираю!

Тогда акушерка рѣшилась дать Луизѣ нѣсколько капель лѣкарства и начала растирать поясницу больной.

Теперь Луиза какъ бы ослабѣла и уже не требовала, чтобы Полина и Вероника вышли изъ комнаты. Она продолжала только стыдливо кутаться въ свой пеньюаръ и крѣпко сжимала похолодѣвшія руки. Растираніе поясницы принесло нѣкоторое облегченіе, но затѣмъ снова явились боли и Луиза опять начала кричать.

— Надо потерпѣть, рѣшительно говорила г-жа Буланъ.—Я ничего не могу больше сдѣлать. Нужно предоставить самой природѣ.

Продолжая разговаривать съ Полиной, акушерка выражала отвращеніе къ хлороформу. По мнѣнію г-жи Буланъ, родильницы мрутъ, какъ мухи, если доктора позволяютъ себѣ употреблять это ужасное средство.

Съ упрямствомъ необразованной женщины, акушерка убѣждала, что физическія боли при дѣторожденіи – необходимы и что самый процессъ родовъ сильнѣе затягивается, если женщина находится въ усыпленномъ состояніи. Полина не соглашалась съ акушеркой. Въ тѣхъ книгахъ, которыя она читала, высказывались совершенно противоположныя мнѣнія, но дѣвушка не считала возможнымъ спорить со спеціалисткой и покорно выслушивала разсужденія г-жи Буланъ.

Между тѣмъ страданія Луизы не прекращались. Схватки то *усиливались*, то стихали, и бѣдная женщина продолжала кричать:

— *Я умираю!* умираю, помогите мнѣ!

Г-жа Буланъ начала тревожно поглядывать на часы, хотя

и ждала доктора не раньше какъ въ четыре, зная, что ея лошадь бѣжитъ очень тихо. Около половины четвертаго, видя, что положеніе становится критическимъ, акушерка рѣшилась дѣйствовать самостоятельно. Но въ это мгновеніе Вероника явилась изъ кухни и сказала барышнѣ, что докторъ пріѣхалъ. Акушерка попросила служанку остаться возлѣ Луизы, а сама, вмѣстѣ съ Полиной, спустилась внизъ. Посреди двора Лазаръ вылѣзъ изъ телѣжки и началъ браниться, проклиная лѣность лошади. Но узнавъ, что Луиза еще жива, онъ мгновенно успокоился и замолчалъ. Докторъ Казэневъ неторопливо поднимался на крыльцо, спрашивая г-жу Буланъ о состояніи родильницы.

— Знаете что̀, докторъ, ваше появленіе можетъ испугать Луизу, замѣтила Полина. Не лучше-ли будетъ предупредить больную?

— Да, да, подите, предупредите ее, отвѣчалъ Казэневъ.

Полина пошла къ Луизѣ. Всѣ остальные ждали за дверью.

— Знаешь, моя милая, заговорила дѣвушка,—какая странная случайность: докторъ самъ заѣхалъ сюда. Онъ видѣлъ вчера, что ты нездорова, и думалъ, что его помощь можетъ понадобиться. Позволь ему войти сюда и посовѣтуйся съ нимъ. По крайней мѣрѣ, твои страданія покончатся.

Луиза не отвѣчала. Она отчаянно металась на кровати, уткнувъ голову въ подушки. Черезъ нѣсколько мгновеній Луиза пробормотала:

— Ахъ, дѣлайте, что хотите, мнѣ все равно; я не могу ничего соображать и думать. Черезъ нѣсколько минутъ, докторъ подошелъ къ постели Луизы. Акушерка кивнула головой Полинѣ, совѣтуя ей уйти изъ комнаты и увести Лазара. Полина и Лазаръ, молча, удалились.

Внизу, въ столовой, Шанто спалъ въ креслѣ, возлѣ стола, на которомъ все еще стояла неубранная посуда. Войдя въ комнату, Полина прибавила огня въ лампѣ и прошептала:

— Не надо будить его, пусть онъ спитъ!

Молодая дѣвушка тихо опустилась на стулъ, а Лазаръ продолжалъ стоять неподвижно, прислонившись къ стѣнѣ.

Томительное ожиданіе ничѣмъ не прерывалось. Лазаръ и Полина избѣгали смотрѣть другъ на друга. Сверху не доносилось ни звука, ни стона, и оба они тщетно напрягали слухъ, чтобъ уловить какое нибудь движеніе. Эта зловѣщая тишина пугала ихъ обоихъ. Что тамъ происходитъ? Зачѣмъ ихъ удалили? Лазару и Полинѣ было бы легче, еслибы надъ ихъ головами раздавались крики страданія, борьбы, или стоны,—словомъ, какой нибудь *признакъ жизни.* Но минуты медленно тянулись и казалось, *что весь домъ былъ* погруженъ въ мертвую тишину.

Наконецъ, дверь столовой отворилась и докторъ Казэневъ вошелъ въ комнату.

— Что же? упавшимъ голосомъ спросилъ Лазаръ.

Докторъ Казенэвъ колебался отвѣтомъ. Слабо горящая лампа, наполняя комнату трепетнымъ полусвѣтомъ, едва освѣщала старое, загорѣлое лицо доктора. Но когда старикъ заговорилъ, его дрожащій голосъ давалъ возможность замѣтить мучительную душевную борьбу.

— Я ничего не могъ сдѣлать, отрывисто проговорилъ онъ.— И не буду ничего дѣлать, не посовѣтовавшись съ вами.

Докторъ Казэневъ провелъ рукою по лбу, какъ бы стараясь отогнать какую то мучительную думу. Онъ чувствовалъ, что въ его мозгу находится какой-то узелъ, развязать который онъ не въ силахъ.

— Боже мой, что же мы можемъ рѣшить? Мы вполнѣ полагаемся на васъ, докторъ, сказала Полина.

Казэневъ покачалъ головой. Его томило тяжелое воспоминаніе о тѣхъ негритянкахъ, у которыхъ ему случалось принимать въ колоніяхъ. Ему неожиданно вспомнилась одна высокая, красивая дѣвушка, у которой ребенокъ былъ въ такомъ же положеніи... Она умерла въ то мгновеніе, когда докторъ извлекалъ изъ нея безформенный кусокъ мяса и костей. Это былъ единственный случай акушерской практики морскаго врача, потому что ему очень рѣдко приходилось присутствовать при родахъ.

Выйдя въ отставку и поселившись въ Ароманшѣ, докторъ иногда исполнялъ обязанности акушера, и даже пріобрѣлъ нѣкоторую ловкость. Но опасное положеніе Луизы пробуждало въ немъ прежнюю нерѣшительность. Докторъ Казэневъ дрожалъ и робѣлъ, какъ начинающій врачъ; онъ не довѣрялъ своимъ рукамъ, въ которыхъ уже давно не было силы молодости.

— Мой долгъ сказать вамъ всю правду, началъ Казэневъ.— По моему мнѣнію, и мать и ребенокъ—погибли... Можетъ быть, мнѣ удастся спасти кого-нибудь изъ нихъ...

Лазаръ и Полина стояли, какъ пораженные; холодная дрожь пробѣжала по ихъ тѣлу. Шанто неожиданно проснулся и, широко открывъ заспанные глаза, слушалъ доктора.

— Кого я долженъ спасти, — продолжалъ докторъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, также какъ и тѣ, кого онъ спрашивалъ:—мать или ребенка?

— Кого? Боже мой! вскричалъ Лазаръ,—почемъ же я знаю?... развѣ я могу это сказать!

Слезы душили Лазара. Полина стояла, блѣдная, ошеломленная *этимъ вопросомъ*.

— *Если я* рѣшусь сдѣлать поворотъ, продолжалъ докторъ,

размышляя вслухъ, то ребенокъ несомнѣнно погибнетъ. Кромѣ того, это обыкновенно истощаетъ мать... Она ужъ такъ давно мучится... Конечно, я могу сдѣлать „кесарское сѣченіе“ и спасти жизнь ребенка, но положеніе матери мнѣ еще не кажется настолько отчаяннымъ и я не считаю себя вправѣ пожертвовать ею... Это вопросъ слишкомъ серьезный и, я умоляю васъ, рѣшите его сами.

Глухое рыданіе вырвалось изъ груди Лазара. Онъ схватилъ платокъ и, судорожно сжимая его въ рукахъ, тщетно старался собраться съ мыслями и отвѣчать. Шанто по прежнему смотрѣлъ на нихъ, ошеломленный словами доктора.

Наконецъ Полина заговорила:

— Зачѣмъ вы спрашиваете насъ объ этомъ?.. Вамъ грѣшно терзать насъ! Только вы, одинъ вы, можете рѣшить этотъ вопросъ!

Въ это мгновеніе, въ столовую вошла г-жа Буланъ и объявила, что состояніе Луизы ухудшается.

— Что же, покончемъ вопросъ? Она все болѣе и болѣе слабѣетъ...

Рѣшимость охватила доктора Казэнева. Подъ вліяніемъ внезапнаго порыва, онъ подошелъ къ Лазару, обнялъ его и сказалъ:

— Послушай, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобъ спасти обоихъ... но если они умрутъ, знай, мнѣ будетъ во сто разъ тяжелѣе, чѣмъ тебѣ. Я буду увѣренъ, что это случилось по моей винѣ.

Затѣмъ, съ живостью человѣка, успѣвшаго побѣдить мучительное сомнѣніе, докторъ заявилъ, что не считаетъ возможнымъ хлороформировать больную. Его безпокоили обмороки и слабый пульсъ Луизы, что, по его мнѣнію, являлось рѣшительнымъ противопоказаніемъ. Родные требовали употребленія хлороформа, но докторъ стоялъ на своемъ. Его отказъ поддерживала акушерка.

— Я принимаю каждый годъ болѣе чѣмъ у двухсотъ женщинъ и, слава Богу, все обходится безъ этой гадости... Что за бѣда, что она помучится; всѣмъ приходится, не ей одной.

— Пойдемте на верхъ, друзья мои, сказалъ докторъ, обращаясь къ Лазару и Полинѣ. Ваша помощь мнѣ будетъ нужна. Да и вообще мое положеніе облегчится, если я буду видѣть васъ около себя.

Когда всѣ выходили изъ столовой, Шанто подозвалъ къ себѣ Лазара.

— Поцѣлуй меня, сказалъ онъ. — Ахъ, бѣдная Луизочка! Какъ много горя вдругъ обрушилось на насъ и такъ неожиданно! Господи! хоть бы разсвѣло скорѣе! Лазаръ, приди мнѣ сказать, когда все будетъ кончено.

Шанто опять остался одинъ. Лампа тускло горѣла и старикъ

закрылъ глаза, ослѣпленный ея красноватымъ свѣтомъ. Воздухъ въ комнатѣ былъ такъ душенъ и мертвая тишина такъ располагала ко сну, что старикъ задремалъ, и вскорѣ въ столовой послышалось ровное дыханіе спящаго человѣка.

На верху, докторъ приказалъ затопить печку въ комнатѣ г-жи Шанто, говоря, что это помѣщеніе понадобится по окончаніи родовъ. Затѣмъ, передъ каминомъ развѣсили тонкое бѣлье, принесли большой тазъ, бутылку водки и тарелку со свинымъ саломъ. Когда все было исполнено, докторъ счелъ нужнымъ предупредить родильницу.

— Дитя мое, не волнуйтесь и не пугайтесь. Ваша жизнь намъ всѣмъ дорога, и хотя бѣдному ребенку грозитъ опасность, но мы должны ускорить роды. Вѣдь вы согласны, чтобъ я вамъ помогъ, не такъ-ли?

Луиза ничего не слышала; ея голова скатилась съ подушекъ. Молодая женщина лежала съ раскрытымъ ртомъ и изъ груди ея вырывался тихій стонъ, похожій на хрипѣнье. Когда вѣки Луизы раскрывались, она блуждающимъ взоромъ смотрѣла на потолокъ, словно просыпаясь въ какомъ-то незнакомомъ мѣстѣ.

— Вы позволите? повторилъ докторъ.

Луиза, наконецъ, отвѣчала:

— Убейте меня скорѣе, убейте!

— Докторъ, торопитесь, прошептала Полина, мы беремъ на себя всю отвѣтственность.

Докторъ Казэневъ обратился къ Лазару и успокоивалъ его.

— Если у вашей жены не случится обморока, то я ручаюсь за ея жизнь, но ребенокъ будетъ мертвъ. Изъ десяти — девять умираютъ при такихъ обстоятельствахъ. Мнѣ придется наложить щипцы.

— Дѣйствуйте, дѣйствуйте, докторъ, съ жестомъ отчаянія прошепталъ Лазаръ.

. . . . . .

— Наконецъ-то! вскричалъ докторъ. Да, этотъ ребенокъ можетъ похвалиться: нелегко ему было появиться на свѣтъ.

Волненіе присутствующихъ было такъ сильно, что никому и въ голову не приходило поинтересоваться поломъ новорожденнаго.

— Мальчикъ! вскричала г-жа Буланъ и подошла къ Лазару.

Обернувшись къ стѣнѣ, молодой отецъ громко зарыдалъ. Безграничное отчаяніе овладѣло имъ: Лазару казалось, что лучше бы умереть всѣмъ, чѣмъ жить послѣ такихъ мученій. Появленіе этого ребенка не произвело такой радости, какой онъ ждалъ. Полина наклонилась къ Луизѣ и крѣпко поцѣловала ее въ лобъ.

— Поди, Лазаръ, поцѣлуй ее, сказала дѣвушка, подходя къ кузену.

Лазаръ машинально повиновался. Онъ подошелъ и склонился къ женѣ. Но прикосновеніе къ этому блѣдному лицу, покрытому холоднымъ потомъ, заставило Лазара вздрогнуть. Луиза лежала съ закрытыми глазами и, казалось, не дышала. Между тѣмъ докторъ, осмотрѣвъ ребенка, прошепталъ:

— Онъ, кажется, мертвый.

Съ момента рожденія, ребенокъ не издалъ ни одного звука. Онъ былъ весь синій съ блѣдными пятнами, крошечный и съ несоразмѣрно большой головой. Г-жа Буланъ перерѣзала и перевязала канатикъ, но ребенокъ все еще не дышалъ, и біеніе его сердца было по прежнему нечувствительно.

— Все кончено, проговорилъ докторъ.—Правда, можно бы попробовать растираніе или произвести искуственное дыханіе, но мнѣ кажется, это будетъ безполезно... Къ тому же родильница, болѣе чѣмъ онъ, нуждается въ моей помощи.

Полина слышала эту фразу.

— Дайте мнѣ его, я попробую, проговорила она.—Можетъ быть, онъ еще начнетъ дышать... Если это не удастся, то, значитъ, у меня не хватило дыханія!

Полина схватила ребенка и унесла его въ сосѣднюю комнату, взявъ съ собой бутылку водки и груду бѣлья. Между тѣмъ Луиза продолжала страдать.

. . . . . .

— Останьтесь здѣсь, сказалъ докторъ, обращаясь къ акушеркѣ и продолжая слѣдить за пульсомъ родильницы.—Я тоже не уйду, пока не успокоюсь насчетъ ея состоянія. Надо, чтобы все окончилось.

. . . . . .

Между тѣмъ, по другую сторону коридора, въ бывшей комнатѣ г-жи Шанто, Полина стояла на колѣняхъ передъ кресломъ, на которомъ лежало маленькое, безжизненное тѣло ребенка.

Обмокнувъ конецъ полотенца въ блюдечко со спиртомъ, дѣвушка неутомимо растирала ребенка, не чувствуя ломоты и усталости. Ребенокъ былъ такой худенькій, тщедушный, что дѣвушка боялась крѣпко тереть его, и полотенце нѣжно скользило по его тѣлу. Полина осторожно поворачивала это крошечное созданіе, пытаясь пробудить жизнь въ каждомъ изъ его членовъ. Но ребенокъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго признака жизни. Правда, кожа нѣсколько согрѣвалась, но грудь малютки ни разу не шевельнулась. Полинѣ даже показалось, что ребенокъ посинѣлъ еще больше. Тогда, *безъ всякаго отвращенія, дѣвушка наклонилась къ этому холодному* и еще не обмытому лицу, и медленно,

осторожно стала вдувать воздухъ въ ротъ ребенка. По временамъ Полина сама задыхалась. Она останавливалась на нѣсколько минутъ и потомъ снова принималась за свою работу.

Кровь приливала къ ея головѣ, въ ушахъ стоялъ какой-то шумъ, но дѣвушка все еще не отчаявалась и въ теченіе получаса старалась оживить ребенка своимъ дыханіемъ. Соразмѣряя свое дыханіе со вмѣстимостью маленькихъ легкихъ, Полина въ то же время старалась привести въ движеніе грудную клѣтку, осторожно нажимая ее концами пальцевъ. Ничто не удавалось. Всякій другой на ея мѣстѣ давно бы оставилъ попытку воскресить угасшую жизнь, но Полина страстно хотѣла, чтобъ этотъ ребенокъ жилъ. Наконецъ, она почувствовала, какъ это жалкое тѣльце оживилось, какъ крошечный ротикъ дрогнулъ подъ ея губами.

Еще цѣлый часъ продолжалась эта борьба жизни и смерти, и Полина переживала ужасныя минуты, думая о томъ, что не съумѣетъ воскресить малютку.

Слабый признакъ дыханія, который дѣвушка на мгновеніе почувствовала, возвратилъ ей утраченную бодрость. Усерднѣе прежняго Полина принялась растирать ребенка и прерывала это занятіе только для того, чтобы снова вдувать ему воздухъ въ легкія. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, дѣвушкѣ казалось, что она ошиблась, что губы ребенка также холодны и неподвижны; но вотъ онъ еще разъ вздрогнулъ. Полина начала смотрѣть пристальнѣе и замѣтила, что дыханіе стало проникать въ легкія ребенка и снова выходило изъ нихъ.

Ей показалось, что подъ грудью ея слышатся правильные удары сердца. Тогда Полина уже ни на мгновеніе не покидала ребенка: она будто жила съ нимъ одною жизнью; дѣлила съ нимъ свое дыханіе, переходившее изъ одного тѣла въ другое. Къ губамъ дѣвушки липла мокрота и какая-то непріятная слизь, выходившая изо рта ребенка, но радостное сознаніе, что малютка спасенъ ея усиліями, что она оживила его—опьяняло Полину. Когда, наконецъ, изъ груди ребенка вырвался жалобный, слабый крикъ, дѣвушка въ изнеможеніи опустилась возлѣ кресла, потрясенная и изнемогающая. Яркій огонь въ каминѣ заливалъ всю комнату веселымъ свѣтомъ. Полина неподвижно сидѣла на полу возлѣ ребенка и теперь только могла вполнѣ разсмотрѣть его Какое жалкое, тщедушное существо! Въ душѣ Полины въ первый разъ заговорило негодованіе. Ея здоровая, сильная натура возмущалась этимъ хилымъ ребенкомъ и въ воображеніи дѣвушки рисовался образъ толстенькаго, здороваго мальчугана, который родился бы у нея, еслибы она была женою Лазара... *Горькое ощущеніе* охватило сердце Полины и она страстно оплакивала *ребенка*, котораго ей не суждено было имѣть.

Но бѣдный малютка такъ жалобно плакалъ и такъ барахтался на креслѣ, что Полина испугалась: ей казалось, что онъ упадетъ.

Глядя на это маленькое, безпомощное и безобразное существо, Полина почувствовала къ нему глубокое состраданіе. Она помогла ему родиться, и теперь, въ будущемъ, будетъ помогать ему жить. Позабывъ о себѣ, Полина снова занялась малюткой. Она взяла его на колѣни, хотя по щекамъ ея все еще катились горькія слезы.

Г-жа Буланъ успѣла обмыть и переодѣть родильницу. Войдя въ комнату, гдѣ находился новорожденный, акушерка была чрезвычайно удивлена, найдя ребенка живымъ. Она внимательно осмотрѣла его и объявила, что онъ сложенъ нормально, но не скрыла отъ Полины, что здоровье его весьма ненадежно.

Обмывъ и завернувъ ребенка въ теплую пеленку, акушерка положила его на постель, а сама поспѣшила вернуться къ Луизѣ, такъ какъ та все еще находилась въ опасности.

Полина усѣлась возлѣ ребенка. Черезъ нѣсколько мгновеній, Лазаръ вошелъ въ комнату. Акушерка только что сказала ему о совершившемся чудѣ.

— Подойди, Лазаръ, взгляни на него, сказала Полина взволнованнымъ тономъ. Лазаръ приблизился. Онъ дрожалъ отъ волненія.

— Боже мой, Полина, зачѣмъ ты положила его на эту постель! вскричалъ онъ, еще стоя на порогѣ. Лазаръ вздрогнулъ, увидавъ, что ребенокъ лежитъ на постели покойной матери. На той самой кровати, гдѣ умерла старушка, на которую Лазаръ не могъ смотрѣть безъ священнаго трепета, лежалъ его ребенокъ, казавшійся еще болѣе крошечнымъ среди этого громаднаго пространства.

— Развѣ тебѣ это такъ непріятно? съ удивленіемъ спросила Полина.

— Лазаръ отрицательно покачалъ головой. Его голосъ прерывался отъ волненія, когда онъ наконецъ заговорилъ:

— Я вспомнилъ о матери... она умерла и вотъ на ея мѣсто явился другой... Онъ тоже когда нибудь умретъ. Ахъ, зачѣмъ онъ родился!.. Рыданія прерывали слова Лазара. Прикоснувшись губами къ морщинистому лбу ребенка, Лазаръ вдругъ отшатнулся. Ему показалось, что черепъ сына подался подъ прикосновеніемъ его губъ. Отчаяніе молодаго отца увеличилось отъ чувства угрызенія совѣсти: ему было стыдно видѣть это тщедушное созданіе, *которому* онъ далъ жизнь.

— *Успокойся, Лазаръ*, замѣтила Полина, понявъ ощущеніе

кузена,—твой сынъ будетъ молодцомъ. Это ничего не значитъ, что онъ такой маленькій, тщедушный.

Лазаръ взглянулъ на Полину.

— И опять я тебѣ обязанъ всѣмъ, даже жизнью моего ребенка, вырвалось у Лазара.—Видно, судьба такъ хочетъ, чтобъ я навѣки оставался твоимъ должникомъ.

— Полно, Лазаръ, я ничего не сдѣлала особеннаго, просто возразила дѣвушка.—Каждая акушерка на моемъ мѣстѣ сдѣлала бы то же самое.

Но Лазаръ жестомъ перебилъ ее.

— Зачѣмъ, Полина? Неужели ты воображаешь, что я не понимаю, какъ много я тебѣ обязанъ. Съ перваго дня твоего появленія въ нашемъ домѣ, ты всегда и во всемъ жертвовала собою. Я уже не говорю о твоихъ деньгахъ, но я знаю, что ты любила меня и въ то же время убѣдила жениться на Луизѣ, желая составить мое счастье.... Только теперь я все это понялъ.... О, Полина, еслибы ты знала, какъ я ненавижу себя, когда вспоминаю прошлое. Ты была готова отдать для меня всю душу, ты была всегда добра и весела, даже въ тѣ минуты, когда я такъ жестоко мучилъ тебя.... Да, моя милая, ты была права, что только доброта и веселье составляютъ сущность жизни; все остальное—тяжелый кошмаръ. Полина хотѣла прервать Лазара, но онъ продолжалъ еще громче:

— Только теперь понимаю я, какъ безсмысленны всѣ отрицанія... за ними скрывается неудовлетворенное тщеславіе... Этотъ страхъ, эта гордость испортили нашу жизнь,—твою, мою, словомъ, всего нашего семейства... Только ты одна была умница, И дѣйствительно, какъ легка и прекрасна кажется жизнь, если человѣкъ забываетъ эгоистическія стремленія.... тогда въ семьѣ царствуетъ веселье.... Если приходится и погибать, — то гибнешь веселѣе.

— Успокойся, Лазаръ, проговорила она.—Я очень рада, что ты признаёшь свою ошибку.... Тебѣ стоитъ только исправиться и все пойдетъ хорошо.

— Да, да, исправиться, насмѣшливо повторилъ Лазаръ. — Понятно, все это только фразы. Бываютъ минуты, когда правда беретъ свое, но завтра начинаются тѣ же страданія, и я никогда не исправлюсь.... Развѣ мыслимо человѣку измѣниться.... Нѣтъ, не утѣшай меня, Полина; лучшаго желать невозможно; напротивъ, съ каждымъ днемъ все будетъ хуже и хуже. Ты знаешь это также хорошо, какъ и я. Пойми, что меня злитъ моя собственная глупость.

Полина тихо привлекла къ себѣ кузена и серьезнымъ тономъ *проговорила:*

— Полно, Лазаръ, ты не глупый и не злой человѣкъ, ты просто несчастливъ... Поцѣлуй меня.

Лазаръ и Полина обмѣнялись поцѣлуемъ, стоя возлѣ ребенка. Это была чистая ласка брата и сестры,—ласка, въ которой не оставалось и слѣда страстнаго порыва, еще вчера волновавшаго ихъ.

Начало свѣтать. Сѣрый полусвѣтъ пасмурнаго утра слабо проникалъ въ комнату. Докторъ вышелъ посмотрѣть ребенка и крайне удивился, найдя его въ такомъ хорошемъ состояніи. Онъ позволилъ отнести ребенка въ комнату Луизы, и когда молодая мать взглянула на малютку, то по лицу ея скользнула слабая улыбка. Затѣмъ Луиза закрыла глаза и погрузилась въ тотъ глубокій, крѣпкій сонъ, съ котораго обыкновенно начинается выздоровленіе родильницы.

Въ комнатѣ больной отворили окно, чтобъ освѣжить воздухъ, и теперь въ нее свободно проникала свѣжая струя морскаго воздуха. Лазаръ и Полина, усталые и счастливые, неподвижно стояли возлѣ постели Луизы, любуясь сномъ молодой матери. Наконецъ они осторожно вышли изъ комнаты, оставивъ возлѣ Луизы г-жу Буланъ.

Докторъ Казэневъ уѣхалъ въ восемь часовъ. Старикъ былъ голоденъ и Вероника приготовила яичницу и кофе съ молокомъ. Лазаръ и Полина едва стояли на ногахъ отъ усталости. Забытый всѣми, старикъ Шанто продолжалъ спать въ своемъ креслѣ. Когда Полина вошла въ столовую, то со смѣхомъ замѣтила, что на столѣ еще стояли тарелки. Она прибрала крошки и привела въ порядокъ посуду. Вероника долго не приносила кофе и дѣвушка принялась ѣсть холодную телятину, со смѣхомъ вспоминая пережитыя ощущенія. Теперь, когда опасность миновала, всѣ какъ-то охотно говорили о ней и высказывали свои ощущенія.

— Вѣрьте или не вѣрьте, какъ хотите, но я почти не спалъ, говорилъ Шанто.—Я только дремалъ и поминутно просыпался... Мнѣ было ужасно досадно, что никто изъ васъ не пришелъ сказать мнѣ, какъ идутъ дѣла. Впрочемъ, я видѣлъ во снѣ, что все окончится благополучно.

Радость старика увеличилась, когда въ столовую вошелъ аббатъ Гортейръ. Служба окончилась и священникъ забѣжалъ узнать, какъ здоровье Луизы.

Поздоровавшись съ аббатомъ, Шанто началъ подсмѣиваться надъ нимъ.

— Однако, вы хорошо со мной поступили: обѣщались зайти посидѣть *со мной, да и надули*. Вы, вѣрно, боитесь дѣтей.

Желая оправдаться, аббатъ придумалъ цѣлую исторію. Онъ

разсказалъ, что нашелъ посреди дороги больную женщину и долженъ былъ отвезти. ее домой.

Солнце уже было высоко, когда Лазаръ и Полина провожали старика. Обращаясь къ дѣвушкѣ, докторъ тихо спросилъ ее:

—Вы не уѣзжаете сегодня?

Полина задумалась. Ея большіе глаза, задумчиво устремленные въ одну точку, казалось, проникали въ будущее.

— Нѣтъ, тихо отвѣчала она, — я хочу еще подождать немного.

XI.

Въ теченіе всего мая погода стояла отвратительная. Въ продолженіе двухъ недѣль, безпрерывно дулъ западный вѣтеръ и волны яростно бичевали берегъ, подмывали скалы и поглощали лодки и людей. Въ началѣ іюня наступили жаркіе дни и широкое, голубое небо отражалось въ спокойномъ морѣ, гладкомъ, какъ атласъ.

Эти теплые, ясные дни, наступившіе послѣ пасмурнаго времени—производили чарующее впечатлѣніе.

Въ одинъ изъ такихъ ясныхъ дней, Полина рѣшилась выкатить кресло Шанто на террасу и возлѣ него положить маленькаго Поля, которому минуло уже полтора года. Дѣвушка была крестною матерью ребенка и страстно любила мальчугана.

— Дядя, тебѣ не мѣшаетъ солнце? спросила Полина.

— Нѣтъ, какъ можно....Я такъ давно не видалъ солнца. А ты хочешь, чтобы Поль здѣсь полежалъ?

— Да, да, ему полезно подышать свѣжимъ воздухомъ.

Дѣвушка опустилась на колѣни возлѣ ребенка и смотрѣла на него. Одѣтый въ бѣленькое платьице, изъ подъ котораго виднѣлись маленькія ножки, Поль лежалъ съ закрытыми глазами. Его маленькое неподвижное личико освѣщалось яркими лучами солнца.

— Посмотри-ка, дядя, вѣдь онъ заснулъ, прошептала Полина,—ему надоѣло барахтаться. Дядя, смотри за нимъ, не подпускай къ нему кошку и собаку.

Съ этими словами она погрозила пальцемъ Минушъ, которая сидѣла на окнѣ и ревностно занималась своимъ туалетомъ. Лулу лежалъ на пескѣ и подозрительно посматривалъ на людей, какъ бы предупреждая, что онъ огрызнется и укуситъ дерзкаго, осмѣлившагося потревожить его покой.

Когда Полина поднялась на ноги, Шанто застоналъ.

— *Что, дядя,* тебѣ опять нехорошо....опять начинается?

— *Какое* начинается! Правду говоря, никогда не прекраща-

ются эти боли, ни на мгновеніе.....А почему ты меня спросила? Развѣ я стоналъ? Какъ странно, я самъ этого не замѣтилъ.

Здоровье Шанто находилось въ жалкомъ положеніи. Хроническая подагра обезобразила всѣ сочлененія старика; вокругъ нихъ образовались громадные, бѣловато-прозрачные наросты и пальцы рукъ, съ красною лоснящеюся опухолью, ясно обнаруживали быстрое развитіе ужасной болѣзни. На лѣвой рукѣ виднѣлись наросты величиною въ яйцо; на локтѣ — такой-же наростъ превратился въ язву. Теперь уже Шанто не могъ владѣть ни руками, ни ногами. Все тѣло его было сведено и скорчено. Казалось, старикъ окаменѣлъ въ томъ положеніи, которое онъ выбралъ, какъ наиболѣе удобное: онъ будто принялъ форму кресла, въ которомъ просидѣлъ большую часть жизни. Даже вечеромъ, когда старика клали въ постель, онъ оставался скорченнымъ. За послѣднее время, боли его почти не прекращались и страданіе обострялось при малѣйшей перемѣнѣ погоды.

— Не выпьешь-ли ты чашку молока? спросила Полина.— Мнѣ кажется, это освѣжило бы тебя.

— Ахъ, ужь это молоко, отвѣчалъ старикъ, снова застонавъ, — ну, какую пользу можетъ принести молочное лѣченье?... Мнѣ кажется, что доктора доконали меня этимъ молокомъ...Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не хочу.

Полина хотѣла уйти съ террасы, но дядя удержалъ ее. Онъ попросилъ дѣвушку повернуть его.

— Ужасно горитъ у меня нога. Поверни ее, пожалуйста. Вотъ такъ, хорошо....А какой сегодня чудный день, просто прелесть. Охъ, Боже мой, охъ!

Устремивъ взглядъ въ безоблачное небо, старикъ продолжалъ вздыхать и охать безсознательно, какъ бы не отдавая себѣ отчета. Съ любопытствомъ ребенка онъ смотрѣлъ въ безпредѣльное, голубое море, среди котораго весело скользили бѣлые паруса. Казалось, эта заманчивая даль манила его, и онъ съ тоскою сознавалъ, что не можетъ сдѣлать ни одного шага.

Безпокоясь, что обнаженныя ножки ребенка могутъ озябнуть, Полина снова опустилась на колѣни и закрыла ихъ концомъ одѣяла.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, дѣвушка каждую недѣлю собиралась уѣхать, назначая днемъ отъѣзда понедѣльникъ, но слабыя ручки ребенки могущественно удерживали ее. Первое время послѣ рожденія Поля, всѣ домашніе со дня на день ждали его смерти. Но Полина бодрствовала надъ малюткой и не разъ воскрешала его. Луиза очень мало занималась ребенкомъ, а кормилица, *которую наняли*, съ безучастною покорностью дой*ной коровы относилась* къ своему дѣлу, какъ къ смертельно

надоѣвшему ремеслу. Полина ни на мгновеніе не оставляла ребенка; она безпрестанно слѣдила за температурой его тѣла и, какъ насѣдка надъ чужимъ гнѣздомъ, расточала материнскія заботы по отношенію къ хилому ребенку.

На второй мѣсяцъ послѣ рожденія, ребенокъ поправился и началъ развиваться, хотя все еще оставался слабымъ и худенькимъ. Когда мальчика отняли отъ груди, Полина начала еще болѣе заботиться о немъ.

— Вотъ такъ лучше; я закрою его, проговорила Полина.— Посмотри, дядя, какой хорошенькій Поль; какъ къ нему идетъ это красное одѣяло.... онъ самъ кажется розовымъ!

Шанто съ усиліемъ повернулъ голову и прошепталъ:

— Ты его разбудишь, пусть онъ спитъ. Посмотри-ка: видишь, тамъ идетъ пароходъ.... Это изъ Гавра.... Эхъ, какъ летитъ!

Полина должна была взглянуть на пароходъ, чтобъ доставить удовольствіе старику. Пароходъ казался черной точкой среди безконечнаго пространства воды. Узкая полоска дыма тянулась надъ горизонтомъ. Дѣвушка стояла неподвижно, любуясь спокойнымъ моремъ и широкимъ просторомъ прозрачнаго неба.

— Все это прекрасно, весело проговорила она, — но мнѣ нельзя здѣсь оставаться; кушанье можетъ перегорѣть.

Съ этими словами Полина направилась въ кухню. Но въ ту минуту, когда Полина собиралась отворить дверь въ кухню, чей-то голосъ крикнулъ изъ втораго этажа:

— Полина!

Облокотившись на окно, Луиза стояла въ комнатѣ г-жи Шанто, гдѣ теперь помѣщались молодые супруги.

Непричесанная и въ ночной кофтѣ, молодая женщина заговорила ворчливымъ, непріятнымъ голосомъ:

— Если Лазаръ вернулся, то скажи ему, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ.

— Онъ еще не вернулся.

Луиза разсердилась.

— А, такъ я и знала, что раньше вечера онъ не изволитъ вернуться. Вчера онъ не ночевалъ дома; сегодня опять, пожалуй, не вернется. Удивительно умно. Какъ только онъ вырвется въ Канъ, его не дождешься домой.

— Согласись, Луиза, что Лазару очень скучно постоянно сидѣть дома, кротко замѣтила Полина.—Кромѣ того, его могли задержать въ Канѣ. По всей вѣроятности, онъ пріѣдетъ вмѣстѣ съ докторомъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Лазаръ и Луиза окончательно поселились въ *Боневилѣ*, семейныя сцены между ними не прекращались. *Правда,* серьезныхъ ссоръ почти не бывало, но ихъ жизнь

остоянно отравлялась обоюднымъ раздраженіемъ. Оправившись слѣ болѣзни, Луиза проводила время въ бездѣльѣ. Она икогда не занималась хозяйствомъ и почти до самаго обѣда одила неодѣтой. Лазаръ снова отдался гнетущей тоскѣ и про-живалъ цѣлые часы на берегу моря, устремивъ усталый и учающій взоръ въ безконечную даль. Иногда Лазаръ уѣзжалъ ъ Канъ, но, возвращаясь оттуда, казался еще болѣе усталымъ, азочарованнымъ. Полина по прежнему вела хозяйство и явля-ась необходимымъ лицомъ въ семействѣ Шанто. Ей даже при-одилось по нѣскольку разъ въ день мирить Лазара и Луизу.

— Тебѣ слѣдовало бы одѣться; продолжала Полина,—се-одня придетъ священникъ... Мнѣ совсѣмъ некогда, и потому, ожайлуста, посиди съ нимъ.

Но Луиза продолжала ворчать.

— Это ни на что не похоже, говорила она,—такъ пропадать ъ дому.... Правду говорилъ отецъ.... Онъ еще вчера писалъ нѣ, что нельзя вести такую жизнь; этакъ и послѣднія мои еньги исчезнутъ.

И дѣйствительно, Лазаръ успѣлъ уже растратить значитель-ую сумму изъ приданаго Луизы. Два предпріятія, задуманныя азаромъ, окончились несчастливо и это обстоятельство чрезвы-айно безпокоило Полину; ей хотѣлось обезпечить будущность ребенка и она, крестная мать, подарила мальчику двѣ трети ого, что̀ осталось изъ ея состоянія. Полина взяла на имя крест-ика страховое свидѣтельство, по которому Поль долженъ былъ олучить въ день своего совершеннолѣтія сто тысячъ франковъ. акимъ образомъ, у Полины оставался, всего на всего, доходъ ъ пятьсотъ франковъ. Дѣвушка рѣшилась ограничить свою лаготворительную дѣятельность и эта необходимость огорчала ее.

— Лазаръ опять выдумалъ глупость; развѣ стоитъ зани-аться спекуляціей по искусственному одобренію, продолжала уиза.—Я увѣрена, что отецъ уговоритъ его оставить это дѣло. Если онъ не возвращается до сихъ поръ, то навѣрное кутитъ ъ Канѣ. Положимъ, я не обращаю на это никакого вниманія, усть его возится съ кѣмъ хочетъ.

— За что же ты сердишься, Луиза? возразила дѣвушка.— Успокойся, милая, повѣрь, что Лазаръ ничего не сдѣлаетъ дур-аго. Одѣвайся скорѣе и иди внизъ... Ахъ, какъ меня разсер-дила Вероника. Представь себѣ, ушла и я принуждена теперь отовить кушанье.

Два часа тому назадъ, Вероника очистила овощи, ощипала утку и затѣмъ вдругъ исчезла куда-то, словно сквозь землю про-валилась. *Войдя въ кухню* и увидя, что Вероники нѣтъ, По-

лина рѣшилась сама приготовить кушанье. Она положительно не могла себѣ объяснить, куда дѣвалась Вероника.

— Неужели она еще не вернулась? спросила Луиза.

— Нѣтъ, и знаешь, что̀ мнѣ пришло въ голову, проговорила Полина:—Вероника заплатила за утку два франка, а я имѣла неосторожность сказать ей, что̀ въ Вершемонѣ можно купить утку за полтора франка, къ тому же болѣе жирную и молодую. Вероника поблѣднѣла и посмотрѣла на меня злобнымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ. Я убѣждена, что она побѣжала въ Вершемонъ, чтобы провѣрить, не соврала-ли я...

Полина засмѣялась, но въ ея смѣхѣ замѣчался оттѣнокъ грусти. За послѣднее время, грубыя выходки Вероники часто огорчали Полину.

— Я рѣшительно не знаю, что̀ дѣлается съ Вероникой, сказала Луиза.—Послѣднюю недѣлю отъ нея слова не добьешься; это какая-то сумашедшая женщина!

— Ну, Богъ съ ней, отвѣчала Полина, махнувъ рукою.— Пусть она сбѣгаетъ въ Вершемонъ и удовлетворитъ свое любопытство. Вернется же она сегодня, а съ голоду, Богъ дастъ, мы и безъ нея не умремъ.

Въ это мгновеніе ребенокъ закричалъ и зашевелился подъ одѣяломъ.

— Дорогой мой, милый, радость моя, говорила Полина, бросаясь къ нему и заглядывая въ лицо ребенка.

Луиза постояла еще нѣсколько минутъ у окна и затѣмъ исчезла въ глубинѣ комнаты. Шанто продолжалъ задумчиво глядѣть въ даль, и когда Лулу заворчала, предупреждая о появленіи постороннихъ, Шанто повернулъ голову.

— Полина, твои гости пришли, сказалъ онъ.

Два оборванныхъ мальчугана подошли къ террасѣ. Видя, что маленькій Поль заснулъ, дѣвушка встала и направилась къ мальчикамъ.

— Ахъ, какъ вы некстати, проговорила она.—Мнѣ сегодня совсѣмъ некогда. Ну, да нечего дѣлать. Садитесь вотъ тутъ, на скамейкѣ.

— Дядя, добавила дѣвушка, обращаясь къ старику,—когда придутъ другія дѣти, посади ихъ рядомъ, мнѣ нужно заглянуть въ кухню.

Черезъ четверть часа, когда Полина вернулась на террасу, на скамейкѣ сидѣли два мальчика и двѣ дѣвочки, изъ числа тѣхъ, которые и прежде являлись къ ней за милостыней. Дѣти значительно выросли, но продолжали заниматься нищенствомъ.

За послѣднее время, надъ Боневилемъ разразилась страшная *катастрофа*. Во время майскихъ бурь, три дома были снесены. Неуто-

мимый морской приливъ, годъ изъ году подмывавшій скалы, побѣдоносно хлынулъ на низкій берегъ и унесъ съ собою послѣдніе обломки разрушеннаго селенія. Теперь рыбаки по неволѣ должны были подняться выше и поселились на берегу оврага. Тутъ они расположились пестрымъ таборомъ. Бѣдные пріютились подъ скалами на открытомъ воздухѣ, а богатые начали строиться, основывая такимъ образомъ новое селеніе. Бѣдняки громко проклинали море за постигшее несчастіе и все чаще и чаще обращались къ милосердію Полины.

— Ты зачѣмъ пришелъ? спросила Полина, увидя молодаго Готеляра.—Я сказала, чтобы ты не смѣлъ приходить.

Забитый ребенокъ превратился въ рослаго парня съ угрюмымъ выраженіемъ лица. Онъ потупился и отвѣчалъ:

— Вы должны сжалиться надъ нами, барышня. Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ, мы такъ несчастны...

Отецъ Готеляра отправился въ море въ бурную погоду и не возвратился домой. Матросъ, сопровождавшій его, и лодки—все исчезло безслѣдно: море не возвратило своей добычи.

Такъ какъ Полинѣ приходилось теперь раздавать милостыню нѣсколько осмотрительнѣе, то она рѣшила не выдавать сыну Готеляра и вдовѣ его ни сантима, пока они не прекратятъ свою позорную связь. Когда отецъ былъ живъ, мачиха безжалостно колотила мальчика, а теперь, послѣ его смерти, начала жить съ молодымъ Готеляромъ, какъ съ мужемъ. Глядя на эту курьезную чету, боневильскіе обитатели насмѣшливо улыбались.

— Ты самъ знаешь, почему я запретила тебѣ приходить сюда, продолжала Полина.—Когда ты будешь лучше вести себя, тогда, можетъ быть...

Готеляръ началъ оправдываться плаксивымъ голосомъ:

— Что-же мнѣ было дѣлать; она меня заставила... Еслибы я не согласился, она стала бы меня колотить. Да и не все-ли равно, барышня, со мной она живетъ или съ другимъ. Вѣдь она не мать мнѣ... Помогите намъ, барышня, вѣдь мы всего лишились. Еще я кое-какъ бы справился, а ее жаль; она совсѣмъ больная, право, больная!

Полина сжалилась надъ Готеляромъ и дала ему хлѣба и горшокъ супу. Прощаясь, она сказала, что зайдетъ навѣстить больную и принесетъ ей лѣкарство.

— Да, какъ-же, очень имъ нужно твое лѣкарство, проворчалъ Шанто.—Они и принимать ничего не станутъ. Мяса имъ хочется, вотъ чего.

Но Полина не слушала дядю; она подошла къ дочери Пруана, у которой была расшиблена щека.

— *Что это съ тобой?* Гдѣ ты такъ расшиблась?

— Я... я упала и ударилась объ дерево.

— Объ дерево?.. какъ это странно; не похоже что-то; можно подумать, что ты ударилась объ уголъ стола.

Дочь Пруана была уже взрослой дѣвушкой, съ большими блуждающими глазами. Она видимо старалась стоять неподвижно, но ноги ея подкашивались и коснѣющій языкъ лепеталъ какія-то непонятныя слова.

— Да ты пьяна, кажется! вскричала Полина, пристально взглянувъ на дѣвушку.

— Что вы, барышня, какъ это можно!

— Да, конечно, пьяна и расшиблась, потому что не можешь идти какъ слѣдуетъ. Господи, что это у васъ за несчастная страсть напиваться! Садись, я принесу сейчасъ арнику и тряпку.

Полина перевязала щеку Пруанъ и старалась усовѣстить дѣвушку. Какъ это можно такой молоденькой дѣвушкѣ напиваться?

Пруанъ слушала Полину, смотря на нее мутными глазами. Когда повязка была наложена, дѣвушка пролепетала:

— У отца очень ломятъ ноги, не дадите-ли вы мнѣ, барыня, немного водки съ камфарой, я бы его натерла.

Полина и Шанто переглянулись и не могли удержаться отъ смѣха.

— Я понимаю, зачѣмъ тебѣ нужна водка, и потому не дамъ. Если хочешь, то можешь получить хлѣба, хотя я знаю, что вы продадите его и пропьете вырученныя деньги.

— Подожди, не уходи еще; Кюшэ тебя проводитъ. Обращаясь къ юношѣ, Полина заговорила кроткимъ голосомъ.

— Ты опять пришелъ ко мнѣ и, надѣюсь, хорошо обдумалъ то, что я тебѣ сказала въ прошлую субботу. Я надѣюсь, что ты можешь сдѣлаться хорошимъ, честнымъ человѣкомъ. Вести эту ужасную жизнь долѣе нельзя, да и къ тому-же, у меня очень мало средствъ и я не въ силахъ прокормить всѣхъ васъ.—Скажи, Кюшэ, ты согласенъ воспользоваться моимъ предложеніемъ?

Съ тѣхъ поръ, какъ средства Полины уменьшились, она начала пытаться пристраивать своихъ маленькихъ друзей и доставлять имъ какія-нибудь мелкія занятія.

Докторъ Казэневъ выхлопоталъ для матери Кюшэ мѣсто въ богадѣльнѣ, а Полина приготовила сто франковъ, чтобъ одѣть и снарядить въ дорогу ея сына, для котораго она нашла мѣсто на Шербургской желѣзной дорогѣ. Слушая Полину, юноша *стоялъ, потупившись*, и изрѣдка поглядывалъ на нее съ *недовѣріемъ*.

— Итакъ, рѣшено, ты согласенъ, продолжала Полина:—ты проводишь мать, а затѣмъ можешь отправиться на мѣсто.

Полина сдѣлала шагъ впередъ, желая ближе подойти къ Кюпэ, но юноша быстро отступилъ назадъ. Его глаза испуганно сверкали. Кюпэ показалось, что Полина хотѣла схватить его за руку.

— Чего ты испугался?

— Да, я понимаю, проговорилъ онъ съ недовѣріемъ. — Вы хотите заманить меня, а потомъ и запереть.

Полина начала уговаривать его. Юноша слушалъ ее, не перебивая, и какъ будто убѣждался ея доводами. Но едва только дѣвушка двинулась съ мѣста, какъ онъ бросился къ воротамъ и началъ отказываться отъ предлагаемыхъ благодѣяній, говоря, что ему лучше жить на волѣ, не смотря на то, что онъ голодаетъ.

— И охота тебѣ заниматься съ такими мерзавцами! съ негодованіемъ вскричалъ Шанто.

— Убирайся вонъ, негодяй! продолжалъ онъ, обращаясь къ юношѣ.

Руки Полины дрожали отъ волненія. Дѣвушка была глубоко взволнована, понимая, что ея милосердіе и любовь къ ближнему разбиваются объ эту добровольную нищету.

Отпустивъ остальныхъ посѣтителей, Полина направилась въ кухню. Въ это мгновеніе, на террасѣ появился аббатъ Гортейръ.

— А, вотъ и молодой хозяинъ съ докторомъ, громко сказалъ онъ.

Тутъ послышался стукъ кабріолета. Докторъ Казэневъ шелъ по направленію къ террасѣ и еще издали кричалъ:

— Я привезъ вашего бѣглеца... Онъ, кажется, изволилъ пропадать цѣлыя сутки. Пожалуйста, не браните его.

Вслѣдъ за докторомъ шелъ Лазаръ, улыбавшійся невеселою улыбкою. За послѣднее время Лазаръ сильно состарѣлся; его плечи сгорбились и цвѣтъ лица сталъ какимъ-то сѣрымъ. Казалось, неизлѣчимая тоска и вѣчный страхъ по прежнему томили его. Лазаръ только что началъ объяснять причину своего долгаго отсутствія, какъ вдругъ окно втораго этажа съ трескомъ захлопнулось.

— Луиза сейчасъ выйдетъ, объяснила Полина. — Она еще несовсѣмъ готова.

Всѣ присутствующіе переглянулись. Наступило неловкое молчаніе, такъ какъ всѣ поняли, что гнѣвно захлопнутое окно *предвѣщало крупную ссору*. Лазаръ направился было на верхъ, *но на дорогѣ остановился*, желая отложить непріятное объясне-

ніе. Онъ крѣпко поцѣловалъ отца и маленькаго Поля. Желая скрыть свое замѣшательство, Лазаръ обратился къ Полинѣ и недовольнымъ тономъ сказалъ:

— Прогони, пожалуйста, эту дрянь; ты вѣдь знаешь. я терпѣть не могу, когда они здѣсь.

Лазаръ указалъ на трехъ дѣвочекъ, еще продолжавшихъ сидѣть на скамьѣ.

— Ну, идите, сказала Полина.

Когда дѣвочки собрались уходить, Лазару пришла фантазія обыскать корзинку дочери Турмаля. Оказалось, что она спрятала старый кофейникъ, валявшійся на дворѣ. Лазаръ разсердился и выпроводилъ дѣвочекъ за ворота.

— Вотъ такъ народецъ! сказалъ священникъ, садясь возлѣ Шанто.—Самъ Богъ отказался отъ нихъ. Помилуйте, дѣти и тѣ пьянствуютъ и занимаются воровствомъ. Не успѣетъ дѣвочка первый разъ причаститься, какъ уже сама начинаетъ плодить дѣтей. Да, я всегда говорилъ, что ихъ постигнетъ страшное бѣдствіе и мои слова оправдались.

— А вы все еще намѣрены возстановить рухнувшую плотину? спросилъ докторъ, обращаясь къ Лазару.

Въ голосѣ доктора звучала иронія. Лазаръ съ досадой махнулъ рукой. Его раздражало всякое воспоминаніе о неудачной борьбѣ съ моремъ.

— Я—то! вскричалъ онъ, да я пальцемъ не пошевелю, если море прильетъ къ нашимъ дверямъ. Разъ сдѣлалъ глупость, и довольно. Знаете, вѣдь я видѣлъ своими глазами, какъ эти наглецы радовались, видя, что плотину разносятъ волны... Я даже подозрѣваю, что они сами подпилили сваи. Не можетъ быть, чтобъ такія толстыя бревна надломились отъ прилива.

Такими фразами Лазаръ старался утѣшить свое пострадавшее самолюбіе. Указавъ рукою на Боневиль, онъ добавилъ:

— Пусть они мрутъ, какъ собаки. Я тоже, въ свою очередь, буду радоваться.

— Ахъ, Лазаръ, зачѣмъ ты стараешься казаться такимъ злымъ, спокойно замѣтила Полина. — Только бѣдняки имѣютъ право злиться. Мнѣ кажется, что ты не прочь выстроить плотину.

— Ну, нѣтъ, это было бы уже слишкомъ глупо. Да, наконецъ, мнѣ надоѣло заниматься этимъ дѣломъ. Конечно, ты права, не стоитъ сердиться на нихъ. Поглотитъ ихъ море или не поглотитъ, мнѣ рѣшительно все равно.

Разговоръ временно прекратился. Шанто сидѣлъ неподвижно, *скорчившись* отъ боли; аббатъ вертѣлъ пальцами, а докторъ *расхаживалъ взадъ* и впередъ, заложивъ руки за спину. Луиз *продолжала ворчать* и не могла успокоиться, потому что слыша-

ла на дворѣ различные звуки. Полина разсердилась и погрозила ему пальцемъ.

— Ты напрасно воображаешь, что твоя Лулу испугается и замолчитъ, сказалъ Лазаръ. Я никогда еще не видѣлъ такой скверной собаки: малѣйшій шумъ раздражаетъ ее. Это отвратительное животное только для того и создано, чтобъ заставлять меня еще болѣе жалѣть о Матье.

— А сколько лѣтъ вашей Минушъ? спросилъ докторъ.—Я давно уже помню ее.

— Да ей уже шестнадцать лѣтъ, отвѣчала Полина,—но она все еще такая бодрая и веселая.

Минушъ, продолжавшая заниматься своимъ туалетомъ, неожиданно подняла голову, когда докторъ назвалъ ее по имени.

— Видите, какъ она чутка, продолжала дѣвушка. — Вотъ только зрѣніе слабѣетъ у Минушъ.

Шанто, все время смотрѣвшій на кошку, дышалъ съ видимымъ усиліемъ. Легкіе стоны безпрерывно вырывались изъ его груди.

— Что вамъ сегодня нездоровится? спросилъ докторъ.

— Почему вы думаете? какъ бы очнувшись, спросилъ Шанто.—Ахъ, да, я дышу сегодня тяжелѣе обыкновеннаго. Правда, мнѣ вечеромъ всегда хуже; я думалъ, что на солнцѣ будетъ легче, а между тѣмъ задыхаюсь и всѣ суставы горятъ, какъ будто въ огнѣ.

Казэневъ осмотрѣлъ руки больнаго и содрогнулся при видѣ изуродованныхъ пальцевъ. Аббатъ Гортейръ глубокомысленно посмотрѣлъ на руки старика и сказалъ:

— Да, съ такими пальцами трудно играть въ шашки... Скоро и такого развлеченія не будетъ.

— Вамъ нужно быть особенно осторожнымъ по отношенію къ пищѣ, посовѣтовалъ докторъ.—У васъ локоть сильно воспаленъ.

— Господи, да какъ же мнѣ еще быть осторожнѣе! съ отчаяніемъ вскричалъ Шанто. — Не могу же я ничего не ѣсть... Помилуйте, мнѣ даютъ вино по капелькѣ и рѣжутъ самый маленькій кусочекъ мяса. Полина сама кормитъ меня каждый день и отлично знаетъ, что я ничего не ѣмъ лишняго.

Молодая дѣвушка улыбнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядя, вчера ты поѣлъ слишкомъ много. Конечно, я сама виновата: не умѣю отказывать, когда вижу, что тебѣ очень хочется съѣсть что нибудь.

Всѣ присутствующіе принужденно засмѣялись и начали подразнивать старика Шанто, говоря, что онъ позволяетъ себѣ кутить. Но голоса ихъ дрожали отъ жалости при видѣ этой раз-

валины, въ которой, какъ признакъ жизни, сохранилось только страданіе.

Шанто снова принялъ прежнее положеніе: онъ сидѣлъ, откинувшись въ правую сторону, и держалъ руки вытянутыми на колѣняхъ.

— Сегодня у насъ будетъ къ обѣду утка, жаренная на вертелѣ...

Дѣвушка остановилась, не окончивъ фразы, и, обращаясь къ доктору, спросила:

— Кстати, не встрѣтили-ли вы Веронику? Она отправилась въ Вершемонъ.

Затѣмъ Полина разсказала о странномъ исчезновеніи кухарки. Оказалось, что ни Лазаръ, ни докторъ не видѣли ея. Всѣ удивлялись странному капризу Вероники и представляли себѣ удивленіе служанки, когда она вернется домой и увидитъ, что господа уже обѣдаютъ.

— Однако, мнѣ нельзя съ вами болтать, воскликнула Полина.—Если у меня подгоритъ жаркое, то дядя разсердится и дастъ мнѣ разсчетъ.

Аббатъ Гортейръ громко разсмѣялся при этихъ словахъ Полины. Даже докторъ Казэневъ весело улыбнулся.

Въ эту минуту, во второмъ этажѣ съ шумомъ распахнулося окно и Луиза крикнула рѣзкимъ голосомъ:

— Поди сюда, Лазаръ!

Лазаръ колебался исполнить приказаніе жены, но, встрѣтивъ умоляющій взглядъ Полины, отправился на верхъ. Полина осталась еще нѣсколько минутъ на террасѣ, желая изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное гнѣвнымъ окрикомъ Луизы. Воцарилось тягостное молчаніе. Всѣ, точно сговорившись, смотрѣли на море, любуясь косыми лучами солнца, заливавшими массу воды. Ясный день догоралъ среди величаваго безмолвія и на безпредѣльномъ пространствѣ воды и неба, сливавшихся въ одно цѣлое не было видно ни паруса, ни облачка.

— Такъ ему и нужно, сказала наконецъ Полина, кротко улыбаясь.—Нельзя же не побранить мужа, если онъ не ночевалъ дома.

Докторъ Казэневъ пристально смотрѣлъ на Полину, и дѣвушка вспомнила его слова, что онъ не предвидитъ счастья въ бракѣ Лазара и Луизы.

— Итакъ, я ухожу, сказала дѣвушка.—Скоро обѣдать. Дядя не забудь позвать меня, если Поль проснется.

Въ кухнѣ Полина принялась приготовлять вертелъ и передвигать кастрюли съ мѣста на мѣсто.

Раздраженные голоса Луизы и Лазара ясно доносились

нея сквозь потолокъ, и дѣвушка приходила въ отчаяніе, что докторъ и священникъ услышатъ ссору молодыхъ супруговъ.

Полина не рѣшалась идти на верхъ, потому что ей непріятно было вмѣшиваться въ ихъ отношенія и постоянно играть роль примирительницы. Большею частью, дѣвушкѣ приходилось мирить мужа и жену внизу, въ тѣ часы, когда они собирались всѣ вмѣстѣ. Окончивъ всѣ приготовленія въ кухнѣ, Полина вошла въ столовую и начала накрывать столъ, усиленно гремя тарелками. Голоса мужа и жены не умолкали. Полинѣ было тяжело слышать, какъ они отравляютъ другъ другу жизнь и она поспѣшила на верхъ, желая помирить ихъ и успокоить.

— Друзья мои, заговорила она, входя въ комнату,—пожалуйста, не сердитесь на меня и не говорите, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло; я пришла сказать, что вы слишкомъ громко кричите. Право, нельзя же подымать такой шумъ.

Съ этими словами Полина затворила окно, остававшееся открытымъ, и, заглянувъ на террасу, увидѣла, что докторъ и священникъ ушли въ комнату. Только Шанто сидѣлъ въ своемъ креслѣ, да возлѣ него спалъ маленькій Поль.

— Каждое слово вашего разговора было слышно внизу. Господи, да изъ-за чего вы опять ссоритесь?

Лазаръ и Луиза были такъ раздражены, что продолжали ссору, даже не замѣчая появленія Полины. Дѣвушка стояла неподвижно, охваченная какимъ-то особеннымъ смущеніемъ въ этой комнатѣ, которая была спальней молодыхъ супруговъ. Желтый ситецъ съ зелеными разводами, красный коверъ и старая мебель—замѣнились обивкой изъ новенькой шерстяной матеріи и низкой кокетливой мебелью. Ничто въ этой комнатѣ не напоминало о покойной матери Лазара. Туалетъ Луизы, на которомъ валялось мокрое полотенце, распространялъ по комнатѣ раздражающее благоуханіе духовъ. Полинѣ было душно въ этой большой комнатѣ и она блуждающимъ взоромъ обвела всю мебель и бездѣлушки этой интимной супружеской обстановки.

Послѣ долгой и мучительной борьбы, Полина наконецъ согласилась жить возлѣ молодыхъ супруговъ; она могла даже спать по ночамъ, хотя знала, что Лазаръ и Луиза находятся въ объятіяхъ другъ друга. Но до сихъ поръ дѣвушкѣ никогда еще не случалось входить въ спальню супруговъ и заставать ихъ въ комнатѣ передъ кроватью, уже приготовленной для ночнаго отдыха.

Забытая ревность снова зашевелилась въ душѣ Полины.

— Какъ это вамъ не стыдно ссориться и мучить другъ друга, заговорила она послѣ недолгаго молчанія. Неужели вы никогда не *сдѣлаетесь благоразумными*?

— *Нѣтъ, кричала Луиза*, я положительно не въ силахъ вести

такую жизнь. Какъ тебѣ нравится: онъ никогда не хочетъ сознаться въ своей винѣ! Да, да, я сказала, что онъ насъ всѣхъ встревожилъ, что мы его ждали вчера цѣлый день и вдругъ, что же: онъ накидывается на меня, начинаетъ говорить, что я испортила ему жизнь, и грозитъ уѣхать въ Америку...

— Ты лжешь, яростно перебилъ Лазаръ. Еслибы ты упрекнула меня мягко и ласково, я бы сейчасъ поцѣловалъ тебя и между нами не было бы никакой ссоры. Но ты начала обвинять меня, упрекать, говорить, что я отравилъ твою жизнь... Ты сказала, что хочешь утопиться, если тебѣ и въ будущемъ грозитъ такая-же скучная, однообразная жизнь.

Мужъ и жена снова начали осыпать другъ друга упреками. Казалось, они пользовались случаемъ, чтобъ излить всю злобу, накопившуюся въ нихъ, благодаря постояннымъ столкновеніямъ. Они придирались другъ къ другу по поводу самыхъ пустыхъ случайностей и мало по малу дошли до взаимной антипатіи. Когда прошелъ первый пылъ любви, то Луиза, не смотря на свое кроткое личико, обнаруживала такую злость, что Лазаръ иногда боялся ея. Правда, ощущая невыносимую скуку, Лазаръ иногда даже нарочно начиналъ ссору, чтобъ развлечь себя.

Полина молча слушала эту перебранку Она рѣшительно не понимала такой любви, при которой люди не жалѣютъ другъ друга и не щадятъ. Отчего они не стараются приноровиться другъ къ другу, если судьба заставила ихъ жить вмѣстѣ? Ей казалось, что можно завоевать счастье, если рѣшиться забыть эгоистическія побужденія и относиться къ близкому человѣку съ состраданіемъ и лаской. Отношенія мужа и жены огорчали Полину. Она помнила, что этотъ бракъ былъ заключенъ по ее настоянію и страстно желала, чтобы ихъ счастье вознаграждало ее за принесенную жертву.

— Я вѣдь тебя не упрекаю за то, что ты растратилъ все мое состояніе, кричала Луиза.

— Еще бы этого не доставало, отвѣчалъ Лазаръ.—Развѣ я виноватъ, что меня обокрали.

— Пожалуйста, не говори этого; обкрадываютъ только глупыхъ людей, которые не умѣютъ защитить себя. Во всякомъ случаѣ, изъ всего моего состоянія остался теперь жалкій доходъ въ пять тысячъ франковъ... Понятно, на такія деньги нельзя жить нигдѣ, кромѣ этой берлоги. Еслибы не Полина, такъ нашему ребенку пришлось бы идти по міру. Я увѣрена, что ты и послѣднія деньги растратишь, придумавъ какое нибудь блестящее *предпріятіе... а* затѣмъ опять неудача... и такъ постоянно...

— *Что же* ты замолчала? Продолжай. Твой отецъ вчера *наговорилъ мнѣ* достаточно пріятныхъ вещей. Теперь я все понимаю.

это ты ему написала. Ну, такъ успокойся; я оставилъ мысль о фабрикаціи искусственнаго удобренія, хотя твердо увѣренъ, что это дало бы громадныя выгоды. Нѣтъ, довольно; будь я проклятъ, если еще хоть за что-нибудь возьмусь. Мы останемся здѣсь навсегда.

— Удивительно пріятная жизнь, нечего сказать, раздраженно проговорила Луиза.—Точно въ тюрьмѣ... Цѣлые годы сиди дома, да любуйся на это глупое море... Оно наводитъ на меня сонъ и скуку. О, Боже мой! еслибы я только знала, еслибы я знала!

— Ты, можетъ быть, думаешь, Луиза, что мнѣ весело? Да, еслибы я не былъ женатъ, я могъ бы уѣхать куда нибудь... Мнѣ уже сотни разъ приходила эта мысль. Но, нѣтъ, для меня все кончено. Я долженъ жить въ этомъ проклятомъ захолустьѣ. Я сознаю ясно, что ты разбила мою жизнь.

— Я разбила твою жизнь? Это еще что за новость! Да развѣ я заставляла тебя жениться на мнѣ? Ты долженъ былъ видѣть, что мы вовсе не созданы другъ для друга. Наша жизнь испорчена и въ этомъ виноватъ только ты, ты!

— Да, дѣйствительно, наша жизнь испорчена... Съ своей стороны, ты стараешься сдѣлать ее еще болѣе несчастной.

Долѣе Полина не могла выносить, не смотря на свое намѣреніе не вмѣшиваться въ ихъ ссору; она перебила ихъ.

— Да перестаньте вы, наконецъ. Дѣйствительно, вы оба стараетесь отравить свою жизнь... Вы говорите другъ другу такія ужасныя вещи, которыя никогда не забываются. Я не позволю вамъ больше такъ спорить. Замолчите!

Луиза горько плакала; она опустилась на стулъ и сидѣла неподвижно. Лазаръ порывисто расхаживалъ по комнатѣ.

— Плакать не о чемъ, моя милая, продолжала Полина.—Ты слишкомъ нетерпѣлива и раздражаешь Лазара.—А ты, мой другъ, какъ тебѣ не стыдно такъ жестоко обращаться съ Луизой. Право, я думала, что у тебя болѣе доброты. Вы поступаете, какъ дѣти, мучите себя совершенно напрасно. Я не могу видѣть вашего несчастья. Помиритесь сейчасъ-же, пожалуйста.

Полина пыталась засмѣяться. Смущеніе, которое она испытала въ первую минуту—совершенно исчезло. Теперь ей хотѣлось, чтобъ супруги какъ можно скорѣе помирились.

— Я не хочу его цѣловать. Вотъ еще новость... отвѣчала Луиза.—Онъ наговорилъ мнѣ такихъ дерзостей, что я...

— Я тоже не намѣренъ, вскричалъ Лазаръ.

Полина весело разсмѣялась.

— *Полноте, перестаньте* же злиться! Вы вѣдь знаете, что я *настойчива и во чтобы* то ни стало добьюсь своего. У меня въ

сановники-банкократы и именитые „комерціи совѣтники“, съ туго набитыми карманами,—тогда какъ въ низшей, менѣе зажиточной средѣ, въ подобныхъ-же случаяхъ, стоимость предмета купли и продажи могла спускаться до нѣсколькихъ десятковъ и даже до нѣсколькихъ рублей, какъ имѣются тому примѣры...

Конечно, очень немногія изъ жонъ, разрывающихъ брачныя узы съ мужьями, такъ сказать, перваго призыва, находятъ потомъ такихъ пламенныхъ и тароватыхъ обожателей, которые покупали-бы право назвать ихъ „своими“ столь дорогою цѣною, посредствомъ формальнаго развода и законнаго бракосочетанія. Обыкновенно дѣло обходится гораздо проще, безъ дальнихъ церемоній и хлопотъ. Обыкновенно, неполадившіе супруги, вмѣсто того, чтобы *разводиться* юридически, просто *разъѣзжаются*, и это такъ вошло въ практику и такъ часто повторяется, что глаголъ „разъѣзжаться“ на петербургскомъ діалектѣ пріобрѣлъ упроченное, въ указанномъ смыслѣ, техническое значеніе. Законно разведшихся супруговъ въ столицѣ очень немного, зато „разъѣхавшихся“—безчисленное множество.

Въ большинствѣ случаевъ, эманципировавшіеся отъ брачныхъ узъ супруги взаимно упраздняются другъ для друга безъ всякихъ слѣдовъ, безъ всякихъ даже воспоминаній о разрушенномъ семейномъ очагѣ, и беззаботно возобновляютъ холостяцкую жизнь, со всѣми ея прелестями и съ полной независимостью въ дѣлѣ романическихъ похожденій. Независимость эта простирается даже до того, что, напр., замужнія женщины, конечно, въ большинствѣ „разъѣхавшіяся“ со своими мужьями, составляютъ весьма ощутительный процентъ въ группѣ профессіональныхъ, клейменныхъ проститутокъ (таковыхъ около 10% въ общей цифрѣ сосчитанныхъ петербургскихъ жертвъ общественнаго темперамента). Какое-же число „соломенныхъ вдовъ“ и таковыхъ-же вдовцовъ вкушаютъ сладость беззаконной любви тайно, безъ контроля блюстительной полиціи нравовъ,—никто не считалъ, да и сосчитать было-бы мудрено... Умъ вскружится!

Значительно меньшее число такихъ случаевъ въ разсматриваемой области семейнаго разброда является тамъ, гдѣ свобода отъ супружескихъ обязательствъ и—всего главнѣе—отъ обязанности сожительства въ брачной парѣ окупается довольно чувствительно, въ особенности для мужа, тѣмъ болѣе, если онъ является иниціаторомъ семейнаго разрыва. Въ высшей культурной и зажиточной средѣ принято, что мужъ, „разъѣхавшись“ съ женою, выдаетъ ей опредѣленную пожизненную пенсію. Дѣло улаживается полюбовно и прилично, безъ *скандалёзнаго* посредства недремлющаго закона, обязывающаго мужа

улся на спину. Розовое, обнаженное тѣло малютки барахта-ось на красномъ, какъ распустившійся піонъ, одѣялѣ.

— Какъ онъ откровененъ, весело продолжала дѣвушка, смо-ря на ребенка.—А вотъ погодите, я вамъ сейчасъ покажу, ка-ой онъ молодецъ: онъ умѣетъ ходить.

И опустившись на колѣни, Полина старалась поставить маль-ика на ноги.

Благодаря хилому здоровью, маленькій Поль развивался очень едленно. Одно время Полина даже боялась, что онъ останется ь разслабленными ногами. Въ виду такого соображенія, вся емья Шанто съ восторгомъ любовалась, когда мальчикъ начи-алъ ходить.

Поль размахивалъ ручонками и падалъ всякій разъ, когда на ути его встрѣчалось какое-нибудь препятствіе.

— Полно, полно, не шали, повторяла Полина.—Надо серьезно одить; иди, какъ настоящій мужчина. Вотъ такъ: стой крѣпко а ногахъ! Пойдемъ; сначала ты поцѣлуешь папу, а потомъ дѣ-ушку.

Шанто съ усиліемъ повернулъ голову и внимательно слѣдилъ ъ этой сценой. Не смотря на подавленное состояніе души, Ла-аръ тоже принялъ участіе въ экзаменѣ Поля.

— Поди ко мнѣ, сказалъ онъ ребенку.

— Нѣтъ, Лазаръ, протяни ему руки! вскричала Полина.— Не можетъ же онъ такъ легкомысленно пускаться въ путь; ему адо знать, что его подхватятъ во-время. Ну, иди, мое сокро-ище, смѣлѣе!

Маленькому Полю предстояло сдѣлать три шага и когда ре-енокъ прошелъ это короткое пространство и упалъ въ объятія ца, то Лазаръ крѣпко поцѣловалъ голову малютки. Поль смѣялся ѣмъ захлѣбывающимся смѣхомъ, которымъ смѣются очень ма-енькія дѣти, широко раскрывая свой ротикъ.

Послѣ упражненія въ ходьбѣ, крестная мать хотѣла заста-ить Поля говорить. Но мальчикъ издавалъ такіе неопредѣлен-ые гортанные звуки, что только родные, да и тѣ съ большимъ удомъ узнавали въ нихъ слова: „папа и мама“.

Нѣсколько разъ Полина заставляла Поля совершать болѣе ли менѣе длинныя путешествія.

— Еще разъ къ дѣдушкѣ, говорила Полина.

Но Шанто не могъ протянуть рукъ, чтобъ поддержать ре-енка. Тогда Полина становилась на дорогѣ и перехватывала альчугана. Трепещущая отъ избытка веселья и здоровья, Полина трастно отдавалась любви къ ребенку. Она посылала его то къ ѣду, то къ отцу, и любовалась каждымъ движеніемъ своего *ровестника.*

— Я надѣюсь, что Поль умнѣе проживетъ свою жизнь, неожиданно сказала дѣвушка.—Онъ не будетъ обвинять химію въ томъ, что она ему жизнь отравила, и не станетъ бояться смерти, зная, что рано или поздно всѣхъ ждетъ неизбѣжный конецъ.

Лазара смутили эти слова Полины.

— Ну, такъ у него будетъ подагра, какъ у дѣда, а нервы разстроятся еще сильнѣе, чѣмъ у меня, сказалъ Лазаръ. — Посмотри, какой хилый нашъ Поль. Таковъ законъ вырожденія...

— Ахъ, перестань, Лазаръ, вскричала Полина.—Я сама буду воспитывать Поля, и ты посмотришь, какой молодецъ изъ него выйдетъ.

Потомъ всѣ замолчали. Полина взяла ребенка на руки и, нѣжно любуясь личикомъ малютки, крѣпко прижимала его къ груди.

— Зачѣмъ ты не вышла замужъ, спросилъ Лазаръ, если такъ любишь дѣтей?

Полина съ удивленіемъ взглянула на него.

— У меня есть ребенокъ. Вѣдь ты мнѣ подарилъ сына... Мнѣ выйти замужъ? Ни за что на свѣтѣ!

Укачивая маленькаго Поля, она со смѣхомъ говорила, что сдѣлалась послѣдовательницей Шопенгауэра. Она навсегда останется дѣвушкой, чтобъ содѣйствовать всемірному избавленію. И дѣйствительно, Полина была олицетвореніемъ самопожертвованія. Это былъ идеалъ любви и безконечной доброты.

Между тѣмъ солнце закатилось въ море. Глубокая тишина царила подъ блѣднѣющимъ небомъ и безконечная масса воды принимала нѣжный колоритъ потухающаго лѣтняго дня.

Вдали слабо сверкалъ маленькій бѣлый парусъ и прозрачныя сумерки медленно окутывали неподвижное море. Полина все еще продолжала укачивать ребенка, стоя посреди террасы возлѣ стонавшаго старика. Ея звонкій, радостный смѣхъ мелодично раздавался среди прозрачной тьмы.

— А что мы сегодня не будемъ обѣдать? спросила Луиза, выходя изъ дому, въ изящномъ платьѣ изъ сѣрой шелковой матеріи.

— Нѣтъ, будемъ, отвѣчала Полина.—Я не понимаю, что̀ они дѣлаютъ въ саду!

Въ эту минуту, на террасу вошелъ аббатъ Гортейръ. Его лицо было взволновано. Всѣ обступили священника и начали разспрашивать его, что̀ они дѣлали такъ долго въ огородѣ.

— Представьте себѣ, гдѣ мы нашли бѣдную Веронику! Она повѣсилась на одномъ изъ вашихъ грушевыхъ деревьевъ! сказалъ священникъ, послѣ тщетныхъ стремленій найти какую нибудь *вступительную* фразу.

Всѣ вскрикнули отъ изумленія и испуга.

— Зачѣмъ это она сдѣлала? проговорила Полина.—Никакой серьезной причины не было, вѣдь она начала даже готовить обѣдъ. Господи! неужели ее такъ огорчило мое замѣчаніе, что она передала лишнее за утку? Я сказала ей, что можно купить утку въ Вершемонѣ за полтора франка, тогда какъ она заплатила за нее два!

Черезъ нѣсколько мгновеній вернулся докторъ Казэневъ. Его стараніе возвратить къ жизни Веронику не увѣнчалось успѣхомъ. Съ помощью Мартина тѣло служанки отнесли въ сарай.

— Она, видно, недолго раздумывала, сказалъ докторъ: — Сняла кухонный передникъ и повѣсилась на тесемкѣ...

Луиза и Лазаръ, похолодѣвъ отъ ужаса, мрачно молчали. Шанто, внимательно слушавшій разсказъ доктора, былъ раздраженъ при мысли, что это происшествіе разстроило пріятный обѣдъ.

Жалкій безногій калѣка, котораго приходилось кормить, какъ ребенка, эта несчастная развалина, вся жизнь которой была однимъ страданіемъ,—воскликнулъ, въ припадкѣ негодованія:

— Надо же быть такой дурой, чтобъ лишить себя жизни!

Конецъ.

Въ борьбѣ.

Лѣсная глушь... Береза да осина...
Да тощіе желтѣются хлѣба...
И будитъ мысль печальная картина:
Здѣсь жизнь—не пиръ, а мука и борьба.

* * *

И въ эту глушь, съ тоскою мнѣ знакомой,
Пришла она—красива, молода,—
Чтобъ здѣсь въ дыму, подъ жалкою соломой
Похоронить цвѣтущіе года.

* * *

Она пришла, исполненная вѣры,
Что трудъ ея спасенье принесетъ,
И что бѣднякъ, страдающій безъ мѣры,
Простыхъ рѣчей значеніе пойметъ.

* * *

По временамъ далекой жизни звуки,
Маня собой, доносятся сюда...
И вижу я, какъ много жгучей муки
Ей затаить приходится тогда!

* * *

И за нее становится мнѣ больно...
Хочу сказать: „мужайся, побѣди!“
Но я боюсь обмолвиться невольно,
И крикнуть ей: „скорѣе уходи!“

А. Кругловъ.

Картины петербургскихъ нравовъ.

II.

Семейныя драмы.

Формальные разводы между супругами у насъ чрезвычайно рѣдки, во-первыхъ, потому что они очень хлопотливы, затруднительны и дорого стоютъ, а, во-вторыхъ, потому что, при нынѣшней покладистости нравовъ, бредущіе врознь супруги вовсе не нуждаются въ санкціонированіи своего разрыва. Дѣла о разводѣ возбуждаются обыкновенно людьми состоятельными и только въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ имѣетъ надобность заключить новый церковный бракъ. Дѣла эти, нужно замѣтить, пребезнравственныя въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ, со своей оборотной стороны, они чаще всего ничто иное, какъ торговыя сдѣлки, и процедура ихъ основана на куплѣ и продажѣ, не говоря уже о томъ, что самая практика ихъ юридическаго производства сплетается изъ лжесвидѣтельствъ и подтасовокъ. Обыкновенно, разводъ нуженъ кому нибудь одному изъ супруговъ, чаще всего женѣ, ради новой, пріятной или выгодной „партіи“, слѣдовательно, сторонѣ этой нужно сохранить за собой и право на вступленіе въ новый бракъ. Отсюда является необходимость склонить противную сторону, т. е. брошеннаго мужа, и къ согласію на разводъ, и къ готовности принять на себя инкриминацію въ нарушеніи святости брачнаго союза. Требуется, стало быть, жертва, а современный обыватель менѣе всего чувствуетъ расположеніе къ безкорыстному самопожертвованію. Вотъ эта-то жертва, какъ равно и согласіе на разводъ, и покупаются обыкновенно ходячею размѣнною монетою. Въ скандалёзной хроникѣ Петербурга извѣстно немало случаевъ покупки жонъ этимъ именно путемъ у сговорчивыхъ мужей, для которыхъ, такимъ образомъ, разлученныя супруги на самомъ дѣлѣ оказывались вполнѣ *дражайшими* половинами... Были случаи, что въ этой торговлѣ жены шли цѣною въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей—*разумѣется*, когда покупателями ихъ являлись графы,

сановники-банкократы и именитые „комерціи совѣтники“, съ туго набитыми карманами,—тогда какъ въ низшей, менѣе зажиточной средѣ, въ подобныхъ-же случаяхъ, стоимость предмета купли и продажи могла спускаться до нѣсколькихъ десятковъ и даже до нѣсколькихъ рублей, какъ имѣются тому примѣры...

Конечно, очень немногія изъ жонъ, разрывающихъ брачныя узы съ мужьями, такъ сказать, перваго призыва, находятъ потомъ такихъ пламенныхъ и тароватыхъ обожателей, которые покупали-бы право назвать ихъ „своими“ столь дорогою цѣною, посредствомъ формальнаго развода и законнаго бракосочетанія. Обыкновенно дѣло обходится гораздо проще, безъ дальнихъ церемоній и хлопотъ. Обыкновенно, неполадившіе супруги, вмѣсто того, чтобы *разводиться* юридически, просто *разъѣзжаются*, и это такъ вошло въ практику и такъ часто повторяется, что глаголъ „разъѣзжаться“ на петербургскомъ діалектѣ пріобрѣлъ упроченное, въ указанномъ смыслѣ, техническое значеніе. Законно разведшихся супруговъ въ столицѣ очень немного, зато „разъѣхавшихся“—безчисленное множество.

Въ большинствѣ случаевъ, эманципировавшіеся отъ брачныхъ узъ супруги взаимно упраздняются другъ для друга безъ всякихъ слѣдовъ, безъ всякихъ даже воспоминаній о разрушенномъ семейномъ очагѣ, и беззаботно возобновляютъ холостяцкую жизнь, со всѣми ея прелестями и съ полной независимостью въ дѣлѣ романическихъ похожденій. Независимость эта простирается даже до того, что, напр., замужнія женщины, конечно, въ большинствѣ „разъѣхавшіяся“ со своими мужьями, составляютъ весьма ощутительный процентъ въ группѣ профессіональныхъ, клейменныхъ проститутокъ (таковыхъ около 10% въ общей цифрѣ сосчитанныхъ петербургскихъ жертвъ общественнаго темперамента). Какое-же число „соломенныхъ вдовъ“ и таковыхъ-же вдовцовъ вкушаютъ сладость беззаконной любви тайно, безъ контроля блюстительной полиціи нравовъ,—никто не считалъ, да и сосчитать было-бы мудрено... Умъ вскружится!

Значительно меньшее число такихъ случаевъ въ разсматриваемой области семейнаго разброда является тамъ, гдѣ свобода отъ супружескихъ обязательствъ и—всего главнѣе—отъ обязанности сожительства въ брачной парѣ окупается довольно чувствительно, въ особенности для мужа, тѣмъ болѣе, если онъ является иниціаторомъ семейнаго разрыва. Въ высшей культурной и зажиточной средѣ принято, что мужъ, „разъѣхавшись“ съ женою, выдаетъ ей опредѣленную *пожизненную пенсію*. Дѣло улаживается полюбовно и прилично, безъ *скандалёзнаго* посредства недремлющаго закона, обязывающаго мужа

содержать жену. Но, въ послѣднее время, въ практикѣ петербургскаго суда все чаще и чаще стали встрѣчаться процессы, вчинаемые по искамъ брошенныхъ жонъ къ легкомысленнымъ мужьямъ, съ требованіемъ отъ нихъ узаконеннаго содержанія. Фигурируютъ въ этихъ процессахъ больше всего представители мелкой, недостаточной разночинной среды, хотя изрѣдка встрѣчаются и люди состоятельные, именитые. Процессы этого рода весьма однообразны по своимъ мотивамъ и по своей сущности. Въ судъ является жена, нерѣдко обремененная дѣтьми, и проситъ обязать бросившаго ее, безпутнаго мужа, выплачивать ей такую-то сумму на содержаніе. Понятно, что когда у супруговъ дѣло доходитъ по этому щекотливому пункту до суда, то ужь тутъ они совершенно не церемонятся другъ съ другомъ. Обыкновенно, отвѣтчикъ-мужъ старается отклонить отъ себя обязанность платить женѣ на содержаніе или, по крайней мѣрѣ, возможно уменьшить сумму послѣдняго. Дѣла эти разбираются у мировыхъ судей, которые обыкновенно стараются привести стороны къ полюбовному соглашенію, являющемуся, конечно, въ подобныхъ тяжбахъ совершенно фиктивнымъ. Это можно видѣть и изъ того, что въ большинствѣ такихъ процессовъ стеоретипное предложеніе судьи тяжущимся супругамъ возобновить сожительство встрѣчаетъ съ ихъ стороны категорическое отрицаніе. Остается опредѣлить размѣръ требуемаго содержанія, что̀ для судей всегда затруднительно, въ случаѣ спора по этому пункту между супругами. Судоговореніе обращается въ торгъ: жена запрашиваетъ, мужъ скупится и не уступаетъ, а судья вотще пытается согласить ихъ и, когда это не удается, утверждаетъ ту цифру, которая предложена мужемъ.

— Требую сто рублей въ мѣсяцъ!—заявляетъ, напр., въ одномъ подобномъ процессѣ злополучная жена, стараясь доказать основательность своего требованія.

— Состоянія у меня нѣтъ; получаю всего триста рублей доходу въ годъ,—завѣдомо лжетъ супругъ,—а потому могу предложить только пятнадцать рублей въ мѣсяцъ.

— Согласны? спрашиваетъ судья истицу.

— Что-жъ? отвѣчаетъ она, поразмысливъ вѣроятно, что съ такого благовѣрнаго „хоть шерсти клокъ“ и то находка:—Пусть хоть что нибудь платитъ... Я согласна!

Бываетъ, впрочемъ, и очень часто, что тяжущіяся со своими мужьями жены ограничиваютъ свои иски однимъ лишь требованіемъ выдачи имъ *отдѣльнаго вида* на жительство. Такіе иски весьма обыкновенны *въ практикѣ* петербурскаго суда. Извѣстно также, что мно-

гія бросившія своихъ мужей жены обращаются съ ходатайствомъ о выдачѣ имъ такихъ видовъ къ спеціальнымъ органамъ административной власти и—небезуспѣшно, если могутъ подкрѣпить свое требованіе достаточными основаніями. Выдача вида на отдѣльное жительство, соотвѣтствующая тому, что во французскомъ кодексѣ называется séparation des corps, есть, въ сущности, актъ развода de-facto, и такимъ образомъ сама предержащая власть, въ лицѣ суда и администраціи, разрѣшая на практикѣ эту форму разлученія супруговъ, явно высказывается противъ исключительности и устарѣлости дѣйствующаго на этотъ предметъ закона, не допускающаго свободнаго развода. Конечно, выдача жонамъ отдѣльнаго вида разрѣшается властью только по представленіи достаточно убѣдительныхъ для того доводовъ. Доводы эти довольно однообразны: или жестокое обращеніе мужей съ просительницами, или ихъ безпутное поведеніе, или-же, наконецъ, растрата имущества жены мужемъ. Всего чаще требованіе отдѣльнаго вида мотивируется жестокостью и буйствомъ супруга. А такъ какъ эти качества встрѣчаются преимущественно въ низшей, некультурной средѣ, то истицами отдѣльныхъ видовъ по этимъ поводамъ являются главнымъ образомъ простолюдинки. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ истицы изъ этого класса обращаются къ суду просто за защитой отъ свирѣпости мужей, чтобы судъ ихъ „проучилъ," и довольствуются назначеніемъ имъ должной за жестокое обращеніе кары, не требуя отдѣльныхъ видовъ на жительство. Какъ уживаются подъ одной кровлей, послѣ такихъ тяжбъ, неполадившіе супруги—это ужь одинъ Богъ знаетъ!

Дѣла этого рода—весьма обычныя въ камерахъ столичныхъ мировыхъ судей—раскрываютъ мрачную, безобразную картину дикой, часто безсмысленной тираніи, царящей въ семейныхъ отношеніяхъ низшей городской среды. Само собой разумѣется, страдательную роль—нерѣдко роль истой мученицы—несетъ здѣсь женщина.

Жалуется жена ремесленника, что мужъ безустанно бьетъ ее, пьянствуетъ, завелъ любовницу, тратя на нее весь заработокъ, а жену оставляя въ нуждѣ и голодѣ; намѣренъ продать свой домъ въ деревнѣ, въ конецъ разстроить хозяйство и пустить по міру семью.. Свидѣтели показываютъ, какъ они, живя по сосѣдству съ тяжущимися, изо дня въ день слышатъ происходящій въ ихъ квартирѣ шумъ сопровождаемый рычаньемъ мужа: „зарѣжу! убью!" и воплями истязуемой жены.

«*Нужно было* видѣть слезы несчастной женщины на судѣ,—до

бавляетъ стенографъ, давшій отчетъ объ этомъ процессѣ,—чтобы вполнѣ понять ея незавидную долю, ея горькое положеніе».

Жалуется на жестокіе побои мужа крестьянка и, въ потвержденіе своихъ словъ, представляетъ «вещественное доказательство»—клокъ волосъ, вырванныхъ изъ ея головы супружеской рукою.

— Экось! весело и беззаботно защищается мужъ.—Вѣдь, въ Петербургѣ волосъ много... Пущай она, господинъ судья, покажетъ плѣшину на головѣ, съ того самого мѣста, съ котораго я, будто-бы, вырвалъ у нея волосы... Не покажетъ!

Свидѣтели, однако, вполнѣ подтвердили слова истицы.

Жалуется жена мѣщанина на мужа за насиліе и требуетъ отдѣльнаго вида на жительство, заявивъ, что она жить съ нимъ долѣе «ни подъ какимъ видомъ несогласна». Мужъ сознаётся, что, точно, билъ жену, но по-дѣломъ—за дурное поведеніе. Между тѣмъ, изъ хода дѣла обнаружилось, что онъ-же самъ развратилъ жену, заразилъ ее „секретною болѣзнью“ и давалъ ей какія-то самодѣльныя лѣкарства, отъ которыхъ у нея „духъ захватывало“ и которыми, быть можетъ, уморилъ-бы ее, еслибы добрые люди не надоумили ее отправиться въ Калинкинскую больницу.

Мы на удачу, для примѣра, взяли изъ нашего матеріала нѣсколько фактовъ, какихъ въ хроникѣ столичнаго суда—множество. Они повторяются чуть не каждый день и очень схожи между собою. Безъ сомнѣнія, значительная, если не бо́льшая часть случаевъ супружеской тираніи не доводится до свѣдѣнія суда и остается въ четырехъ стѣнахъ семейныхъ очаговъ, такъ какъ многія и, конечно, лучшія женщины, изъ стыдливости, и не желая „выносить соръ изъ избы“, терпѣливо, молча, несутъ свою страдальческую долю. Зато, не составляютъ большой рѣдкости въ уличной жизни столицы соблазнительно-скандалёзныя сцены публичной супружеской расправы въ такомъ, напр., родѣ.

Разъ, на углу Фонтанки и Апраксина переулка, уличная публика была свидѣтельницей возмутительной сцены. Разсвирѣпѣвшій мужъ, по виду торгашъ, устроилъ настоящую травлю за женой и дѣтьми. Травлѣ этой предшествовала, вѣроятно, домашняя бойня, отъ которой несчастная женщина, захвативъ двухъ малютокъ-дѣтей, бѣжала; мужъ за ней. Выбѣжавъ на улицу, преслѣдуемая по пятамъ мужемъ, она скрылась въ мелочную лавочку; тотъ ворвался и въ лавочку, изъ которой жена выскочила черезъ черный ходъ на дворъ и, видя, что погоня не отстаетъ, снова кинулась на улицу. Здѣсь *супругъ-звѣрь настигъ* ее и началъ съ ожесточеніемъ бить ее и

дѣтей. Въ средѣ собравшейся толпы зѣвакъ нашлось нѣсколько сострадательныхъ людей, которые вступились за жертвы семейнаго насилія, но встрѣтили сильную оппозицію, аргументированную такимъ неотразимымъ доводомъ:

— Я—мужъ и, по закону, воленъ дѣлать съ женой и дѣтьми, что хочу!

Отвратительной сценѣ положила предѣлъ полиція.

Опять таки мы привели этотъ фактъ не потому, чтобы онъ былъ исключительнымъ и чѣмъ-нибудь особенно выдающимся. Такіе факты заурядны, и кому не приводилось быть ихъ очевидцемъ? Вставили мы его здѣсь для полноты нашей картины, какъ одинъ изъ видовъ тиранніи, свирѣпствующей въ нравахъ низшаго слоя. Гораздо любопытнѣе, что героями такихъ всенародныхъ дебоширствъ являются иногда представители и болѣе культурнаго класса.

Однажды предъ лицо мироваго судьи былъ привлеченъ нѣкій биржевой купецъ, носящій нѣмецкую фамилію, по обвиненію въ нанесеніи побоевъ женѣ и другимъ лицамъ, а также въ нарушеніи общественной тишины и спокойствія. Беременная жена этого господина, будучи побитой имъ, бѣжала изъ дому и укрылась въ Пассажѣ у знакомой акушерки, имѣя нужду въ ея врачебной помощи, вслѣдствіе понесенныхъ побоевъ. Купецъ бросился по ея слѣдамъ и сталъ ломиться въ квартиру акушерки, требуя выдачи своей жены. Акушерка и ея мать, поочередно, вступали съ нимъ въ переговоры черезъ форточку и обѣ получили нѣсколько ударовъ палкой по головѣ. Попыталась было объясниться съ нимъ и жена, но испытала ту же участь. Скандалъ вышелъ на весь Пассажъ и, само собой разумѣется, кончился церемоніальнымъ путешествіемъ въ участокъ, протоколомъ, процессомъ у мироваго судьи и двухнедѣльнымъ заключеніемъ въ тюрьму супруга-буяна.

Другой супругъ—чиновникъ, жившій врознь со своей женою, встрѣтивъ ее на Невскомъ среди бѣлаго дня, завелъ съ ней ссору изъ за единственнаго ихъ четырехлѣтняго сына, котораго онъ требовалъ возвратить ему. Отъ словесныхъ вразумленій чиновникъ перешелъ къ дѣйствію и началъ толкать жену... Опять всенародный скандалъ, полиція, протоколъ и такъ далѣе, включительно до нравоучительнаго отсиживанія въ „мѣстѣ злачнѣмъ“ за буйство и нарушеніе благочинія.

Еще болѣе скандалёзно и возмутительно наказалъ жену публично за измѣну одинъ обыватель, названный репортеромъ „господиномъ“ *и тоже принадлежащій*, повидимому, къ культурному классу. Сцена

произошла днемъ передъ подъѣздомъ съ подозрительной вывѣской: „Семейныя бани". Изъ дверей этого подъѣзда вышла на улицу молодая, прилично одѣтая парочка, но едва она собралась сѣсть на извозчика, какъ—откуда ни возьмись— подбѣгаетъ къ ней тоже „прилично одѣтый господинъ", стаскиваетъ съ пролетокъ прекрасную половину парочки и начинаетъ ее трепать въ обѣ руки, справа на лѣво. „Черезъ минуту,—игриво повѣствуетъ репортеръ-очевидецъ этой картинки,—однообразная (?) грязь улицы засверкала разнообразнѣйшей пестротой дамскаго туалета: лисья ротонда, исковерканная шляпка, куски лентъ и цвѣтовъ,—вотъ грустные трофеи, устлавшіе боевое поле разъяреннаго побѣдителя-супруга... Супруговъ задержали полисмены и, усадивъ на двухъ извощиковъ, повезли въ участокъ при громкомъ хохотѣ и шиканьѣ огромной толпы". Интересно, что о соблазнителѣ несчастной, насладившемся адюльтеромъ, подъ выше изображенной и на этотъ разъ слишкомъ уже краснорѣчивой вывѣской, въ репортерскомъ разсказѣ нѣтъ ни слова. Онъ, очевидно, малодушно улизнулъ, подлѣйшимъ образомъ бросивъ на позоръ и истязаніе ту, которая отдала ему свое сердце и принесла въ жертву свое доброе имя. Характеристично и то, что оскорбленный супругъ удовольствовался, въ возмездіе своей обиды, расправой лишь со своей женой, а къ ея соблазнителю не предъявилъ, повидимому, никакой претензіи. Такова логика ходячей на этотъ счетъ морали: за грѣхъ паденія предается позору и отвѣтственности одна женщина, а участникъ ея грѣха и соблазнитель не только пользуется полной безнаказанностью, но еще пріобрѣтаетъ престижъ истиннаго кавалера и молодца. Въ нашемъ матеріалѣ имѣются факты, сколько поучительные, столько-же и отвратительные, гдѣ соблазнители чужихъ жонъ, мнимые или дѣйствительные, съ гордымъ видомъ хвастались въ глаза мужьямъ, что наставили имъ рога.

Сидитъ честная компанія за картами; двое изъ участниковъ игры заспорили и, слово за слово, дошли до такого азарта, что одинъ изъ нихъ, наклонный, какъ видно, къ пошлепкинскимъ обобщеніямъ, ругая противника, сталъ поносить и его жену, обозвалъ ее публичной женщиной и торжественно заявилъ, что состоялъ съ нею въ интимной связи. Въ другомъ случаѣ, между двумя знакомцами вышелъ споръ изъ-за долга, и тоже при свидѣтеляхъ; должникъ заявилъ, что онъ не хочетъ принесть долга на домъ къ кредитору.

— Къ тебѣ ходить я не хочу,—сказалъ онъ,—съ женою твоею встрѣтишься, а мнѣ это непріятно...

Непріятно оказалось потому, что съ женою пріятеля онъ довольно ужь „возжался", и она ему наскучила, какъ любовница.

Въ обоихъ случаяхъ обиженные мужья обжаловали свои обиды въ мировомъ судѣ изъ-за того только, какъ они сами пояснили, „чтобы надъ ними не смѣялись товарищи", которые слышали это хвастливое поношеніе ихъ жонъ. Уже по этимъ фактамъ можно судить, каковъ уровень нравственныхъ понятій и каковы воззрѣнія на честь женщины и на святость брачнаго союза въ иной эманципированной средѣ петербургскаго мѣщанства. Здѣсь уже нарушеніе обѣта любви и супружеской вѣрности становится сюжетомъ не драмы, а скабрёзнаго фарса, въ которомъ дѣйствующія лица съ хладнокровнымъ, безстрастнымъ цинизмомъ выворачиваютъ наружу грязь своихъ безнравственныхъ отношеній, не чувствуя ни стыда, ни даже эгоистическаго чувства ревности.

Въ заключеніе обзора фактовъ семейнаго разброда, происходящаго отъ жестокаго обращенія, нельзя не упомянуть, что бываютъ случаи,—конечно, рѣдкіе и исключительные,—гдѣ виновными являются не мужья, а жоны. Какъ-то, въ концѣ 60-хъ годовъ, въ Петербургѣ произвелъ большое удручающее впечатлѣніе одинъ процессъ, по обвиненію мужа—молодаго человѣка, офицера, принадлежавшаго къ интеллигентному классу—въ покушеніи на жизнь своей жены, выразившемся тѣмъ, что онъ у себя дома нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера и ранилъ. Показанія обвиняемаго и свидѣтелей на судѣ раскрыли картину такой безжалостной, свирѣпой семейной тираніи со стороны потерпѣвшей жены, что судъ вынужденъ былъ дать снисхожденіе подсудимому. Нужно замѣтить, что бракъ этотъ былъ заключенъ по любви, съ романическими препятствіями. Она была невѣста состоятельная, а онъ былъ бѣденъ. Родители ея не соглашались на ихъ бракъ; тогда молодые люди бѣжали и тайно обвѣнчались. Прошло нѣсколько лѣтъ; родители жены умерли и ей досталось значительное состояніе, но—не впрокъ. Она начала, какъ говорится, „кутить",—стала ѣздить въ клубы, въ маскарады, куртизанить съ молодыми людьми, кататься съ ними на тройкахъ къ цыганамъ, пристрастилась къ верховой ѣздѣ, къ вину и къ картамъ. Словомъ, барыня совсѣмъ свихнулась; но мужъ, человѣкъ смирнаго, уступчиваго, мягкаго нрава, притомъ находившійся въ матеріальной зависимости отъ жены, смотрѣлъ сквозь пальцы на ея невѣрность и безпутство, изрѣдка *только дѣлая* ей замѣчанія, которыя однако-жъ вели къ скандалезнымъ *семейнымъ* сценамъ. Не вынесъ онъ ея капризнаго деспотизма *жестокости, по* отношенію какъ къ себѣ самому, такъ и къ дѣтямъ и

прислугѣ. На несчастье, у нихъ были дѣти, съ которыми мать обращалась ужасно:—содержала ихъ чуть не на кухнѣ, выдавая всего 10 коп. въ день на ихъ пропитаніе, не пускала къ себѣ на глаза; и всѣ ея материнскія заботы о нихъ выражались бранью, колотушками и истязаніями... Отецъ, со слезами на глазахъ, показалъ судьямъ клокъ волосъ, вырванныхъ изъ головы его дочки матерью. Жестокость послѣдней къ дѣтямъ доходила до такой степени, что зрѣлища ея не могла выносить служившая у нихъ прислуга и, изъза этого, сходила съ мѣста. Впрочемъ, самой прислугѣ жутко приходилось отъ своенравной и драчливой барыни, дававшей волю рукамъ ни за что, ни про что. Въ этомъ отношеніи, она не дѣлала исключенія и для мужа,—нерѣдко колачивала его и, вообще, держала въ черномъ тѣлѣ. Всего-же обиднѣе для него было ея презрительное, грубое съ нимъ обращеніе при людяхъ. Когда у нихъ бывали гости, она помыкала имъ, какъ лакеемъ, ругала „скотомъ, подлецомъ, мерзавцемъ", швыряла ему въ физіономію карты, стаканы и что попадетъ подъ руку. Онъ „часто краснѣлъ" за жену,—по его словамъ на судѣ,—и страдалъ втайнѣ за ея паденіе, за ея безпутство и безчеловѣчность. Семью свою она ненавидѣла: „ни одинъ ребенокъ не родился у насъ, не бывъ проклятъ матерью",—говорилъ мужъ на судѣ. Дѣло въ томъ, что беременность мѣшала ей кататься верхомъ и пользоваться развлеченіями, во избѣжаніе чего она не разъ пробовала изгонять плодъ. Несчастный долго терпѣлъ этотъ адъ у себя въ домѣ; наконецъ, послѣ одной горячей сцены съ женою, схватилъ внѣ себя револьверъ и разрядилъ его по адресу благовѣрной, однако-жъ настолько счастливо или несчастливо, что только оцарапалъ ее. На судѣ-же онъ заявилъ, что и вовсе не имѣлъ намѣренія убить жену, а хотѣлъ ее только „попугать", такъ какъ не переставалъ горячо любить ее, любитъ и теперь.

Приведенный случай показываетъ, что классическій типъ человѣко-ненавистной фуріи—Ксантиппы не перевелся и въ наши просвѣщенные дни въ нѣдрахъ культурнаго общества.

Семейные раздоры изъ-за имущественныхъ отношеній также обыденны, какъ и возникающіе вслѣдствіе взаимнаго охлажденія супруговъ, невѣрности котораго нибудь изъ нихъ, жестокаго обращенія и пр. Въ практикѣ столичныхъ мировыхъ судей сплошь и рядомъ встрѣчаются тяжбы между супругами, нерѣдко положительно изъ-за грошей. Предметомъ тяжбы служатъ какія-нибудь тряпки, какія нибудь ничтожной стоимости вещи изъ домашней утвари, *похищенныя или растраченныя* кѣмъ-нибудь изъ тяжущихся сторонъ.

Чаще всего, въ дѣлахъ этихъ, потерпѣвшей стороной оказывается жена, такъ какъ, обыкновенно, безпутные, опустившіеся мужья, исходя изъ своихъ неограниченныхъ супружескихъ правъ, относятся съ полной безцеремонностью къ имуществу своихъ жонъ и считаютъ себя вправѣ расхищать его. Судъ однако не всегда даетъ имъ въ этомъ поблажку, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ, взятыхъ нами для примѣра, фактовъ.

Разъ полиція задержала на улицѣ одного подозрительнаго оборванца, съ узломъ разныхъ вещей изъ женскаго гардероба. По справкѣ оказалось, что оборванецъ стащилъ эти вещи у своей жены, въ ея отсутствіе, и былъ того мнѣнія, что онъ распорядился въ этомъ случаѣ по праву. Тѣмъ не менѣе, полиція составила протоколъ о кражѣ и привлекла задержаннаго къ суду, куда явилась поддерживать обвиненіе и жена подсудимаго, „чисто одѣтая, молодая женщина“, заявившая при этомъ, что супругъ уже не въ первый разъ ее обкрадывалъ.

— Признаёте себя виновнымъ? спросилъ судья подсудимаго.

— Нѣтъ, господинъ судья!—отвѣчалъ тотъ.—Какое она мнѣ приданое принесла? продолжалъ онъ, указывая на жену.—Это были мои собственныя вещи, потому я ее кормилъ съ сыномъ...

— Когда это ты меня кормилъ? возражаетъ жена.

— Не теперь... Теперь она, господинъ судья, гуляетъ; гуляю и я...

— Не желаете-ли примириться?

— Я, господинъ судья, согласна отказаться обвинять его, если онъ дастъ мнѣ отдѣльный паспортъ.

— Давай два рубля: я ей сейчасъ, господинъ судья, предоставлю паспортъ—пусть только дастъ два рубля...

— Помириться не желаю (плачетъ); онъ вчера опять пьяный пришелъ, озорничалъ. Семь лѣтъ такъ мучитъ.

Судья, въ виду непримиренія сторонъ, приговорилъ мужа за кражу на три мѣсяца въ тюрьму.

— Можете представить—добавилъ судья,—поручителя до вступленія приговора въ законную силу.

— Поручителя не имѣю, отвѣтилъ подсудимый.—Можетъ быть, жена приметъ на поруки...

— Несогласна.

Раба Божія непосредственно изъ суда препроводили въ тюрьму.

Имущественные раздоры между супругами всего чаще возникаютъ, *разумѣется, въ* болѣе зажиточной средѣ и, обыкновенно, *въ* случаѣ *имущественнаго* неравенства супруговъ. Потерпѣвшей стороной здѣсь

чаще всего являются жены, принесшія приданое, изъ за котораго собственно и возгорается споръ. Дѣло происходитъ такъ: мужъ, женясь изъ-за приданаго, начинаетъ обирать жену или проматывать ея состояніе и когда разоритъ ее до-тла, то въ большинствѣ случаевъ бросаетъ и ее и дѣтей на произволъ судьбы. Исторія весьма обыкновенная и вполнѣ естественная, когда бракъ заключается которой нибудь изъ сторонъ по холодному разсчету, исключительно изъ-за денегъ, а такихъ браковъ въ Петербургѣ множество.

Понятно, что бо̀льшая часть этой категоріи семейныхъ междоусобицъ, происходящихъ въ болѣе культурной средѣ, не доходитъ до суда и до публичной скандалезной огласки, оставаясь въ тѣсномъ кругу родныхъ и знакомыхъ повздорившихъ супруговъ. Судебныхъ процессовъ въ этомъ родѣ въ нашемъ матеріалѣ немного, но зато есть между ними весьма характерные.

Одинъ статскій совѣтникъ, какъ-то въ началѣ семидесятыхъ годовъ, принесъ жалобу въ судъ на дворниковъ дома своей жены за самоуправство и непочтительное съ нимъ обращеніе. На судоговореніи выяснилось, что статскій совѣтникъ, на самомъ дѣлѣ, обиженъ не грубостью дворниковъ (оставшейся недоказанной), а тѣмъ, что, сочетавшись бракомъ не съ женою, а съ ея богатымъ домомъ, обманулся въ своихъ надеждахъ на его благопріобрѣтеніе. Жена, охотно отдавъ ему свое сердце, благоразумно попридержала домикъ въ своихъ рукахъ. Изъ-за этого пошелъ между ними семейный раздоръ, кончившійся тѣмъ, что въ одно прекрасное утро жена указала мужу на дверь; но статскій совѣтникъ принадлежалъ къ категоріи людей весьма нецеремонныхъ и цѣпкихъ. Съ женой онъ разъѣхаться—разъѣхался, только разстаться съ облюбованнымъ домикомъ онъ былъ не въ состояніи и, на правахъ супруга, вооруженной рукою водворился въ одной изъ свободныхъ квартиръ женина дома. Огорченная домовладѣлица вынуждена была съ этимъ примириться и, можетъ быть, статскій совѣтникъ мирно и безвозмездно прожилъ-бы весь вѣкъ въ ея домѣ, еслибы у него самого не было тутъ иного умысла. А умыселъ былъ тотъ, чтобы непрерывно поддерживать враждебныя отношенія съ женой, всячески ей досаждать и чѣмъ можно вымещать за свое неудовлетворенное корыстолюбіе. Бѣдная женщина вынуждена была, наконецъ, приказать прислугѣ не впускать къ ней буйнаго супруга. Случилось, что статскій совѣтникъ отлучился въ самарскую губернію и на это время жена его свободно вздохнула. Вдругъ однажды, раннимъ утромъ, когда она еще была въ постели, онъ нежданно-*негаданно, возвратившись* прямо съ желѣзной дороги, вры-

вается къ ней въ спальню, хватаетъ за горло и начинаетъ душить—все это за то, какъ потомъ выяснилось, что осмѣлились - де въ его отсутствіе снять замки съ дверей его дровянаго сарая. О какой нибудь пропажѣ статскій совѣтникъ не заявлялъ. На крикъ барыни сбѣжалась ея прислуга, явились дворники и совокупными убѣжденіями угомонили строптиваго барина, не тронувъ его однако пальцемъ. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, статскій совѣтникъ обратился съ кляузной жалобой въ судъ, играя роль оскорбленной невинности. На судѣ-же выяснилось, что господинъ этотъ какъ-бы поставилъ себѣ задачей портить существованіе своей женѣ не мытьемъ, такъ катаньемъ, изъза дрянныхъ побужденій корыстолюбиваго эгоиста, обманувшагося въ своемъ разсчетѣ.

Это не единственный примѣръ такой злой и придирчивой супружеской мстительности на развалинахъ семейнаго очага. Одинъ мужъ—старикъ, женившійся на молоденькой,—послѣ того какъ, измученная его ревностью и дурнымъ обращеніемъ, жена убѣжала отъ него, вчинилъ противъ нея изъ мести искъ о небывалой растратѣ его имущества. Другіе разочарованные супруги преслѣдуютъ своихъ женъ обвиненіями просто въ кражахъ или въ нарушеніи супружеской вѣрности, или даже въ политической неблагонадежности, руководясь единственно чувствомъ мелкой раздраженной мстительности. И бываетъ, что такой супругъ въ состояніи довести преслѣдуемую жену до отчаянія. Разъ къ прокурору явилась одна образованная свѣтская дама и съ рыданіями стала просить его избавить ее и дѣтей отъ мученій, причиняемыхъ мужемъ - негодяемъ. Оказалось, что онъ не только оскорблялъ ее, но и разорялъ, транжиря ея состояніе на кокотокъ и кутежи. Потерявъ всякое терпѣніе и желая избавиться разъ навсегда отъ мужа, молодая женщина ходатайствовала о разводѣ и, одновременно, о признаніи ея двухъ дѣтей незаконнорожденными.... Ходатайство оригинальное и почти неправдоподобное, но—каковъ-же долженъ быть семейный адъ, каковы отношенія между супругами, если порядочная женщина и мать, ради избавленія себя и дѣтей отъ постылаго главы семьи, рѣшается на такое сильное средство, равно позорящее и ее и дѣтей, притомъ, совершенно незаслуженно?!

Аналогичная судьба постигла и другую состоятельную даму, имѣвшую неосторожность увлечься пустоголовой, распутной куклой петербургской салонно-трактирной выправки. Особа эта была эксъ-артистка; въ ранней молодости она сошлась съ однимъ богатымъ *комерсантомъ, прижила* съ нимъ трехъ дѣтей и, когда ея пріятеля родные *принудили* жениться на другой, получила отъ него щедрое обез-

печеніе въ 200 т. руб. Съ этимъ состояніемъ она пріѣхала въ Петербургъ и вскорѣ вышла замужъ по любви за молодаго столичнаго щеголя, ничего не имѣвшаго за душой, кромѣ долговъ. „Медовые мѣсяцы" продолжались недолго. Скоро обнаружилось, что мужъ смотрѣлъ на этотъ бракъ, какъ на жертву съ своей стороны; онъ прикрывалъ грѣхи молодости жены, онъ давалъ ей положеніе и имя. Взамѣнъ этихъ правъ и преимуществъ, онъ потребовалъ платы размѣнною монетою. Началось безконечное вытягиваніе денегъ изъ кошелька жены на мотовство и безпутство, съ чѣмъ онъ передъ нею и не скрывался, высказывая циническую безцеремонность и грубость. Ея возраженія, упреки и отказы въ деньгахъ онъ встрѣчалъ бранью, а потомъ перешелъ и къ побоямъ. Разъ дѣло дошло до того, что она должна была бѣжать отъ разсвирѣпѣвшаго супруга въ гостинницу, а когда онъ и тамъ ворвался къ ней—то искать защиты у стороннихъ людей. Несчастная женщина убѣдилась, что она связалась съ безсердечнымъ негодяемъ, не питавшимъ къ ней ни искры привязанности, и что если онъ до сихъ поръ не бросилъ ея, то только въ разсчетѣ обобрать ее до конца. Нужно было, пока не поздно, спасаться отъ милаго супруга. Она выхлопотала себѣ тайкомъ отдѣльный видъ на жительство у администраціи и, выбравъ время, когда мужъ гдѣ-то предавался разгулу, уѣхала съ дѣтьми изъ Петербурга подальше. Этотъ сюрпризъ, разстроившій всѣ планы брошеннаго мужа и сразу лишившій его возможности пользоваться деньгами жены, такъ его потрясъ, что онъ въ непродолжительномъ времени кончилъ самоубійствомъ.

Я уже указывалъ на то существенное въ данномъ вопросѣ обстоятельство, что въ матримоніальныхъ инстинктахъ петербуржцевъ огромную роль играетъ корыстолюбіе, нерѣдко—голое и совершенно беззастѣнчивое. Главнѣйшимъ образомъ это нужно сказать о мужчинахъ-женихахъ, такъ какъ прекрасная половина, въ лицѣ дѣвицъ-невѣстъ, отличается въ этомъ отношеніи больше легкомысліемъ и неодолимымъ желаніемъ поскорѣе выскочить замужъ. Конечно, и дѣвицы мечтаютъ о выгодныхъ и богатыхъ женихахъ, и онѣ нынче выучились ариѳметикѣ, которая принимается ими въ соображеніе при выборѣ „партіи"; но въ то же время дѣвицы самихъ себя, лично, со стороны полезности и способности къ самостоятельному труду, цѣнятъ слишкомъ низко (да и не напрасно), чтобы полагаться лишь на свои прелести въ тиражѣ счастливыхъ браковъ. Обыкновенно, въ тиражъ этотъ не попадаетъ „бѣдная невѣста", горькая *судьбина которой служила* предметомъ столькихъ лирическихъ, рома-

ническихъ и драматическихъ соболѣзнованій въ беллетристикѣ. Наша культурная дѣвушка разсчитываетъ свои шансы на бракъ сообразно суммѣ приданаго, назначаемаго за нею папенькой и маменькой: на все остальное, что̀ въ ней есть—красота, молодость, образованіе—и она сама, и родители, и женихи смотрятъ, какъ на такую вещь, которая можетъ быть пріятна, можетъ скраситъ бракъ только въ золотой цѣнной оправѣ, тогда какъ — наоборотъ — была-бы такая оправа, легко составить „партію“ и безъ красоты, и безъ молодости, и безъ иныхъ личныхъ достоинствъ.

Петербургъ, можно сказать, кишитъ женихами,—искателями богатыхъ или состоятельныхъ невѣстъ, съ хорошимъ приданымъ. „Захудавшіе“ или промотавшіеся представители „золотой молодежи“, чиновники, достигающіе зрѣлыхъ лѣтъ и „степеней извѣстныхъ“, разные „дѣльцы“ и аферисты, ищущіе капиталовъ для осуществленія своихъ предпріятій и промышленныхъ карьеръ,—вся эта пестрая холостежь, которой такъ много въ Петербургѣ, непремѣнно, въ своихъ надеждахъ и видахъ на будущее, разсчитываетъ на составленіе выгодныхъ „партій“, ищетъ ихъ, сносится со свахами, высматриваетъ богатыхъ невѣстъ и на перебой волочится за ними. Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что подколесинскій способъ заочнаго сватанья, черезъ сваху, отнюдь не составляетъ анахронизма и въ наши дни въ средѣ петербургской „интеллигенціи“, не говоря уже о купечествѣ, гдѣ большинство счастливыхъ браковъ устраивается свахами. Обыкновенно, корыстныя матримоніальныя вожделѣнія жениховъ - кавалеровъ изъ „благороднаго“ сословія обращаются на купеческихъ дщерей, по традиціи, что у нихъ деньжищъ куры не клюютъ и что онѣ только о томъ и мечтаютъ, какъ-бы выйти замужъ за офицера, а въ худшемъ случаѣ, хоть-бы за штатскаго, только непремѣнно—„благороднаго“, если же въ чинахъ и орденахъ—тѣмъ пріятнѣе. Традиція эта нынѣ значительно ослабѣла, однако-жъ, не настолько еще, чтобы устраиваемые на такомъ разсчетѣ браки составляли большую рѣдкость.

Само собой разумѣется, что когда основаніемъ брачнаго союза являются деньги, когда самое сватовство получаетъ характеръ своеобразной торговой сдѣлки, вопросъ о семейномъ счастьѣ подвергается огромному риску. Это тѣмъ болѣе, что, по самой натурѣ вещей, мужчина, отыскивающій жену не по сердцу, а по капиталу, и вкладывающій въ брачный союзъ одни корыстолюбивыя вожделѣнія, не *можетъ внушать довѣрія* къ своему характеру и къ своимъ личнымъ *нравственнымъ качествамъ*. Съ точки зрѣнія морали, браки изъ-за

риданаго унизительны для мужчины. Отвѣтственъ здѣсь именно
ужчина, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ дѣвушка съ прида-
ымъ, покупающая себѣ мужа, по молодости, неразвитости и безраз-
дству, играетъ совершенно пассивную роль, подчиняясь нерѣдко
лѣ родителей и заведенному обычаю. Послѣдствія такихъ браковъ
ще всего плачевны и, преимущественно, для женщины. Выходя
мужъ, по обыкновенію въ очень ранней молодости, она только
слѣ брака начинаетъ прозрѣвать, начинаетъ жить сердцемъ, кото-
е и остается большею частью безотвѣтнымъ въ своихъ запросахъ.
упленный мужъ—не можетъ быть любящимъ, чувствительнымъ му-
емъ, и коль скоро онъ достигъ цѣли, получилъ въ руки плату
принесенную имъ жертву Гименею, то безцеремонно сбрасываетъ съ
бя и ту маску наружной любезности по отношенію къ женѣ, кото-
ю старался обольстить ее до вѣнца. Конечно, молодая женщина,
зочаровавшись въ супругѣ, находитъ обыкновенно утѣшителей на
оронѣ; но вѣдь такой исходъ—лишній ударъ семейному началу,
торымъ мы такъ дорожимъ, лишнее оскорбленіе общественной
равственности!

Для провѣрки этихъ общихъ наблюденій въ данной области
емейнаго разброда, мы познакомимъ читателей съ одной изъ подхо-
ящихъ семейныхъ драмъ, остающихся большею частію подъ спу-
омъ. Матеріаломъ намъ послужитъ одинъ забытый процессъ, т. е.
обственно не самый процессъ, а раскрытыя имъ подробности
есчастливаго супружества, заключеннаго именно изъ-за денегъ, изъ-
хорошаго приданаго.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, на Пескахъ жила уединенно одна
очтенная старушка; при ней находилась внучка, только что окончив-
ая въ курсъ институтѣ, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, живая, бойкая, по
нститутски легкомысленная, вѣтряная и жадная къ удовольствіямъ,
ъ веселому обществу, къ разсѣянной жизни. Понятно, что въ домѣ
динокой старухи-бабушки рѣзвушкѣ было скучно; между ними ни-
его не было общаго и обѣ онѣ, какъ бабушка, такъ и внучка,
заимно стѣсняли другъ друга и отравляли себѣ жизнь несогласіями
ссорами. Уйти изъ дому внучкѣ было некуда, такъ какъ она
ыла круглая сирота, да и бабушка ее не пустила-бы, какъ несо-
ершеннолѣтнюю, по праву и обязанности единственной ея опекунши.
Между тѣмъ молодость и живость нрава брали свое. Дѣвушка стала
искать развлеченій, искать общества, помимо воли и безъ вѣдома
абушки, и—конечно—не всегда удачно. Старуха ворчала, ворчала, и—
аконецъ, убѣдившись, что ей не уберечь внучки и не принудить

ее сидѣть смиренно въ четырехъ стѣнахъ, рѣшила поторопить
выдать ее замужъ. За женихами остановки не было, такъ какъ
невѣсты имѣлось приданое, тысячъ около пятнадцати. Явился не
бѣжный офицеръ. Это былъ гвардейскій штабсъ-капитанъ, че
вѣкъ хотя и не первой уже молодости, но видный, приличный
разсудительный. Явился онъ прямо въ качествѣ жениха, при н
средствѣ свахи. Сватовство пошло быстро. И бабушка, старавшая
сбыть съ рукъ внучку, и внучка, помышлявшая лишь о свобо
нашли жениха подходящимъ; съ своей стороны, и онъ счелъ невѣс
пріятной, а ея приданое достаточнымъ. Въ два, въ три свида
все дѣло было покончено и, не откладывая его въ долгій ящик
была сыграна свадьба.

Долго-ли длился у нихъ медовый мѣсяцъ—неизвѣстно; несомнѣ
но одно только, что на первыхъ порахъ молодая женщина привя
лась къ мужу довольно горячо, какъ сейчасъ увидимъ; но съ е
стороны никакого, кажется, чувства нѣжности къ женѣ не обнар
живалось, даже въ началѣ ихъ сожительства. Человѣкъ онъ бы
чуждый всякой сердечности и въ дѣлѣ женитьбы руководился одни
голымъ разсчетомъ. Онъ уже давно искалъ „партіи", много ра
„женихался" черезъ свахъ, и въ тотъ моментъ, когда начинался е
романъ съ нашей героиней, на примѣтѣ у него было нѣсколько не-
вѣстъ, передъ которыми онъ равномѣрно и одновременно разыгры
валъ заученный „пантомимъ", подъ маской влюбленнаго, пр
цѣниваясь къ нимъ и провѣряя ихъ матеріальные рессурсы.

„Ты пишешь, что черезъ свахъ хочешь жениться, — обращаетс
къ нему въ одномъ изъ своихъ писемъ мать его, по поводу его же
ниханья.—Я-бы тебѣ отсовѣтовала. Рѣдко бываютъ счастливы, кото-
рые такимъ путемъ женятся, и, главное, ты пишешь, что ни въ одну
изъ невѣстъ не влюбленъ... Правда-ли, по крайней мѣрѣ, что свахи
говорятъ о приданомъ?"

Намъ извѣстно и другое материнское посланіе къ нашему герою,
изъ котораго видно, что онъ успѣлъ убѣдить мать какъ въ томъ,
что женитьба черезъ свахъ—вещь отнюдь не постыдная, такъ и въ
томъ, что любви для брака не нужно—было-бы только за невѣстой
приданое. — „Такъ какъ ты говоришь, — въ заключеніе пишетъ ему
мать,—что тебѣ ни одна изъ *этихъ особъ* не нравится особенно, то
мы порѣшили, что для тебя та невѣста лучше, которая помоложе,
если только она съ состояніемъ". Въ совѣтахъ онъ собственно не
нуждался и, очевидно, писалъ матери о своемъ сватовствѣ потому,
что вопросъ этотъ сильно его занималъ. Не смотря на свое офице-

во, онъ не имѣлъ въ своемъ характерѣ ничего похожаго на беззаотность, шаловливость и легкомыслiе, которыя обыкновенно припиваются офицерскому типу. Это былъ человѣкъ разсчетливый, ровный, сухой и систематикъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью жизни—разогатѣть, и все приносилъ въ жертву этой цѣли. Въ то время, какъ большинства товарищей его по нолку никогда не было ни гроша, если таковой заводился, то мгновенно испарялся изъ ихъ кармановъ, онъ умудрился накопить деньжонокъ и постоянно приращалъ ихъ, давая на проценты. По натурѣ, онъ былъ скопидомъ и ростовщикъ, и не только по натурѣ: женившись и прибравъ къ рукамъ приданое жены, онъ оставилъ полкъ и всецѣло занялся кредитными операціями, пустивъ свой капиталъ въ ростъ. Задавшись идеей разбогатѣть и помышляя только о деньгахъ, онъ у себя дома и по отношенію къ женѣ съ каждымъ днемъ обнаруживалъ все большее скаредство: велъ счетъ каждой копѣйкѣ, учитывалъ жену въ мелочахъ, придирался и дѣлалъ сцены изъ-за грошовыхъ тратъ, казавшихся ему лишними и разорительными... Довольно сказать, для характеристики его съ этой стороны, что онъ уже на смертномъ одрѣ, за два, за три часа до кончины, счелъ нужнымъ коснѣющей рукой записать въ своей приходо-расходной книжкѣ рубль, выданный кухаркѣ на обѣдъ.

Какова должна быть жизнь молоденькой, едва разцвѣтшей, пылкой женщины съ такимъ человѣкомъ?—Объ этой жизни мы находимъ любопытныя и поучительныя свѣдѣнiя въ дневникѣ нашей героини, который она вела въ замужствѣ, слѣдуя институтскому обычаю. Читатель, быть можетъ, замѣтитъ въ этихъ признанiяхъ нѣкоторую сантиментальную приподнятость тона и отчасти рисовку, но въ общемъ и по своей сущности они несомнѣнно правдивы, и въ такой степени, что подъ ними, намъ кажется, могли-бы подписаться очень многiя несчастливыя въ супружеской жизни женщины—жертвы необдуманныхъ, скороспѣлыхъ браковъ чуть не съ первымъ встрѣчнымъ искателемъ выгодныхъ „партiй“. На этомъ-то основанiи мы и даемъ здѣсь мѣсто этому дневнику, какъ такому документу, который имѣетъ общее нравственное значенiе.

Описываемый бракъ состоялся въ 1868 году и уже въ концѣ этого года героиня наша писала въ своемъ дневникѣ:

„Горько, тяжело и больно, какъ никогда не было! Какъ обидно недовѣрiе человѣка, котораго любишь (рѣчь идетъ о мужѣ). Съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, всѣ мои мысли обращены были къ нему, все было ему открыто... а онъ, напротивъ, все старается скрыть отъ меня... *Богъ съ нимъ! Довѣрiе* есть необходимость для любящаго чело-

вѣка, а когда его нѣтъ, то какое-же счастье? Разумѣется, насильно милъ не будешь и я привыкла къ неудачамъ. Я думала, что на этотъ разъ судьба мнѣ улыбнется, а она и совсѣмъ отъ меня отвернулась. Какая можетъ быть жизнь, когда любимый человѣкъ отвѣчаетъ только насмѣшками, когда твои страданія и слезы не возбуждаютъ въ немъ никакого участія"....

Мы уже знаемъ, что герой этого романа, по его собственному сознанію передъ матерью, женился, не питая никакого „особеннаго" сердечнаго влеченія къ невѣстѣ; но, безъ сомнѣнія, до свадьбы онъ притворялся передъ ней, чтобы завоевать ея сердце. Теперь, достигнувъ цѣли и прикарманивъ ея приданое, онъ сбрасываетъ маску и уже не церемонится высказывать ей свое полное равнодушіе и презрѣніе... И такова близорукость человѣческой справедливости, что подобный грубый обманъ съ чисто-грабительской цѣлью не вмѣняется въ преступленіе, никого даже не возмущаетъ!

„Ты, мой дневникъ, меня не осмѣешь!—продолжаетъ свои признанія молодая женщина.—Что такое сегодня было.... Я именинница. Ждала я этого дня и трепетала. Какъ-то онъ ко мнѣ отнесется? Началось прекрасно! Миша (т. е. мужъ) вышелъ такой довольный, разцѣловалъ меня, былъ любезенъ. Подарки его надолго останутся у меня въ памяти. Онъ подарилъ мнѣ часы; это—не купленная вещь, и тѣмъ для меня пріятно и дорого, что часы эти онъ сохранялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, дорожилъ ими и теперь для меня разстался съ ними. Даже удивительно! Потомъ мы отправились въ театръ и—все удовольствіе этого дня исчезло.... Миша готовъ промѣнять меня на всякую дѣвчонку. Онъ дорожитъ воспоминаніями своей холостой жизни и тѣми женщинами, которыя его тогда занимали,—значитъ, онъ до сихъ поръ любитъ ихъ"...

„Вотъ и новый годъ,—читаемъ на выдержку слѣдующую страницу дневника:—всѣ радуются, каждый ждетъ чего нибудь, а я чего жду?—Ничего я не жду! Годъ этотъ будетъ для меня такимъ-же... нѣтъ! онъ будетъ гораздо хуже, чѣмъ прошедшій. И горько мнѣ, и тяжело мнѣ! Какъ поплакать хочется, да и того нельзя: Миша войдетъ сейчасъ и закричитъ свою обычную фразу: „Ну, чего разревѣлась?..." И, кажется, чего-бы мнѣ нужно; кажется, самая счастливая на свѣтѣ. Не дай Богъ только, что я выношу, ниношу на свѣтѣ. Все брань, упреки, оскорбленія и только изподтишка поплакать можно. Это хоть кого убьетъ; я сама чувствую, какъ мои силы убываютъ:—мнѣ какъ будто десять лѣтъ на плечахъ прибавилось, *авось Богъ приберетъ поскорѣе*"...

Спустя годъ съ небольшимъ послѣ свадьбы, у молодой женщины родился ребенокъ, къ несчастью, скоро умершій. Повидимому, материнство повліяло на ея характеръ, остепенило ее и, быть можетъ, въ концѣ концовъ примирило-бы съ безотрадной супружеской жизнью, на которую она все еще продолжаетъ жаловаться въ своемъ дневникѣ.

„Завтра именины бабушки,—пишетъ она въ это время.—Какая она добрая, какъ заботится обо мнѣ. Вотъ, еслибы я, живши у нея, была такая, какъ теперь, какъ-бы цѣнили и любили меня, а то теперь, кажется, чего я не дѣлаю: цѣлый день хозяйничаю, шью до ночи, Лелю (сына) отъ головы до ногъ обшила, а все изо дня въ день брань и обиды... Хоть кого сломитъ... Видѣла-ли я когда ласковое слово, благодарность?—Нѣтъ, никогда"!

Спустя мѣсяцъ, она доходитъ наконецъ до отчаянья.

„Нѣтъ,—пишетъ она,—онъ никакого не обращаетъ на меня вниманія, вовсе не заботится обо мнѣ.... *Въ 6 часовъ*: Нѣтъ, онъ настолько еще великодушенъ, что всѣмъ съ удовольствіемъ разсказываетъ, какимъ образомъ обошлись съ его женою... Нѣтъ ужь силъ больше, нѣтъ! Хоть-бы покончить съ собою... Проклятыя руки, боюсь, дрожатъ; промахнусь, тогда хуже. Тогда всѣ узнаютъ, какъ мнѣ жить, а я о томъ и забочусь—только никто-бы не зналъ, какъ со мной жестоко обращаются, какъ я мучусь! Самая обидная вещь на свѣтѣ—сожалѣніе. Я думаю, самое лучшее—утопиться; подумаютъ, что я нечаянно упала, никто не будетъ знать, что̀ меня побудило утопиться... Вотъ и стихъ—онъ мнѣ очень нравится: изображена женщина, которая утопилась, вѣрно, не отъ радости; покончила съ собой, когда силъ не хватило... Горя много на свѣтѣ, хотя и въ разныхъ видахъ, а все горе... Вотъ не ожидала, что *онъ* будетъ со мной такъ неделикатенъ:—знаетъ, что мнѣ нужно завтра ѣхать, знаетъ, что я не лягу, пока онъ не пріѣдетъ, а все таки до того увлекся болтовней съ молоденькой дѣвчонкой, которой пріятно имѣть около себя поклонника, что даже забылъ думать о женѣ".

Оказывается такимъ образомъ, что, въ довершеніе горькой участи, молодая женщина обречена была еще и на пытку ревности. Ея благовѣрный—черствый эгоистъ съ деспотическими наклонностями у себя дома, погрязшій въ скаредныхъ хлопотахъ изъ-за наживы,—какъ видно, питалъ сластолюбивое влеченіе къ „дѣвчонкамъ" и не прочь былъ съ ними покуртизанить, если это недорого стоило. Подъ гнетомъ всѣхъ этихъ тягостныхъ условій, героиня наша все болѣе *и болѣе укрѣпляется* въ мысли о самоубійствѣ.

„Ахъ, какъ мнѣ тяжело!—записываетъ она свои страданія въ одной изъ позднѣйшихъ страницъ своего дневника.—Не дай Богъ никому этого испытать... А ужь сдѣлать развѣ такъ?... Убить себя не всегда сразу удается. Изъ воды, пожалуй, еще вытащатъ; ножемъ, пожалуй, не зарѣжешься; а развѣ, чтобъ развязать ему руки, объявить себя преступницей въ чемъ нибудь, стараться, чтобы меня куда нибудь дальше сослали—вотъ и конецъ: самой отдаться подъ судъ, а какъ онъ будетъ доволенъ! Будетъ сговорчивѣе; въ душѣ поблагодаритъ меня; женится на О., а впослѣдствіи забудетъ и о моемъ существованіи... Все таки удостоюсь когда нибудь благодарности... Дальше такъ жить нельзя—силъ нѣтъ! А, впрочемъ, все таки попробую утопиться... Тутъ по Фонтанкѣ, пройдя катокъ, я видѣла удобный спускъ. Сыщу его... А все жаль Миши.. Ужь разумѣется О. не будетъ любить его такъ, какъ я его любила... Нѣтъ, пора покончить. Скорѣе-бы только удалось, скорѣе!“

Переворачиваемъ еще нѣсколько страницъ дневника и читаемъ:

„6 часовъ утра. Онъ явился сумрачный, холодный, даже „здравствуй“ не сказалъ, а сейчасъ придрался къ чему-то, чтобъ выругать... Видно, непріятно было возвращаться съ веселаго вечера домой, гдѣ передъ глазами эта вѣчная жена, которая ужь давно надоѣла. Не будь она, умри она, провались куда нибудь,—вотъ-бы счастье: тогда можно было-бы жениться вторично, а то связаны руки... Господи, силъ моихъ нѣтъ! Вѣдь, кажется, и молодая, во мнѣ нѣтъ ничего отвратительнаго, я могу еще любить и быть любимой. За что-же это?“

Въ такомъ тонѣ и съ такимъ содержаніемъ дневникъ пишется въ теченіе двухъ лѣтъ, отъ начала брака, и обрывается катастрофой. Молодая женщина потеряла наконецъ терпѣніе и, дѣйствительно, въ одинъ прекрасный вечеръ, какъ писала, бросилась въ Фонтанку... Ее, правда, вытащили живую, и она отдѣлалась лишь испугомъ и нервной горячкой. Это дало поводъ заподозрить ее въ томъ, что она только играла роль самоубійцы: била на драматическій эффектъ, не имѣя серьезнаго намѣренія покончить съ собою. Такое предположеніе поддерживала и прокуратура... Можетъ быть, это и такъ отчасти, но во всякомъ случаѣ отъ хорошей жизни люди не бросаются въ воду, хотя-бы даже для примѣрнаго опыта—показать, что они хотятъ утопиться. Тѣмъ болѣе нужно сказать это о слабой женщинѣ, чувствительной, деликатной институткѣ, какова наша героиня. Чтобы *продѣлать этотъ* опытъ, хотя-бы ради лишь драматическаго эффекта, *такой женщинѣ* нужна рѣшимость отчаянія.

Такъ или иначе, но въ жизни молодой женщины описанная катастрофа имѣла довольно существенныя послѣдствія. Она перестаетъ вести дневникъ, не жалуется уже больше на мужа, не надоѣдаетъ ему упреками и слезами, а, напротивъ, какъ будто примиряется съ нимъ, прилаживается къ его интересамъ; начинаетъ принимать участіе въ его дѣлахъ и операціяхъ, не взирая на ихъ неопрятность. Словомъ, въ ней происходитъ переломъ. Вѣроятно, и мужъ и родные заключили, что она „образумилась", бросила институтскія наивности и созрѣла въ солидную практическую женщину. Такъ оно и было, но только, когда честная, впечатлительная, съ неиспорченнымъ сердцемъ, женщина вступаетъ на путь такого благоразумія—моралисту остается махнуть на нее рукой. Такое благоразуміе дается цѣною очерствѣнія сердца, заглушенія всѣхъ благородныхъ порывовъ и упраздненія въ характерѣ той милой, трогательной невинности, которая такъ краситъ женщину. Изъ простодушной, покорной и смиренной дѣвственницы образуется лукавая, находчивая интриганка—мастерица морочить и мужа и окружающихъ, со всѣми ладящая и о себѣ не забывающая. Такая „благоразумная" женщина ужь не заплачетъ, что ея мужъ увлекается „дѣвчонками", и съумѣетъ пособить себѣ, если онъ станетъ скупиться на ея издержки, ограничивать ея личный бюджетъ...

Такимъ именно родомъ образумилась и наша героиня, послѣ неудачнаго опыта утопиться въ мутныхъ волнахъ Фонтанки. Она, повидимому, вполнѣ ладитъ съ мужемъ, но въ то же время направо и налѣво кокетничаетъ съ молодыми людьми—пріятелями и кліентами мужа,—а съ нѣкоторыми изъ нихъ доводитъ интимность чуть не до открытаго грѣхопаденія, веселится, пляшетъ въ клубахъ, выѣзжаетъ въ театры, словомъ, начинаетъ пользоваться жизнью безъ стѣсненій... Между тѣмъ мужъ заболѣваетъ скоротечной чахоткой. Еще недавно, когда она такъ глупо влюблена была въ него, она пришла-бы отъ этого въ отчаяніе, а теперь болѣзнь мужа нисколько ей не мѣшаетъ „срывать цвѣты наслажденія". Непріятно только, что болѣзнь такъ долго тянется—скорѣе-бы свезти постылаго на кладбище и избавиться отъ обузы! Ухаживая за больнымъ, молодая женщина жадно слѣдитъ за разрушительнымъ ходомъ болѣзни, мысленно торопитъ его, считаетъ часы и въ то же время изыскиваетъ способы, какъ-бы себя обезпечить со стороны наслѣдственныхъ правъ. О завѣщаніи больной не хочетъ и слышать, какъ всѣ чахоточные, не допуская мысли о близкой смерти, да при своемъ скаредствѣ и *холодности къ женѣ, онъ*, быть можетъ, и вовсе нерасположенъ дѣ-

лать ее своей наслѣдницей. Но вотъ давно желанный часъ наступилъ... мужъ испустилъ духъ!.. Кончина его не вызываетъ въ ней ни вздоха, ни слезинки, да и некогда тутъ играть роль огорченной вдовы. Изъ подъ изголовья неостывшаго еще трупа, едва онъ закрылъ глаза, молодая женщина рѣшительной рукою выдернула ключи и дѣятельно занялась грабежемъ... Въ ту-же минуту она шлетъ экстренныя записки своимъ избраннымъ любовникамъ, и когда они являются на ея зовъ, стряпаетъ, съ ихъ помощью, подложное духовное завѣщаніе отъ имени умершаго мужа въ свою пользу. Проходитъ немного времени, и—мы видимъ нашу героиню въ судѣ, на скамьѣ подсудимыхъ, опозоренную, изобличенную въ развратѣ и порочности, обвиненную въ уголовныхъ преступленіяхъ... И это въ то время, когда ей едва исполнилось двадцать лѣтъ! Кто-бы могъ предсказать, видѣвъ эту невинную, наивную и чувствительную институточку до замужства, что она такъ быстро, пройдя школу супружества, сформируется въ такой законченный типъ на все готовой Мессалины?!

Мы нарочно остановились подолѣе на этомъ примѣрѣ испорченной женской жизни—испорченной безразсуднымъ и безнравственнымъ бракомъ, заключеннымъ, съ одной стороны, по легкомыслію, съ другой—по корыстолюбивому разсчету. Такихъ испорченныхъ жизней среди нашихъ женщинъ—множество, и повѣсть ихъ, въ главныхъ чертахъ, одна и та-же; только рѣдко дѣлается она достояніемъ нравоописательной литературы. Тѣмъ цѣннѣе, конечно, каждый случай, который даетъ возможность нравописателю поглубже заглянуть въ этотъ уголокъ современной нашей жизни. Мы воспользовались этимъ случаемъ.

В. Михневичъ.

НЕСЧАСТНЫЙ.

(На мотивъ изъ Виктора Гюго).

Мы шли съ примкнутыми штыками,—
Былъ такъ тяжелъ намъ этотъ путь...
А онъ, несчастный, шелъ межъ нами,
Повѣсивъ голову на грудь.

* * *

— Смотрите-жъ, мимо не пускайте!—
Намъ ротный тихо приказалъ.
— «Всѣ пули въ сердце направляйте!!»—
Бѣднякъ намъ громко прокричалъ.

* * *

Старикъ капралъ стоялъ со мною:
«Грѣшно!»—вздохнувъ, проговорилъ...
И я взялъ вверхъ, надъ головою—
И пулю въ вольный свѣтъ пустилъ...

Ив. Якунинъ.

ПО ИТАЛІИ.

XVI.

По дорогѣ въ Помпею.—Памяти Тацита и обоихъ Плиніевъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, я отправился на желѣзную дорогу, чтобы съ первымъ поѣздомъ ѣхать въ Помпею. Утро было прелестное, и день обѣщалъ быть жаркимъ. Въ воздухѣ стояла тишина—хоть бы листокъ на деревѣ дрогнулъ, и море было гладкое-гладкое, словно ртуть въ гигантскомъ бассейнѣ. Капри, Искія и Прочида уже сверкали подъ первыми лучами солнца, а берега Сорento и Кастелламаре тонули еще въ утренней дымкѣ. Везувій курился ровно, тихо, безъ порывовъ и вздрагиваній, словно исполинское кадило.

«Aprile 27, venerdi (записываю я въ свою путевую книжку, сидя на станціи въ ожиданіи звонка)—ѣду въ Помпею. У насъ, въ Россіи, теперь страстная пятница—готовятся куличи, пасхи, красятся яйца».

Раздается звонокъ. Пассажиры съ книжечками въ рукахъ, словно нѣмки передъ обѣдней, спѣшатъ занять мѣста въ вагонахъ. Въ вагонахъ книжечки развертываются, пробѣгаются глазами, разсматриваются планы: это всѣ заглядываютъ въ свои путеводители, словно готовятся къ экзаменамъ.

Поѣздъ двинулся. Вотъ и Портичи, нѣкогда Herculis porticum, теперь—предмѣстье Неаполя съ одиннадцатитысячнымъ населеніемъ. Кругомъ виллы, тонущія въ роскошной зелени. Влѣво—Резина; поѣздъ несется между холмами изъ застывшей и вывѣтрившейся лавы, подъ которою погребенъ Геркуланумъ. Влѣво видно, какъ маленькій поѣздъ поднимается на Везувій:—теперь уже къ самому конусу его проложена желѣзная дорога, которую старый ворчунъ не сегодня-завтра соблаговолитъ затопить кипящею лавою вмѣстѣ съ рельсами, локомотивами и станціями...

Вотъ Торре-дель-Греко, Торре Аннунціата—всѣ эти города выросли на лавѣ, на кладбищѣ погибшихъ городовъ, и въ свою очередь также погибнутъ отъ лавы и огня... Но что имъ до будущаго?—Вонъ какая здѣсь дивная, буйная растительность, какая природа, какое небо, какое море!—Вонъ *и поэтическая Искія,* кажется, трепещетъ вдали отъ наслажденія жизнью, *не вѣдая, что подъ* землею невидимыя силы готовятъ ей страшную гибель...

Поѣздъ поворачиваетъ влѣво, какъ-бы огибая Везувій. Черезъ нѣсколько минутъ онъ останавливается; это „станція Помпея“. Всѣ пассажиры торопливо выходятъ изъ вагоновъ: старый, бритый, круглый и толстомордый французъ съ жосткимъ выраженіемъ лица и съ нимъ молоденькая, красивая, полненькая, какъ яблочко, парижанка; старая, ссохшаяся нѣмка и съ нею молоденькая, бѣлобрысенькая нѣмочка, два молодыхъ японца, бойко говорящіе языкомъ Тасса и Гарибальди, и англичане, англичанки безъ конца. Пройдя нѣсколько шаговъ, мы вступаемъ въ небольшой ресторанчикъ, названный въ честь лучшей въ Помпеѣ виллы, засыпанной во время изверженія и теперь откопанной—виллы Діомеди—„Hôtel Diomède“. Передъ вступленіемъ въ мертвый городъ я заказываю себѣ завтракъ, чтобъ запастись силами. Кругомъ суета, возня, предложеніе всякихъ услугъ. Около моихъ ногъ трется черная кошечка, заслышавъ на моемъ столѣ запахъ жаренаго барашка, и самымъ подлымъ, заискивающимъ манеромъ мурлычитъ.—«Ахъ ты, подлая помпеянка!» грожу ей пальцемъ:—„Можетъ ты, небого, и мяса хочешь?“—Она понимаетъ по-русски и прыгаетъ ко мнѣ на колѣни. Я кормлю ее. — Въ дверяхъ слѣпой нищій играетъ на гитарѣ. Въ шляпу ему бросаютъ мѣдяки. За гитарой — скрипка и еще что-то: наяриваютъ „la donna e mobile“... Это въ Помпеѣ-то!

Покончивъ наскоро съ завтракомъ, я, вмѣстѣ съ другими, тотчасъ-же направился къ мертвому городу. Съ того мѣста, откуда къ нему подходятъ, его совсѣмъ не видать: видны только невысокіе холмы, поросшіе виноградомъ и всякою буйною растительностью. Подъ этими холмами покоился около двухъ тысячъ лѣтъ мертвый городъ, нѣкогда живой и кипучій, похороненный подъ огненною лавою. Лава остыла, и на ней въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій образовался толстый слой жирнаго чернозема, на которомъ и выросли эти пиніи, кактусы, виноградники. Судя по всему этому, можно себѣ вообразить, что̀ это было за ужасное изверженіе, что̀ за потоки огня стремились съ горы, если подъ ними безслѣдно исчезли цѣлые города, а море было отодвинуто ими отъ прежняго берега на нѣсколько верстъ!

Исторія какимъ-то чудомъ сохранила описаніе этого страшнаго событія, составленное очевидцемъ его, котораго только случайность спасла отъ смерти. Это—знаменитый Плиній Младшій. Тацитъ, жившій во время этой катастрофы и писавшій свою безсмертную исторію, просилъ Плинія, чтобы онъ, какъ очевидецъ, сообщилъ ему все, что̀ видѣлъ во время гибели Помпеи и другихъ городовъ, и ка̀къ, при этомъ событіи, погибъ его славный дядя, Плиній Старшій. Плиній Младшій исполнилъ просьбу великаго историка и въ двухъ письмахъ описалъ ему все, что̀ видѣлъ и зналъ. Трогательно, умилительно читать эти безсмертныя письма и видѣть, какое глубокое уваженіе питали къ великому историку Рима уже его современники, предвѣщая его твореніямъ неувядаемую *славу. И они не ошиблись.* Вотъ первое изъ этихъ писемъ. «Ты требуешь у

меня подробностей о смерти моего дяди, желая передать ихъ во всей точности потомству. Благодарю тебя,—ибо нѣтъ сомнѣнія, что вѣчная слава озаритъ смерть, описанную тобою. Хотя онъ погибъ въ бѣдствіи, опустошившемъ страну, прекраснѣйшую въ свѣтѣ; хотя палъ съ цѣлыми народами и городами, жертвою достопамятнаго явленія природы, могущаго сохранить и его память; хотя самъ воздвигъ многіе нетлѣнные себѣ памятники;—но безсмертіе твоихъ твореній увѣковѣчитъ его имя. Я съ своей стороны считаю счастливыми людей, творящихъ достойное описанія или пишущихъ достойное чтенія: вдвое счастливы стяжавшіе и то и другое. Дядя мой займетъ мѣсто въ числѣ этихъ послѣднихъ, благодаря и своимъ и твоимъ писаніямъ. Итакъ, охотно принимаю твое порученіе и даже прошу на то позволенія.—Онъ былъ въ Мизенѣ, гдѣ начальствовалъ флотомъ. Въ девятый день до календъ сентября (23 августа) около седьмаго часа (въ часъ пополудни) мать моя сказала ему, что поднимается облако огромной величины и вида необычайнаго. Передъ тѣмъ, погрѣвшись на солнцѣ и выкупавшись въ холодной водѣ, онъ покушалъ, лежа, и занялся чтеніемъ. Теперь онъ немедленно всталъ и пошелъ на возвышеніе, съ котораго удобнѣе можно было видѣть чудесное явленіе. Издали нельзя было разглядѣть, изъ которой горы поднимается облако; потомъ узнали, что изъ Везувія. Видомъ своимъ походило оно на дерево, особенно на пинію: поднимаясь къ небу высокимъ столбомъ, оно раскидывало вѣтви на верхушкѣ. Полагаю, что подземный вѣтеръ сильно поднималъ это облако снизу, но на нѣкоторомъ возвышеніи ослабѣвалъ. Тамъ оно расходилось въ ширину, можетъ быть, и отъ собственной тяжести. Оно казалось то бѣлымъ, то черноватымъ, то въ пятнахъ—отъ поднявшихся съ нимъ земли и пепла. Это чудесное явленіе изумило ученаго мужа, и онъ рѣшился разсмотрѣть его ближе,—приказалъ изготовить легонькую лодочку и предложилъ мнѣ на волю ѣхать съ нимъ. Я отвѣчалъ ему, что охотнѣе займусь дѣломъ: случилось, что онъ самъ задалъ мнѣ написать что-то. Выходя изъ дому, онъ получилъ записку отъ Ректины, супруги Цесія Басса, которая, страшась неминуемой опасности (домъ ея лежалъ у подошвы Везувія, и она могла спастись только моремъ), просила его поспѣшить къ ней на помощь. Тогда онъ перемѣнилъ свое намѣреніе, и начатое по влеченію любопытства продолжалъ съ самоотверженіемъ въ пользу ближняго. Онъ приказалъ изготовить четырехвесельную ладью и отправился въ ней самъ на помощь къ Ректинѣ и ко многимъ другимъ особамъ, поселившимся въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ. Онъ поспѣшилъ туда, откуда бѣжали всѣ другіе, и шелъ на явную гибель безъ всякаго страха, спокойно диктуя писцу своему описаніе различныхъ видовъ и перемѣнъ грознаго явленія, представлявшагося его взорамъ. По мѣрѣ приближенія къ берегу, пепелъ, падавшій на суда, становился гуще и горячѣе; уже *падали на нихъ обломки* пемзы и до-черна обожженные камни, отторгнутые *отъ скалъ силою огня.* Море обмелѣло, и къ берегу, покрытому каменьями,

нельзя было причалить. Дядя призадумался, не воротиться-ли ему, но вдругъ сказалъ коричему, совѣтовавшему плыть назадъ: „Счастье благопріятствуетъ отвагѣ. Вези меня къ Помпоніану"! Помпоніанъ былъ въ Стабіяхъ, по другую сторону небольшаго залива, образуемаго едва видимою извилиною берега. Видя быстро приближающуюся издали опасность, Помпоніанъ велѣлъ перенесть всѣ свои пожитки на суда, и для отплытія ждалъ перемѣны противнаго вѣтра. Дядя мой, которому этотъ самый вѣтеръ былъ благопріятенъ, вышелъ на берегъ, обнялъ его, успокоилъ, утѣшилъ и ободрилъ трепещущаго, и чтобъ разсѣять своимъ безстрастіемъ боязнь друга, приказалъ понести себя въ баню. Послѣ бани сѣлъ за столъ, покушалъ весело, или,—что еще болѣе свидѣтельствуетъ о твердости души его,—стараясь казаться веселымъ.

„Между тѣмъ, во многихъ мѣстахъ Везувія вспыхивало большое пламя, появлялся сильный огонь, еще болѣе яркій среди ночнаго мрака. Для успокоенія собесѣдниковъ дядя утверждалъ, что горятъ хижины, оставленныя испуганными поселянами. Потомъ онъ легъ и заснулъ крѣпко. За дверьми слышно было храпѣніе этого тучнаго человѣка. Дворъ передъ его комнатою наполнялся пепломъ и каменьями, и еслибы онъ тамъ остался долѣе, то уже не могъ бы выйти. Его разбудили. Онъ вышелъ къ Помпоніану и другимъ, не ложившимся спать. Всѣ вмѣстѣ совѣтовались—оставаться-ли дома, или выйти на открытое мѣсто. Дома, потрясаемые безпрестанными сильными порывами землетрясенія, казалось, вырываемы были изъ основаній своихъ и колебались во всѣ стороны. Подъ открытымъ небомъ надлежало опасаться паденія пемзы, хотя она была легка и прожжена огнемъ. Изъ этихъ опасностей избрали послѣднюю. Въ душѣ моего дяди сильнѣйшая причина побѣдила слабѣйшую; въ умѣ его спутниковъ одна боязнь вытѣсняла другую. Итакъ, они навязали платками на головы подушки, чтобъ защититься отъ падающихъ камней. Въ другихъ мѣстахъ день уже занимался, но вокругъ нихъ господствовала самая мрачная, самая глухая ночь, часто озаряемая разнообразными огнями. Хотѣли приблизиться къ берегу, чтобъ узнать, нельзя-ли ѣхать моремъ, но оно все еще было бурно и неблагопріятно. Тогда дядя мой легъ на разостланную простыню, нѣсколько разъ спрашивалъ холодной воды и раза два пилъ. Вскорѣ пламя и предшествовавшій ему сильный запахъ обратили всѣхъ въ бѣгство и заставили дядю встать. Онъ поднялся при помощи двухъ рабовъ, и мгновенно палъ мертвый на землю. Полагаю, что густой дымъ задушилъ его, захвативъ дыханіе: желудокъ его былъ слабъ, тѣсенъ и часто одержимъ отрыжкою. Когда снова возсіялъ свѣтъ (черезъ двое сутокъ), тѣло его найдено было въ цѣлости, безъ малѣйшаго искаженія. Одежда его не была повреждена, и онъ казался скорѣе спящимъ, нежели мертвымъ. Между тѣмъ я съ матерью оставался въ Мизенѣ... Но это не важно для исторіи, а ты желалъ знать только то, что относится до его смерти. Оканчиваю письмо свое замѣчаніемъ, *что все переданное* тебѣ *я* самъ видѣлъ или слышалъ въ то время,

когда повѣствованіе не было еще искажено. Выбери важнѣйшее. Великая разница писать письмо и сочинять исторію, писать для друга или — для свѣта. Прощай!»

Самое письмо это—драгоцѣннѣйшій памятникъ, словно бы и оно погребено было подъ грудами лавы и отрыто потомъ вмѣстѣ съ Помпеею и ея окаменѣлыми въ лавѣ трупами. Не надо забывать, что это пишетъ осьмнадцатилѣтній мальчикъ, изучающій Тита Ливія въ моментъ ужасной катастрофы и предъявляющій такія серьезныя требованія относительно исторіи. Но Тацитъ не удовольствовался этимъ письмомъ: оно только разожгло его любопытство. Ему хочется знать бо̀льшія подробности о великомъ явленіи природы. И юный Плиній удовлетворяетъ любопытство безсмертнаго историка.

«Ты говоришь—пишетъ онъ вторично,— что письмо, въ которомъ я, по твоему желанію, описалъ смерть моего дяди, возбудило въ тебѣ охоту узнать бѣдствія и опасности, которымъ подвергался я самъ, оставаясь въ Мизенѣ, какъ я сказалъ въ заключеніе. Хотя при одномъ воспоминаніи объ этомъ времени ужасъ объемлетъ мою душу, но я начинаю. По отбытіи дяди, я продолжалъ занятія, для которыхъ остался дома. Потомъ выкупался въ банѣ, поужиналъ и заснулъ сномъ безпокойнымъ и прерывистымъ. Уже за нѣсколько дней чувствовались порывы землетрясенія, но какъ въ Кампаніи подобное явленіе не рѣдкость, то оно насъ и не испугало. Въ эту ночь оно усилилось до такой степени, что, казалось, будто все не только поколебалось, но и ниспроверглось. Мать вбѣжала въ мою комнату въ то самое время, когда я вставалъ, чтобы разбудить ее. Мы сѣли на тѣсномъ дворѣ, отдѣляющемъ домъ отъ моря. Не знаю, какъ назвать это—твердостью или безпечностью осьмнадцатилѣтняго юноши: я потребовалъ Тита Ливія, читалъ его какъ-бы посреди совершенной безопасности и продолжалъ начатыя мною выписки. Другъ моего дяди, недавно прибывшій изъ Испаніи для свиданія съ нимъ, нашелъ меня и мать мою сидящихъ спокойно, а меня съ книгою въ рукахъ; онъ упрекнулъ ее въ равнодушіи, а меня въ безпечности, но я не сводилъ глазъ съ книги. Наступилъ первый часъ утра (семь часовъ по полуночи), а свѣтъ дня едва показывался, слабый и тусклый. Стѣны вокругъ насъ были расшатаны частыми потрясеніями, и опасно было оставаться въ этомъ тѣсномъ мѣстѣ, хотя оно и было открыто. Мы рѣшились выйти изъ города. Испуганный народъ бѣжалъ съ нами, и—какъ въ страхѣ нерѣдко случается, что мы предпочитаемъ чужое мнѣніе собственному,—за нами послѣдовала толпа, тѣсня и гоня насъ. Вышедъ изъ города, мы остановились: тамъ ожидали насъ новыя чудеса, новые ужасы. Повозки, взятыя нами съ собою, раскатывались по ровному полю во всѣ стороны (такъ колебалась земля!) и мы тщетно старались остановить ихъ, подкладывая каменья. Море, казалось, пожрало само себя и было какъ-бы отодвинуто землетрясеніемъ (земля вспухла!) Достовѣрно то, что берегъ расши-

рился и многія морскія животныя остались на сушѣ. Съ другой стороны ужасная черная туча, раздираемая извилистыми огнями, извергала изъ нѣдръ своихъ длинныя огненныя струи, подобныя молніямъ, но гораздо больше ихъ. Тогда другъ, прибывшій изъ Испаніи, сталъ уговаривать насъ сильнѣе и убѣдительнѣе. «Если твой братъ и дядя твой—сказалъ онъ намъ—еще живъ, то, конечно, желаетъ, чтобы вы спаслись; если погибъ, то желалъ, чтобы вы его пережили. Что-жъ вы медлите бѣгствомъ?» Мы отвѣчали, что не будемъ помышлять о своей безопасности, доколѣ не узнаемъ, что̀ сдѣлалось съ его другомъ. Не медля долѣе, онъ удалился, ища спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Вскорѣ потомъ туча спустилась на землю и покрыла море. Она облекла и скрыла отъ глазъ нашихъ Капрею и загородила мысъ Мизенскій. Мать моя просила, заклинала, требовала, чтобъ я спасался, какъ только возможно. «Ты молодъ,—говорила она,—тебѣ нетрудно бѣжать; я же, престарѣлая, дряхлая, умру спокойно, зная, что не была виною твоей погибели». Я объявилъ ей, что не хочу спасаться безъ нея, взялъ ее за руку и принудилъ прибавить шагу. Она неохотно мнѣ повиновалась, утверждая, что задерживаетъ меня. Пепелъ началъ сыпаться на насъ, но еще въ маломъ количествѣ. Обратясь назадъ, я увидѣлъ за нами густой дымъ: онъ, подобно потоку, стлался по землѣ и преслѣдовалъ насъ... Отойдемъ въ сторону — сказалъ я матери—пока еще видно; въ темнотѣ, толпа бѣгущихъ насъ задавитъ». Лишь только мы прис ѣли, потемнѣло, не такъ, какъ въ мрачную облачную ночь, а какъ въ комнатѣ, гдѣ погашены всѣ свѣчи. Слышны были только стенанія женщинъ, плачъ дѣтей, вопли мужчинъ; одинъ звалъ отца, другой сына, иной жену; узнавали другъ друга только по голосу. Одинъ страшился за себя, другой за своихъ. Нѣкоторые, боясь смерти, звали ее же на помощь. Здѣсь поднимали руки къ небу; тамъ вопили, что нѣтъ уже боговъ и что наступила послѣдняя ночь существованія вселенной. Многіе къ истиннымъ опасностямъ присовокупляли вѣсти ложныя и вымышленныя: говорили, что такое-то зданіе въ Мизенѣ обрушилось, такое-то горитъ. Эти ложные слухи принимаемы были за истину.

«Забрежжилось, но не отъ солнца, а отъ зарева угрожавшаго намъ огня, который однако не приближался. Мракъ наступилъ снова и пепельный дождь посыпался сильнѣе и гуще прежняго. Мы должны были вставать и стряхать съ себя пепелъ: въ противномъ случаѣ онъ покрылъ и задушилъ бы насъ. Могу похвалиться, что среди этихъ грозныхъ и опасныхъ явленій я не произнесъ ни жалобы, ни робкаго слова: меня поддерживала горестная и утѣшительная мысль, что со мною гибнетъ вселенная. Наконецъ, мгла мало по малу разсѣялась, какъ дымъ или облако. Вскорѣ мы вновь увидѣли свѣтъ дневной, но онъ былъ блѣденъ и тусклъ, будто при затмѣніи солнца. Все казалось измѣнившимся предъ *нашими трепещущими взорами:* груды пепла, подобно густому снѣгу, покрывали

землю. Мы воротились въ Мизенъ. Расположились кто какъ могъ и провели ночь между страхомъ и надеждою, но страхъ былъ сильнѣе. Землетрясеніе продолжалось. Испуганные люди усугубляли ужасъ, свой и ближнихъ своихъ, грозными предвѣщаніями. Мы перенесли уже много бѣдствій и опасались еще новыхъ, но не думали удаляться до полученія извѣстій о дядѣ. Прочти это описаніе, но не вноси его въ свои творенія: оно исторіи не достойно. Вини самого себя и свое любопытство, если найдешь, что оно не стоило и письма. Прости!»

По всему видно, что это было одно изъ ужаснѣйшихъ изверженій. Землетрясенія слѣдовали одно за другимъ. Земля и море бушевали; въ нѣдрахъ земли происходило что-то необычайное. Говорятъ, что пепелъ отъ изверженія Везувія долеталъ до береговъ Африки, до Египта, Сиріи и наводилъ ужасъ на Римъ, потому что отъ облаковъ пепла и дыма померкло солнце. Нѣчто подобное, какъ видно, происходило въ нынѣшнемъ году на островѣ Явѣ. Но войдемъ въ самую Помпею.

XVII.

Въ мертвомъ городѣ.—Кастелламаре и Соренто.

Болѣе семнадцати столѣтій протекло со времени ужаснаго событія, описаннаго Плиніемъ, и о Помпеѣ, Геркуланумѣ, Стабіяхъ, погребенныхъ подъ холмами лавы, всѣ забыли—забыла даже исторія. Римская имперія пережила бурное и безумное время владычества императоровъ, борьбы съ христіанствомъ, пережила наконецъ свою славу и самостоятельность—и погибла. Надъ Помпеей и Геркуланумомъ зеленѣли уже холмы, покрытые пиніями, виноградниками, пшеницей; а что было подъ этими холмами—никто не зналъ. Столѣтія шли за столѣтіями. Возникали новыя царства, падали другія, Везувій продолжалъ дымиться, а иногда и извергать пламя и лаву на окрестныя селенія.

Только уже въ XVII вѣкѣ случайно открыли подъ холмами нѣсколько облаковъ колоннъ, статуи, мраморъ—и только тогда вспомнили, что тутъ были котда-то Стабіи, Помпея, Геркуланумъ... И съ тѣхъ поръ начались раскопки. Откопали часть Геркуланума, добыли массу великолѣпныхъ статуй и другихъ сокровищъ, но тотчасъ же прекратили раскопки, ибо оказалось, что подъ Геркуланомъ, на холмахъ лавы, подъ которыми онъ погребенъ, давно выросъ новый городъ—Портичи съ десятитысячнымъ населеніемъ. Нельзя же разрушать городъ живыхъ для того, чтобъ откопать городъ мертвыхъ. Тогда начали раскопки дальше,—тамъ, гдѣ думали найти Помпею. И нашли. Теперь откопали уже около половины города. И что тамъ найдено!—цѣлый античный міръ во всей его первобытной неприкосновенности: кажется, будто за полчаса только передъ *вами вышли* изъ города люди древняго міра, оставивъ въ своихъ домахъ всю *утварь, украшенія*, статуи, кушанья, хлѣбъ, фрукты... Вы видите даже колеи на

улицахъ отъ колесъ, а на стѣнахъ—сохранившіяся объявленія о театральныхъ зрѣлищахъ *того дня*, когда городъ погребенъ подъ горячею лавою, и слѣды писаній мальчишекъ-шалуновъ, которые и теперь, у насъ, продолжаютъ писать свои мальчишескія шутки на заборахъ, какъ писали ихъ на стѣнахъ Помпеи...

Но будемъ говорить по порядку. Взявъ вмѣстѣ съ прочими путешественниками входный билетъ въ конторѣ (2 лиры), я вдоль тянущагося по правую руку холма (это часть того сплошнаго, широкаго холма, подъ которымъ погребена была Помпея), направился къ воротамъ, къ морю. Всѣхъ воротъ въ Помпеѣ было восемь, изъ которыхъ вполнѣ откопаны только трое—Marina, Herculanum и Nola. Холмъ, вдоль котораго мы проходимъ, весь покрытъ ползучею зеленью, кажется, изъ породы кактусовъ съ яркими розовыми цвѣтами, которые чичероне назвалъ Tripolia sempaviva, а веттурино, возившій меня на другой день въ Пуццуоли, на вопросъ—какъ называются такіе же цвѣты, отвѣчалъ, что это leone.

При самомъ входѣ въ ворота, ко мнѣ подошелъ чичероне въ казенной полувоенной формѣ, съ нѣсколькими ключами въ рукахъ, и любезно спросилъ, угодно-ли мнѣ, чтобъ онъ меня сопровождалъ. Я, конечно, согласился. Другіе чичероне подошли къ другимъ группамъ туристовъ, и всѣ гуськомъ направились ко входу, который, поднимаясь по каменной мостовой, вводилъ въ самыя ворота. Я не могъ не обратить вниманія на эту мостовую:—она такой же осколокъ античнаго міра, какъ и весь мертвый городъ. Состоитъ она изъ четырехугольныхъ, довольно большихъ, несовсѣмъ правильныхъ плитъ, кажется, изъ остывшей лавы, и очень напоминаетъ мостовую римскаго форума. Она сильно протерта ногами помпеянъ, когда-то ходившихъ по ней, а теперь трется ежедневно ногами туристовъ со всѣхъ концовъ свѣта. При входѣ, сейчасъ направо, находится небольшое свѣтлое помѣщеніе, въ которомъ сберегаются откопанные изъ-подъ лавы остатки античной жизни мертваго города: это—музей Помпеи. Онъ представляетъ поразительное зрѣлище!—невольно содрогается душа при видѣ нѣкоторыхъ предметовъ. По серединѣ первой просторной залы стоятъ большія витрины, крышки которыхъ, а равно всѣ четыре стороны и самое дно—стеклянныя. Въ этихъ витринахъ лежатъ окаменѣлые, превратившіеся въ лаву, трупы несчастныхъ помпеянъ и помпеянокъ, лежавшихъ подъ лавою около двухъ тысячъ лѣтъ и теперь только откопанныхъ. Что за ужасный видъ! какія потрясающія позы!.. Повидимому, настигнутые потоками горящей лавы несчастные бросались большею частью ничкомъ и погибали въ страшныхъ корчахъ, захлебываясь въ огненныхъ потокахъ. На несчастныхъ нѣтъ, конечно, платья—оно тогда-же истлѣло или сгорѣло; остались одни голые трупы, превратившіеся въ глыбы той же, вслѣдствіи остывшей и затвердѣвшей, лавы. Только у одного трупа явственно сохранился костяной черепъ. Тутъ же, въ одной изъ витринъ, лежитъ трупъ собаки: *видно*, въ какихъ страшныхъ корчахъ издыхало бѣдное

животное. Тутъ же, по другимъ витринамъ и въ шкафахъ на полкахъ, разставлены другіе предметы, отрытые вмѣстѣ съ погибшимъ городомъ: посуда глиняная и бронзовая, обуглившіеся съѣстные припасы, хлѣбъ—однимъ словомъ, то же, что̀ мы уже видѣли въ неаполитанскомъ музеѣ. Даже дѣтскія игрушки есть тутъ. Я вышелъ изъ этого ужаснаго мѣста съ болѣе удручающимъ чувствомъ, чѣмъ когда выходишь съ кладбища.

Когда мы очутились съ чичероне на улицѣ Помпеи, къ намъ подошли двѣ нѣмки, о которыхъ я уже упомянулъ выше—старая, высохшая, какъ лѣсная груша, и бѣлобрысая молоденькая,—и спросили чичероне, могутъ ли онѣ присоединиться къ намъ. Мы, конечно, изъявили согласіе, и пошли бродить по развалинамъ. Улицы въ Помпеѣ хотя прямыя, но чрезвычайно узкія. Онѣ вымощены также, какъ и римскій форумъ, большими плитами затвердѣлой лавы. Тротуары ихъ очень высоки, такъ что дамамъ, съ современными узенькими у ногъ платьями, подниматься на нихъ съ мостовой очень трудно. Какъ мостовая, такъ и тротуары сильно потерты ногами пѣшеходовъ, и на мостовой сохранились даже глубокія колеи и выбоины отъ колесъ. Объ узости улицъ въ Помпеѣ можно судить по слѣдующему обстоятельству: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по серединѣ улицъ положены четырехугольные камни въ вышину тротуаровъ, съ тѣмъ чтобы во время дождя и послѣ дождя, когда улицы еще не успѣли просохнуть, пѣшеходы могли переходить съ одной стороны улицы на другую, переступая съ тротуара на камень, а съ камня на другой тротуаръ. На подобныхъ улицахъ два встрѣчныхъ экипажа не могли разминуться, да притомъ и камни, положенные по серединѣ улицъ, конечно, мѣшали проѣзду, если не допустить, что колесная ѣзда могла совершаться только парою муловъ,ословъ или воловъ, запряженныхъ въ ярмо. На лошадяхъ же, вѣроятно, можно было проѣзжать только верхомъ.

Первое зданіе, которое вы видите, вступая въ улицы Помпеи, именно на via Marina — это развалины базилики, отрытой въ 1817 году. Собственно въ это время, въ правленіе Іосифа Бонапарта и Мюрата, особенно энергично занимались раскопками въ Помпеѣ, когда ежедневно работало до 800 землекоповъ подъ наблюденіемъ особыхъ надсмотрщиковъ. Въ базилику ведутъ нѣсколько ступеней. Внутренность ея была обнесена перистилемъ изъ 28 колоннъ іоническаго ордена. Въ глубинѣ находилась трибуна для дуумвировъ или судей. На стѣнахъ сохранилось много надписей—это, по объясненію археологовъ, занимались писаніемъ жалобщики, просители или адвокаты, которые и въ античномъ мірѣ были, конечно, также краснорѣчивы и остроумны, какъ теперь. Тутъ же писались объявленія о зрѣлищахъ—наши афиши.

Противъ базилики, по другую сторону via Marina—храмъ Венеры (Venus physica или pompeiana), одинъ изъ обширнѣйшихъ въ Помпеѣ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ онъ обнесенъ былъ портикомъ съ 48-ю колоннами. *Самый храмъ или* алтарь богини находился посреди зданія и къ нему вели три-

надцать ступеней. Когда отрыли этотъ храмъ, то нашли въ немъ мраморныя статуи Венеры и Гермафродита. Стѣны портиковъ изукрашены были изображеніемъ разныхъ зданій и видовъ, а также сценами изъ египетской демонологіи. Какъ базилика, такъ и храмъ Венеры выходятъ на площадь — forum civile. Она такая же продолговатая, какъ и „форумъ романумъ“, и также вся обставлена по сторонамъ храмами и общественными зданіями. Здѣсь находятся, кромѣ храма Венеры и базилики, храмы Юпитера, Меркурія, Пантеонъ и курія. По концамъ площади возвышаются тріумфальныя арки. По всему видно, что это была чрезвычайно красивая площадь, вымощенная бѣлымъ мраморомъ и уставленная статуями, многочисленные пьедесталы которыхъ до сихъ поръ уцѣлѣли и превращаютъ прекрасную площадь въ жалкую руину. Съ трехъ сторонъ площадь обнесена была портиками, покоившимися на бѣлыхъ мраморныхъ колоннахъ дорическаго ордена. Многія изъ этихъ колоннъ сохранились въ первобытной цѣлости, и съ трудомъ вѣрится, что они оставались подъ лавою около двухъ тысячъ лѣтъ.

Площадь эта, какъ я сказалъ выше, обставлена была лучшими въ городѣ зданіями и храмами, базиликами, трибунами. Вотъ прямо противъ храма Венеры развалины великолѣпнаго зданія или базилики Евмахіи, очаровательной жрицы, о которой я уже говорилъ при посѣщеніи музея въ Неаполѣ. Базилику эту прелестная жрица воздвигла на свой счетъ, украсивъ ее превосходными колоннадами изъ паросскаго мрамора. Когда, въ 1821 году, отрыли изъ подъ лавы это зданіе, то нашли въ немъ великолѣпную статую самой Евмахіи съ надписью, которую я привелъ въ XIV-й главѣ. Теперь эта статуя находится въ неаполитанскомъ музеѣ, а здѣсь, въ базиликѣ, стоитъ ея копія. Какъ я сказалъ уже, статуя Евмахіи, т. е. ея прелестное личико, поражаетъ красотой, такой нѣжной, такой симпатичной красотой, какой я, кажется, не видѣлъ ни у одной изъ всѣхъ статуй античнаго міра—ни у Венеры, ни у Діаны, ни у цѣлаго сонма Психей, нимфъ, грацій, музъ. Если сама Евмахія была дѣйствительно такъ прекрасна, какъ она изображена или возсоздана въ мраморѣ рѣзцомъ скульптора, то неудивительно, если помпеяне, вмѣсто Венеры и Юноны, молились своей прелестной жрицѣ и боготворили ее.—Удивителенъ этотъ античный міръ!—Для насъ непостижимы формы его жизни: эти жрицы, эти весталки—женщины, пользовавшіяся огромнымъ значеніемъ въ государствѣ, выступавшія во главѣ общественныхъ процессій, занимавшія почетныя мѣста на публичныхъ зрѣлищахъ, на бояхъ гладіаторовъ, въ навмахіяхъ, при травляхъ звѣрей и плѣнниковъ,—все это такъ непостижимо, что невольно удивляешься этому античному міру, для котораго «женскій вопросъ», повидимому, не былъ страшнымъ «жупеломъ», какимъ онъ является для современнаго, гордаго своею цивилизаціею міра, изгоняющаго женщинъ изъ университетовъ, изъ женскихъ курсовъ, отовсюду, гдѣ женщина могла бы пере-

ныхъ преданій, что здѣсь народъ своими глазами видѣлъ могилу поэта, котораго онъ считалъ и считаетъ волшебникомъ, — превратно, по своему, понимая его поэзію, его таинственный адъ, помѣщенный воображеніемъ поэта недалеко отъ этого мѣста, адъ, въ который сходилъ Эней, когда, послѣ многолѣтнихъ странствій по невѣдомымъ морямъ, пристalъ именно около Мизена, недалеко отъ жилища кумской Сивиллы.

На одной изъ скалъ, выдающихся въ море отъ холма Позилиппо, Виргилій, по народному преданію, обучалъ желающихъ колдовству—и отсюда названіе этого мѣста: scuola di Virgilio.

Я велѣлъ веттурино остановиться на минуту, чтобы взглянуть на гробницу поэта, стихи котораго мы съ гордостью декламировали когда-то на школьной скамьѣ, и безъ сомнѣнія, безбожно искажали ихъ варварскимъ произношеніемъ:

Arma virumque cano, Troiae qui primus ab oris...

или еще ужаснѣе, изображая изъ себя Нептуна, кричали вѣтрамъ:

Quos ego!—sed motos praestat componere fluctus...

или, наконецъ, вмѣстѣ съ Энеемъ возглашали къ Дидонѣ:

Nunc veteres, o regina, jubes renovare dolores...

Говорятъ, Петрарка, носѣтивъ могилу поэта древности вмѣстѣ съ сицилійскимъ королемъ Робертомъ, посадилъ надъ его прахомъ лавръ. Но отъ лавра потомъ не осталось и слѣда. Другой лавръ посадилъ Казиміръ Делавинь. Но и тотъ исчезъ:—по листочку растаскали его хищные туристы. Бокачіо здѣсь, говорятъ, у гробницы Виргилія далъ зарокъ—перестать быть купцомъ—и отдался литературѣ. А я на этомъ мѣстѣ не далъ, а подтвердилъ свой зарокъ:—не осквернить памятниковъ древности святотатственнымъ начертаніемъ на нихъ своихъ жалкихъ именъ и разныхъ жалкихъ словъ (*я* и на вершинѣ пирамиды Хеопса не посмѣлъ помѣстить своего имени *хотя бы* подъ именемъ Наполеона Бонапарте!)

При въѣздѣ въ пещеру или скорѣе въ тунель Позилиппо, выскочилъ на встрѣчу моей колескѣ, словно «Пилипъ зъ конопель», неизбѣжный оборванецъ, монахъ-лаццарони и завопилъ дикимъ голосомъ, прося подаянія: я сунулъ ему въ корявую руку нѣсколько чентезимовъ—и экипажъ мой очутился во мракѣ пещеры. Прежде пещера эта считалась какимъ-то чудомъ. Объ ней говоритъ и Сенека. Длиною она 735 метровъ, шириною 8 и вышиною до 29. Чудомъ считалось то, что пещера эта проходила сквозь всю гору Позилиппо и выходила по другой ея сторонѣ. Два раза въ году, именно въ концѣ октября и февраля новаго стиля, солнце, садясь въ море за островомъ Искіею, послѣдними лучами своими пронизываетъ пещеру насквозь, и—замѣчательно—свѣтъ его падаетъ на одинъ изъ домовъ Неаполя, отстоящій отъ пещеры болѣе чѣмъ на версту, именно на домъ на углу улицы Санта-Маріа-Портико. Повторяю—прежде, и особенно *въ древности* пещера эта могла казаться какимъ-то чудомъ; съ нашей же точки *зрѣнія, это обыкновенный* тунель въ 735 метровъ длиною:—теперь не рѣдкость,

хотя бы въ Италіи и Испаніи, тунели на желѣзныхъ дорогахъ въ 3,000 и въ 4,000 метровъ.

При всемъ томъ, когда вы очутитесь въ мрачномъ тунелѣ, слабо освѣщаемомъ фонаремъ, вы находите въ немъ что-то фантастическое, и чувство, какое вы испытываете подъ этими глухими сводами, не похоже на то, какое испытывается въ длинныхъ тунеляхъ желѣзныхъ дорогъ: тамъ вы чувствуете надъ собой только крышу вагона, а здѣсь вы осязательно сознаете, что находитесь въ нѣдрахъ земли. Фантастичность обстановки увеличивало еще и то обстоятельство, что когда мы проѣзжали тунелемъ, то разминулись съ двигавшимся намъ на встрѣчу большимъ вооруженнымъ отрядомъ: лязгъ оружія и топотъ массы ногъ почти въ непроницаемомъ мракѣ усиливали таинственность грота.

Наконецъ впереди забрежжилъ дневной, солнечный свѣтъ и мы выѣхали изъ грота. Вправо и влѣво высились горы—боковые отроги продолговатаго кряжа Позилиппо, а впереди синѣло море, вставленное въ дивную, разрывающуюся на части, рамку острововъ Искіи, Прочиды, живописнаго Мизенскаго мыса и горнаго побережья залива Байи или Баій,—тѣхъ самыхъ Баій, о которыхъ говоритъ Горацій, какъ о единственномъ въ мірѣ перлѣ красоты:

Nullus in orbe sinus Baiis praelucet amoenis.

Но пока до этого перла красоты еще далеко, а тутъ приходится дышать зловоніями предмѣстья Fuori di grotta, съ его грязными и оборванными ребятишками, и задыхаться отъ пыли шоссе, идущаго между садами и виллами вплоть до поворота къ заливу Баій. Но чѣмъ дальше, тѣмъ картина, развертывающаяся передъ вами, становится очаровательнѣе. Влѣво—чудное море съ этимъ крошкой-островкомъ Низита, вправо—причудливыя скалы, поросшія ползучими трефоліями съ ярко-пунцовыми цвѣтами, которые веттурино называлъ leone. Я ѣхалъ теперь тѣмъ уголкомъ побережья, который особенно любили римскіе богачи и императоры, и ландшафтъ котораго, пережившій тысячелѣтія, я видѣлъ въ неаполитанскомъ музеѣ. Теперь идутъ здѣсь земляныя работы и укрѣпленіе грозныхъ скалъ, готовыхъ, кажется, ринуться въ море:—да они, вѣроятно, и ринутся при первомъ серьезномъ землетрясеніи.

Проѣхавъ Баньоли, съ его сѣрными источниками, банями и отелями для пользующихся этими источниками больныхъ, мы очутились у въѣзда въ Пуццуоли. Со всѣхъ сторонъ накинулись на меня мѣстные чичероне, какъ стая голодныхъ собакъ. Всѣ они въ какихъ-то ливреяхъ и со значками своего званія. Какъ я ни отбивался отъ нихъ, говоря, что ихъ надоѣдливыхъ услугъ мнѣ не надо, что у меня въ карманѣ есть почище ихъ чичероне—Дю-Пэйи; но въ концѣ концовъ они побѣдили меня: чтобы отбиться отъ цѣлой стаи этихъ мирныхъ, но безпощадныхъ бандитовъ, я вынужденъ былъ взять одного изъ нихъ по указанію ихъ старосты.

Пуццуоли—это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ античнаго міра. Основанъ

былъ онъ, какъ и многіе приморскіе города Италіи и Сициліи, энергическими колонизаторами древности—греками, и назывался прежде Диксархіею. Впослѣдствіи онъ сталъ римскимъ городомъ и любимѣйшею резиденціею нѣкоторыхъ императоровъ, которыхъ вообще привлекалъ этотъ очаровательный заливъ Баій. Счастливое положеніе его при морѣ, его богатая гавань, плодородіе почвы—все это возвело «Путеоли» на степень первокласныхъ городовъ Италіи. Въ немъ были богатые храмы, амфитеатръ, общественные памятники. Теперь остались только жалкіе слѣды былаго величія.—Вотъ церковь Прокула—это бывшій храмъ Августа, воздвигнутый К. Кальпурніемъ. Объ этомъ до сихъ поръ гласитъ древняя надпись на фронтонѣ церкви: Calpurnius L. F. Templum. Augusto. Cum. Ornamentis. D. D.

Чичероне неустанно болталъ, предлагая мнѣ попробовать мѣстныхъ винъ и устрицъ; но я спѣшилъ полюбоваться берегами залива и знаменитою историческою гаванью. Въ этой гавани пристalъ когда-то тотъ корабль, на которомъ везли въ Римъ апостола Павла, арестованнаго въ Іерусалимѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Вотъ какъ говорится объ этомъ въ «Дѣяніяхъ апостольскихъ»: «И доплывше въ Сиракусы, пребыхомъ дни три. Оттуду же отплывше, пріидохомъ въ Ригію, и по единомъ дни возвѣявшу югу, во вторый день пріидохомъ въ Потіолы, идѣ же обрѣтше братію, умолени быхомъ отъ нихъ пребыти дней седмь. И тако въ Римъ идохомъ» (гл. XXVIII, 13—15). Въ этой гавани безумствовалъ Калигула, какъ истый римлянинъ, любитель всевозможныхъ эффектовъ и зрѣлищъ. «Онъ—говоритъ Светоній въ жизнеописаніи этого злодѣя-самодура—вымыслилъ новый родъ зрѣлищъ, дотолѣ неслыханный: построилъ мостъ изъ Баій до насыпи путеольской, длиною въ три тысячи шестьсотъ шаговъ. Для этого собралъ онъ отовсюду перевозныя суда, поставилъ ихъ на якоряхъ въ два ряда, усыпалъ землею и далъ имъ видъ Аппіевой дороги. Въ теченіе двухъ дней разъѣзжалъ онъ взадъ и впередъ по этому мосту: въ первый день ѣздилъ онъ на конѣ, богато убранномъ, въ дубовомъ вѣнкѣ на головѣ, со щитомъ, съ мечемъ и въ златотканной хламидѣ *); на другой день, въ одеждѣ возницы, онъ проѣхалъ по мосту въ колесницѣ, запряженной парою великолѣпныхъ лошадей; при немъ находился юный Дарій, одинъ изъ парѳянскихъ заложниковъ. За Каіемъ слѣдовалъ отрядъ преторіанъ; друзья его слѣдовали за нимъ въ колесницахъ. Знаю, что многія особы думали, будто онъ соорудилъ этотъ мостъ въ подражаніе Ксерксу, прославившемуся построеніемъ моста черезъ Геллеспонтъ, который гораздо уже этого залива. Другіе утверждали, что онъ хотѣлъ славою какого-либо исполинскаго подвига устрашить

*) *Другіе историки* утверждаютъ, что на тиранѣ въ это время былъ панцырь *Александра Македонскаго.*

Германію и Британію, готовясь напасть на нихъ. Но въ дѣтствѣ моемъ, слышалъ я отъ моего дѣда о тайномъ къ тому поводѣ, какъ ему повѣдано было придворными служителями. Однажды математикъ Тразиллъ сказалъ Тиверію, колебавшемуся въ выборѣ наслѣдника и склонявшемуся болѣе на сторону своего внука, что̀ и естественно: «Каій не будетъ царствовать; это вѣрно, какъ то, что онъ на конѣ не переѣдетъ черезъ заливъ Баій». — И онъ переѣхалъ...

Съ чувствомъ грусти стоялъ я на берегу этого историческаго залива, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ глядите вы на родныя, давно знакомыя мѣста, но которыхъ вы не видѣли почти съ дѣтства. Они ли это?—Тѣ-ли это мѣста, которыя столько лѣтъ жили въ вашемъ воображеніи? Неужели здѣсь безумствовали Калигула и Неронъ?—Да, здѣсь, вонъ по ту сторону великолѣпнаго залива торчитъ что-то безобразное, въ родѣ башни. Это остатки Баій. Здѣсь предавался дикимъ оргіямъ Неронъ. Здѣсь ожидали его римскія матроны, съ цѣлью заманивать сумасброднаго императора своими прелестями. «Когда Неронъ—говоритъ тотъ же Светоній—проѣзжалъ водою по заливу Баій, то вдоль всего берега раскидывались палатки, а у входовъ ихъ стояли римскія матроны, изображая изъ себя трактирныхъ дѣвушекъ, и приглашали императора осчастливить ихъ принятіемъ угощенія—ужина». Вонъ тамъ, повыше, умерщвлена была Агриппина. Въ этомъ заливѣ стоялъ римскій флотъ, которымъ командовалъ Плиній Старшій, погибшій при изверженіи Везувія. Объ этомъ заливѣ и о Баіяхъ упоминаютъ Цицеронъ, Горацій, Сенека, какъ о Содомѣ и Гоморрѣ. Здѣсь жилъ Юлій Цезарь на своей виллѣ, на которой Ливія отравила Марцелла. Здѣсь жилъ послѣдніе дни своей жизни единственный изъ немногихъ порядочныхъ римскихъ императоровъ, Адріанъ, и здѣсь же онъ былъ погребенъ. Вонъ тамъ, немного вправо отъ того мѣста, гдѣ я стою, жилъ въ своей виллѣ Цицеронъ и писалъ свои Questiones academicae, а въ промежутки между работой удилъ на этомъ берегу рыбу, сидя на ступеняхъ своего крыльца, выходившаго прямо въ море.

Отсюда я повернулъ вправо къ горѣ, у подножія которой находятся развалины храма Сераписа. И онъ, какъ форумъ римскій, находится въ нѣкоторомъ углубленіи. Привратникъ повелъ меня и моего болтливаго чичероне какими-то закоулками, и вскорѣ я очутился въ самомъ храмѣ. Это было, повидимому, обширное, грандіозное зданіе, съ прекраснною колоннадою, поддерживавшею внутреннюю жертвенную часть храма. Каменный помостъ храма покрытъ водою, такъ что въ немъ можно ходить не иначе, какъ прыгая съ базы отъ одной колонны на другую. Но еще удивительнѣе, что оставшіяся въ храмѣ неразрушенными три грандіозныя колонны изъ африканскаго мрамора облѣплены морскими раковинами. Съ перваго взгляда, непонятное явленіе это объясняютъ дѣйствіями подземныхъ силъ, которыя не только въ этой мѣстности, около залива *Баій и залива Неаполитанскаго*, но и вплоть до конца Апеннинскаго полуострова

и до Этны въ Сициліи, постоянно проявляли энергическую, чисто разрушительную дѣятельность: то работаютъ Везувій и Этна, то подземныя силы разрушаютъ города на Искіи, то проявляются около Пуццуоли сѣрными и горячими ключами, удушливыми испареніями, отъ которыхъ гибнутъ птицы и т. д. Этой непостижимой для насъ работѣ подземныхъ силъ и храмъ Сераписа обязанъ явленіями, которыя меня изумили. Полагаютъ, что во время одного проявленія этой подземной дѣятельности та часть берега въ заливѣ Баій, гдѣ стоитъ храмъ Сераписа, осѣла такъ, что море покрыло собою и берегъ и храмъ, тогда какъ другая, сосѣдняя часть берега, какъ это бываетъ въ землетрясеніяхъ, поднялась и лишила Авернское озеро сообщенія съ моремъ; мало того—подземная сила выдвинула тутъ по близости Новую гору (monte Nuovo). Ясно, что когда храмъ Сераписа находился подъ водою, къ колоннамъ его и прицѣпились, присосались, какъ къ подводнымъ камнямъ и скаламъ, жители подводнаго міра—раковины. Когда послѣдовала затѣмъ новая работа подземныхъ силъ, храмъ Сераписа вмѣстѣ съ берегомъ былъ приподнятъ изъ воды, и раковины остались на колоннахъ — плѣнницами надводнаго міра. Вообще эта мѣстность — мѣстность капризовъ природы, иногда уму непостижимыхъ. Такъ извѣстно, что здѣсь находится извѣстная Сольфатара, въ древности — форумъ Вулкана, на которомъ Геркулесъ бился съ гигантами. Вершина Сольфатары—тотъ же вулканъ, жерло котораго наполнено растопленною сѣрою. Здѣсь же находится извѣстная Собачья пещера, въ которую глупые и жестокіе путешественники сажаютъ иногда бѣдныхъ собачекъ, и въ нѣсколько мгновеній углекислые газы, исходящіе изъ этой пещеры, удушаютъ злополучное животное, но на воздухѣ собачка опять оживаетъ, если ее недолго держали въ пещерѣ, и виляетъ хвостомъ передъ своими жестокими мучителями, въ полной увѣренности, что она заслужила кусокъ хлѣба, заработала его своими страданіями. Даже и находящееся здѣсь Авернское озеро, по-гречески Aornon—„безптичье“, означаетъ то, что прежде къ нему не смѣли приближаться даже птицы, ибо исходившіе изъ озера пары удушали ихъ. Наконецъ, проявленія вулканическихъ силъ въ этой мѣстности служили источникомъ того, что народная фантазія помѣстила здѣсь адъ, и Виргилій въ этомъ именно мѣстѣ сводилъ своего Энея въ подземный тартаръ.

Обозрѣвая храмъ Сераписа, я обошелъ и тѣ помѣщенія, въ видѣ отдѣльныхъ комнатокъ, которыя окружаютъ его со всѣхъ сторонъ и служили въ древности помѣщеніями, какъ для жрецовъ храма, такъ и для тѣхъ вѣрующихъ больныхъ, которые стекались на поклоненіе богу Серапису и отъ него ожидали исцѣленія. Хитрые жрецы знали, что исцѣляетъ не Серапись, не жертвы, приносимыя ему, ради того, чтобы онъ черезъ своего оракула указалъ на средства *исцѣленія, а* средства эти находили сами жрецы въ минеральныхъ источникахъ, *которые* проведены были въ отдѣльныя кельи храма, гдѣ горячими и

башенокъ высѣченъ барельефъ—молодая женщина, склонившаяся надъ скелетомъ ребенка... Прошли тысячелѣтія надъ этими могилами, безсмертными свидѣтелями другой, совсѣмъ непонятной для насъ жизни—точно это осколокъ изъ жизни луны или иной планеты;—сколько пережили люди за эти тысячелѣтія, какъ измѣнился этотъ міръ!—а между тѣмъ скорбь этой женщины, наклонившейся надъ мертвымъ ребенкомъ, и скорбь невѣдомой Сервиліи о „другѣ ея души"—эти скорби кажутся вамъ отчасти своими, и вамъ жаль чего-то, вамъ грустно... Нигдѣ вы такъ сильно не сознаёте, какъ въ историческихъ мѣстахъ, что скитанье межъ обломковъ прошлаго міра имѣетъ глубоко-воспитательное значеніе и ложится на душу поучительными уроками, хотя они мало идутъ въ прокъ жалкому, глупому человѣчеству...

Вотъ, влѣво отъ этихъ гробницъ, безобразно громоздятся развалины виллы Цицерона. Она почти вся засыпана и надъ нею зеленѣетъ нива богатой пшеницы, высокіе стебли которой напоминаютъ нашъ украинскій «очеретъ». Наконецъ, самая крайняя и самая большая вилла называется виллою Діомеда. Она отрыта еще въ 1771—75 годахъ и представляетъ собою лучшій образецъ загороднаго дома древнихъ римлянъ. Это единственная вилла, которая расположена въ три яруса, вдоль спускающагося къ морскому берегу холма. Расположеніе комнатъ, внутренняго двора съ водоемомъ, портика и внутреннихъ покоевъ, а равно подвальныхъ помѣщеній, я не берусь описывать, да это и безполезно. Съ площадки верхняго яруса видъ на море, на весь берегъ, начиная отъ Соренто и, переходя черезъ живописныя Капри, Искію и Прочиду до Пуццуоли и даже до Везувія—этотъ видъ безподобенъ. При раскопкѣ, домъ этотъ найденъ былъ въ полномъ хозяйственномъ порядкѣ: видно, что въ немъ кипѣла жизнь въ самый моментъ катастрофы. На основаніи данныхъ, открытыхъ при раскопкѣ, можно вполнѣ воспроизвести потрясающую картину этого ужаснаго момента. Въ то время, когда огненная лава стремилась на городъ неудержимымъ потокомъ и уже залила собою ближайшіе его кварталы, въ домѣ Діомеда оставалась вся его семья — отъ семнадцати до двадцати душъ, преимущественно женщинъ. Они, повидимому, не ожидали, что огненная рѣка зальетъ ихъ такъ быстро, и въ то время, когда почти все населеніе Помпеи въ ужасѣ убѣгало изъ своихъ домовъ и стремилось къ морю, къ лодкамъ и кораблямъ, чтобъ отъѣхать дальше отъ клокочущихъ огненныхъ потоковъ и падающаго съ неба огненнаго и каменнаго дождя, обитатели виллы Діомеда медлили бѣгствомъ. Но вотъ огненныя волны стали заливать и ихъ убѣжище, да такъ стремительно, что и спасаться было некогда—огненное море разливалось кругомъ. Несчастные бросились въ подвальный этажъ, въ узкій длинный корридоръ, гдѣ они находили прохладу въ знойные дни. Но огненныя волны проникли и туда—и потопили ихъ. Уже черезъ тысячу семьсотъ лѣтъ отрыли ихъ и нашли окаменѣлые трупы съ набитыми лавою ртами. Самъ хозяинъ виллы, *захвативъ съ собою ключи* отъ калитки къ морю и нѣкоторыя драгоцѣнности, ис-

УЙДИ ТУДА...

Уйди туда: тамъ ясно, тамъ привольно,
Людская жизнь роскошно тамъ цвѣтетъ
И, отогнавъ тумана душный гнетъ,
Она подчасъ печалится невольно—

* * *

О людяхъ тѣхъ, что̀ съ горечью въ сердцахъ,
Средь осени унылой и ненастной,
Средь суеты холодной, безучастной,
Влачатъ свой вѣкъ съ проклятьемъ на устахъ...

* * *

Уйди туда отъ этой смрадной нивы,
Гдѣ вѣчныхъ слезъ не льютъ печально ивы,
Гдѣ скорби нѣтъ, гдѣ нѣтъ тупаго сна, —

* * *

Уйди туда, гдѣ вѣчно рдѣютъ розы,
Гдѣ, какъ орлы, парятъ подъ небомъ грёзы...
Уйди туда: тамъ вѣчная весна!..

Н. Позняковъ.

МАТЬ.

(Съ англійскаго).

Разсказъ **Ф. Мэррізтъ.**

Приближалась Пасха. Длинные, мрачные дни поста съ ихъ печальными церемоніями подходили къ концу и сама природа какъ будто радовалась наступленію праздника: ясное весеннее солнце такъ и сіяло на безоблачномъ небѣ. На кустахъ боярышника распускались цвѣты, а вольныя птицы заливались звонкимъ пѣніемъ. Толпа рѣзвыхъ мальчиковъ, высыпавшихъ на школьный дворъ послѣ утреннихъ занятій, не меньше воробьевъ и ласточекъ радовалась свѣжему воздуху и веснѣ. Дѣти, въ порывѣ восторга, награждали другъ друга чувствительными толчками и ударами ладонью по спинѣ, но потерпѣвшій забывалъ сердиться на противника; каждый изъ нихъ помнилъ только одно: завтра наступаетъ великій четвергъ, и всѣ они разъѣдутся изъ школы по домамъ, чтобы провести Пасху у родителей.

Только одному мнѣ не хотѣлось принимать участія въ шумныхъ забавахъ товарищей; я усѣлся на скамью, въ тѣни живой изгороди, и сосредоточенно слѣдилъ глазами за игрой, между тѣмъ какъ въ головѣ у меня неотвязно вертѣлся назойливый вопросъ: отчего я не могу радоваться праздникамъ, какъ эти мальчики? Даже несчастный хромой Джемми сіялъ восторгомъ. Онъ не помнилъ ни отца, ни матери и нашъ школьный учитель взялъ его на свое попеченіе. Одинокій ребенокъ проводилъ круглый годъ, съ января по декабрь, въ сумрачномъ школьномъ домѣ съ его невзрачными комнатами. Джемми, по своей хромотѣ, не могъ принимать участія въ шумныхъ играхъ остальныхъ учениковъ, но онъ привѣтливо улыбнулся, замѣтивъ меня въ моемъ скромномъ уголкѣ. Мальчикъ кивнулъ головою и направился въ мою сторону, тяжело опираясь на костыли. Подойдя ко мнѣ, Джемми сообщилъ, что миссисъ Муррей (отчасти замѣнявшая сиротѣ умершую мать) обѣщала ему, въ награду за хорошее поведеніе, *покатать его во время праздниковъ* верхомъ на ослѣ и подарить

нѣсколько садовыхъ растеній для его собственнаго маленькаго цвѣтника.

— Что съ вами, Чарли? спросилъ онъ вдругъ, замѣтивъ мою задумчивость,—развѣ вы не рады поѣхать домой?

— Мнѣ все равно! небрежно отвѣтилъ я.

— Все равно?... Но вѣдь вы увидитесь съ отцомъ и матерью!

— У меня нѣтъ матери! быстро перебилъ я Джемми, хмуря брови и слегка поворачиваясь въ сторону.

— Вѣроятно, она умерла, какъ моя? Мнѣ очень жаль васъ, Чарли! Но, конечно, отецъ старается о томъ, чтобы вы безъ нея не скучали?

— Нисколько! Ему нѣтъ до меня никакого дѣла. Если я бываю дома, онъ никогда не занимается мною и я самъ его боюсь. Мнѣ-бы хотѣлось остаться на праздникъ здѣсь, у миссисъ Муррей....

— Ну, это нехорошо! въ раздумьѣ замѣтилъ, покачивая головою, хромой мальчикъ.—Но, впрочемъ, отецъ, можетъ быть, забудетъ прислать за вами, Чарли, и тогда мы отлично проведемъ Пасху вдвоемъ! прибавилъ онъ, оживляясь.

Однако я не раздѣлялъ надеждъ своего товарища, зная по опыту, что въ случаѣ забывчивости со стороны отца, школьный учитель самъ отправитъ меня домой.

Какъ я боялся этого возвращенія! Меня приводила въ невольное содроганіе одна мысль о нашемъ мрачномъ домѣ, гдѣ половина комнатъ была на-глухо заперта, а садовыя дорожки заросли сорной травой подъ густымъ навѣсомъ деревьевъ. Унасъ, дѣйствительно, было престранное хозяйство: избалованные слуги дѣлали, что хотѣли, между тѣмъ какъ мой неласковый, раздражительный отецъ то запирался въ своемъ кабинетѣ на цѣлые дни, то бранился съ своими домашними, награждая провинившихся не только грубыми словами, но даже ударами. Онъ обыкновенно несправедливо придирался за разныя мелочи, такъ что мнѣ каждый разъ приходилось возвращаться въ школу совершенно изнученнымъ отъ его грубаго обращенія. Поэтому я очень радовался, когда, пріѣхавъ къ отцу на Рождество, я не засталъ его дома; въ такомъ случаѣ праздники проходили для меня если не весело, то, по крайней мѣрѣ, спокойно и мирно. Но теперь отецъ находился въ Лилифильдсѣ, о чемъ мнѣ сообщилъ школьный учитель, такъ какъ я никогда не получалъ писемъ изъ дома. Возвращеніе домой оказывалось неизбѣжнымъ, и я съ ужасомъ думалъ о немъ. Въ то время мнѣ было не болѣе восьми лѣтъ; и я *нетолько* не помнилъ материнской заботы и ласки, но даже никто *изъ окружающихъ* не говорилъ о моей матери, не упоминалъ *ея имени.*

— Какая съ виду была ваша мать? неожиданно спросилъ меня Джемми, послѣ минутнаго молчанія, во время котораго мы оба погрузились въ невеселое раздумье о нашей судьбѣ.—У нея были свѣтлые волосы, какъ у миссисъ Муррей, или черные, какъ у здѣшней кухарки?

— Право, не знаю, грустно отвѣтилъ я.—Сколько мнѣ помнится, я никогда ее не видалъ.

— Такъ развѣ у васъ дома нѣтъ ея портрета? съ удивленіемъ замѣтилъ мой товарищъ.—Постойте, я сейчасъ покажу вамъ карточку моей покойной мамы.

Онъ разстегнулъ на груди свой китель и вынулъ медальонъ съ попорченнымъ дагерротипомъ, представлявшимъ самую заурядную физіономію молодой женщины въ старомодномъ платьѣ.

— Вѣдь она красавица, не правда-ли? воскликнулъ мальчикъ, въ порывѣ энтузіазма прижимая къ губамъ миньятюрный портретъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы она была жива. Навѣрно я очень любилъ-бы свою маму!..

Я ничего не отвѣчалъ. Воображеніе бѣднаго Джемми не было такъ пылко, какъ мое. Еслибы моя мать дѣйствовала заодно съ отцомъ, какую роль пришлось-бы мнѣ играть между ними? подумалъ я, отвернулся и вздохнулъ.

Было очень странно, что я рѣшительно не могъ представить себѣ своей матери. Мысль о ней даже не приходила мнѣ на умъ, и я не зналъ, кого спросить объ этомъ. Отецъ мой велъ уединенную, безцѣльную жизнь въ нашемъ заброшенномъ домѣ; онъ показывался изъ своихъ комнатъ только къ обѣду или завтраку и никогда не принималъ гостей. Къ служанкамъ приходили ихъ родители, братья и женихи, которыхъ онѣ украдкой принимали на кухнѣ, но хозяинъ дома вѣчно сидѣлъ одинъ, мрачный и задумчивый, или раздражительный до припадковъ бѣшенства, если его выводили изъ терпѣнія и свойственной ему апатіи. Неудивительно, что я охотно соглашался провести Пасху въ школѣ миссисъ Муррей. Однако судьба готовила мнѣ на этотъ разъ совершенно неожиданный сюрпризъ. Едва только мои товарищи кончили партію въ мячъ, которой они занимались во время нашего разговора съ Джемми, какъ вдругъ на школьномъ дворѣ показалась фигура хозяйки дома. Добрая миссисъ Муррей съ веселой улыбкой подошла къ намъ.

— У меня есть для васъ интересная новость, мистеръ Веръ, сказала она, взявъ меня за руку.—Идите въ пріемную, вы увидите тамъ одну особу, которая желаетъ съ вами поговорить.

— Но вѣдь это не отецъ? спросилъ я съ испугомъ.

— О, нѣтъ! возразила миссисъ Муррей, стараясь ободрить *меня привѣтливымъ тономъ* своей рѣчи и ласково дотрогиваясь

до моего плеча; васъ желаетъ видѣть новый другъ—молодая дама, которая вамъ навѣрно очень понравится.

— Молодая дама! повторилъ я, не вѣря своимъ ушамъ и совершенно ошеломленный такимъ извѣстіемъ.

Мои товарищи окружили насъ шумной гурьбой.

— Она хочетъ увести Вера домой? спрашивали они миссисъ Муррей.

— Можетъ быть... очень вѣроятно! отвѣчала та.

— Вотъ это мило!

— На что это похоже, миссисъ Муррей!

— Вѣдь каникулы начинаются только завтра!

— Вотъ насъ вы ни за что не отпустите днемъ раньше; за что-же Веру такое предпочтеніе? послышались со всѣхъ сторонъ восклицанія протеста и неудовольствія.

Я дрожалъ, точно виновный, пойманный на мѣстѣ преступленія. Служа предметомъ зависти своего школьнаго мірка, я отдалъ-бы все на свѣтѣ, чтобы отдалить часъ своего возвращенія домой.

— Пойдемте въ пріемную, дорогой мальчикъ; пріѣзжая дама съ нетерпѣніемъ желаетъ васъ видѣть,—сказала жена школьнаго учителя.—Послѣ того мы рѣшимъ: ѣхать вамъ сегодня, или нѣтъ.

Миссисъ Муррей велѣла мнѣ наскоро умыться и причесать волосы, а потомъ я чинно пошелъ вслѣдъ за нею въ невзрачную комнату для посѣтителей, гдѣ дожидалась пріѣзжая дама.

Я никогда не забуду выраженія ея лица въ ту минуту, когда она бросилась ко мнѣ на встрѣчу и прижала меня къ своей груди. Я увидалъ передъ собою нѣжную, красивую женщину съ оттѣнкомъ грусти въ ласковыхъ и серьезныхъ глазахъ.

— Такъ вотъ каковъ Чарли Веръ, сказала она, пристально всматриваясь въ мои черты.—Я вездѣ узнала-бы тебя, голубчикъ, потому что ты вылитый отецъ! Ну, а что ты думаешь обо мнѣ: кто я такая?

— Не знаю! робко отвѣчалъ я, потому что миссисъ Муррей ушла, оставивъ меня наединѣ съ незнакомой посѣтительницей.

— Я твоя мать, дорогой мальчикъ, твоя новая мать и буду любить тебя! Я теперь пріѣхала за тобою, чтобы взять тебя домой.

Мать и домъ! Какъ славно звучали для меня эти близкія сердцу, знакомыя слова, знакомыя, правда, только по наслышкѣ! Мнѣ показалось, что цвѣты боярышника стали сильнѣе благоухать, а щебетанье птицъ обратилось въ волшебную музыку.

— А папа тоже будетъ съ нами? спросилъ я съ тревогой въ *голосѣ.*

— *Папа? Конечно!* Развѣ мы можемъ жить безъ него?

Я, напротивъ, находилъ, что безъ него было-бы гораздо лучше,

чѣмъ при немъ, но инстинктивно воздержался обнаружить свои чувства.

— Развѣ ты не любишь папу, голубчикъ? продолжала мягкимъ тономъ молодая женщина.—Или тебѣ никогда не приходило въ голову, что онъ самъ тебя любитъ.

— Право, не знаю! отвѣчалъ я, пощипывая кончики своихъ пальцевъ.

— Бѣдный ребенокъ! Но теперь все пойдетъ иначе. Однако, я еще не слыхала отъ тебя, согласенъ-ли ты, чтобы я была твоей матерью?

— Мнѣ кажется, что я буду очень любить васъ!

— Вотъ и отлично; значитъ, мы можемъ отправиться вмѣстѣ домой и постараемся хорошенько устроить свою жизнь. Тебѣ нужна мать, а мнѣ давно хотѣлось имѣть маленькаго мальчика, котораго-бы я могла любить. Мы не разстанемся больше, Чарли, милое дитя. Слава Богу, что нашла тебя. Ты и безъ того слишкомъ долго былъ удаленъ отъ дома. Вотъ почему я пріѣхала за тобой сегодня. Мнѣ не хотѣлось откладывать твоего возвращенія домой до завтрашняго дня.

Моя новая мать нѣсколько разъ съ удовольствіемъ повторяла эти слова, какъ будто они радовали ее также сильно, какъ меня.

— А вы не уѣдете отъ насъ? спросилъ я въ свою очередь.

— Конечно, нѣтъ! Я всегда останусь въ вашемъ домѣ. Какая польза для тебя имѣть маму, если она не будетъ жить постоянно при тебѣ, чтобы утѣшать своего мальчика и заботиться о немъ, насколько хватитъ силъ?

— Ну, въ такомъ случаѣ, поѣдемте поскорѣе домой! воскликнулъ я, довѣрчиво положивъ свою руку на ея колѣни.

Весь страхъ передъ придирчивымъ, суровымъ отцомъ безслѣдно исчезъ въ моей душѣ. Новая мать казалась мнѣ надежной опорой противъ всѣхъ возможныхъ домашнихъ невзгодъ. Мое ребяческое довѣріе привело ее въ восторгъ.

— Поѣдемъ, Чарли. Намъ нечего дожидаться, пока уложатъ твои вещи. Миссисъ Муррей пришлетъ ихъ завтра въ Лилифильдсъ, а твой отецъ съ нетерпѣніемъ ждетъ нашего возвращенія и навѣрное безпокоится.

Ждетъ меня съ нетерпѣніемъ, безпокоится! Это было такъ ново, что поразило мой дѣтскій умъ. Я былъ слишкомъ наивенъ, чтобы понять, что отецъ безпокоится о любимой женщинѣ, а не обо мнѣ. Я даже не понималъ, что она была его женою, и видѣлъ въ ней только свою новую мать.

Выходя *изъ дому*, я попросилъ позволенія проститься съ моимъ *другомъ Джемми*.

— Его мама умерла, также какъ и моя, сказалъ я въ объясненіе.—Онъ будетъ радъ, что у меня есть теперь новая мать.

— Бѣдный мальчикъ! сказала она со вздохомъ,—мы возьмемъ его къ себѣ на лѣтніе каникулы, Чарли. Милосердый Богъ послалъ намъ столько счастья, что мы должны заботиться о другихъ.

Джемми подошелъ къ намъ на своихъ костыляхъ. Онъ ласково улыбнулся, слушая мои необыкновенныя новости, и пожелалъ мнѣ всего хорошаго. Мать остановилась и поцѣловала его блѣдный лобъ. Потомъ мы прошли съ ней черезъ школьный дворъ. Я повисъ на ея рукѣ и гордился ею, слушая льстивыя замѣчанія товарищей о ея наружности и думая, что съ этой минуты она будетъ называться *моею* матерью.

Лилифильдсъ, имѣнье моего отца, лежало всего въ десяти или двѣнадцати миляхъ отъ школы мистера Муррей, но намъ приходилось ѣхать по желѣзной дорогѣ и я никогда до тѣхъ поръ не путешествовалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ этотъ разъ. Моя новая мать охотно смѣялась и весело болтала со мной всю дорогу, такъ что я скоро заразился ея оживленіемъ и высказалъ ей о своей прежней жизни и о своихъ чувствахъ много такого, что̀ не разъ нагоняло облачко грусти на ея сіяющее лицо и заставляло молодую женщину тяжело вздыхать. Когда мы сошли съ поѣзда и отправились пѣшкомъ въ Лилифильдсъ, мнѣ снова сдѣлалось страшно; я не говорилъ ни слова и съ испугомъ прижимался къ матери. Она тотчасъ замѣтила эту перемѣну.

— Что съ тобою, Чарли? Чего ты боишься?

— Не разсердился-бы отецъ на то, что я пріѣхалъ днемъ раньше? прошепталъ я.

Звонкій смѣхъ моей спутницы былъ мнѣ отвѣтомъ.

— Если онъ будетъ на кого нибудь сердиться за это, то ужь, конечно, на меня, потому что я сама увезла тебя изъ школы, Чарли.

— А развѣ вы его не боитесь?

— Бояться его!

Нѣжные и серьезные глаза молодой женщины выразили глубокое изумленіе при моихъ словахъ, но вдругъ они засвѣтились порывистой, пылкой радостью, когда она неожиданно увидѣла на поворотѣ дорожки приближающуюся къ намъ фигуру отца.

— Вотъ онъ! весело крикнула моя новая мать и бросилась къ нему на встрѣчу, увлекая меня съ собою.

Онъ схватилъ ее въ объятія и страстно прижалъ къ груди. *Вокругъ нихъ не было* ни души и только лѣсныя птицы чирикали и *перепархивали* въ кустахъ, окаймлявшихъ проселочную дорогу. Я

былъ совершенно пораженъ неожиданностью этой сцены и только, молча, смотрѣлъ на происходившее.

— Мой ангелъ! шепталъ отецъ, между тѣмъ какъ молодая женщина нѣжно прижималась лицомъ къ его плечу. Я не могъ дождаться твоего возвращенія! Даже эта короткая разлука заставила меня невыносимо страдать.

— Гарольдъ, дорогой мой! Я такъ рада слышать эти слова и такъ счастлива, что я снова съ тобою! Посмотри, вотъ нашъ маленькій Чарли, онъ также ждетъ, чтобы ты приласкалъ его!

Она схватила меня на руки, какъ крошечнаго ребенка, и поднесла къ отцу для поцѣлуя. Мнѣ было очень странно получить отъ него непривычную ласку, но онъ дѣйствительно поцѣловалъ меня, продолжая однако смотрѣть на любимую женщину. Потомъ онъ взялъ ее подъ руку и они, молча, пошли вдвоемъ, близко прижимаясь другъ къ другу, задумчивые и счастливые среди окружающей тишины и бальзамическаго запаха молодой весенней зелени...

Взойдя въ домъ, я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія; до того поразила меня происшедшая здѣсь перемѣна. Ни одна вещь не была сдвинута съ своего мѣста: мебель и картины оставались тамъ, гдѣ я привыкъ ихъ видѣть, но все это блестѣло и сіяло, точно весенній пейзажъ, который только что былъ у меня передъ глазами. Комнаты стали такими чистенькими; снѣжная бѣлизна кружевныхъ драпировокъ и скатертей на столахъ придавала имъ особенно праздничный видъ; тщательно вычищенные ковры, вазы съ цвѣтами, вещицы изъ китайскаго фарфора на каминѣ—оживили обстановку и сдѣлали изъ заброшеннаго, мрачнаго дома, положимъ, не рай, но все-таки уютное гнѣздышко, гдѣ было пріятно поселиться. Даже мой отецъ совершенно преобразился вмѣстѣ съ своимъ жилищемъ. Онъ смотрѣлъ на десять лѣтъ моложе: его волосы и борода были акуратно расчесаны, а лицо утратило свойственное ему суровое выраженіе; отличный бархатный сюртукъ ловко обхватывалъ его талію. Онъ сидѣлъ въ креслѣ и ласково спорилъ съ моей новой матерью, которая настаивала, чтобы онъ снялъ сапоги и надѣлъ туфли. Такая заботливость была для насъ обоихъ непривычной роскошью и я удивился не меньше своего отца, когда она повела меня на верхъ и сама вымыла, одѣла и причесала къ вечернему чаю, осыпая въ то же время поцѣлуями и нѣжными названіями. И какъ уютно усѣлись мы вслѣдъ затѣмъ за чайнымъ столомъ! Какъ все это было непохоже на прежнее! Я сидѣлъ возлѣ матери съ полной тарелкой вкусно приготовленнаго кушанья; мой отецъ облокотился на спинку своего кресла и слѣдилъ любящимъ взглядомъ *за каждымъ движеніемъ* этой женщины. Она ловко и граціозно

подымала чашки и управлялась съ чайникомъ, улыбаясь намъ обоимъ и весело разговаривая; радостное настроеніе, повидимому, лишало ее апетита. Отецъ замѣтилъ это и встревожился.

— Я слишкомъ счастлива, чтобы ѣсть, Гарольдъ! сказала она, краснѣя.

— Слишкомъ счастлива! повторилъ онъ, понизивъ голосъ.— Правда-ли это, дорогая Мэри? Развѣ ты ни о чемъ не жалѣешь, ничего не боишься? Развѣ будущее не внушаетъ тебѣ опасеній и ты не раскаяваешься въ сдѣланномъ тобою рѣшительномъ шагѣ?

— Нисколько, Гарольдъ! Я жалѣю только объ одномъ: зачѣмъ я не знала тебя десять лѣтъ назадъ?

— Господь да благословитъ тебя за это! сказалъ отецъ.

Дѣйствительно, новая хозяйка принесла истинное благословеніе нашему дому. Благотворное вліяніе ея любви произвело значительную перемѣну. Я сдѣлался веселымъ, рѣзвымъ мальчикомъ и скоро пересталъ бояться своего отца. Теперь я съ удовольствіемъ помогалъ ему работать въ саду, столярничать и всегда сопровождалъ мою мать, когда она выходила изъ дома.

Отецъ оставилъ свою привычку запираться въ кабинетѣ и сталъ гораздо общительнѣе. Любовь къ женѣ сдѣлала его ласковымъ со мною; я не былъ больше отверженнымъ, одинокимъ ребенкомъ.

Такимъ образомъ, намъ обоимъ жилось прекрасно и посторонній наблюдатель, пожалуй, сказалъ-бы, что моя мать также очень счастлива. Между тѣмъ она только казалась постоянно веселой въ присутствіи мужа, но мнѣ часто случалось видѣть ее огорченной и задумчивой. По временамъ я замѣчалъ у нея тотъ самый пристальный взглядъ, который поразилъ меня при нашей первой встрѣчѣ. Это былъ взглядъ человѣка, много страдавшаго на своемъ вѣку и старавшагося скрыть большое тайное горе.

Одинъ разъ я засталъ ее въ слезахъ. Она такъ сильно рыдала, что не могла овладѣть собою даже тогда, когда замѣтила мой приходъ. Я принялся выпытывать у нея причину ея огорченія.

— Мама, мама! что съ вами такое? кричалъ я, стараясь успокоить ее своими ласками.—Вѣрно вы ушибли ногу или Принцъ укусилъ васъ? Можетъ быть, у васъ что нибудь заболѣло?

Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы она плакала отъ чего нибудь другаго, кромѣ физической боли. Развѣ я и отецъ не любили ее больше всего на свѣтѣ? Кромѣ того, ей некого было бояться и ее никто не могъ отдать въ пансіонъ, потому что она взрослая. Отчего-же мама плачетъ? спрашивалъ я самъ себя въ тревогѣ и полнѣйшемъ недоумѣніи.

Она постаралась успокоиться и прижала пылающимъ лицомъ *къ моей щекѣ.*

— Будешь-ли ты, мой мальчикъ, всегда любить меня? спросила мать,—всегда... всегда, что̀ бы ни случилось?

— Всегда, дорогая мама! Папа и я умерли-бы съ горя, если-бы васъ не было съ нами. Развѣ вы не знаете, на что былъ похожъ нашъ домъ, пока вы не пріѣхали сюда?

— Ну, если такъ, то твоя мама не будетъ больше плакать, сказала молодая женщина, принимаясь за работу, чтобы дать иное направленіе своимъ мыслямъ.

Но хотя она только одинъ разъ обнаружила передо мною свое горе, я нерѣдко замѣчалъ потомъ слѣды слезъ на ея лицѣ, которые она старалась замаскировать неестественной веселостью.

Такъ проходили годы и, наконецъ, въ одно ясное лѣтнее утро мнѣ сказали о рожденіи маленькой сестры. Я пришелъ въ самый искренній восторгъ. Меня такъ восхищала мысль имѣть новаго товарища игръ, который будетъ зависѣть отъ моей воли и принадлежать мнѣ вполнѣ. Я страстно привязался къ этому крошечному созданію, такъ что даже необходимость вернуться въ школу, по случаю рожденія маленькой Віолетты, не охладила моихъ чувствъ. Моя мать рѣшила однако, что я буду возвращаться домой каждую субботу; это мнѣ было очень пріятно.

До сихъ поръ она сама давала мнѣ уроки, и я крайне жалѣлъ о прекращеніи этихъ занятій, которыя молодая женщина умѣла сдѣлать такими легкими и интересными, но теперь заботы о новорожденномъ ребенкѣ отнимали у нея слишкомъ много времени, чтобы она могла продолжать заниматься со мною. Кромѣ того, мнѣ уже минуло одиннадцать лѣтъ, я становился большимъ мальчикомъ и былъ въ состояніи теперь серьезно пройти школьный курсъ.

Мой прежній товарищъ, хромой Джемми, очень радовался моему возвращенію. Онъ часто гостилъ у насъ въ Лилифильдсѣ, такъ что наша дружба нисколько не охладѣла. Въ школѣ онъ замѣнялъ мнѣ отсутствующую семью, но что̀ окончательно примирило меня съ необходимостью разстаться съ домашними, это подарокъ отца. Онъ купилъ мнѣ красивенькаго пони, на которомъ я ѣздилъ изъ дома въ училище и обратно.

Труднѣе всего была для меня разлука съ крошкой Віолеттой. Я рыдалъ надъ нею такъ сильно, что моя мать тоже заплакала и молила Бога послать благословеніе мальчику, который замѣнилъ ей роднаго сына. Мнѣ было пріятно сознавать, что мать меня любитъ, потому что и я горячо любилъ ее въ свою очередь, но все-таки, возвращаясь по субботамъ на своемъ пони въ Лилифильдсъ, я думалъ исключительно о свиданіи съ сестрою, о томъ, какъ я буду носить ее на рукахъ или возить въ ручной коляс*очкѣ между копнами* только что скошеннаго, душистаго сѣна.

нѣсколько садовыхъ растеній для его собственнаго маленькаго цвѣтника.

— Что съ вами, Чарли? спросилъ онъ вдругъ, замѣтивъ мою задумчивость,—развѣ вы не рады поѣхать домой?

— Мнѣ все равно! небрежно отвѣтилъ я.

— Все равно?... Но вѣдь вы увидитесь съ отцомъ и матерью!

— У меня нѣтъ матери! быстро перебилъ я Джемми, хмуря брови и слегка поворачиваясь въ сторону.

— Вѣроятно, она умерла, какъ моя? Мнѣ очень жаль васъ, Чарли! Но, конечно, отецъ старается о томъ, чтобы вы безъ нея не скучали?

— Нисколько! Ему нѣтъ до меня никакого дѣла. Если я бываю дома, онъ никогда не занимается мною и я самъ его боюсь. Мнѣ-бы хотѣлось остаться на праздникъ здѣсь, у миссисъ Муррей....

— Ну, это нехорошо! въ раздумьѣ замѣтилъ, покачивая головою, хромой мальчикъ.—Но, впрочемъ, отецъ, можетъ быть, забудетъ прислать за вами, Чарли, и тогда мы отлично проведемъ Пасху вдвоемъ! прибавилъ онъ, оживляясь.

Однако я не раздѣлялъ надеждъ своего товарища, зная по опыту, что въ случаѣ забывчивости со стороны отца, школьный учитель самъ отправитъ меня домой.

Какъ я боялся этого возвращенія! Меня приводила въ невольное содроганіе одна мысль о нашемъ мрачномъ домѣ, гдѣ половина комнатъ была на-глухо заперта, а садовыя дорожки заросли сорной травой подъ густымъ навѣсомъ деревьевъ. Унасъ, дѣйствительно, было престранное хозяйство: избалованные слуги дѣлали, что хотѣли, между тѣмъ какъ мой неласковый, раздражительный отецъ то запирался въ своемъ кабинетѣ на цѣлые дни, то бранился съ своими домашними, награждая провинившихся не только грубыми словами, но даже ударами. Онъ обыкновенно несправедливо придирался за разныя мелочи, такъ что мнѣ каждый разъ приходилось возвращаться въ школу совершенно изнучемнымъ отъ его грубаго обращенія. Поэтому я очень радовался, когда, пріѣхавъ къ отцу на Рождество, я не засталъ его дома; въ такомъ случаѣ праздники проходили для меня если не весело, то, по крайней мѣрѣ, спокойно и мирно. Но теперь отецъ находился въ Лилифильдсѣ, о чемъ мнѣ сообщилъ школьный учитель, такъ какъ я никогда не получалъ писемъ изъ дома. Возвращеніе домой оказывалось неизбѣжнымъ, и я съ ужасомъ думалъ о немъ. Въ то время мнѣ было не болѣе восьми лѣтъ; и я *нетолько* не помнилъ материнской заботы и ласки, но даже никто *изъ окружающихъ* не говорилъ о моей матери, не упоминалъ *ея имени.*

— Какая съ виду была ваша мать? неожиданно спросилъ меня Джемми, послѣ минутнаго молчанія, во время котораго мы оба погрузились въ невеселое раздумье о нашей судьбѣ.—У нея были свѣтлые волосы, какъ у миссисъ Муррей, или черные, какъ у здѣшней кухарки?

— Право, не знаю, грустно отвѣтилъ я.—Сколько мнѣ помнится, я никогда ее не видалъ.

— Такъ развѣ у васъ дома нѣтъ ея портрета? съ удивленіемъ замѣтилъ мой товарищъ.—Постойте, я сейчасъ покажу вамъ карточку моей покойной мамы.

Онъ разстегнулъ на груди свой китель и вынулъ медальонъ съ попорченнымъ дагерротипомъ, представлявшимъ самую заурядную физіономію молодой женщины въ старомодномъ платьѣ.

— Вѣдь она красавица, не правда-ли? воскликнулъ мальчикъ, въ порывѣ энтузіазма прижимая къ губамъ миньятюрный портретъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы она была жива. Навѣрно я очень любилъ-бы свою маму!..

Я ничего не отвѣчалъ. Воображеніе бѣднаго Джемми не было такъ пылко, какъ мое. Еслибы моя мать дѣйствовала заодно съ отцомъ, какую роль пришлось-бы мнѣ играть между ними? подумалъ я, отвернулся и вздохнулъ.

Было очень странно, что я рѣшительно не могъ представить себѣ своей матери. Мысль о ней даже не приходила мнѣ на умъ, и я не зналъ, кого спросить объ этомъ. Отецъ мой велъ уединенную, безцѣльную жизнь въ нашемъ заброшенномъ домѣ; онъ показывался изъ своихъ комнатъ только къ обѣду или завтраку и никогда не принималъ гостей. Къ служанкамъ приходили ихъ родители, братья и женихи, которыхъ онѣ украдкой принимали на кухнѣ, но хозяинъ дома вѣчно сидѣлъ одинъ, мрачный и задумчивый, или раздражительный до припадковъ бѣшенства, если его выводили изъ терпѣнія и свойственной ему апатіи. Неудивительно, что я охотно соглашался провести Пасху въ школѣ миссисъ Муррей. Однако судьба готовила мнѣ на этотъ разъ совершенно неожиданный сюрпризъ. Едва только мои товарищи кончили партію въ мячъ, которой они занимались во время нашего разговора съ Джемми, какъ вдругъ на школьномъ дворѣ показалась фигура хозяйки дома. Добрая миссисъ Муррей съ веселой улыбкой подошла къ намъ.

— У меня есть для васъ интересная новость, мистеръ Веръ, сказала она, взявъ меня за руку.—Идите въ пріемную, вы увидите тамъ одну особу, которая желаетъ съ вами поговорить.

— Но вѣдь это не отецъ? спросилъ я съ испугомъ.

— О, нѣтъ! возразила миссисъ Муррей, стараясь ободрить *меня привѣтливымъ* тономъ своей рѣчи и ласково дотрогиваясь

до моего плеча; васъ желаетъ видѣть новый другъ—молодая дама, которая вамъ навѣрно очень понравится.

— Молодая дама! повторилъ я, не вѣря своимъ ушамъ и совершенно ошеломленный такимъ извѣстіемъ.

Мои товарищи окружили насъ шумной гурьбой.

— Она хочетъ увести Вера домой? спрашивали они миссисъ Муррей.

— Можетъ быть... очень вѣроятно! отвѣчала та.

— Вотъ это мило!

— На что это похоже, миссисъ Муррей!

— Вѣдь каникулы начинаются только завтра!

— Вотъ насъ вы ни за что не отпустите днемъ раньше; за что-же Веру такое предпочтеніе? послышались со всѣхъ сторонъ восклицанія протеста и неудовольствія.

Я дрожалъ, точно виновный, пойманный на мѣстѣ преступленія. Служа предметомъ зависти своего школьнаго мірка, я отдалъ-бы все на свѣтѣ, чтобы отдалить часъ своего возвращенія домой.

— Пойдемте въ пріемную, дорогой мальчикъ; пріѣзжая дама съ нетерпѣніемъ желаетъ васъ видѣть,—сказала жена школьнаго учителя.—Послѣ того мы рѣшимъ: ѣхать вамъ сегодня, или нѣтъ.

Миссисъ Муррей велѣла мнѣ наскоро умыться и причесать волосы, а потомъ я чинно пошелъ вслѣдъ за нею въ невзрачную комнату для посѣтителей, гдѣ дожидалась пріѣзжая дама.

Я никогда не забуду выраженія ея лица въ ту минуту, когда она бросилась ко мнѣ на встрѣчу и прижала меня къ своей груди. Я увидалъ передъ собою нѣжную, красивую женщину съ оттѣнкомъ грусти въ ласковыхъ и серьезныхъ глазахъ.

— Такъ вотъ каковъ Чарли Веръ, сказала она, пристально всматриваясь въ мои черты.—Я вездѣ узнала-бы тебя, голубчикъ, потому что ты вылитый отецъ! Ну, а что ты думаешь обо мнѣ: кто я такая?

— Не знаю! робко отвѣчалъ я, потому что миссисъ Муррей ушла, оставивъ меня наединѣ съ незнакомой посѣтительницей.

— Я твоя мать, дорогой мальчикъ, твоя новая мать и буду любить тебя! Я теперь пріѣхала за тобою, чтобы взять тебя домой.

Мать и домъ! Какъ славно звучали для меня эти близкія сердцу, знакомыя слова, знакомыя, правда, только по наслышкѣ! Мнѣ показалось, что цвѣты боярышника стали сильнѣе благоухать, а щебетанье птицъ обратилось въ волшебную музыку.

— А папа тоже будетъ съ нами? спросилъ я съ тревогой въ *голосѣ.*

— *Папа?* Конечно! Развѣ мы можемъ жить безъ него?

Я, напротивъ, находилъ, что безъ него было-бы гораздо лучше,

чѣмъ при немъ, но инстинктивно воздержался обнаружить свои чувства.

— Развѣ ты не любишь папу, голубчикъ? продолжала мягкимъ тономъ молодая женщина.—Или тебѣ никогда не приходило въ голову, что онъ самъ тебя любитъ.

— Право, не знаю! отвѣчалъ я, пощипывая кончики своихъ пальцевъ.

— Бѣдный ребенокъ! Но теперь все пойдетъ иначе. Однако, я еще не слыхала отъ тебя, согласенъ-ли ты, чтобы я была твоей матерью?

— Мнѣ кажется, что я буду очень любить васъ!

— Вотъ и отлично; значитъ, мы можемъ отправиться вмѣстѣ домой и постараемся хорошенько устроить свою жизнь. Тебѣ нужна мать, а мнѣ давно хотѣлось имѣть маленькаго мальчика, котораго-бы я могла любить. Мы не разстанемся больше, Чарли, милое дитя. Слава Богу, что нашла тебя. Ты и безъ того слишкомъ долго былъ удаленъ отъ дома. Вотъ почему я пріѣхала за тобой сегодня. Мнѣ не хотѣлось откладывать твоего возвращенія домой до завтрашняго дня.

Моя новая мать нѣсколько разъ съ удовольствіемъ повторяла эти слова, какъ будто они радовали ее также сильно, какъ меня.

— А вы не уѣдете отъ насъ? спросилъ я въ свою очередь.

— Конечно, нѣтъ! Я всегда останусь въ вашемъ домѣ. Какая польза для тебя имѣть маму, если она не будетъ жить постоянно при тебѣ, чтобы утѣшать своего мальчика и заботиться о немъ, насколько хватитъ силъ?

— Ну, въ такомъ случаѣ, поѣдемте поскорѣе домой! воскликнулъ я, довѣрчиво положивъ свою руку на ея колѣни.

Весь страхъ передъ придирчивымъ, суровымъ отцомъ безслѣдно исчезъ въ моей душѣ. Новая мать казалась мнѣ надежной опорой противъ всѣхъ возможныхъ домашнихъ невзгодъ. Мое ребяческое довѣріе привело ее въ восторгъ.

— Поѣдемъ, Чарли. Намъ нечего дожидаться, пока уложатъ твои вещи. Миссисъ Муррей пришлетъ ихъ завтра въ Лилифильдсъ, а твой отецъ съ нетерпѣніемъ ждетъ нашего возвращенія и навѣрное безпокоится.

Ждетъ меня съ нетерпѣніемъ, безпокоится! Это было такъ ново, что поразило мой дѣтскій умъ. Я былъ слишкомъ наивенъ, чтобы понять, что отецъ безпокоится о любимой женщинѣ, а не обо мнѣ. Я даже не понималъ, что она была его женою, и видѣлъ въ ней только свою новую мать.

Выходя *изъ дому*, я попросилъ позволенія проститься съ моимъ *другомъ Джемми*.

— Его мама умерла, также какъ и моя, сказалъ я въ объясненіе.—Онъ будетъ радъ, что у меня есть теперь новая мать.

— Бѣдный мальчикъ! сказала она со вздохомъ,—мы возьмемъ его къ себѣ на лѣтніе каникулы, Чарли. Милосердый Богъ послалъ намъ столько счастья, что мы должны заботиться о другихъ.

Джемми подошелъ къ намъ на своихъ костыляхъ. Онъ ласково улыбнулся, слушая мои необыкновенныя новости, и пожелалъ мнѣ всего хорошаго. Мать остановилась и поцѣловала его блѣдный лобъ. Потомъ мы прошли съ ней черезъ школьный дворъ. Я повисъ на ея рукѣ и гордился ею, слушая льстивыя замѣчанія товарищей о ея наружности и думая, что съ этой минуты она будетъ называться *моею* матерью.

Лилифильдсъ, имѣнье моего отца, лежало всего въ десяти или двѣнадцати миляхъ отъ школы мистера Муррей, но намъ приходилось ѣхать по желѣзной дорогѣ и я никогда до тѣхъ поръ не путешествовалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ этотъ разъ. Моя новая мать охотно смѣялась и весело болтала со мной всю дорогу, такъ что я скоро заразился ея оживленіемъ и высказалъ ей о своей прежней жизни и о своихъ чувствахъ много такого, что̀ не разъ нагоняло облачко грусти на ея сіяющее лицо и заставляло молодую женщину тяжело вздыхать. Когда мы сошли съ поѣзда и отправились пѣшкомъ въ Лилифильдсъ, мнѣ снова сдѣлалось страшно; я не говорилъ ни слова и съ испугомъ прижимался къ матери. Она тотчасъ замѣтила эту перемѣну.

— Что съ тобою, Чарли? Чего ты боишься?

— Не разсердился-бы отецъ на то, что я пріѣхалъ днемъ раньше? прошепталъ я.

Звонкій смѣхъ моей спутницы былъ мнѣ отвѣтомъ.

— Если онъ будетъ на кого нибудь сердиться за это, то ужь, конечно, на меня, потому что я сама увезла тебя изъ школы, Чарли.

— А развѣ вы его не боитесь?

— Бояться его!

Нѣжные и серьезные глаза молодой женщины выразили глубокое изумленіе при моихъ словахъ, но вдругъ они засвѣтились порывистой, пылкой радостью, когда она неожиданно увидѣла на поворотѣ дорожки приближающуюся къ намъ фигуру отца.

— Вотъ онъ! весело крикнула моя новая мать и бросилась къ нему на встрѣчу, увлекая меня съ собою.

Онъ схватилъ ее въ объятія и страстно прижалъ къ груди. Вокругъ нихъ не было ни души и только лѣсныя птицы чирикали и перепархивали въ кустахъ, окаймлявшихъ проселочную дорогу. Я

былъ совершенно пораженъ неожиданностью этой сцены и только, молча, смотрѣлъ на происходившее.

— Мой ангелъ! шепталъ отецъ, между тѣмъ какъ молодая женщина нѣжно прижималась лицомъ къ его плечу. Я не могъ дождаться твоего возвращенія! Даже эта короткая разлука заставила меня невыносимо страдать.

— Гарольдъ, дорогой мой! Я такъ рада слышать эти слова и такъ счастлива, что я снова съ тобою! Посмотри, вотъ нашъ маленькій Чарли, онъ также ждетъ, чтобы ты приласкалъ его!

Она схватила меня на руки, какъ крошечнаго ребенка, и поднесла къ отцу для поцѣлуя. Мнѣ было очень странно получить отъ него непривычную ласку, но онъ дѣйствительно поцѣловалъ меня, продолжая однако смотрѣть на любимую женщину. Потомъ онъ взялъ ее подъ руку и они, молча, пошли вдвоемъ, близко прижимаясь другъ къ другу, задумчивые и счастливые среди окружающей тишины и бальзамическаго запаха молодой весенней зелени...

Взойдя въ домъ, я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія; до того поразила меня происшедшая здѣсь перемѣна. Ни одна вещь не была сдвинута съ своего мѣста: мебель и картины оставались тамъ, гдѣ я привыкъ ихъ видѣть, но все это блестѣло и сіяло, точно весенній пейзажъ, который только что былъ у меня передъ глазами. Комнаты стали такими чистенькими; снѣжная бѣлизна кружевныхъ драпировокъ и скатертей на столахъ придавала имъ особенно праздничный видъ; тщательно вычищенные ковры, вазы съ цвѣтами, вещицы изъ китайскаго фарфора на каминѣ—оживили обстановку и сдѣлали изъ заброшеннаго, мрачнаго дома, положимъ, не рай, но все-таки уютное гнѣздышко, гдѣ было пріятно поселиться. Даже мой отецъ совершенно преобразился вмѣстѣ съ своимъ жилищемъ. Онъ смотрѣлъ на десять лѣтъ моложе: его волосы и борода были акуратно расчесаны, а лицо утратило свойственное ему суровое выраженіе; отличный бархатный сюртукъ ловко обхватывалъ его талію. Онъ сидѣлъ въ креслѣ и ласково спорилъ съ моей новой матерью, которая настаивала, чтобы онъ снялъ сапоги и надѣлъ туфли. Такая заботливость была для насъ обоихъ непривычной роскошью и я удивился не меньше своего отца, когда она повела меня на верхъ и сама вымыла, одѣла и причесала къ вечернему чаю, осыпая въ то же время поцѣлуями и нѣжными названіями. И какъ уютно усѣлись мы вслѣдъ затѣмъ за чайнымъ столомъ! Какъ все это было непохоже на прежнее! Я сидѣлъ возлѣ матери съ полной тарелкой вкусно приготовленнаго кушанья; мой отецъ облокотился на спинку своего кресла и слѣдилъ любящимъ взглядомъ *за каждымъ движеніемъ* этой женщины. Она ловко и граціозно

подымала чашки и управлялась съ чайникомъ, улыбаясь намъ обоимъ и весело разговаривая; радостное настроеніе, повидимому, лишало ее апетита. Отецъ замѣтилъ это и встревожился.

— Я слишкомъ счастлива, чтобы ѣсть, Гарольдъ! сказала она, краснѣя.

— Слишкомъ счастлива! повторилъ онъ, понизивъ голосъ.— Правда-ли это, дорогая Мэри? Развѣ ты ни о чемъ не жалѣешь, ничего не боишься? Развѣ будущее не внушаетъ тебѣ опасеній и ты не раскаяваешься въ сдѣланномъ тобою рѣшительномъ шагѣ?

— Нисколько, Гарольдъ! Я жалѣю только объ одномъ: зачѣмъ я не знала тебя десять лѣтъ назадъ?

— Господь да благословитъ тебя за это! сказалъ отецъ.

Дѣйствительно, новая хозяйка принесла истинное благословеніе нашему дому. Благотворное вліяніе ея любви произвело значительную перемѣну. Я сдѣлался веселымъ, рѣзвымъ мальчикомъ и скоро пересталъ бояться своего отца. Теперь я съ удовольствіемъ помогалъ ему работать въ саду, столярничать и всегда сопровождалъ мою мать, когда она выходила изъ дома.

Отецъ оставилъ свою привычку запираться въ кабинетѣ и сталъ гораздо общительнѣе. Любовь къ женѣ сдѣлала его ласковымъ со мною; я не былъ больше отверженнымъ, одинокимъ ребенкомъ.

Такимъ образомъ, намъ обоимъ жилось прекрасно и посторонній наблюдатель, пожалуй, сказалъ-бы, что моя мать также очень счастлива. Между тѣмъ она только казалась постоянно веселой въ присутствіи мужа, но мнѣ часто случалось видѣть ее огорченной и задумчивой. По временамъ я замѣчалъ у нея тотъ самый пристальный взглядъ, который поразилъ меня при нашей первой встрѣчѣ. Это былъ взглядъ человѣка, много страдавшаго на своемъ вѣку и старавшагося скрыть большое тайное горе.

Одинъ разъ я засталъ ее въ слезахъ. Она такъ сильно рыдала, что не могла овладѣть собою даже тогда, когда замѣтила мой приходъ. Я принялся выпытывать у нея причину ея огорченія.

— Мама, мама! что съ вами такое? кричалъ я, стараясь успокоить ее своими ласками.—Вѣрно вы ушибли ногу или Принцъ укусилъ васъ? Можетъ быть, у васъ что нибудь заболѣло?

Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы она плакала отъ чего нибудь другаго, кромѣ физической боли. Развѣ я и отецъ не любили ее больше всего на свѣтѣ? Кромѣ того, ей некого было бояться и ее никто не могъ отдать въ пансіонъ, потому что она взрослая. Отчего-же мама плачетъ? спрашивалъ я самъ себя въ тревогѣ и полнѣйшемъ недоумѣніи.

Она постаралась успокоиться и прижала пылающимъ лицомъ къ моей щекѣ.

— Будешь-ли ты, мой мальчикъ, всегда любить меня? спросила мать,—всегда... всегда, что̀ бы ни случилось?

— Всегда, дорогая мама! Папа и я умерли-бы съ горя, если-бы васъ не было съ нами. Развѣ вы не знаете, на что былъ похожъ нашъ домъ, пока вы не пріѣхали сюда?

— Ну, если такъ, то твоя мама не будетъ больше плакать, сказала молодая женщина, принимаясь за работу, чтобы дать иное направленіе своимъ мыслямъ.

Но хотя она только одинъ разъ обнаружила передо мною свое горе, я нерѣдко замѣчалъ потомъ слѣды слезъ на ея лицѣ, которые она старалась замаскировать неестественной веселостью.

Такъ проходили годы и, наконецъ, въ одно ясное лѣтнее утро мнѣ сказали о рожденіи маленькой сестры. Я пришелъ въ самый искренній восторгъ. Меня такъ восхищала мысль имѣть новаго товарища игръ, который будетъ зависѣть отъ моей воли и принадлежать мнѣ вполнѣ. Я страстно привязался къ этому крошечному созданію, такъ что даже необходимость вернуться въ школу, по случаю рожденія маленькой Віолетты, не охладила моихъ чувствъ. Моя мать рѣшила однако, что я буду возвращаться домой каждую субботу; это мнѣ было очень пріятно.

До сихъ поръ она сама давала мнѣ уроки, и я крайне жалѣлъ о прекращеніи этихъ занятій, которыя молодая женщина умѣла сдѣлать такими легкими и интересными, но теперь заботы о новорожденномъ ребенкѣ отнимали у нея слишкомъ много времени, чтобы она могла продолжать заниматься со мною. Кромѣ того, мнѣ уже минуло одиннадцать лѣтъ, я становился большимъ мальчикомъ и былъ въ состояніи теперь серьезно пройти школьный курсъ.

Мой прежній товарищъ, хромой Джемми, очень радовался моему возвращенію. Онъ часто гостилъ у насъ въ Лилифильдсѣ, такъ что наша дружба нисколько не охладѣла. Въ школѣ онъ замѣнялъ мнѣ отсутствующую семью, но что̀ окончательно примирило меня съ необходимостью разстаться съ домашними, это подарокъ отца. Онъ купилъ мнѣ красивенькаго пони, на которомъ я ѣздилъ изъ дома въ училище и обратно.

Труднѣе всего была для меня разлука съ крошкой Віолеттой. Я рыдалъ надъ нею такъ сильно, что моя мать тоже заплакала и молила Бога послать благословеніе мальчику, который замѣнилъ ей роднаго сына. Мнѣ было пріятно сознавать, что мать меня любитъ, потому что и я горячо любилъ ее въ свою очередь, но все-таки, возвращаясь по субботамъ на своемъ пони въ Лилифильдсъ, я думалъ исключительно о свиданіи съ сестрою, о томъ, какъ я буду носить ее на рукахъ или возить въ ручной коляс*очкѣ между копнами* только что скошеннаго, душистаго сѣна.

Удивительно, что я любилъ Віолетту больше родителей, хотя моя вторая мать окружала меня ласками и заботами съ перваго момента нашего знакомства, а отецъ совершенно перемѣнился ко мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ она вошла къ намъ въ домъ. Этой женщинѣ я былъ обязанъ рѣшительно всѣмъ, но я успѣлъ привыкнуть къ своему счастью и принималъ его, какъ нѣчто должное.

Мои родители очень гордились своей маленькой дочкой, которая скоро сдѣлалась прелестной дѣвочкой; однако она какъ будто доставляла имъ больше горя, чѣмъ радости. Нерѣдко, когда мы оба рѣзвились съ нею въ саду, я замѣчалъ устремленный на нее взглядъ нашей матери. Въ ея глазахъ было при этомъ столько тревожной нѣжности и затаенной печали! Одинъ разъ она схватила дѣвочку на руки, прижала къ сердцу и принялась покрывать безумными поцѣлуями ея золотистыя кудри.

— Крошка моя, что будетъ съ тобою, если я умру? Боже мой, куда ты дѣнешься? повторила мать со слезами на глазахъ, совершенно забывъ о моемъ присутствіи.

Я былъ все еще слишкомъ молодъ, чтобы понять истинное значеніе ея словъ, но догадался, что она намекаетъ на свою смерть и боится, что безъ нея никто не съумѣетъ такъ заботливо ухаживать за Віолеттой. Я подошелъ къ ней съ рѣшительнымъ видомъ, въ полной увѣренности, что могу взять на себя отвѣтственность за младшую сестру.

— Не бойтесь, мама, сказалъ я покровительственнымъ тономъ.—Какъ только я выросту большой, то непремѣнно куплю собственный домъ и лучшія комнаты въ немъ отдамъ нашей Віолеттѣ!

Мать обратила ко мнѣ свой ласковый, серьезный взглядъ, а потомъ соединила насъ обоихъ въ одномъ тѣсномъ объятіи.

— Настоящій сынъ своего отца! повторила она между поцѣлуями.—Преданный, любящій мальчикъ! Дѣйствительно, милый Чарли, мнѣ рѣшительно нечего бояться: если я умру раньше васъ, то ты вмѣстѣ съ папой будешь заботиться о сестрѣ.

Между тѣмъ мой отецъ былъ совершенно доволенъ судьбою. Съ нимъ произошла та же самая перемѣна, какъ и со мной: въ свѣтломъ и радостномъ настоящемъ потонули тѣ мрачные годы, которые онъ провелъ среди мрачнаго одиночества въ своемъ заброшенномъ домѣ.

Мнѣ кажется, въ цѣломъ мірѣ не было семьи счастливѣе нашей. Домашнія дрязги и ссоры никогда не возмущали мирной жизни въ Лилифильдсѣ; хозяйство шло прекрасно; я и Віолетта постепенно подростали. Мы походили на экипажъ какого нибудь *корабля, благополучно* причалившаго къ тихой пристани и не *боявшагося* бурь, которыя свирѣпствуютъ въ открытомъ морѣ.

Каждую субботу, возвращаясь домой изъ школы, я заставалъ
его отца за работой—въ лѣтнее время на свѣжемъ воздухѣ, а
мою—въ комнатѣ. Его лицо постоянно свѣтилось тихой улыбкой
вольства, какъ будто онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода къ
орченію. Дѣйствительно, такъ было и на самомъ дѣлѣ: жена
даляла отъ него всякую бездѣлицу, которая могла причинить
у досаду. Она заботилась о немъ, какъ о больномъ ребенкѣ,
тораго опасно безпокоить. Моя мать всегда внимательно на-
юдала за хозяйствомъ, проходя своей неслышной походкой изъ
хни въ кладовую или погребъ и снова возвращаясь въ ком-
аты, между тѣмъ какъ маленькая Віолетта всюду ходила за нею,
вцляясь ручонками за ея платье.

Я считалъ мою мать идеаломъ благородства и до сихъ поръ
е измѣнилъ о ней своего мнѣнія. Только одно обстоятельство
азалось мнѣ нѣсколько подозрительнымъ или скорѣе страннымъ,
отому что я не позволялъ себѣ по отношенію къ ней ни тѣни
одозрѣнія: меня удивляло, почему мы никогда не принимаемъ у
ебя гостей. Въ прежнее время мой отецъ былъ такъ несообщи-
ленъ, что никто и не искалъ его знакомства, но моя мать со-
ершенно измѣнила нашу домашнюю жизнь и была такой весе-
ой и привѣтливой женщиной, что мнѣ становилось грустно при
ысли о нашей замкнутости и отчужденіи отъ сосѣдей. Я былъ
ношей лѣтъ пятнадцати, когда предложилъ ей одинъ разъ по-
обный вопросъ, но она постаралась уклониться отъ прямаго
вѣта.

— Видишь-ли, Чарли, сказала она:—когда я рѣшилась посвя-
ить свою жизнь твоему отцу, то я заранѣе знала, что мнѣ при-
ется отказаться отъ свѣтскихъ удовольствій и жить исключительно
я него. Намъ обоимъ не нужно никакихъ развлеченій внѣ дома: мы
олнѣ счастливы въ нашемъ семейномъ кругу, съ тобой и Віолеттой.

Но все-таки мнѣ казалось, что священнику съ женой не мѣ-
ало-бы отъ времени до времени сдѣлать намъ визитъ въ Ли-
ифильдсѣ, потому что они были знакомы со всѣми прихожанами,
я былъ бы очень радъ случаю принять участіе въ забавахъ
олоденькихъ сыновей эсквайра Робертса, жившаго по сосѣдству
ъ своемъ имѣніи. Между тѣмъ, къ намъ никто не показывался,
ромѣ доктора, который иногда заѣзжалъ поболтать съ моимъ
цомъ.

Когда я сдѣлался постарше и мнѣ случалось слышать, что
осторонніе люди также удивляются нашему образу жизни, то
пришелъ къ тому заключенію, что отецъ вступилъ въ нерав-
ый бракъ и тѣмъ удалилъ отъ себя всѣхъ знакомыхъ. Къ тому-же
оя мать по временамъ получала отъ кого-то письма, которыя
ательно старалась скрывать; зная ея безграничную любовь къ

отцу и прямоту характера, я терялся въ недоумѣніи. Наконецъ мои догадки подтвердились на дѣлѣ. Въ одно утро мать вышла къ завтраку, сильно озабоченная и совершенно непохожая на себя; когда она говорила со мной и Віолеттой, ея голосъ звучалъ необыкновенно странно. Мы оба инстинктивно сознавали, что подъ этимъ кроется что нибудь серьезное и сидѣли молча, но отецъ чувствовалъ себя въ этотъ день несовсѣмъ хорошо и потому выказывалъ нѣкоторую раздражительность. Ему хотѣлось остаться дома, а между тѣмъ мать приводила множество доводовъ, доказывая, что ему необходимо отправиться верхомъ въ ближайшій городъ и взять меня съ собою. Отецъ сначала дѣлалъ возраженія, но когда его жена стала умолять исполнить ея просьбу, онъ согласился. Нѣжная привязанность къ любимой женщинѣ взяла верхъ надъ его нерѣшительностью. Мы встали изъ за стола и тотчасъ отправились. Погода далеко не благопріятствовала нашей поѣздкѣ, но мать надавала намъ разныхъ ничтожныхъ порученій, такъ что, изъ угожденія ей, мы были принуждены покориться своей участи. Отъѣхавъ нѣсколько миль отъ Лилифильдса, мы замѣтили, что мой пони повредилъ себѣ копыта, и я былъ почти радъ этому предлогу вернуться домой. Отецъ нашелъ нужнымъ отправить меня обратно, приказывая ѣхать какъ можно тише, между тѣмъ какъ онъ самъ отправился дальше.

Вернувшись къ себѣ, я отвелъ пони въ конюшню и, незамѣченный никѣмъ, вошелъ въ прихожую нашего дома. Каково-же было мое изумленіе, когда я услышалъ въ пріемной спорящіе голоса! Не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, я быстро отворилъ дверь, но моя мать обернулась въ ту сторону и, увидѣвъ, что я стою на порогѣ, тихонько вытолкнула меня обратно въ прихожую.

— Уйди отсюда, прошептала она съ очевидной тревогой,— ступай въ свою комнату на верхъ, спрячься куда нибудь и не возвращайся сюда, пока я сама не позову тебя!

Ея глаза сверкали лихорадочнымъ блескомъ, а на щекахъ горѣли багровыя пятна. Я замѣтилъ, что она очень разстроена, и мнѣ захотѣлось во что-бы то ни стало найти ключъ къ этой загадочной исторіи.

— Кто у васъ здѣсь? спросилъ я съ любопытствомъ, потому что замѣтилъ въ гостинной женскую фигуру.

— А, вотъ что! вамъ, молодой человѣкъ, хочется узнать, кто я такая, не правда-ли? раздался хриплый голосъ женщины, которая говорила заплетавшимся языкомъ, выглядывая изъ-за полуотворенной двери.—Ничего, посмотрите на меня, если это вамъ *пріятно; мнѣ* нечего стыдиться самой себя, какъ нѣкоторымъ *другимъ,*—*прибавила* она, язвительно подчеркивая послѣднія слова.

Дверь гостинной отворилась настежъ, и я увидѣлъ передъ собою совершенно незнакомую особу.

Эта личность, можетъ быть, была въ свое время красивой, но теперь на ея красномъ, пятнистомъ и одутловатомъ лицѣ исчезъ всякій слѣдъ прежней красоты. Ея глаза были налиты кровью, волосы растрепаны, платье измято и неопрятно. Если она и была когда нибудь женщиной хорошаго круга, въ чемъ я однако сильно сомнѣвался, то теперь у нея былъ самый неприличный видъ. Незнакомая особа представляла поразительный контрастъ съ моею матерью, стоявшей возлѣ нея, какъ живое воплощеніе благородства, съ своимъ кроткимъ и печальнымъ лицомъ. Эта посѣтительница внушала мнѣ положительное отвращеніе.

— Кто она такая? повторилъ я, не скрывая своей антипатіи. Тонъ моихъ словъ показался ей обиднымъ и она начала что-то кричать мнѣ издали своимъ пронзительнымъ голосомъ. Моя мать еще больше встревожилась.

— Чарли, любишь-ли ты меня? шопотомъ спросила она.

— Люблю-ли?.. Разумѣется!

— Такъ уйди въ свою комнату сейчасъ-же, немедленно, и подожди тамъ моего прихода! Потомъ я переговорю съ тобою, я разскажу тебѣ все... Только теперь уходи поскорѣе!

Моя мать говорила такимъ серьезнымъ тономъ, что я не сталъ ей противорѣчить и немедленно ушелъ, не слушая какихъ-то обидныхъ замѣчаній на мой счетъ, которыя кричала мнѣ вслѣдъ незнакомая посѣтительница. Однако, оставшись одинъ, я съ досадой вспоминалъ предшествующую сцену. Появленіе посторонняго лица въ нашемъ домѣ само по себѣ представляло необыкновенное событіе; кромѣ того, эта особа позволяла себѣ дерзко обращаться съ моею матерью. Между тѣмъ, мнѣ было уже пятнадцать лѣтъ, и я могъ-бы вполнѣ защитить ее отъ оскорбленій; но почему-же она не позволила мнѣ выпроводить непрошенную гостьюза двери, а вмѣсто того еще отослала меня самого на верхъ, до окончанія своихъ переговоровъ съ нею, точно я былъ такой-же маленькій и неразумный, какъ наша Віолетта? Тутъ мнѣ вспомнились старанія матери удалить меня съ отцомъ на цѣлый день изъ Лилифильдса, и я понялъ, что она ждала посѣщенія странной гостьи и готовилась къ нему. Слѣдовательно, мои предположенія подтверждаются: у матери есть родственники, которыхъ она стыдится и не допускаетъ до сближенія съ моимъ отцомъ. Бѣдная мать! Если она выросла между такими людьми, какъ эта странная пріѣзжая женщина, то мнѣ отъ души ее жаль. Я до того былъ увѣренъ въ справедливости моихъ догадокъ, что даже не искалъ имъ подтвержденія. Наконецъ въ мою комнату пришла мать. Она положила голову ко мнѣ на шею, и истерически зарыдала. Я утѣшалъ

ее, какъ только могъ, и не сталъ безпокоить безполезными разспросами.

— Не говори ничего объ этомъ своему отцу, дорогой Чарли! сказала она, уходя отъ меня. Не намекай ни единымъ словомъ на то, чему ты былъ сегодня свидѣтелемъ. Обѣщай мнѣ это, другъ мой! Я не успокоюсь, пока ты не дашь мнѣ слова, что никому не проговоришься.

Я далъ честное слово сохранить ея тайну, но этотъ случай произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.

Вскорѣ послѣ того отецъ опредѣлилъ меня, по моему собственному желанію, къ одному архитектору въ Лондонѣ, въ качествѣ ученика, и съ тѣхъ поръ мои посѣщенія нашего уютнаго гнѣздышка въ Лилифильдсѣ сдѣлались очень рѣдки. Но меня утѣшали часто получаемыя извѣстія изъ дому; я зналъ, что тамъ все шло прекрасно, и радовался, что стою на прямой дорогѣ къ самостоятельному положенію.

Прилежно изучая свою спеціальность въ теченіе двухъ лѣтъ, я наконецъ собрался подольше погостить у родителей, какъ вдругъ передъ самымъ отъѣздомъ получилъ письмо отъ нашего деревенскаго врача; онъ приглашалъ меня немедленно вернуться домой, потому что отецъ серьезно боленъ и нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе. Я хорошо понялъ, что это значило, и по пріѣздѣ въ Лилифильдсъ мои предчувствія вполнѣ оправдались: отца уже не было въ живыхъ. Онъ умеръ внезапно, отъ болѣзни сердца, почувствовавъ себя больнымъ только за два часа до смерти. Это событіе подѣйствовало на меня потрясающимъ образомъ. Я никогда не любилъ отца такъ сильно, какъ мою вторую мать. Прежнее отчужденіе, которое я чувствовалъ къ нему съ самаго дѣтства, помѣшало нашему тѣсному сближенію впослѣдствіи, но все-таки онъ былъ мнѣ очень дорогъ, между тѣмъ какъ для матери его смерть представляла невознаградимую потерю. Однако она не обнаруживала своей глубокой печали. При нашей первой встрѣчѣ, меня поразило ея невозмутимое спокойствіе. День и ночь проводила эта женщина у трупа своего умершаго мужа, не выронивъ ни одной слезы; о его смерти она говорила съ такимъ хладнокровіемъ, какъ будто здѣсь дѣло шло о какой нибудь непродолжительной поѣздкѣ, изъ которой онъ непремѣнно долженъ скоро вернуться. Однако ея сухіе глаза ни на минуту не смыкались сномъ, а въ лицѣ не было ни кровинки. Такъ прошелъ первый день; на слѣдующій вечеръ я нашелъ нужнымъ заговорить съ ней о дѣлахъ; мнѣ было уже восемнадцать лѣтъ и я не на шутку считалъ себя вполнѣ сложившимся, серьезнымъ человѣкомъ.

— *Матушка*, сказалъ я, гдѣ хранится завѣщаніе моего покойнаго отца?

— У него не было сдѣлано никакаго завѣщанія, дорогой Чарли!
— Никакого завѣщанія! Какая небрежность!
— Перестань, прошу тебя!
Она не хотѣла допустить, чтобы въ ея присутствіи осуждали ловѣка который былъ ей безгранично дорогъ.
— Но завѣщаніе отца должно-же гдѣ нибудь найтись, настаилъ я.
— Другъ мой, я тебѣ говорю, что его никогда не существовало. га мысль отравила послѣднія минуты твоего отца, но я съ своей ороны очень рада, что такъ случилось.
— Лилифильдсъ и все, что въ немъ находится, конечно, достается вамъ, замѣтилъ я самымъ рѣшительнымъ тономъ. Никто другой не имѣетъ на это бо́льшаго права, чѣмъ вы. Живите здѣсь съ іолеттой до конца дней. Не правда-ли, вѣдь вы согласны?
— Не спрашивай меня, дорогой Чарли, не думай объ этомъ... о крайней мѣрѣ, теперь! Подождемъ пока... пока... все кончится, тамъ рѣшимъ, что̀ дѣлать!
Но пока все было кончено, наша судьба рѣшилась сама собою.
Это случилось наканунѣ похоронъ. Послѣ печальной церемоніи, когда металлическій гробъ моего отца былъ въ нашемъ присутствіи наглухо запаянъ свинцомъ, я почувствовалъ себя такимъ застроеннымъ, что вздумалъ уйти въ свою комнату отдохнуть. Вдругъ мое вниманіе было привлечено стукомъ экипажа, въѣхавшаго во дворъ. Я съ любопытствомъ выглянулъ изъ окна, прикрывшись спущенной занавѣской, потому что намъ некого было ждать къ похоронамъ.
Наемный экипажъ, безпорядочно нагруженный всякимъ хламомъ, остановился у подъѣзда и изъ него, къ моему величайшему изумленію вышла та самая женщина съ краснымъ лицомъ, которую я засталъ одинъ разъ въ гостинной два года назадъ. Я тотчасъ рѣшилъ не пускать ее въ домъ, какъ-бы ни было близко ея родство съ моею матерью. Никто не имѣлъ права такъ безцеремонно безпокоить убитую горемъ вдову. Я торопливо спустился съ лѣстницы и загородилъ пріѣзжей дорогу, столкнувшись съ нею у входныхъ дверей.
— Извините, сударыня, сказалъ я ей:—миссисъ Веръ не можетъ принимать гостей въ такую минуту. У насъ случилось большое несчастіе и...
— Мнѣ все отлично извѣстно о вашемъ несчастіи, грубо прервала меня гостья:—еслибы этого не случилось, то меня не было-бы здѣсь.
— Но миссисъ Веръ не можетъ васъ принять! повторилъ я.
— А кто *это такая миссисъ* Веръ, позвольте спросить? задорно *возразила незнакомая* женщина.

— Миссисъ Веръ—моя мать, гордо отвѣчалъ я,—и я не позволю ее огорчать и безпокоить.

— Въ самомъ дѣлѣ, молодой человѣкъ! Меня очень удивляетъ, что вы позволяете себѣ такой тонъ по отношенію ко мнѣ; я должна сказать вамъ однако, что я хозяйка въ своемъ домѣ и прошу васъ замолчать! Эй, вы! крикнула она служанкамъ, которыя выбѣжали изъ кухни, привлеченныя громкимъ разговоромъ въ прихожей. Нечего стоять, разиня ротъ! Помогите-ка извощику внести на верхъ мои чемоданы. Живо! да смотрите, не растеряйте чего нибудь!

Я стоялъ, совершенно ошеломленный ея дерзостью.

Сначала я не зналъ, что сказать, но когда эта противная личность прошла мимо меня въ пріемную и грузно опустилась въ собственное кресло моего отца, я пошелъ за нею и счелъ нужнымъ принять свои мѣры противъ такого нахальства.

— Я рѣшительно не понимаю, на чемъ вы основываете свои притязанія, сказалъ я.—Миссисъ Веръ единственная хозяйка этого дома и...

— Прекрасно, молодой человѣкъ, но предположимъ, что миссисъ Веръ—это я!

— Я не могу допустить такой нелѣпости. Вы сами не знаете, что говорите. Моя мать...

— *Ваша мать*! Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ васъ зовутъ и сколько вамъ лѣтъ?

— Зовутъ меня Чарльсъ Веръ и мнѣ недавно минуло восемнадцать лѣтъ, отвѣчалъ я, подъ вліяніемъ какого-то тайнаго побужденія.

— Вотъ именно! Я такъ и думала, что вамъ восемнадцать! Ну, такъ знайте: я—миссисъ Веръ, ваша мать.

— *Моя мать*! Да вы, кажется, не въ своемъ умѣ! Какъ вы смѣете оскорблять память человѣка, который только что отдалъ Богу душу? Моя мать! Вѣдь она умерла много лѣтъ назадъ, такъ что я даже ее и не помню.

— Умерла? Вотъ глупости! Это натолковала вамъ, вѣроятно, та красивая высокая барыня, которая занимала здѣсь мое мѣсто Но теперь пришла моя очередь. Я вдова вашего отца и все, что осталось послѣ его смерти, принадлежитъ мнѣ по праву, а ее я немедленно выгоню вонъ, не будь я хозяйка Лилифильдса, миссисъ Дженъ Веръ!

— Вы лжете! закричалъ я, выведенный изъ терпѣнія.

Это спившееся, потерянное существо осмѣливалось называть *себя моей* матерью, между тѣмъ какъ я былъ твердо увѣренъ, *что ея давно* не было въ живыхъ! Подобная мысль была положительно чудовищна и я отказывался ей вѣрить. Но только что

нова обвиненія и гнѣва сорвались съ моихъ губъ, какъ я поднялъ го-
ову и увидѣлъ *свою мать*—женщину, спасшую отъ нравственной
ибели меня и моего отца, ту, которая внесла столько свѣта и ра-
ости въ его заброшенный домъ, въ его разбитое существованіе!
на стояла на порогѣ, спокойная и блѣдная, какъ мраморное
ваяніе; черная траурная одежда дѣлала ее похожей на пре-
расное олицетвореніе смерти.

— Матушка, развѣ это правда? вскричалъ я, обращаясь къ
ей.

— Правда, Чарли, дорогой мой мальчикъ, мой преданный,
обрый сынъ! Опомнись и приди въ себя. Перенеси это, какъ
тѣдуетъ мужчинѣ: все, что̀ ты узналъ, совершенная правда?

— Такъ эта... эта женщина была *женою* моего отца?

— Да, Чарли!

— А *вы*, матушка? воскликнулъ я въ смертельномъ волненіи.

— А я была только женщиной, которую онъ любилъ! отвѣча-
а она, опуская глаза. Ты не долженъ считать меня его законной
еною.

— Все таки я всегда буду уважать васъ, какъ свою мать. Вы
ѣлые годы были преданнымъ другомъ моего отца, вы спасли ему
изнь и разсудокъ и были настоящей его женой, а мнѣ—матерью.

Мое волненіе разрѣшилось слезами. Я былъ сильно потрясенъ
лучившимся. Мать подошла ко мнѣ и нѣжно положила свою руку
а мою склоненную голову.

Тогда другая женщина, о существованіи которой я не могу
спомнить безъ ужаса, воспользовалась преимуществомъ своего
оложенія и принялась оскорблять и позорить свою соперницу. Съ
языка лились потокомъ такія слова, какихъ я никогда не слы-
алъ ни отъ одной личности женскаго пола. Это отрезвило меня и
аставило опомниться отъ удара. Въ моемъ присутствіи унижали
амое близкое и дорогое мнѣ существо.

— Замолчите! крикнулъ я громкимъ, повелительнымъ тономъ.—
слибы вы двадцать разъ были моею родной матерью, я бы и
огда не позволилъ вамъ произносить подобныхъ словъ! Если вы
конная жена моего отца, зачѣмъ-же вы бросили нашъ домъ и
редоставили другимъ исполнять ваши собственныя священныя
язанности?

— Вотъ эта особа можетъ лучше меня отвѣтить на вашъ во-
осъ. Ей хорошо извѣстно, почему для меня не было мѣста въ
омъ домѣ!

— Это не правда! тихонько возразила мать, безъ всякаго гнѣ-
. — Я не стала-бы осуждать вашего поведенія въ присутствіи
арльса, *потому что мы* цѣлые годы скрывали отъ него истину, но
позволяете себѣ клеветать на усопшаго и я должна оправдать его

въ глазахъ сына. Вы покинули своего мужа и ребенка за много лѣтъ до того времени, когда я сошлась съ мистеромъ Веромъ. Вы бросили Чарли на произволъ судьбы, когда онъ былъ еще крошечнымъ ребенкомъ, но вашъ мужъ по своей добротѣ простилъ вамъ все, такъ какъ вы умоляли его позволить вамъ вернуться обратно. Онъ снова принялъ васъ въ свой домъ, какъ хозяйку и мать, но когда вы бросили его вторично, законъ не могъ возвратить ему свободы. Ему было суждено оставаться всю жизнь одинокимъ, обезславленнымъ, безъ всякой нравственной поддержки и утѣшенія, между тѣмъ какъ вы... но вы сами лучше меня можете разсказать своему сыну, какую жизнь вы вели съ тѣхъ поръ.

— А все таки я настоящая миссисъ Веръ, возразила та:—мой мужъ не оставилъ духовнаго завѣщанія; его имущество принадлежитъ мнѣ и потому я покорнѣйше прошу васъ взять отсюда свою дѣвчонку и немедленно очистить мой домъ.

— Матушка, но вѣдь это безчеловѣчно! Этого не можетъ быть!

— Такъ *должно* быть, Чарли, въ силу закона. Я предвидѣла и знала все это раньше, чѣмъ согласилась поселиться здѣсь и сойтись съ твоимъ отцомъ. Онъ не думалъ обманывать меня и всегда поступалъ со мною честно. Если я жалѣю о томъ, что онъ откладывалъ составленіе завѣщанія до самой смерти, то вовсе не въ видахъ матеріальной выгоды. Это несчастное обстоятельство отравило ему послѣднія минуты, но онъ не былъ виноватъ въ такой непредвидѣнной случайности. Я знаю, что онъ безгранично любилъ меня, и мнѣ совершенно довольно этого сознанія.

— Но я не хочу принимать на вѣру словъ какой-то неизвѣстной личности, не имѣя подъ руками фактическихъ доказательствъ, воскликнулъ я.—Нужно сію минуту послать Эллекъ за стряпчимъ. Я не могу оставить васъ наединѣ съ этой отвратительной женщиной.

— Перестань, Чарли, она—твоя родная мать.

— Я не желаю признавать ее своею матерью, запальчиво возразилъ я.—*Вы* были моей единственной, настоящей матерью и я буду помнить это до конца дней.

Мистеръ Шорбери, стряпчій, немедленно пришелъ, но онъ не могъ сказать мнѣ ничего утѣшительнаго. Мой бѣдный отецъ постоянно откладывалъ со дня на день составленіе завѣщанія, пока наконецъ было слишкомъ поздно поправить эту ошибку. Такимъ образомъ онъ оставилъ безъ всякихъ средствъ къ жизни собственную дочь и ту женщину, которая пожертвовала изъ любви къ нему *своей репутаціей*, положеніемъ въ обществѣ, и провела лучшіе *годы жизни* въ уединенномъ деревенскомъ домѣ, посвящая семьѣ

свои заботы. Между тѣмъ законная жена, разбившая его существованіе,—спившееся, низко павшее существо,—послѣ его смерти вошла полновластной хозяйкой въ его домъ, въ силу закона требуя свою часть наслѣдства. Главнымъ наслѣдникомъ былъ, конечно, я самъ, но моя любимая мать и дорогая сестра Віолетта не имѣли права оставаться въ Лилифильдсѣ; онѣ были совершенно покинуты на произволъ судьбы.

— Однако, сказалъ я стряпчему,—Шорбери моей матери, конечно, нѣтъ необходимости уходить отсюда до похоронъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ тотъ, но—какъ вы думаете—прилично-ли ей здѣсь оставаться при настоящихъ обстоятельствахъ? Миссисъ Веръ имѣетъ право удалить ее отсюда и, повидимому, она не поцеремонится сдѣлать это.

Моя мать была вполнѣ согласна съ мистеромъ Шорбери; она необыкновенно быстро уложила свои вещи. Миссисъ Веръ тщательно наблюдала за этой укладкой, боясь, чтобы она не взяла чего нибудь, не принадлежащаго ей. Послѣ этого, мать и сестра хотѣли отправиться ночевать къ женѣ священника, которая, надо отдать ей справедливость, предложила имъ пріютъ въ своемъ домѣ, узнавъ о томъ, что происходитъ въ Лилифильдсѣ.

— Готовы-ли вы, дорогая матушка? печально спросилъ я, подойдя къ ней въ прихожей и взявъ ее подъ руку.

— Надѣюсь, мистеръ Чарльсъ, что вы скоро вернетесь? крикнула своимъ пронзительнымъ голосомъ миссисъ Веръ, стоявшая на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы.

Я остолбенѣлъ.

Мнѣ вернуться? Неужели эта женщина могла допустить подобную мысль, неужели она думала, что я могу остаться жить при ней?

— Мы такъ долго были въ разлукѣ съ вами, продолжала она;—теперь вашъ отецъ скончался и у меня нѣтъ никого, кромѣ васъ. Конечно, вы разсчитываете получить мою долю наслѣдства послѣ моей смерти, такъ что намъ лучше всего забыть о прошломъ и предоставить мертвымъ покоиться вѣчнымъ сномъ. Что вы на это скажете, а?

— Мнѣ ничего не нужно отъ васъ, сударыня, гордо отвѣтилъ я;—если домъ принадлежитъ вамъ по закону, пользуйтесь имъ въ добрый часъ!

— Чарли, дорогой, вспомни, отъ чего ты отказываешься? шепнула мнѣ на ухо моя мать.

— Я помню только о васъ, матушка!

— Та-та-та! вотъ еще новости! крикнула мнѣ въ догонку миссисъ Веръ.—*Вы, мистеръ Чарли, кажется, забыли, что ваша родная мать—это я?*

Не выпуская руки своей матери, я обернулся лицомъ къ мис-сисъ Веръ.

— Я ничего не забылъ, сударыня, хотя очень желалъ-бы забыть. Я помню, что здѣсь, возлѣ меня, стоитъ женщина, которая любила тѣхъ, кого вы бросили, заботилась о нихъ и сдѣлала меня человѣкомъ. Повторяю вамъ еще разъ: она настоящая жена моего покойнаго отца и моя *настоящая мать* передъ Богомъ. Если ихъ союзъ не былъ благословленъ людьми, то его благословилъ Господь. Она спасла насъ обоихъ отъ нравственной смерти и заслужила мою сыновнюю преданность и любовь.

Съ этими словами я вышелъ съ *своей матерью* изъ воротъ Лилифильдса, съ твердымъ намѣреніемъ посвятить ей и маленькой сестрѣ всѣ свои труды и заботы. Моей первой мыслью было отыскать для нея мирный уголокъ, гдѣ она могла-бы успокоиться послѣ пережитыхъ несчастій и провести съ нами остатокъ своихъ дней.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА.

Современное состояніе прессы въ цивилизованныхъ странахъ.—Новѣйшія статистическія данныя на этотъ счетъ.—Англійская печать.—Газеты въ Англіи.—Обиліе въ нихъ объявленій.—Диктатура e d i t o r'овъ.—Эра телеграфныхъ корреспонденцій и спеціальныхъ проволокъ. — «Daily News» и Арчибальдъ Форбсъ. — Созданіе новостей.—Газетныя предпріятія съ репортерскими цѣлями.—Ухищренія корреспондентовъ.—Монополія «левіафановъ» лондонской прессы.—Безличіе ежедневныхъ англійскихъ изданій.—Вечерняя пресса.—Еженедѣльные органы.—Ихъ политическое значеніе.—Мѣсячныя и трехмѣсячныя «обозрѣнія» или журналы. — Провинціальная печать.—Ея соперничество со столичною.— Участковая пресса въ городахъ.— «Магазины».—Статистика англійской печати.—Положеніе журналиста въ Англіи.—Господство анонима.—Литературный гонораръ.

Одною изъ обыкновеннѣйшихъ вещей въ обиходѣ современнаго культурнаго человѣка является газета. Въ настоящее время, «европейца» почти совершенно невозможно и представить себѣ обходящимся безъ нея. Служа могучимъ и ничѣмъ незамѣнимымъ орудіемъ прогресса, газета оказывается безусловно необходимою для развитія и даже самаго существованія человѣческихъ обществъ; безъ нея не было-бы и общественной жизни, въ томъ смыслѣ, какой мы обыкновенно придаемъ этому выраженію. Устраните воздушную атмосферу, окружающую нашу планету,—и всѣ органическіе процессы на земной поверхности тотчасъ-же остановятся, жизнь замретъ; отнимите у культурнаго человѣчества періодическую печать, представляемую главнымъ образомъ газетою,—ослѣпительно-сверкающее теперь солнце цивилизаціи моментально померкнетъ, наступитъ царство тьмы, въ человѣческихъ дѣлахъ и отношеніяхъ немедленно же произойдутъ путаница и разстройство. Что мысль эта совершенно вѣрна, это какъ нельзя лучше доказывается крайне плачевною исторіею тѣхъ эпохъ и странъ, въ которыхъ прессѣ, благодаря неблагопріятнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, приходится не жить, а съ грѣхомъ пополамъ влачить жалкое, приниженное существованіе... *Да, повторяемъ* еще разъ, газета стала теперь безусловною необ-

ходимостью для культурныхъ обществъ,—и нѣтъ такой силы, которая могла-бы

остановить ея ростъ и развитіе. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что періодическая печать постепенно преобразила міръ, да продолжаетъ и теперь энергически преобразовывать его, все дальше, шире и глубже распространяя свое благодѣтельное вліяніе. Чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе о томъ, какъ велика въ настоящее время потребность въ газетѣ и, слѣдовательно, до какой степени громадно ея общественное значеніе, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на тѣ, по истинѣ, колоссальные размѣры, которыхъ достигло газетное дѣло на Западѣ.

По даннымъ, относящимся къ 1826 году, число періодическихъ изданій простиралось тогда до 3,168, изъ которыхъ 2,142 приходилось на долю Европы и 978 на долю Америки. Въ 1867 году изданій считалось уже 12,500, а въ настоящее время свыше 25,000; изъ нихъ въ Европѣ 14,000, въ Америкѣ 10,000; въ Азіи, Африкѣ и Австраліи больше 1,000. Количество изданій, выходящихъ теперь въ различныхъ странахъ Европы, приблизительно опредѣляется слѣдующими цифрами: въ Германіи—3,000, во Франціи—2,500, въ Англіи до 2,000, въ Австріи—1,500, въ Италіи—1,500, въ Россіи около 600, въ Швейцаріи—500. Наиболѣе-же богатою, въ этомъ отношеніи, страною міра являются Соединенные Штаты Америки, гдѣ насчитывается около 9,000 газетъ и журналовъ. Соединенные Штаты стоятъ во главѣ всѣхъ другихъ странъ и по отношенію числа газетъ къ числу жителей: при населеніи почти въ 50 милліоновъ, тамъ приходится одно періодическое изданіе на 5,500 чел.; затѣмъ слѣдуетъ маленькая Швейцарія, съ населеніемъ менѣе 3 милл. и съ однимъ изданіемъ на 6,000 чел., далѣе идутъ: Франція и Германія (1—на 14,000 ч.), Англія (1—на 16,000); Австрія и Италія (1—на 24,000). Что касается до нашего отечества, то въ немъ на одно періодическое изданіе приходится около 150,000 человѣкъ. Другими словами, наша періодическая печать въ 27 разъ бѣднѣе американской. Чтобы сравниться съ Соединенными Штатами, намъ надо было-бы имѣть около 14,200 изданій, т. е. больше, чѣмъ ихъ оказывается теперь во всей Европѣ... Въ Америкѣ, гдѣ журнальная статистика ведется болѣе или менѣе правильно, 10,000 повременныхъ изданій выходятъ въ числѣ 21 милл. экземпляровъ; слѣдовательно, тиражъ каждаго американскаго журнала или газеты, въ среднемъ счетѣ, опредѣляется цифрою въ 2,000 экземпляровъ. Сколько нибудь точныхъ данныхъ для подобнаго-же разсчета въ европейскихъ и другихъ странахъ не имѣется; но если мы приложимъ къ этимъ странамъ американскую норму, то для 15,000 издающихся въ нихъ періодическихъ органовъ получимъ общую сумму въ 30 милл. экземпляровъ. (Есть много основаній думать, что цифра эта, по крайней мѣрѣ, вдвое ниже дѣйствительной). Такимъ образомъ, если даже не принимать въ разсчетъ мѣсячныхъ, двухнедѣльныхъ и недѣльныхъ *изданій, число которыхъ*, въ общей сложности, весьма значительно, то и тогда *окажется, что на* земномъ шарѣ ежедневно пускается въ обращеніе по меньшей

мѣрѣ 50 мил. газетныхъ листовъ и листковъ. Вѣдь это настоящее газетное море!.. Много, конечно, зла и тьмы, много глупости, пошлости, злобы и всяческаго разврата разносятъ съ собою по міру отдѣльныя капли этого моря, но сколько зато и добра, знанія, сколько честныхъ, прогрессивныхъ идей и возвышающихъ душу помысловъ!.. Тому, кто въ виду отрицательныхъ явленій, представляемыхъ прессою, становится въ ряды противниковъ ея свободнаго развитія, можно смѣло сказать, основываясь на опытѣ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, что чѣмъ меньше препятствій и помѣхъ встрѣчаетъ печать на пути своего развитія, тѣмъ ничтожнѣе становится и приносимое ею зло, которое обречено, какъ и всякое другое общественное зло, на неизбѣжную гибель въ стихійномъ процессѣ человѣческаго совершенствованія. Зло гибнетъ, добро остается, — таковъ непреложный законъ исторіи.

Въ виду того громаднаго общественнаго значенія, которое въ настоящее время имѣетъ пресса, мы считаемъ не лишнимъ поговорить съ читателемъ о современной англійской періодической печати, самой свободной, самой развитой и вліятельной во всей Европѣ.

Если читателю никогда не приходилось видѣть большихъ англійскихъ газетъ, то онъ и понятія не имѣетъ о томъ, до какой грандіозности, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ достигать газетное дѣло. Наши русскія, такъ называемыя, «большія» газеты кажутся жалкими пигмеями въ сравненіи, напримѣръ, съ «Times», «Standard», «Daily News», «Morning Post», «Daily Telegraph» и т. д. Обыкновенныя англійскія газеты почти всегда состоятъ изъ восьми громадныхъ, чуть не въ квадратный метръ, страницъ,—каждая въ 6—8 колоннъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что печатаются онѣ шрифтомъ очень мелкимъ и убористымъ, то окажется, что онѣ, по крайней мѣрѣ, въ 4—5 разъ больше нашихъ „большихъ“ органовъ ежедневной печати. Что касается, въ частности, до лондонскаго «Times'а», то высчитано, что обыкновенный номеръ его заключаетъ въ себѣ столько печатнаго матеріала, что его хватило-бы на книгу въ 300 страницъ in — 8⁰!.. Не слѣдуетъ при этомъ забывать и того, что этотъ гигантъ англійской печати ежедневно даетъ отъ 8 до 12 прибавочныхъ страницъ, предназначаемыхъ спеціально для объявленій. Недаромъ-же, значитъ, «Times'а» и подобные ему органы величаютъ себя «левіафанами прессы»... И вотъ, такую-то гору печатнаго матеріала вы покупаете за 1—3 пенса, или за 4—12 коп. (Самая дорогая газета—«Times»—продается по 3 пенса за номеръ). Если изъ этой ничтожной суммы отнять кое-что на расходы по пересылкѣ, разноскѣ и т. д., то окажется, что редакціи пускаютъ свои газеты въ публику по цѣнѣ, едва-ли превышающей стоимость бумаги, на которой напечатанъ номеръ. Другими словами, *отдавая два-три пенса за бумагу*, весь текстъ вы получаете даромъ. А если посчитать хорошенько, то можетъ оказаться, что номеръ, пріобрѣтенный вами за

пенсъ, обходится издателямъ, пожалуй, и дороже пенса. Какъ-же это можетъ быть? — спроситъ непосвященный читатель. Неужели издатели ведутъ дѣло съ убыткомъ для себя?.. О, нѣтъ, они наживаютъ милліоны... Такъ въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, секретъ?.. Въ объявленіяхъ.

Поразительное обиліе объявленій, или advertisements, составляетъ характерную особенность англійскихъ (и американскихъ) газетъ. Эти объявленія являются основою каждой газеты, для нихъ-то собственно газета и существуетъ, причемъ всевозможныя извѣстія, передовыя и всякія иныя статьи, хроники, обозрѣнія, отчеты, корреспонденціи и т. д. служатъ только соусомъ, подъ которымъ подносятся публикѣ advertisements... Въ то время, какъ въ континентально-европейской, а въ томъ числѣ и въ нашей русской прессѣ объявленія занимаютъ обыкновенно только послѣднюю, четвертую страницу, забѣгая на третью только въ рѣдкихъ случаяхъ, а на первую пробираясь контрабаднымъ путемъ,—въ англійскихъ газетахъ они и начинаютъ, и кончаютъ собою каждый номеръ, врываются, кромѣ того, въ текстъ газеты, втискиваются между статьями... Чтобы читатель могъ судить о томъ, до какой степени advertisements наводняютъ англійскія газеты, мы скажемъ только, что изъ 16 страницъ средней величины номера Times'а на объявленія приходится по меньшей мѣрѣ 11, такъ что для текста остается едва-едва пять!.. Тогда какъ у насъ объявленія печатаются самыми разнообразными шрифтами, сплошь и рядомъ отличаются прихотливою формою и громадными размѣрами, въ большинствѣ случаевъ бьютъ на эффектъ и имѣютъ видъ претенціозной рекламы, — въ Англіи всѣ они очень скромны, рѣдко занимаютъ болѣе 10—12 строкъ каждое, набираются одинаково мелкимъ, чуть не микроскопическимъ шрифтомъ, представляютъ собою въ каждомъ номерѣ цѣлый океанъ всевозможныхъ извѣщеній, заявленій, предложеній и требованій, касающихся главнымъ образомъ торговли и промышленности, и распредѣляются по спеціальнымъ рубрикамъ, которымъ предшествуетъ общій указатель, такъ что читатель легко можетъ разыскать все, что̀ ему нужно... Этими-то вотъ объявленіями газеты и живутъ, на нихъ-то издатели и наживаются... Если предположить, что каждый номеръ Times'а, напр., имѣетъ всего только 50 колоннъ объявленій,—обыкновенно же въ немъ бываетъ отъ 60 до 80 такихъ колоннъ,—то окажется, что издатели, взимающіе по 80—120 коп. за строчку петита, получаютъ съ объявленій до 6 милл. рублей въ годъ!.. При видѣ такихъ апетитныхъ цифръ, «содержателямъ» нашихъ газетныхъ лавочекъ, право, можно лопнуть отъ зависти, хотя и они, по правдѣ сказать, не обижены,—не смотря на то, что небрежность свою въ печатаніи даже *срочныхъ публикацій* доводятъ до того, что въ конторахъ своихъ вывѣшиваютъ объ*явленія, гласящія,* что редакціи *не отвѣчаютъ* за *не своевременное появленіе публикаціи.* (!!) То, что составляетъ существенную на нашъ взглядъ часть

газеты, начинается обыкновенно съ 4-й страницы. Тотчасъ вслѣдъ за объявленіями, идетъ лаконическій перечень самыхъ свѣжихъ внутреннихъ и внѣшнихъ новостей, которыя прежде всего читатель и пробѣгаетъ, развертывая свою газету. Дальше слѣдуютъ, одна за другою, четыре или пять передовыхъ статей, leading articles, посвященныхъ вопросамъ дня. Онѣ никогда не подписываются авторами,—подписи вообще довольно рѣдкое явленіе въ англійской журналистикѣ,—и на это имѣется весьма уважительная причина: въ нихъ высказываются взгляды и мнѣнія не того или другаго публициста, а взгляды редакціи или, точнѣе, главнаго редактора, editor'a, диктатура котораго составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ англійской журналистики. Этотъ editor за всѣмъ наблюдаетъ, все контролируетъ, все предусматриваетъ; его помощники, сотрудники, выполняютъ только его волю, располагая тою минимальною дозою личной инціативы, безъ которой обходиться имъ совершенно невозможно. Въ каждую данную минуту они должны быть готовы, по первому знаку, быстро написать на заданную тему и въ опредѣленномъ направленіи столбецъ или два изящной, содержательной, интересной прозы,—это все, что отъ нихъ требуется.. За передовыми статьями помѣщаются обыкновенно сообщенія о ходѣ дѣлъ на главнѣйшихъ биржахъ, о состояніи рынковъ, морскія новости и метеорологическія данныя, полученныя съ Гринвичской обсерваторіи или по трансатлантическимъ кабелямъ. На слѣдующихъ затѣмъ столбцахъ мы находимъ корреспонденціи изъ колоній, письма и депеши изъ провинціи, университетскій бюллетень, свѣдѣнія о митингахъ и полные отчеты о судебныхъ разбирательствахъ во всѣхъ инстанціяхъ, депеши Рейтера, сообщенія о стачкахъ, скачкахъ, театральная хроника, отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ, статьи по литературной, научной и художественной критикѣ,—и наконецъ внѣшнія корреспонденціи заполняютъ остающееся мѣсто, предназначенное для текста. А дальше опять тянутся безконечные ряды объявленій.

Сидя на своемъ островѣ, Джонъ Буль чрезвычайно сильно интересуется всѣмъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Его занимаютъ не только одни крупные политическіе вопросы и событія, но также и то, какъ вообще живутъ его близкіе и далекіе сосѣди, что они въ каждый данный моментъ подѣлываютъ у себя дома, каковы ихъ нравы, положеніе дѣлъ и т. д. И все это ему нужно знать до мельчайшихъ подробностей. Газеты спѣшатъ прійти ему на помощь, удовлетворить его любознательность, удѣляя весьма значительное мѣсто многочисленнымъ и обширнымъ иностраннымъ корреспонденціямъ, стекающимся со всѣхъ концовъ земнаго шара,—обстоятельство тоже очень характерное для англійской печати, по сравненію съ печатью континентальною.

Лѣтъ 13—14 тому назадъ, упомянутыя корреспонденціи пересылались въ *газеты обыкновенно по почтѣ*. Но франко-прусская война сильно измѣнила *положеніе дѣлъ, произвела* въ англійской прессѣ настоящую революцію. Мож-

но сказать, что со времени ея наступилъ конецъ телеграфнымъ агентствамъ и началась эра спеціальныхъ телеграфныхъ проволокъ. Починъ въ этомъ переворотѣ принадлежитъ издателю Daily-News, Робинзону, или, вѣрнѣе, его знаменитому военному корреспонденту, Арчибальду Форбсу, о которомъ мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ. Помимо основательныхъ и разносторонніхъ познаній, помимо тонкаго стратегическаго чутья, замѣчательной наблюдательности и умѣнья изложить видѣнное въ сжатой, но живой и занимательной формѣ, — Форбсъ обладаетъ еще не заурядною физическою силою, громадною выносливостью, неутомимостью, отличается страстнымъ влеченіемъ къ избранному имъ поприщу, что̀, взятое все вмѣстѣ, дѣлаетъ изъ него положительно какого-то сказочнаго, легендарнаго героя. Быть хорошимъ военнымъ корреспондентомъ можетъ далеко не каждый. Легче, пожалуй, выиграть иную битву, чѣмъ хорошо прослѣдить на мѣстѣ общій ходъ ея, уловить ея существеннѣйшія черты, схватить наиболѣе характерные факты и особенности, и затѣмъ сгруппировать ихъ въ точномъ и въ то-же время драматическомъ разсказѣ. Для этого нужно обладать особеннымъ даромъ, которымъ Форбсъ и надѣленъ въ высокой степени. Онъ умѣетъ всегда быть тамъ, гдѣ нужно, и видѣть все, что слѣдуетъ; для него ни почемъ оставаться въ стременахъ по 48 часовъ сряду, не давая себѣ ни минуты отдыха; онъ всегда находитъ возможность быть въ центрѣ дѣйствія, присутствовать, не получая ни одной царапины, при самыхъ ужасныхъ сценахъ кровопролитія и тутъ-же, когда смерть витаетъ надъ его головою, писать, не слѣзая съ коня, представляющую собой настоящій chef-d'oeuvre статью въ двѣ-три газетныхъ колонны,—статью, ради быстрѣйшей доставки которой ему приходится иногда летѣть сломя голову, загоняя до смерти десятки лошадей, если это нужно. И такіе tours de force ему случалось продѣлывать не разъ, а двадцать разъ!.. Онъ былъ очевидцемъ почти всѣхъ выдающихся событій послѣднихъ лѣтъ, начиная со свиданія плѣннаго Наполеона III съ прусскимъ королемъ, капитуляціи Меца, вступленія версальскихъ войскъ въ Парижъ и кончая катастрофою, разразившеюся надъ англичанами въ Афганистанѣ. Во время борьбы англичанъ съ ашантіями, затѣмъ съ зулусами, онъ съумѣлъ составить такіе превосходные планы и карты непріятельскихъ мѣстностей, что генераламъ оставалось только слѣпо довѣряться имъ. Съ какими громадными опасностями сопряжена была эта образцовая съемка, объ этомъ излишне и говорить. Извѣстіе о побѣдѣ на Шипкѣ Форбсъ ухитрился доставить царю шестью часами раньше спеціальныхъ курьеровъ!.. Свое классическое описаніе перваго приступа къ Плевнѣ онъ отправилъ изъ Систова, куда явился пѣшкомъ, неся сѣдло на головѣ и загнавъ предварительно трехъ верховыхъ лошадей. Вообще, его подвиги на поприщѣ корреспондента носятъ на себѣ совершенно эпическій характеръ. Выступилъ онъ на это поприще въ 1870 году и тогда-же предложилъ Робинзону передавать

свои военныя письма по телеграфу цѣликомъ, вмѣсто того, чтобы пересылать резюме ихъ въ видѣ коротенькихъ депешъ. Теперь такая передача является въ англійскихъ газетахъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ; тогда-же объ этомъ никто и не помышлялъ, и Daily News, впервые примѣнившая у себя такую смѣлую систему, сразу пріобрѣла въ глазахъ публики громадное преимущество надъ своими соперницами. Во все время франко-прусской войны, такъ сильно интересовавшей собою англійское общество, корреспонденціи Форбса чуть не буквально брались приступомъ читателями. Какъ въ эту, такъ и во всѣ послѣдующія эпохи, Форбсъ всегда немного опережалъ своими сообщеніями всѣхъ другихъ своихъ собратовъ по ремеслу.

Когда война окончилась, Daily News должна была выплатить громадную сумму телеграфныхъ издержекъ, но зато ей удалось занять чрезвычайно выгодное положеніе въ прессѣ. Другіе органы, изъ чувства самосохраненія, также должны были выступить на новый путь: публика, благодаря Daily News, привыкла уже къ цѣлымъ колоннамъ телеграфныхъ писемъ, вошла во вкусъ ихъ, почтовыя корреспонденціи стали казаться ей черезчуръ уже примитивными. Волей-неволей, издателямъ газетъ пришлось удовлетворять вновь народившимся запросамъ и требованіямъ. Прежде другихъ откликнулась на эти запросы Times, устроившая съ этою цѣлью спеціальное бюро въ Парижѣ и купившая себѣ у телеграфной компаніи право каждую ночь, въ теченіе шести часовъ, пользоваться спеціальною проволокою, связывавшею упомянутое бюро съ лондонскою редакціею... Для Times'а, продающагося по три пенса за номеръ при тиражѣ въ 50—60,000 экземпляровъ, такая дорого стоющая затѣя представлялась дѣломъ сравнительно легкимъ; другимъ-же газетамъ, болѣе дешевымъ и менѣе богатымъ и распространеннымъ, слѣдовать примѣру Times'а было на первыхъ порахъ очень тяжело; но жертвы не испугали ихъ и не остановили ни на одну минуту. Тотчасъ вслѣдъ за Times'омъ, парижскими бюро и собственными проволоками поспѣшили обзавестись «Daily Telegraph» и «Standart». «Morning Post» и «Daily News» спеціальныхъ проволокъ не завели, но зато стали удѣлять очень много мѣста телеграфнымъ письмамъ своихъ корреспондентовъ. Въ настоящее время, въ каждомъ номерѣ всѣхъ только что упомянутыхъ газетъ читатель находитъ три или четыре длинныхъ столбца такихъ сообщеній и корреспонденцій, передача которыхъ по телеграфу обходится въ 1,000—1,500 фр. на номеръ!.. Такъ какъ политическихъ новостей часто и совсѣмъ не бываетъ, то чтобы дорого стоющія бюро и проволоки не оставались безъ дѣла, стали передавать телеграфнымъ путемъ бульварную хронику, отчеты о театральныхъ представленіяхъ и т. д. Въ результатѣ оказалось, что обитатели Лондона стали получать въ своихъ газетахъ свѣдѣнія о парижской жизни раньше, *чѣмъ сами парижане*... Одна изъ лондонскихъ газетъ попыталась было *такимъ же образомъ знакомить* своихъ читателей съ берлинскою жизнью и за-

вела въ этихъ видахъ спеціальную проволоку, но попытка эта потерпѣла фіаскъ: охотниковъ внимательно слѣдить за мелочами жизни въ странѣ кислой капусты, политой пивомъ, оказалось слишкомъ мало,—и проволоку по этой причинѣ пришлось забросить..,

Разъ начавъ завлекать публику новизною пріемовъ, англійскія газеты, подчиняясь духу конкуренціи, не могли остановиться на полдорогѣ. Прекрасную, конечно, службу служитъ и спеціальная проволока; хороши, для приданія газетѣ свѣжести и интереса, и длинныя телеграфныя письма корреспондентовъ, но все это прекрасно и хорошо только въ такіе моменты, когда въ томъ или другомъ уголкѣ земнаго шара происходитъ дѣйствительно что нибудь интересное и крупное. Но вѣдь сплошь и рядомъ выпадаютъ и такія полосы, когда всюду царитъ затишье, когда ничего животрепещущаго не оказывается, когда и спеціальнымъ корреспондентамъ писать не о чемъ. А между тѣмъ избалованная публика требуетъ «занятныхъ», интересныхъ новостей. Какъ тутъ быть?.. Откуда газетѣ взять новинокъ, да притомъ еще такихъ, чтобы конкуренты пришли въ отчаяніе и признали себя побѣжденными?.. Если новостей нѣтъ, ихъ надо создавать... И вотъ, въ то время, какъ прежде газета только описывала совершавшіяся событія, теперь она вызываетъ, создаетъ ихъ, съ единственною цѣлью—дать интересный матеріалъ для описаній. Англійской прессѣ указала дорогу въ этомъ отношеніи пресса американская: «New-York Herald» отправила въ Африку Стэнли на поиски Ливингстона. Едва только смѣлый путешественникъ возвѣстилъ цивилизованному міру о счастливомъ исходѣ своей экспедиціи и приступилъ въ своей газетѣ къ разсказу о своихъ похожденіяхъ, какъ лондонская «Daily Telegraph» тотчасъ-же поспѣшила войти въ сношеніе съ «New-York Herald», съ цѣлью снарядить, на общія средства, новую подобную-же экспедицію. Вѣсть объ этомъ замыслѣ успѣла уже получить широкую огласку, какъ вдругъ между вступившими въ союзъ англійскою и американскою газетами начались несогласія и раздоры, вслѣдствіе которыхъ предпріятіе и не состоялось. Тогда, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь, чтобы предупредить непріятные разговоры и комментаріи на тему: «надѣлала синица славы, а моря не зажгла»,—«Daily Telegraph» тотчасъ же отправила одного молодаго археолога, Джорджа Смита... въ Месопотамію. Экспедиція эта увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ для предпріимчивой газеты: молодой ученый добылъ много въ высокой степени интересныхъ документовъ, между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ знаменитая легенда о потопѣ, написанная ассирійскими письменами. «Daily Telegraph», благодаря обстоятельнымъ и чрезвычайно живо написаннымъ корреспонденціямъ Смита объ его путешествіи и изысканіяхъ, привлекла къ себѣ массы читателей, подняла и упрочила свою репутацію, чего ей *только и было нужно*... Афера, однимъ словомъ, удалась вполнѣ...

Успѣхъ «Daily Telegraph» породилъ, конечно, подражателей. Дру-

пенсовыя газеты стали изъ кожи лѣзть вонъ, чтобы только перещеголять другъ друга по части интересныхъ новинокъ,—и Аллахъ одинъ вѣдаетъ, до чего бы въ концѣ концовъ довело ихъ соперничество, еслибы въ самый разгаръ увлеченія всевозможными репортерскими предпріятіями не случилось одного маленькаго обстоятельства, значительно охладившаго предпринимательскій пылъ editor'овъ. Двѣ газеты наняли пароходъ *Пандору*, для сопровожденія арктической экспедиціи капитана Нерса, и предоставили его въ распоряженіе извѣстнаго корреспондента, Макъ-Гахана, который долженъ былъ доставлять въ редакціи союзныхъ газетъ свои сообщенія объ экспедиціи. Все, казалось, было предусмотрѣно для того, чтобы обезпечить за этими газетами, такъ сказать, монополію на упомянутыя сообщенія. Макъ-Гаханъ, положившись на принятыя въ этомъ смыслѣ предосторожности, ограничился тѣмъ, что акуратно велъ журналъ своего путешествія, предполагая опубликовать его по возвращеніи. Представьте-же себѣ его негодованіе и ужасъ, когда, вернувшись изъ плаванія, онъ узналъ, что все наиболѣе интересное, о чемъ онъ имѣлъ разсказать, уже опубликовано въ одной изъ непричастныхъ къ экспедиціи газетъ и что изъ этой же газеты editor'ы, тратившіеся на снаряженіе *Пандоры*, оказались вынужденными *перепечатывать* то, что они имѣли право считать своею неотъемлемою собственностью!.. Впослѣдствіи обнаружилось, что на *Пандору*, подъ видомъ матроса, забрался другой корреспондентъ, который и пользовался на пути всякимъ случаемъ, чтобы доставлять въ свою газету свѣдѣнія о *чужой* экспедиціи... Исторія эта немало насмѣшила англійскую публику и положила конецъ маніи исканія приключеній, года три или четыре свирѣпствовавшей въ мірѣ англійскихъ газетъ... Снаряженіе отдаленныхъ экспедицій прекратилось, но погоня за новостями осталась. И сколько-же находчивости, остроумія, смѣлости, самоотверженія и, конечно, денегъ тратилось и тратится газетами и репортерами на то, чтобы раньше другихъ собратій опубликовать ту или другую новость!.. Тамъ посылаютъ спеціальный поѣздъ или пароходъ на встрѣчу какому нибудь юнгѣ, который удачно спасся отъ произведшаго сенсацію кораблекрушенія,—чтобы изъ устъ его немедленно получить интересныя подробности... Тутъ репортеръ силою врывается въ шахту, въ которой только что произошелъ взрывъ,—съ цѣлью опередить другихъ въ описаніи несчастія... Здѣсь репортеры пускаются вплавь къ быстро идущему пароходу и буквально берутъ его приступомъ, чтобы поскорѣе переговорить или разспросить какого нибудь интереснаго пассажира... Разъ одна газета, во время совершающагося каждый годъ состязанія гребцовъ оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ, отправила вслѣдъ за студенческими лодками спеціальный пароходъ, который, по мѣрѣ своего движенія по Темзѣ, разматывалъ и опускалъ на дно маленькій телеграфный кабель, конецъ котораго находился въ редакціи. Благодаря такому ухищренію, газета *имѣла возможность слѣдить* за перипетіями гонки изъ минутыми въ нутку и пуб-

ликовать, въ цѣломъ рядѣ бюллетеней, результаты на *четверть часа* (!) раньше другихъ газетъ... А вотъ другой оригинальный подвигъ на поприщѣ репортерства. Дѣло касается упомянутой уже нами выше «Daily News» и корреспондента ея, Форбса. Такъ какъ между гвинейскимъ берегомъ Африки и Великобританіею подводнаго телеграфнаго сообщенія не существуетъ, то во время войны съ ашантіями газеты должны были довольствоваться кабелемъ, проложеннымъ до Мадеры, откуда депеши и шли черезъ Лиссабонъ и Парижъ. На Мадерѣ поэтому и засѣли агенты различныхъ редакцій, заинтересованные въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе получать и передавать по телеграфу сообщенія спеціальныхъ военныхъ корреспондентовъ, посылавшихъ изъ Гвинеи на Мадеру свои письма съ почтовыми пароходами. Но на Мадерѣ въ это время,—чуть-ли не по поводу холеры,—устроенъ былъ карантинъ, и всѣ письма вручались адресатамъ не иначе, какъ послѣ процедуры обкуриванія. Время, тратившееся на эту процедуру, казалось цѣлою вѣчностью для сгоравшихъ отъ нетерпѣнія агентовъ. Въ то время, какъ большая часть этихъ послѣднихъ разражалась только безплодными проклятіями, представитель «Daily News», за приличное вознагражденіе, уговорилъ карантиннаго чиновника тотчасъ-же по полученіи распечатывать приходящія на его имя письма и выставлять ихъ раскрытыми у оконнаго стекла обкурительной комнаты. Благодаря такому остроумному маневру, письма Форбса и на этотъ разъ могли появляться на столбцахъ «Daily News» раньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ газетахъ.

Съ общей точки зрѣнія, всѣ такія, иногда очень дорого стоющія ухищренія не имѣютъ, конечно, серьезнаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, не все-ли равно для прогресса, часомъ раньше или позже дойдетъ до публики та или другая, зачастую вовсе не особенно важная, новость!?.. Но для editor'овъ это оказывается не все равно. «It pays well», это хорошо оплачивается,—говорятъ они. И дѣйствительно, благодаря вышеупомянутымъ пріемамъ, продажа идетъ живѣе, тиражъ экземпляровъ газеты сильно увеличивается. Достаточно будетъ отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что общій тиражъ трехъ газетъ—«Daily News», «Daily Telegraph» и «Standard», не останавливающихся передъ расходами на всевозможные кунстштюки и приманки, превышаетъ въ обыкновенное время милліонъ экземпляровъ въ день!..

Три сейчасъ упомянутыя большія газеты, да еще «Times», почти однѣ только и встрѣчаются въ утренней продажѣ въ Лондонѣ; имъ принадлежитъ монополія на газетномъ рынкѣ. Въ результатѣ этой монополіи получается то, что въ столицѣ Великобританіи почти невозможно основаніе новой большой ежедневной газеты. Регулярно черезъ каждыя пять-шесть лѣтъ, здѣсь возникаетъ компанія, съ основнымъ капиталомъ въ нѣсколько милліоновъ, и пробуетъ создать такую газету; *но всѣ попытки* кончаются обыкновенно банкротствомъ. Могущество занявшихъ позицію органовъ такъ велико, публика до такой степени къ нимъ при-

выкла, съ существованіемъ ихъ связано столько интересовъ и традицій, что конкуренція съ ними представляется совершенно безнадежною... Такая концентрація ежедневной печати въ немногихъ рукахъ, которыя къ тому же далеко не всегда бываютъ чистыми, дѣйствуетъ обыкновенно развращающимъ образомъ на общественное мнѣніе, складывающееся въ подобныхъ случаяхъ такъ, какъ это угодно и выгодно для горсти газетныхъ финансистовъ-предпринимателей. Въ Англіи, однако же, этой опасности почти не существуетъ. Дѣло въ томъ, что каждый пользующійся популярностью органъ англійской печати имѣетъ весьма обширную и, главное, весьма разнообразную кліентуру; чтобы удержать ее за собою, газета должна угождать всѣмъ; а при такихъ условіяхъ проведеніе личныхъ взглядовъ, видовъ и тенденцій становится дѣломъ по меньшей мѣрѣ неудобнымъ, и editor'у, разъ онъ не желаетъ растерять покупателей, волей-неволей приходится быть по возможности безпристрастнымъ, стоять внѣ партій, держаться болѣе или менѣе строгаго нейтралитета по отношенію къ политическимъ, общественнымъ и всякимъ инымъ вопросамъ. Къ этому нейтралитету или, вѣрнѣе, безличности обязываетъ editor'овъ и самый характеръ читателей, къ какому-бы классу общества, къ какой бы партіи эти читатели ни принадлежали. Обыкновенный англійскій читатель вовсе не нуждается въ томъ, чтобы газета внушала ему тѣ или другія идеи, взгляды и симпатіи; ему нужны только факты, точныя свѣдѣнія и вѣрныя сообщенія, выводы изъ которыхъ онъ дѣлаетъ уже самъ. Крайне непріятно поразилъ бы его, напр., парламентскій отчетъ, въ которомъ репортеръ вздумалъ-бы изобразить картину засѣданія въ палатѣ общинъ по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и ощущеніямъ. Ему интересно знать совсѣмъ не то, что̀ думаетъ или чувствуетъ по тому или другому поводу тотъ или другой газетчикъ, а то, что̀ и какъ дѣйствительно происходило. Не личныхъ взглядовъ, тенденцій и коментарій, а фактовъ, подлинныхъ документовъ, совершенно объективнаго изображенія текущей жизни требуетъ публика отъ своихъ газетъ, которыя и подчиняются этому требованію, щеголяя другъ передъ другомъ точностью, свѣжестью, полнотою и обиліемъ доставляемыхъ читателю свѣдѣній, и оставляя про себя свои собственные взгляды и симпатіи... Сказанное, впрочемъ, вовсе не означаетъ того, что англійскія газеты совсѣмъ ужь не имѣютъ никакой физіономіи. Нѣтъ, мы знаемъ, напр., что «Standard»—корсерватиненъ, «Daily News»—либераленъ, «Telegraph»—консервативно-либераленъ, а «Times»— либерально-консерватиненъ; но знаемъ также и то, что собственныя тенденціи газетъ высказываются только съ крайнею осторожностью и сдержанностью, да и то не иначе, какъ при удобномъ случаѣ, въ рамкахъ той или другой «leading article»... Весь-же остальной текстъ, на которомъ почти исключительно и сосредоточивается все вниманіе читателя, носитъ одинаково объективный характеръ въ любой газетѣ...

Сдѣланная нами характеристика относится главнѣйшимъ образомъ къ *большимъ утреннимъ газетамъ*. Вечернія газеты, каковы напр. «Globe», «Pall-

Mall Gasette», «Echo» и др., по объему значительно меньше; всевозможные отчеты, документы, рѣчи и т. д. въ нихъ приводятся обыкновенно только въ сокращенномъ видѣ, но зато съ бо̀льшею страстностью обсуждаются вопросы дня, бо̀льшій просторъ дается партіонному духу... Обобщать же отдѣльные факты и явленія, истолковывать ихъ, представлять въ томъ или другомъ свѣтѣ, дѣлать на основаніи ихъ выводы и заключенія, проводить ту или другую тенденцію—составляетъ по преимуществу задачу недѣльныхъ органовъ («Spectator», «Examiner», «Saturday Review» и др.) Они подводятъ итоги пережитому, передуманному и перечувствованному за недѣлю; черезъ посредство ихъ выражается общественное мнѣніе. Составляются они въ большинствѣ случаевъ очень живо и интересно, и даютъ достаточный матеріалъ для чтенія и размышленія въ безконечно-длинный день воскреснаго затишья. Если мы прибавимъ къ сказанному, что рабочій классъ и мелкая буржуазія читаютъ почти исключительно одни только недѣльныя изданія, въ которыхъ резюмируются и освѣщаются для нихъ наиболѣе выдающіяся событія недѣли («Reynold's Newspaper», «Lloyd's», «Weekly Dispatch» и др.), то для всякаго станетъ понятно, почему политическое вліяніе принадлежитъ въ Великобританіи недѣльнымъ органамъ, а не большимъ ежедневнымъ газетамъ.

Дальнѣйшую литературную инстанцію, въ которой, такъ сказать, пересматриваются, а въ случаѣ нужды и перерѣшаются резолюціи еженедѣльной прессы, представляютъ собою большія «обозрѣнія», по нашему, «толстые» журналы,—«Contemporary Review», «Fortnightly Review», «Westminster Review», «Nineteenth Century», появляющіеся ежемѣсячно, составляемые при участіи лучшихъ литературныхъ силъ страны и занимающіеся почти исключительно политическими и экономическими вопросами. Первое изъ упомянутыхъ «обозрѣній» имѣетъ либеральный характеръ,—въ немъ, между прочимъ, постоянно сотрудничаетъ Гладстонъ; второе—служитъ органомъ научнаго радикализма; третье—принадлежитъ торіямъ; четвертое же—отличается крайне безразличнымъ отношеніемъ къ партіямъ и лагерямъ, помѣщая, напр., рядомъ со статьями кардинала Маннинга о «непорочномъ зачатіи», этюды Гёксли о «протоплазмѣ»... За мѣсячными изданіями слѣдуютъ, наконецъ, трехмѣсячныя «обозрѣнія»,—«Edinburgh Review» и «Quarterly Review». Это самые почтенные, авторитетные и уважаемые органы англійской періодической печати.

Столичная англійская пресса, располагающая громадными средствами и достигшая грандіознаго развитія, представляетъ собою страшную силу; но, тѣмъ не менѣе, она совсѣмъ не подавляетъ прессы провинціальной, которая въ Англіи находится въ цвѣтущемъ состояніи. Самый ничтожный городишко имѣетъ здѣсь свой собственный печатный органъ, иногда даже нѣсколько, поставленныхъ на *довольно широкую* ногу, отличающихся обиліемъ сообщеній и массою мѣстныхъ *объявленій*. Между провинціальными изданіями можно насчитать не менѣе трети

тырехъ десятковъ такихъ газетъ, которыя, по обилію, разнообразію, оригинальности и свѣжести сообщеній, рѣшительно не уступаютъ лондонскимъ. Таковы напр. «Manchester Guardian», «Leeds Mercury», бирмингамская Post» и др., имѣющія своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Мадридѣ, Константинополѣ, Нью-Іоркѣ и т. д. и чрезвычайно щедро оплачивающія трудъ своихъ лондонскихъ сотрудниковъ. Множество другихъ газетъ съ меньшимъ значеніемъ (лейчестерская «Post», «Liverpool Mercury», эдинбургская «Scotsman», «Glasgow Herald», дублинская «Freeman» и т. д., и т. д.), находятся въ прямомъ сообщеніи, при посредствѣ спеціальныхъ проволокъ, не только со своими лондонскими конторами, но и съ парламентомъ, *полные* отчеты о засѣданіяхъ котораго онѣ печатаютъ почти одновременно съ утренними лондонскими изданіями.

Почтово-телеграфная администрація дѣлаетъ все возможное, чтобы обезпечить легкость и быстроту сообщеній для провинціальной прессы. На всемъ пространствѣ Соединеннаго Королевства любая газета можетъ пользоваться спеціальною телеграфною проволокою за 40 ф. ст. (около 400 р.) въ мѣсяцъ, на общихъ же телеграфныхъ линіяхъ для газетъ существуетъ особенная, чрезвычайно низкая такса; такъ, газетная телеграмма въ 100 словъ оплачивается всего только 50 копѣйками... При такихъ крайне выгодныхъ условіяхъ, провинціальной прессѣ можно и не бояться соперничества со столичною. И дѣйствительно, разъ тотъ или другой городъ находится на разстояніи 5—6 часовъ ѣзды отъ Лондона, издающіяся въ немъ газеты смѣло вступаютъ въ борьбу съ лондонскими «левіафанами» и нерѣдко выходятъ побѣдителями... Нужно, впрочемъ, замѣтить, что борьба эта ведется иногда и несовсѣмъ чисто, но... à la guerre comme à la guerre... Вотъ примѣръ. Ежедневный тиражъ «Times'a», «Daily News'a», «Telegraph'a» и «Standard'a», какъ мы знаемъ уже, чрезвычайно великъ; не менѣе велика и территорія Лондона съ ближайшими окрестностями. Для того, чтобы успѣть отпечатать требуемое количество экземпляровъ и къ 5—6 часамъ утра разослать ихъ въ безчисленныя бюро для продажи, упомянутыя газеты вынуждены начинать печатаніе номера въ 2—3 часа ночи. Этимъ обстоятельствомъ, года три тому назадъ, и вздумали воспользоваться нѣкоторыя провинціальныя изданія. Какъ только первые экземпляры лондонскихъ номеровъ выходили изъ-подъ станка, провинціальныя редакціи, при помощи спеціальныхъ проволокъ и ревностныхъ агентовъ, исчерпывали содержаніе этихъ номеровъ и въ своихъ утреннихъ изданіяхъ давали читателямъ не только новости, добытыя собственными средствами, но также и все мало-мальски интересное, что въ тотъ-же самый моментъ еще только печаталось въ столичныхъ типографіяхъ, такъ что, когда свѣжіе номера «левіафановъ» прилетали въ провинцію съ экстренными поѣздами, провинціальная публика уже не нуждалась въ нихъ. Подрывъ для лондонскихъ газетъ оказался весьма чувствительный. Чтобы «взорвать» своихъ без-

церемонныхъ и не особенно совѣстливыхъ конкурентовъ, «левіафаны» вошли между собою въ соглашеніе и стали сообща посылать изъ Лондона, въ три часа ночи, спеціальные поѣзды съ первыми тысячами вышедшихъ изъ-подъ пресса нумеровъ. Сырые листы, съ непросохшею еще краскою, кипами бросаются въ вагоны,—и поѣзды мчатся. Складка номеровъ совершается, съ лихорадочною быстротою, уже на ходу. Поѣзды не останавливаются на станціяхъ: предназначаемыя для послѣднихъ связки просто на просто выкидываются на платформы... При такой системѣ оказалось возможнымъ пускать лондонскія изданія въ продажу въ Бирмингамѣ, Манчестерѣ, Бредфордѣ и т. д. въ тотъ-же самый часъ, какъ и въ лондонскихъ предмѣстьяхъ, и почти одновременно съ мѣстными газетами... Чтобы покончить рѣчь о провинціальной прессѣ, мы замѣтимъ, что по обилію литературныхъ силъ и талантливости веденія, она ни въ чемъ не уступаетъ прессѣ столичной; нерѣдко даже пальма первенства остается за провинціальными органами...

Кромѣ столичныхъ и провинціальныхъ органовъ печати, въ Англіи существуютъ еще такіе органы, которыхъ не найдется ни въ какой другой странѣ. Мы говоримъ о газетахъ, служащихъ спеціальными органами того или другаго городскаго предмѣстья, участка, той или другой группы улицъ. Таковы, напр., въ Лондонѣ «South Kensington News», «Southwark Weekly» и др. Въ столицѣ Великобританіи такихъ изданій насчитывается свыше 60. Занимаются они мѣстными вопросами (школы, мѣстное городское хозяйство и пр.), принимаютъ живое участіе въ избирательныхъ агитаціяхъ, служатъ посредниками между мѣстнымъ спросомъ и предложеніемъ и т. д. Бо́льшая часть изъ нихъ выходитъ разъ въ недѣлю, другіе чаще, наиболѣе же процвѣтающіе—даже ежедневно. Расходятся всѣ они очень бойко.

Въ Лондонѣ издается въ настоящее время 364 газеты (изъ нихъ болѣе 50 посвящено церковно-религіознымъ дѣламъ и вопросамъ); въ городахъ-же собственно Англіи—1,065; затѣмъ, Шотландія имѣетъ 172 газеты, Ирландія—149, княжество Валлійское—65 и мелкіе острова—20. Слѣдовательно, на всю Великобританію приходится 1,835 періодическихъ изданій, не считая упомянутыхъ выше „обозрѣній“ и такъ называемыхъ „магазиновъ“, которыхъ имѣется больше сотни. „Магазинъ“—это нѣчто среднее между „обозрѣніемъ“ (нашимъ журналомъ) и газетою. Выходитъ онъ ежемѣсячно и стоитъ всего только около шиллинга (около 30 коп.) за номеръ, тогда какъ номеръ „обозрѣнія“ продается за 2—6 шиллинговъ. Такъ какъ постоянная подписка на періодическія изданія въ Англіи не въ обычаѣ, то „магазины“, какъ и „обозрѣнія“ и газеты, живутъ почти исключительно розничною продажею. Наполняются они естественно-научными, критическими и экономическими статьями: въ нихъ-же обыкновенно печатаются, *до выхода* въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, романы, повѣсти и разсказы *наиболѣе популярныхъ* авторовъ. Лучшими изъ англійскихъ „магазиновъ“ сч-

таются: „Blacwood's Magazine“, „Fraser's Time“, „Cornhill“, „Macmillan's“, „Temple Bar“, „Tingsley's“, „Belgravia“.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о положеніи англійскаго журналиста. Журнализмъ пустилъ очень глубокіе корни во всѣхъ слояхъ и классахъ англійскаго общества. Помимо профессіональныхъ тружениковъ періодической печати, въ газеты и обозрѣнія здѣсь пишетъ чуть не каждый, имѣющій что либо сказать своимъ согражданамъ и умѣющій изложить свои мысли въ литературной формѣ, — пишетъ съ тѣмъ бо̀льшею свободою, что статьи здѣсь почти всегда анонимны,—можно, значитъ, обойтись и безъ публичной выставки своего имени. Журналистикѣ обыкновенно посвящаетъ свои досуги и депутатъ, и государственный человѣкъ; ей-же отдаетъ свои силы и начинающій адвокатъ, и докторъ безъ практики, и сидящій въ своемъ имѣніи помѣщикъ, country gentleman... Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что съ журнальнаго поприща начинаютъ всѣ англійскіе общественные дѣятели, изъ какой-бы сферы мы ихъ ни взяли; такъ, маркизъ Салисбюри долго работалъ для Quarterly Review, прежде чѣмъ выступилъ на политическую арену; то же самое слѣдуетъ сказать и о Дизраэли, Гладстонѣ, Брайтѣ и др.; извѣстно, что Диккенсъ дебютировалъ въ качествѣ газетнаго репортера, и т. д., и т. д. Но читатель сильно ошибется, если предположитъ, что журналистика служитъ здѣсь средствомъ для того, чтобы пріобрѣсти популярность, выдвинуться впередъ, завоевать общественное положеніе и достичь «степеней извѣстныхъ». Англія въ этомъ отношеніи совершенно не похожа на Францію, гдѣ редакція служитъ обыкновенно ступенькою для перехода на депутатскую скамью или на министерское кресло. Журналистика въ Англіи является скорѣе школою для дѣятелей, чѣмъ лѣстницею для честолюбцевъ и карьеристовъ. Она здѣсь не ведетъ ни къ чему, не даетъ ничего, кромѣ литературнаго гонорара, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Благодаря господству анонима, пріобрѣсти себѣ извѣстность перомъ—дѣло невозможное;—въ большинствѣ случаевъ, имена самыхъ талантливыхъ, самыхъ выдающихся дѣятелей англійской прессы остаются для публики подъ спудомъ, будучи извѣстны только въ кабинетахъ редакцій. Это съ одной стороны, а съ другой, еслибы имена пишущихъ и не составляли для читателей тайны, то для авторовъ толку изъ этого все-таки было-бы мало. Дѣло въ томъ, что званіе журналиста не имѣетъ здѣсь ни малѣйшаго престижа. Англичанину никогда и въ голову не придетъ отдавать предпочтеніе литературному работнику передъ какимъ-бы то ни было другимъ работникомъ, булочникомъ, машинистомъ, торговымъ агентомъ и т. д. Писательство, въ его глазахъ, совершенно такое-же ремесло, какъ и всѣ другія ремесла, и, въ качествѣ такового, не имѣетъ никакихъ правъ на преимущественное вниманіе. Оказывается *такимъ образомъ, что съ перомъ* въ рукахъ здѣсь далеко не уѣдешь...

Мало того, журнально-литературный трудъ здѣсь и оплачивается-то, сравнительно, очень дурно. Отчасти это обстоятельство обусловливается перевѣсомъ предложенія надъ спросомъ; отчасти-же зависитъ и отъ того, что журнальное дѣло здѣсь представляетъ монополію капитала и ведется на строгихъ комерческихъ началахъ,—а бережливость въ комерціи, какъ извѣстно, первое дѣло. «Хозяева» здѣшнихъ журнальныхъ лавочекъ (вѣрнѣе было-бы сказать—базаровъ), ежели нужно, готовы жертвовать десятки тысячъ фунтовъ стерлинговъ на рекламы, могущія расширить кругъ ихъ читателей и способствующія сбыту товара, но зато сильно экономничаютъ на гонорарѣ своимъ сотрудникамъ. Правда, талантливому и бойкому журналисту не особенно трудно заработать въ годъ около тысячи фунтовъ стерлинговъ, безъ которыхъ, особенно съ семьей, положительно невозможно жить въ Лондонѣ мало-мальски порядочно; но, во-первыхъ, эта тысяча для большинства аспирантовъ пребываетъ въ области мечты, а во-вторыхъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, т. е. при одинаковыхъ способностяхъ и энергіи, гонораръ на другихъ поприщахъ (медицинскомъ, адвокатскомъ, инженерномъ и т. д.) вдвое, втрое и даже вчетверо выше, чѣмъ на журнальномъ, которое такимъ образомъ оказывается поприщемъ довольно неблагодарнымъ. Щедро оплачивается только трудъ главныхъ редакторовъ да знаменитыхъ корреспондентовъ; весьже остальной персоналъ редакцій получаетъ болѣе чѣмъ скромное, по англійскимъ нормамъ, вознагражденіе. Такъ, за страницу «обозрѣнія» автору платятъ обыкновенно $^1/_2$—1 ф. ст. (5—10 р.), а за длинную колонну въ большой газетѣ 1—3 ф. ст. (20—30 р.)... Въ особенности недостаточно содержаніе спеціальныхъ редакторовъ, т. е. завѣдующихъ различными отдѣлами въ газетѣ, хотя въ большинствѣ случаевъ редакторы эти являются настоящими мастерами своего дѣла. За свой тяжелый трудъ, почти всегда ночной, они получаютъ 5—6, а иногда даже и 3—4 ф. ст. въ недѣлю...

Единственная статья, относительно которой «хозяева» газетъ никогда не скупятся, это экскурсіи извѣстныхъ корреспондентовъ на мѣста военныхъ дѣйствій, въ отдаленныя, мало изслѣдованныя страны и т. д. Такіе корреспонденты уполномочиваются обыкновенно тратить столько, сколько имъ заблагоразсудится, получаютъ чисто-министерскіе оклады, да, кромѣ того, сплошь и рядомъ, — если хозяева остаются довольны результатами, — поощряются сверхсмѣтными чеками на тысячи фунтовъ... Но если такіе счастливцы, — а ихъ, конечно, очень мало,—много получаютъ, то зато съ нихъ немало и требуется. Упомянутый, напримѣръ, выше Арчибальдъ Форбсъ ежеминутно обязанъ находиться въ полномъ распоряженіи своего принципала. Въ кабинетѣ его, соединенномъ телефономъ съ редакціею «Daily News», всегда находятся *на готовѣ*: дорожная одежда,—зимняя, для холодныхъ странъ, и *лѣтняя, для тропиковъ*,—оружіе, сѣдла, полный золотомъ кошелекъ, паспорты

и кредитивы на всѣ банки... Черезъ какой-нибудь часъ по полученіи инструкціи, онъ уже мчится въ Индію, въ Занзибаръ, въ Россію, подвергаясь иногда тысячѣ опасностей, рискуя своею головою, не зная отдыха и покоя, всецѣло поглощенный только одною мыслью: все видѣть, все описать... По труду и вознагражденіе!..

На этомъ мы и покончимъ рѣчь объ англійской печати, такимъ пышнымъ цвѣтомъ распустившейся на почвѣ безграничной свободы слова и такъ могущественно содѣйствующей дѣлу прогресса.

И. Денисовъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Отношеніе русскаго общества къ комисіи для составленія проэктовъ мѣстнаго управленія въ моментъ ея учрежденія и черезъ годъ послѣ этого.—«Намѣтки» и законопроэкть мѣстнаго управленія.—Необходимыя условія для успѣшной выработки законопроэктовъ этого рода.—Значеніе дореформеннаго состоянія окраинъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи и необходимость переустройства управленія по всей территоріи государства.—Совмѣстительство государственной службы съ частными занятіями въ финансово-промышленныхъ предпріятіяхъ.—Значеніе и послѣдствія этого совмѣстительства.—Желѣзнодорожное дѣло вообще и „главное общество желѣзныхъ дорогъ“ въ частности. — Мнимыя и дѣйствительныя причины катастрофы 13-го мая и истинные ея виновники.—Петербургскій водопроводъ, какъ неудачное переиначиваніе водовозной системы.—Назидательная исторія замѣны обязательныхъ центральныхъ фильтровъ никуда негодными цистернами.—Безуспѣшная борьба старой думы съ водопроводчиками.—Отношеніе къ водопроводному дѣлу новой думы.—Отступленія отъ основнаго водопроводнаго закона въ пользу водопроводчиковъ и во вредъ столичному населенію.—Судебный процессъ между городомъ и водопроводчиками.—Двойственный характеръ въ рѣшеніи суда по этому предмету.—Слухи объ іудахъ-предателяхъ и нѣсколько заключительныхъ словъ по поводу предательства и совмѣстительства.

Въ 1881 году, когда только-что было опубликовано правительственное сообщеніе объ учрежденіи особой комисіи для выработки проэктовъ мѣстнаго управленія,—извѣстіе это было принято съ самымъ живымъ сочувствіемъ и въ печати, и въ обществѣ. Оно и понятно. Нынѣшнее состояніе мѣстнаго управленія—это одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и застарѣлыхъ недуговъ нашей внутренней жизни. Все, начиная съ застоя внутренней нашей производительности и промышленности, и кончая низкимъ уровнемъ народной нравственности,—все это обусловливается, прежде всего и главнымъ образомъ, отсутствіемъ на мѣстѣ, въ жизни, органа правительственной власти, облеченнаго всѣми необходимыми полномочіями для того, чтобы доглядѣть за всѣми мѣстными нуждами и своевременно удовлетворить ихъ, оградить интересы всѣхъ слоевъ и классовъ населенія, вызвать общественный *починъ и самодѣятельность*. Какъ бы ни были высоки и честны *порывы мѣстныхъ* дѣятелей (административныхъ и общественныхъ), но

даже и при условіи самыхъ энергическихъ усилій съ ихъ стороны, не можетъ быть внесено никакихъ существенныхъ улучшеній въ дѣлѣ удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Вотъ поэтому-то вѣсть о томъ, что само правительство ставитъ на очередь вопросъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія, вызвала столько добрыхъ надеждъ и пожеланій.

Почти черезъ годъ послѣ учрежденія комисіи, былъ опубликованъ планъ ея занятій по составленію проэктовъ мѣстнаго управленія. Этотъ документъ вызвалъ, можно сказать, всеобщее недоумѣніе. По смыслу этого плана, оказывалось, что задачу комисіи составляетъ не выработка проэктовъ мѣстнаго управленія, а какая-то отвлеченная, полу-научная разработка проблеммы о мѣстномъ управленіи причемъ, однако, не тронутымъ оставался основной и самый существенный вопросъ, какого направленія должна держаться комисія въ этой работѣ,—т. е. въ какихъ размѣрахъ она должна касаться вопроса о центральномъ управленіи? Между тѣмъ, разрѣшить вопросъ о мѣстномъ управленіи, вовсе не касаясь управленія центральнаго, совершенно невозможно. Разница въ системахъ государственнаго управленія и взаимномъ отношеніи между центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ сводится къ двумъ типамъ: или правительственная система управленія подъ контролемъ общества, или общественный строй управленія подъ контролемъ правительства. Само собою разумѣется, что у насъ можетъ быть рѣчь лишь о послѣдней системѣ управленія. Но, повторяемъ, что выработка сколько-нибудь цѣльнаго и законченнаго проэкта въ этомъ смыслѣ, охватывающаго всѣ безъ исключенія отрасли мѣстнаго управленія, съ точнымъ установленіемъ предѣловъ его вѣдомства и власти, рѣшительно невозможно, пока не будетъ положительно опредѣлено, останется-ли центральное управленіе безъ измѣненія, или въ немъ тоже должна произойти перемѣна, и если должна, то какая именно.

Такимъ образомъ, „недоумѣніе“ общества, по поводу плана занятій комисіи, имѣетъ весьма существенное основаніе и, къ сожалѣнію, вполнѣ оправдалось. Можно не сомнѣваться, что комисія работала вполнѣ добросовѣстно и съ самыми чистыми намѣреніями, но,—какъ видно изъ „правительственнаго сообщенія“, опубликованнаго въ началѣ мая,—«сводъ положеній (комисіи) не имѣетъ въ виду представить окончательно выработаннаго законопроэкта. И по существу, и по формѣ, сдѣланныя *наметки* требуютъ дальнѣйшей разработки и, главное, провѣрки со стороны практической ихъ *примѣнимости*». *Но, по словамъ* того же „сообщенія“, оказывается, что

эти *намѣтки* „представляютъ систематическое цѣлое, заключающее въ себѣ проэктъ устройства всего мѣстнаго управленія отъ сельскаго общества до губерній включительно, въ порядкѣ, указанномъ въ перечнѣ предметовъ занятій комисіи". Вотъ этотъ-то „порядокъ, указанный въ перечнѣ", и лишилъ комисію возможности представить „окончательно выработанный законопроэктъ", такъ что двухлѣтнія ея усилія сводятся, въ концѣ концовъ, лишь къ „намѣткамъ".

Въ итогѣ получается такой результатъ. Дѣятельность комисіи началась съ того, что ей преподанъ былъ „планъ занятій" для составленія проэктовъ мѣстнаго управленія. Теперь, по прошествіи почти трехъ лѣтъ со времени учрежденія комисіи, оказывается, что имѣется всего на всего лишь „общій планъ преобразованій". Между тѣмъ, еслибы комисіи былъ указанъ *не* „порядокъ предметовъ занятій", а тѣ *принципы*, то *направленіе*, въ которомъ должна вестись разработка вопроса,—дѣятельность комисіи была бы несравненно успѣшнѣе: вмѣсто такой работы, которая „и по формѣ, и по существу" представляетъ лишь „намѣтки", комисія, безъ сомнѣнія, успѣла бы уже выработать настоящій законопроэктъ, притомъ такого характера, что въ этой работѣ могли бы подлежать измѣненію лишь частности, детали, но общее направленіе законопроэкта должно было бы остаться неизмѣннымъ. Теперь же, не смотря на огромный трудъ комисіи, едва ли можно сказать, что есть хоть нѣкоторый успѣхъ въ разрѣшеніи вопроса о мѣстномъ управленіи, хотя бы только въ существѣ дѣла.

Нынѣ работы комисіи вступаютъ въ нѣсколько новый фазисъ. По истеченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, должно быть приступлено къ составленію *законопроэктовъ*. Какъ сказано въ „правительственномъ сообщеніи",—„въ составъ особой комисіи приглашены нынѣ 15 лицъ изъ числа губернаторовъ, губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ. Приглашеніе „мѣстныхъ дѣятелей" признано необходимымъ въ видахъ „усиленія состава комисіи". Вполнѣ сочувствуя въ принципѣ привлеченію мѣстныхъ дѣятелей, практически знакомыхъ съ недостатками существующаго порядка управленія, къ участію въ выработкѣ законопроэктовъ, притомъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ комисіи, а не съ совѣщательнымъ только голосомъ (т. е. не въ роли „свѣдущихъ людей"), мы думаемъ однако, что число „мѣстныхъ дѣятелей" не вполнѣ отвѣчаетъ обширности размѣровъ *русской территоріи* и разнообразію отдѣльныхъ ея частей, что „при-

глашенныхъ нынѣ 15 лицъ" недостаточно для такого серьезнаго дѣла, какъ выработка законопроэктовъ. Надо полагать, что предстоящее преобразованіе мѣстнаго управленія охватитъ территорію всей вообще русской имперіи. Такъ важно и такъ настоятельно необходимо связать, наконецъ, въ одно государственное цѣлое разрозненныя нынѣ части имперіи,—и достигнуть этого возможно, прежде всего, установленіемъ единства системы управленія во всѣхъ частяхъ русской территоріи, до самыхъ отдаленныхъ ея окраинъ. Оставленіе около девяти десятыхъ русской территоріи въ дореформенномъ состояніи оказывается уже окончательно невозможнымъ для государства, какъ съ матеріальной, такъ и съ нравственной стороны Нужно, напримѣръ, въ той или другой дореформенной части устроить народныя школы, улучшить пути сообщенія,—и это оказывается невозможнымъ, потому что у государственной казны нѣтъ средствъ на это, а отнести расходъ на мѣстныя средства невозможно, въ виду именно дореформеннаго состоянія. Возьмемъ другой фактъ. Старый порядокъ судебнаго устройства и судопроизводства оказывается рѣшительно непригоднымъ для жизни и повсемѣстно, гдѣ онъ, къ несчастію, продолжаетъ еще дѣйствовать до сихъ поръ, чувствуется настоятельнѣйшая необходимость безотлагательной замѣны его новыми установленіями, на основаніи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года. Но и это опять таки оказывается невозможнымъ, именно въ виду дореформеннаго состоянія тѣхъ мѣстностей, гдѣ дѣйствуютъ старые суды. Невозможно произвести даже такого незначительнаго улучшенія, какъ замѣна старинныхъ уѣздныхъ судовъ мировымъ судебнымъ институтомъ, потому что у государства нѣтъ на это средствъ; отнести же расходъ на мѣстныя средства не представляется возможности, вслѣдствіе отсутствія здѣсь земскаго общественнаго управленія.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, мы едва-ли ошибемся, предположивъ, что, при составленіи проэктовъ мѣстнаго управленія, будетъ имѣться въ виду не одна какая либо часть Россіи, а вся обширная наша имперія, отъ края до края. При этомъ же условіи, „усиленіе состава комисіи" только 15-ю лицами изъ мѣстныхъ дѣятелей положительно недостаточно. Первая и существеннѣйшая задача комисіи, при составленіи проэктовъ мѣстнаго управленія, заключается въ томъ, чтобы избѣжать той регламентаціи, которая можетъ идти въ разрѣзъ съ обстоятельствами и условіями жизни въ разныхъ мѣстностяхъ. Этимъ недостаткомъ отличаются всѣ узаконенія, относящіяся къ *основнымъ реформамъ*—крестьянской, земской и городской.

Недостатокъ этотъ—плодъ замкнутой, кабинетной работы, естественное и неизбѣжное послѣдствіе отсутствія голоса и указаній съ мѣста, непосредственно изъ жизни. Этотъ-то именно недостатокъ, вполнѣ предусмотрительно, и предполагается устранить теперь привлеченіемъ въ комисію мѣстныхъ дѣятелей. Но для того, чтобы эта благая цѣль была вполнѣ достигнута, необходимо имѣть въ составѣ комисіи представителей не только изъ земскихъ губерній, но и изъ дореформенныхъ ея частей, не исключая и дальнихъ окраинъ, притомъ такъ, чтобы каждая мѣстность, отличающаяся какими бы то ни было характерными особенностями, какъ въ отношеніи состава населенія и строя мѣстнаго управленія, (напримѣръ, въ казачьихъ округахъ и такъ называемыхъ „степныхъ губерніяхъ", съ военными губернаторами), такъ и въ отношеніи условій промышленности, имѣла своего представителя. При этомъ, численность мѣстныхъ дѣятелей въ составѣ комисіи неизбѣжно должна увеличиться въ нѣсколько разъ противъ приглашенныхъ нынѣ 15-ти лицъ.

Обращаясь къ составу лицъ, привлекаемыхъ къ трудамъ комисіи въ видахъ выработки законопроэкта мѣстнаго управленія, намъ кажется, что участіе губернаторовъ въ этомъ дѣлѣ излишне, потому что едва-ли не большинство членовъ особой комисіи, сравнительно, недавно были мѣстными администраторами и, безъ сомнѣнія, хорошо знакомы съ порядками управленія и тѣми условіями, которыя вызываютъ необходимость его переустройства. Участіе губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства необходимо лишь въ отношеніи дореформенныхъ губерній, откуда не лишне было бы пригласить также и городскихъ головъ; что же касается земскихъ губерній, то здѣсь справедливымъ представляется приглашеніе только губернскихъ и уѣздныхъ предсѣдателей управъ, какъ общественныхъ представителей.

Высказавъ свой взглядъ по поводу новаго фазиса, въ который вступаетъ дѣятельность особой комисіи по переустройству мѣстнаго управленія, намъ остается опять напомнить, что и новый фазисъ не приведетъ ни къ какому плодотворному результату, при отсутствіи принциповъ, которые должны быть положены въ основу законопроэкта. Между тѣмъ государственная важность этого дѣла не подлежитъ никакому сомнѣнію, о чемъ уже многократно говорилось въ нашемъ журналѣ.

Рѣшительно невозможно указать ни одну сторону жизни, на *которой бы не* отражались у насъ, въ той или другой формѣ, *недостатки управленія*. Вотъ, напримѣръ, очень важный вопросъ о че-

совмѣстительствѣ государственной службы съ занятіями должностей въ частныхъ общественныхъ и кредитныхъ установленіяхъ. На какой почвѣ развилось это одновременное занятіе службой и частными дѣлами, какъ не на отсутствіи должнаго контроля за служащими людьми, на недостаткахъ организаціи и постановки управленія? — Совмѣстительство государственной службы съ служеніемъ частнымъ интересамъ приняло такіе гомерическіе размѣры, что потребовалось вмѣшательство правительственной власти, явилась необходимость въ спеціальномъ законодательствѣ, чтобы положить предѣлъ дальнѣйшему развитію этого зла. Въ настоящее время, уже «преподаны указанія» относительно несовмѣстительства нѣкоторыхъ высшихъ званій и должностей съ занятіями въ правленіяхъ и совѣтахъ акціонерныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и кредитныхъ обществъ и товариществъ, а также и съ участіемъ въ учрежденіи названныхъ обществъ. По газетнымъ слухамъ, въ настоящее время окончательно и безусловно воспрещено занимать какія бы то ни было должности по частной службѣ министрамъ и ихъ товарищамъ, членамъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарямъ, сенаторамъ, почетнымъ опекунамъ и лицамъ свиты государя императора (т. е. генералъ-адъютантамъ, генералъ-маіорамъ и флигель-адъютантамъ). Затѣмъ, остается еще выработать въ законодательномъ порядкѣ проэктъ общихъ ограничительныхъ мѣръ касательно несовмѣстимости государственной службы съ занятіями въ акціонерныхъ обществахъ.

Въ этой новой мѣрѣ невольно бросается въ глаза, что прежде всего преподаны указанія о несовмѣстительствѣ высшихъ званій и должностей съ дѣятельностью по частнымъ финансово-промышленнымъ предпріятіямъ. Для людей, непосвященныхъ въ тайны предпринимательской дѣятельности, безъ сомнѣнія, покажется страннымъ, что даже въ отношеніи лицъ, занимающихъ высшія государственныя званія и должности, могутъ требоваться спеціальныя законодательныя указанія, возбраняющія имъ службу въ частныхъ обществахъ и кредитныхъ установленіяхъ. Дѣйствительно, эти лица такъ обставлены, что, казалось бы, и мысли не можетъ быть объ одновременныхъ съ государственною службою занятіяхъ въ частныхъ промышленно-торговыхъ или кредитныхъ учрежденіяхъ. Размѣры окладовъ вознагражденія по государственной службѣ вполнѣ обезпечиваютъ этимъ лицамъ не только безбѣдное, но и представительное существованіе, притомъ же такъ, что нѣтъ надобности заботиться о «черномъ днѣ» на этотъ случай имѣется, во-первыхъ, солидная пенсія, вполнѣ обезпечивающая *семью; во-вторыхъ*, возможность дать дѣтямъ образова-

ніе на казенный счетъ въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, ко всему этому нужно прибавить еще выдающееся общественное положеніе, которое тоже имѣетъ свое значеніе. Словомъ, въ отношеніи людей, состоящихъ въ высшихъ государственныхъ званіяхъ и должностяхъ, можно съ полнымъ правомъ сказать, что они представляютъ собою безусловно привилегированное сословіе въ обширномъ смыслѣ слова.

Но, тѣмъ не менѣе, какъ только зародилось на Руси акціонерное и концессіонерное начало,—сейчасъ же стало систематически развиваться совмѣстительство высшихъ государственныхъ званій и должностей съ частною предпріимчивостью (т. е. съ участіемъ въ учредительствѣ торговыхъ, промышленныхъ и кредитныхъ обществъ), или даже просто—съ частною службою за извѣстное вознагражденіе, представляющее обыкновенно крупный кушъ, больше размѣровъ государственнаго вознагражденія. Это—тотъ именно родъ службы, который, по справедливости, можетъ быть названъ служеніемъ «Богу и мамонѣ». Чего ради, собственно, частныя товарищества, общества и компаніи проявляютъ такое упорное стремленіе заручиться лицами, состоящими въ высшихъ государственныхъ званіяхъ и должностяхъ? Разумѣется, это дѣлается вовсе не въ видахъ разсчета получить отъ „сановныхъ людей“ научно-практическіе совѣты и указанія, въ видахъ улучшенія данной отрасли торговли и промышленности или кредитнаго дѣла, а совершенно съ иными цѣлями. Эта погоня частныхъ предпринимателей за „генералами“ обусловливается желаніемъ имѣть „заручку“,—такъ сказать, „своихъ людей“, въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Но допустимъ даже, что люди съ высшимъ служебнымъ положеніемъ, причастные такъ или иначе къ предпринимательской дѣятельности, вовсе не будутъ кривить душою въ пользу тѣхъ предпріятій, которыя приносятъ имъ болѣе или менѣе обильную благостыню,—во всякомъ случаѣ, самая ихъ прикосновенность не соотвѣтствуетъ вліятельному служебному положенію, является чѣмъ-то въ родѣ торговли этимъ положеніемъ.

Строго говоря, нѣтъ ни одного мало-мальски крупнаго торгово-промышленнаго и кредитнаго предпріятія, въ средѣ котораго не было бы людей съ крупнымъ служебнымъ положеніемъ и „вѣсомъ“, или въ качествѣ учредителей, или въ роли членовъ «правленій“ и „совѣтовъ“. Эти-ли обстоятельства, или другія какія-либо условія—привели, въ концѣ концовъ, къ тому, что какой бы вы ни *взяли уставъ* частнаго банка или товарищества, въ немъ оказывается *масса лазеекъ* къ нарушенію правъ общества, во вредъ интересамъ

населенія и къ выгодѣ частныхъ предпринимателей. Есть-ли все это результатъ простаго канцелярскаго недосмотра, небрежности, или дѣло не обошлось, въ этомъ случаѣ, и безъ радѣнія въ пользу частныхъ интересовъ со стороны людей вліятельныхъ и матеріально заинтересованныхъ въ разныхъ предпріятіяхъ,—трудно сказать. Самую грустную извѣстность пріобрѣли, въ этомъ отношеніи, желѣзнодорожныя компаніи и общества. Участіе въ этомъ дѣлѣ вліятельныхъ людей, съ особенно выдающимся служебнымъ положеніемъ, вошло, можно сказать, въ традицію.

Первенствующая роль во всѣхъ желѣзнодорожныхъ злоупотребленіяхъ безспорно принадлежитъ „главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ", въ составѣ котораго едва-ли не преобладаютъ лица, занимающія крупные служебные посты въ разныхъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Это общество, на баснословно льготныхъ условіяхъ, чуть-чуть не даромъ, захватило въ свое распоряженіе николаевскую желѣзную дорогу — одну изъ самыхъ доходныхъ въ мірѣ желѣзнодорожныхъ линій, и совершенно безнаказанно обратило это драгоцѣннѣйшее государственное достояніе въ какую-то чудовищную костоломку. Здѣсь всевозможныя несчастія и катастрофы погоняются одни другими,—и во всемъ этомъ возмутительномъ безобразіи оказываются обыкновенно виноватыми желѣзнодорожные сторожа, стрѣлочники, кочегары и т. д. — словомъ, желѣзнодорожные служащіе самаго низшаго ранга, но управленіе желѣзной дороги— *никогда*. Между тѣмъ, обратною стороною всѣхъ этихъ, такъ называемыхъ, желѣзнодорожныхъ „несчастій" оказывается повальное злоупотребленіе со стороны администраціи николаевской желѣзной дороги. Съ момента пріема этой дороги отъ правительства, главное общество дѣятельнѣйшимъ образомъ занялось сокращеніями въ составѣ низшихъ служащихъ. Особенно обширные размѣры приняли эти сокращенія въ послѣднее время, въ виду того, что, вслѣдствіе неоплатнаго задолжанія казнѣ и многихъ другихъ злоупотребленій, общество давнымъ-давно фактически утратило права на обладаніе этою дорогою (которыхъ, строго говоря, оно никогда и не имѣло): николаевская дорога должна перейти въ распоряженіе правительства,—и администрація ея на всѣхъ парахъ ведетъ сокращеніе штата служащихъ. Такъ, напримѣръ, поѣздная прислуга *сокращена на треть*, такъ что на одного кондуктора приходится по три и болѣе вагоновъ въ поѣздѣ. На локомотивѣ обыкновенно бываютъ только машинистъ и кочегаръ, безъ всякой другой прислуги. Число рейсовъ, *которое дѣлаетъ каждый* поѣздной служащій, увеличилось, въ дорогъ

они *правятъ болѣе 12 часовъ въ сутки*, такъ что *физическое утомленіе беретъ верхъ надъ всякою энергіею и распорядительностью.* Та же участь постигла и путевыхъ сторожей. Помимо назначенія имъ нищенскаго оклада жалованья (11 руб. въ мѣсяцъ), *число постовъ уменьшено ровно на половину*, такъ что, въ настоящее время, по заявленію газетъ, *на одного сторожа* приходится *двѣ версты двойнаго пути* и дежурный сторожъ шагаетъ въ сутки, ни много, ни мало по 30—40 верстъ.

Ближайшая причина бологовской катастрофы 13-го мая—злодѣйскій умыселъ желѣзнодорожнаго сторожа сосѣдней дистанціи, развинтившаго рельсовыя скрѣпленія. Но развинтить этого рода скрѣпленія—не узелъ развязать. И дѣйствительно, разъединеніе рельсовъ производилось не одну секунду, не втихомолку, не руками, а съ помощью молота и ключа, такъ что дѣло не обошлось безъ лязга и шума, и эта адская работа ни въ какомъ случаѣ не могла занять менѣе часа времени, если только рельсы на николаевской дорогѣ не шутя уложены и не на живую нитку скрѣплены. Разумѣется, виноватъ злодѣй-сторожъ, причинившій крушеніе,—и онъ долженъ понести высшую кару, какая только есть въ законѣ. Но во сколько же разъ больше этого сторожа виновата администрація николаевской желѣзной дороги, ослабившая путевой надзоръ до такой степени, что оказывается полнѣйшая возможность заниматься развинчиваніемъ, снятіемъ, а, быть можетъ, и увозомъ рельсовъ всякому умопомраченному, у котораго явится къ тому злостное желаніе!?...

Нужно замѣтить, что въ нынѣшнемъ году это уже второй случай злоумышленнаго поврежденія пути. Зимой наложены были на пути шпалы; но машинистъ во-время замѣтилъ и спасъ поѣздъ только своевременной остановкой локомотива. И въ этомъ случаѣ тоже подозрѣвался желѣзнодорожный сторожъ. Онъ былъ арестованъ, просидѣлъ два мѣсяца и выпущенъ за недостаточностью уликъ. Оказывается, такимъ образомъ, что путевые сторожа — это своего рода язва и пагуба для николаевской желѣзной дороги. Озлобленные желѣзнодорожнымъ управленіемъ, они мстятъ ему посредствомъ варварскаго поврежденія пути.

Если за порчу желѣзнодорожнаго пути принимаются тѣ самыя лица, которымъ ввѣрена его охрана, то, понятно, что въ этомъ отношеніи рѣшительно некуда уже идти далѣе. Обставить еще бо́льшею опасностью желѣзнорожное сообщеніе — положительно невозможно: такъ далеко зашло хищническое стремленіе къ наживѣ у администраціи одной изъ богатѣйшихъ въ мірѣ дорогъ!... Разумѣется,

желѣзнодорожнымъ сторожамъ удобнѣе было бы жить мирно, получать свой заработокъ, честно исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Но обсчитыванія со стороны желѣзнодорожной администраціи, требованіе крайняго напряженія силъ за нищенское вознагражденіе и всякія другія несправедливости — вызываютъ у служащихъ такую злобу, которая подталкиваетъ ихъ на одно изъ самыхъ варварскихъ человѣческихъ дѣлъ. Наконецъ, тѣ же хищническіе инстинкты желѣзнодорожной администраціи заставляютъ ее, дешевизны ради, выбирать желѣзнодорожныхъ сторожей, которымъ ввѣряется такое отвѣтственное дѣло, изъ грубой и невѣжественной среды, гдѣ заглохшее нравственное чувство не даетъ отпора въ минуту озлобленія и адскаго замысла.

Есть, кажется, основаніе полагать, что въ той мѣстности, гдѣ произошло крушеніе 13-го мая, полотно желѣзной дороги было въ должной исправности, т. е. насыпи прочны, шпалы не гнилыя, рельсы неизъѣзженные. Но это вовсе не доказываетъ, что путь николаевской желѣзной дороги всегда отличается исправностью. Достаточно вспомнить, напримѣръ, катастрофу въ августѣ 1882 года, у станціи Клинъ. Тамъ безспорною и очевидною причиною схода поѣзда съ рельсовъ были гнилыя шпалы, которыя пассажиры не только ковыряли зонтиками, но и растирали въ муку между пальцами. Интересующихся обстоятельствами этой катастрофы мы отсылаемъ къ сентябрьской книгѣ „Наблюдателя“ за 1882 годъ, гдѣ они найдутъ немало данныхъ для характеристики порядковъ на николаевской желѣзной дорогѣ. Очень можетъ быть, что если хорошенько оглядѣть полотно николаевской желѣзной дороги, то и въ настоящее время на немъ окажется немало такихъ-же гнилыхъ шпалъ, какія были у станціи Клинъ, въ 1882 году. Предположеніе это мы основываемъ на томъ, что, насколько извѣстно, управленіе этой дороги не имѣетъ обыкновенія пропитывать шпалы противугнилостнымъ составомъ (да едва-ли есть такое обыкновеніе и на другихъ дорогахъ), такъ что узаконенный для шпалъ срокъ оказывается чисто фиктивнымъ, и онѣ дѣлаются негодными далеко раньше этого срока. Едва-ли не въ большинствѣ случаевъ, шпалы— еловыя, т. е. изъ дерева хрупкаго и быстро подвергающагося гніенію.

Подвижной составъ поѣзда, потерпѣвшаго крушеніе 13-го мая, представляетъ *вопіющій безпорядокъ*. Значительные размѣры несчастія обусловливаются положительною негодностью вагоновъ, моментально *разсыпавшихся* въ мелкую щепу. Будь вагоны прочные, здо-

ровые,—и, вмѣсто убійствъ и искалѣченій, дѣло, безъ сомнѣнія, ограничилось-бы ушибами и испугомъ пассажировъ. При злополучномъ поѣздѣ не было не только общеупотребительныхъ медицинскихъ средствъ, для подачи первой помощи пострадавшимъ, но не было даже и телеграфнаго аппарата, чтобы сообщить о случившемся на сосѣднія станціи и вызвать необходимую помощь. Оставшіеся невредимыми пассажиры и уцѣлѣвшая поѣздная прислуга принуждены были пѣшкомъ отправиться въ Бологое за помощью. Встрѣчный почтовый поѣздъ, шедшій изъ Петербурга, уже миновавъ Бологое, легко могъ наскочить на мѣсто катастрофы. Онъ былъ предупрежденъ объ опасности посредствомъ петардъ, разложенныхъ на пути. Положимъ, петарды принадлежатъ къ числу средствъ для предупрежденія желѣзнодорожныхъ поѣздовъ объ угрожающей имъ опасности. Но это средство хорошо лишь въ связи съ другими предупредительными средствами и, прежде всего, съ телеграфнымъ сообщеніемъ. Предупреждать-же объ опасности только посредствомъ петардъ весьма опрометчиво, потому что возможна масса случайностей, препятствующихъ взрыву петардъ; значитъ, предупрежденіе этимъ путемъ не всегда можетъ достигать своей цѣли. Наконецъ, и благоразуміе, и простая деликатность въ отношеніи пассажировъ требуютъ, чтобы встрѣчные поѣзды были предупреждаемы объ опасности на станціи, а не среди поля, гдѣ невозможно достать даже и глотка чистой воды.

Итакъ, если подвести итогъ сказанному, получается полная и чрезвычайно крупная виновность администраціи николаевской желѣзной дороги, какъ въ самой бологовской катастрофѣ, такъ и въ крайне грустныхъ ея послѣдствіяхъ. Мѣсто катастрофы немедленно было посѣщено министромъ путей сообщенія и прокуроромъ с.-петербургской судебной палаты, г. Муравьевымъ, который провелъ на линіи шесть часовъ и цѣлый день производилъ допросы и разслѣдованія. Министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, разными инспекторами и другими должностными правительственными лицами вскорѣ затребованы были съ мѣста происшествія планы, чертежи и подробныя донесенія. Словомъ, со стороны разслѣдованія и приведенія въ извѣстность дѣйствительныхъ причинъ катастрофы приняты были, повидимому, самыя энергическія мѣры. Но что послѣдуетъ затѣмъ? будетъ-ли администрація дороги подвергнута отвѣтственности? устранятъ-ли ее, наконецъ, отъ завѣдыванія и управленія доходнѣйшею *и важнѣйшею* въ дѣлѣ внутренней нашей промышленности ни-

колаевскою желѣзнодорожною линіею?—на эти вопросы невозможно дать даже и приблизительнаго отвѣта.

Сокращеніе штата желѣзнодорожной прислуги, вопіющая неисправность подвижнаго состава, отсутствіе телеграфныхъ аппаратовъ на поѣздахъ, гнилыя шпалы, которыя пальцами можно обращать въ муку, и прочія желѣзнодорожныя безобразія и беззаконія—все это можетъ представляться очень страннымъ, даже непонятнымъ, если имѣть въ виду только одну сторону дѣла, именно—обязательный правительственный контроль, какъ за состояніемъ пути въ техническомъ отношеніи, такъ и за доброкачественностью подвижнаго состава, а равно и за наличностью необходимой желѣзнодорожной прислуги, поѣздной и путевой. Но въ томъ-то и бѣда, что этотъ контроль, едва-ли не въ большинствѣ случаевъ, обращается въ простую формальность, почти въ фикцію, въ виду того, что участниками въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ оказываются люди съ „вѣсомъ“ и очень крупнымъ служебнымъ положеніемъ, передъ которыми желѣзнодорожная инспекція представляется „мелкою сошкою“. Очень часто случается такая жестокая игра судьбы, что правительственнымъ желѣзнодорожнымъ инспекторамъ приходится доносить, въ виду замѣченныхъ ими упущеній и неисправностей, на то же начальство и тому-же самому начальству, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ котораго они состоятъ, отъ котораго прямо зависятъ опредѣленіе и увольненіе инспекторовъ, ихъ награды и повышенія. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что неопытный желѣзнодорожный инспекторъ, не успѣвшій хорошенько сообразить, насколько тѣсно сплелось и перепуталось какое-либо частное желѣзнодорожное общество съ лицами служащими и власть имѣющими, можетъ нарваться даже на „замѣчаніе“ за особую ретивость въ дѣлѣ наблюденія за хозяйствомъ и управленіемъ во ввѣренномъ его контролю желѣзнодорожномъ участкѣ.

Такъ грустны, серьезны и глубоки послѣдствія совмѣстительства государственной службы съ частными предпріятіями. Въ видахъ выясненія этихъ послѣдствій, нельзя не пожелать, чтобы, по поводу катастрофы 13-го мая, была привлечена къ отвѣтственности также и желѣзнодорожная инспекція. Ея показанія существенно необходимы, чтобы выяснить ту ужасную махинацію, которая положительно обращаетъ въ какую-то отрицательную величину правительственную инспекцію, такъ что, не смотря на ея присутствіе, оказывается возможнымъ на желѣзныхъ дорогахъ всякое беззаконіе—и гнилыя *шпалы, и никуда негодные* вагоны, и отсутствіе необходимой путе-

вой стражи и т. д. Одновременно съ такою благоразумною мѣрою, какъ воспрещеніе совмѣстительства казенной службы съ частными занятіями въ кредитныхъ и всякихъ другихъ установленіяхъ, необходимо желать самыхъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны суда и администраціи, чтобы съ корнемъ вырвать такъ глубоко внѣдрившееся въ жизни беззаконіе и самоуправство желѣзнодорожныхъ компаній и обществъ. Безпощадная строгость каръ въ отношеніи всѣхъ безъ исключенія лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ желѣзнодорожнымъ безпорядкамъ, должна хоть нѣсколько умѣрить алчность хищниковъ. Затѣмъ, необходимы энергическія мѣры, чтобы вырвать желѣзныя дороги изъ частныхъ рукъ, сдѣлать ихъ государственнымъ достояніемъ и приноровить къ удовлетворенію потребностей отечественной производительности. Какъ на довольно удовлетворительный примѣръ желѣзнодорожныхъ порядковъ, можно указать на финляндскую желѣзную дорогу, гдѣ дѣло ведется не въ примѣръ благоразумнѣе и добросовѣстнѣе, чѣмъ на остальныхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Это единственный у насъ желѣзнодорожный путь, въ отношеніи котораго, съ нѣкоторымъ правомъ, можно сказать, что онъ существуетъ для публики; на всѣхъ-же другихъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ мы встрѣчаемъ совершенно обратные порядки: тамъ публика существуетъ для желѣзныхъ дорогъ, а не дороги для публики.

Есть другое, также весьма крупное, съ общественной точки зрѣнія, предпріятіе—столичное водоснабженіе,—гдѣ болѣе двадцати лѣтъ уже, т. е. со времени зарожденія „Общества С.-Петербургскихъ водопроводовъ“, безнаказанно царятъ злоупотребленія и произволъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ и въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Безпорядки въ столичномъ водоснабженіи, обиліе жалобъ на водопроводное общество успѣли, такъ сказать, намозолить глаза. Но, между тѣмъ, это жестокое во всѣхъ отношеніяхъ дѣло, тяготѣющее роковымъ образомъ надъ самыми священными правами столичнаго населенія, надъ самыми животрепещущими его интересами (физическимъ здоровьемъ и жизнью),—никогда еще не было въ подробности разобрано на страницахъ печати. Недавно происходилъ удивительный судебный процессъ петербургскаго городскаго управленія съ водопроводнымъ обществомъ,—удивительный, какъ по самой сущности процесса, такъ, до нѣкоторой степени, и по рѣшенію суда,—но и на этотъ разъ общественное сознаніе только скользнуло *по поверхности* этого дѣла и нѣкоторымъ, наиболѣе пикантнымъ *его деталямъ*, не заглянувъ въ его сущность. А между тѣмъ тамъ

скрывается много-много глубоко-назидательныхъ чертъ, чрезвычайно рельефно оттѣняющихъ и недостатки нашего общественнаго управленія, и гибельныя послѣдствія совмѣстительства не только коронной, но и общественной службы съ участіемъ въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, и, наконецъ, огромную затруднительность въ возстановленіи общественныхъ правъ судомъ, если эти права нарушены хитроумными контрактами. Вотъ поэтому-то мы и считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ о столичномъ водоснабженіи въ его прошломъ и настоящемъ.

Невская вода, безспорно, самая лучшая вода въ мірѣ, когда она *чиста*. Но, съ появленіемъ на берегахъ Невы человѣческаго населенія, началось и загрязненіе чистой невской воды. Уже при основателѣ Петербурга, Петрѣ Великомъ, была замѣчена опасность отъ порчи невской воды, не смотря на незначительность населенія города въ то время. Строгимъ, энергическимъ указомъ Петра I (отъ 29 мая 1719 года) запрещалось бросать въ Неву всякаго рода „пометы", подъ угрозою „наказанія и ссылки, по усмотрѣнію достоинства вины". Въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда населеніе Петербурга достигло полумилліона жителей, появилось первое обстоятельное изслѣдованіе невской воды и ея отношенія къ различнымъ, по преимуществу петербургскимъ болѣзнямъ, какъ-то: экземамъ, желудочнымъ разстройствамъ, и другимъ, ошибочно приписываемымъ обыкновенно сидячей жизни. Результатомъ этого изслѣдованія было учрежденіе въ 1822 году особой правительственной комисіи для обсужденія мѣръ по обезпеченію здоровья и жизни жителей отъ вредныхъ послѣдствій неправильнаго водоснабженія Петербурга. Вотъ въ этой-то именно комисіи и зародилась идея водопроводнаго закона, появившагося на свѣтъ 10-го октября 1858 года, въ формѣ высочайше утвержденнаго устава, который и врученъ былъ новообразовавшемуся акціонерному обществу водопроводовъ—для руководства.

Правительство даровало водопроводному обществу всевозможныя льготы. Согласно § 12 устава, городъ гарантировалъ обществу $4\frac{1}{2}$ %, т. е. 54,000 руб. въ годъ дохода съ его акціонернаго капитала въ 1.200,000 руб. По § 13, обществу предоставлено право безпошлиннаго привоза изъ-за границы всѣхъ принадлежностей водопроводнаго дѣла. Для возведенія зданій и постройки фильтровъ, параграфомъ 14-мъ устава опредѣлена безвозмездная уступка городомъ 2,900 квадр. саж. земли. Наконецъ, ко всему этому надо прибавить *еще привилегію*, которая,—какъ оказалась въ 1873 году, при об-

сужденіи городскимъ управленіемъ вопроса о выкупѣ водопроводовъ,—должна была принести обществу, на акціонерный его капиталъ, болѣе 240,000 руб. ежегоднаго дохода, по послѣднему же вычисленію, сдѣланному правленіемъ водопроводнаго общества, цифра ежегоднаго дохода поднялась до *800,000 рублей*. И такой-то громадный кушъ,—по странному контракту съ городомъ, заключенному въ 1877 году и во многомъ несогласному съ основнымъ закономъ по водоснабженію, т. е. уставомъ 1858 года,—общество намѣревается загребать до 1914 года!... Его ничтожный, сравнительно, акціонерный капиталъ стоитъ теперь многомиліоннаго капитала, превышающаго 12 милліоновъ рублей!...

Но какъ относится общество, получающее съ города такіе ужасные барыши, къ исполненію своихъ обязанностей, точно и ясно выраженныхъ въ уставѣ 1858 года? Основная цѣль устройства водопроводовъ—обезпеченіе здоровья и жизни столичнаго населенія—остается недостигнутою даже и приблизительно. Въ § 1-мъ устава говорится: „Для доставленія жителямъ С.-Петербурга *средства пользоваться, во всякое время года, свѣжею и чистою водою*, посредствомъ особаго гидротехническаго устройства, учреждается общество с.-петербургскихъ водопроводовъ". Между тѣмъ столичное водопроводное общество продолжаетъ, въ сущности, прежнюю *водовозную систему*, но только въ нѣсколько цивилизованномъ видѣ и съ тѣмъ крайне характернымъ отличіемъ, что при „водовозной системѣ" столичное населеніе получало воду болѣе чистую, чѣмъ *при водопроводной*, потому что магистральная труба водопровода залегаетъ въ самомъ загрязненномъ районѣ Невы. Столкнувшись лицомъ къ лицу съ такимъ фактомъ, по неволѣ станешь втупикъ. „Да гдѣ же судъ и законъ? что дѣлаютъ власти? чего смотритъ городское управленіе?"—вотъ обычные вопросы, которые предлагались обыкновенно со страницъ печати, когда дѣло доходило до выясненія факта, что петербургское водопроводное общество—это не болѣе, какъ простой замѣститель „водовозной системы" первобытныхъ временъ, улучшенной нѣсколько по внѣшнему виду, но зато ухудшенной въ отношеніи качества воды. Да, это—дѣйствительно дебри, въ которыхъ необходимо разобраться и, такъ или иначе, найти выходъ къ снабженію столичнаго населенія „свѣжею и чистою водою", какъ это категорически и точно узаконено уставомъ 1858 года.

Самая существенная и самая трудная сторона водопроводнаго *дѣла—устройство* центральныхъ фильтровъ, т. е. того водочистительнаго снаряда, безъ котораго, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть

гарантировано снабженіе чистою, безвредною для здоровья, водою. Не смотря на то, что, по уставу, устройство фильтровъ обязательно для водопроводнаго общества, что планъ ихъ былъ высочайше утвержденъ еще въ 1859 году, что *еще къ 1862 году обязательно было окончаніе всѣхъ водопроводныхъ работъ* и, разумѣется, прежде всего, *центральныхъ фильтровъ*,—столичное водопроводное общество не только не устроило до сихъ поръ фильтровъ, но въ іюнѣ 1883 года категорически заявило городскому управленію, что оно считаетъ необязательнымъ для себя устраивать ихъ. И такъ какъ городское управленіе благоразумно обратилось наконецъ къ штрафамъ, какъ къ одному изъ самыхъ убѣдительныхъ для водопроводчиковъ доказательствъ, то послѣдніе прибѣгли къ защитѣ и помощи суда, въ виду того, что городъ изъявилъ рѣшительное нежеланіе принимать завѣдомо грязную и вредную для здоровья воду, и энергически затребовалъ „свѣжей и чистой воды". Предъявляя такой чудовищный искъ къ городскому управленію, водопроводчики шли—какъ говорится—на *ура*. Но прежде, чѣмъ говорить о томъ, что выиграли водопроводное общество и городъ въ этомъ замѣчательномъ процессѣ, нужно выяснить сначала—кто, когда и почему отмѣнилъ центральные фильтры, узаконенные высочайшею волею?

Въ тѣхъ упрекахъ, которые высказываются по адресу городскаго управленія, по поводу безобразнаго положенія водопроводнаго дѣла, есть извѣстная доля правды. Но, кромѣ городскаго общественнаго управленія, есть и еще виновные. Нужно замѣтить, что время тяготѣнія водопроводчиковъ надъ столичнымъ населеніемъ подраздѣляется на два, существенно различныхъ между собою, періода:—съ 1858 года по 20-е февраля 1873 года (т. е. періодъ стараго городскаго управленія) водоснабженіемъ завѣдывала исключительно администрація, а городское управленіе играло въ этомъ дѣлѣ лишь совѣщательную роль; съ 20-го же февраля 1873 года введено новое городское управленіе, въ преимущественномъ вѣдѣніи котораго и состоитъ водопроводное дѣло. Во время административнаго завѣдыванія столичнымъ водоснабженіемъ и состоялась „временная" замѣна центральныхъ фильтръ *цистернами* (въ 1863 и 1867 годахъ), т. е. такими техническими приспособленіями (по просту—металлическими сѣтками на концѣ магистральной трубы, забирающей изъ рѣки воду), которыя не только не имѣютъ ничего общаго съ водоочищающими снарядами (фильтрами), но не въ состояніи даже устранить прохожденія въ водопроводныя трубы небольшихъ рыбъ и другихъ мелкихъ *водныхъ животныхъ*. Эта неизбѣжная, при нынѣшнихъ порядкахъ

водоснабженія, животная примѣсь къ водѣ издыхаетъ въ трубахъ, разлагается и буквально отравляетъ воду,—дѣлаетъ ее несравненно болѣе негодною для потребленія, чѣмъ при условіи доставки простымъ водовознымъ способомъ.

Вся исторія „общества с.-петербургскихъ водопроводовъ" представляетъ, можно сказать, одно сплошное усиліе стряхнуть съ себя обязательный водопроводный уставъ 1858 года, т. е. собственно самую существенную часть устава—устройство центральныхъ фильтровъ. Водопроводное общество не исполнило своихъ обязательствъ, т. е. не окончило работъ къ 1862 году и, слѣдовательно, утратило юридически права на привилегію. И вотъ съ этой-то поры и начались всевозможныя ходатайства общества то о продленіи срока окончанія работъ, то о ссудахъ,—начались всевозможные подвохи, чтобы такъ или иначе избавиться отъ ненавистныхъ фильтровъ. Подвохи эти, какъ уже сказано, увѣнчались успѣхомъ,—и, какъ это ни удивительно, фильтры замѣнены цистернами, не имѣющими рѣшительно ничего общаго съ водоочищающими снарядами, установленными спеціальнымъ закономъ о водопроводахъ. Но какъ относилось городское управленіе къ этимъ продѣлкамъ водопроводнаго общества? — Вопросъ этотъ, дѣйствительно, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Въ ноябрѣ 1865 года, старая городская дума выступила самымъ рѣшительнымъ образомъ въ защиту городскихъ интересовъ. Въ засѣданіи думы 2-го ноября состоялось постановленіе—*„отказать обществу въ просимой имъ отсрочкѣ"*. Это равносильно было лишенію общества привилегіи, такъ какъ работы его, ни въ какомъ случаѣ, не могли быть окончены къ апрѣлю 1866 года, въ виду чего водопроводчики и просили объ отсрочкѣ (*второй* уже отсрочкѣ, со времени учрежденія общества!). Вмѣстѣ съ тѣмъ, дума постановила ходатайствовать „о скорѣйшемъ разрѣшеніи того, по истинѣ, *страдательнаго положенія*, въ какомъ находится вопросъ о водоснабженіи жителей столицы невскою водою, по отношенію къ обществу водопроводовъ, какъ обществу привилегированному, но не *исполнившему принятой имъ на себя обязанности*". При этомъ думою была выражена мысль *„о пользѣ прекращенія всѣхъ обязательныхъ отношеній города къ обществу водопроводовъ"* и постановлено было просить правительство *„о разрѣшеніи самому городу снабжать жителей водою, независимо отъ дѣйствій акціонернаго общества"*. Въ виду того, что водопроводное общество *„дѣйствуетъ по водовозной системѣ"*, дума *проэктировала* устройство собственной паровой водокачальни, чтобы *безвозмездно* снабжать жителей города водою. Но 25-го января 1866

года дума получила увѣдомленіе объ отказѣ по поводу ея хода тайствъ.

Не менѣе энергически выступило, на первыхъ порахъ, въ защиту интересовъ городскаго населенія и новое городское управленіе, вошедшее въ свои права 20-го февраля 1873 года. На разсмотрѣніе новой думы поступили изъ думы старой предложенія и ходатайства общества *объ измѣненіи устава 1858 года, въ смыслѣ продленія срока привилегіи*, такъ какъ 1873-мъ годомъ оканчивалась привилегія водопроводчиковъ. Городское управленіе категорически высказалось противъ продленія привилегіи и постановило (въ 1874 году)—*водопроводы выкупить*. Не имѣя возможности, по условіямъ размѣра статьи, детально прослѣдить здѣсь всѣ превратности, которымъ подвергался вопросъ о водоснабженіи въ столичномъ городскомъ управленіи въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, замѣтимъ лишь, что, соотвѣтственно тремъ перемѣнамъ личнаго состава гласныхъ за это время (по тремъ призывамъ къ городской службѣ: въ 1873, 1877 и 1881 годахъ), вопросъ о столичномъ водоснабженіи распадается на три періода. Думѣ перваго состава (1873—1877 г.) предстояло окончательно рѣшить вопросъ о выкупѣ водопроводовъ или объ отдачѣ ихъ въ аренду,— и дума, рѣшительно высказавшись сначала въ пользу выкупа водопроводовъ, тѣмъ не менѣе, окончательно рѣшила впослѣдствіи это дѣло въ пользу аренды и заключила, по этому поводу, злополучный контрактъ (въ 1877 году), являющійся до сихъ поръ для города положительнымъ бѣдствіемъ. Дума втораго состава (1877—1881 г.) зарекомендовала себя, можно сказать, пассивнымъ отношеніемъ къ дѣлу, т. е. ограничилась наблюденіемъ за количествомъ воды, почти нисколько не касаясь качества ея. Гласные этого призыва, по крайней мѣрѣ, не проявили сколько-нибудь настойчиваго стремленія отстоять права столичнаго населенія на „свѣжую, чистую воду". Зато, наоборотъ, дума нынѣшняго состава (призыва 1881—1885 года) вступила въ самую рѣшительную борьбу съ водопроводчиками и настойчиво домогается снабженія города непремѣнно чистою водою, т. е. иначе — точнаго соблюденія водопроводнымъ обществомъ устава 1858 г., или—что то же—основнаго закона по этому предмету.

Итакъ, дѣло столичнаго водоснабженія было, на первыхъ же порахъ, сбито съ правильнаго пути неудачными административными постановленіями 1868 и 1877 годовъ, весьма опрометчиво отмѣнившими, хотя бы и „временно", фильтры и вызвавшими устройство никуда негодныхъ цистернъ. Нелѣпый и даже недобросовѣстный контрактъ 1877 года наполненъ отступленіями отъ устава 1858 года.

Контрактъ этотъ хотя и не отмѣняетъ вовсе устройства центральныхъ фильтровъ (это было-бы ужь слишкомъ нагло!), но зато обставляетъ дѣло такими лазейками, что водопроводчики почти совершенно не поддаются денежнымъ штрафамъ, какія-бы злодѣянія ни учиняли они съ помощью водопроводовъ, какъ это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Кто же изъ петербургскихъ жителей давнымъ-давно не знаетъ, что, вмѣсто „свѣжей и чистой“ невской воды, намъ приходится пить: то воду *красную* (отъ примѣси почвенныхъ песчано-глинистыхъ частицъ), то воду *бѣлую* (отъ обилія въ ней вредныхъ газовъ, какъ продуктовъ гніенія), то воду *съ рыбами* и прочими мелкими животными и т. д.? Кто же изъ петербуржцевъ не проклиналъ водопроводныхъ порядковъ за то, что бо̀льшую часть года вода—этотъ напитокъ, указанный самою природою—совершенно невозможна для употребленія въ сыромъ видѣ, и, чтобы не рисковать здоровьемъ, ее по неволѣ приходится замѣнять квасомъ и другими, болѣе или менѣе дорогими напитками, недоступными людямъ недостаточнымъ?..

Къ чести нынѣшняго состава столичнаго управленія, оно не смутилось недобросовѣстнымъ контрактомъ 1877 года,—и начались денежные штрафы водопроводчиковъ, съ цѣлью побудить ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ къ устройству фильтровъ, которые, по основному водопроводному закону, должны были быть окончены еще въ 1862 году, т. е. 22 года тому назадъ. Вотъ эти-то штрафы и привели городское управленіе въ окрýжной судъ по иску водопроводчиковъ. Рѣшеніе суда по этому предмету подраздѣляется на двѣ части. Въ отношеніи юридическаго значенія договора водопроводнаго общества съ городомъ въ 1877 году, судъ вполнѣ благоразумно и основательно призналъ его *не* контрактомъ, а лишь *проэктомъ контракта*, а потому всѣ измѣненія, произведенныя этимъ договоромъ въ высочайше утвержденномъ уставѣ 1858 года, могли бы получить обязательную силу не иначе, какъ по высочайшемъ же утвержденіи новаго устава общества, согласнаго съ указаннымъ договоромъ. Это рѣшеніе суда вноситъ значительную долю свѣта въ *темное* водопроводное дѣло, какимъ стало оно послѣ 1877 года. Этимъ рѣшеніемъ суда возстановляется обязательная сила основнаго водопроводнаго закона, т. е. устава 1858 года, во всѣхъ его подробностяхъ, къ числу которыхъ относится и устройство центральныхъ фильтровъ.

Но никакъ нельзя сказать того же о другой половинѣ рѣшенія суда—по поводу штрафовъ, наложенныхъ городскимъ управленіемъ на *водопроводное общество*. Судъ не призналъ ихъ справедливыми. Съ фор-

мально-юридической стороны такое опредѣленіе, пожалуй, правильно, такъ какъ § 32 устава допускаетъ штрафы только за остановку и недостатокъ въ водѣ. Далѣе же, въ § 33-мъ устава, въ числѣ неисправностей общества, упоминается и нечистая вода, но этотъ параграфъ, связанный логически съ предыдущими, не имѣетъ однако прямой, непосредственной и ясно выраженной связи съ § 32-мъ, гдѣ говорится о штрафахъ. Вотъ на этомъ-то основаніи судъ и не призналъ справедливыми штрафы. Какъ ни хороша сама по себѣ педантическая точность суда въ примѣненіи закона, но она не всегда бываетъ удобна, а въ разсматриваемомъ нами дѣлѣ и окончательно невозможна. Въ виду особенной важности дѣла, судъ долженъ былъ сообразоваться, кромѣ буквы закона, съ обстоятельствами дѣла, нравственною его стороною, съ точки зрѣнія охраны интересовъ городскаго населенія и духомъ основнаго законодательства о водопроводахъ. Нравственную сторону вопроса о штрафахъ можно формулировать такъ: *имѣетъ-ли право общество отравлять столичное населеніе водою и должно-ли городское управленіе противодѣйствовать*? Въ такой постановкѣ вопроса нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія, — она строго отвѣчаетъ дѣйствительности. А разъ только вопросъ поставленъ такимъ образомъ,—къ разрѣшенію его имѣются въ водопроводномъ законодательствѣ слѣдующія данныя. Водопроводное общество обязано доставлять городскому населенію, «во всякое время года», непремѣнно «свѣжую и чистую воду» (§ 1 устава). Уставъ прямо указываетъ на «нечистую воду», какъ на «неисправность» общества (§ 33). А такъ какъ въ рукахъ городскаго общества имѣется единственное средство побуждать водопроводчиковъ къ исправности, именно *штрафы* (§ 32), то ясное дѣло, что городское управленіе не только имѣетъ право, но даже и обязано налагать штрафы за всякую неисправность въ водоснабженіи, и тѣмъ болѣе за грязную воду, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, оно само должно подлежать отвѣтственности, за попустительство къ отравленію народа вредною для здоровья водою.

Чтобы окончательно возвратить водопроводное дѣло на тотъ путь, который указанъ ему основнымъ закономъ, городскому общественному управленію предстоитъ безотлагательно разрѣшить цѣлый рядъ задачъ. Прежде всего, оно должно юридически укрѣпить за собою право налагать на водопроводчиковъ штрафы за всякую неисправность по водоснабженію и, главнымъ образомъ, за снабженіе города нечистою водою. Затѣмъ, необходимо немедленно уничтожить позорный для городскаго управленія договоръ 1877 года и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *отклонить* стоящее на очереди измѣненіе устава 1858 года,

примѣнительно къ этому хищническому, можно сказать, договору. Наконецъ, достоинство городскаго управленія требуетъ, чтобы въ виду бывшаго судебнаго процесса, оставившаго для общества очень много неясныхъ сторонъ, послѣдовало отъ думы подробное печатное разъясненіе, какъ появился недостойный договоръ 1877 г. и продленіе привилегіи до 1914 года, при отсутствіи, вдобавокъ, центральныхъ фильтровъ. Городское управленіе должно назвать по именамъ тѣхъ іудъ-предателей (если они есть въ данномъ случаѣ), которые продали водопроводчикамъ свои знанія и злоупотребляли полномочіями общества. Городская молва называетъ по именамъ цѣлый рядъ лицъ, благодаря которымъ явился договоръ 1877 г., направленный къ отравленію цѣлаго города, при условіи непомѣрнаго загребанія кушей за это дѣло. По слухамъ, тутъ есть и ученые, состоящіе на государственной службѣ, и пользующіеся наибольшимъ авторитетомъ въ техническомъ отношеніи; тутъ есть и общественные избранники, ловко совмѣстившіе вліятельное положеніе въ городской управѣ съ дѣлежкой барышей отъ безсовѣстнаго водоснабженія столицы. Словомъ, если вѣрить слухамъ, то получается возмутительная картина «совмѣстительства» общественнаго служенія и чистой науки съ нечистымъ и даже безчестнымъ гешефтмахерствомъ, во вредъ интересамъ общества и ради личныхъ выгодъ водопроводчиковъ. Сколько правды въ этихъ слухахъ—трудно поручиться; но городское общественное управленіе не должно пропускать даже и этихъ слуховъ мимо ушей. Подробное и добросовѣстное разъясненіе съ его стороны всѣхъ обстоятельствъ происхожденія договора 1877 года должно положить конецъ всѣмъ слухамъ, крайне невыгоднымъ для репутаціи городскаго общественнаго управленія.

Какъ бы ни было, однако,—трудно допустить, что отступленія отъ устава 1858 года (въ договорѣ 1877 года), направленныя къ невыгодѣ городскаго населенія, произошли вслѣдствіе какой-либо случайности, а не потому, что нѣкоторыя лица, наиболѣе вліятельныя въ дѣлахъ городскаго управленія, были непосредственно заинтересованы въ барышахъ водопроводнаго общества. Если даже такое предположеніе съ нашей стороны и ошибочно, то никто не поручится, что подобное совмѣстительство службы по общественнымъ выборамъ съ негоднымъ прислужничествомъ въ пользу частныхъ интересовъ—*невозможно*. Устранить же это крайне грустное и вредное явленіе нельзя инымъ путемъ, кромѣ преобразованія общественнаго управленія, съ цѣлью привлечь къ участію въ немъ интеллигентные *слои населенія*. Это означаетъ иначе, что даже и съ такимъ

частнымъ, узко-спеціальнымъ дѣломъ, какъ водопроводное, трудно сладить при нынѣшнемъ строѣ управленія, когда безгласность и неудовлетворительный личный составъ думы,—въ совокупности со множествомъ другихъ причинъ,—могутъ парализовать всякое доброе начинаніе.

Мы говорили выше, что въ настоящее время подлежитъ выработкѣ проэктъ общаго ограничительнаго закона, касательно несовмѣстительства государственной службы съ занятіями въ акціонерныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и кредитныхъ товариществахъ и обществахъ, а также и съ учредительствомъ названныхъ обществъ. Вполнѣ сочувствуя въ принципѣ этой мѣрѣ, мы сомнѣваемся однако въ возможности полнаго ея осуществленія, при нынѣшнемъ положеніи управленія. Старинное выраженіе графа Блудова, что «Россіею управляютъ столоначальники», къ несчастію, сохраняетъ всю остроту своей соли до сихъ поръ... Значитъ, воспрещеніе службы въ частныхъ обществахъ и кредитныхъ установленіяхъ, равно какъ и во всѣхъ другихъ предпріятіяхъ, не исключая, разумѣется, и водопроводныхъ компаній, должно касаться не однихъ только лицъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, но и всѣхъ вообще чиновниковъ коронной службы. Но, къ сожалѣнію, для проведенія такой мѣры встрѣчается огромное, почти непреодолимое препятствіе въ матеріальной необезпеченности служащихъ на второстепенныхъ и третьестепенныхъ должностяхъ, во всѣхъ оффиціальныхъ вѣдомствахъ—какъ это было уже разсмотрѣно нами въ предыдущей книгѣ «Наблюдателя».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Посредственность въ политикѣ. — Гамбетта и Жюль Ферри. — Прошедшее главы Франціи.—Новые люди и новый порядокъ дѣлъ.—За что ненавидятъ Ферри?—Его внѣшняя политика.—Законъ о разводѣ.—Пересмотръ конституціи.—Принцъ Наполеонъ—республиканецъ.—Парижскіе коммунары.—Динамитные взрывы въ Лондонѣ.—Новый земельный законъ въ Ирландіи.—Фермеры и ландлорды въ Шотландіи.—Пренія о соціализмѣ.—Девизъ «восьми часовъ».—Антиеврейскіе безпорядки въ Лимерикѣ.—Эмиграціонныя продѣлки.—Канадскіе рабочіе и маркизъ Лорнъ.—Водопроводный вопросъ въ Лондонѣ.—Выговоръ англійскому правительству.—Недовольство Гладстономъ и шаткость его внѣшней политики.—Мервъ и границы Индіи.—Неизбѣжность присоединенія къ Россіи афганскаго Туркестана.—Положеніе Индіи подъ властью англійскихъ чиновниковъ.—Процессъ Крашевскаго.—Германскій канцлеръ и русскій нигилизмъ.—Нѣмецкій и бисмарковскій соціализмъ.—За что канцлеръ не любитъ прогрессистовъ?—Рабочій и колоніальный вопросъ въ Германіи.—Неудачныя претензіи владычицы морей.

Нашъ великій поэтъ выразилъ въ своей поэмѣ глубокую истину, сказавъ, что умъ, «любя просторъ, тѣснитъ» и что «посредственность одна намъ по плечу и не страшна». Въ особенности аксіома эта примѣнима въ политикѣ, гдѣ на дѣйствительно выдающихся дѣятелей смотрятъ съ неудовольствіемъ недоросшіе до нихъ собратья, а большимъ успѣхомъ пользуются люди заурядные, умѣющіе примѣняться къ обстоятельствамъ и не оскорбляющіе ничьего самолюбія. Такимъ людямъ удается обходить всѣ препятствія, о которыя разбиваются усилія болѣе даровитыхъ личностей. Тотъ, кто незнакомъ съ дипломатическими тонкостями и правительственными интригами, не пойметъ, отчего несомнѣнно талантливый Гамбетта управлялъ французскимъ министерствомъ два мѣсяца съ небольшимъ, а Жюль Ферри управляетъ скоро два года. Но чѣмъ ближе узнаютъ Ферри его соотечественники, тѣмъ болѣе убѣждаются, что онъ далеко не посредственность, какою казался многимъ при вступленіи въ министерство. Искуснымъ веденіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ Франціи, въ послѣднее время, онъ изумилъ всѣхъ, и даже противники его—приверженцы претендентовъ и радикаловъ—не могутъ не отдать ему справедливости въ той ловкости, съ какою онъ устраняетъ всѣ тормозы, лежащіе на пути къ предположенной имъ цѣли. Успѣшное окончаніе *тонкинской экспедиціи*, пріобрѣтеніе протектората надъ обширною индо-китайскою *областью*, выгодный миръ съ Китаемъ, открывающій для французскаго рынка

три богатыя пограничныя провинціи этого государства: Кванг-си, Кванг-тунгъ и Юнань, и необычайно быстрая ратификація этого мира правительствомъ, отличающимся нескончаемыми проволочками въ сношеніяхъ съ Европою; наконецъ, неуступчивость англійскимъ претензіямъ въ вопросѣ о созваніи конференціи по дѣламъ Египта; во внутреннихъ дѣлахъ—пересмотръ конституціи, принятіе закона о разводѣ—все это заставляетъ и дипломатовъ, и правителей странъ, и частныхъ лицъ, слѣдящихъ за ходомъ политики, измѣнить мнѣніе о первомъ министрѣ Франціи, а въ сущности о главѣ ея, такъ какъ президентъ республики не имѣетъ въ ней никакого значенія. Любопытно, поэтому, прослѣдить прошлое Жюля Ферри, чтобы видѣть, чего можно надѣяться отъ него въ будущемъ.

«Для новаго порядка вещей нужны новые люди,» сказалъ старикъ Дюфоръ, когда, въ 1879 году, новый президентъ республики предложилъ ему остаться главою кабинета, управлявшаго страною при Мак-Магонѣ. Эти слова возбудили много толковъ въ печати и обществѣ и еще больше неудовольствія, когда въ числѣ этихъ новыхъ людей Греви выбралъ министромъ народнаго просвѣщенія и изящныхъ искуствъ—Жюля Ферри. Ничтожный адвокатъ на высокомъ посту! да еще такой, про котораго ходили самые невыгодные слухи. Дѣйствительно, печать не щадила этого адвоката ни прежде, ни въ его новомъ званіи. Правда, онъ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Сила его слагалась изъ двухъ элементовъ: невозмутимаго терпѣнія и спокойной увѣренности въ самомъ себѣ. Онъ пренебрегалъ несправедливостью общественнаго мнѣнія, не изъ презрѣнія къ нему, но потому что зналъ источникъ его ошибокъ, скрывавшійся въ ненависти партій. Ферри ждалъ, что время оправдаетъ, его и чувствовалъ въ себѣ достаточно ловкости, чтобы воспользоваться обстоятельствами, когда придетъ удобный часъ. Онъ былъ увѣренъ, что съумѣетъ тогда подчинить другихъ своимъ взглядамъ. И онъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ, дѣйствуя осмотрительно и не спѣша. Дюфоръ предлагалъ ему портфель еще въ 1878 году, но Ферри отказался, сказавъ фразу, которую потомъ только измѣнилъ самъ Дюфоръ въ отвѣтѣ Жюлю Греви: «Новые люди могутъ успѣшно дѣйствовать только при новомъ положеніи дѣлъ». И онъ явился главнымъ дѣятелемъ въ этомъ новомъ положеніи. Враги представляли его пустымъ болтуномъ, надутымъ буржуа, гордымъ выскочкой, а между тѣмъ это самый доступный человѣкъ, вовсе не холодный, но всегда спокойный, внимательный, никогда не обѣщающій того, чего не можетъ исполнить—черта рѣдкая въ министрахъ. Всегда ровный, скромный въ сужденіяхъ, ненавидящій бозплодную агитацію и безцѣльное фразерство, Ферри изучилъ потребности страны въ своемъ родномъ городкѣ Вогезскаго департамента, Сен-Дье, пославшемъ его въ 1863 году въ палату депутатовъ. Многіе приписывали Ферри итальянское происхожденіе, но предки его жили въ вогезскомъ городѣ съ незапамятныхъ временъ и на мѣстномъ нарѣчіи „Ферри“—сокращенное имя „Фредерикъ“. Отецъ его *былъ адвокатомъ и сдѣлалъ* изъ своихъ сыновей, Жюля и Шарля, такихъ же

адвокатовъ и честныхъ, убѣжденныхъ республиканцевъ. Жюль, на 20-мъ году, уже дѣйствовалъ въ Парижѣ на юридическомъ поприщѣ (онъ родился въ 1832 году), но въ 1856 году оставилъ занятія адвокатурой и предался весь политикѣ.

Оппозиція въ то время была почти невозможна. Имперія дѣйствовала вполнѣ самодержавно; приходилось скрывать подъ литературной формой противодѣйствіе правительству. Жюль-Ферри началъ сотрудничать въ «Presse» Жирардена, въ «Courrier de Paris», въ «Temps». За его «Руководство къ выборамъ», опубликованное въ 1863 году, онъ былъ привлеченъ къ суду; брошюру его, изданную послѣ выборовъ, „La lutte électorale", въ которой обличались правительственные подкупы и продѣлки на выборахъ, министръ назвалъ въ законодательномъ собраніи манифестомъ республиканской партіи. Сильное впечатлѣніе произвели въ газетѣ «Temps» статьи, озаглавленныя: «Фантастическіе счеты Гаусмана» («Les comptes fantastiques de Haussman»), обнаруживавшія траты и кражи сенскаго префекта. Въ сессію 1869 года, Ферри сильно возставалъ противъ министерства Эмиля Оливье, бывшаго либерала и своего товарища, и противъ мѣръ правительства, увлекшихъ Францію въ войну, окончившуюся седанскимъ позоромъ и паденіемъ имперіи. При провозглашеніи республики, Ферри сдѣлался членомъ правительства народной обороны, потомъ парижскимъ мэромъ. Во время возстанія 31-го октября, онъ выказалъ много личной храбрости при аттакѣ ратуши, наполненной мятежниками. 18-го марта 1871 года онъ вышелъ послѣднимъ изъ ратуши, оставленной войсками, получивъ приказаніе уступить мятежу, напрасно телеграфируя и парижскому губернатору Винуа, и военному министру, и самому Тьеру, и префекту полиціи, что онъ берется защищать ратушу отъ коммунаровъ. Даже оставивъ ее, онъ пробовалъ собрать вокругъ себя батальоны національной гвардіи и идти съ ними въ ратушу, но офицеры отказались вести своихъ солдатъ, и за эту попытку къ сопротивленію коммунары сбирались разстрѣлять его, но онъ успѣлъ спастись и ночью прибылъ въ Версаль, къ остальнымъ членамъ правительства. Ненависть одной части парижанъ къ Жюлю Ферри началась, впрочемъ, не съ этого времени, а еще раньше, когда онъ ввелъ раздачу съѣстныхъ припасовъ въ Парижѣ по раціонамъ, желая продлить средства дольше выдержать осаду въ городѣ, обложенномъ пруссаками. И за эту предусмотрительность его осыпали проклятіями!

Ферри былъ посланникомъ въ Греціи, когда Тьера низвергнули монархисты, и тотчасъ вышелъ въ отставку, но оставался въ палатѣ грознымъ противникомъ Мак-Магона и легитимистовъ, сбиравшихся отдать Францію во власть не избранника народа, а божіею милостію короля Генриха V. Только когда мак-магоновская клика уступила мѣсто представителямъ истинно-народныхъ стремленій, *Жюль Ферри*, какъ министръ просвѣщенія, могъ внести въ палату свой планъ *реформы школьнаго* образованія и три года боролся съ ретроградами сената,

чтобы ввести въ жизнь и практику преобразованія, направленныя преимущественно къ уничтоженію клерикальнаго вліянія на воспитаніе. Дѣятельность Ферри расширилась еще болѣе, когда онъ сдѣлался главою кабинета послѣ отставки Фрейсине. Его внѣшняя политика выразилась прежде всего въ тунисской экспедиціи, окончившейся протекторатомъ Франціи надъ обширною страною, въ ожиданіи присоединенія ея, какъ колоніи. Другая экспедиція его, въ Тонкинъ, увѣнчалась еще бо́льшимъ успѣхомъ и вполнѣ вознаградила за потерю вліянія на финансовыя дѣла Египта, для распутыванія которыхъ Англія была однако принуждена снова призвать на конференцію не одну Францію, а всю Европу. Едва покончивъ съ Китаемъ, Ферри готовитъ еще третью экспедицію на Мадагаскаръ и заручается преобладающимъ вліяніемъ на развитіе торговыхъ колоній на западномъ берегу Африки по рѣкѣ Конго. Ферри понялъ, что внѣшнее вліяніе страны должно стремиться къ расширенію колоніальныхъ и комерческихъ сношеній, къ подчиненію европейской цивилизаціи мало-образованныхъ народовъ, а не къ расширенію своихъ владѣній насчетъ сосѣдей. Во внутренней политикѣ онъ стремится также къ возможнымъ, а не утопическимъ цѣлямъ. Онъ не ораторъ и не заботится объ округленіи своихъ фразъ въ палатѣ, желая прежде всего убѣдить, а не удивить. Не гонясь за эффектами, онъ защищаетъ свои реформы, доказывая ихъ справедливость и необходимость. Самому блистательному аргументу онъ предпочитаетъ простой фактъ. Онъ слишкомъ твердо убѣжденъ, чтобы прибѣгать къ страстности, софизмамъ, ироніи, и предпочитаетъ дѣйствовать на разсудокъ, а не на увлеченіе. Но онъ всегда и прежде всего—демократъ и патріотъ.

Настойчивость перваго министра Франціи въ преслѣдованіи однажды намѣченныхъ имъ цѣлей яснѣе всего выразилась въ проведеніи имъ закона о разводѣ. Если для введенія воспитательной реформы ему потребовалось три года, то за принятіе закона о разводѣ онъ боролся пять лѣтъ. Еще въ 1880 году, сенатъ огромнымъ большинствомъ отвергнулъ расторженіе брака. Теперь большинствомъ 40 голосовъ принятъ новый законъ. Пренія объ немъ продолжались нѣсколько дней. Въ защиту закона говорилъ Альфредъ Накэ, пять лѣтъ назадъ представлявшій его въ палату. Противъ него ораторствовалъ бывшій либералъ Жюль Симонъ, доказывавшій, какой ужасный ударъ нанесетъ католицизму принятіе развода. На это Накэ очень резонно возразилъ, что католикамъ, считающимъ для себя обязательнымъ только религіозный бракъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія возставать противъ расторженія брака гражданскаго: они могутъ не пользоваться новымъ закономъ, введеннымъ для тѣхъ, кто не признаетъ несуществующаго въ другихъ религіяхъ догмата таинства и нерасторжимости брака. Да и опытъ слишкомъ шестидесяти лѣтъ (разводъ введенъ конвентомъ въ 1792 году и уничтоженъ въ первый годъ реставраціи) *доказалъ, что допущенное во* Франціи разлученіе супруговъ (séparation des

corps) не дозволявшее вступать въ бракъ разлученнымъ, только содѣйс
вало заключенію незаконныхъ связей и сожитій. Къ тому же, новый за
обставленъ строгими гарантіями, въ числѣ которыхъ одна изъ самыхъ важны
запрещеніе разведеннымъ. вступать, въ продолженіе трехъ лѣтъ, въ н
бракъ. Законъ этотъ, впрочемъ, и теперь врядъ-ли бы прошелъ въ сен
еслибы въ то же время Ферри не внесъ въ палату закона о пересмотрѣ
ституціи, направленнаго отчасти и противъ сената за его противодѣйс
полезнымъ законодательнымъ мѣрамъ палаты. Ограниченіе правъ сената
этомъ отношеніи явилось, какъ требованіе общественнаго мнѣнія, и онъ
ровалъ законъ, надѣясь доказать этимъ свою уступчивость.

Пересмотръ конституціи Ферри ограничилъ слѣдующими пунктами: у
тоженіемъ права дальнѣйшихъ пересмотровъ ея, измѣненіемъ условій вы
сенаторовъ пожизненныхъ, обсужденіемъ правъ финансоваго контроля се
и уничтоженіемъ обязательности публичнаго богослуженія при откр
каждой сессіи. Изъ этихъ пунктовъ важнѣе всего, конечно, провозглашеніе
публики окончательною формою правленія, которую не имѣютъ права и
нять законодательныя палаты. Принятіе этого постановленія дѣлаетъ
часъ-же государственными преступниками претендентовъ, которые попыта
бы измѣнить въ свою пользу образъ правленія, принятый страною. Ни
ныя интриги орлеанскихъ принцевъ, ни прокламаціи, восхваляющія импе
не могли бы быть терпимы во Франціи. Принцы, продолжая свои дина
ческіе подкопы, рисковали бы изгнаніемъ или потерею своихъ имущес
Что же касается до «Наполеона IV», то онъ заранѣе, въ виду неизбѣж
принятія помянутаго выше закона, заявилъ въ газетѣ «le Peuple», что
становленіе имперіи вовсе не составляетъ необходимаго условія наполео
ской традиціи и всеобщей подачи голосовъ, и что если воля народа (плебисц
изберетъ республиканскую форму правленія, то онъ готовъ сдѣлаться сам
ревностнымъ республиканцемъ. Пожизненныхъ сенаторовъ Ферри хочетъ
мѣнить выборными на девять лѣтъ и ограничить право сенатскаго конт
Это, конечно, немного, такъ какъ, по сознанію всѣхъ компетентныхъ л
сенатъ составляетъ положительно пятое колесо въ государственной колес
Франціи, но осторожный министръ, не желающій прибѣгать въ радикаль
мѣрамъ, можетъ поступиться во время преній и этими уѣзками сена
власти, чтобы добиться уступокъ по другимъ важнѣйшимъ вопросамъ.
дѣло, значитъ, въ томъ, какое направленіе примутъ эти пренія. Въ ко
избранной для разработки вопроса о пересмотрѣ конституціи, преобла
сторонники пересмотра, а болѣе или менѣе широкая программа измѣнені
детъ зависѣть отъ хода преній и поправокъ, вносимыхъ депутатами.
грамму эту, во время ея чтенія министромъ, крайняя лѣвая сторона п
прерывала нѣсколько разъ взрывами ироническаго смѣха, что весьма

ятно, такъ какъ радикалы желаютъ пол наго измѣненія нынѣшней конституціи и возвращенія къ организаціи первой республики 1792 года, безъ президента, съ одною палатою, заключающею въ себѣ власть законодательную и исполнительную.

Большинство націи въ этомъ вопросѣ—на сторонѣ правительства и хочетъ только уничтоженія между сенатомъ и палатою депутатовъ разногласій, тормозящихъ общій ходъ дѣла. Крайнихъ республиканцевъ во Франціи немного и антипатія къ нимъ массы населенія усиливается еще болѣе, оттого что они продолжаютъ считать коммуну 1871 года идеаломъ правленія, а коммунаровъ—героями и мучениками. И нынче они пробовали справлять день 25-го мая тризною по своимъ товарищамъ, на кладбищѣ Лашеза, гдѣ погибли послѣдніе коммунары при занятіи Парижа версальскими войсками. Дурная погода и мѣры, принятыя полиціею, помѣшали однако бурнымъ демонстраціямъ. Кладбище было занято сильными отрядами стражи. Въ 8 часовъ утра коммунары, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, собрались у входа на кладбище и направились процессіей къ могиламъ павшихъ. Полиція спокойно пропустила ихъ и охраняла только отъ оскорбленій другіе памятники и въ особенности могилу Тьера, ненавидимаго коммунарами. Они принесли вѣнки и букеты изъ красныхъ иммортелей; на лентахъ вѣнковъ были надписи: «Да здравствуетъ коммуна!» «Хлѣба или крови!» Положивъ цвѣты на могилы товарищей, коммунары начали говорить рѣчи, встрѣчаемыя восторженными рукоплесканіями. Но въ 10 часовъ пошелъ дождь и разогналъ толпу. Она собралась опять часа въ два и въ нѣсколько бо́льшемъ числѣ, но все кончилось рѣчами и возгласами, которымъ не мѣшала полиція. Въ сумерки всѣ разошлись съ тѣми же криками въ честь коммуны. Кричать и дѣлать демонстраціи Ферри никому не мѣшаетъ. Онъ не хочетъ только, чтобы дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ съ полиціей, и охотниковъ до кулачной расправы тотчасъ же забираютъ.

Товарищи парижскихъ анархистовъ возобновили свои разрушительныя попытки въ Лондонѣ. 30-го мая произошло въ этомъ городѣ четыре динамитныхъ взрыва: три въ сент-джемскомъ скверѣ, близъ улицы Pall-Mall, четвертый на площади Scotland-Yard, около центральнаго помѣщенія лондонской полиціи. Первые три взрыва, близъ одного изъ самыхъ богатыхъ консервативныхъ клубовъ, ранили нѣсколько человѣкъ прислуги и повредили окна сосѣднихъ домовъ; при послѣднемъ взрывѣ тяжело ранено нѣсколько человѣкъ. Около памятника Нельсона полиція нашла мѣшокъ съ семнадцатью динамитными патронами. На улицахъ Лондона поминутно находятъ динамитные патроны; иногда подозрительные металлическіе ящики, поставленные у стѣнъ домовъ, оказываются набитыми землею. Очевидно, хотятъ держать городъ въ постоянномъ страхѣ, полицію—въ постоянномъ опасеніи. Цѣль динамитчиковъ—не столько вредить, какъ пугать жителей и *утомлять полицію* постоянными розысками. Легко можетъ быть, впро-

чемъ, что подъ шумъ безпрестанныхъ динамитныхъ покушеній готовятся и болѣе серьезныя попытки. Недавно, въ багажѣ двухъ прибывшихъ въ Лондонъ французовъ, найдено значительное количество взрывчатыхъ веществъ. Они отозвались незнаніемъ закона о недозволеніи ввоза такихъ веществъ, которыя имъ были нужны для производства опытовъ въ рудокопняхъ Гласгоу. Полицейскій судья оставилъ этихъ лицъ на свободѣ. Англія платится теперь—и, конечно, поплатится еще больше—за свой отказъ принять участіе въ лигѣ державъ противъ политическихъ убійцъ и динамитчиковъ, о чемъ еще недавно Бисмаркъ прямо заявлялъ въ германскомъ парламентѣ. Полицейскими мѣрами не управиться съ анархистами, и только общія мѣры и соглашеніе всѣхъ европейскихъ державъ могутъ положить конецъ вѣчному опасенію мирныхъ гражданъ и ненормальному положенію вещей. Вѣдь только чистая случайность дѣлала до сихъ поръ безвредными большую часть динамитныхъ покушеній. Можно ли, однако, разсчитывать на постоянное покровительство судьбы? Ирландскіе анархисты открыто объявляютъ о своихъ огромныхъ средствахъ и связяхъ, о намѣреніи уничтожить англійскіе доки, корабли, правительственныя сооруженія, цѣлые города. Неужели слѣдуетъ дожидаться, когда они начнутъ приводить это въ исполненіе?

Ожесточенію Ирландіи Гладстонъ думаетъ положить конецъ улучшеніемъ быта ея земледѣльческихъ классовъ, превращеніемъ сельскихъ пролетаріевъ острова въ земельныхъ собственниковъ. Достигнуть этого онъ хочетъ путемъ выкупа у землевладѣльцевъ фермъ, арендуемыхъ крестьянами—конечно, съ правительственною помощью. Еще въ 1881 году, англійскій премьеръ положилъ начало осуществленію этого плана своимъ «земельнымъ актомъ» (Land-act), по которому фермерамъ, желающимъ купить земельные участки, выдавалась ссуда въ размѣрѣ двухъ третей стоимости участка, съ погашеніемъ долга въ 35-ть лѣтъ уплатою $3^1/_2$ процентовъ. Ландорды, наживающіеся безчеловѣчною эксплуатаціею своихъ фермеровъ, приняли этотъ билль, убѣжденные въ томъ, что при страшной бѣдности фермеровъ они не будутъ въ состояніи внести и одной трети суммы за участокъ и все останется по старому. Они не ошиблись въ своихъ разсчетахъ: изъ 560,000 ирландскихъ фермеровъ, только 1,400 оказались въ состояніи купить свои участки съ помощью правительства. Гладстонъ однако не оставилъ своего плана, и теперь внесъ въ парламентъ новый билль, по которому правительство уплачиваетъ три четверти цѣны участка и возвращеніе ссуды разсрочиваетъ на 40 лѣтъ, съ уплатою $3^1/_4$ процентовъ. Тѣмъ же фермерамъ, которые не въ состояніи уплатить и четверти цѣны за участокъ, дается въ ссуду вся сумма, съ погашеніемъ долга въ 33 года. Для этой цѣли правительство ассигнуетъ 20 милліоновъ фунтовъ (200 милліоновъ рублей) по 5-ти милліоновъ фунт. въ теченіе четырехъ лѣтъ. Но эта прекрасная гуманная мѣра, конечно, будетъ отвергнута ландлордами и самими ирландцами, членами парламента, все еще надѣющимися *достигнуть* отторженія Ирландіи отъ Англіи съ помощью сельскаго населенія, не-

довольнаго своимъ тяжелымъ положеніемъ. Во всякомъ случаѣ, старанія Гладстона уничтожить сельскій пролетаріатъ и причины бѣдствій и недовольства Ирландіи—заслуживаютъ благодарности всего міра.

Положеніе фермеровъ изъ мелкаго населенія незавидно не въ одной Ирландіи. Недавно королевская комисія издала свои труды по изслѣдованію этого сословія въ Шотландіи. Тамошніе фермеры, скученные на неудобныхъ земляхъ, подвергаются произвольнымъ увеличеніямъ арендной платы безъ всякаго обезпеченія владѣнія; это возбуждаетъ по временамъ серьезные безпорядки. Есть графства въ Шотландіи, гдѣ одинъ бѣднякъ приходится на 20 человѣкъ населенія, которое почти вездѣ замѣтно уменьшается. Въ то время, когда труженики бѣдствуютъ отъ недостатка земли, огромные участки намѣренно запускаются ландлордами для охоты и разведенія дичи. Бѣдняки живутъ въ грязныхъ лачугахъ, подъ одной кровлей съ лошадьми, коровами, свиньями и домашней птицей. Комисія, описавшая печальное положеніе фермеровъ, для улучшенія его совѣтуетъ прибѣгнуть къ общинному пользованію землею, слѣды котораго существуютъ, по отношенію къ пахотнымъ и пастбищнымъ участкамъ, въ такъ называемомъ шотландскомъ тоуншипѣ. Комисія предлагаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько мѣръ для обузданія жадности ландлордовъ, но всѣ эти мѣры должны пройти черезъ парламентъ, гдѣ засѣдаютъ тѣ же лорды, особенно въ верхней палатѣ—и потому мало надежды, чтобы мѣры эти были приняты. Ихъ считаютъ опасными и называютъ соціалистическими, забывая, что многія положенія соціализма даже такой монархистъ и консерваторъ, какъ Бисмаркъ, считаетъ единственнымъ средствомъ для уничтоженія пауперизма. По вопросу, могутъ-ли соціалисты принести пользу англійскому народу, происходили даже въ прошломъ мѣсяцѣ любопытныя публичныя пренія въ Лондонѣ между главою демократической федераціи Гайндманомъ и извѣстнымъ атеистомъ Брэдло, не вѣрящимъ и въ соціализмъ. Гайндманъ доказывалъ, что никогда люди не обладали бо́льшею властью надъ силами природы, какъ въ настоящее время. Силы эти, какъ паръ, электричество и пр., создаютъ огромныя богатства, и страшную бѣдность, господствующую въ то же время, нельзя объяснять себѣ избыткомъ населенія. О необходимости ограничить населеніе твердятъ тѣ, кто ничего не производятъ. Между тѣмъ, производящіе богатство принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ классамъ, а тѣ, кто ничего не производятъ—къ богатѣйшимъ. Большинство не имѣетъ ни земли, ни мѣста, ни кредита, а только одну физическую и умственную силу. И эти люди должны еще соперничать другъ съ другомъ, чтобы поддержать свое существованіе. Рабочіе, живущіе впроголодь, создаютъ богатство и роскошь, насъ окружающія. Непомѣрная конкуренція заставляетъ производить товары и цѣнности скорѣе и не той уже прочности какъ бы слѣдовало; она же служитъ причиною поддѣлки и фальсификаціи множества произведеній. Изобрѣтеніе новыхъ машинъ порождаетъ новые промышленные кризисы. Въ Америкѣ огромные запасы хлѣба лежатъ въ

торахъ, въ Лондонѣ рабочій не можетъ найти работы, которая дала бы ему кусокъ хлѣба. Магазины завалены платьями, обувью, а сколько бѣдныхъ ходятъ оборванными и босыми. Государство, для устраненія анархіи, вытекающей изъ настоящаго экономическаго строя, вмѣшивается въ такъ называемыя свободныя экономическія отношенія, устанавливаетъ нѣкоторую отвѣтственность для фабрикантовъ; но такая организація должна быть въ интересахъ трудящихся классовъ, а не заводчиковъ. Государство организовало, напримѣръ, почтовыя учрежденія, такъ что они даютъ $2^1/_2$ милліона фунт. стерл. барыша, а почтовые служащіе получаютъ плату, едва достаточную на пропитаніе. Способные и талантливые люди работаютъ безостановочно изъ-за куска хлѣба. Развѣ это не то же рабство и еще въ одной изъ самыхъ гнусныхъ формъ? Рабочіе требуютъ восьмишилинговой платы и восьми часовъ труда въ сутки, другіе восемь часовъ должны быть посвящены сну, а остальные восемь отдыху и развлеченію. (Eight hours work, eight hours sleep and eight shilling a day—девизъ англійскихъ рабочихъ). Соціализмъ учитъ, что четырехчасовой трудъ въ день, при надлежащей организаціи, достаточенъ для того, чтобы обезпечить комфортъ каждаго, но это можетъ быть сдѣлано только при общемъ правѣ пользованія землею, капиталомъ, машинами и кредитомъ. Брэдло въ своемъ возраженіи не опровергалъ экономическихъ золъ, но говорилъ, что устранить ихъ должны усилія частныхъ лицъ, а не правительства. Соціальныя реформы могутъ быть произведены только насильственно, а это поведетъ къ революціи. Уничтоженіе частной собственности парализуетъ индивидуальную энергію, лежащую въ основѣ всякаго прогресса. Безъ личныхъ выгодъ не будетъ личной энергіи, побужденія къ сбереженіямъ, къ избѣжанію безполезныхъ тратъ. Число собственниковъ въ Англіи значительнѣе, чѣмъ думаютъ; это доказываютъ сберегательныя кассы и разныя товарищества на паяхъ. Гайндманъ возражалъ на это, что для водворенія соціалистическаго порядка можетъ быть употреблена такая же сила, какъ и для поддержанія настоящаго плачевнаго экономическаго строя. Великими умами двигали не личныя, эгоистическія цѣли. Ньютонъ, Дарвинъ, Фарадей трудились вовсе не изъ-за наживы. Число вкладчиковъ въ разные банки и товарищества не можетъ служить доказательствомъ благосостоянія рабочихъ классовъ: изъ 12 милліоновъ ежегоднаго національнаго дохода, въ Англіи на долю рабочихъ приходится только одна четверть. На этихъ преніяхъ не вотировали и не формулировали никакихъ предложеній.

Въ послѣднее время, къ опасеніямъ, производимымъ безпорядками соціалистовъ и рабочихъ, присоединились и антиеврейскіе безпорядки въ одномъ изъ промышленныхъ городовъ— Лимерикѣ. Англійскія газеты почти ничего не *говорятъ* объ этихъ сценахъ, потому что еще недавно, по поводу подобныхъ *безпорядковъ* въ Россіи, Германіи и Австріи, онѣ доказывали въ одинъ голосъ

что виною преслѣдованія евреевъ—неразвитость самого общества. А теперь и въ развитомъ обществѣ выбили всѣ окна въ улицѣ, населенной евреями, нанесли тяжелыя раны двумъ евреямъ, осмѣлившимся показаться на улицѣ, и сильно ушибли ребенка камнемъ, брошеннымъ въ окно еврейской квартиры. Полиція съ трудомъ водворила порядокъ—неизвѣстно надолго-ли. Газета „Jewish World" совѣтуетъ лучше выселить лимерикскихъ евреевъ въ какое нибудь «менѣе буйное мѣсто».

Сильное неудовольствіе возбудило также разоблаченіе продѣлокъ эмиграціонныхъ обществъ, во главѣ которыхъ стоятъ самые богатые и знатные члены англійской аристократіи. Эти лорды, скупивъ огромные земельные участки въ Канадѣ, заботятся, конечно, о повышеніи цѣнности своей земли и стараются всѣми средствами привлечь къ покупкѣ и арендѣ этихъ участковъ—эмигрантовъ, отправляющихся въ Америку. Съ этой цѣлью, въ газетахъ печатаются самыя заманчивыя рекламы о прелестяхъ канадской жизни для рабочаго и въ особенности сельскаго; составляются митинги, на которыхъ ораторы, будто бы вернувшіеся изъ новаго свѣта, описываютъ его розовыми красками. Видную роль въ содѣйствіи эмиграціи въ Канаду играетъ маркизъ Лорнъ, бывшій канадскій генералъ-губернаторъ, зять королевы и сынъ герцога Аргайля, одного изъ самыхъ безпощадныхъ шотландскихъ лордовъ. Маркизъ сулитъ эмигрантамъ въ Канадѣ райскую жизнь. Но недавно канадскіе рабочіе прислали ему адресъ, въ которомъ говорятъ, что маркизъ вводитъ въ заблужденіе англійскихъ рабочихъ, конечно, неумышленно, «но это не измѣняетъ факта, такъ какъ рабочіе, склоняемые совѣтомъ, подаваемымъ хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, но не подкрѣпленнымъ фактами, оставляютъ сносное положеніе въ Англіи и переселяются въ Канаду, гдѣ генералъ-губернаторы, незнакомые съ тѣмъ, какъ живутъ рабочіе, не отличаются и заботливостью о томъ, получаютъ ли рабочіе достаточную для поддержанія человѣческаго существованія плату за свой трудъ и искусство. Ваше лордство не составляетъ исключенія изъ этого правила». Бывшій правитель Канады долженъ былъ бы знать, что жизнь рабочаго тамъ дороже уже и потому, что въ зиму, продолжающуюся четыре съ половиною мѣсяца, работы очень мало и лѣтомъ необходимо работать больше, чтобы обезпечить себя на зиму. Письмо канадскихъ рабочихъ произвело сильное впечатлѣніе.

Любопытно, что въ Лондонѣ, въ то же время, какъ и у насъ, происходитъ борьба столицы съ монопольнымъ обществомъ, снабжающимъ городъ водою. Здравая экономія давно уже доказываетъ, что отдача акціонернымъ компаніямъ такихъ предпріятій, какъ освѣщеніе, водоснабженіе, устройство складовъ (элеваторовъ) весьма невыгодна и часто разорительна для городскихъ управленій. Но и теорія, и примѣръ Англіи, очевидно, не научаютъ другія страны разумному *веденію дѣла. Лондонскій* муниципалитетъ давно уже хлопоталъ о выкупѣ воды

corps) не дозволявшее вступать въ бракъ разлученнымъ, только содѣйствовало заключенію незаконныхъ связей и сожитій. Къ тому же, новый законъ обставленъ строгими гарантіями, въ числѣ которыхъ одна изъ самыхъ важныхъ — запрещеніе разведеннымъ вступать, въ продолженіе трехъ лѣтъ, въ новый бракъ. Законъ этотъ, впрочемъ, и теперь врядъ-ли бы прошелъ въ сенатѣ, еслибы въ то же время Ферри не внесъ въ палату закона о пересмотрѣ конституціи, направленнаго отчасти и противъ сената за его противодѣйствіе полезнымъ законодательнымъ мѣрамъ палаты. Ограниченіе правъ сената въ этомъ отношеніи явилось, какъ требованіе общественнаго мнѣнія, и онъ вотировалъ законъ, надѣясь доказать этимъ свою уступчивость.

Пересмотръ конституціи Ферри ограничилъ слѣдующими пунктами: уничтоженіемъ права дальнѣйшихъ пересмотровъ ея, измѣненіемъ условій выбора сенаторовъ пожизненныхъ, обсужденіемъ правъ финансоваго контроля сената и уничтоженіемъ обязательности публичнаго богослуженія при открытіи каждой сессіи. Изъ этихъ пунктовъ важнѣе всего, конечно, провозглашеніе республики окончательною формою правленія, которую не имѣютъ права измѣнять законодательныя палаты. Принятіе этого постановленія дѣлаетъ тотчасъ-же государственными преступниками претендентовъ, которые попытались бы измѣнить въ свою пользу образъ правленія, принятый страною. Ни тайныя интриги орлеанскихъ принцевъ, ни прокламаціи, восхваляющія имперію, не могли бы быть терпимы во Франціи. Принцы, продолжая свои династическіе подкопы, рисковали бы изгнаніемъ или потерею своихъ имуществъ. Что же касается до «Наполеона IV», то онъ заранѣе, въ виду неизбѣжнаго принятія помянутаго выше закона, заявилъ въ газетѣ «le Peuple», что возстановленіе имперіи вовсе не составляетъ необходимаго условія наполеоновской традиціи и всеобщей подачи голосовъ, и что если воля народа (плебисцитъ) изберетъ республиканскую форму правленія, то онъ готовъ сдѣлаться самымъ ревностнымъ республиканцемъ. Пожизненныхъ сенаторовъ Ферри хочетъ замѣнить выборными на девять лѣтъ и ограничить право сенатскаго контроля. Это, конечно, немного, такъ какъ, по сознанію всѣхъ компетентныхъ лицъ, сенатъ составляетъ положительно пятое колесо въ государственной колесницѣ Франціи, но осторожный министръ, не желающій прибѣгать въ радикальнымъ мѣрамъ, можетъ поступиться во время преній и этими урѣзками сенатской власти, чтобы добиться уступокъ по другимъ важнѣйшимъ вопросамъ. Все дѣло, значитъ, въ томъ, какое направленіе примутъ эти пренія. Въ комиссіи, избранной для разработки вопроса о пересмотрѣ конституціи, преобладаютъ сторонники пересмотра, а болѣе или менѣе широкая программа измѣненій будетъ зависѣть отъ хода преній и поправокъ, вносимыхъ депутатами. Программу эту, во время ея чтенія министромъ, крайняя лѣвая сторона палаты прерывала нѣсколько разъ взрывами ироническаго смѣха, что весьма по-

мятно, такъ какъ радикалы желаютъ пол наго измѣненія нынѣшней конституціи и возвращенія къ организаціи первой республики 1792 года, безъ президента, съ одною палатою, заключающею въ себѣ власть законодательную и исполнительную.

Большинство націи въ этомъ вопросѣ—на сторонѣ правительства и хочетъ только уничтоженія между сенатомъ и палатою депутатовъ разногласій, тормозящихъ общій ходъ дѣла. Крайнихъ республиканцевъ во Франціи немного и антипатія къ нимъ массы населенія усиливается еще болѣе, оттого что они продолжаютъ считать коммуну 1871 года идеаломъ правленія, а коммунаровъ—героями и мучениками. И нынче они пробовали справлять день 25-го мая тризною по своимъ товарищамъ, на кладбищѣ Лашеза, гдѣ погибли послѣдніе коммунары при занятіи Парижа версальскими войсками. Дурная погода и мѣры, принятыя полиціею, помѣшали однако бурнымъ демонстраціямъ. Кладбище было занято сильными отрядами стражи. Въ 8 часовъ утра коммунары, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, собрались у входа на кладбище и направились процессіей къ могиламъ павшихъ. Полиція спокойно пропустила ихъ и охраняла только отъ оскорбленій другіе памятники и въ особенности могилу Тьера, ненавидимаго коммунарами. Они принесли вѣнки и букеты изъ красныхъ иммортелей; на лентахъ вѣнковъ были надписи: «Да здравствуетъ коммуна!» «Хлѣба или крови!» Положивъ цвѣты на могилы товарищей, коммунары начали говорить рѣчи, встрѣчаемыя восторженными рукоплесканіями. Но въ 10 часовъ пошелъ дождь и разогналъ толпу. Она собралась опять часа въ два и въ нѣсколько бо́льшемъ числѣ, но все кончилось рѣчами и возгласами, которымъ не мѣшала полиція. Въ сумерки всѣ разошлись съ тѣми же криками въ честь коммуны. Кричать и дѣлать демонстраціи Ферри никому не мѣшаетъ. Онъ не хочетъ только, чтобы дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ съ полиціей, и охотниковъ до кулачной расправы тотчасъ же забираютъ.

Товарищи парижскихъ анархистовъ возобновили свои разрушительныя попытки въ Лондонѣ. 30-го мая произошло въ этомъ городѣ четыре динамитныхъ взрыва: три въ сент-джемскомъ скверѣ, близь улицы Pall-Mall, четвертый на площади Scotland-Yard, около центральнаго помѣщенія лондонской полиціи. Первые три взрыва, близь одного изъ самыхъ богатыхъ консервативныхъ клубовъ, ранили нѣсколько человѣкъ прислуги и повредили окна сосѣднихъ домовъ; при послѣднемъ взрывѣ тяжело ранено нѣсколько человѣкъ. Около памятника Нельсона полиція нашла мѣшокъ съ семнадцатью динамитными патронами. На улицахъ Лондона поминутно находятъ динамитные патроны; иногда подозрительные металлическіе ящики, поставленные у стѣнъ домовъ, оказываются набитыми землею. Очевидно, хотятъ держать городъ въ постоянномъ страхѣ, полицію—въ постоянномъ опасеніи. Цѣль динамитчиковъ—не столько вредить, какъ пугать *жителей и утомлять полицію* постоянными розысками. Легко можетъ быть, впро-

чемъ, что подъ шумъ безпрестанныхъ динамитныхъ покушеній готовятся и болѣе серьезныя попытки. Недавно, въ багажѣ двухъ прибывшихъ въ Лондонъ французовъ, найдено значительное количество взрывчатыхъ веществъ. Они отозвались незнаніемъ закона о недозволеніи ввоза такихъ веществъ, которыя имъ были нужны для производства опытовъ въ рудокопняхъ Гласгоу. Полицейскій судья оставилъ этихъ лицъ на свободѣ. Англія платится теперь—и, конечно, поплатится еще больше—за свой отказъ принять участіе въ лигѣ державъ противъ политическихъ убійцъ и динамитчиковъ, о чемъ еще недавно Бисмаркъ прямо заявлялъ въ германскомъ парламентѣ. Полицейскими мѣрами не управиться съ анархистами, и только общія мѣры и соглашеніе всѣхъ европейскихъ державъ могутъ положить конецъ вѣчному опасенію мирныхъ гражданъ и ненормальному положенію вещей. Вѣдь только чистая случайность дѣлала до сихъ поръ безвредными бо̀льшую часть динамитныхъ покушеній. Можно ли, однако, разсчитывать на постоянное покровительство судьбы? Ирландскіе анархисты открыто объявляютъ о своихъ огромныхъ средствахъ и связяхъ, о намѣреніи уничтожить англійскіе доки, корабли, правительственныя сооруженія, цѣлые города. Неужели слѣдуетъ дожидаться, когда они начнутъ приводить это въ исполненіе?

Ожесточенію Ирландіи Гладстонъ думаетъ положить конецъ улучшеніемъ быта ея земледѣльческихъ классовъ, превращеніемъ сельскихъ пролетаріевъ острова въ земельныхъ собственниковъ. Достигнуть этого онъ хочетъ путемъ выкупа у землевладѣльцевъ фермъ, арендуемыхъ крестьянами—конечно, съ правительственною помощью. Еще въ 1881 году, англійскій премьеръ положилъ начало осуществленію этого плана своимъ «земельнымъ актомъ» (Land-act), по которому фермерамъ, желающимъ купить земельные участки, выдавалась ссуда въ размѣрѣ двухъ третей стоимости участка, съ погашеніемъ долга въ 35-ть лѣтъ уплатою $3^1/_2$ процентовъ. Ландлорды, наживающіеся безчеловѣчною эксплуатаціею своихъ фермеровъ, приняли этотъ билль, убѣжденные въ томъ, что при страшной бѣдности фермеровъ они не будутъ въ состояніи внести и одной трети суммы за участокъ и все останется по старому. Они не ошиблись въ своихъ разсчетахъ: изъ 560,000 ирландскихъ фермеровъ, только 1,400 оказались въ состояніи купить свои участки съ помощью правительства. Гладстонъ однако не оставилъ своего плана, и теперь внесъ въ парламентъ новый билль, по которому правительство уплачиваетъ три четверти цѣны участка и возвращеніе ссуды разсрочиваетъ на 40 лѣтъ, съ уплатою $3^1/_4$ процентовъ. Тѣмъ же фермерамъ, которые не въ состояніи уплатить и четверти цѣны за участокъ, дается въ ссуду вся сумма, съ погашеніемъ долга въ 33 года. Для этой цѣли правительство ассигнуетъ 20 милліоновъ фунтовъ (200 милліоновъ рублей) по 5-ти милліоновъ фунт. въ теченіе четырехъ лѣтъ. Но эта прекрасная гуманная мѣра, конечно, будетъ отвергнута ландлордами и самими ирландцами, членами парламента, все еще надѣющимися *достигнуть отторженія* Ирландіи отъ Англіи съ помощью сельскаго населенія, не-

довольнаго своимъ тяжелымъ положеніемъ. Во всякомъ случаѣ, старанія Гладстона уничтожить сельскій пролетаріатъ и причины бѣдствій и недовольства Ирландіи—заслуживаютъ благодарности всего міра.

Положеніе фермеровъ изъ мелкаго населенія незавидно не въ одной Ирландіи. Недавно королевская комисія издала свои труды по изслѣдованію этого сословія въ Шотландіи. Тамошніе фермеры, скученные на неудобныхъ земляхъ, подвергаются произвольнымъ увеличеніямъ арендной платы безъ всякаго обезпеченія владѣнія; это возбуждаетъ по временамъ серьезные безпорядки. Есть графства въ Шотландіи, гдѣ одинъ бѣднякъ приходится на 20 человѣкъ населенія, которое почти вездѣ замѣтно уменьшается. Въ то время, когда труженики бѣдствуютъ отъ недостатка земли, огромные участки намѣренно запускаются ландлордами для охоты и разведенія дичи. Бѣдняки живутъ въ грязныхъ лачугахъ, подъ одной кровлей съ лошадьми, коровами, свиньями и домашней птицей. Комисія, описавшая печальное положеніе фермеровъ, для улучшенія его совѣтуетъ прибѣгнуть къ общинному пользованію землею, слѣды котораго существуютъ, по отношенію къ пахотнымъ и пастбищнымъ участкамъ, въ такъ называемомъ шотландскомъ тоуншипѣ. Комисія предлагаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько мѣръ для обузданія жадности ландлордовъ, но всѣ эти мѣры должны пройти черезъ парламентъ, гдѣ засѣдаютъ тѣ же лорды, особенно въ верхней палатѣ—и потому мало надежды, чтобы мѣры эти были приняты. Ихъ считаютъ опасными и называютъ соціалистическими, забывая, что многія положенія соціализма даже такой монархистъ и консерваторъ, какъ Бисмаркъ, считаетъ единственнымъ средствомъ для уничтоженія пауперизма. По вопросу, могутъ-ли соціалисты принести пользу англійскому народу, происходили даже въ прошломъ мѣсяцѣ любопытныя публичныя пренія въ Лондонѣ между главою демократической федераціи Гайндманомъ и извѣстнымъ атеистомъ Брэдло, не вѣрящимъ и въ соціализмъ. Гайндманъ доказывалъ, что никогда люди не обладали бо́льшею властью надъ силами природы, какъ въ настоящее время. Силы эти, какъ паръ, электричество и пр., создаютъ огромныя богатства, и страшную бѣдность, господствующую въ то же время, нельзя объяснять себѣ избыткомъ населенія. О необходимости ограничить населеніе твердятъ тѣ, кто ничего не производятъ. Между тѣмъ, производящіе богатство принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ классамъ, а тѣ, кто ничего не производятъ—къ богатѣйшимъ. Большинство не имѣетъ ни земли, ни мѣста, ни кредита, а только одну физическую и умственную силу. И эти люди должны еще соперничать другъ съ другомъ, чтобы поддержать свое существованіе. Рабочіе, живущіе впроголодь, создаютъ богатство и роскошь, насъ окружающія. Непомѣрная конкуренція заставляетъ производить товары и цѣнности скорѣе и не той уже прочности какъ бы слѣдовало; она же служитъ причиною поддѣлки и фальсификаціи множества произведеній. Изобрѣтеніе новыхъ машинъ порождаетъ новые промышленные кризисы. Въ Америкѣ огромные запасы хлѣба лежатъ въ элева-

торахъ, въ Лондонѣ рабочій не можетъ найти работы, которая дала бы ему кусокъ хлѣба. Магазины завалены платьями, обувью, а сколько бѣдныхъ ходятъ оборванными и босыми. Государство, для устраненія анархіи, вытекающей изъ настоящаго экономическаго строя, вмѣшивается въ такъ называемыя свободныя экономическія отношенія, устанавливаетъ нѣкоторую отвѣтственность для фабрикантовъ; но такая организація должна быть въ интересахъ трудящихся классовъ, а не заводчиковъ. Государство организовало, напримѣръ, почтовыя учрежденія, такъ что они даютъ $2^1/_2$ милліона фунт. стерл. барыша, а почтовые служащіе получаютъ плату, едва достаточную на пропитаніе. Способные и талантливые люди работаютъ безостановочно изъ-за куска хлѣба. Развѣ это не то же рабство и еще въ одной изъ самыхъ гнусныхъ формъ? Рабочіе требуютъ восьмишилинговой платы и восьми часовъ труда въ сутки, другіе восемь часовъ должны быть посвящены сну, а остальные восемь отдыху и развлеченію. (Eight hours work, eight hours sleep and eight shilling a day—девизъ англійскихъ рабочихъ). Соціализмъ учитъ, что четырехчасовой трудъ въ день, при надлежащей организаціи, достаточенъ для того, чтобы обезпечить комфортъ каждаго, но это можетъ быть сдѣлано только при общемъ правѣ пользованія землею, капиталомъ, машинами и кредитомъ. Брэдло въ своемъ возраженіи не опровергалъ экономическихъ золъ, но говорилъ, что устранить ихъ должны усилія частныхъ лицъ, а не правительства. Соціальныя реформы могутъ быть произведены только насильственно, а это поведетъ къ революціи. Уничтоженіе частной собственности парализуетъ индивидуальную энергію, лежащую въ основѣ всякаго прогресса. Безъ личныхъ выгодъ не будетъ личной энергіи, побужденія къ сбереженіямъ, къ избѣжанію безполезныхъ тратъ. Число собственниковъ въ Англіи значительнѣе, чѣмъ думаютъ; это доказываютъ сберегательныя кассы и разныя товарищества на паяхъ. Гайндманъ возражалъ на это, что для водворенія соціалистическаго порядка можетъ быть употреблена такая же сила, какъ и для поддержанія настоящаго плачевнаго экономическаго строя. Великими умами двигали не личныя, эгоистическія цѣли. Ньютонъ, Дарвинъ, Фарадей трудились вовсе не изъ-за наживы. Число вкладчиковъ въ разные банки и товарищества не можетъ служить доказательствомъ благосостоянія рабочихъ классовъ: изъ 12 милліоновъ ежегоднаго національнаго дохода, въ Англіи на долю рабочихъ приходится только одна четверть. На этихъ преніяхъ не вотировали и не формулировали никакихъ предложеній.

Въ послѣднее время, къ опасеніямъ, производимымъ безпорядками соціалистовъ и рабочихъ, присоединились и антиеврейскіе безпорядки въ одномъ изъ промышленныхъ городовъ— Лимерикѣ. Англійскія газеты почти ничего не говорятъ объ этихъ сценахъ, потому что еще недавно, по поводу подобныхъ *безпорядковъ въ Россіи*, Германіи и Австріи, онѣ доказывали въ одинъ голосъ

что виною преслѣдованія евреевъ—неразвитость самого общества. А теперь и въ развитомъ обществѣ выбили всѣ окна въ улицѣ, населенной евреями, нанесли тяжелыя раны двумъ евреямъ, осмѣлившимся показаться на улицѣ, и сильно ушибли ребенка камнемъ, брошеннымъ въ окно еврейской квартиры. Полиція съ трудомъ водворила порядокъ—неизвѣстно надолго-ли. Газета „Jewish World" совѣтуетъ лучше выселить лимерикскихъ евреевъ въ какое нибудь «менѣе буйное мѣсто».

Сильное неудовольствіе возбудило также разоблаченіе продѣлокъ эмиграціонныхъ обществъ, во главѣ которыхъ стоятъ самые богатые и знатные члены англійской аристократіи. Эти лорды, скупивъ огромные земельные участки въ Канадѣ, заботятся, конечно, о повышеніи цѣнности своей земли и стараются всѣми средствами привлечь къ покупкѣ и арендѣ этихъ участковъ—эмигрантовъ, отправляющихся въ Америку. Съ этой цѣлью, въ газетахъ печатаются самыя заманчивыя рекламы о прелестяхъ канадской жизни для рабочаго и въ особенности сельскаго; составляются митинги, на которыхъ ораторы, будто бы вернувшіеся изъ новаго свѣта, описываютъ его розовыми красками. Видную роль въ содѣйствіи эмиграціи въ Канаду играетъ маркизъ Лорнъ, бывшій канадскій генералъ-губернаторъ, зять королевы и сынъ герцога Аргайля, одного изъ самыхъ безпощадныхъ шотландскихъ лордовъ. Маркизъ сулитъ эмигрантамъ въ Канадѣ райскую жизнь. Но недавно канадскіе рабочіе прислали ему адресъ, въ которомъ говорятъ, что маркизъ вводитъ въ заблужденіе англійскихъ рабочихъ, конечно, неумышленно, «но это не измѣняетъ факта, такъ какъ рабочіе, склоняемые совѣтомъ, подаваемымъ хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, но не подкрѣпленнымъ фактами, оставляютъ сносное положеніе въ Англіи и переселяются въ Канаду, гдѣ генералъ-губернаторы, незнакомые съ тѣмъ, какъ живутъ рабочіе, не отличаются и заботливостью о томъ, получаютъ ли рабочіе достаточную для поддержанія человѣческаго существованія плату за свой трудъ и искусство. Ваше лордство не составляетъ исключенія изъ этого правила». Бывшій правитель Канады долженъ былъ бы знать, что жизнь рабочаго тамъ дороже уже и потому, что въ зиму, продолжающуюся четыре съ половиною мѣсяца, работы очень мало и лѣтомъ необходимо работать больше, чтобы обезпечить себя на зиму. Письмо канадскихъ рабочихъ произвело сильное впечатлѣніе.

Любопытно, что въ Лондонѣ, въ то же время, какъ и у насъ, происходитъ борьба столицы съ монопольнымъ обществомъ, снабжающимъ городъ водою. Здравая экономія давно уже доказываетъ, что отдача акціонернымъ компаніямъ такихъ предпріятій, какъ освѣщеніе, водоснабженіе, устройство складовъ (элеваторовъ) весьма невыгодна и часто разорительна для городскихъ управленій. Но и теорія, и примѣръ Англіи, очевидно, не научаютъ другія страны разумному *веденію дѣла. Лондонскій* муниципалитетъ давно уже хлопоталъ о выкупѣ водо-

проводовъ у частныхъ компаній, и еще Биконсфильдъ представилъ въ парламентъ проэктъ такого выкупа, но изъ уваженія къ монополистамъ и капиталистамъ согласился на такую сумму, потребованную ими, что городъ пришелъ въ ужасъ. Теперь Гладстонъ рѣшился прибѣгнуть къ законодательной мѣрѣ, чтобы обуздать алчность компаній. Дѣло въ томъ, что въ Лондонѣ думскіе воротилы, и въ то же время члены водопроводныхъ компаній, составили такой контрактъ, по которому, пользуясь неясностью одной статьи (tout comme chez nous!) обложили потребителей воды излишнею платою, доходящею въ иныхъ случаяхъ до 50 процентовъ. Беззащитная публика, которую обманываютъ и грабятъ, стала жаловаться. Адвокаты водопроводчиковъ отвѣчали громкими фразами о посягательствѣ на собственность, о конфискаціи права, неисполненіи контракта. Тогда въ парламентъ внесенъ былъ билль, разъясняющій, на основаніи справедливости, недомолвку контракта и требующій пониженія платы за воду до прежней нормы 1847 года, то есть на тѣ же 50 процентовъ. Это будетъ хорошимъ урокомъ и монополистамъ, и думамъ.

Но въ то время, когда Гладстонъ дѣйствуетъ такъ гуманно и справедливо во всѣхъ дѣлахъ, касающихся внутренняго управленія Англіи, его внѣшняя политика возбуждаетъ сильное неудовольствіе, и нельзя сказать, чтобы неосновательное. Нескончаемый суданскій вопросъ создалъ первому министру Англіи многочисленныхъ противниковъ, болѣе всего негодующихъ на то, что Гладстонъ не торопится помочь Гордону, осажденному мятежниками въ Хартумѣ. Правда, отправка этого авантюриста въ Суданъ была навязана Гладстону консерваторами, но онъ уже слишкомъ равнодушно относится къ положенію англійскаго генерала, хотя положеніе это далеко не отчаянное и всѣ телеграммы о близкой гибели его, очевидно, фабрикуются въ Каирѣ, съ цѣлью показать безсиліе Англіи въ прекращенія возстанія. Не смотря на это, консерваторы внесли въ палату общинъ предложеніе подвергнуть дѣйствія правительства цензурѣ, то есть выговору, за то, что оно не принимаетъ мѣръ ни къ облегченію миссіи Гордона, ни въ видахъ его личной безопасности. Гладстонъ отвѣчалъ на это, что никакихъ мѣръ и принимать не нужно, что онѣ, вѣроятно, не представятся и въ будущемъ. Цензура была отвергнута, но большинствомъ только 28-ми голосовъ, тогда какъ въ февралѣ, по тому же вопросу, это большинство было въ 49 голосовъ. Это доказываетъ, что премьеръ въ короткое время потерялъ много приверженцевъ своей внѣшней политики, правду сказать, не отличающейся ни твердостью, ни послѣдовательностью. Немало недовольныхъ возбуждаетъ и его конференція по египетскимъ дѣламъ и уступки Франціи въ ея требованіи — разъяснить цѣль этой конференціи. Дѣло дошло до того, что, въ день открытія лондонской гигіенической выставки, избранная публика свистала Гладстону, явившемуся на торжество. *Все это опасные* симптомы въ парламентскомъ правленіи, гдѣ случайно образовавшееся *большинство*, недовольное въ данную минуту министромъ, можетъ ихъ

вергнуть его и передать власть въ руки консерваторовъ, программа которыхъ въ суданскомъ вопросѣ: отправленіе сильной экспедиціонной арміи въ Хартумъ и протекторатъ Англіи надъ завоеваннымъ Суданомъ. Эта перспектива, нисколько не улыбающаяся благоразумнымъ людямъ, равнодушно относящимся къ Гордону и Судану, удерживаетъ еще многихъ въ рядахъ приверженцевъ Гладстона, предпочитающихъ его выжидательную политику въ Египтѣ рѣшительнымъ проэктамъ его противниковъ. Самъ премьеръ, очевидно, ждетъ, чѣмъ кончатся переговоры адмирала Гьюэта съ абиссинскимъ негушемъ, котораго англичане втягиваютъ въ войну съ Махди всякаго рода обѣщаніями.

Не менѣе Судана англичанъ безпокоитъ и распространеніе русскихъ владѣній къ границамъ Афганистана. Объ этомъ «угрожающемъ движеніи» толкуютъ и въ парламентѣ, и въ газетахъ, и на митингахъ. «Times» сообщилъ объ уступкѣ намъ Персіею Серахса, и лордъ Гренвиль долженъ былъ объяснять верхней и нижней палатамъ, что̀ за мѣстность Серахсъ, что это вовсе не персидская крѣпость, а возвышенная равнина на восточномъ берегу Теджента. Изъ всѣхъ газетъ одна «Daily News» основательно замѣчаетъ, что «та же самая судьба, которая заставила Англію двигаться въ Индію все далѣе, пока она не остановилась на естественной границѣ у Афганскихъ горъ, приведетъ и Россію въ недалекомъ будущемъ къ склонамъ Гиндукуша». Этимъ, однако, нечего тревожиться и за Индію опасаться нечего, «если ею будутъ управлять хорошо и благоразумно». «Ключъ къ Индіи не въ Герат̀ѣ, а въ самой Индіи», оканчиваетъ газета. Мервъ, дѣйствительно, не можетъ быть границею русскихъ владѣній. Онъ—на низовьяхъ рѣки Мургаба, но его среднее теченіе и верховье заняты такимъ разбойничьимъ туркменскимъ племенемъ, надъ которымъ власть афганскаго эмира чисто номинальная: онъ не въ силахъ остановить ихъ разбоевъ, и обязанность эта неизбѣжно выпадетъ на нашу долю, а это заставитъ насъ занять все теченіе рѣкъ Теджента и Дехасъ-Дарьи. Афганскій Туркестанъ долженъ, силою естественнаго хода вещей, войти въ наши владѣнія. Съ этой мыслью необходимо примириться—что̀ совѣтуютъ всѣ благоразумные люди, близко знакомые съ положеніемъ дѣлъ. Такъ, Малькольмъ Макконъ, долгое время жившій въ Россіи, говоритъ въ послѣднемъ номерѣ «Fortnight'y Review»: «Доброе соглашеніе съ Россіей не только избавило бы насъ отъ страшнаго противника, но и обезпечило бы насъ отъ опасностей со всѣхъ другихъ сторонъ. Въ Россіи никто даже и не помышляетъ о присоединеніи Индіи. Я даже думаю, что Россія не приняла бы ее въ подарокъ, еслибы мы уступили ей наше мѣсто». Малькольмъ вообще большой руссофилъ и даже совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ отдать намъ проливы и Константинополь, обладаніе которымъ можетъ быть опаснымъ для интересовъ Австріи, но никакъ не Англіи. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ англичане смотрятъ такъ на восточный и среднеазіатскій вопросы. Генералъ Гамлей, одинъ изъ лучшихъ *военныхъ писателей* и стратегиковъ, въ своей публичной лекціи: «О движеніи

Россіи къ Индіи», прочитанной передъ избранной лондонской публикой, доказывалъ, что Россія становится все въ болѣе и болѣе благопріятныя условія для нанесенія удара Индіи. Лекторъ разсчиталъ даже, во сколько дней русскій корпусъ можетъ достигнуть Герата, какъ будто Россіи у себя дома нѣтъ никакого другого дѣла, какъ только составлять планы авантюристской политики. Опасность дѣйствительно угрожаетъ Англіи въ Индіи, но только не извнѣ, а извнутри. Давно уже замѣчается сильное броженіе умовъ въ индѣйскомъ населеніи; туземная печать положительно враждебна англичанамъ и еще Биконсфильдъ отдалъ ее подъ цензуру полиціи. Туземцы, вытребовавъ себѣ мѣстныхъ судей, теперь изъявляютъ притязанія и на государственныя должности, и вообще въ нихъ пробуждается сознаніе, что Индія должна существовать для индійцевъ, а не для кучки эксплуатирующихъ ее англичанъ. Въ верхней Индіи агитаторы на публичныхъ лекціяхъ осуждаютъ управленіе Англіи и проводятъ параллель между ею и Россіею, далеко не въ пользу первой. Въ Пенджабѣ распространялись даже мятежныя прокламаціи, и необходимо было усилить гарнизоны крѣпостей. Недовольство туземцевъ понятно, если вспомнить громадные налоги, какими ихъ обременяютъ завоеватели. При великомъ Моголѣ индійскій крестьянинъ отдавалъ государству небольшую часть своего урожая натурой; теперь Англія беретъ эту часть деньгами съ валоваго дохода, произвольно разсчитывая количество суммы по доходу, какой земля можетъ приносить. Эта сумма, по свидѣтельству Бартель-Фрера, лучшаго изъ индійскихъ губернаторовъ, поглощаетъ не только земельную ренту, но плату за трудъ и доходъ отъ капитала. Сеймуръ Кей, авторъ замѣчательной статьи въ журналѣ «Nineteenth Century»: «Ограбленная Индія», говоритъ, что общая сумма земельнаго налога простирается до сорока процентовъ съ валоваго дохода. Но еще тяжелѣе для крестьянина и постыднѣе для Англіи налогъ на воду, употребляемую для орошенія полей. Въ Индіи, какъ и во всякой жаркой странѣ, урожай зависитъ отъ изобилія воды и индійцы вырыли съ этой цѣлью милліоны колодцевъ въ своей землѣ, часто съ невѣроятными усиліями. Но индійское правительство признало всѣ эти колодцы коронною собственностью и обложило земли, орошаемыя колодцами, податью въ 16 разъ больше земель неорошаемыхъ. Англійскіе чиновники въ Индіи ухитрились даже обложить налогомъ «водопроизводящую способность» почвы, то есть не только такихъ земель, на которыхъ были колодцы, но и такихъ, гдѣ колодцы могли бы быть прорыты. Мудрено-ли послѣ этого, что въ Мадрасскомъ президентствѣ заброшены десять тысячъ колодцевъ, такъ какъ земледѣльцы убѣдились, что труды ихъ по орошенію ведутъ только къ увеличенію съ нихъ государственнаго сбора. Цѣлые округа опустѣли и населеніе ихъ ищетъ убѣжища въ полунезависимыхъ странахъ полуострова. Видя, что отъ этого уменьшается доходъ государства, правительство *сдѣлало обязательнымъ* прорытіе колодцевъ и орошеніе, а для надзора за *этимъ поставило* особенныхъ колодезныхъ инспекторовъ. Неудивительно,

если послѣ такихъ мѣръ туземцы начинаютъ дѣлать сравненія между Россіею и Англіею не въ пользу послѣдней.

Общее вниманіе въ концѣ мая привлекъ процессъ Крашевскаго и Гентша, съ политической подкладкой, съ недоказаннымъ обвиненіемъ маститаго польскаго писателя и съ суровымъ приговоромъ для обоихъ подсудимыхъ. Обвиненіе основывалось на оглашеніи подсудимыми извѣстій, сохраненіе которыхъ въ тайнѣ необходимо для интересовъ германской имперіи по отношенію къ чужестраннымъ правительствамъ. Государственный прокуроръ прямо заявилъ, что хоть теперь никто намъ не угрожаетъ, но мы-де находимся постоянно на военномъ положеніи и дѣло идетъ объ измѣнѣ. Гентшъ продалъ сообщенія о передвиженіи нѣмецкихъ войскъ къ границамъ Франціи сначала Франціи, но за тѣ же сообщенія и «русскій военный агентъ въ Вѣнѣ, генералъ-маіоръ Фельдманъ, предлагалъ 7,000 марокъ», а потому—«благу отечества постоянно угрожаетъ опасность». Правда, нѣкоторыя сообщенныя свѣдѣнія почерпнуты изъ книгъ, но «книги—секретныя и раздаются только германскимъ офицерамъ». Тогда—что же это за секретъ? Крашевскій рѣшился на измѣну, потому-де, что онъ полякъ и ревностно агитировалъ за возстановленіе Польши. Но какъ же, въ такомъ случаѣ, его обвиняетъ въ измѣнѣ Германія? Прокуроръ находитъ, что писателя должно наказать и за то, что «въ одномъ романѣ онъ называетъ саксонца глупымъ, въ другомъ о берлинцахъ отзывается такъ: «они—пивныя бочки, которыхъ слѣдуетъ поднимать на штыки и разгонять палками». О французахъ же онъ распространяется въ похвалахъ и всѣмъ извѣстно, что поляки сражались въ рядахъ французовъ противъ нѣмцевъ». Но вѣдь они сражались въ прусской арміи и противъ французовъ. Вообще обвиненія прокурора не отличались логичностью, и защитникъ Крашевскаго возражалъ совершенно основательно, что виновность подсудимаго не доказана ни съ объективной, ни съ субъективной точки зрѣнія. Онъ ничего не понимаетъ въ военномъ дѣлѣ, собиралъ свѣдѣнія для польскихъ газетъ, которыя никакъ не могутъ быть причислены къ враждебнымъ правительствамъ, и во всякомъ случаѣ былъ только посредникомъ при передачѣ извѣстій. Главнаго виновника Адлера такъ и не нашли, а онъ могъ бы свидѣтельствовать, что Крашевскій не былъ гнуснымъ измѣнникомъ, грязнымъ предателемъ, какъ его называлъ прокуроръ. Этому, въ сущности, пустому процессу Пруссія придала торжественную обстановку, а письмо Бисмарка, прочитанное на судѣ и ровно ничего не объяснившее въ процессѣ, только указывало кому-то, что полякамъ не слѣдуетъ довѣрять и что они составляютъ постоянные заговоры противъ всѣхъ правительствъ. Поэтому Крашевскій, не сознавшій за собой вины, наказанъ почти также тяжело, какъ и Гентшъ, сознавшійся, что онъ, какъ германскій офицеръ, совершилъ преступленіе. *Восьмидесятилѣтняго*, уважаемаго цѣлымъ свѣтомъ писателя пра-

судили заключить въ тюрьму на $3^1/_2$ года. Онъ просилъ, чтобы, въ виду его слабаго здоровья, его заперли въ Кенигштейнѣ, гдѣ лучше климатъ — но и эта просьба старика не была уважена. Литературная дѣятельность его также прервана, потому что хоть ему и разрѣшено писать, но все, что онъ пожелалъ-бы отправить изъ крѣпости, должно быть сначала переведено на нѣмецкій языкъ. Сколько-же времени и денегъ потребовалось-бы на это? Крашевскій рѣшилъ однако, что будетъ работать и въ заключеніи, и не хочетъ подавать просьбы о помилованіи. Весь литературный и интеллигентный міръ выразилъ участіе къ судьбѣ знаменитаго писателя.

Сильные толки въ печати возбудила также рѣчь Бисмарка въ германскомъ парламентѣ о соціализмѣ. Говоря въ прошломъ мѣсяцѣ о принятіи закона противъ соціалистовъ, мы не имѣли еще въ рукахъ рѣчи канцлера, появившейся позже въ газетахъ in extenso. Рѣчь эта такъ замѣчательна, что мы считаемъ далеко не лишнимъ привести ея главныя положенія, тѣмъ болѣе, что въ ней канцлеръ говорилъ и о Россіи. Прежде всего онъ сообщилъ, что послѣ катастрофы 1-го марта 1881 года, къ нему обратился императоръ съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ сообщилъ свое убѣжденіе, что «пора положить конецъ господствующему во всей Европѣ стремленію къ покушенію на жизнь монарховъ и лицъ всѣхъ сословій по политическимъ преступленіямъ; цѣль эта можетъ быть достигнута лишь совмѣстнымъ дѣйствіемъ державъ». Пруссія предложила Россіи созвать конференцію и Россія разослала державамъ циркуляръ, приглашая собраться въ Брюсселѣ. Австрія изъявила готовность принять участіе въ конференціи, Франція поставила свое согласіе въ зависимость отъ рѣшенія Англіи, которая отклонила предложеніе. Швейцарія отвѣчала, что поступитъ такъ, какъ западныя державы. Тогда переговоры начались только между Россіей, Германіей и Австріей. Дѣло шло о томъ, чтобы «политическіе убійцы перестали пользоваться какими-то особенными привилегіями; если допустить, что убійство перестаетъ быть преступленіемъ потому только, что совершено по политическимъ причинамъ, то возникнутъ и политическія кражи, и политическое поддѣлываніе денежныхъ знаковъ, что случалось уже съ русскими кредитными билетами». Подъ конецъ переговоровъ, Австро-Венгрія отказалась принять участіе въ проэктируемомъ соглашеніи. Канцлеръ говорилъ далѣе, что «нѣтъ ничего общаго между тѣмъ, что происходитъ въ Россіи и что мы видимъ у насъ. Въ Россіи вовсе не идетъ дѣло ни о соціалистическомъ движеніи, ни о рабочемъ вопросѣ. Русскій рабочій полонъ вѣрноподданническихъ чувствъ и готовъ убить нигилиста, если это ему позволятъ. Нигилисты состоятъ изъ людей, не имѣющихъ ничего общаго съ рабочими: это студенческій пролетаріатъ, изъ недоучившихся *людей, которымъ* некуда дѣваться; между ними встрѣчаются испорченные *фантазеры, офицеры,* порвавшіе связь съ традиціями своего сословія, даже са-

новья банкировъ, какъ Мендельсонъ, бѣжавшій въ Швейцарію, имя котораго не означало ничего такого, что̀ указывало-бы на нужду и коммунизмъ. Благодаря устройству сельской русской общины, будущность рабочаго не можетъ тревожить». На точкѣ зрѣнія русскаго нигилизма Пруссія находилась, по мнѣнію канцлера, гораздо раньше, восемнадцать лѣтъ назадъ, когда „Блиндъ, не принадлежавшій къ рабочему классу, совершилъ покушеніе на мою жизнь за то, что я желалъ войны за объединеніе отечества. Дамы, принадлежащія по ихъ мужьямъ къ ученому міру, покрыли гробъ Блинда цвѣтами и лавровыми вѣнками, и полиція это допускала. Въ Россіи не можетъ быть и рѣчи, чтобы массы приняли сторону нигилистовъ. Въ Россіи дѣйствуетъ револьверъ и кинжалъ только опытныхъ убійцъ, у насъ-же производится систематическое отравленіе общественнаго мнѣнія". Перейдя затѣмъ къ закону о нѣмецкихъ соціалистахъ, Бисмаркъ сказалъ: „Предоставьте рабочему право на трудъ, пока онъ здоровъ, давайте ему работу, пока силы позволяютъ ему работать, обезпечьте ему уходъ въ случаѣ болѣзни, обезпечьте ему пріютъ, когда старость сдѣлаетъ его неспособнымъ къ труду. Дайте государству возможность принять нѣсколько соціалистическій, то-есть христіанскій характеръ, и вы увидите, что число приверженцевъ соціаль-демократіи быстро уменьшится". Ничего другаго и не требуютъ, при нынѣшнемъ состояніи общества, благоразумные и умѣренные соціалисты, и понятно, что канцлеръ, умудренный опытомъ, предпочитаетъ реформы, производимыя сверху, подавленію бунтовъ, поднимающихся внизу, въ народѣ, эксплуатируемомъ капиталистами и которому не даютъ никакихъ реформъ. Понятно, поэтому, и расположеніе Бисмарка къ государственному, или—какъ онъ называетъ его — къ христіанскому соціализму, хотя либеральная партія германскаго парламента и не вѣритъ этой, внезапно проявившейся въ канцлерѣ, любви къ народу. Но что непонятно—это ненависть Бисмарка къ прогрессистамъ, высказанная явно и открыто въ той-же рѣчи, закончившейся увѣреніемъ, что ораторъ предпочитаетъ этой партіи соціалистовъ и демократовъ. Но вѣдь прогрессисты не стремятся ни къ разрушенію общества, ни къ преобладанію народа; они хотятъ прогресивнаго, постепеннаго развитія реформъ и гарантій, обезпечивающихъ человѣчеству благосостояніе на землѣ. За что-же имперскій канцлеръ такъ ненавидитъ эту партію? Не за то-ли, что она разгадала его настоящій характеръ и, считая его народолюбство притворнымъ, мѣшаетъ осуществленію его деспотическихъ замысловъ?..

Что положеніе нѣмецкихъ рабочихъ внушаетъ дѣйствительно серьезное опасеніе,—доказываетъ недавнее совѣщаніе въ Берлинѣ рабочихъ, обсуждавшихъ вопросъ о «сокращеніи рабочаго времени». Отъ него зависитъ благосостояніе и здоровье трудящихся классовъ, то есть большинства населенія—а это такой-же *національный капиталъ*, какъ и богатства, накопленныя частными лицами. Англія

недаромъ говоритъ: health is wealth (здоровье—это богатство) и съ тѣхъ поръ, какъ она издала фабричный законъ, охраняющій не только продолжительность работы, но и обязательную чистоту, и вентиляцію на заводахъ,—смертность рабочаго класса понизилась съ 35-ти до 22 на тысячу, а производство разныхъ продуктовъ увеличилось со введеніемъ восьмичасовой работы. Но на подобное сокращеніе рабочихъ часовъ сами фабриканты, конечно, никогда не согласятся и понудить ихъ къ этому должно правительство законодательными мѣрами.

Въ виду умноженія разнаго рода рабочихъ и промышленныхъ вопросовъ, Германія, въ послѣднее время, стремится сдѣлаться колоніальною державою и старается объ основаніи колоніи даже съ пенитенціарною цѣлью. Недавно бременская торговая фирма Людеритца купила у негритянскаго царька, на западномъ берегу южной Африки, бухту Ангра-Пеквена съ территоріею въ 900 квадр. миль, простирающейся до устья Оранжевой рѣки, составляющей сѣверную границу Капской области. На многихъ, даже нѣмецкихъ картахъ, эта территорія отнесена къ числу британскихъ колоній и хотя Англія не могла считать ее своею собственностью, но возбудила объ этомъ дипломатическую переписку. Бисмаркъ прямо отвѣчалъ германскому консулу въ Каптоунѣ, что какъ Людеритцъ, такъ и его заведенія находятся подъ покровительствомъ германской имперіи. Англійскія претензіи возбудили вмѣстѣ съ тѣмъ сильное неудовольствіе въ оффиціальной нѣмецкой печати, высказавшей по адресу британскаго правительства нѣсколько жосткихъ фразъ. Въ сношеніяхъ съ Англіей лучшимъ ручательствомъ успѣха служитъ твердость и настойчивость въ своихъ требованіяхъ. Ангра-Пеквена—безводная, песчаная равнина съ рѣдкимъ, полудикимъ населеніемъ, не нуждающимся въ европейскихъ товарахъ, но въ Берлинѣ хотятъ сдѣлать изъ нея базисъ для дальнѣйшихъ предпріятій и на дняхъ отправили на военномъ корветѣ экспедицію, съ цѣлью найти путь по рѣкѣ Конго для доставленія черезъ Ангра-Пеквену германскихъ товаровъ къ средне-африканскимъ рынкамъ. Съ цѣлью же развитія торговыхъ сношеній, Бисмаркъ ведетъ переговоры и съ Трансваальской республикой, депутація которой прибыла въ Берлинъ. Сдѣлавшись морскою державою, Германія конечно, должна пріобрѣтать и колоніи, какъ бы это ни было непріятно для Англіи, все еще продолжающей считать себя владычицей морей.

НОВЫЯ КНИГИ.

Мольеръ. Собраніе сочиненій, въ трехъ томахъ, съ біографіей, составленной *Алексѣемъ Веселовскимъ*. Спб. 1884.

Одинъ изъ нашихъ дѣятельнѣйшихъ издателей, О. И. Бакстъ, выпустилъ въ свѣтъ новый переводъ двадцати лучшихъ комедій Мольера. Съ этимъ писателемъ русская публика знакома не меньше, чѣмъ съ Шекспиромъ и Шиллеромъ, и въ нашей литературѣ существуютъ уже переводы пьесъ, являющихся въ изданіи г. Бакста. Нѣкоторые изъ нихъ, принадлежащіе прошлому и даже XVII столѣтію (извѣстно, что въ 1678 году, въ кремлевскомъ дворцѣ, играли «Врача противъ воли», въ переводѣ царевны Софьи Алексѣевны) правда, устарѣли, но напрасно г. Бакстъ говоритъ, что и позднѣйшіе переводы представляются мало пригодными, вслѣдствіе слишкомъ большихъ уклоненій отъ подлинника. Уклоненія, конечно, были, но отчасти вслѣдствіе требованій театральной цензуры, отчасти вслѣдствіе сценическихъ условій, невозможности и даже безполезности ставить цѣликомъ нѣкоторыя сцены и интермедіи, какъ въ «Мѣщанинѣ-дворянинѣ», безъ нужды растягивающія дѣйствіе. Для печати можно было бы легко возстановить эти урѣзки, а переводы Хмельницкаго („Тартюфъ“ и „Школа женщинъ“), И.И. Дмитріева („Ученыя женщины“), М. И. Косинскаго, В. И. Орлова („Скупой“, переведенный также и С. Аксаковымъ), Полеваго („Мнимый больной“, „Критика на школу женщинъ“), В. Строева („Донъ-Жуанъ“), Ленскаго („Хоть тресни да женись“), П. А. Корсакова („Лѣкарь противъ воли“) и др. не хуже помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Бакста. Вообще изданіе это не критическое, не научное и образовательное, а чисто литературное. Пьесы переведены безъ коментарій, безъ всякихъ примѣчаній, и только къ двумъ-тремъ прибавлено нѣсколько замѣтокъ. А между тѣмъ, безъ объясненій, у Мольера многое остается темнымъ для нашего времени, чуждаго многимъ воззрѣніямъ мольеровскаго вѣка. Критическая оцѣнка комедій, разъясненіе особенностей, присущихъ тому вѣку, когда онѣ появились, характеристика типовъ, созданныхъ Мольеромъ, опредѣленіе ихъ общечеловѣческаго и національнаго значенія—положительно необходимы. Въ „біографіи“ писателя говорится больше о его жизни, — хотя и тутъ упущены многія важныя подробности,—а критическая оцѣнка сдѣлана только по отношенію къ „Тартюфу“ „Донъ-Жуану“ и „Мизантропу,“ которыхъ г. Веселовскій соединяетъ въ какую-

то трилогію, хотя общаго между ними очень мало,—гораздо меньше, чѣмъ между «Школою мужей» и «Школою женщинъ». Отъ такого знатока Мольера, отъ автора замѣчательныхъ монографій о „Тартюфѣ“ и “Мизантропѣ“, мы вправѣ требовать болѣе подробной оцѣнки мольеровскихъ комедій и типовъ. Французы называютъ Мольера воплощеніемъ, олицетвореніемъ комедіи, въ общечеловѣческомъ смыслѣ этого слова, и критика всѣхъ народовъ подтвердила это сужденіе. Разрушивъ славу псевдо-классическихъ пьесъ Корнеля, Расина и Вольтера, она не коснулась Мольера, относя его недостатки къ духу и требованіямъ его вѣка. Она не упрекаетъ его даже за фарсы, и только Шлегель находитъ, что Мольеръ хорошъ въ однихъ фарсахъ и не признаетъ его отцомъ «комедіи нравовъ и характеровъ». А между тѣмъ Мольеръ—первое и послѣднее слово комедіи во Франціи. Выше его никто не поднимался въ этой области ни въ XVIII, ни въ XIX вѣкѣ. Интрига у него часто слаба, развязка искусственна, языкъ устарѣлъ, но созданные имъ типы и характеры отличаются глубокою, жизненною правдою, знаніемъ людей и ихъ чувствъ, меткою наблюдательностью, истиннымъ комизмомъ. Многіе стихи и выраженія его пьесъ сдѣлались народными поговорками. Ни одинъ живописецъ не изображалъ бытовыхъ картинъ съ такою вѣрностью; комедіи его заставляютъ не только смѣяться, но и задумываться, потому что комикъ былъ въ то же время философомъ. Онъ выводилъ на сцену не лица, а типы, представляющіе весь XVII вѣкъ. А съ какими препятствіями онъ долженъ былъ бороться, чтобы высказать своимъ современникамъ нѣсколько истинъ! До насъ не дошли никакія рукописи, принадлежавшія Мольеру: всѣ онѣ были истреблены лицами, особенно хлопотавшими о томъ, чтобы ни одна строка, писанная рукою Мольера, не дошла до потомства. Вмѣсто отвлеченныхъ толковъ о Тартюфѣ для читателей было бы гораздо поучительнѣе и интереснѣе, еслибы г. Веселовскій разсказалъ, по оставшимся преданіямъ и запискамъ современныхъ писателю лицъ, какъ онъ долженъ былъ три раза передѣлывать эту лучшую пьесу въ репертуарѣ всемірной комедіи и пять лѣтъ дожидаться, пока ее можно было представить публикѣ, далеко не въ томъ видѣ, какъ пьеса была первоначально задумана. Духовнаго лица нельзя было вывести на сцену; даже названіе лицемѣра было найдено нецензурнымъ и Тартюфъ окрещенъ былъ—обманщикомъ (l'imposteur). Изобразивъ въ «Мизантропѣ» общество, Мольеръ въ «Тартюфѣ» представилъ семью. Но онъ такъ остерегался, чтобы ему не приписали какихъ нибудь предосудительныхъ мыслей, которыя могли бы компрометировать пьесу, что не допустилъ въ своей комедіи ни одного монолога, ни одного стиха «въ сторону» (a parte), изъ которыхъ можно было бы заключить, что онъ самъ думаетъ о выводимыхъ имъ лицахъ.—Эта весьма характерная особенность упущена изъ виду критикою.

Мы не можемъ входить въ подробный разборъ переводовъ новаго изданія: *они вообще* вѣрны подлиннику, хотя въ стихахъ гг. Минаева и Курочкина

допущены уклоненія не меньше тѣхъ, какія встрѣчаются въ старыхъ переводахъ, а языкъ комедій въ прозѣ мѣстами тяжеловатъ. Изданіе могло бы стоить гораздо дешевле, еслибы не было напечатано такъ разгонисто. Къ чему было помѣщать имена дѣйствующихъ лицъ по срединѣ строки, а не въ одну строку съ діалогомъ?

Наслѣдственность душевныхъ свойствъ. *Т. Рибо*, переводъ подъ редакціей *Черемшинскаго*, 1884 г.

Недавно мы имѣли случай говорить о томъ, какъ французскій писатель Жоли учитъ сдѣлаться великимъ человѣкомъ (см. разборъ сочиненія: „Психологія великихъ людей", „Наблюдатель", книга 5-я). Теперь другой, также малоизвѣстный французъ Рибо доказываетъ, что физическими свойствами и явленіями человѣка управляетъ законъ наслѣдственности. Что въ силу эту закона всѣ существа на землѣ стремятся повториться въ своихъ потомкахъ—это несомнѣнно, но чтобы вслѣдствіе того же закона происходила наслѣдственная передача и умственныхъ способностей, съ этимъ согласиться нельзя, хотя существуютъ нѣкоторые факты, подтверждающіе это. Если принять безусловно законъ наслѣдственности духовныхъ свойствъ, то необходимо признать, что сыновья ученыхъ должны быть учеными, поэтовъ—поэтами и т. д. Гдѣ же доказательства этому въ жизни и исторіи? Семействъ, гдѣ какія нибудь отличительныя способности были принадлежностью нѣсколькихъ поколѣній, много не насчитаешь, и они во всякомъ случаѣ являются исключеніемъ, а не правиломъ. Даже физіологическія способности сглаживаются съ теченіемъ времени и Рибо напрасно упоминаетъ о носѣ Бурбоновъ и губѣ Габсбурговъ: въ наше время и то, и другое отличіе далеко не принадлежитъ къ выдающимся. Рибо, какъ хорошій компиляторъ, собралъ въ своей книгѣ всѣ факты, говорящіе въ пользу его теоріи, но есть не меньше фактовъ совершенно противоположнаго характера. Тѣмъ не менѣе, книга его читается съ большимъ интересомъ и многія главы представляютъ любопытныя изслѣдованія въ неразгаданной области духовныхъ явленій, которая всегда привлекаетъ человѣчество. Такъ, у Рибо очень хорошо обработана глава о наслѣдственности инстинктовъ, этой психической способности, пріобрѣтаемой животными при извѣстныхъ условіяхъ, которыя можно приблизительно опредѣлить. Авторъ не объясняетъ происхожденія инстинктовъ, но замѣчаетъ совершенно справедливо, что принимая теорію Дарвина о трансформизмѣ, необходимо признать, что прирожденныхъ инстинктовъ нѣтъ, а всѣ они пріобрѣтены. Лучшимъ опредѣленіемъ инстинкта надо признать, впрочемъ, не дарвиновское, а гартмановское: что инстинктъ есть «дѣйствіе сообразное съ цѣлью, но безъ сознанія цѣли». Съ фактомъ наслѣдственности пяти чувствъ еще можно согласиться, хотя и тутъ тонкость и притупленіе какого нибудь изъ органовъ чувствъ зависитъ гораздо болѣе отъ упражненія *или отъ употребленія*, чѣмъ отъ наслѣдственности. Но факты,

собранные авторомъ въ доказательство наслѣдственности памяти, привычекъ разума, чувствованій и страстей—далеко не убѣдительны и не обильны. Большая часть изъ нихъ отличается явной натяжкой. Такъ, приводятся въ примѣръ наслѣдственности: Аристофанъ и его два сына, также писавшіе комедіи; но вѣдь мы этихъ комедій не знаемъ—какъ же говорить объ нихъ? Къ тому же, чтобы проводить до конца теорію наслѣдственности, надо было бы доказать, что и отецъ Аристофана былъ человѣкъ замѣчательный. У Байрона дѣтей не было, но онъ приведенъ авторомъ въ спискѣ лицъ, подтверждающихъ эту теорію, на томъ основаніи, что его мать была женщина полупомѣшанная, отецъ наглый развратникъ, дѣдъ адмиралъ, а дочь любила математику. Какое-же отношеніе имѣетъ все это къ поэтическому генію Байрона? О Гёте говорится, что онъ заимствовалъ отъ отца физическія, а отъ матери нравственныя способности. А умственныя отъ кого? Далѣе, наслѣдственность душевныхъ болѣзней и національнаго характера — допускается многими фактами, но наслѣдственность въ исторіи была бы прямымъ отрицаніемъ всякаго прогресса и развитія человѣчества.

Приведя по всѣмъ названнымъ выше отдѣламъ факты, далеко не полные, часто весьма сомнительнаго качества, авторъ вторую часть своей книги посвящаетъ доказательству того, что наслѣдственность духовныхъ свойствъ—такой же законъ, какъ и наслѣдственность физіологическая. Здѣсь аргументы его еще менѣе убѣдительны. Особенно очень сомнительны законы атавизма, или «возвратной наслѣдственности», когда дитя похоже не на своихъ родителей, а на болѣе отдаленныхъ предковъ. Не говоря уже о томъ, что атавизмъ весьма трудно доказать, онъ имѣетъ уже черезчуръ широкое примѣненіе: всегда можно найти, что ребенокъ походитъ на кого нибудь изъ родныхъ. Разбирая вопросъ: отъ отца или отъ матери человѣкъ получаетъ преимущественно способности и качества, англійскій писатель Гальтонъ, въ своемъ сочиненіи: „Heredity of genius“, пришелъ къ статистическому выводу, что изъ ста человѣкъ 70 подвергается вліянію отца и 30—матери. Этой ни къ чему не ведущей статистикѣ, основанной къ тому же на весьма шаткихъ данныхъ, даже Рибо не придаетъ особаго значенія, хотя и подкрѣпляетъ ее изслѣдованіями Декандоля. Въ слѣдующей главѣ, говоря объ исключеніяхъ изъ законовъ наслѣдственности, авторъ самъ признаетъ важными эти исключенія, но старается объяснить ихъ самою наслѣдственностью и даже—математическими формулами. Эти объясненія темны и натянуты. Третья часть книги посвящена выводамъ и начинается очень страннымъ утвержденіемъ, что идея «прогресса»—неполна и неопредѣленна. Авторъ предлагаетъ замѣнить это слово «эволюціей», «развитіемъ», но первое изъ этихъ выраженій употребляется и теперь для обозначенія прогресса во всей природѣ, а второе примѣняется къ человѣчеству и представляетъ *только* переводъ иностраннаго термина. Но, по мнѣнію автора, «эво-

ноція приводитъ иногда къ ослабленію и къ упадку: все живое постепенно ослабѣваетъ и угасаетъ». Да, но замѣняется другимъ, болѣе сильнымъ и цвѣтущимъ. Рибо приводитъ въ примѣръ вырожденіе династій французскихъ королей: меровинговъ, каролинговъ, капетинговъ, бурбоновъ. Онъ могъ бы прибавить сюда Стюартовъ и другія династіи, хотя вырожденіе противорѣчитъ закону наслѣдственности. Вѣдь ни Меровей, ни Гуго Капетъ, ни Карлъ Великій ничѣмъ не походили на послѣднихъ представителей своего рода. Но дѣло въ томъ, что въ сферахъ замкнутыхъ, не обновляющихся притокомъ свѣжихъ народныхъ силъ, происходитъ неизбѣжное ослабленіе умственныхъ и нравственныхъ свойствъ. Рибо говоритъ даже, что психическая наслѣдственность не удерживается болѣе четырехъ, много пяти поколѣній. Это такой же произвольный выводъ, какъ и всѣ другіе, имъ приводимые. Въ послѣдней главѣ онъ разбираетъ гипотезы о причинахъ психической наслѣдственности; но и всѣ такъ называемые «законы» ея не болѣе, какъ гипотеза. Съ ними любопытно познакомиться, но основываться на нихъ—нельзя.

Эолова арфа. Стихотворенія *Л. К. Нервина*. Москва, 1884 г.

Эта красиво изданная, разгонисто напечатанная книжка заключаетъ въ себѣ сотню небольшихъ стихотвореній. Заглавный листъ, нисколько не относящійся къ названію книги, изображаетъ барда, играющаго на арфѣ,—конечно, *не* «эоловой», потому что на эоловыхъ арфахъ, какъ извѣстно, игралъ только вѣтеръ. Первое стихотвореніе, подъ тѣмъ же заголовкомъ, какъ и самая книга, доказываетъ, что авторъ не знаетъ устройства инструмента, которымъ назвалъ свой сборникъ. Эпиграфъ — изъ Тургенева о поэзіи, молодости, дѣвственной красотѣ, ранней веснѣ. Стихи большею частью гладкіе, довольно звучные, правильные, хотя, мѣстами, безъ соблюденія просодіи и должныхъ удареній. Размѣры разнообразные; рифмы если не богатыя, то и не нищенскія; содержаніе... вотъ къ содержанію-то всего труднѣе прибрать приличный эпитетъ. Въ первомъ отдѣлѣ книги, озаглавленномъ «Мечты и жизнь», авторъ дѣйствительно много мечтаетъ, но о дѣйствительной жизни, ея злобѣ и стремленіяхъ говоритъ очень мало, а все больше тоскуетъ. За правое дѣло въ отчизнѣ онъ борется «не съ булатнымъ мечомъ, а съ арфою». Больше всего онъ воспѣваетъ природу. Есть тутъ и переводы изъ Гейне, Акермана, Ришпэна; есть довольно длинная и довольно слабая фантазія: «Умирающій Поэтъ», есть осень, лѣто, ночь, дума, грезы, сонъ, заря,—однимъ словомъ все, что столько разъ встрѣчалось и читалось у сотни другихъ поэтовъ. Второй, меньшій отдѣлъ сборника (всего 25 пьесъ) носитъ странное названіе «Любовь и ласки». Объ этихъ предметахъ говорится въ умѣренно-эротическомъ тонѣ, какъ въ прежнемъ отдѣлѣ говорилось въ умѣренно-либеральномъ о болѣе возвышенныхъ предметахъ. Тутъ опять встрѣчаются переводы изъ тѣхъ же *иностранныхъ поэтовъ* и переводы... изъ Пушкина. (Пьеса «На прощанье» —

перефразировка пушкинской элегіи: „Я васъ любилъ, любовь еще, быть можетъ, въ моей груди угасла несовсѣмъ»). Есть тутъ и сцена изъ Донъ-Жуана, совершенно безцвѣтная. Наконецъ, третій отдѣлъ книги, „Шутки", претендуетъ на юморъ, впрочемъ, самый безобидный, пробавляющійся даже каламбурами, какъ въ пьесѣ, гдѣ сравнивается неаполитанская и московская ночь: во время первой, слышатся всюду звуки—mia cara! во время второй—съ крышъ звучно раздается: мяу! карр! Вообще остроуміе автора — пробы весьма невысокой, да и изъ всей книжки не выносишь никакого опредѣленнаго впечатлѣнія. Точно все это давно знакомо и читалось когда-то, хотя и не въ той самой формѣ. А было это очень давно, когда поэты пѣли только о мечтѣ, лунѣ и глазкахъ, и нельзя было пѣть ни о чемъ другомъ. Но, казалось, бы теперь можно говорить и еще кое-о-чемъ, кромѣ туманныхъ грезъ и неуловимыхъ ощущеній. Авторъ книжки, Нервинъ, (очевидно, псевдонимъ) забываетъ, что на однихъ нервахъ играть нельзя. Писать стихи — онъ можетъ несомнѣнно, но это не заслуга въ наше время, когда форма стиха достигла возможной степени совершенства. Мы напрасно искали въ цѣломъ томѣ пьесы, которую могли бы привести, какъ образецъ живой мысли въ звучной формѣ. Форма есть у автора, но во всей книгѣ, какъ говоритъ поэтъ:

Стихи, какъ полъ лощеный, гладки,
На мысли не споткнешься въ нихъ!

Можіевскій, П. В. **Цѣнность жизни**, изслѣдованіе. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1884.
Гротъ, Н. Я. **О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній** (публичная лекція). Одесса, 1884.

Золя, въ своемъ послѣднемъ романѣ («Утѣха жизни») сдѣлалъ блестящую попытку рѣшить, или, по крайней мѣрѣ, намѣтить—на почвѣ художественнаго творчества—вопросъ о радостяхъ или страданіяхъ бытія, вопросъ, уже давно раздѣляющій философовъ и моралистовъ на два противоположные лагеря—пессимистическій и оптимистическій. Полумертвый, изнывшій отъ боли и медленно разлагающійся подагрикъ Шанто, который въ то же время энергично восклицаетъ: «Faut-il être bête pour se tuer»—вотъ, по нашему мнѣнію, лучшая иллюстрація къ этимъ отвлеченнымъ спорамъ, данная самою жизнью. Эта же иллюстрація показываетъ, что вопросъ о цѣнности жизни для человѣка, вопросъ о томъ, что̀ предпочтительнѣе, бытіе или небытіе, долженъ ставиться не метафизически, а практически, и что рѣшеніе его путемъ отвлеченнаго умозрѣнія имѣетъ мало цѣнности для самой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что толку въ томъ, что мы станемъ доказывать человѣчеству предпочтительность Нирваны, если это человѣчество живетъ и хочетъ жить, вопреки нашему ученію *о страданіи* всего сущаго? Что толку въ нашихъ отвлеченныхъ доводахъ *за или противъ* теоріи прогресса, если мы не въ состояніи ни проѣрить эт

теорію опытомъ, ни приложить ее къ дѣйствительной жизни, не смотря на то, имѣетъ-ли наше воззрѣніе на міръ, какъ на благо, или какъ на зло—прочную научную основательность, или это воззрѣніе есть не болѣе, какъ субъективное настроеніе, порождаемое тѣми или иными внѣшними причинами?

Вотъ вопросы, къ постановкѣ которыхъ привело гг. Мокіевскаго и Грота знакомство съ ученіемъ представителей современнаго пессимизма и оптимизма въ области философской мысли. Г. Мокіевскій полагаетъ, что вопросъ о цѣнности жизни можетъ быть предметомъ научнаго анализа, при содѣйствіи данныхъ психологіи, соціологіи и этики; г. Гротъ совершенно отвергаетъ научность пессимизма и оптимизма, какъ теорій, доказывая, что пессимистическая посылка о прогрессивномъ развитіи зла и страданій также произвольна съ научной точки зрѣнія, какъ и оптимистическая—о необходимости увеличенія счастья человѣка, независимо отъ его собственныхъ мѣропріятій. По мнѣнію г. Грота, обѣ эти доктрины «возводятъ совершенно относительные и условные факты, имѣющіе свою основу въ субъективныхъ, крайне измѣнчивыхъ душевныхъ состояніяхъ человѣка, въ абсолютные и безусловные общіе міровые законы, посредствомъ произвольнаго ихъ объективированія, посредствомъ произвольнаго истолкованія ихъ, какъ показателей объективной, неизмѣнной сущности вещей». Наука давно уже отказалась отъ опредѣленія «внутренней сущности вещей»,—она давно признала, что человѣческому познанію доступны только *явленія* и *ихъ отношенія*. Между тѣмъ, и пессимизмъ и оптимизмъ, какъ доктрины, являются ничѣмъ инымъ, какъ попытками разрѣшить вновь, въ томъ или другомъ направленіи, этотъ фантастическій, ненаучный вопросъ о сущности вещей. Чувства удовольствія и страданія, ощущенія счастія и несчастія—вотъ тѣ явленія психическаго круга, отъ которыхъ пессимисты и оптимисты пытаются построить мостъ къ понятію о сущности бытія всего міра. Но эти чувства составляютъ лишь субъективную и относительную оцѣнку значенія вещей для того или другаго человѣка, и не имѣютъ абсолютнаго значенія. Цѣнность жизни—для кого? для меня, для васъ, для даннаго субъекта, а не для *человѣка вообще*: человѣка *вообще* не существуетъ на самомъ дѣлѣ, это — отвлеченное понятіе, абстрактъ, точно также, какъ не существуетъ дерева *вообще*, а есть береза, дубъ, сосна, и притомъ — не береза *вообще*, а вотъ эта береза, которая стоитъ у меня передъ окномъ, или вонъ та, что̀ виднѣется около дороги.

Поэтому намъ кажется болѣе основательнымъ мнѣніе г. Грота, не признающаго за пессимизмомъ и оптимизмомъ,—а, стало-быть, и за тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ вопроса о „цѣнности жизни“—значенія абсолютныхъ доктринъ, а признающаго ихъ лишь какъ *настроенія*. Съ этой точки зрѣнія, пессимизмъ и оптимизмъ являются вполнѣ законными и неизбѣжными; они не только необ*ходимы, но и полезны; они* являются *барометромъ* индивидуальной и соціаль-

ной жизни человѣка, и показанія этого барометра могутъ служить основаніемъ для критическаго отношенія отдѣльной личности и общества къ переживаемымъ ими условіямъ жизни. Такъ, напр., распространеніе въ обществѣ пессимистическаго настроенія, выражающагося въ учащеніи самоубійствъ, въ преобладаніи мрачныхъ мотивовъ въ поэзіи, литературѣ и философіи, служитъ показателемъ ненормальности, неудовлетворительности существующаго соціальнаго строя, показателемъ кризиса въ умственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ условіяхъ жизни общества. Такимъ образомъ, развитіе пессимизма должно служить предостереженіемъ и указаніемъ для политическихъ дѣятелей и для руководителей умственнаго и нравственнаго развитія народа, должно возбуждать въ нихъ критическое отношеніе къ потребностямъ даннаго времени, энергію въ неустанной дѣятельности на пользу общую, смѣлость и бодрость въ борьбѣ съ отсталыми предразсудками и т. д. Г. Гротъ совершенно справедливо заключаетъ, что, какъ субъективныя настроенія, и пессимизмъ, и оптимизмъ не только вполнѣ законны, но даже *желательны*, такъ какъ они характеризуютъ степень соотвѣтствія внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, — отношеній между состояніями среды и внутренними потребностями самого человѣка;—они показываютъ, прогрессируетъ-ли въ данную эпоху человѣческое общество, или регрессируетъ. Крайнее развитіе пессимистическихъ настроеній въ обществѣ въ извѣстный моментъ—явно обнаруживаетъ, что жизнь этого общества регрессируетъ, что процессы, въ немъ совершающіеся, приняли болѣзненное, патологическое направленіе. А это должно заставить всѣхъ сознательно живущихъ членовъ общества сплотиться въ борьбѣ съ общимъ зломъ, направить свои дружныя усилія на изученіе его причинъ и на изысканіе средствъ для осуществленія болѣе высокихъ общественныхъ идеаловъ.

Къ подобному-же практическому выводу приходитъ—совершенно инымъ путёмъ—и г. Мокіевскій. Признавая, что прошедшее и настоящее человѣчества полно неимовѣрныхъ страданій, онъ говоритъ, что если можно разсчитывать на счастіе человѣчества, то только въ будущемъ. „Какой-же смыслъ послѣ этого имѣетъ консерватизмъ“? спрашиваетъ онъ. — «Что значитъ указаніе на то, что такое или иное учрежденіе «освящено вѣками»? Еслибы господа охранители руководились строго научными соображеніями, а не дѣйствовали подъ вліяніемъ предразсудковъ и личнаго чувства, и еслибы они не надѣялись на такое же недомысліе публики, то они никогда не выставляли бы подобныхъ доводовъ; они поняли бы, что указаніе на древность какого либо учрежденія есть скорѣе серьезный доводъ противъ него... Нѣтъ, не древностью учрежденія нужно доказывать его пригодность, а, наоборотъ, нужно доказать, что хотя данное учрежденіе и древне, тѣмъ не менѣе, оно достойно нашихъ симпатій, ибо не оно *было причиною* бѣдствій и страданій человѣчества. Кто вѣритъ въ конечное *торжество разума* и справедливости, тотъ долженъ быть убѣжденнымъ и без-

поворотнымъ прогрессистомъ; кто же полагаетъ, что человѣчество никогда не достигнетъ требуемой умственной и нравственной высоты, тотъ долженъ проповѣдывать, что смерть и истребленіе есть единственное спасеніе человѣческаго рода. Но рекомендовать возвратъ къ старому или упроченіе современныхъ основъ жизни—значитъ совѣтовать увѣковѣчить весь ужасъ современнаго положенія, всѣ безчисленныя страданія современнаго человѣчества" („Цѣнность жизни", 257—258).

Такимъ образомъ, конечнымъ результатомъ анализированія вопроса о цѣнности жизни является у г. Мокіевскаго *вера въ прогрессъ*,—не имѣющая, конечно, никакого объективнаго и абсолютнаго (а, стало-быть, и научнаго) значенія, но лишь субъективное и относительное. Цѣнность жизни *для меня* велика, потому что *я* вѣрю въ прогрессъ; но вы въ прогрессъ не вѣрите—и для васъ жизнь не имѣетъ никакой цѣны. Очевидно, что самъ авторъ былъ вынужденъ, въ концѣ концовъ, отказаться отъ научной постановки вопроса и дать ему оборотъ чисто-практическій,—что и свело его на одну линію съ г. Гротомъ.

Изслѣдованіе г. Мокіевскаго печаталось въ журналѣ „Русское Богатство" и, какъ большая часть научныхъ статей этого почтеннаго журнала, носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то неопредѣленности, расплывчатости, чего-то неуклюжаго, неповоротливаго въ языкѣ и въ мысляхъ. Должно быть, въ редакціи «Богатства» ужъ воздухъ такой, что попавшія туда статьи не особенно сильной комплекціи—пріобрѣтаютъ точно англійскую болѣзнь. Шутки въ сторону:—языкъ въ философскомъ изслѣдованіи вещь далеко не второстепенная; отъ него зависитъ и удобочитаемость, и вразумительность, и убѣдительность такого труда, который весь основанъ на логическихъ доводахъ; стало-быть, объ языкѣ философъ долженъ особенно заботиться. Этой-то заботливости въ книгѣ г. Мокіевскаго мы, къ сожалѣнію, не видимъ, и отъ этого недостатка страдаетъ наиболѣе самостоятельная часть его труда—критика теорій Шопенгауэра, Гартмана, Дюринга, Сѣлли и пр. Съ другой стороны, хорошее, обстоятельное изложеніе этихъ теорій составляетъ существенное достоинство книги.

Сумцовъ, Н. Ѳ. **Князь В. Ѳ. Одоевскій.** Харьковъ, 1884.

Личность кн. В. Ѳ. Одоевскаго,—писателя чрезвычайно типичнаго и оригинальнаго, произведенія котораго имѣли громадное вліяніе на современниковъ и младшее поколѣніе,—до сихъ поръ остается, къ сожалѣнію, мало оцѣненною историками нашей литературы. Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, кн. Одоевскій былъ однимъ изъ первыхъ представителей того увлеченія философскими идеями, которымъ характеризуется наша общественная мысль 20-хъ и 30-хъ годовъ; въ его произведеніяхъ отразились тѣ думы и запросы жизни, какіе тревожили его современниковъ; мало того: въ поразительно-глубокомъ умѣ этого писателя мелькали многіе идеи и вопросы, о которыхъ въ то время никто не имѣлъ еще помышленія и которымъ только

въ недавнее время стали придавать значеніе въ нашемъ обществѣ. Читая сочиненія кн. Одоевскаго, невольно удивляешься универсальности и обстоятельности его знаній по самымъ разнообразнымъ отраслямъ. Можно положительно сказать, что ни до него, ни послѣ него немного найдется въ Россіи людей, которые обладали-бы такимъ обширнымъ энциклопедизмомъ. Онъ изучилъ многія отрасли естественныхъ наукъ, и зналъ ихъ не только въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ находились въ его время, но и въ историческомъ ихъ развитіи съ древнихъ временъ; о музыкѣ онъ судилъ не какъ дилетантъ, т. е. не объ однихъ эстетическихъ впечатлѣніяхъ и ощущеніяхъ по поводу различныхъ пьесъ, но какъ знатокъ музыки въ ея техническихъ таинствахъ, и опять-таки имѣлъ свѣдѣнія объ историческомъ ходѣ развитія музыкальнаго искусства. Рядомъ съ различными философскими системами древнихъ и новыхъ вѣковъ, рядомъ съ энциклопедистами XVIII вѣка и нѣмецкими идеалистами его времени до Шеллинга включительно,—онъ изучилъ различныя школы политической экономіи, отъ Адама Смита до Фурье. Подобная универсальная образованность, ставившая его цѣлою головою выше современниковъ, невольно приводила его къ такимъ идеямъ и вопросамъ, которые были немыслимы для большинства нашихъ туманныхъ мыслителей 30-хъ годовъ.

Все это дѣлаетъ литературную біографію кн. Одоевскаго въ высшей степени интересною и заставляетъ желать возможно полной характеристики и оцѣнки его личности и дѣятельности. Небольшая книжка г. Сумцова, составленная по печатнымъ источникамъ, не имѣла такой широкой цѣли. Это не болѣе, какъ конспектъ для будущаго біографа кн. Одоевскаго,—конспектъ очень сжатый и отрывочный. Книжка производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ, читая въ разное время статьи самого Одоевскаго и статьи о немъ, дѣлалъ выписки и замѣтки на отдѣльныхъ листкахъ, а затѣмъ, механически соединивъ эти листки въ одну тетрадь, расположилъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Но и такой трудъ относительно кн. Одоевскаго слѣдуетъ признать полезнымъ, и будущій историкъ нашей литературы въ первую половину нынѣшняго столѣтія, конечно, не оставитъ этого труда безъ нѣкотораго вниманія.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Смерть химиковъ Ж. Б. Дюма и Вюрца. Ихъ жизнь, ученыя заслуги и значеніе въ наукѣ.—Сгущеніе „постоянныхъ“ газовъ.—Работы Р. Пикте, Кальете, Врублевскаго и др.—Сгущеніе кислорода, окиси углерода, водорода.—Жидкій и твердый азотъ.—Результаты работъ Пастёра по вопросу о собачьемъ бѣшенствѣ.—Предохраненіе отъ зараженія бѣшенствомъ.—Методъ лѣченія бѣшенства.—Правительственная комисія для провѣрки опытовъ Пастера.—Программа предположенныхъ контрольныхъ опытовъ.—Микробъ желтой лихорадки.

Мѣсяцъ тому назадъ, наука почти одновременно потеряла двухъ изъ наиболѣе выдающихся своихъ представителей, французскихъ химиковъ—*Дюма* и *Вюрца*. Памяти этихъ свѣтилъ науки, занимавшихъ такое почетное мѣсто въ ученомъ мірѣ и такъ могущественно содѣйствовавшихъ прогрессу современнаго знанія, мы и посвящаемъ первыя страницы настоящей хроники.

Ж. Б. Дюма родился въ 1800 году въ городѣ Алѐ (Alais), въ гардскомъ департаментѣ. Въ своей ранней молодости, увлекаемый страстью къ путешествіямъ и приключеніямъ, онъ мечталъ о поступленіи во флотъ; но событія 1815 года заставили родителей направить сына по другой дорогѣ. Дюма поступилъ ученикомъ въ одну изъ аптекъ роднаго города, но пробылъ на этомъ мѣстѣ недолго. Въ виду политическихъ и религіозныхъ волненій, нарушавшихъ покой страны, онъ пѣшкомъ ушелъ въ Женеву, гдѣ пристроился къ одной изъ лучшихъ тамошнихъ аптекъ и съ жаромъ принялся за продолженіе начатыхъ въ Алѐ занятій. Здѣсь же были произведены имъ и первыя научныя работы, обнаружившія его призваніе и обратившія на молодаго химика вниманіе ученыхъ. Занимаясь, между прочимъ, изученіемъ солей сѣрной кислоты, онъ констатировалъ тотъ фактъ, что вода, входящая въ составъ сульфатовъ, находится въ нихъ въ опредѣленномъ химическомъ соединеніи, а не механически примѣшана къ остальнымъ элементамъ. Въ восторгѣ отъ своего открытія, Дюма бѣжитъ къ профессору химіи Деляриву, и сообщаетъ ему о результатахъ своихъ изслѣдованій. Открытіе оказалось не новымъ,—фактъ извѣстенъ былъ уже Берцеліусу,—но тѣмъ не менѣе Деляривъ горячо привѣтствовалъ начинающаго аптекарскаго ученика, въ которомъ прозрѣлъ восходящее свѣтило науки... Вскорѣ затѣмъ Дюма приступилъ къ изслѣдованію только что открытаго тогда элемента, іода, и *приготовилъ изъ* него два препарата, іодовую настойку и іодистый калій.

которые тотчасъ-же нашли себѣ примѣненіе въ медицинѣ. О молодомъ химикѣ заговорили тогда повсюду, имя его то и дѣло стало попадаться въ спеціальныхъ ученыхъ изданіяхъ; заинтересовался имъ, между прочимъ, и великій Гумбольдтъ. Тогда Дюма рѣшилъ перебраться въ Парижъ, куда и прибылъ въ 1822 году и гдѣ не замедлилъ завязать тѣсныя сношенія съ извѣстнымъ въ свое время палеонтологомъ, Ад. Броньяромъ, и зоологомъ Генри Мильнъ-Эдвардсомъ. Первый мемуаръ, представленный имъ въ академію наукъ, обратилъ на него вниманіе Лапласа, который ввелъ его въ свою семью и познакомилъ съ Бертолле, Тенаромъ, Араго, Кювье и другими выдающимися научными дѣятелями. Благодаря стараніямъ Араго, Дюма получилъ сначала мѣсто репетитора при каѳедрѣ химіи въ политехнической школѣ, а затѣмъ, по рекомендаціи Ампера, сдѣлался профессоромъ въ Атенеумѣ.

Къ этой именно эпохѣ его жизни и относится начало его большихъ работъ, закрѣпившихъ за нимъ занятую позицію въ ученомъ мірѣ. Тотчасъ по полученіи каѳедры, онъ приступилъ къ собиранію матеріаловъ для своего громаднаго «Traité de chimie appliquée aux arts», первый томъ котораго появился въ 1828 году. Двумя годами раньше, вскорѣ послѣ женитьбы на дочери Броньяра, онъ опубликовалъ, въ «Annales de chimie et de physique», свои «Aperçus sur quelques points de la théorie atomique", которые упрочили за нимъ славу одного изъ основателей современной химіи. При помощи новыхъ, имъ самимъ выработанныхъ, способовъ и пріемовъ онъ провѣрилъ химическій вѣсъ элементовъ и пришелъ къ тому заключенію, чрезвычайно важному въ научно-философскомъ отношеніи, что такъ называемые химическіе эквиваленты тѣлъ могутъ быть разсматриваемы, какъ результатъ простаго умноженія эквивалента водорода, принятаго за единицу, и что если при опредѣленіи этихъ эквивалентовъ получаются иногда цѣлыя величины, сопровождаемыя дробью, то это обстоятельство должно приписываться неточности и вообще несовершенству метода изслѣдованія. Поясникъ эту основную химическую истину примѣромъ. Если вѣсъ атома водорода (эквивалентъ водорода) равенъ единицѣ, то атомный вѣсъ (эквивалентъ), положимъ, сѣры будетъ: 1.32 = 32, кислорода 1.16=16, углерода 1.12=12, желѣза 1.56=56 и т. д.,—причемъ, очевидно, не могутъ и не должны получаться такія цифры, какъ $32^1/_2$, $16^3/_5$, $56^3/_4$ и т. д. Въ виду такого отношенія элементовъ къ водороду, у Дюма неизбѣжно должно было явиться предположеніе, что всѣ такъ называемыя простыя тѣла представляютъ собою ничто иное, какъ рядъ видоизмѣненій одной и той-же единой матеріи,—рядъ, первымъ членомъ котораго и является водородъ. Читатели, хоть сколько нибудь слѣдившіе за научнымъ движеніемъ послѣднихъ лѣтъ, знаютъ, конечно, до какой степени новѣйшія открытія, напр. сгущеніе «постоянныхъ» газовъ, сдѣлали эту гипотезу Дюма вѣроятною.

Основываясь на своихъ философскихъ обобщеніяхъ, Дюма произвелъ цѣлый

рядъ блестящихъ работъ, результаты которыхъ обогатили химію и открыли передъ этою наукою чрезвычайно широкія перспективы. Прежде всего, вниманіе нашего ученаго обратилось на эфиры и спирты. До того времени былъ извѣстенъ только одинъ винный спиртъ; Дюма-же показалъ, что такими-же свойствами, какъ и этотъ послѣдній, обладаютъ еще и многія другія тѣла, другими словами, что существуетъ цѣлый рядъ спиртовъ. Этимъ-то, вновь открытымъ, *спиртовымъ рядомъ* и была начата длинная серія *органическихъ рядовъ*, играющихъ теперь въ химіи ту-же роль, какъ роды и виды въ царствахъ животномъ и растительномъ... Другимъ, не менѣе серьезнымъ по своимъ послѣдствіямъ, результатомъ изслѣдованій Дюма было открытіе реакцій замѣщенія. Онъ первый доказалъ, что въ органическихъ соединеніяхъ атомы одного элемента могутъ быть замѣщаемы атомами другаго, напр., водородъ хлоромъ. Излишне, полагаемъ, и говорить, что это открытіе должно было послужить исходною точкою для безчисленнаго множества другихъ... Помимо всего вышесказаннаго, имя Дюма тѣсно связано съ рѣшеніемъ всевозможныхъ другихъ химическихъ проблемъ, перечислять которыя мы считаемъ здѣсь неумѣстнымъ; замѣтимъ только, что наиболѣе существенные и крупные вклады въ науку сдѣланы были Дюма еще въ самый первый періодъ его ученой карьеры... Впослѣдствіи онъ получилъ каѳедру химіи сначала въ Сорбоннѣ, а потомъ и въ Collège de France. Его «Philosophie chimique», вышедшая въ эту эпоху изъ подъ его пера, представляетъ собою замѣчательное по своимъ научнымъ и литературнымъ достоинствамъ резюме его лекцій.

Тридцати двухъ лѣтъ Дюма былъ уже членомъ академіи наукъ, въ которой съ 1878 года исполнялъ обязанности постояннаго секретаря. При имперіи онъ былъ избранъ въ депутаты, получилъ затѣмъ портфель министра земледѣлія и наконецъ сталъ сенаторомъ. Политика однако же не отвлекала его отъ научныхъ занятій; такъ, будучи министромъ, онъ не пропустилъ ни одного засѣданія въ медицинской академіи, членомъ которой состоялъ съ 1843 г. Къ концу его жизни передъ нимъ открылись, между прочимъ, и двери французской академіи,—Дюма сталъ однимъ изъ «безсмертныхъ». Но не академія, конечно, дала ему право на безсмертіе, а наука, въ которой онъ оставилъ по себѣ такъ много слѣдовъ и ревностнымъ жрецомъ которой былъ до послѣдняго дня своей жизни. Кто пожелаетъ обстоятельнѣе узнать, чѣмъ былъ Дюма для химіи, тому стоитъ только перелистовать любое руководство по этой наукѣ.

Едва успѣли похоронить Дюма, какъ смерть вырвала новую жертву изъ рядовъ первоклассныхъ французскихъ ученыхъ. 12-го мая скончался знаменитый химикъ Вюрцъ, имя котораго извѣстно, конечно, каждому гимназисту. Смерть застигла его на 67 году отъ рожденія. Въ академіи наукъ онъ былъ далеко не изъ самыхъ старыхъ членовъ, которые, какъ извѣстно, отличаются своею долговѣчностью и среди которыхъ онъ весьма выгодно выдавался своею чрезвы-

чайною живостью и замѣчательно дѣятельнымъ духомъ. По оригинальной физіономіи, выразительнымъ и подвижнымъ чертамъ, по рѣзкой жестикуляціи и провербіальной разсѣянности, всякій счелъ-бы Вюрца за южанина, хотя онъ и родился въ Страсбургѣ (въ 1817 году), гдѣ и получилъ степень доктора. Въ 1845 году онъ явился въ Парижъ и, зарекомендовавъ себя блестящимъ образомъ съ ученой и преподавательской стороны, скоро сдѣлался профессоромъ медицинской химіи въ медицинской школѣ, занявъ двѣ каѳедры, на которыхъ до него подвизались Дюма и Орфилà. Въ 1865 году онъ былъ назначенъ деканомъ медицинскаго факультета и оставался въ этомъ званіи до 1875 года. Около этого времени онъ получилъ орденъ почетнаго легіона, а три года тому назадъ попалъ въ сенатъ, гдѣ постоянно и держался политики лѣваго центра, къ которому принадлежалъ по своимъ убѣжденіямъ и тенденціямъ. Таковъ, вкратцѣ, curriculum vitae одного изъ главнѣйшихъ творцовъ *атомистической теоріи.*

Вюрца мало назвать первокласснымъ химикомъ, работамъ котораго суждено занять видное мѣсто въ лѣтописяхъ знанія; — онъ былъ, кромѣ того, главою, основателемъ новой химической школы, принявшейся за разработку вопроса о строеніи вещества. Изученіе *атома* Вюрцъ сдѣлалъ своею спеціальностью. Взглядъ его на этотъ предметъ обстоятельно изложенъ имъ въ его извѣстной книгѣ—«Théorie atomique», появившейся въ 1879 году. Излагать здѣсь эту теорію мы считаемъ совершенно излишнимъ, полагая, что общее понятіе о ней имѣетъ каждый изъ нашихъ читателей. Скажемъ только, что она играетъ въ современной химіи такую-же громадную роль, какъ теорія Дарвина въ біологіи или законъ Ньютона и Кеплера въ астрономіи.

Изъ печатныхъ произведеній Вюрца, кромѣ только что упомянутой „Théorie atomique“, мы укажемъ еще на слѣдующія: „Traité de chimie médicale“, „Histoire des doctrines chimiques“, „Dictionnaire de chimie pure et appliquée“, не утратившій интереса и значенія и послѣ выхода въ свѣтъ подобнаго-же, но еще болѣе обширнаго труда Фреми („Encyclopedie chimique“) и мн. друг. Изъ публичныхъ рѣчей его особенный фуроръ произвела рѣчь, произнесенная при открытіи одной изъ сессій „французской ассоціаціи для развитія наукъ“ и носившая заглавіе—„Atomes dansla conception du monde“... Въ послѣдніе годы своей жизни Вюрцъ весьма дѣятельно занимался политикой, но это не мѣшало ему со страстью предаваться и научнымъ изысканіямъ. Еще за нѣсколько недѣль до смерти, онъ сообщалъ на конференціи, организованной „химическимъ обществомъ“, о результатахъ своихъ десятилѣтнихъ трудовъ надъ нѣкоторыми органическими соединеніями и, между *прочимъ, представилъ* своимъ слушателямъ цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ *переходныхъ образованій*, полученныхъ изъ открытаго имъ новаго тѣла, *альдоля*

(изъ ряда вторичныхъ спиртовъ). Въ заключеніе скажемъ, что за свои работы по органической химіи Вюрцъ получилъ въ 1865 году премію въ 20,000 фр.

Говоря о научно-философскихъ взглядахъ Дюма, мы мелькомъ упомянули, между прочимъ, о сгущеніи газовъ, какъ о такомъ фактѣ, который можетъ послужить блестящимъ подтвержденіемъ гипотезы объ атомическомъ строеніи вещества и единствѣ матеріи. Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, останавливаться на философской сторонѣ вопроса, мы здѣсь ограничиваемся только сообщеніемъ о новѣйшихъ работахъ въ этомъ направленіи. Сгущеніе такъ называемыхъ «постоянныхъ» газовъ еще представляетъ собою новинку въ наукѣ. Начато оно было Раулемъ Пикте въ Женевѣ, продолжалось Кальете въ лабораторіи парижской нормальной школы, и завершено наконецъ Врублевскимъ, профессоромъ краковскаго университета. Пикте обратилъ въ жидкость одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ газовъ, углекислоту; Кальете, усовершенствовавъ его способъ и прибѣгнувъ къ охлаждающему дѣйствію внезапнаго разрѣженія сдавленныхъ газовъ, получилъ въ 1882 году жидкій кислородъ; Врублевскій-же сгустилъ легчайшій изъ извѣстныхъ газовъ, водородъ. Въ своихъ опытахъ упомянутые химики пользовались для охлажденія и сгущенія однихъ газовъ другими газами, обращенными въ жидкое состояніе. Такъ, Кальете нашелъ средство получать въ большомъ количествѣ жидкій кислородъ, подвергая этотъ газъ давленію, охлажденію, при помощи улетучивающагося жидкаго этилена, и наконецъ внезапному разрѣженію. Къ тому-же жидкому этилену прибѣгали и Отфейль и Шаппюи для достаточнаго охлажденія и послѣдовательнаго сгущенія въ темно-голубую жидкость *озона*, который до того не могъ быть сгущенъ ни жидкою углекислотою, ни жидкою закисью азота. Сильное охлаждающее дѣйствіе сгущеннаго этилена зависитъ, очевидно, отъ его крайней легкости и отъ быстроты, съ которою онъ обращается въ газообразное состояніе, какъ только его освобождаютъ отъ давленія.

Опыты, произведенные при помощи жидкаго этилена, показали, что для обращенія въ жидкое состояніе газовъ, въ особенности легкихъ, необходимо располагать въ достаточномъ количествѣ жидкостями, полученными изъ другихъ газовъ и отличающимися малою плотностью. Но, сплошь и рядомъ, такого пріема оказывается недостаточно, и экспериментаторамъ приходится прибѣгать еще и къ быстрому разрѣженію самого сгущаемаго газа. Всѣ эти способы,—прямое давленіе, охлажденіе при помощи полученной изъ другаго газа жидкости и послѣдовательное разрѣженіе,—были разработаны уже Пикте и Кальете; Врублевскому-же принадлежитъ заслуга усовершенствованія и искуснаго комбинированія ихъ. Этотъ послѣдній ученый приступилъ прежде всего къ сгущенію *азота*, плотность котораго, какъ извѣстно, меньше плотности кислорода. Первыя попытки въ этомъ направленіи оказались неудачны: не смотря на страшное давленіе, достигавшее 150 атмосферъ, и громадное пониженіе температуры до —136° Ц.,

получавшееся при помощи жидкаго кислорода, быстро переходившаго въ газообразное состояніе,—азотъ не сгущался, не обращался въ жидкость. Когда-же къ дѣйствію упомянутаго холода и давленія Врублевскій присоединилъ дѣйствіе моментальнаго разрѣженія, то въ стеклянной трубкѣ, въ которой производился опытъ, происходило нѣчто въ родѣ кипѣнія, ясно указывавшаго на то, что азотъ внезапно обращался въ жидкость и затѣмъ тотчасъ-же снова принималъ газообразный видъ. Повторяя и слегка видоизмѣняя этотъ опытъ, Врублевскій пришелъ къ тому заключенію, что для полученія желаемаго результата давленіе на сгущаемый газъ не должно превосходить извѣстной мѣры. Производя постепенное разрѣженіе сдавленнаго, какъ сказано выше, азота и низводя давленіе съ 150 до 50 атмосферъ, онъ достигъ того, что азотъ вполнѣ обращался въ жидкость, которая, однакоже, весьма быстро исчезала, переходя въ газообразное состояніе. Для того, чтобы жидкость эта,—такая-же безцвѣтная и прозрачная, какъ и жидкій кислородъ, и жидкая углекислота,—оставалась стойкою, очевидно, необходима температура еще болѣе низкая, чѣмъ та, при которой происходитъ ея образованіе (—136° Ц.).

При такихъ-же условіяхъ Врублевскій добился, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сгущенія въ жидкость и *окиси углерода* (угарнаго газа). Мало того, онъ получилъ азотъ даже въ твердомъ видѣ,—и все при помощи того-же жидкаго кислорода, который, улетучиваясь при моментальномъ освобожденіи отъ давленія, доводитъ температуру окружающей среды до поразительно-низкой степени, а именно, понижаетъ ее до *186°* Ц.!.. Подъ вліяніемъ такого холода, азотъ, подвергнутый достаточному давленію и затѣмъ слабому разрѣженію, переходитъ въ твердое состояніе и, подобно снѣгу, падаетъ на дно трубки въ формѣ кристалловъ довольно большаго размѣра. Такимъ-же путемъ Врублевскій, въ февралѣ текущаго года, сгустилъ въ жидкость и водородъ, считавшійся безусловно несгущаемымъ, абсолютно «постояннымъ» газомъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что сгущеніе водорода было произведено еще раньше Врублевскаго. Кальете, подвергая этотъ газъ давленію въ 300 атмосферъ, охлажденію до —29° Ц. и затѣмъ быстрому разрѣженію, получилъ его въ видѣ тумана, указывавшаго на начало сгущенія. Пикте-же, доведя температуру —до 140° Ц., а давленіе до *650* атм. (!) достигъ полнаго обращенія водорода въ жидкость, имѣющую голубой цвѣтъ. При открытіи крана трубки, жидкость эта вырывалась на воздухъ и чрезвычайно быстро испарялась. Пониженіе температуры, происходившее благодаря этому испаренію, оказывалось до такой степени сильнымъ, что не успѣвшая еще обратиться въ газъ часть жидкаго водорода превращалась въ твердое тѣло и, падая въ видѣ дробинокъ на подставленную тарелку, издавала рѣзкій металлическій звукъ. Каковъ водородъ въ этомъ металлическомъ своемъ видѣ, этого опредѣлить было невозможно, такъ какъ онъ моментально-же и исчезалъ. Итакъ, «постоянныхъ»

газовъ нѣтъ. Пророческіе взгляды Дюма оправдались: матерія оказывается единою во всѣхъ своихъ безконечно-разнообразныхъ проявленіяхъ.

Отъ покойныхъ академиковъ перейдемъ къ живому, а именно къ Пастёру, и скажемъ нѣсколько словъ объ его сообщеніи «*о собачьемъ бѣшенствѣ*», прочитанномъ имъ недѣлю тому назадъ въ засѣданіи академіи наукъ (19 мая). Въ одной изъ нашихъ хроникъ за прошлый годъ, мы уже имѣли случай упомянуть о работахъ, предпринятыхъ знаменитымъ экспериментаторомъ по вопросу о бѣшенствѣ. Тогда мы могли сообщить читателю только общія данныя относительно характера этихъ работъ и того метода, по которому онѣ производились; теперь-же мы имѣемъ ихъ конечные результаты, которые и приводимъ здѣсь in extenso. Скажемъ прежде всего, что Пастёру до сихъ поръ не удалось еще открыть спеціальнаго болѣзнетворнаго микроба, въ существованіи котораго онъ однакоже убѣжденъ и уловить котораго не теряетъ надежды. Пока-же, за неимѣніемъ микроба, ему приходилось экспериментировать съ жидкостями и частицами тканей (мозга и т. д), зараженныхъ бѣшенствомъ животныхъ. Эксперименты эти дали слѣдующее:

Если ядъ бѣшенства прививать отъ собаки къ обезьянѣ, а затѣмъ отъ этой обезьяны ко второй, отъ второй къ третьей и т. д., то оказывается, что съ каждою новою прививкою сила яда ослабѣваетъ. Ослабленный такимъ образомъ ядъ сохраняетъ свои смягченныя свойства и при передачѣ его отъ обезьяны собакѣ, кролику, морской свинкѣ и т. д. Смягченіе это, даже и при небольшомъ числѣ послѣдовательныхъ прививокъ отъ обезьяны къ обезьянѣ, обнаруживается весьма рѣзко: введеніе такого яда подъ кожу собаки никогда не вызываетъ бѣшенства у этой послѣдней; даже прививка его путемъ трепанаціи (просверливаніе черепа и затѣмъ инокуляція въ мозгу), которая, при другихъ условіяхъ, всегда, безъ исключенія, даетъ положительный результатъ,—сплошь и рядомъ не вызываетъ, повидимому, никакого заболѣванія, хотя и сообщаетъ привитому животному невоспріимчивость къ яду естественнаго, «уличнаго бѣшенства» (rage des rues). Съ другой стороны, сила обыкновеннаго яда возрастаетъ, если прививка производится отъ зараженной собаки къ кролику или морской свинкѣ и затѣмъ продолжается отъ перваго кролика ко второму, отъ втораго къ третьему и т. д. Путемъ такихъ инокуляцій ядъ мало по малу достигаетъ maximum'а своей силы. Усиленіе это имѣетъ мѣсто по отношенію какъ къ обыкновенному яду «уличнаго бѣшенства», такъ и къ яду, ослабленному организмомъ обезьяны; но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, для достиженія maximum'а ядовитости требуется болѣе или менѣе длинный рядъ послѣдовательныхъ прививокъ. Если инокулировать усиленный такимъ образомъ ядъ отъ кролика (или свинки) собакѣ, то собака заражается и неизбѣжно погибаетъ, что, какъ извѣстно, случается далеко не всегда при зараженіи ядомъ «уличнаго бѣшенства».

Практическая важность этихъ результатовъ очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя

въ своемъ распоряженіи яды различной силы, мы легко можемъ дѣлать собакъ невосприимчивыми къ заразѣ. Объяснимся примѣромъ. Самый сильный ядъ, убивающій кролика, обнаруживаетъ свое дѣйствіе черезъ 7—8 дней; эти дни и составляютъ то, что̀ называется періодомъ инкубаціи. Чѣмъ ядъ сильнѣе, тѣмъ и періодъ этотъ, понятно, короче,—и наоборотъ. Беря слабый ядъ, съ длиннымъ инкубаціоннымъ періодомъ и прививая его кролику, отъ него другому и т. д., мы, какъ уже сказано, будемъ получать все болѣе и болѣе ядовитую матерію. Если эти послѣдовательныя прививки, начиная съ самой слабой, мы будемъ дѣлать въ то же время и собакѣ, то эта послѣдняя, съ каждою такою прививкою, будетъ дѣлаться все менѣе и менѣе воспріимчивою къ заразѣ и, въ концѣ концовъ, на нее не будетъ дѣйствовать и такой ядъ, который, при другихъ условіяхъ, былъ-бы безусловно смертеленъ;—собака такимъ образомъ окажется вполнѣ гарантированною отъ зараженія ядомъ «уличнаго бѣшенства»... Благодаря длинному ряду опытовъ Пастёра, фактъ этотъ стоитъ теперь внѣ всякихъ сомнѣній. Слѣдовательно, способъ предохраненія собакъ отъ зараженія найденъ...

Мало того, Пастёръ подаетъ намъ надежду на то, что путемъ инокуляціи ослабленнаго яда можно будетъ предовращать развитіе бѣшенства отъ укусовъ бѣшеными собаками. «Первыя попытки мои въ этомъ направленіи увѣнчались блестящимъ успѣхомъ,—говоритъ онъ по этому поводу въ своемъ докладѣ академіи.—Въ виду продолжительности инкубаціоннаго періода болѣзни, развивающейся вслѣдствіе укусовъ, я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что путемъ прививки можно привести укушеннаго субъекта въ состояніе невосприимчивости, прежде чѣмъ разовьется смертельная болѣзнь. Сдѣланные уже опыты вполнѣ оправдываютъ эту увѣренность; но потребуется, конечно, чрезвычайно большое число контрольныхъ экспериментовъ, прежде чѣмъ терапія рѣшится примѣнить такой методъ къ человѣку»... *) Въ заключеніе своего доклада, Пастёръ сообщилъ, что нѣсколько времени тому назадъ онъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія, Фальеру, съ просьбой назначить спеціальную комисію, которая-бы проконтролиро-

*) Признаться, мы несовсѣмъ понимаемъ послѣднюю оговорку Пастера. Крайняя осторожность и осмотрительность въ примѣненіи того или другаго метода лѣченія, конечно, обязательны для терапевта, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ. Но, спрашивается, умѣстны-ли онѣ въ данномъ случаѣ?.. Нужно-ли, дѣйствительно, ждать завершенія безконечно-длиннаго ряда контрольныхъ опытовъ, чтобы примѣнять, съ терапевтическою цѣлью, прививку культивированнаго яда бѣшенства укушенному человѣку?.. Вѣдь практика показываетъ, что укусъ бѣшеной собаки почти всегда влечетъ за собою гибель жертвы. А если такъ, то чѣмъ-же мы рискуемъ при инокуляціи?.. Единственно только тѣмъ, что инокуляція эта можетъ и не спасти больнаго, который, повторяемъ, все равно вѣдь обреченъ почти на вѣрную смерть... А между тѣмъ, у насъ имѣются эксперименты, говорящіе въ пользу разумности и цѣлесообразности прививки... Такъ *не обязательно-ли* въ такомъ случаѣ практиковать эту прививку теперь-же, разъ она *даетъ хоть какіе* нибудь шансы на успѣхъ?\..

ала полученные имъ результаты. По послѣднимъ извѣстіямъ, комисія эта уже азначена, въ составъ ея войдутъ: постоянный секретарь медицинской академіи, октуръ *Бекларъ*; члены института: *Поль Беръ*, *Булей*, докторъ *Вульпіанъ*; ленъ медицинской академіи, докторъ *Виллеменъ*, и государственный совѣтникъ *Тиссеранъ*. Передъ этою комисіею Пастёръ намѣревается продѣлать лѣдующіе опыты. Будетъ взято 40 собакъ; 20 изъ нихъ будутъ инокулированы сдѣланы такимъ образомъ невоспріимчивыми къ заразѣ: остальные два десятка станутся непривитыми; затѣмъ, всѣ 40 будутъ подвергнуты укусамъ бѣшеныхъ обакъ. «Если сообщенные мною факты вѣрны,—замѣтилъ Пастёръ,—то двадцать невоспріимчивыхъ, по моему убѣжденію, собакъ останутся цѣлы и невредимы, въ то время, какъ всѣ «контрольныя» собаки заразятся бѣшенствомъ. Далѣе, а сцену выступитъ новая серія собакъ, состоящая тоже изъ 40 головъ; двадцать изъ нихъ будутъ привиты на глазахъ комисіи; затѣмъ, всѣмъ 40 собакамъ, путемъ трепанаціи, будетъ привитъ ядъ «уличнаго бѣшенства». Двадцать вакцинированныхъ собакъ должны будутъ при этомъ избѣгнуть зараженія; двадцать-же непривитыхъ, всѣ до одной, погибнутъ отъ бѣшенства, буйнаго или паралитическаго»... Въ свое время мы сообщимъ читателю о конечныхъ результатахъ этихъ контрольныхъ экспериментовъ...

«Jornal do Commercio», въ Ріо-Жанейро, сообщаетъ, что мѣстный докторъ Фрейръ, слѣдуя пастёровскому методу культивировки животныхъ ядовъ, открылъ *микроба желтой лихорадки* и что привитіе его въ кровь человѣку, будто-бы, вполнѣ предохраняетъ послѣдняго отъ страшной болѣзни. Упомянутая газета прибавляетъ, что 225 лицъ, рѣшившихся подвергнуться эксперименту, всѣ безъ исключенія остались невредимы во время сильной эпидеміи желтой лихорадки, свирѣпствовавшей въ 1883 году въ Бразиліи...

И. Д.

СОДЕРЖАНІЕ № 6-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

I. Въ Алуштѣ. (Крымскія акварели). Д. И. Стахѣева 1
II. Передъ выборами мировыхъ судей въ Петербургѣ. (Окончаніе) Е. П. Карновича 14
III. Англія и Ирландія. Статья Джемса Брайса. 28
IV. Въ тиражъ погашенія. Разсказъ И. А. Борисова 60
V. Утѣха жизни. Романъ Э. Золя. (Окончаніе). 100
VI. Въ борьбѣ. Стихотвореніе А. В. Круглова. 192
VII. Картины петербургскихъ нравовъ. II. Семейныя драмы. В. О. Михневича 193
VIII. Несчастный. Стихотвореніе Ив. Якунина. 215
IX. По Италіи. Д. Л. Мордовцева. 216
X. Уйди туда... Стихотвореніе Н. Познякова. 240
XI. Мать. Разсказъ. Ф. Мэрріетъ 241

Современное обозрѣніе.

XII. Заграничныя письма. И. Денисова. 1
XIII. Наши внутреннія дѣла 18
XIV. Политическая хроника 40
XV. Новыя книги 57
XVI. Научная хроника 67

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

ВЪ 1884 ГОДУ.

(шестнадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1884-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

Въ прошломъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участіе своими трудами: гг. *Акатовъ*, *А. И. Анастасіевъ*, *В. Фонъ-Боль*, *Л. П. Весинъ*, *А. С. Виреніусъ*, *д-ръ Ивинъ*, *Е. П. Карновичъ*, *баронъ Н. А. Корфъ*, *Г. Т. Михайловскій*, *Л. К. Поповъ* и друг.

Въ распоряженіи редакціи имѣется много новыхъ матеріаловъ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1884 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», Коварской переулокъ, д. № 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1878—79—82 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 13½ руб. за три года, **по 9 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1884 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 13 руб.

За 1880, 1881 и 1883 гг. журналъ выписывается по номинальной стоимости.

Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо сообщать *старую печатную бандероль* или же нумеръ билета, и при каждомъ заявленіи прилагать три семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ востребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и посылками*, т. е. съ *доставленіемъ* ихъ въ Главную Контору журнала. 7) Въ лѣтніе мѣсяцы, за отсутствіемъ редактора, для личныхъ объясненій, редакція проситъ обращаться къ секретарю. Контора открыта ежедневно отъ 10 до 4 часовъ, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только два раза въ мѣсяцъ:* **5 и 20 числа, отъ 12 до 2-хъ часовъ.** *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Stanford University Libraries
3 6105 004 943 788
AP
50
N33
v.3
no.6
1884

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D APR 28 1994
JUN 1994